В. И. Гуляев

НА ВОСТОЧНЫХ РУБЕЖАХ СКИФИИ (ДРЕВНОСТИ ДОНСКИХ СКИФОВ)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

В. И. Гуляев

На восточных рубежах Скифии
(древности донских скифов)

ИА РАН

Москва 2010

УДК 902/903
ББК 63.4
Г94

Работа выполнена при поддержке гранта по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»
Проект «Древности скифской эпохи Лесостепного Подонья»

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Рецензенты:
д.и.н. М.В. Добровольская
к.и.н. А.С. Смирнов

Гуляев В.И. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). – М.: ИА РАН, 2010. – 344 с. ил.
Г94
ISBN 978-5-94375-091-5

Эта книга посвящена скифам – многочисленному и воинственному кочевому народу, пришедшему в Северное Причерноморье в VII в. до н.э. откуда-то «из глубин Азии» и ставшему здесь господствующей силой на целых четыре столетия.

При этом автор уделяет основное внимание северо-восточной окраине Скифии – древностям Среднего Дона, до сих пор еще недостаточно освещенным в отечественной историографии.

Книга представляет интерес для специалистов по археологии, древней истории, искусству, антропологии и палеоэкологии, для преподавателей и студентов вузов.

УДК 902/903
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-091-5

© Учреждение Российской академии наук
Институт археологии РАН, 2010 г.
© В.И. Гуляев, 2010 г.

Светлой памяти
Петра Дмитриевича Либерова
посвящаю

Вместо предисловия

«Мы – те, об ком шептали в старину,
С невольной дрожью, эллинские мифы:
Народ, взлюбивший буйство и войну,
Сыны Геракла и Эхидны – скифы»
Валерий Брюсов, 1916.

Эта книга о скифах – многочисленном и воинственном кочевом народе, пришедшем откуда-то «из глубин Азии» в Северное Причерноморье в VII веке до н.э. и ставшем господствующей силой в этом стратегически важном регионе древнего мира на целых четыре столетия. В то же время – это история скифской археологии, а точнее археологии современных Украины и юга России I тысячелетия до н.э.; поскольку археологические находки – главный наш источник и по истории скифов и по истории многих других народов Восточной Европы, обитавших тогда в Северном Причерноморье – предков славян, фракийцев, балтов, угро-финнов и др.

Однако, было бы несправедливым не упомянуть здесь и о роли других наук в изучении прошлого скифов. «Антропология, – писал известный немецкий историк Курт Вальтер Керам, – это наука о людях. Археология – это наука о том, что оставил после себя человек». И в данных словах нет ни грана преувеличения. Если археолог имеет дело с реальными, но «молчаливыми» предметами, дошедшими до нас из глубин веков, то антропологи изучают останки тех самых людей, которые и создали когда-то эти самые предметы. Благодаря достижениям современных естественных наук, антропологи по костям даже нескольких скелетов определяют теперь как питались, чем болели, какие испытывали физические и нервные нагрузки люди, жившие тысячи лет назад. Столь же весомый вклад в реконструкцию природно-климатических условий разных эпох и хозяйственной деятельности давно исчезнувших человеческих обществ вносят палеозоологи, палеоботаники, палеогеографы и др.

Наконец, нельзя не сказать и о важном значении письменных источников в освещении истории скифов. «Очень жаль, – пишет Т.Т. Райс (США), – что скифы не имели алфавита и своей письменности... Поэтому первоначальная информация о них ограничена выводами, которые можно сделать при раскопках их могил, а за основными историческими фактами нам приходится обращаться к немногочисленным и случайным упоминаниям о них в письменных исторических документах их более цивилизованных современников – китайцев, ассирийцев, греков и т.д. ...»[1].

Надо сказать, что эти свидетельства соседей скифов, не раз испытывавших на себе буйный нрав воинственных кочевников, зачастую страдают пристрастностью и необъективностью. Правда, есть и одно приятное исключение. Древнегреческий историк Геродот, живший в V в. до н.э., посвятил Скифии целый том (четвертый) своей фундаментальной девятитомной «Истории». Он не только пользовался при этом сведениями других информаторов – греческих и скифских, но и лично посетил Северное Причерноморье в районе Днепро-Бугского лимана и эллинского города Ольвии.

Сведения Геродота до сих пор составляют главную основу для воссоздания исторической картины Скифии в середине I тыс. до н.э.

Скифская эпоха (время с VII по III вв. до н.э.) – одна из наиболее ярких страниц в истории племен и народов Восточной Европы, обитавших на территории Северного Причерноморья, от Дуная на западе до Дона на Востоке. Именно тогда здесь появилось первое военно-политическое объединение государственного типа. Главную роль играли в нем скифы – кочевые и полукочевые ираноязычные племена, пришедшие в благодатные причерноморские степи не позднее VII в. до н.э. «из глубин Азии». Так пишет Геродот. Однако, при этом следует помнить, что для всех авторов античной эпохи границей между Европой и Азией служила река Дон (древнегреческий Танаис) и Керченский пролив (Боспор Киммерийский), тогда как в действительности азиатский континент начинался почти на 1500 км восточнее. Поэтому вопрос о точном местонахождении прародины скифов в «азиатских пределах» остается предметом оживленных дебатов в кругах ученых. Называют самые разные, в том числе весьма отдаленные регионы: от Тувы, Северной Монголии, Алтая и Казахстана – до заволжских и южноуральских степей. В I тысячелетии до н.э. там в степном (а, частично, и в лесостепном) поясе обитали родственные кочевые племена, говорившие на различных диалектах древнеиранского языка.

Внезапно появившись на исторической арене Евразии в VII в. до н.э., эти воинственные номады захватили степные и лесостепные области Северного Причерноморья, подчинив себе или вытеснив местное население. Победоносная скифская конница прошла через горы Кавказа, разгромила ряд древних государств Закавказья и Передней Азии и угрожала даже далекому Египту.

Непобедимый на протяжении почти четырех столетий, этот могучий и многочисленный народ внезапно исчезает, оставив после себя лишь легенды о своей храбрости и жестокости, да бесчисленные курганы с могилами рядовых воинов, знати и царей.

К сожалению, несмотря на почти двухвековые археологические исследования мы пока не можем дать ответ даже на основные вопросы прошлого скифов. Во многом остается загадкой происхождение скифской культуры. До сих пор ведутся ожесточенные споры по поводу того, каков был общий уровень развития этого народа, было ли создано скифское государство, а если да, то когда именно это произошло? Наконец, нет четкого ответа и на вопрос о причинах внезапной гибели Скифии в начале III в. до н.э. Таким образом, прошлое скифов и по сей день представляет собой сплошную загадку. Но это отнюдь не уменьшает той громадной роли, которую сыграли скифы в истории древней Европы. «Скифы, этот азиатский по происхождению, но ставший европейским народ, – пишет известный российский археолог А.Ю. Алексеев, – оказывал на протяжении нескольких столетий значительное воздействие на культуру и историю своих близких и дальних соседей. Они оказались первыми в длинной цепочке известных нам кочевых племен, которые с периодичностью в 200–400 лет накатывались волнами по Великому степному коридору в Европу (последней такой волной были монголы в XIII в.). Тем не менее, культура скифов не имеет, пожалуй, равных себе среди степных культур по произведенному ею резонансу»[2].

Почти одновременно с появлением скифов в этом регионе там возникают один за другим греческие города-колонии по северному побережью Черного и Азовского морей. И между миром эллинов и миром «варваров» вскоре установились самые тесные торгово-экономические и культурные связи. Тем самым, благодаря скифам, Восточная Европа с конца VII–VI вв. до н.э. была включена в сферу воздействия передовой античной цивилизации.

Да, скифы действительно были тесно связаны с эллинским миром. Однако свой след в истории они оставили не только потому, что были посредниками в распространении достижений высокой греческой культуры в самые отдаленные области Евразии. Они и сами создали вполне самобытную и яркую цивилизацию, влияние кото-

рой ощущали на себе как ближние, так и дальние соседи, от Центральной Европы на западе до Приуралья и Средней Азии на востоке. Для скифской культуры характерны три важнейших черты: передовые для того времени виды вооружения, самые совершенные формы конского снаряжения и, наконец, оригинальный стиль искусства (так называемый «звериный стиль»). При прямом содействии скифов в течение многих веков успешно функционировали торговые пути, связывавшие Северное Причерноморье с Приуральем, Кавказом, Средней Азией. По словам Геродота, к подножью Уральских гор регулярно ходили (видимо, за золотом) караваны скифских купцов, которые пользовались услугами переводчиков на семи языках. Огромно воздействие скифов на развитие культуры племен и народов Кавказа, Подунавья и Балкан. Но если взглянуть непредвзято на роль скифов и Скифии на судьбы древней Европы в целом и на происхождение древнеевропейской цивилизации, то и здесь можно найти немало интересного. «Без особого преувеличения можно сказать, – пишет известный отечественный археолог А.П. Смирнов, – что в истории цивилизации следующее место за греками и римлянами занимают скифы и кельты. Эти народы определили расцвет варварской Европы и наложили отпечаток на ее дальнейшее развитие»[3].

И еще один принципиально важный момент. На протяжении VI–IV вв. до н.э. шла борьба «не на жизнь, а на смерть» между деспотичным Востоком в лице гигантской Персидской империи Ахеменидов и просвещенным Западом в лице Эллады. Борьба эта шла с переменным успехом. Во всяком случае, все греческие города Малой Азии были покорены персами и привнесли немалый свой военный и интеллектуальный потенциал в могущество Великой Персии. Затем персами был захвачен плацдарм и на европейской части Боспора (пролив Босфор). Из школьных учебников мы знаем о разрозненности эллинских государств перед лицом централизованной персидской монархии и о том, что не пустили «азиатские орды» в сердце материковой Греции 300 спартанцев во главе с царем Леонидом. Знаем мы и о знаменитой морской битве при Саламине (480 г. до н.э.), где мощный финикийско-персидский флот был наголову разбит легкими греческими триерами Перикла. Но никто из современных европейцев не знает и не учитывает того гигантского вклада, который внесли скифы (сами будучи, как и персы, иранцами по языку и культуре) в общий успех греческого (считай, европейского) дела в вековом противостоянии с Азией (т.е. Персией Ахеменидов). В 30-х годах VI в. до н.э. персы решили «замирить» союзников и соседей скифов – саков и массагетов, живших на территории современных Узбекистана и Казахстана, между Каспием, Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей. Северные границы Персии прямо сошлись тогда с владениями этих вольнолюбивых ираноязычных кочевников. Персидский царь Кир с огромной армией вступил в пределы владений массагетов, которыми правила царица Томирис, и, после первых успехов, потерпел сокрушительное поражение и погиб.

В конце VI в. до н.э. другой персидский монарх – царь Дарий I Гистасп, прекрасно понимая роль Северного Причерноморья в обеспечении Эллады сырьем и продуктами, вознамерился покорить скифов и тем самым отрезать греков от баз снабжения накануне решающего столкновения с жителями Пелопонесского полуострова. 512 г. до н.э., 600-тысячная армия персов со своего европейского плацдарма переходит через Дунай и вторгается в скифские владения. Итог этой авантюры мы знаем из подробного рассказа «отца истории» Геродота. Дарий был разбит скифской конницей и лишь чудом спасся от смерти. Таким образом, Скифия и греческие города-колонии не только продолжали снабжать Элладу зерном, рыбой, кожами, медом и многими другими необходимыми для эллинов ресурсами, но и остановили экспансию Персии на Балканах и Подунавье в конце VI в. до н.э.

Можно, конечно, гадать – каков бы был исход противостояния Европы и Азии, не будь «скифского фактора». Однако, на мой взгляд, без поддержки Северного Причерноморья Эллада вряд ли устояла бы перед натиском гигантской Персидской державы. И тогда весь ход мировой истории выглядел бы совсем иначе: не было бы свобод-

ной и просвещенной Эллады; без нее не появился бы на свет могущественный Рим; а без римского влияния не было бы и христианской средневековой Европы, давшей жизнь нашей современной цивилизации.

Скифы занимали особое место среди многих племен и народов, обитавших когда-то на территории России. К их истории и к их образу жизни неоднократно обращались не только археологи и историки, но и отечественные поэты, писатели, художники. В поэтическом воображении многих из них скифы оказывались то нашими прямыми предками, то их заклятыми врагами. «Да, скифы мы, да азиаты мы с раскосыми и жадными очами...», – писал когда-то Александр Блок. Но этот поэтический образ отнюдь не соответствует действительности. Судя по антропологическим материалам и изображениям на произведениях эллинского искусства, никаких раскосых глаз и прочих монголоидных черт скифы не имели. Они – типичные европеоиды. По языку они принадлежали к североиранской группе. Из ныне существующих народов ближе всего к ним по языку стоят осетины – потомки сарматов, ближайших родственников скифов.

Скифы – наиболее яркие представители евразийских кочевников. Поэтому все стороны их жизни носят отчетливый отпечаток кочевого образа жизни. Главным занятием населения степной Скифии было кочевое скотоводство. Как сообщает Геродот, скифы «не основывают ни городов, ни укреплений, но все они, будучи конными стрелками, возят свои дома с собой, получая пропитание не от плуга, а от разведения домашнего скота». Кочевое скотоводство основывалось на разведении и круглогодичном содержании под открытым небом стадных копытных (лошадей, овец, коз, реже – крупного рогатого скота). Лишь с середины V в. до н.э. в степном Приднепровье появляется новая форма хозяйства – полукочевое скотоводство с зачатками земледелия, предполагающее зимнее содержание скота в загонах с подкормкой его твердыми кормами. Для употребления в пищу и подкормки скота скифы выращивали такие неприхотливые и засухоустойчивые зерновые культуры, как просо, ячмень и полба (пшеница-двузернянка). Тот же набор сельскохозяйственных растений преобладал и у обитателей городищ лесостепной Скифии.

Лошадь была главным видом домашнего скота у кочевых скифов. Кочевник большую часть жизни проводил в седле. Обладание табунами лошадей – важнейшее условие зажиточной жизни номада. Но лошадь была для скифа не только средством передвижения. Конина составляла основу мясной пищи. Кобылиц доили, и из их молока делали различные молочные продукты – от сыра до кумыса. Еще великий Гомер называл кочевников Северного Причерноморья «млекоедами» и «доителями кобылиц».

Особо важную роль играла лошадь в военном деле. Каждый взрослый скиф был конным воином. Именно массовое применение конницы в переднеазиатских походах позволила скифам сокрушить многие могущественные восточные государства, а в конце VI в. до н.э. победить огромную армию персидского царя Дария I Гистаспа.

Значительного развития достигли у скифов и различные ремесла. Все важнейшие орудия труда и все виды наступательного оружия (кроме наконечников стрел из бронзы) изготовлялись из железа. При этом скифские мастера не только умели получать железо из руды и выковывать из него необходимые предметы, но и придавали им определенные свойства – путем большего или меньшего науглероживания железа, цементации, различных способов закалки, наваривания лезвия мечей, кинжалов, ножей и др.

Особенности кочевого хозяйства влияли не только на бытовую сторону жизни скифов, но и воспитывали у них особый характер степняка. «Постоянная готовность к защите своего главного богатства – скота от хищных зверей и не менее хищных соседей, – отмечает С.А. Плетнева, – формировали уже с детства из каждого мужчины стойкого воина и прекрасного наездника. Не удивительно, что эти выросшие в буквальном смысле на коне и как бы слившиеся с ним люди, легко превращались

из мирных пастухов в дисциплинированное, мобильное и грозное войско. Кочевники потенциально и в реальности всегда несли опасность для соседних оседлых земледельческих народов».

Итак, скифы появились на исторической арене в самом начале VII в. до н.э., как раз почти в то время, когда произошли два события, которые сыграли огромную роль во всей мировой истории.

Первым было освоение и широкое распространение железа в качестве основного материала для изготовления орудий труда и оружия. Предшественники скифов (в том числе, частично, и киммерийцы) пользовались еще бронзовыми инструментами и предметами вооружения. Хотя железо стало применяться в некоторых регионах земного шара еще в середине II тысячелетия до н.э., всеобщее распространение оно получило лишь в начале I тысячелетия до н.э. Овладение металлургией железа и использование железных орудий дали мощный стимул многим отраслям человеческой деятельности, так как железные орудия (и оружие) намного эффективнее бронзовых. Значительно расширились возможности земледелия, резко возрос удельный вес ремесла, оснащенного новыми инструментами, колоссальный импульс получило развитие военного дела.

У скифов все важнейшие орудия труда, все вооружение (кроме наконечников стрел) и вся конская сбруя (удила и псалии с VI в. до н.э.) изготовлялись из железа.[4]

Вторым важнейшим событием, с которым связано появление скифов в восточноевропейских степях, явилось возникновение кочевого скотоводства. Эта форма хозяйства развилась из пастушеского скотоводства и отличалась рядом специфических черт. Для кочевников, или номадов характерны прежде всего разведение скота как основной или даже единственный род деятельности, круглогодичное внестойловое содержание скота на подножном корму, регулярные сезонные перекочевки, в которых участвуют все члены общины или семейной группы, отсутствие постоянных поселений, натуральное хозяйство, почти полностью обеспечивающее себя продуктами питания, одеждой, материалом для жилищ. Подсобным способом добывания средств к существованию для кочевников обычно являлась охота. Конечно, кочевники не могли полностью обходиться без продуктов земледелия, без сложных изделий ремесленного труда. Обычно номады приобретали эти необходимые для них продукты и вещи у соседних оседлых племен и народов через торговый обмен, иногда в виде дани, а нередко и с помощью прямого насилия и грабежа. Развитие номадизма предполагает наличие контактов между кочевым и оседлым населением, нередко в форме политического господства номадов над земледельческими районами. Господствовавшие в скифском обществе кочевники, прежде всего, «скифы царские», также подчинили себе земледельческие племена Скифии, нескифское население Лесостепи и, кроме того, осуществляли постоянные торговые, политические и культурные связи с греческими городами Северного Причерноморья.[5]

Необходимой предпосылкой развития кочевничества является географическая среда, способствующая выработке определенного хозяйственного уклада. Обширные безлесные пространства юга Восточной Европы и прилегающих районов Средней Азии и Казахстана как нельзя лучше подходили для ведения хозяйства номадов. Покрытые степной растительностью, достаточной для прокорма огромных табунов и отар, но малопригодные для земледелия, эти необозримые пространства стали естественной ареной для дальних перекочевок и на целые тысячелетия (практически, до XIX в. н.э. включительно) стали основной зоной степного кочевого скотоводства. Скифы были лишь первыми, но отнюдь не последними номадами восточноевропейских степей. После них в тех же местах кочевали со своими стадами сарматы, аланы, гунны, авары, хазары, печенеги и половцы.

Нам довольно хорошо известен внешний облик скифов-кочевников. Они этнографически точно изображены эллинскими мастерами на драгоценных изделиях, которые неоднократно находили археологи в курганах высшей скифской знати. Немало

дают в этом плане и антропологические реконструкции по костным остаткам (прежде всего, черепам) реальных скифов из могил и захоронений VII–III вв. до н.э. К сожалению, их реконструкций пока сделано немного. Можно назвать в качестве примера портреты позднескифских царей Палака и Скилура (II в. до н.э.), созданные выдающимся российским антропологом М.М. Герасимовым. Его ученики (Г.В. Лебединская, Т.С. Балуева и др.) также осуществили целый ряд работ в этом направлении (скульптурный портрет скифского воина IV в. до н.э. и графические портреты скифов и скифянок того же времени – из курганов Среднего Дона).

Скифы были людьми среднего роста и крепкого телосложения. Как видно из антропологических материалов, никаких раскосых глаз и других монголоидных черт у скифов не было. Скифы – типичные европеоиды.

Скифы носили длинные волосы, усы и бороду, одевались в кожаную, льняную, шерстяную или меховую одежду. Мужской костюм состоял из длинных узких штанов, заправленных в сапоги или носившихся навыпуск, куртки или кафтана, подпоясанного кожаным поясом. Этот костюм дополнялся невысокими мягкими сапогами и войлочным башлыком. Женская одежда известна нам гораздо хуже. В целом, она состояла из длинного платья и верхней накидки. Одежду скифов украшал орнамент в виде вышитых цветными нитками узоров. Скифы украшали себя бусами, браслетами, серьгами, височными подвесками, нагрудными медальонами, гривнами (шейное украшение из золота или серебра) и ожерельями. Однако, внешняя благостность скифских портретов и изображений в эллинском искусстве не должна вводить нас в заблуждение. Из сообщений их более цивилизованных современников – ассирийцев, творцов Библии (иудеев), греков и римлян – известно, что это был необузданный и жестокий народ, получавший удовольствие от войны, грабежей и снятия скальпов с поверженных врагов. Не раз их отвага в бою, неукротимая жажда победы вызывали восхищение и страх даже у жителей могущественных держав Востока – Ассирии, Мидии, Урарту, Вавилона и Египта. И совсем не случайно, что уже первый выход скифов на историческую арену в VII в. до н.э. был связан как раз с их опустошительным нашествием на очаги древних цивилизаций Закавказья и Передней Азии.

Четыре столетия длилось господство скифов в Северном Причерноморье. Но к концу IV в. до н.э. Скифия вступила в полосу серьезного кризиса и упадка. На западе сильнейший удар нанесла ей набирающая силу Македония во главе с царем Филиппом II. С востока все ближе к скифским границам по Дону-Танаису приближались конные орды сарматов. Большинство ученых считает, что именно сарматы стали главной причиной утраты скифами их прежнего господства в Восточной Европе. Однако, здесь пока не удается устранить одно серьезное противоречие хронологического порядка: гибель Скифии как единого большого государства происходит на рубеже IV–III или в самом начале III вв. до н.э., а массовое распространение сарматских курганов на территории Северного Причерноморья наблюдается не ранее II в. до н.э. Налицо временной разрыв, хиатус, в целое столетие! Тем не менее, именно в отмеченное выше время Великая Скифия навсегда сходит с исторической арены. Замирает жизнь на скифских городищах и поселениях, не возводятся более не только грандиозные «царские» усыпальницы, но и курганы рядовых воинов-общинников.

Таким образом, точного объяснения причин столь грандиозной катастрофы не существует в науке до сих пор. Скифия погибла. Правда, сами скифы, как этнос, как народ, пока еще не исчезают. Они еще несколько столетий контролируют Нижнее Приднепровье, Крым и Добруджу («Малая Скифия» на Дунае), создав там небольшие, но вполне дееспособные государства. Окончательно смели скифов с лица земли нашествия полчищ готов (III в. н.э.) с запада и гуннов (IV в. н.э.) с востока.[6]

Проблемы скифской археологии и истории всегда находились в центре внимания отечественной науки. Однако, с распадом СССР большая часть всемирно известных археологических памятников, связанных со скифами Северного Причерноморья, осталась в пределах суверенной Украины. В России же древности европейских

(т.е. живших между Дунаем и Доном) скифов есть лишь в Подонье, Ставропольском и Краснодарском краях. Но в Северокавказском регионе и Прикубанье встречаются лишь самые ранние скифские памятники середины VII – середины VI вв. до н.э. Следовательно, для последующих, самых ярких веков (V–IV вв. до н.э.) скифской истории на российской земле остаются лишь древности Среднего и Нижнего Дона: то есть Ростовская, Белгородская, Воронежская и, частично, Липецкая области.

Средний и Нижний Дон служили восточной окраиной, границей Великой Скифии, но это отнюдь не значит, что они были захудалыми задворками скифского государства. Именно по этой территории проходили важнейшие торговые пути древности включая знаменитый «Северо-Восточный путь» из Ольвии на Урал описанный Геродотом. Здесь пролегали и маршруты всех больших и малых миграций кочевых орд с востока на запад. Именно здесь происходило общение (торговые, культурные и политические контакты) и столкновение интересов (включая военные конфликты) самых различных этнических групп и племен.

Предлагаемая вниманию читателей книга и посвящена как раз одному из названных регионов Подонья – Среднему Дону. Это объясняется двумя вескими причинами. Объективная причина состоит в том, что данный регион необычайно богат древностями скифской эпохи V–IV вв. до н.э. (курганы, городища, селища), которые активно изучаются российскими археологами вот уже более ста лет и, особенно интенсивно, в последние десятилетия. Между тем, этот новый, огромный по объему материал почти не известен не только широкому кругу читателей, но и многим профессиональным ученым. Субъективный фактор – научные интересы автора. Я занимаюсь среднедонской археологией практически около полувека, с начала 60-х годов и прошел здесь долгий путь в профессиональную археологию от рядового лаборанта до начальника крупной Донской комплексной, археологической экспедиции.

Благодатные земли Среднего Дона издавна манили к себе человека. Здесь на крутом донском берегу и на склонах окрестных балок и оврагов, под напластованиями лёссовых пород, находится скопление древнейших стоянок охотников и собирателей Восточной Европы (верхний палеолит, мезолит) – Костёнки. Позднее здесь обосновались племена эпох неолита и бронзы, остатки скромной культуры которых в виде обломков грубой керамики и кремневых отщепов встречаются на многих речных мысах и холмах, не затопляемых водой во время весенних паводков. А затем наступает железный век – эра господства железных орудий труда и оружия, время появления в степях Евразии огромных кочевых орд, время жестоких и опустошительных войн, время основания на северных берегах Черного и Азовского морей первых греческих городов-колоний. Именно тогда приходят на Средний Дон и воинственные кочевники-скифы.

С тех пор, освещенные ярким светом античной письменной традиции, как сами скифы, так и их нескифские соседи, становятся непременными участниками всех важнейших исторических событий, происходивших на обширных территориях Евразии в VII–III веках до н.э.

Историко-географический термин «Регион Среднего Дона» в территориальном смысле включает ряд современных административных делений Центральной и Южной России: Воронежская и Белгородская области – целиком, а Ростовская, Волгоградская и Липецкая области – частично.

Центральное положение р. Дон в системе трех крупнейших (наряду с Волгой и Днепром) рек Восточно-Европейской равнины, пересекающих ее с севера на юг, а также природно-географические условия лесостепи и степи во многих отношениях определяют его специфическую роль не только в археологии Восточной Европы, но и в археологии Евразии в целом. По своим экологическим условиям Средний Дон относится к лесостепной и степной зонам. Эта территория – обширная холмистая равнина, покрытая в ряде мест довольно густыми широколиственными лесами и орошаемая многочисленными реками и ручьями. Эти особенности местного рельефа,

равнинный характер и развитая речная система, – открывали сравнительно легкий доступ к природным ресурсам региона.

В целом, экологический потенциал лесостепи был значительно выше, нежели в соседних природно-географических зонах – лесной и степной. Не удивительно поэтому, что данная территория весьма интенсивно эксплуатировалась в прошлом различными этническими группами и племенами.[7]

Как уже отмечалось выше, Дон (Танаис) античные географы считали границей между Европой и Азией. В знаменитой трагедии Эсхила (526–456 гг. до н.э.) «Прикованный Прометей» главный герой говорит, обращаясь к красавице Ио: «Переплыв Меотиду (т.е. Азовское море – *В.Г.*), ты покинешь европейскую землю и вступишь на азиатский материк». На Дону находился перекресток важнейших торговых путей того времени: из Причерноморья на Урал и Алтай, из северных лесных областей на юг, из Причерноморских и Приазовских степей на Кавказ. Здесь шла мирная торговля, велись военные столкновения, пролегали пути миграций.

Все упомянутое выше придает региону Среднего Дона особую значимость в глазах историков и археологов, занимающихся скифской проблемой. Скифские древности – курганы и городища – немые страницы забытой истории исчезнувшего народа, которая постепенно оживает сейчас благодаря усилиям ученых.

Глава I

СРЕДИ ЛЕСОВ И ПОЛЕЙ (ДОНСКАЯ ПРИРОДА 2500 ЛЕТ НАЗАД)

«Полночный звон степной пустыни,
Покой небес, тепло земли,
И горький мед сухой полыни,
И бледность звездная вдали».
Иван Бунин, 1916.

Прежде чем приступить к рассмотрению сложных вопросов истории донских скифов, нам следует познакомиться с той природной средой, на фоне которой возникла и развивалась в I тысячелетии до н.э. культура этих воинственных кочевников. Нет никаких сомнений в том, что прародина скифов находилась где-то в глубине степных просторов Евразии. Именно оттуда, по широкому степному коридору, скифы в VII веке до н.э. пришли в Северное Причерноморье и обосновались там на многие столетия. Причем, в их руки попали не только степные территории, но и более северные области лесостепи. Это касается, прежде всего, донских земель. Но, сначала, о делении Дона на устоявшиеся географические понятия: Верхний, Средний и Нижний Дон. Река Дон берет свое начало из небольшого озера (Иван-озеро), расположенного на Средне-Русской возвышенности в Тульской области. Все течение Дона принято разделять на три части: от истока до устья реки Воронеж – Верхний Дон (этот регион частично находится в лесной, частично в лесостепной зонах); от устья реки Воронеж до города Калач (на Дону) – Средний Дон (большая его часть входит в лесостепь и лишь южные районы – в степную зону); и, наконец, от Калача до устья – Нижний Дон (это – целиком степное пространство).[1]

Что же такое степь и какую роль играла она в жизни номадов всех эпох – от киммерийцев и скифов до татаро-монголов Золотой Орды?

Необозримы степные просторы Южной России и Украины. Еще совсем недавно, как и тысячи лет назад, в скифскую эпоху ничто не нарушало их векового однообразия: бездонное голубое небо, яркое солнце и безбрежное море пахучих трав и цветов.

Красота северопричерноморских степей буквально завораживала многие поколения русских поэтов, писателей, путешественников, чиновников, военных. Вот как вдохновенно воспевает «скифскую» степь выдающийся российский писатель и поэт Иван Андреевич Бунин: «Передо мной серело пустынное поле. Один сторожевой курган стоял вдалеке и, казалось, зорко глядел на равнины... Время его, думал я, навсегда проходит: в вековом забытьи он только смутно вспоминает теперь далекое былое, прежние степи и прежних людей, души которых были роднее и ближе ему, лучше нас умели понимать его шепот, полный от века задумчивости пустыни, так много говорящей без слов о ничтожестве земного существования... В южных степях каждый курган кажется молчаливым памятником какой-нибудь поэтической были...».

Но главная цель нашего рассказа не столько степная зона, сколько лесостепь, а в пределах последней – Средний Дон.

Территория Среднего Дона в значительной своей части входит в зону лесостепи и лишь на юге включает степные пространства. Географически здесь выделяется Восточно-Украинская равнина с Донецким кряжем, южное окончание Средне-Русской возвышенности с Калачской возвышенностью на правобережье Дона и Окско-Донская низменность. Речная система только в пределах Воронежской области насчитывает 588 речек длиной свыше 10 км.[2]

Среднедонской ландшафт – волнистая равнина с густой сетью речных долин и балок. Долины правых притоков Среднего Дона имеют широтное направление, а долины левых притоков – меридиональное. Ширина их не превышает 4–5 км, глубина – до 60–70 м. Они имеют поймы, коренные склоны, четко прослеживаются надпойменные террасы. Балки, рассекающие междуречья часто выглядят как небольшие долины, с асимметричным профилем и многочисленными овражно-балочными ответвлениями. Все они в основном безводны. По вершинам долинно-балочных систем, где плотные меловые породы уходят в толщи рыхлых песчанисто-глинистых и суглинистых отложений, повсеместное распространение получили оползневые трещины. С наличием мощных мергельно-меловых пород связано широкое развитие карста, который на поверхности отмечен многочисленными воронками и провалами.[3]

Характерный признак современной среднедонской лесостепи – чередование безлесных пространств со значительными массивами лесов, имеющих искусственное происхождение. Они расположены не только по долинам рек, но и на водоразделах. Главная лесообразующая порода дуб и, меньше, сосна. В девственном состоянии лесистые участки составляли в прошлом не менее половины территории. Естественный травяной покров сохранился по берегам рек, балок, оврагов и представляет собой остатки древних луговых и ковыльно-разнотравных степей. По климатическим условиям Средний Дон относится к континентальному атлантико-умеренному поясу: лето – со значительными запасами тепла и регулярным увлажнением, зима – с устойчивым снежным покровом толщиной до 12–14 см.[4]

На Среднем Дону имелись прекрасные условия для развития охоты, собирательства и рыбной ловли – с одной стороны и не менее благоприятные основания для прогресса скотоводства (обилие превосходных пастбищ, особенно в поймах рек) и земледелия (преобладание в регионе черноземных плодородных почв).

Таким образом, по характеру растительного покрова и рельефу Средний Дон относится в основном к лесостепной зоне. Соотношение степи и леса на Среднем Дону естественно, менялось на протяжении тысячелетий. По наблюдениям специалистов, само образование черноземов было связано с наступлением степей далеко на север (вплоть до Тулы и Орла). Последующее же облесение региона относится к более поздним временам. Во всяком случае, можно твердо говорить о том, что уже примерно 5 тысяч лет назад (т.е. в III тыс. до н.э.) на Среднем Дону природно-климатические условия были близки (или почти идентичны) современным. Следовательно, в скифскую эпоху, как и сейчас, граница степи и лесостепи проходила по югу Воронежской области.

«Сохранившиеся ныне большие корабельные рощи, Хреновская, Шиповская, Теллермановская, Куколов лес (река Тихая Сосна) и др., – отмечал в конце XIX в. известный российский ботаник Б.А. Келлер, – являются остатками когда-то громадных лесов».[5] Среди широколиственных лесов территории Среднего Дона в исторические времена (т.е. начиная со скифской эпохи) господствует дуб. Дуб – одна из основных пород, использовавшихся здесь человеком в эпоху бронзы и раннего железного века. Исследование пород древесины из древних погребений и с городищ, в количестве 189 образцов, дало 169 образцов дуба. Остальные – тополь (9), клен (1), липа (9) и береза (1). Если сравнить эти данные с породами древесины в современном Шиповом лесу (к югу от Воронежа), где имеются дуб, ясень, липа, клен разных видов, груша, то они показывают неизменность современной флоры по сравнению с доисторической растительностью. Что касается местной фауны, то в лесах лесостепи, – отмечает Л.С. Берг, – прежде в изобилии водились медведи, лоси, косули, кабаны.[6]

Материалы с поселений Среднего Дона скифского периода демонстрируют присутствие в регионе в I тыс. до н.э. лося, кабана, медведя, благородного оленя, косули, бобра, зайца, лисицы.

На славянском городище Титчиха IX–X вв. н.э. (на реке Дон, 60 км к югу от Воронежа) был собран в ходе раскопок обильный остеологический материал, в целом аналогичный находкам скифской эпохи по видовому составу диких животных.[7]

Что касается топографии археологических памятников I тысячелетия до н.э., то она целиком подчиняется особенностям местного рельефа. Левые берега рек обычно имеют широкие пойменные участки и полого поднимающиеся к водоразделам террасы. Правые же берега – более высокие и крутые, с сильно уплотненной террасной системой, что придает им вид мысов. Неотъемлемой чертой ландшафта Среднего Дона является обилие суходолов (русла давно высохших рек) и сильно развитой овражной системы. Это во многом объясняет нам реальное расселение древнего человека. Археологические исследования последних лет показали наличие в прошлом плотного человеческого обитания не только вдоль ныне существующих рек, ручьев и водоемов, но и вдоль оврагов и суходолов.

Главной спецификой почти всех древних поселений региона следует считать их многослойность, т.е. на одном и том же месте мы находим следы обитания носителей культур разных эпох (от энеолита до средневековья). Другой особенностью местных археологических памятников является их четкое функциональное разделение: стационарные поселки обычно располагаются на возвышенных участках местности (на высоких речных террасах и мысах), а сезонные (временные) промысловые стоянки – на низких затопляемых во время паводков местах – пойменных дюнах и первых береговых террасах. Следы же маршрутов кочевых групп прослеживаются и внизу и наверху.

Подавляющее большинство курганных могильников (а они появились в этом регионе в III тысячелетии до н.э., вместе с так называемой «ямной» культурой эпохи бронзы), в том числе и все скифские, находятся на высоких местах – водоразделах, холмах и мысах.

Плодородные почвы, обширные массивы лесов с ценными породами древесины, полезными плодами и растениями, обилием зверей и птиц, гигантские травянистые пастбища и полноводные, богатые рыбой реки – обеспечивали довольно стабильный и прочный фундамент для процветания древних обитателей Среднего Дона.

Характерный признак Лесостепи – чередование безлесных пространств со значительными массивами лесов, располагающимися не только по долинам рек, но и на водоразделах. Считается, что в девственном состоянии лесистые участки составляли не менее 50% этой зоны. Во всяком случае, этой точки зрения придерживается известный отечественный географ Ф.Н. Мильков. Своеобразен и травяной покров Лесостепи, имеющий разнотравно-злаковый характер, в отличие от ковыльно-типчакового разнотравья из жестких видов собственно Степи.[8]

В целом, относясь к атлантическо-умеренному поясу континентальной климатической области, Лесостепь обладает комплексом признаков, отличающих ее от сопредельных зон. Значительные запасы тепла, устойчивое увлажнение и плодородные почвы создают в Лесостепи исключительно благоприятные условия для развития растительности. Здесь, в дубравах, имеется наибольший из всех зональных растительных сообществ запас фитомассы – 400–500 тонн на гектар, – отмечает Ф.Н. Мильков. Запас зоомассы тоже очень высок и в среднем составляет около 500 кг на гектар.

Зимой по всей лесостепи Подонья образуется устойчивый снежный покров: от 20–30 см на Среднерусской равнине и до 50–70 см в Заволжье. По названным показателям лесостепная зона значительно выигрывает в сравнении со степной зоной, где общий запас фитомассы меньше в десять раз, а зоомассы – в пять раз![9]

Большинством географов признается специфика Лесостепи как самостоятельной ландшафтной области, имеющей особую историю образования и развития своей фа-

уны и флоры. С другой стороны, при имеющихся разногласиях о генетике и времени формирования Лесостепи, ее существование на большей части Среднерусской возвышенности и бассейне Дона, как показывают палинологические исследования, четко фиксируется уже в бореальном периоде.

Сам Дон, принадлежа Азово-Черноморскому бассейну и являясь типично равнинной рекой, органично и беспрепятственно соединяет три ландшафтных зоны в меридиональном направлении: если двигаться с юга на север, то это степь, лесостепь и лесные массивы Приочья. Столь же доступны для освоения и открытые пространства с развитой речной системой в широтном направлении, к бассейнам Днепра и Волги.[10]

В последние десятилетия резко активизировали свои исследования в регионе Среднего Дона представители естественных наук с целью реконструкции природно-климатических условий прошлых эпох и сопоставления их с современной ситуацией. В соответствии с этими работами почвоведов и географов особый интерес для нас представляет вопрос о наступлении леса на степи в древности, поскольку в нем заключается решение проблемы о хозяйственной деятельности среднедонского населения в интересующую нас скифскую эпоху. Правда, полной ясности здесь пока нет. Палеоботаник Г.Н. Лисицына предполагает, что «широколиственные леса в Воронежской области существуют очень давно, по крайней мере с IV–III тысячелетий до н.э. Этот последний период без каких либо существенных изменений продолжается вплоть до настоящего времен, но рассматривать его следует с учетом антропогенного фактора. Те, хотя еще и немногочисленные, палеоботанические исследования, которые были проведены на территории лесостепной зоны, не отметили каких-либо существенных изменений климата и растительности на протяжении последних 5 тысяч лет».[11] Таким образом, в общих чертах современные природно-климатические условия имели место в донской Лесостепи не только в скифский период, но и в эпоху бронзы (III–II тысячелетия до н.э.).

Здесь, однако, необходимо внести две существенные поправки: антропогенный фактор (воздействие человека на окружающую природу) и чересполосицу местных ландшафтов, когда, в зависимости от местных условий, мы даже в пределах Лесостепи встречаем то густые лесные массивы, существующие с незапамятных времен, то обширные степные языки с типично степной ковыльно-типчаковой растительностью, проникающие далеко на север – вплоть до Тулы и верховьев Оки.[12]

До XVII–XVIII веков, то есть до начала широкой русской колонизации территории Среднего Дона, его природа почти не испытывала на себе сколько-нибудь значительного воздействия человека. Племена эпохи бронзы, с их комбинированным скотоводческо-земледельческим хозяйством, вряд ли могли нанести существенный урон местным природным ресурсам. Тем более, что земледелие у них было мотыжным, а обрабатываемые участки под сельскохозяйственные культуры – не велики. То же самое имело место и в скифскую эпоху. Отгонно-пастбищное скотоводство и примитивные формы земледелия (выращивались зерновые культуры – просо, ячмень, полба), даже при наличии деревянного плуга или сохи, сохраняли природу в почти девственном состоянии.

Оседлые угро-финские и славянские (роменско-боршевская культура VIII–X вв. н.э.) племена не спускались по Дону далее чем на 60–70 км южнее современного Воронежа. А с X в. н.э. и степная и лесостепная области Среднего Дона на многие столетия оказались во власти кочевников. И так было вплоть до XVII века. Татаро-монгольский погром загнал славян далеко на север – в непроходимые лесные чащи верховьев Дона и Оки. И Лесостепь вновь стала использоваться кочевниками лишь как одно гигантское пастбище. В леса татары не совались, но все что было на открытых пространствах, находилось под их неусыпным контролем. Природа вновь вернулась в почти девственное свое состояние.

Митрополит Пимен, спустившийся вниз по Дону до Азова в 1338 году, по пути в Цареград (Константинополь), сообщает, что «местность между верховьями Дона и

устьем реки Сосны (современный Елецкий район)... совершенно пустынна. Нигде бо видети человека, точно пустыня велия и зверей множество: козы, лоси, волки, лисицы, выдры, медведи, бобры, птицы – гуси, лебеди, журавли и прочая, и бише вся пустыни великия».[13]

В 1768 году академик Гмелин из Санкт-Петербурга увидел в окрестностях Воронежа множество байбаков, сусликов, тетеревов, орлов, глухарей и филинов. В Шиловском лесу, совсем рядом с городом, встречались тогда медведи. По словам того же Гмелина, лет за двадцать до его путешествия вокруг Воронежа водились дикие лошади – тарпаны. Академику же они попались лишь в 50 км к югу от Боброва. В районе этого городка водились тогда в изобилии бобры, и поэтому в его гербе имелось изображение бобра. Все указанные здесь животные существовали на территории Воронежского края и в древние времена, о чем свидетельствуют находки костей на городищах и поселениях I тысячелетия до н.э.[14]

К востоку от Дона еще и сейчас имеются остатки больших лесов, которые в XVI–XVII столетиях занимали огромные площади и немалую часть которых Петр I использовал для строительства флота при походе на Азов в 1695–1696 годах. Таковы, например, Хренов лес на левом берегу реки Битюг (близ села Хреновое, бывшего Бобровского уезда), Шипов лес (на левом берегу реки Осеред), Теллермановский лес (на реках Хопер и Ворона, Хоперский район Воронежской области) и Куколов лес на правом берегу Дона (в междуречье рек Тихая Сосна и Потудань).[15]

После того, как с помощью строительства крепостей в Коротояке (переправа через Дон), 1649 год, и в Острогожске (брод через реку Тихая Сосна), 1656 год, была отведена угроза татарских набегов, началась массовая русская колонизация благодатных среднедонских земель. В последующие два столетия туго пришлось и местным лесам и местным полям. Леса безжалостно вырубались для хозяйственных нужд (строительные работы, изготовление бытового инвентаря и т.д.), для получения угля из дубовой древесины, для расчистки лесных участков под посевы и т.д. и т.п. Безжалостно распахивались под посевы и «целинные» земли открытых пространств. Не прошло и двух столетий, как необозримые просторы Воронежской губернии во многом лишились лесной растительности, что вызывало обезвоженность земель и разрушение (уничтожение) богатейших среднедонских черноземов в пору интенсивных дождей и весенних паводков и во время действия горячих южных ветров-суховеев. А с 30-х годов XX века пахота на волах и лошадях сменилась пахотой на тракторной тяге и разрушение черноземных полей пошло с еще более пугающей быстротой.

Не обошли местную природу стороной и тяготы прошедшей второй мировой войны. Ведь немцы и их союзники – венгры, румыны и итальянцы дошли в 1942 году как раз до среднего и нижнего течения Дона. Восстановление народного хозяйства и строительство бесчисленного количества разрушенных войной жилищ также нанесли лесам Воронежщины огромный ущерб. Ситуация стала критической. И тогда в 40-е и 50-е годы по всей территории Среднего Дона были осуществлены колоссальные по масштабам лесопосадки и работы по укреплению склонов оврагов и балок. На пустынных песчаных почвах были высажены миллионы саженцев сосны. Благотворные последствия этого «наступления» на природу ощущаются и по сей день. Да, природа была «подкреплена» и усилена рукой человека, но это уже другая природа, не совсем похожая на прежнюю.

Несколько слов необходимо сказать и о другом существенном факторе – «чересполосице» лесов и степных языков на территории Среднего Дона. По-видимому, справедливо утверждение отечественных палеоботаников, почвоведов, географов и других исследователей о том, что широкая степь в далеком прошлом охватывавшая не только современные степи Северного Причерноморья, но и лесостепь с заходом в центральную часть Восточной Европы, судя по остаткам чернозема в ее северных границах, существовала задолго до того, как на ее территории появились леса. Такая последовательность объясняется отчасти тем, что

область распространения современных лесов Среднего Подонья нередко перемежается длинными и глубокими оврагами, образование которых невозможно в условиях облесения почв.[16]

Так, в районе деревни Волошино (Острогожского района, Воронежской области) длинные и глубокие овраги, начинаясь в лесу (это – остатки прежнего громадного Куколова леса), спускаются в пойму реки Тихая Сосна. Их образование относится к тому времени, когда эта территория еще не была занята лесами. Такое положение существовало, вероятно, задолго до эпохи раннего железного века, ибо и по ту и по другую сторону оврагов уже в скифское время (V–IV вв. до н.э.) были сооружены городища со спускающимися иногда в обрыв или даже в низину валами и рвами. Любопытно, что в местности вокруг Волошино отсутствуют курганы. Они расположены далеко отсюда, над правым высоким коренным берегом реки Потудань. Скорее всего, подобная ситуация объясняется тем, что междуречье Тихой Сосны и Потудани, за исключением правого потуданского берега, было занято обширным лесным массивом – «Куколовым лесом».[17]

Подтверждением этой гипотезе 50-х–60-х годов прошлого века (ее автор – археолог П.Д. Либеров) послужили недавние исследования известного российского географа-почвоведа В.В. Добровольского на правом берегу реки Потудань, на месте большого курганного могильника скифской эпохи между селами Терновое и Колбино, в 90 км к югу от Воронежа. «Реконструкция природно-ландшафтных условий отдаленного прошлого, – отмечает этот ученый, – весьма сложная операция, предполагающая участие в ней профессионалов-естественников, могущих получить объективные данные, свидетельствующие о природной специфике изучаемого времени: зоологов, ботаников, геологов, географов и почвоведов...».[18]

Привлечение представителей почвоведения к комплексным археологическим исследованиям представляется особенно перспективным по следующим причинам. Во-первых, почва является природным образованием, материально отражающим условия своего образования. По определенным показателям химического состава и строения почвы, которые могут быть объективно измерены, можно судить о ландшафтно-геохимических условиях ее формирования. Если же почвообразование происходит на территории обширной равнины (в частности, Восточно-Европейской), покрытой близкими по составу и возрасту рыхлыми отложениями, то имеет место четкая связь между типом почвы, с одной стороны, и типом растительности и климата, с другой. Во-вторых, почва, в отличие от других природных факторов (атмосферные осадки, температура воздуха, растительность) достаточно хорошо сохраняется в погребенном состоянии и может служить надежным свидетелем существовавших биоклиматических условий.

В.В. Добровольский изучил образцы погребенной почвы из-под насыпей курганов скифской эпохи. Итоговый вывод ученого вполне однозначен: курганная группа находилась на безлесном участке степного типа. «Поверхность водораздельного плато, на котором расположены курганные захоронения (это – правый коренной берег р. Потудань – В.Г.), – подчеркивает ученый, – находится на высоте 180–190 метров над уровнем моря. Почвенный покров плато распахан, природная растительность давно уничтожена. За границами распаханных площадей, по склонам балок, сохранилась редуцированная растительность ковыльной степи с представителями разнотравья и эфемероидов... На основании изложенных данных, можно считать, что погребенные почвы являются переходным вариантом черноземов, находящимся между типичными и обыкновенными. Как известно, черноземы обыкновенные соответствуют условиям типчаково-ковыльной степи с примесью разнотравья и эфемеров. Следовательно, в южной части Средне-Русской возвышенности в период сооружения изучаемых курганов существовали степные ландшафты несколько более аридные, чем современные, но отличающиеся от них не более, чем современные ландшафты Полтавской области от ландшафтов Воронежской».[19]

Таков был природно-климатический фон, на котором возникла и развивалась культура скифской эпохи на Среднем Дону.

Бассейн Верхнего и Среднего Дона в значительной своей части (свыше 120 000 кв. км) входит в зону Лесостепи и лишь на юге Воронежской области включает северостепные пространства.

Единообразный ландшафт Лесостепи подчеркивается и общим направлением долин Днепра, Дона и Волги, создающим сходные региональные ландшафтные комплексы. Так, долины правых притоков этих рек имеют, как правило, широтное направление, а долины левых притоков направлены меридианально. При этом последние имеют высокий правый склон из коренных пород и низкий левый, сложенный из речных наносов. О степени развитости речной системы в Лесостепи можно судить по участку Дона в пределах Воронежской области, где насчитывается 588 рек длиной свыше 10 км. Это чрезвычайно существенный фактор, позволяющий предполагать легкость освоения лесостепных областей водным путем не только меридианально (благодаря транзитности больших рек), но и в широтном направлении внутри самой лесостепной зоны. К примеру, верховья донского притока Иловли сближается до 4-х километров с рекой Камышинкой – притоком Волги. Это место, называемое «переволокой», исстари использовалось для перехода из бассейна Дона в Волгу и обратно.[20]

Важно и то, что Лесостепь демонстрирует в суббореальный период (4,8–2,5 тысячи лет назад) значительно большую климатическую стабильность по сравнению с южными степными районами. В этом смысле Лесостепь может рассматриваться как своеобразный природный накопитель необходимых условий жизнеобеспечения, куда время от времени были направлены миграционные потоки. Считается, например, что наряду с громадной кормовой базой в виде злакового разнотравья, благоприятствовавшей ведению скотоводства, Лесостепь обладала и особенно богатым животным миром и ихтиофауной, позволяющими заметно подкрепить возможности обеспечения пищей местного населения со стороны подверженного периодическим рискам скотоводства и слабо развитого земледелия. Впрочем, о последнем для скифской эпохи просто пока имеется слишком мало достоверных данных. Мы точно не знаем даже было ли в I тыс. до н.э. на богатейших среднедонских черноземах земледелие мотыжным (ручным) или пахотным (плуг, соха) ? Тем не менее, даже и в таких условиях местная экономика обеспечивала в совокупности вдвое большую, в сравнении с сопредельными зонами, демографическую плотность.

Таким образом, анализ ландшафтных особенностей современного лесостепного Подонья, материалы по палеоботанике и палеозоологии, древним (погребенным) и ныне существующим почвам и сопоставление доисторической флоры и фауны с современными образцами позволяет сделать следующие выводы:

1. Нет никаких свидетельств того, что в историческое время произошли сколько-нибудь заметные природно-климатические изменения по сравнению с тем, что существовало 3–5 тысяч лет назад.[21]

2. Палеоботанические исследования, остеологический материал, сохранившиеся еще до наших дней массивы леса и топонимика на территории междуречья рек Тихой Сосны и Потудани – правых притоков Дона (и, одновременно, это тот район, где ведет свои исследования Донская археологическая экспедиция Института археологии Российской Академии Наук) свидетельствуют о наличии здесь в прошлом огромного лесного массива, остатками которого являются Куколов, Пузацкий и Погорелов леса, непосредственно связанные через пойменные леса с брянскими и мещерскими лесами. Следы этого былого лесного великолепия сохранились в таких названиях местных населенных пунктов, как Старое, Новое Уколово и Лесное Уколово.[22]

Вместе с тем, следует помнить, что степная зона начиналась уже на юге Воронежской области, а отдельные степные «языки», чередуясь с лесами, заходили далеко на север. Среднедонская степь – это неотъемлемая часть Великой Евразийской Степи в целом и Северопричерноморской степи, в частности.[23] Последняя в скифс-

кую эпоху была довольно благосклонна к человеку, точнее к кочевым племенам, обитавшим между Дунаем и Доном.

О преимуществах природно-климатических условий Северного Причерноморья (европейская Скифия) пишет и «отец истории» Геродот, живший в V в. до н.э. и являвшийся современником «золотого века» скифской истории. «Страна скифов (имеется в виду страна европейских скифов, от Дуная до Дона. – *В.Г.*), – отмечает он, – представляет собой богатую травой и хорошо орошаемую равнину. По этой-то равнине протекает почти столько же рек, сколько каналов в Египте. Я назову только самые известные реки и судоходные от моря в глубь страны. Прежде всего это Истр с пятью устьями (Дунай. – *В.Г.*), Тирас (Днестр. – *В.Г.*), Гипанис (Буг. – *В.Г.*), Борисфен (Днепр. – *В.Г.*) ... и Танаис (Дон. – *В.Г.*)» [Геродот, IV, 47]. И далее этот греческий автор произносит хвалебную оду в честь главной реки Скифии – Днепра-Борисфена: «Борисфен – самая большая из этих рек после Истра... Эта река, как я думаю, не только из скифских рек наиболее щедро наделена благами, но и среди прочих рек, кроме египетского Нила (с Нилом ведь не сравнится ни одна река). Тем не менее из остальных рек Борисфен – самая прибыльная река: по берегам ее простираются прекрасные тучные пастбища для скота: в ней водится в больших количествах наилучшая рыба; вода приятна на вкус для питья и прозрачна (по сравнению с водой других мутных рек Скифии). Посевы вдоль берегов Борисфена превосходны, а там, где земля не засеяна, расстилается высокая трава. В устье Борисфена само собой оседает несметное количество соли. В реке водятся огромные бескостные рыбы под названием «антакеи» и есть много других диковин» (Геродот, IV, 53). Эта характеристика «отца истории» в отношении Днепра вполне применима и к Дону (античному Танаису), особенно к его рыбным богатствам, кстати, во многом, сохранившимся и по сей день.

Степные просторы Подонья представляли собой одно гигантское и роскошное пастбище, где привольно паслись бесчисленные табуны лошадей и отары овец. Не вызывает сомнения то, что основным видом домашних животных у степных кочевников скифов была лошадь. Степи Северного Причерноморья представляли собой сухие пастбища с ровной поверхностью и плотной дерниной, то есть обладали самыми благоприятными условиями для выпаса лошадей. «Для кочевого скотоводства, – отмечает украинская исследовательница Н.А. Гаврилюк, – характерно табунное и отарное содержание скота. Оно весьма рационально и дешевле, например, современного конюшенного в 3–4 раза. Табуны, численностью до 200 голов, состоящие из 4–6 косяков, обычно двигаются фронтом в 1,5–2 км, занимая площадь в 100 га. Косяки должны отстоять друг от друга на 200–250 м. При такой организации выпаса лошадей обеспечивается пастбищная нагрузка, близкая к рациональной».[24]

Области хозяйственного применения лошадей чрезвычайно многообразны. Но особое значение имело для скифов использование лошади в военном деле. «Конный стрелок», «конный воин», «скифская конница» – эти термины встречаются в «Истории» Геродота многократно. Спустя много лет после этого Плиний (уже не греческий, а римский историк) писал: «Скифская конница славится своими конями: рассказывают, что когда один царек, сражавшийся по вызову с врагом, был убит и победитель приблизился снять с него доспехи, то был убит конем побежденного посредством ударов копыт и кусания».

Роль лошади в жизни скифа-кочевника подчеркивается и ее местом в погребальном обряде: «... в жертву, – пишет Геродот, – они приносят всяких домашних животных и особенно лошадей» (Геродот).

Итак, подведем некоторые итоги. Большая часть Среднего Дона по своим природно-климатическим условиям относится к зоне Лесостепи и лишь южные районы (Воронежской области) – к Степи. Лесостепной регион, как показано выше, предоставлял человеческим обществам любого уровня развития весьма благоприятные возможности для жизни. Если взять скифскую эпоху, то среднедонское население,

имея вокруг обширные лесные массивы (преимущественно дубовые леса), могли широко использовать для своих нужд древесину, орехи, грибы и ягоды; объектами охоты служили многочисленные обитатели этих лесов – медведи, лоси, кабаны, олени и косули, зайцы, лисы и др.; птичий мир представляли глухари, рябчики, куропатки, дикие голуби, орлы, ястребы и коршуны. Все местные реки, включая главную из них – «Дон-батюшку», изобиловали ценными породами рыбы, в том числе осетровыми. К тому же реки служили не только источником питьевой воды, но и (во многих случаях) удобными путями сообщения (Дон до сих пор судоходен от устья до широты Воронежа; до недавнего времени были судоходны и такие донские притоки, как Хопёр и Медведица – слева и Потудань – справа).

Богатейшие местные черноземы обеспечивали все возможности для развития земледелия. А пойменные заливные луга с их роскошным разнотравьем (Дон и его притоки) представляли собой обширные и постоянно возобновляемые природные пастбища – почти идеальные условия для скотоводства.

Однако, есть еще одна особенность в культуре населения Среднего Дона в скифскую эпоху, на которую давно обратили внимание исследователи – обилие бытовых изделий и оружия из железа в погребальных и жилых памятниках местных племен по сравнению с родственными им группами Левобережной Приднепровской Лесостепи и Северопричерноморской Степи. Примечательно, что среди колчанов среднедонских воинов всегда преобладают стрелы с железными, а не бронзовыми типично скифскими наконечниками. Разгадка состоит в том, что территория Верхнего и Среднего Дона необычайно богата залежами железных руд, которые встречаются от знаменитого Липецкого месторождения на севере до целого «куста» таких руд в районе Павловска на правобережье Дона – на юге. Это объясняет и обилие железных чешуйчатых панцирей в среднедонском регионе по сравнению со скифской Степью и Приднепровской Лесостепью, и преобладание железных втульчатых наконечников стрел над бронзовыми в местных колчанных наборах.

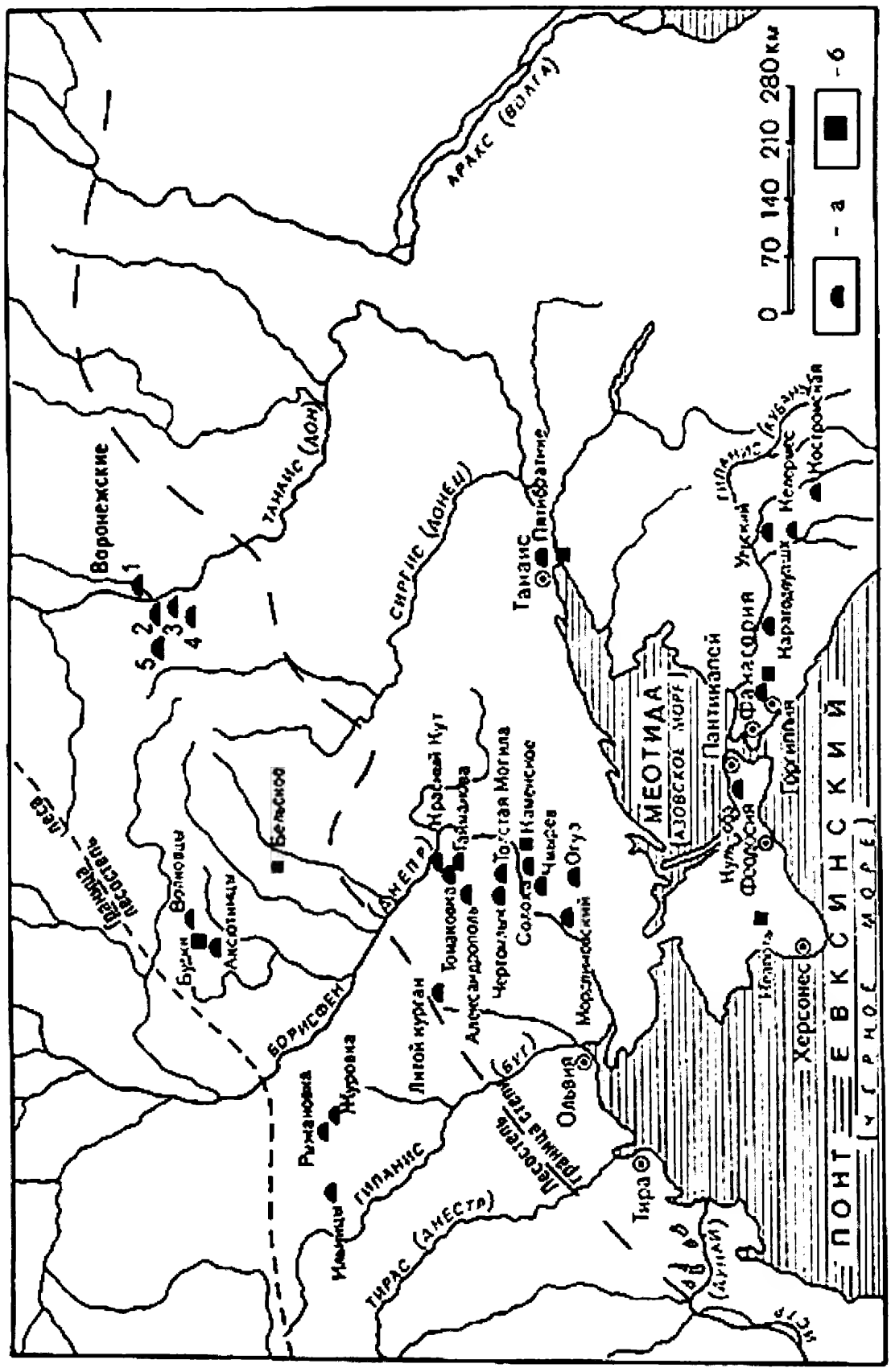
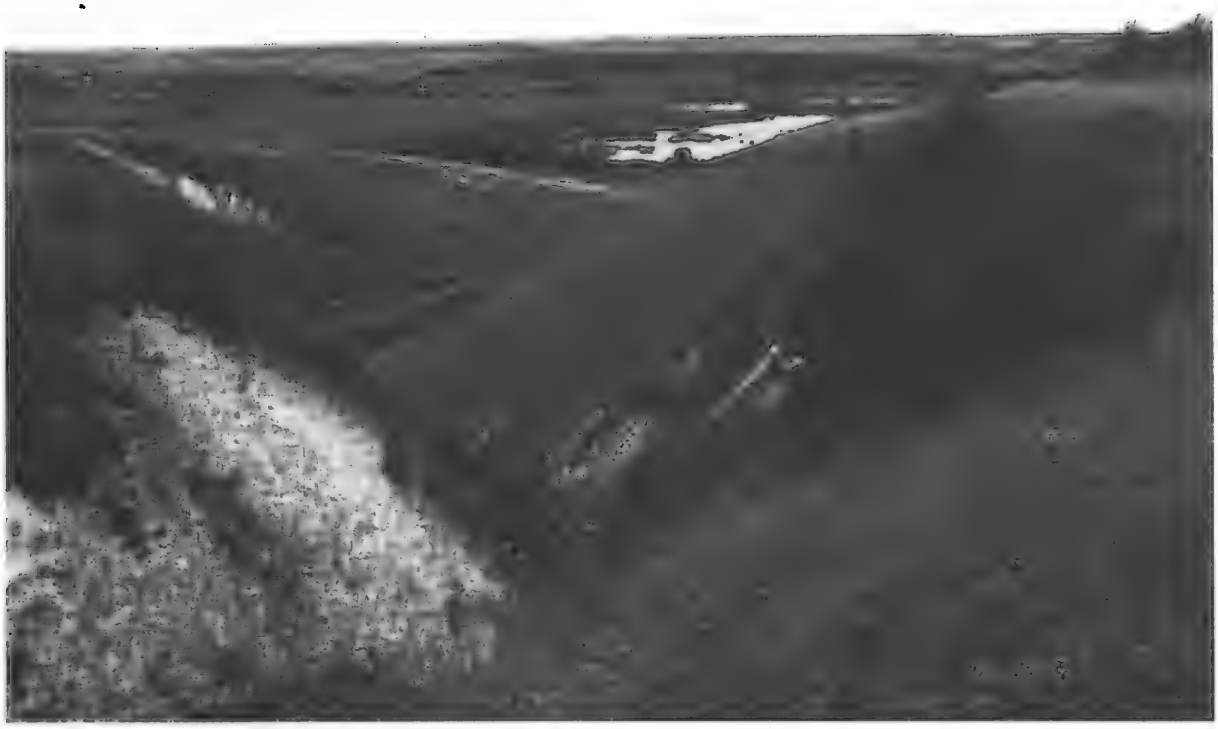


Рис. 1. Карта Европейской Скифии в V–IV вв. до н.э. с основными курганными памятниками.
1 – Частые курганы; 2– Мастюшко; 3 – Русская Тростянка; 4 – Дуровка; 5 – Терновое–Колбино.



2

3

Рис. 2, 3. Пейзажи (ландшафты) Среднего Дона.

4

5

Рис. 4, 5. Пейзажи (ландшафты) Среднего Дона.

6

7

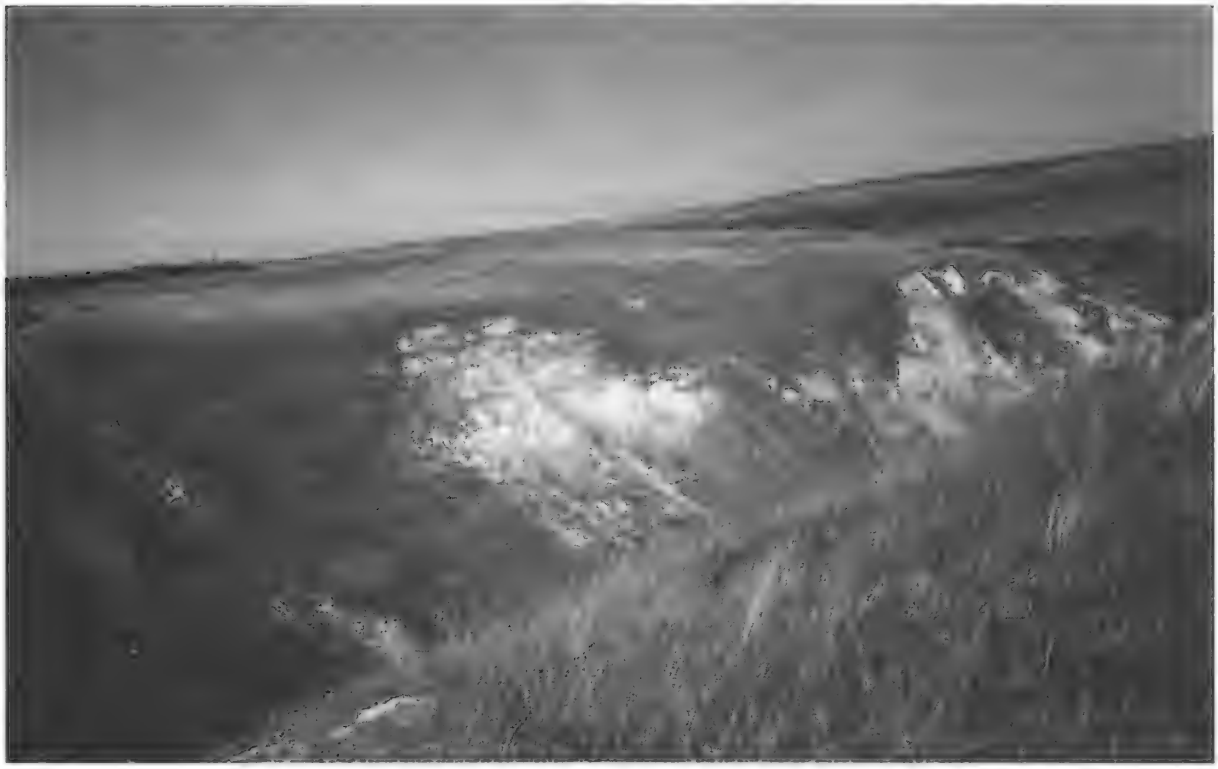
Рис. 6, 7. Пейзажи (ландшафты) Среднего Дона.

8

9

Рис. 8, 9. Пейзажи (ландшафты) Среднего Дона.

10



11

Рис. 10, 11. Пейзажи (ландшафты) Среднего Дона.

Глава II

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СКИФСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ СРЕДНЕГО ДОНА

«Мне снится прошлое. В виденьях полусонных
Встает забытый мир и дней, и снов, и лиц.
Есть много светлых дум, погибших, погребенных, –
Как странно вновь стоять у темных их гробниц.
И мертвых заклинать безумными словами!
О, тени прошлого, как властны вы над нами!»

Валерий Брюсов, 1898.

1763 год. По поручению генерал-поручика Алексея Петровича Мельгунова, губернатора Новороссийского края, в России произведены первые официальные раскопки большого скифского кургана – Червонная Могила (он же – «Литой Курган»), в 60 км от современного Кировограда Днепропетровской области.

1862–1863 годы. Только что созданная (в 1859 г.) в Петербурге Императорская Археологическая Комиссия – главное археологическое учреждение гигантской страны – организует раскопки 20-метрового кургана Чертомлык близ Никополя, в котором находилось богатейшее погребение скифского царя.

А к началу XX века в Приднепровье (и в степи, и в лесостепи) были раскопаны самыми разными людьми (от профессиональных археологов и до кладоискателей или помещиков-дилетантов) сотни больших и малых курганов скифской эпохи. И только Средний Дон находился пока в полном археологическом забвении. И именно тогда Л.М. Савелов – предводитель дворянства Коротоякского уезда Воронежской губернии и довольно удачливый археолог-любитель – с глубоким пессимизмом отмечал полное отсутствие каких-либо сведений об историческом прошлом Среднего Дона. «Чьи кони паслись на роскошных придонских лугах – в отчаянии вопрошал он, – чьи руки устраивали городища и насыпали курганы, разбросанные по всему нашему краю и безмолвно свидетельствующие о неведомой жизни былых насельников наших мест..? Скоро ли дождутся эти курганы и городища своих исследователей?»[1] Слава Богу, ждать долго не пришлось.

В 1900 году была создана Воронежская Ученая Архивная Комиссия (ВУАК), призванная выявлять, описывать и, по возможности, изучать памятники старины на территории Воронежской губернии. В 1899 году местный археолог С.Е. Зверев (через год ставший членом Воронежской Ученой Архивной Комиссии) доследовал могильный холм у с. Мазурки близ Новохоперска. Курган этот был потревожен крестьянами, которые хотели устроить в нем погреб. Они прорыли глубокую канаву в северо-восточной части насыпи и на глубине около 5 метров обнаружили деревянную гробницу, а на дне ее целый ряд предметов. С.Е. Зверев продолжил раскопки и установил, что найденные здесь вещи указывают на «довольно глубокую древность кургана». То, что курган был скифским, доказывает находка в нем бронзового литого котла скифского типа (V–IV вв. до н.э.).[2]

В 1900–1901 годах членом той же ВУАК В.Н. Тевяшовым были раскопаны два скифских кургана слободы Владимировка (Острогожский уезд).[3] Но всего этого было явно недостаточно. Многие проблемы древней истории края можно было решить с помощью широких научных раскопок. Однако несколько археологов-любителей из ВУАК явно не могли справиться со столь сложной задачей. А затем на местные скифские древности обрушилась новая напасть: они стали жертвой беззастенчивых и наглых искателей легкой наживы – грабителей древних могил. Стоит ли удивляться, что и первые достоверные сведения о богатстве среднедонских курганов стали известны ученому миру в Санкт-Петербурге и Москве лишь в результате грабительских раскопок в самом начале XX века.

«Увидели, как на «линии» (Кубань. – *В.Г.*) копают, давай и мы попробуем, что в наших курганах есть, – вспоминают старожилы села Мастюгино (Острогожский район Воронежской области). – Вначале копали со страхом, в ночное время, с фонарями; землю выбрасывали в противоположную от села сторону. Но продолжалось это недолго, дознался урядник и воспретил раскопки. Затем приехал пристав, осмотрел начатые работы и разрешил копать дальше, но предупредил: «Не задавило бы». Грабеж тогда пошел открытый».[4]

К несчастью для науки, курганы у села Мастюгино оказались необычайно богатыми. Почти в каждой могиле находились драгоценные изделия, что, естественно, лишь разжигало алчность грабителей. Какие бесценные художественные сокровища погибли тогда под заступами и ломами невежественных кладоискателей, мы уже никогда не узнаем, ведь львиная доля добытых ими предметов старины превратилась в безликие слитки золота и серебра или же попала в руки частных коллекционеров.

Наконец, слухи об этих находках дошли до Петербурга, и в село приехал из столицы опытный археолог А.А. Спицын. Он докопал два разрушенных крестьянами кургана и собрал (вернее, выкупил) сохранившиеся еще на руках древние вещи.[5] В 1908 году, по поручению Императорской Археологической Комиссии в Мастюгино направляется другой, довольно известный археолог, Н.Е. Макаренко. Ему удалось раскопать здесь пять богатых курганов, счастливо избежавших ограбления или опустошенных лишь частично. И находки посыпались как из рога изобилия. Так, курган № 2, не предвещавший сначала своим видом ничего хорошего для исследователя, оказался удачным. «Почти отвесная, неправильно круглая яма, суживающаяся книзу в виде воронки, – вспоминает Н.Е. Макаренко, – привела хищников по счастливой для них случайности, к костяку, лежавшему у северо-западной стены (могилы. – *В.Г.*). С него они сняли, по их показаниям, золотое кольцо в виде змейки в три оборота, проданное жене местного земского начальника. Дальнейший грабеж кургана был прекращен обвалом земли». Надо сказать, это произошло как раз вовремя. Под обломками деревянной бревенчатой крыши гробницы и рухнувших вниз пластов земли, археолог обнаружил погребение скифского воина-рыцаря в железном чешуйчатом панцире, золоченых бронзовых поножах античного происхождения и в окружении груды всевозможного оружия и снаряжения: десятки наконечников стрел, копья, дротики, конские удила. Здесь же лежала и напутственная пища – часть туши молодого жеребенка и сосуды для питья (глиняные и деревянные с золотой оковкой чаши). Интереснейшие предметы (в том числе и множество привозных греческих вещей) были найдены и в других раскопанных здесь курганах. Так, в кургане № 3 также были найдены бронзовые с позолотой греческие поножи с именем их прежнего владельца: «Левк...» (по-видимому, это часть имени Левкон). К сожалению, недостаток средств вскоре вынудил Н.Е. Макаренко прекратить раскопки.[6]

Накануне отъезда из Мастюгино он, как бы обращаясь с приглашением к будущим исследователям, с явно преждевременным оптимизмом записал в своем дневнике: «По счастью, грабители, в большинстве случаев, портили верхнюю насыпь кургана и часть погребений, не имея возможности захватить все. Низенькие курганы не привлекали их внимания, а потому остались нетронутыми, хотя и не были бед-

ны». Здесь мне кажется вполне уместным сказать несколько слов о заметной фигуре Николая Емельяновича Макаренко, роль которого в истории отечественной археологии до сих пор не нашла еще адекватной оценки. Он родился 4 февраля 1877 г. в селе Москалевка Роменского уезда Полтавской губернии. Отец его принадлежал к сословию казаков и работал волостным писарем. Мать – простая крестьянка. Тем не менее, родители постарались дать ему неплохое образование: Николай Емельянович закончил гимназию в городе Лохвица (Полтавская губерния) и, будучи одаренным от природы человеком, был направлен в столичный Петербург – в Центральное училище технического рисования (1897–1902 гг.), после окончания которого ему присвоили звание художника первого разряда. Затем, увлекшись стариной, он поступил в Петербургский археологический институт и прошел там трехлетний (1902–1904 гг.) курс обучения. Стал постоянно привлекаться для полевых исследований на юге России Императорской Археологической Комиссией (наиболее значимые его работы «в поле» – раскопки Мастюгинских курганов в 1908 г. и, при поддержке М.И. Ростовцева, исследования «царского» Первого Мордвиновского кургана в Степном Приднепровье в 1914 г.). Член Московского Археологического Общества (с 1909 по 1917 гг.) и Российского Археологического Общества (1910–1919 гг.). С 1911 г. зачислен в штат Императорского Эрмитажа. Николай Емельянович общался и дружил с такими известными археологами, как А.А. Спицын, Б.В. Фармаковский, М.И. Ростовцев, а также с выдающимися деятелями русского искусства – Николаем и Борисом Рерихами, Бенуа и др. После революции 1917 г. уехал из Петербурга на Украину, где работал в различных учреждениях, связанных с культурой и искусством. В 30-е годы резко выступал против гонений большевиков на православную церковь и древнерусское культурное наследие. Решительно протестовал против разрушения Михайловского Златоверхого собора в Киеве (XII век), за что и поплатился. В 1935 г. арестован и отправлен в ссылку в Казань на 3 года. В декабре 1937 г. вновь попал в поле зрения НКВД, взят под стражу, якобы, как участник «кадетско-монархической повстанческой организации». Отправлен куда-то в Сибирь, видимо, в Томск и там 4 января 1938 г. расстрелян. В 1960 г. реабилитирован.[7]

По иронии судьбы, именно раскопки Н.Е. Макаренко послужили дополнительным толчком для начавшейся вскоре после этого в Мастюгино вакханалии курганных грабежей: ведь работали-то в составе упомянутой научной экспедиции те же местные жители, люди наблюдательные и сметливые. Не прошло и нескольких лет, как умудренные полученным опытом мастюгинские мужики весьма основательно «прошлись» почти по всем оставшимся еще нетронутыми курганам – и высоким, и «низеньким».

Примерно в те же годы местные археологи-любители из Воронежской Ученой Архивной Комиссии* приступили на свой страх и риск к раскопкам еще одного древнего могильника – в урочище «Частые Курганы», на северной окраине Воронежа. Всего с 1910 по 1915 год там было изучено свыше десятка курганных насыпей, давших исключительно богатые и интересные материалы. В их числе находился и знаменитый серебряный сосуд с изображением сцен из жизни скифов – шедевр, созданный неизвестным греческим художником в одной из мастерских Пантикапея – столицы Боспорского царства, находившейся на месте современной Керчи.[8]

Именно этой уникальной находке и суждено было стать своеобразным яблоком раздора в споре между чиновниками Петербурга и членами местной архивной комиссии. Дело в том, что по существовавшему тогда порядку разрешение на раскопки, а зачастую и необходимые денежные средства для этого заинтересованные лица

* Такие Комиссии, существовавшие в дореволюционной России почти во всех крупных губернских центрах, в числе других своих обязанностей призваны были изучать и историю данного края, его достопримечательности.

получали из петербургской Императорской Археологической Комиссии. Взамен каждый археолог обязан был отправить в столицу все найденные им вещи и подробнейший отчет о своих работах. Археологическая Комиссия, состоявшая в ведомстве императорского двора, ежегодно устраивала в столице выставку лучших находок сезона. Председатель Комиссии, гофмейстер граф А.А. Бобринский в торжественной обстановке «представлял на высочайшее обозрение» наиболее уникальные предметы старины, среди которых важное место занимали всегда золотые украшения из скифских курганов и выдающиеся творения античных мастеров. Надо полагать, что и вновь найденный серебряный сосуд придворные чины из Археологической Комиссии рассчитывали продемонстрировать лично царю. Но на этот раз все произошло иначе. Другой важный сановник, граф П.Н. Апраксин, стоявший тогда во главе Воронежской Ученой Архивной Комиссии, решил в 1911 г. самостоятельно устроить «представление на высочайшее обозрение» богатейших находок из местных курганов. Ему удалось преподнести царю серебряную вазу из Частых Курганов, причем это было сделано далеко с небескорыстной целью. Беседу с Николаем II граф ловко использовал для успешного решения одного своего давнего ходатайства: он просил передать Воронежскому музею принадлежавший казне старинный дворец последнего крымского хана Шагин Гирея (в г. Воронеже) и добился своего. Но во всем происшедшем петербургская Археологическая Комиссия усмотрела прямое ущемление своих интересов. Разразился скандал. В Воронеж одна за другой шли из столицы грозные бумаги с обвинениями в научной недобросовестности, дилетантстве, и даже с запретами вести дальнейшие раскопки. Там, естественно, пытались как-то оправдаться. В конце концов, весьма курьезная переписка по этому вопросу в виде нескольких солидных томов попала в архив, где и лежит до сих пор, напоминая о тех печальной памяти временах, когда археология часто была всего лишь игрушкой, пустой забавой в руках пресыщенных придворных чинов и богатых бездельников.[9]

Однако, здесь следует сказать несколько добрых слов в адрес ВУАК, раскопавшей 13 курганов скифского времени в урочище «Частые Курганы» на северной окраине г. Воронежа. Результаты этих раскопок были просто потрясающими. Мало того, что впервые так далеко от основных центров Великой Скифии удалось найти серебряный с позолотой сосуд греческой работы с изображениями из скифского эпоса, там были открыты все основные проявления степной культуры скифов в виде знаменитой триады: предметов вооружения, элементов конской сбруи и, наконец, произведений искусства в «зверином стиле». Случилось так, что все материалы раскопок ВУАК попали (еще до 1917 г.) в Государственный Эрмитаж, и только после 1945 года известный отечественный археолог С.Н. Замятнин описал, изучил и опубликовал эту великолепную коллекцию в главном археологическом издании тех лет – в периодическом сборнике «Советская Археология» (том X, 1946 г.). Здесь очень важна и его общая оценка ситуации в дореволюционной археологии.

«Скифские курганы, – пишет С.Н. Замятнин, – являются тем видом археологических памятников, который привлекал к себе, кажется, наиболее длительное и наиболее постоянное внимание дореволюционной русской археологии. Примерно с середины прошлого столетия начинается почти непрерывный ряд раскопок, ведущихся не только Археологической комиссией, столичными и провинциальными научными обществами и музеями, но и частными лицами. Среди последних мы видим и специалистов и любителей-коллекционеров, которых влекло богатство погребального инвентаря скифских курганов, нередкие в его составе изделия из драгоценных металлов и произведения как античной художественной промышленности, проникавшие в Скифию через греческие колонии Северного Причерноморья, так и своеобразного местного варварского «звериного стиля».[10]

Наряду с научными в еще больших масштабах велись и хищнические, кладоискательские раскопки скифских курганов. В итоге удавалось спасти для науки и общества лишь отдельные, нередко плохо документированные вещи. В этой связи

особенно важным представляется скорейшая публикация уже исследованных археологических памятников скифской эпохи. Раскопки Воронежской Ученой Архивной Комиссии в урочище «Частые Курганы» близ Воронежа (1910–1915) дают скифологии очень значительный пласт информации, и публикация их результатов в широкой печати – заметный вклад в развитие скифологии». Изучение Частых курганов велось ВУАК в течение 1910, 1911, 1912 и 1915 годов. Всего за четыре года было вскрыто 13 курганных насыпей. И хотя документация и методика этих работ далеко не всегда соответствовала даже требованиям археологии начала XX века, С.Н. Замятнин определяет данные раскопки как «наиболее значительные по объему исследования скифских памятников на Среднем Дону». Ниже приводятся материалы, полученные при исследовании курганов № 1, 2, 3 и № 11 группы «Частых Курганов» (раскопки ВУАК).

Курган № 3 находился в южной части группы, на меже, и поэтому распахан лишь частично, с запада и востока. Диаметр насыпи 15 метров, а высота около 2 метров. Под насыпью, в материковом грунте, яма размерами 5х4 м и глубиной около 2 м. Стены облицованы деревом, в центре – остатки опорного столба. На дне – два плохо сохранившихся человеческих скелета и кости лошади. Главный погребенный (ему и принадлежало большинство вещей) лежал головой на юг. Вокруг него находились железный меч с обтянутой золотым листом рукоятью и следами деревянных ножен, железная застежка, обтянутая золотом с двумя головами животных на концах, железные втульчатые наконечники стрел, более 200 тонких золотых штампованных нашивных бляшек и небольшой круглодонный серебряный сосуд с изображением скифов. У центрального столба лежали кости лошади (заупокойная пища) и остатки деревянного сосуда с золотыми оковками, в том числе – ручки в виде головы хищной птицы. Возле второго скелета – фрагменты бронзового котла. Кроме того, в могиле найдены глиняный кувшин с отбитой ручкой и пачка спекшихся железных наконечников стрел.

Курган № 11 находился в южной части группы поблизости от кургана № 3. Высота его всего 0,45 м, диаметр 27 м. Курган ограблен в древности. Могила размерами 5,4х3,5 м при глубине 1,75 м. По стенам сохранились следы деревянной облицовки. В юго-восточном углу ямы – остатки железного чешуйчатого панциря. Погребенных было, видимо, несколько. Но главный из них лежал головой на юг. При нем обнаружены остатки железного панциря, бронзовые и железные наконечники стрел, наконечник копья и два наконечника дротиков, овечьи кости, окрашенные окислами меди (видимо, выброшенные из унесенного грабителями бронзового котла), около 800 золотых штампованных нашивных бляшек, круглая железная пряжка с язычком, обтянутая серебром, истлевший деревянный сосуд с золотыми оковками, черно-лаковая греческая чашечка на невысоком поддоне, остатки узды с серебряными украшениями (налобники, нащечники во «фракийском» стиле), серебряные подвески и колокольчики, железная пряжка, обтянутая золотой фольгой с головами кабанов на концах, остатки золотой оковки гребня с головами зверей и др.

Не менее интересны и более основательно разграбленные в древности курганы № 1 и № 2 той же группы. Курган № 1 – один из наиболее крупных в южной части курганного могильника. Его высота – 2,5 метра, диаметр – 15 метров. Раскопки велись квадратным «колодцем» по центру размерами 6х6 метров. Деревянное двухслойное перекрытие над могилой. Материковый выкид желтой глины вокруг. Прямоугольная погребальная камера 4х5 метров ориентирована по странам света и имела 2 м в глубину. Стены могилы были облицованы деревом (вертикально стоящими досками, торцы которых упирались в канавки), перекрытие и облицовка держались на пяти столбах (четыре по углам и один – в центре). На дне – остатки человеческого скелета, лежавшего в вытянутом положении головой на юг. Большая часть костей оказалась потревоженной грабителями. Кости части туши лошади были окрашены в зеленый цвет, поскольку они лежали ранее в бронзовом котле, унесенном ворами (фрагмент от венчика котла был, кстати, найден в углу могилы).

После жестокого ограбления в могильной яме удалось обнаружить не так много предметов: пачка железных наконечников стрел у левого бедра покойного (видимо, остатки колчана), несколько золотых бляшек с изображением лежащего льва, цилиндрическая буса-амулет синего («финикийского») стекла с грубым изображением человеческого лица, две золотые полые бусины, обломок железного наконечника дротика, большая чаша из тонкой листовой бронзы, в которой лежали четыре уздечных набора, состоявших из железных удил и псалиев, бронзовых колокольчиков, налобных и нащечных блях в «зверином стиле». Найдена также золотая оковка края деревянной чаши, на которой методом штамповкой грубо изображена стоящая в профиль фигура медведя. Интересна и рельефная головка Медузы Горгоны античной работы – ручка утраченной бронзовой чаши.

Курган № 2 имел довольно внушительные размеры: высота насыпи 3 метра, диаметр – 28,5 метра. Под курганом находилась могильная яма, облицованная по стенам деревом. Остатки разрушенного грабителями погребения в виде плохо сохранившегося человеческого скелета. Он лежал на спине, головой на юг. Его сопровождали остатки чешуйчатого железного панциря, много железных втульчатых наконечников стрел, 9 наконечников копий и дротиков, золотая бляшка с изображением крылатого грифона, золотые и серебряные оковки трех деревянных сосудов.

Таким образом, несмотря на повальное ограбление в древности и несовершенство методики раскопок (раскапывался только центр, «колодцем», 5х5, 6х6, 7х7 метров, а полы кургана оставались нетронутыми), эти курганы группы «Частых» дали науке богатейшие материалы по среднедонской культуре скифского времени.

Следовательно, до 1917 г. на территории Среднего Дона раскопкам подвергались только курганы. Всего было исследовано в нескольких могильниках более 20 курганов; в основном – у с. Мастюгино (7 насыпей – работы А.А. Спицына и Н.Е. Макаренко) и в группе «Частые Курганы» (ВУАК – 13 насыпей).

Тем не менее, «Воронежская группа» курганов получила общую высокую оценку двух крупнейших археологов России – М.И. Ростовцева и А.А. Спицына. Для обоих скифская принадлежность воронежских погребальных комплексов (у с. Мастюгино и в «Частых Курганах») представлялась бесспорной. А.А. Спицын намеренно включил курганы Среднего Дона в Полтавскую группу, приписываемую им скифам-пахарям. «Сюда (т.е. к древностям Полтавщины. – *В.Г.*), – пишет он, – примыкают древности Харьковские, Черниговские и Воронежские. Скифы на восток (или в обратном направлении) двигались явно по линии лесостепи».[11]

М.И. Ростовцев несколько раз специально обращался к среднедонским курганным материалам как в своих общих работах, так и в специальных трудах по скифской археологии. Так, в фундаментальном исследовании «Скифия и Боспор» он пишет: «Здесь укажу только на то, что по инвентарю группа воронежских курганов всецело принадлежит к той группе скифских погребений эпохи расцвета, к которой принадлежит и большинство курганов степной приднепровской группы».[12]

В другой своей общей работе М.И. Ростовцев также без особых колебаний включает среднедонскую группу курганов в единый мир скифской культуры Северного Причерноморья.[13]

Не отступает он от этих взглядов на общее место воронежских курганов среди других скифских древностей и в своих специальных исследованиях например, в известной статье «Воронежский серебряный сосуд»: «Начиная с конца IV в. до Р.Хр.* ... степи нашего юга приобретают совсем иной аспект, чем тот, который мастерски набросал перед нами Геродот. На всем протяжении великой степной полосы, по берегам великих русских рек: Дона, Кубани, Буга, Днепра, *заходя далеко на север* (кур-

* Эта дата носит теперь явно устаревший характер. Мы можем говорить, вероятно, о конце V и, уверенно, о всем IV в. до н.э. как об эпохе расцвета Скифии и эпохе заметных перемен в ее быте и культуре.

сив мой. – *В.Г.*), раскинулся ряд скифо-сарматских государств... В значительной части этих государств кочевой быт сменяется оседлым; вместо лагеря кибиток появляются города, обнесенные валами и стенами; высшие классы населения отличаются незаурядным вкусом, высоко ценят греческую промышленность, но нередко диктуют ей свои условия... Правда, культура эта носит чисто аристократический характер, это культура царей и высшей феодальной аристократии, но она постепенно проникает и в толщу народа...».[14]

Таким образом, подводя итоги археологических исследований памятников раннежелезного века на Среднем Дону в дореволюционный период, можно сказать, что несмотря на сравнительно скромные масштабы раскопок (было всего изучено более 20 курганов скифской эпохи) и их односторонний характер (изучались лишь курганные могильники, а поселения оставались вне сферы интересов археологов), крупнейшие представители российской науки и, прежде всего, академик М.И. Ростовцев, дали в целом верное определение этнокультурной принадлежности Воронежской группы курганов, приписав их скифам.

Конечно, встречались в XIX – начале XX веков и знающие люди, талантливые специалисты-археологи, но отнюдь не они определяли, к сожалению, общее состояние дел в том, что касалось изучения прошлого нашей страны.

И все же наука не стояла на месте. Живые ростки знания упорно пробивали себе дорогу сквозь многочисленные преграды и трудности. Именно в эти годы большой знаток скифских древностей М.И. Ростовцев написал в одной из своих работ: «Как ни кустарно ведется дело расследования в большинстве раскопочных кампаний, как ни грабят наши золотоносные курганы хищники и жадные предприниматели, до сих пор стоящие вне досягаемости закона..., богатство наше все же растет, стихийно переполняет Эрмитаж, начинает заполнять и провинциальные музеи. К сожалению, бедное силами и материальными средствами научное исследование еле поспевает за этим ростом, масса вещей первостепенной важности остается неизданной и во многих областях обилие материала грозит превратиться в хаос».[15] Эти слова имели самое прямое отношение и к воронежским древностям. Общий итог деятельности археологов дореволюционной поры на Среднем Дону никак не назовешь положительным: два десятка раскопанных курганов и несколько случайно найденных вещей вряд ли могли дать сколько-нибудь полное представление о местных древностях скифской поры. Не изменилось положение дел и после Октябрьской революции.

В 1927 году известный российский археолог В.А. Городцов раскопал в группе «Частые курганы» еще 6 насыпей. Пять из них содержали погребения скифского периода сильно потревоженные грабителями.[16] В жизни археолога большую роль играет элемент удачи, счастливого случая и просто везения в его нелегкой работе. Примеров здесь множество. То, что «Частые Курганы» были основательно ограблены еще в древности, показали со всей наглядностью уже первые раскопки членов ВУАК в 1910 году. Однако, к воронежским начинающим археологам судьба явно была благосклонной. Мало того, что в частично ограбленном кургане № 3 удалось обнаружить уникальную серебряную вазу с изображениями скифов, нашли там еще и меч с золотой рукоятью, выполненной в лучших традициях великолепных мечей скифских царей из гигантских курганов Степного Приднепровья (Чертомлык и другие). Да и в других одиннадцати насыпях исследованных членами ВУАК, интересных находок оказалось немало. А вот Василию Алексеевичу Городцову – крупнейшему российскому археологу первых десятилетий XX века – в раскопках воронежских курганов явно не повезло. Из пяти курганов скифской эпохи, исследованных им на северной окраине Воронежа, происходит лишь несколько предметов, которые заслуживают упоминания: почти целая греческая амфора, греческая ойнохоя (сосуд для смешивания вина с водой), бронзовый скифский котел на конической ножке и с двумя вертикальными ручками, детали бронзового конского убора и несколько золотых нашивных бляшек в виде фигур оленей. Но, будучи великолепным полевым археологом, Ва-

силий Алексеевич сумел выявить в местных курганах один оригинальный ритуал – наличие в полу некоторых могил, в центре, специальных культовых ямок – «бофр» (найдены они позднее и в других среднедонских могильниках скифской эпохи). Вот, что пишет об этом сам ученый. В кургане № 3 в центре могилы была обнаружена глубокая (до 1 метра) яма цилиндрической формы и в ней греческая ойнохоя, железный нож с ажурной прорезной рукоятью и ребро крупного животного. «Яма, – пишет В.А. Городцов, – имела форму правильного цилиндра с гладкими стенками. Выкопать ее простой лопаткой не представлялось возможным ввиду ее большой глубины. Очевидно, для выполнения работы служил специальный инструмент в виде скифских и античных различных ложек или черпачков. Кажется, только при помощи подобного инструмента можно было бы вычерпать землю с глубины 0,95 м узкой ямы. Но если требовалась такая тщательная обработка ямы, то очевидно, что яма не назначалась для врытия столба..., этому противоречили бы и тщательность выработки ямы и нахождение в ней вещей. Несомненно, яма имела более серьезное назначение, связанное с культом погребения, причем естественно возникает мысль, не служила ли яма бофром, специально предназначенным для принесения даров подземному божеству или божествам. Эти дары могли иметь вид возлияний, одежд умершего и других предметов, в форме, например, сосуда, ножа, ребра животного, возможно, с мясом, какие найдены в исследуемой яме...».

Древние (и более поздние) грабители настолько, видимо, досадили ученому – большие затраты времени, сил и средств, а в итоге находишь лишь жалкие следы былого великолепия – что В.А. Городцов посвятил немалую часть своего отчета о раскопках «Частых Курганов» деятельности этих «искателей сокровищ». Кстати, его выводы на этот счет остаются весьма актуальными и по сей день. В его отчете мы читаем: «Курган № 3* оказался ограбленным и, несомненно, в древности – грабители отлично знали устройство могилы, а это облегчало успех их работы, на которую требовалось не более 4–5 часов времени. Грабители прокопали свою лазейку через насыпь кургана так, чтобы она ударила в край накатника, покрывавшего яму, опускались под него и спешно, забрав украшения, сопровождавшие покойника, вынесли их наверх и, засыпав лазейку, удалились с добычей. В руки их, вероятно, попали золотые украшения. Ненужных вещей грабители не брали. Они не взяли даже бронзового котла, который брать было опасно, так как он мог выдать преступников...». И, наконец, далее следует целая инструкция о древних и современных ограблениях курганов. Курган № 5. Погребение 1. «При раскопке колодца и могильной ямы выяснено двукратное опустошение погребения: грабителями и современными кладоискателями. Грабители проникли узкой лазейкой, направленной на западный бок ямы, под которым имелась ступенька для схода в могилу. Грабители прорезали часть этой ступеньки. Засыпка ямы кладоискателей отличалась значительной свежестью и рыхлостью; засыпка же древних грабителей по цвету почти сливалась с насыпью кургана и отличалась исключительной твердостью».[17]

В 30-е–40-е годы сколько-нибудь значительных исследований скифских древностей практически не велось. Тем не менее, в 50-х годах воронежский историк А.Ф. Шоков, обобщив все имеющиеся тогда сведения об археологических памятниках раннежелезного века (прежде всего, это были материалы дореволюционных раскопок курганов) в регионе, еще раз подтвердил прежнюю точку зрения М.И. Ростовцева о том, что культура племен Среднего Дона в VI–III вв. до н.э. – это часть единой культуры Европейской Скифии.[18]

В 1954 году к широкому изучению скифских поселений и могильников на рассматриваемой территории приступила Воронежская скифская лесостепная экспедиция (ВСЛЭ) ИИМК (с 1956 г. – Института археологии) АН СССР, возглавляемая П.Д. Либеровым. Доктор исторических наук Петр Дмитриевич Либеров (1904–

* Это по новой нумерации В.А. Городцова, не путать с курганом № 3 из раскопок ВУАК.

1983 гг.) – человек, хотя в общем и удачной научной судьбы, но, на мой взгляд, все-таки незаслуженно обойденный среди археологов известностью и славой человек. В историческую науку, в силу ряда объективных обстоятельств, он пришел сравнительно поздно. В 1934–1939 гг. обучался в Институте истории, философии и литературы имени Н.Г. Чернышевского (ИФЛИ) в Москве на историческом факультете под руководством известного отечественного скифолога – профессора Б.Н. Гракова. По окончании полного курса обучения П.Д. Либеров поступает в аспирантуру этого же вуза но закончить ее не успевает. Начинается Великая Отечественная война и его призывают в действующую армию, где он находился вплоть до 1946 г. и возвратился к мирной жизни в чине капитана, с орденами и медалями за боевые заслуги (служил в зенитной артиллерии). В 1946 г. поступает в аспирантуру Института истории материальной культуры (ИИМК) Академии наук СССР по специальности «скифская археология» и руководителем его вновь становится Б.Н. Граков. За письменным столом, правда, долго сидеть не пришлось – Петр Дмитриевич активный участник всех работ Скифской Степной экспедиции, возглавляемой Б.Н. Граковым. Разведки и раскопки скифских памятников велись тогда на территории Украины. И, надо сказать, что, обладая богатым жизненным (и фронтовым) опытом, сравнительно немолодой уже человек, Петр Дмитриевич внес немалый личный вклад в общий успех экспедиции (раскопки рядовых курганов на Никопольском поле, работы на Каменском городище и т.д.). 1948 год. П.Д. Либеров успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «Скифские курганы Киевщины». Продолжаются и полевые исследования на Украине, осмысливаются и выносятся на всеобщее обсуждение коллег интересные идеи об особенностях развития скифской культуры в степном и лесостепном Приднепровье.[19] И, вдруг, новое задание дирекции Института (ИИМК), где Петр Дмитриевич с 1948 г. работает в должности младшего научного сотрудника, – надо срочно провести раскопки на хорошо известном курганном могильнике «Частые Курганы» на окраине Воронежа. Ценный археологический объект попал в зону современного строительства и его надо было срочно спасать. Это задание сверху стало судьбоносным в жизни П.Д. Либерова. Благодаря ему, Петра Дмитриевича с полным правом можно назвать подлинным первооткрывателем археологического богатства Воронежского края. За сравнительно короткое время, с 1954 по 1969 гг., возглавляемой им экспедицией были почти полностью раскопаны курганные могильники в урочище «Частые Курганы» (21 курган) и у с. Мастюгино (39 курганов), а также 18 курганов (из 49 выявленных) двух могильников у с. Русская Тростянка, Острогожского района, Воронежской области. Одновременно были обнаружены и частично исследованы свыше 20 городищ и 39 открытых поселений скифского периода. И главным помощником Петра Дмитриевича в этих масштабных исследованиях была Анна Ивановна Пузикова – сотрудница ИИМК АН СССР, ставшая кандидатом исторических наук в 1969 году именно благодаря материалам с памятников скифской эпохи на Среднем Дону. Кроме того, специалисты собрали и изучили первые коллекции антропологического и палеозоологического материала из данного региона, провели спектральные анализы цветного металла из погребальных и поселенческих комплексов.[20] Этот новый богатый и разнообразный археологический материал (в сочетании с данными античных письменных источников) позволил П.Д. Либерову сформулировать общую концепцию о наличии на Среднем Дону в VI–III вв. до н.э. «скифоидной» по внешнему облику, но сугубо местной и оригинальной культуры оседлых земледельцев и скотоводов, которых он связывал с будинами Геродота и угро-финнским этносом. По его мнению, она происходит напрямую от местной культуры эпохи бронзы («абашевцев» и «срубников»).

Он говорил также, что среднедонская культура скифского времени не имеет ничего общего со своими соседями на западе – племенами Украинской Лесостепи (левобережье Днепра); на востоке – с кочевыми племенами савроматов; и на юге – с собственно скифами.

«Суммируя все вышесказанное, – утверждал П.Д. Либеров, – мы можем заключить, что археологические, лингвистические (топонимические), антропологические и этнографические источники позволяют рассматривать население Подонья в эпоху раннежелезного века в этническом отношении как финно-угорское, говорящее, по Геродоту, на особом языке как по сравнению с гелонами, выходцами из эллинских городов, так и скифами».[21] Это было весьма смелое заявление, отвергающее, по сути дела, взгляды всех предшественников на культуру населения Воронежщины в VI–III вв. до н.э. Но у П.Д. Либерова находился в руках новый большой материал, и многие ученые сочли его доводы вполне убедительными. Правда, по мере накопления новых фактов, ряд основных положений концепции П.Д. Либерова был либо отвергнут, либо серьезно оспорен его коллегами. Так, тезис о преемственности местных культур эпох бронзы и раннего железного века не подтвердился. Между началом I тыс. до н.э. и появлением на Среднем Дону скифской (или «скифоидной») культуры наблюдается хронологическая лакуна в несколько столетий. Наиболее ранние погребения скифского времени в местных курганах относятся лишь к V в. до н.э. Не получило поддержки и высказывание Петра Дмитриевича об отсутствии тесных связей среднедонских племен со своими соседями на западе (Украинская Лесостепь), востоке (кочевые савроматы) и юге (скифы, меоты). В настоящее время удалось убедительно доказать не только связи, но и близкое родство культуры всей Лесостепи – от левого берега Днепра до среднего течения Дона в V–IV вв. до н.э. Такие же изменения взглядов археологов происходят и в отношении контактов населения Среднего Дона в скифскую эпоху со своими восточными и южными соседями. Есть большие сомнения и по поводу будино-гелонской принадлежности племен Лесостепного Подонья, да еще в их угро-финнском варианте.

Но все это не отменяет и не принижает огромных заслуг Петра Дмитриевича в археологическом изучении Воронежской области. И я горжусь тем, что еще практически в начале своей археологической карьеры попал в состав Воронежской Скифской Лесостепной Археологической Экспедиции (ВСЛАЭ) и проработал в ней более 10 лет (1960–1971 гг.). Вот об этих далеких годах, насколько они остались в моей памяти, и пойдет ниже речь.

По следам кладоискателей

Случилось так, что первый мой опыт по раскопкам скифских курганов Воронежщины в 1961 году был связан как раз с селом Мастюгино и его печально знаменитыми могильными холмами, которые часто становились в прошлом жертвами кладоискателей.

Жить нам пришлось в самом селе. И первое время мне было трудно отделаться от одной навязчивой мысли: в каждом мастюгинском жителе мне чудился грабитель или, на худой конец, ближайший родственник грабителя древних курганов. Видимо, именно по этой причине я сразу же невзлюбил и село, и его обитателей. Даже внешний вид Мастюгино вызывал во мне глухое раздражение. На голом, без единого деревца или кустика, косогоре беспорядочно, вразброс, стояли унылые, серые от облупившейся побелки дома. Нелепо широкая, грязная, вся в глубоких колдобинах, дорога, шедшая через все село, вдруг внезапно упиралась в стену какого-то бревенчатого сарая и, сделав замысловатое коленце вокруг этой неожиданной преграды, неторопливо тянулась дальше. То, что село было голое, без садов и посадок, как мне казалось тогда, самым прямым образом увязывалось с характером мастюгинцев – по моему глубокому убеждению – людей угрюмых, скрытных и подозрительных. Потом уже, некоторое время спустя, я вынужден был признать свою неправоту: и село оказалось как село, и люди обычные – добрые и простые. Что же касается садов, то их вырубили где-то в начале тридцатых годов XX века из-за непомерно высоких государственных налогов на фруктовые деревья.

Интересующая нас курганная группа находилась примерно в 1,5 км севернее села, за глубоким оврагом, на высоком меловом бугре. Большинство курганов распахивалось и поэтому представляло собой зрелище не слишком внушительное. На черноземном, оставленном под пар поле едва заметными бугорками выделялось всего десятка два небольших холмиков и каких-то круглых светлых пятен. Правда, кое-где можно было видеть и высокие зеленые конусы курганов высотой в несколько метров. Даже тракторный плуг не смог сокрушить их крутую, слежавшуюся от времени насыпь. Но, подойдя ближе, мы увидели, что вершины этих земляных колоссов обезображены глубокими воронками грабительских ям и перекопов.

Здесь, на этом курганном поле, и пришлось мне в течение полутора месяцев проходить свои «археологические университеты». Наставником моим был сам начальник экспедиции – Петр Дмитриевич Либеров – человек с огромным жизненным опытом, прошедший долгий и трудный путь от простого архангельского лесоруба до заместителя директора солидного академического института – Института археологии АН СССР. Именно он, ловко взяв в свои ухватистые, по-мужичьи жадные до работы руки лопату, научил меня владеть ею. Он же учил любить и понимать землю, разбираться в ее секретах и загадках, в хитросплетениях грабительских ям и перекопов, желтых пятен от норок грызунов и, наконец, в тонкостях древних погребальных конструкций.

Читатель может, вероятно, спросить: а стоило ли тратить время и немалые средства на бесперспективные вроде бы раскопки уже ограбленных мастюгинских курганов? Могу сказать без тени какого-либо сомнения – стоило. И вот почему. Археология – это наука, изучающая прошлое по остаткам материальной культуры, извлекаемым, обычно, из глубины земли. Для воссоздания подлинной истории народов, зачастую народов бесписьменных, необходимо широкое изучение древних поселений и могильников. Теперь при раскопках курганов археолога интересуют не только отдельные драгоценные изделия, или выдающиеся произведения искусства, а весь комплекс данных о характере изучаемого памятника: устройство насыпи, гробницы, черты погребального обряда, точнее положение скелета и вещей в могиле – для выяснения религиозных верований данного народа и даже сами человеческие кости – для антропологических изысканий.

Для широких исторических обобщений нужен массовый материал многих курганов, раскопанных в разных районах на разных территориях. Именно такие данные и были получены нами в Мастюгине. Но, вместе с тем, вопреки нашим предположениям, «бесперспективные» мастюгинские гробницы неожиданно дали множество ценных, высоко художественных изделий древних мастеров. И все это стало возможным, благодаря широкому применению могучей землеройной техники.

Если раньше археологи вручную могли в лучшем случае снять за один полевой сезон две, максимум, четыре курганных насыпи среднего размера, то сейчас, за один только месяц, мы с помощью бульдозера и скрепера, сумели раскопать более 18 курганов. Не берусь судить – когда и где стали впервые применять бульдозеры при археологических исследованиях. Во всяком случае для нас в 1961 г. дело это было новое незнакомое. Приходилось учиться на ходу, прямо в процессе раскопок. Были, конечно, как и во всяком новом деле, свои трудности, ошибки. Но сейчас, оглядываясь на пройденный путь, со всей прямотой можно сказать, что этот первый опыт массовых раскопок с помощью техники целиком себя оправдал. Мы не испортили ни одного кургана, ни одного древнего предмета или могилы. А точность фиксации материала в чертежах и дневниках нисколько не уступала требованиям обычной археологической методики. Зато скорости работ в обоих случаях были несравнимы. Вооруженные могучим бульдозером, мы за один день успевали сделать столько, на что прежде тратились недели. Правда, перед этим пришлось хорошо изучить структуру местных курганов скифского времени. Выяснилось, что в насыпи, за редким исключением, находок не встречается или же там представлены скудные следы погребаль-

ной тризны – несколько черепков глиняного сосуда и разрозненные кости животных. Сама же гробница с деревянным перекрытием расположена обычно в центре кургана, под насыпью, на 1,5–2 метра вглубь нетронутой почвы или, как ее зовут археологи, «материка».

Таким образом риск зацепить и разбить ножом бульдозера какой-либо древний предмет сводился при раскопках насыпи до минимума. Когда же из недр кургана появлялись полусгнившие бревна крыши гробницы, трактор останавливали и дальнейшие работы вели вручную.

Теперь, во всеоружии полученного опыта, ученые широко применяют бульдозеры и при раскопках других курганов – эпохи бронзы, средневековья и т.д. И это совершенно правильно. Как же иначе успеть за семимильными шагами нашей действительности? При размахе современных строек – гигантских трансконтинентальных трубопроводов, искусственных морей, водохранилищ и каналов – могут бесследно исчезнуть, погибнуть ценнейшие памятники старины. Чтобы этого не случилось и несут свою напряженную вахту археологи, всегда идущие впереди, вместе с головными отрядами строителей.

История одного кургана

Во время работ у с. Мастюгино наше внимание привлек одинокий большой курган, получивший в полевой документации замысловатый номер 29/21. Внешний его вид не внушал особого доверия. Огромная коническая воронка прорезала всю его вершину, лишая исследователя какой-либо надежды на достойное вознаграждение за свой нелегкий труд. Курган был уже раскопан или основательно ограблен в не столь уж отдаленные времена. Но решили «проверить» на всякий случай и его.

Крутолобый земляной исполин был снесен за 2–3 дня. Внизу открылась большая могильная яма площадью около 49 квадратных метров. Ее перекрывал мощный двойной накат из дубовых бревен, опиравшийся на 17 вертикальных столбов. Сгнившее перекрытие, не выдержав тяжести земли, давившей на него сверху, рухнуло еще в древности, прочно завалив боковые стороны и, особенно, углы гигантской гробницы.

Это и предопределило дальнейшее развитие событий. То, что могила ограблена было ясно с первого взгляда – беспорядочно разбросанные изломанные вещи, отдельные человеческие кости, следы перекопа и т.д. Но мы не унывали – ведь нам удалось во всех деталях проследить конструкцию этого колоссального погребального сооружения, что уже, само по себе, было весомым вкладом в местную археологию.

И, вдруг, в самом углу ямы, под рухнувшими вниз обломками бревен показался округлый бок какого-то позеленевшего от времени предмета. Когда это место осторожно расчистили, то увидели не одну, а сразу две драгоценных находки – бронзовую греческую гидрию с остатками позолоты и серебряный ритон. Там же лежали 2 серебряных фигурки медведей – украшения уздечного набора, золотая бляшка, золотая оковка деревянного сосуда, железные наконечники стрел, обломок греческой чернолаковой чашечки и нескольких других вещей. Благодаря этим находкам, время сооружения кургана удалось установить достаточно точно: это V в. до н.э. Но, странное дело, более внимательное знакомство с предметами из кургана 29/21 вскоре выявило поразительное их сходство с вещами из кургана № 2, раскопанного А.А. Спицыным в 1905 или 1906 годах у того же села Мастюгино. Одна золотая треугольная бляшка находилась у нас – несколько точно таких же бляшек в коллекции А.А. Спицына. Две серебряных фигурки медведя у нас – одна у нашего предшественника. Та же картина и с золотыми оковками деревянного сосуда: одна у нас – шесть у А.А. Спицына. Совпадает и описание погребальной камеры. Только вместо 17 столбовых ямок в отчете А.А. Спицына указано 16. Не хватает одной ямки – той самой, возле которой мы нашли гидрию, ритон и многие другие предметы. Но окон-

чательно убедил нас в наших догадках рассказ нескольких старожилов с. Мастюгино. Они прекрасно помнят, что в этот курган сначала проникли местные кладоискатели, которые нашли здесь «металлическую посудину» и «прекрасную глиняную чашу», правда, неосторожно разбитые ломом на мелкие куски. Потом этот же курган докапывал А.А. Спицын. Конечно, старики уже не помнят его фамилии, но уверенно говорят, что какой-то важный господин, приехавший издалека доследовал могилу и вывез оттуда целый воз золота и серебра.

Крестьяне несколько преувеличивали истинное положение вещей, но все же, судя по отчету А.А. Спицына, находки, сделанные им, действительно оказались на редкость богатыми. Забрал он у кладоискателей и куски «металлической посудины» в количестве 46 штук, оказавшейся серебряным греческим (фракийским?) сосудом VII в. до н.э. Итак, круг доказательств сомкнулся. Мы изучали курган уже раскопанный до того в начале века известным русским археологом А.А. Спицыным. Выводы?

Ну, какие тут могут быть выводы? Конечно же, современная методика археологических работ (раскопки кургана на снос) имеет массу преимуществ по сравнению со старой практикой копать курган «колодцем». Но стоит ли судить за это человека, вся вина которого состоит лишь в том, что он жил на несколько поколений раньше нас.

Сокровище скифского вождя

До сих пор мы встречали на Среднем Дону курганы, уже основательно опустошенные искателями наживы разных эпох. Правда, широкие раскопки с применением техники позволяли, в конечном счете, и нам добывать интереснейшие и ценные находки. Один курган дал серебряный греческий ритон (рог для вина) и золоченую бронзовую вазу. В другом мы неожиданно наткнулись на почти целый панцирь, железные чешуйки которого были выложены на груди тонким золотым листом. Третий хранил в своих недрах обширный набор вооружения скифского воина – наконечники стрел, дротиков и копий, меч, нож и конскую узду. То, вдруг, в грабительском перекопе удавалось собрать внушительную коллекцию золотых штампованных бляшек разных форм и размеров.

И все же в глубине души мы всегда чувствовали какую-то неудовлетворенность: ведь нам доставались всегда только жалкие крохи былых сокровищ. Сколько же изумительных шедевров древнего искусства, сколько умопомрачительных груд золота и серебра должны были хранить в себе недра скифских курганов, если к ним во все времена постоянно слетались стаи алчных хищников-грабителей. Грабили в глубокой древности, чуть ли не сразу после окончания похорон. Грабили в средние века степные бродяги из проходящих кочевых орд. Грабили, наконец, с чисто мужицкой основательностью почти в наши дни – в конце XIX – начале XX веков: благо, что спрос на скифские древности был тогда отменно высоким и у частных коллекционеров внутри России, и на внешнем рынке.

У нас в экспедиции в связи с этим появилась даже своего рода игра: во время раскопок очередного кургана на основе уже приобретенного опыта мы «угадывали» в какую эпоху ограблена вскрываемая гробница. Отличить «почерк» древних грабителей от современных кладоискателей было трудно, но возможно. В первом случае пятно от грабительского хода состояло из необычайно твердой и вязкой как замазка земли, получившей в нашем обиходе наименование «затёчной». Кладоискательские же ямы заполняла рыхлая мягкая, легко поддающаяся лопате земля. Однако, объяснить истинную причину этого различия нам долго не удавалось. И вот совершенно случайно, читая отчет известного российского археолога В.А. Городцова о раскопках «Частых Курганов» под Воронежем в 1927 г., я наткнулся на строки, полностью разрешившие все мои недоумения.

«Я полагаю, – пишет Василий Алексеевич, – что затвердение земли в грабительской лазейке происходило по той причине, что ограбление производилось в ненастные

дождливые ночи, чтобы не быть замеченным родственниками погребенного или их соседями, несомненно, жестоко наказывавшими преступников. Смоченная дождем, выброшенная из кургана земля сырой возвращалась обратно в лазейку и вследствие этого сильно уплотнялась и получала свойства, близкие к свойствам кирпича...

Если же наше определение верно, то необходимо заключить, что у скифов и сарматов существовали специалисты по ограблению курганов, пользовавшиеся для этого хорошо разработанными методами и уловками».[22]

Но однажды нам пришлось испытать ни с чем не сравнимую радость первооткрывателей. В 1964 году экспедиция П.Д. Либерова начала работы в более южных районах, за пределами Воронежщины. Неподалеку от деревни Дуровка, Алексеевского района, Белгородской области наше внимание привлекла группа сильно распаханных курганов, стоявших на высоком меловом бугре, над заболоченной, густо заросшей осокой и камышом речушкой. Среди них выделялся своими размерами центральный курган высотой около двух метров и диаметром свыше сорока. Решено было начать раскопки именно с него. Под земляной насыпью нам открылась огромная могильная яма. Стены ее были облицованы дубовыми плахами. Перекрытие имело форму шатра: могучие дубовые стволы лучами сходились над могилой, опираясь на несколько центральных столбов, которые и удерживали всю эту сложную конструкцию. Почва возле краев могилы носила следы сильного обжига. Еще в древности в западную половину гробницы проникли грабители. Обнаружив там два скелета мужской и женский – они забрали все находившиеся при них ценности и удалились. Восточная же часть могилы, заваленная обломками бревен рухнувшего вниз «шатра», осталась совершенно нетронутой. На дне просторной деревянной гробницы лежали колчаны с сотнями железных наконечников стрел, конские удила, узорчатые уздечные наборы, туши лошади, свиньи и барана, бронзовая фигурка птицы, греческая амфора для вина и серебряный ритон с головкой барана на узком конце. Здесь же, среди остатков какой-то истлевшей розовой ткани, валялись сотни плоских и полусферических золотых бляшек и одна большая круглая бляха листового золота. На ней в грубом варварском стиле изображен человек, который сидит верхом на крылатом грифоне, терзающем оленя. Волосы у человека длинные. На шее у него многовитковая гривна, правая рука поднята, видимо, для удара; левая скрыта за гривой зверя.

Но кто же он? Согласно скифским легендам, все цари Скифии ведут свое происхождение от одного общего предка – мифического героя по имени Таргитай. Как и греческий Геракл, Таргитай прославился своими бесчисленными подвигами во славу человека, очищая землю от страшных хищников и чудовищ. Золотые бляшки с изображением Геракла-Таргитая в изобилии встречаются во многих гробницах скифских царей.[23] Нет ничего удивительного в том, что местные владыки тоже следовали этому обычаю. А серебряный ритон с затейливым орнаментом? Хорошо известно, что на Древнем Востоке и у многих ираноязычных народов (в том числе и у скифов) ритон считался священным, ритуальным сосудом и, одновременно, одним из атрибутов царской власти. С его помощью земные владыки как бы приобщались к миру владык небесных.

Теперь сомневаться больше не приходилось: перед нами лежали останки одного из местных властителей и его спутницы.

Вечером, когда была собрана и тщательно нанесена на план последняя вещь, усталые, но довольные возвращались мы в экспедиционный лагерь. Черные тени легли уже на горбы курганов, придавая им какой-то удивительно торжественный и загадочный вид. И не нужно было даже особенно фантазировать, чтобы явственно представить себе перипетии той драмы, которая разыгралась на этом высоком меловом плато 25 веков назад.

Итак, правитель среднедонских земель умер. И тотчас же во все концы страны, не щадя коней, помчались с этой горестной вестью «черные всадники» – вестники пе-

чали и смерти. Безутешные подданные умершего владыки, его друзья и соседи, члены его рода, собравшись все вместе, с криком и плачем двинулись в далекий путь, к месту погребения. Скрипели колеса тяжело нагруженных повозок с дарами покойному. Медленно тянулись табуны лошадей, стада быков и баранов, предназначенных для принесения в жертву и поминального пиршества. Бездыханного владыку везли на специальном катафалке с шестами, увешанными бронзовыми колокольчиками. Далеко по округе разносился их печальный звон, оповещая жителей о приближении траурной процессии и отгоняя злых духов.

Место для погребения выбрали на высоком холме, над серебристой рекой, откуда открывался вид на неоглядную зеленую равнину. Тысячи людей разбили здесь свой временный лагерь, и началась титаническая работа по сооружению гробницы. После ее завершения, жрецы разожгли на краю могильной ямы огромный костер. Его дым должен был очистить умершего от всякой скверны. Затем ближайшие родственники вождя бережно опустили его тело в могилу, на подстилку из мягких кошм и травы. Он был одет в лучшие свои одежды и украшения. Рядом разложили атрибуты его власти, воинские доспехи, оружие, конскую сбрую и заупокойную пище – целые туши лошадей и овец с воткнутыми в них железными ножами, греческое терпкое вино в узкогорлых заморских сосудах.

В отличие от «царских» скифов местные жители редко прибегали к человеческим жертвоприношениям. Единственное исключение делалось для царя и наиболее знатных вельмож. Их обязательно сопровождали в потусторонний мир жены или наложницы. Так было и на этот раз: молодую женщину задушили или заставили выпить яд.

Тела вождя и его спутницы накрыли огромным пологом из розовой ткани, сплошь расшитым золотыми бляшками, и соорудили над могилой прочную деревянную крышу-«шатер». Затем насыпали большой земляной холм и, устроившись на его вершине и склонах, приступили к поминальному пиршеству – тризне. Лишь самые знатные старейшины и храбрейшие воины удостаивались этой чести. Остальные сидели у костров, разложенных по всему полю, вокруг кургана. Ходили по кругу деревянные с золотой оковкой чаши с хмельным вином. Жарились на огне целые бараньи и бычьи туши. А звучный голос певца воспевал воинскую доблесть и великодушие владыки, навсегда ушедшего в царство теней.

К утру все торжественные обряды закончились, и люди, оставив после себя лишь пепел костров, да кости съеденных на тризне животных. И только высокий земляной холм, хранящий в своих глубинах бренные останки скифского властителя и погребенные с ним сокровища, по-прежнему, стоял в гордом уединении на крутом речном берегу.

Но вернемся к истории изучения древностей скифского времени в Лесостепном Подонье.

К началу 70х годов работы Воронежской Скифской Лесостепной экспедиции стали по разным причинам постепенно сворачиваться. Отходит от активной полевой работы ввиду преклонного возраста П.Д. Либеров. Научные интересы А.И. Пузиковой смещаются в Курское Посеймье. Автор же книги в 1970–1985 гг. был целиком занят «делами зарубежными» (экспедиции в Ираке, на Кубе, командировки в Латинскую Америку и США). Поэтому в 70-е годы в археологическом изучении памятников скифской эпохи Воронежщины наблюдается определенный спад.

Известное оживление деятельности археологов Москвы и Воронежа в Лесостепном Подонье наблюдается только в 80-е–90-е годы. Это было связано с началом работ Скифо-сарматского отряда ВГУ во главе с А.П. Медведевым на Верхнем (Липецкая обл.) и Среднем Дону. Во второй половине 80-х годов основные усилия отряда были сосредоточены на исследовании Пекшевского городища – сложного памятника, расположенного в пограничной зоне между верхнедонской городецкой культурой и среднедонской «скифоидной» (по АП. Медведеву – будино-гелонской) культурой. Го-

родище было раскопано почти на половину его площади: изучены внешняя и внутренняя линии укреплений, открыто большое число жилых построек (около 30) и получен богатый керамический и вещевой комплекс. «Но главная научная ценность этого поселения, – отмечает А.П. Медведев, – заключалась все же не в количественных, а ... в его качественных характеристиках. В отличие от всех ранее раскопанных скифоидных поселений Пекшевское городище выделялось наличием мощного культурного слоя, формировавшегося с VIII–VII вв. до н.э. по первые века н.э. Здесь впервые была получена надежная стратиграфическая колонка, отражавшая процесс почти непрерывного развития культуры местных племен на протяжении целого тысячелетия. Изучение керамического комплекса этого памятника позволило создать надежную фактологическую базу для решения вопроса об истоках среднедонской культуры скифского времени».[24] Следует сказать, что ранняя датировка «скифоидного» слоя Пекшевского городища (VI в. до н.э.) вызывает большие сомнения, поскольку основана она всего на нескольких предметах не совсем ясного характера: бронзовой булавке «с ажурным навершием листовидной формы» (автор раскопок относит ее к концу VII – началу V вв. до н.э.) и на двух зооморфных костяных поделках (также относимых А.П. Медведевым к эпохе «скифской архаики»). Но, во-первых, бронзовые булавки с ажурным навершием существовали в обиходе древнего населения Восточной Европы (главным образом, у северных соседей скифов) довольно длительное время – с VII–VI вв. до н.э. по рубеж н.э. Что касается костяных изделий, то они совсем не похожи на архаические образцы костерезного искусства, широко представленные в Приднепровской Лесостепи в VII–VI вв. до н.э. Речь здесь может, в лучшем случае, идти о V или даже IV вв. до н.э. И тогда становится понятным, что «скифоидные» материалы Пекшевского городища отнюдь не уникальны и, как все остальные городища Среднего Дона раннежелезного века, могут быть отнесены к началу V–IV вв. до н.э.

С 1995 по 1999 гг. Скифо-сарматский отряд ВГУ провел спасательные раскопки разрушаемого современными грабителями курганного могильника скифской эпохи у с. Староживотинное Рамонского района Воронежской области. Это – пока самый северный из известных курганных могильников V–IV вв. до н.э. на Среднем Дону. В нем насчитывалось до 50 насыпей, высотой от 0,5 до 1,5 метра. За четыре полевых сезона было исследовано 12 курганов, но лишь один из них оказался неограбленным (курган № 38 с погребением воина-дружинника IV в. до н.э.).[25]

В 1981 г. воронежский археолог Ю.П. Матвеев (ВГУ) доследовал оставшиеся еще не разрушенными насыпи «Частых Курганов» и обнаружил в них несколько погребений V–IV вв. до н.э.

В 80-е годы начинают проявлять интерес к изучению памятников раннежелезного века Среднего Подонья и археологи из Воронежского Гос. Педагогического Института (ВГПИ) (руководитель экспедиции – профессор А.Т. Синюк). Наиболее значительными их работами в этой области явились многолетние раскопки (1984, 1985, 1986, 1990, 1991, 1993 гг.) городища у х. Мостище на реке Потудань (памятник двуслойный: эпохи бронзы и скифского времени). В общей сложности была исследована площадь в 3500 кв.м (из 24000 кв.м площади всего городища, т.е. более чем 1/7), вскрыта система оборонительных укреплений, выявлены жилые и хозяйственные постройки, многочисленные хозяйственные ямы; в слое городища найдено несколько погребений V–IV вв. до н.э. Материалы этого памятника обработаны, изучены и опубликованы в виде отдельного тома в 2001 году А.Т. Синюком и В.Д. Березуцким.[26]

В 1983–1986 гг. отряд экспедиции ВГПИ под руководством В.И. Погорелова произвел охранные раскопки курганного могильника у с. Ближнее Стояново Острогожского района в зоне строительства нового элеватора г. Острогожска. Всего в группе насчитывалось свыше 30 насыпей. Исследованию подверглись 12 курганов, из которых 7 принадлежали скифскому времени и 5 – эпохе бронзы. Все погребения ока-

зались ограбленными еще в древности, но дали, тем не менее, интересный материал – типичный для среднедонской культуры V–IV вв. до н.э. (оружие, конская сбруя, украшения, керамика).[27]

Следует упомянуть и о работах экспедиции ВГУ (во главе с А.Д.П ряхиным) на многослойном Семилукском городище к югу от г. Воронежа. Там обнаружены довольно интересные находки, относящиеся к позднескифскому периоду (IV–III вв. до н.э.) и свыше 70 необычных грунтовых погребений (они принадлежали женщинам, детям и старикам). Несмотря на горячие дебаты по поводу характера этих захоронений и причин их появления на территории городища (эпидемия, голод, нападение врага ???), уже сам факт наличия столь большого числа человеческих останков раннежелезного века значительно расширяет наши представления об антропологических особенностях местного населения в скифскую эпоху.[28]

В этот же период (80-е–90-е годы) вновь проявляют свою активность в изучении памятников скифского времени на Среднем Дону и московские археологи. В 1985–1987 гг. А.И. Пузикова (Институт археологии АН СССР) доследовала курганный могильник у с. Дуровка (Белгородская обл.), раскопав в общей сложности еще 13 насыпей. А всего, с 1964 по 1987 гг., ею было исследовано здесь 23 кургана из 30 первоначально выявленных в данной группе. Особенно следует отметить великолепный комплекс из кургана № 14, где был найден греческий серебряный шаровидный кубок, украшенный сложной композицией из растительных и зооморфных мотивов.[29]

В 1989 г. начинает свои многолетние исследования в Лесостепном Подонье Потуданская (с 2000 г. переименована в Донскую) археологическая экспедиция Института археологии Российской Академии Наук (ИА РАН)*. Первоначально главное внимание в работе этой экспедиции уделялось проведению интенсивных разведок и обследованию уже известных древностей в пределах Острогожского и Репьевского районов Воронежской области. За короткое время здесь было открыто 5 новых скифских городищ и 5 курганных (предположительно, частью тоже скифских) могильников. Однако, начало нашей работы в рамках проекта «Скифы на Среднем Дону» совпало с резким усилением всех видов хозяйственной деятельности в Центральном Черноземье (наплыв беженцев, перевод войск с запада и интенсификация сельскохозяйственных работ). Все это, плюс реальная перспектива массовой приватизации земли, грозит, на мой взгляд, значительным ущербом всему нашему археологическому наследию в данном регионе. Следует напомнить, что мы не знаем сейчас (в условиях отсутствия полного реестра археологических памятников даже для Европейской части России), возможно, и половины реально имеющихся древностей. И вот, в тот момент, когда в результате легальной и нелегальной хозяйственной деятельности человека, процесс разрушения археологического наследия в России заметно усилился, государство (являющееся до сих пор единственным собственником этого наследия) прекратило выделять бюджетные ассигнования на научные исследования и охрану памятников археологии. О реальном положении дел красноречиво говорит только один факт: все 10 курганных могильников Острогожского и Репьевского районов Воронежской области, которые насчитывали когда-то по несколько десятков насыпей каждый и относились к скифскому времени, находятся сейчас на грани полного уничтожения от регулярной распашки тяжелыми тракторами и воздействия сил природы. Поэтому, на поверхности земли, при отсутствии посевов, в лучшем случае можно увидеть лишь жалкие холмики высотой менее 1 метра.

Все это заставило нас, несмотря на постоянную ограниченность денежных средств, перейти от преимущественно разведочных работ к охранным раскопкам гибнущих в силу разных причин археологических памятников скифского периода. В 1992 г. нам удалось заново открыть курганный могильник у с. Терновое, Острогожского района в виде 11 сильно распаханных насыпей, самая значительная из кото-

* Начальник экспедиции – доктор исторических наук В.И. Гуляев.

рых не превышала 1 м в высоту. И по своему местонахождению (на высоком водораздельном плато) и по общему количеству курганов (только видимых – более десятка) могильник, скорее всего, был скифским.[30]

Наши предположения подтвердились: в течение четырех летних полевых сезонов 1993–1996 годов мы раскопали здесь 12 курганов, и они оказались скифскими V–IV веков до н.э. И хотя все захоронения были ограблены, они дали великолепный и разнообразный материал, который позволяет заметно изменить общие представления о культуре Среднего Дона в скифское время.

У читателей может возникнуть законный вопрос – как это могло случиться, что раскопано уже 12 курганов, тогда как их выявлено было первоначально всего 11? Дело в том, что в 1995 году, по прибытии на место работ – поля в окрестностях села Терновое, мы обнаружили их засеянными молодым ячменем, вопреки всем договоренностям с руководством кооператива. Как выяснилось, озимые в силу малоснежной и морозной зимы погибли, и поэтому крестьянам пришлось проводить повторный поздний сев уже в мае. Но нам-то от этого было не легче. Столько времени и сил пришлось потратить на подготовку к экспедиции, а в результате копать курганы из-за молодых всходов ячменя нельзя. Пришлось перестраиваться на ходу. Нашли один курган на краю поля и нам разрешили его исследовать, несмотря на ущерб посевам. Затем еще один курган выкосили вручную специально для нас к середине июля. Тем не менее мощный бульдозер (аренда которого стоила ежедневно немалых денег), часто простаивал без дела, вызывая у начальника экспедиции головную боль.

И тогда мы решили в поисках дополнительных объектов для раскопок обследовать окрестности уже известной нам группы курганов. Каково же было наше удивление, когда на удалении менее чем 1 км к юго-западу от нее, мы открыли еще десятки курганных насыпей, часть из которых достигала 2 метров в высоту и до 60 метров в диаметре. И это только видимые курганы! А ведь многие из этих погребальных холмов после интенсивной распашки исчезли почти целиком и их можно выявить теперь лишь или по цвету почвы на поверхности свежевспаханного чернозема, или в виде пятен на аэрофотоснимках территории могильника. Таким образом, было установлено, что курганная группа у с. Терновое продолжается к западу и юго-западу в сторону с. Колбино еще примерно на 5–6 км, и в целом насчитывает до 60 насыпей.

Впрочем, рассказ о работах Потуданской (Донской) экспедиции заслуживает, на мой взгляд, отдельной главы.

1

2

3

4

5

6

Рис. 1. Портрет уездного предводителя дворянства
Коротоякского уезда Воронежской губернии,
первого исследователя древностей Среднего Дона Л.М. Савелова (1868–1947).

Рис. 2. Выдающейся российский археолог А.А. Спицын (1858–1945).

Рис. 3. Николай Емельянович Макаренко (1877–1938).

Рис. 4. М.И. Ростовцев (1870–1952).

Рис. 5. В.А. Городцов (1860–1945).

Рис. 6. С.Н. Замятнин (1899–1958).

Рис. 7. Главная помощница П.Д. Либерова в 50-е и 60-е годы прошлого века – А.И. Пузикова (слева).

Рис. 8. Исследователь древностей Воронежской земли, известный российский археолог П.Д. Либеров (1904–1983).

Рис. 9. Участники Воронежской скифской лесостепной археологической экспедиции ИИМК АН СССР, 50-е годы XX века. Крайний справа (сидит) П.Д. Либеров; рядом с ним ленинградский археолог Н.Л. Качалова; крайний слева (стоит) водитель экспедиционной машины автобазы АН СССР А.А. Быков; в центре (сидит слева на крыльце вверху) – археолог А.И. Пузикова.

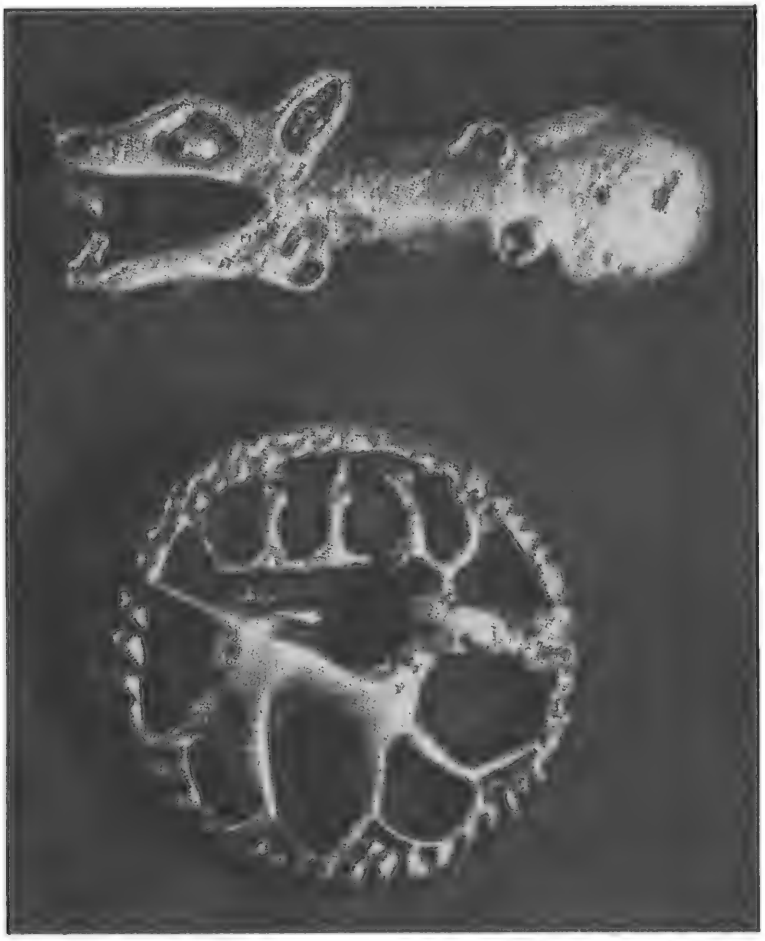


Рис. 10. Бронзовые бляхи конской узды (Частые курганы, раскопки П.Д. Либерова).

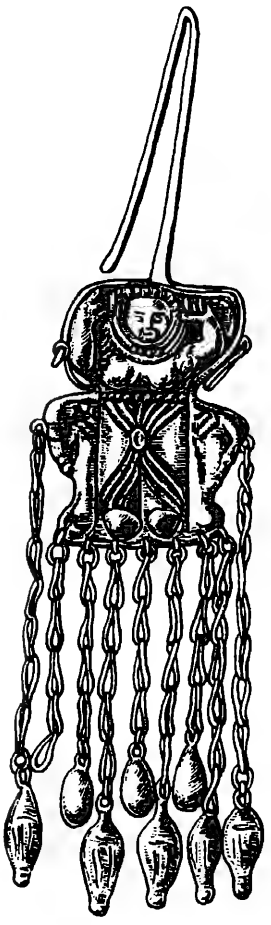


Рис. 11. Золотые серьги с изображением богини плодородия Кибелы (из раскопок Н.Е. Макаренко, курганы у с. Мастюгино, 1908 г.).

Рис. 12. Реконструкция деревянной чаши с золотыми оковками и золотой ручкой в виде фигуры сокола (Частые курганы, раскопки П.Д. Либерова).

Рис. 13. Серебряный орнаментированный греческий сосуд
(курган № 14 у с. Дуровка)

Рис. 14. Воронежский серебряный сосуд с изображением скифов
(Частые Курганы, Курган №3, раскопки ВУАК).

Рис. 15. Изображения скифов на серебряной чаше из кургана Гайманова Могила (Украина).

Рис. 16. Глиняная курильница из кургана у с. Мастюгино (раскопки Н.Е. Макаренко).

Глава III

РАССКАЗ ОБ ОДНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

«В степи, на равнине открытой,
Курган одинокий стоит;
Под ним богатырь знаменитый
В минувшие веки зарыт».
Алексей К. Толстой

Потуданская экспедиция появилась на свет в 1989 году и почти случайно. Обстоятельства сложились так, что я с 1972 года прекратил самостоятельные (но в составе Воронежской Скифской Лесостепной Экспедиции Института археологии АН СССР во главе с П.Д. Либеровым) исследования на Среднем Дону. По поручению дирекции Института пришлось усиленно заниматься археологией зарубежной – полевые работы в составе Советской археологической экспедиции в Ираке, 1970–1980 гг., длительные командировки в США, Мексику и на Кубу и т.д. и т.п. И хотя эти зарубежные проекты занимали почти все мое время, тем не менее, я никогда не забывал и о делах воронежских. Как правило, в летний сезон (июль–август), когда наступает «золотая пора» для археологических изысканий, я отправлялся на Средний Дон в экспедиции своего друга и коллеги Арсена Тиграновича Синюка – заведующего кафедрой отечественной истории Воронежского Государственного Педагогического Института. С середины 80-х годов он вел интенсивные раскопки городища у хутора Мостище, расположенного в 4,5 км к западу от Коротояка, на высоком правом берегу реки Потудань, в необычайно живописном месте. От валов городища, с высоты 90 метров, на север открывался потрясающей красоты вид – изгиб Дона и впадающие в него справа на расстоянии 1,5 км друг от друга две реки – Девица и Потудань, с общей широченной зеленой поймой, где летом паслись бесчисленные стада скота окрестных колхозов и совхозов.

Городище (открытое в 1957 г. экспедицией П.Д. Либерова) имело два слоя: нижний – эпоха бронзы и верхний – скифского времени. Но, в целом, оба эти продолжительных периода умещались в каких-нибудь 40 см мостищенского культурного слоя.[1] Арсен Тигранович, специалист по древностям эпохи бронзы, вполне естественно, интересовался только «бронзовыми» находками, заботу же о скифской тематике взял на себя его помощник и младший коллега, преподаватель того же Педагогического Института Валерий Дмитриевич Березуцкий. Основную рабочую силу экспедиции составляла «практика» – студенты исторического факультета, закончившие первый год обучения и прослушавшие курс об основах археологии. Теперь им предстояло пройти через нелегкую археологическую практику, получив в конце месячного полевого сезона зачет. Каждая такая группа «практикантов» в те времена состояла из 25–30 человек, где явно (иногда до 90% состава) преобладали симпатичные воронежские девушки. Ребят (правда, многие из них прошли уже Афганистан и армейскую службу) было обычно 7–8 человек. Своего транспорта экспедиция не имела. Первоначальный

«заброс» участников производился на нанятом автобусе (от Воронежа хутор Мостище отстоит на 90 км к югу) или грузовике. Ходить от лагеря до городища проблемы не составляло – каких-нибудь 500–600 метров. Но возникал вопрос о регулярном снабжении продуктами немалого числа молодых людей, отнюдь не страдающих отсутствием аппетита на свежем воздухе и после семи часов работы «на лопате».

Ближайшей «продуктовой базой» для экспедиции служил поселок (бывший уездный и районный центр) Коротояк, находившийся от нашего лагеря, если следовать по изгибам грунтовой дороги, примерно в 5 км. Продуктов на 30–40 «ртов» требовалось довольно много (это, прежде всего, макаронные изделия, крупы, подсолнечное масло, консервы), так что о пешем походе с рюкзаками да еще по июльской жаре говорить не приходилось. И Арсен Тигранович нашел, как ему казалось, хороший выход. Он договорился с местным бригадиром (а хутор Мостище был «бригадой» в Коротоякском колхозе), что в случае надобности экспедиции будут давать лошадь и повозку. Но бригадиру совсем не хотелось предоставлять в распоряжение приезжего воронежского профессора хорошую подводу и хорошую тягловую силу. И вот в один прекрасный день, когда запасы продуктов в лагере были почти на нуле, после многократных напоминаний, к нам лихо подкатила двуколка (двухколесная повозка), управляемая местным конюхом. Он объявил нашему начальнику, что это все, что бригада может нам выделить и прибавил – «а лошадка-то с норовом, глядеть надо в оба». Система пищеблока в экспедиции выглядела следующим образом: на каждый день из числа девушек назначалась новая повариха, а ей в помощь, на «черную работу» один парень. Воду набирали в молочные (30-литровые) алюминиевые фляги в колодцах хутора, стоявшего под горой, примерно на 90 метров ниже нашего лагеря. Обычно на этот «подвиг» два раза в день ходило несколько ребят и, надо сказать, что тащить флягу, полную воды, по крутому склону наверх было совсем нелегкое дело. Я в это время был гостем своего друга Арсена, получил отдельную просторную палатку рядом с «вигвамом» начальника, и несколько в стороне от основного палаточного городка студентов. Подъем «прозвонили», как всегда в 7-00. После завтрака (та же каша) народ в 8-00 отправился на городище. Мне же спешить было некуда. Поэтому, когда, наконец, прибыл конный экипаж, встречать его вышли я и Арсен. Конюх быстро сдал «реквизит» и исчез, а начальник позвал очередную повариху – румяную и дородную девушку по имени Таня и дежурного – крепкого парня с воинской выправкой – Лешу, вручил им деньги на покупку продовольствия, дал ряд полезных советов и отправил в не такой уж далекий путь. Пять километров – это час ходьбы для самого нерасторопного пешехода. А здесь повозка, да еще двухколесная. Это же – боевая колесница, «огонь» и «вихрь», благо дождей давно уже не было и дорога была сухой.

Словом, мы ожидали, что для данной поездки будет достаточно трех-четырех часов, и наши путешественники успеют не только вернуться в лагерь, но и приготовить обед к 15-00, когда голодные студенты вернутся с раскопок. Увы, события развернулись отнюдь не по задуманному плану. Вот уже вернулись в лагерь наши труженики с городища, изнывающие от июльской жары, жажды и голода. Пробило 16, 17, 18 часов, а «заготовителей» все не было. Пришлось «поскрести» по «сусекам» и набрать там несколько буханок черствого хлеба, полдюжины банок «килек в томате» и кускового сахара и хоть как-то покормить изголодавшийся народ. Наконец, уже в сумерках в лагерь пришел хмурый Алексей. Его рассказ привел Арсена Тиграновича в неописуемую ярость: в Коротояк повозка прибыла более или менее благополучно, закупки продовольствия также прошли успешно, но на обратном пути лошадь то ли от жары и слепней, то ли от своего буйного норова, вдруг, перестала слушаться поводьев, помчалась галопом с дороги прямо в спеющие хлеба и, порвав все постромки, убежала в неизвестном направлении. И тогда, оставив плачущую Таню в двуколке, Алексей поспешил в лагерь за помощью. Бригада добровольцев через пару часов, уже почти в темноте, прикатила на руках повозку. На следующий день Арсен Тигранович пошел объясняться с бригадиром, но единственное чего он достиг – нам дали вместо двукол-

ки нормальную четырехколесную телегу и ту же самую буйную лошадь, кстати, как выяснилось позднее, слепую на один глаз.

Удивляла меня, откровенно говоря, и система организации кухонной деятельности в экспедиции. Чтобы облегчить приготовление пищи в полевых условиях, Арсен сумел у знакомых военных получить две новеньких полевых кухни на колесах. Их благополучно доставили на место. Топить их можно было и дровами, каковых вокруг было в изобилии. Каждая кухня имела весьма вместительный котел. Одну из них начальник предписал использовать для приготовления первого блюда – супов, борщей и т.д., а другую – для второго (картошка, каши, макароны). Все вроде бы разумно. Но здесь начались неприятные неожиданности. Ведь каждый день на вахту у котлов заступала новая неопытная повариха. Я не сомневаюсь, что все девушки вполне бы справились, если бы речь шла о кормлении 5–6 человек. А когда их 30–40? Опыта готовить на такую массу людей у них конечно не было. Поэтому, не редко, не сумев в нужных кондициях и во время насытить голодающих студентов (пересол, пережог каш и макаронов и т.д. и т.п.) доброкачественной пищей и страшась упреков, очередная юная повариха убегала с плачем «в поля». В конце-концов, на основе печального опыта руководство решило «допускать к котлам» только несколько самых искусных «служительниц кухни», и дело заметно поправилось.

Я вспоминаю и рассказываю все это не ради красного словца и совсем «не в пику» уважаемым мною воронежским археологам. Просто, я хорошо усвоил эти хозяйственные уроки экспедиционной жизни, и когда пришла пора организовать собственную экспедицию, постарался решить все на свой лад. Урок первый и самый главный – археологи, работающие «в поле», вдали от крупных населенных пунктов, должны иметь свой автотранспорт, а если учесть, что после дождя черноземные воронежские «магистрали» становятся на время непроходимыми, то автотранспорт вездеходный. Кстати, насмотревшись на «конные заезды» в Коротояк в первый свой приезд в Мостище, я уже с 1985 г. стал арендовать на автобазе Академии Наук СССР вездеходный грузовик ГАЗ-66, который полностью снял все проблемы снабжения экспедиции Арсена Тиграновича водой, продовольствием и дровами.

Урок второй – организация постоянного и качественного питания в полевых условиях немаловажная вещь для общего успеха экспедиции: трех, а то и четырехразовое обеспечение горячей пищей всех участников решает многие проблемы и в условиях жары, и в условиях нередких даже в июле затяжных дождей. Хорошая еда – это и здоровье и бодрость духа всех участников экспедиции. Для этого, на мой взгляд необходимо, во-первых, всегда нанимать профессионального повара, имеющего опыт приготовления пищи на большое число людей в полевых условиях. А во-вторых, следует должным образом организовать и сам пищеблок – кухню, столовую, место хранения овощей и продуктов. На кухне, наряду с «земляной» печкой, отапливаемой дровами, нужно иметь и газовые плиты (на газовых больших баллонах).

Урок третий – снабжение водой и для питья, и для бытовых нужд. Качественная вода для питья и приготовления пищи – залог здоровья для всех участников экспедиции. Ее лучше брать из хороших колодцев, колонок, артезианских скважин, а, если есть возможность, то и из близлежащих родников.

Урок четвертый – организация для всех сотрудников временного, но надежного жилья: палатки, если они тем более старые, вполне спасут вас от дождя и непогоды при «усилении» их прочными тентами; вместо быстро ломающихся раскладушек (к тому же ставших ныне непомерно дорогими) целесообразнее делать «лежаки» из тонких досок (вагонка) на столбиках-ножках – они и прочные и надежные и куда лучше паралоновых и прочих подстилок, лежащих прямо на сырой земле.

Таким образом, когда ваш экспедиционный контингент накормлен, помыт (на речке, в походном душе и т.д.) и имеет надежную крышу над головой, то и общий успех экспедиции не заставит себя долго ждать. Но главное, конечно, – это сами археологические раскопки. Здесь совершенно необходимы комплексные, современные

методы исследования с участием представителей естественных наук – антропологов, палеоботаников, палеозоологов, геологов, географов, геофизиков и др. Кроме того, при изучении археологических памятников, будь то городище или курганный могильник, следует стремиться к максимально полному и систематическому исследованию выбранного объекта, хотя это требует и немалого времени и немалых средств.

Но вернемся к Мостищу и истокам появления Потуданской экспедиции. В течение нескольких лет я продолжал приезжать к гостеприимному Арсену Тиграновичу на своем вездеходном грузовике ГАЗ-66 и, когда машина не была занята какими-то хозяйственными делами (а это теперь не требовало значительного времени) я стал совершать разведочные рейды по окрестным территориям, проверяя и то, что было уже известно ранее и, пытаясь найти новые древности, особенно древности скифской эпохи. Вскоре мне стало ясно, что одному управиться с таким нелегким делом будет явно не под силу. И я с 1988 года стал приглашать с собой сотрудника нашего же Института археологии, опытного полевого археолога (он много лет работал на Нижнем Дону и в Краснодарском крае) – Евгения Ивановича Савченко. К тому же он обладал богатым жизненным опытом и был непревзойденным знатоком во всех хозяйственных и финансовых делах.

Словом, побывав в Мостищах один сезон (мы все еще были гостями А.Т. Синюка) и поездив «по долинам и по взгорьям» Острогожского района, Евгений Иванович, сразу оценив богатство этих мест археологическими памятниками, заявил: надо организовывать собственную экспедицию под эгидой Института археологии Академии Наук СССР. В глубине души к этой мысли давно пришел и я сам, но было боязно браться за столь сложное и нелегкое дело одному. А теперь, с таким великолепным помощником, все сомнения сразу же отпали. В 1989 году экспедиция, названная Потуданской – по реке, возле которой нам и предстояло в основном работать – была официально создана.

Первоначально, главной своей задачей мы считали сплошное обследование территории Острогожского района Воронежской области в бассейнах рек Девица и Потудань – правых притоков Дона, с тем чтобы выявить новые памятники археологии всех эпох и определить уровень сохранности уже известных поселений и могильников. Основным инструментом в реализации нашего плана должны были стать разведочные маршруты и поездки. Особых сил и средств для таких работ не требовалось, а результаты не заставили себя долго ждать. За короткое время здесь было открыто 5 новых городищ и 5 больших курганных групп, а также несколько селищ эпохи бронзы и раннего железного века, что и нашло свое отражение в соответствующих отчетах экспедиции за 1989–1992 гг. (хранятся в Архиве Института археологии Российской Академии наук – ИА РАН).

Предполагалось, что постепенно, без значительных по масштабам раскопок, мы осуществим полный микрорегиональный анализ всех видов археологических памятников, прежде всего в пределах бассейна реки Потудань. Однако, уже начальный этап этого проекта совпал по времени с известными событиями в СССР в 1991 г. и как следствие того – с резким усилением всевозможной хозяйственной деятельности (кстати весьма слабо контролируемой государственными органами) на землях Центрального Черноземного Региона России. И все это, плюс «ползучая» массовая приватизация земли, привело к резкому росту масштабов разрушения памятников археологии на Среднем Дону, что в самой ближайшей перспективе грозит подлинной катастрофой археологическому наследию региона. Особенно интенсивно ведется разрушение местных (в том числе и скифских) курганов. И это при том, что после распада СССР и появления на политической карте мира суверенной Украины, большая часть древностей Европейской Скифии осталась вне досягаемости российских ученых. В России же памятники европейских скифов есть лишь в Подонье (Среднем и Нижнем), а также в Ставропольском и Краснодарском краях (но там встречается лишь скифская архаика VII–VI вв. до н.э.).

Учитывая сложившуюся критическую ситуацию, Потуданская экспедиция переориентировалась на охранные (или спасательные) раскопки гибнущих скифских курганов, тем более, что вскоре для этого нашелся и подходящий объект. В 1992 году нам удалось заново открыть новый курганный могильник, насчитывавший до 70 видимых на поверхности насыпей между селами Терновое (Острогожского района) и Колбино (Репьевского района) Воронежской области. По своему расположению (на высоком водораздельном плато между правым коренным берегом реки Потудань и глубокой балкой Терновая), и по значительному числу курганов (несколько десятков насыпей), могильник, по нашим предположениям, скорее всего был скифским, что впоследствии и подтвердилось.

Раскопки начались летом 1993 года. Причем, лагерь экспедиции находился на старом месте – у хутора Мостище и до курганов нам приходилось каждый день дважды ездить 14 км по разбитой и грязной полевой дороге. Экспедиция к тому времени уже вполне «нарастила мускулы» и состояла помимо группы воронежских студентов-практикантов из Пединститута (я там преподавал в качестве профессора на 1/4 ставки и ездил в Воронеж дважды в год читать лекции) в количестве 18 или 20 человек, моего заместителя – Евгения Ивановича Савченко, фотографа – Андрея Константиновича Косоурова, антрополога – Марии Всеволодовны Добровольской, моего аспиранта – Бориса Мелешко и шофера автобазы Академии Наук (они менялись у нас почти каждый год, но все были отъявленными пьяницами, что доставляло мне, откровенно говоря, немало хлопот). Арсен Тигранович со своей многочисленной студенческой ратью с 1992 г. перекочевал на другое место, и наш немноголюдный лагерь на просторной поляне выглядел более чем скромно: кухня-палатка с двумя газовыми плитами, столовая – столы и скамейки из досок и легкая крыша в виде натянутого тента, и с десяток жилых шестиместных палаток.

Надо сказать, что оснащены мы были для полевой жизни совсем неплохо. Я, будучи в ту пору заместителем директора Института археологии, сумел вовремя разузнать, что вскоре предстоит ликвидация могущественной ранее организации Академии Наук – «Центракадемснаба» и там можно за небольшую сравнительно цену приобрести множество полезных вещей. Так мы получили новенькие шестиместные палатки, тенты, походную складную мебель (столы, стулья), алюминиевые («молочные») фляги, вьючные ящики, нивелир и теодолит, мерные метровые рейки и т.д. и т.п. Многое из приобретенного тогда, в начале 90-х, продолжает служить нам и до сих пор.

Гораздо хуже обстояло дело с денежным обеспечением экспедиции. В 1992 году было официально отменено государственное финансирование науки. И даже нищенскую зарплату ученым в Академии Наук платили с большими перебоями и задержками. Деньги же на научные исследования государство давать отказалось и предложило ученым самим добывать где угодно необходимые ресурсы. Решил самостоятельно обеспечить раскопки Потуданской экспедиции и я. В начале 90-х годов у меня наладились самые тесные связи с археологами США и Италии. В Новом Свете это были Гарвардский, Бостонский и Браунский (город Провиденс, штат Род-Айленд), университеты, входившие в первую десятку самых престижных американских университетов. В Италии же моими партнерами стали Институт Дальнего и Ближнего Востока (в Риме) и университеты Неаполя и Болоньи. Коллеги из США помогли мне получить информацию о фондах, финансирующих не только национальные, но и зарубежные научные программы. В 1993 году я получил довольно крупный грант от Национального Географического Общества США в Вашингтоне, правда, предназначался он не для раскопок среднедонских курганов, а на проведение разведок по городищам эпохи бронзы в Узбекистане. Тем не менее, мне удалось «отвоевать» четвертую часть «жирного» среднеазиатского пирога, что в абсолютных цифрах означало около 3000 долларов. Доллар тогда был в полной силе и этих средств вполне хватало на весь полевой сезон этого года. Кроме того, Национальное Географичес-

кое Общество порекомендовало мне принять группу корреспондентов из журнала «Нэшнл Джиографик», которые тоже могли «подкинуть» несколько сотен «зеленых». Словом, денежную проблему (включая аренду бульдозера и автомашины) решить удалось на удивление быстро, и поэтому планы на лето мы с Евгением Ивановичем строили самые радужные. Но тут в дело вмешалась капризная российская природа. И хотя июль в Черноземье, как правило, очень сухой и жаркий, раз в 5–6 лет здесь бывает дождливо и прохладно (неделя – полторы затяжных противных дождей). Так случилось и в 1993 году. Вот тогда-то мы вполне познали все прелести поездок из лагеря к курганам по размытой, с глубокими рытвинами и лужами дороге. Иногда, чтобы преодолеть свои 14 километров, мы тратили два часа времени и много литров бензина: ГАЗ-66 машина вездеходная, но горючего даже на асфальте тратит по норме: 32 литра на 100 км. Что же говорить о раскисшей полевой дороге!

В общем, и дожди и ужасная дорога, привели к тому, что даже с помощью бульдозера мы сумели раскопать лишь один курган – курган № 6 по общей нумерации плана могильника. Несмотря на двойное ограбление в древности, скифское захоронение оказалось довольно богатым. Это был самый южный курган в группе, высотой чуть более 1 метра и диаметром 18 метров. Под земляным холмом мы обнаружили два погребения: основное, скифского времени (на уровне древнего горизонта, на деревянном помосте, слегка обожженном огнем) и впускное, принадлежавшее средневековому кочевнику (железные стремена, железный нож). Удивительно, но скифское захоронение принадлежало молодой вооруженной женщине 20–25 лет. При ней уцелело до 30 экземпляров бронзовых наконечников стрел, два железных рюмкообразных втоков дротиков, бронзовое зеркало с деревянной (исчезнувшей) ручкой, золотые и стеклянные бусы и две золотые ладьевидные со сканью и зернью серьги античного производства V–IV вв. до н.э. Это была наша первая «амазонка» – молодая женщина-воин.

Корреспонденты из «Нэшнл Джиографик» к нам в этот сезон не приехали, возможно, из-за тех же затяжных дождей. Они прибыли в наш лагерь у хутора Мостище лишь на следующий год – в июле 1994 года. Приехали три человека – собственно корреспондент – заместитель главного редактора журнала Майкл Эдвардс и с ним – профессиональный фотограф – фигура в этом журнале весьма значимая) и, наконец, «хозяйственник», снабженец и, одновременно, шофер. Им выделили отдельную палатку с самыми новыми и приличными на вид «раскладушками» и даже приписали отдельного повара (женщина из Москвы с хорошими кулинарными способностями). Поле, где нам предстояло копать, было покрыто низкой зеленой травой. Американцы наняли в близлежащем городке Острогожске грузовик с выдвижной вышкой для ремонта электросетей, и когда бульдозер заложил первые траншеи на кургане, фотограф-американец с приличной высоты снял совершенно фантастическую картину, где господствовали два цвета – зеленый и черный. Члены команды «Нэшнл Джиографик» очень надеялись увидеть и эффектно заснять «скифское золото», хотя я пытался несколько остудить их пыл, говоря, что все среднедонские курганы скифской эпохи подверглись еще в древности повальному ограблению. Увы, мои прогнозы оправдались, курган (№ 5) – большой, со сложной подземной гробницей, был весьма основательно опустошен, видимо, еще тогда, когда труп похороненной молодой женщины едва успел остыть. Деревянная крыша была еще крепкой, стены, облицованные досками – тоже. И грабители, прорубив себе ход через древесный накат, спокойно вошли в подземную камеру и взяли все ценности. Нам достались лишь крохи: несколько золотых нашивных бляшек из тонкой фольги, фрагменты конской узды, железные наконечники стрел, а в коридоре-дромосе стояли в целости и сохранности три кувшина и глиняная курильница, а также лежала жертвенная пища в виде ребер лошади с железным ножом. Американцы, не получив нужных эффектных материалов, быстро собрали свои вещи и уехали на Украину в поисках скифского золота хотя бы там – в главной вотчине европейских скифов. А мы, докопав курган новой

«амазонки» (курган № 5), быстро «распотрошили» близлежащий курган – № 4. Он находился в нескольких метрах к северу от предыдущего, так что его южная пола практически сливалась с северной полой кургана «амазонки». Сильно распаханный, он не превышал по высоте и полуметра.

После снятия насыпи внутри кольцевого выкида из желтой глины (могильный выкид) выявилась довольно значительная могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами размерами 5×4,6 метра. С северной стороны в гробницу вел коридор-дромос около 4-х метров длиной. На дне дромоса лежали грудой кости взрослой лошади (жертвенная пища). Могила была облицована по стенам вертикально стоящими досками, упиравшимися торцами в узкую канавку. Плоское деревянное перекрытие держалось на 12 опорных столбах. На дне ямы, в ее юго-западной части, обнаружены следы погребального деревянного настила (на двух параллельно положенных брусьях были поперечно помещены тонкие доски). По определению антропологов, остатки скелета принадлежали подростку мужского пола 10–12 лет от роду. На месте уцелели лишь часть черепа и кости рук и ребра, из чего можно предположить, что покойный лежал на спине, головой на юг, с небольшим отклонением к западу.

К сожалению, и в данном случае погребение оказалось ограбленным еще в древности. Правда, на этот раз грабители, видимо, проникли в гробницу, когда ее крыша уже рухнула вниз под тяжестью курганной насыпи. Они пробили сверху по центру вертикальную яму-колодец и попали прямо на захоронение юноши. В результате они разбросали в значительной мере кости скелета, забрали все украшения и ценные вещи, лежавшие непосредственно возле покойного и удалились во-свояси со своей добычей. Однако края могилы, заваленные рухнувшим перекрытием и землей насыпи, оказались нетронутыми, что и позволило нам получить великолепные находки. У северо-восточной стены могилы, вдоль нее, находились три наконечника копий и дротиков с рюмкообразными железными втоками. Судя по расположению тех и других, общая длина копий с древками составляла соответственно 184 см, 226 см и 260 см. Здесь же, в северной части гробницы, у соединения ее с дромосом, был найден бронзовый крючок-застежка, один конец которого украшен головкой ушастого орлиноголового грифона, а другой – фигуркой стоящего медведя с открытой зубастой пастью. В ногах погребенного обнаружены железные удила в обломках, во внешние кольца которых были вставлены роговые массивные псалии с двумя отверстиями в центре и украшенные головами зверей (волка и кабана) на концах. На погребальном настиле вокруг остатков скелета подростка собраны различные наконечники стрел: 6 конических («пулевидных») втульчатых костяных, 24 железных трехлопастных, 3 железных втульчатых с плоским треугольным пером. Вне пределов настила, ближе к восточной стенке могилы, на дне ее, грудой лежали предметы конского снаряжения: железные двухчленные удила, оканчивающиеся крупными кольцами, в которые были вставлены парные роговые псалии, украшенные в обеих широких сторон косыми насечками, костяная подвеска – имитация кабаньего клыка с головой зищной птицы на одном конце и головой хищника (волк?) – на другом; еще одна пара железных удил с железными же псалиями С-овидной формы, костяные разделители ремней оголовья, бляшки и пронизки из бронзы и кости. И, наконец, в северо-западном углу могилы мы обнаружили спекшиеся в один комок железные наконечники стрел (19 экз.) и железный нож с костяной рукоятью.

И по набору вещей, и по характерным чертам погребального сооружения курган относится к хорошо известным древностям скифской эпохи V–IV веков до н.э. на Среднем Дону, представленным в могильниках «Частые Курганы», у с.с. Мастюгино, Русская Тростянка, Дуровка и др. Необычным является здесь то, что столь внушительный погребальный комплекс возведен для столь юного человека – подростка 10–12 лет. Видимо, он происходил из богатой и социально значимой семьи или рода и поэтому обладал высоким общественным статусом. Поражает и обилие богато ор-

наментированных изделий из рога и кости, встреченное археологами в Лесостепном Подонье впервые. Точную дату возведения кургана установить довольно сложно: скорее всего – это первая половина IV века до н.э.

Начиная с 1996 года наша экспедиция стала регулярно получать (вплоть до настоящего времени) гранты Российского Государственного Научного Фонда (РГНФ), выделяемые на исследование гибнущих курганов скифской эпохи в Воронежской и Белгородской областях, и таким образом проблема материального обеспечения Потуданской экспедиции в целом была решена. Кроме того, дополнительную финансовую «подпитку» мы получали и от нескольких иностранных «волонтеров», изъявивших желание (за свои «кровные») поработать пару недель на раскопках скифских курганов. Контакты с этими добровольцами я осуществлял через организацию «Стража Земли» (Earth Watch) из США, которая рекрутировала из граждан стран Запада (главным образом из США и Великобритании) группы энтузиастов для работы в экологических, этнографических, археологических и прочих проектах в различных уголках Земли. Россия в середине 90-х годов прошлого века была на Западе «в моде» и желающих приехать к нам было немало. Но разного рода бюрократические препятствия обычно сокращали количество волонтеров на текущий полевой сезон до 3-х – 4-х человек. Обычно это были дамы и, притом, далеко не юного возраста. В 1995 г. у нас работали (и ежедневно ездили по нашей ужасной дороге к курганам из лагеря в Мостищах) четыре англо-саксонские женщины явно пенсионного уже возраста, но жилистые, сухопарые, полные энергии и энтузиазма: одна – из США, две – англичанки и одна – из Шотландии. Проблем бытового характера у нас с ними не было: жили в палатках, ели со всеми в столовой (но с профессиональным поваром), с восторгом взирали на чудесную местную природу, купались в прохладной и кристально чистой Потудани и, не уступая студентам, с энтузиазмом трудились на раскопках. Каждая из них вносила в копилку экспедиции по несколько сотен долларов за 2–3 недели пребывания в поле. Одна из них – Джудит Элиот, американка из Нью-Джерси, учительствовавшая в средней школе, настолько «прикипела» к нашему археологическому проекту «Скифы Среднего Дона», к нашим студентам и местной природе, что стала ездить к нам регулярно, вплоть до 2000 года.

Примерно в то же самое время у нас стали налаживаться контакты с археологами Италии. Главным «двигателем» здесь являлся профессор Маурицио Този. Он был профессором Университета в Болонье и сотрудником Института Дальнего и Ближнего Востока в Риме. В 1995 г. Този с двумя другими итальянцами (палеоботаником и картографом) побывал в нашей экспедиции и даже любезно поручил своему коллеге снять план курганной группы у с. Терновое с помощью лазерного теодолита. Со своей стороны, я и директор Института археологии Р.М. Мунчаев, посетили Италию (Рим, Неаполь, Болонья) и подписали там протокол о сотрудничестве в области древней и средневековой археологии Среднего Дона (культуры скифов, сарматов и алан, I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э.), предусматривающий ежегодный обмен специалистами и паритетное финансирование полевых исследований в регионе. В 1996 г. был организован приезд в экспедицию группы студентов из университета Болоньи (6 человек) для археологической практики на раскопках скифских курганов. Практика (в течение двух недель) прошла успешно. Но на этом все и закончилось. Итальянцы не выделили на наш совместный проект ни одной лиры и прекратили обмен учеными.

Гораздо эффективнее развивалось сотрудничество с научными учреждениями США и Англии. В 1996 г. мы перенесли лагерь из Мостищ ближе к курганному полю и разбили его (как выяснилось, очень неудачно) возле заброшенной полевой дороги на краю лесопосадки, разделявшей поля сёл Колбино (Репьевский район) и Терновое (Острогожский район) Воронежской области. Палатки и кухня стояли на узкой меже, служившей как раз границей земель двух районов и двух сёл. С одной стороны межу ограничивала упомянутая полевая дорога, а с другой – распаханное колбинское поле

с какими-то скудными посевами. Место было довольно высокое и поэтому очень ветреное. Полевая дорога, утрамбованная шинами нашего грузовика превратилась в неуютное пыльное пространство. Наши палатки и столовая стояли почти впритык к ней, и в итоге мы при малейшем ветерке вынуждены были глотать малоприятную мелкую пыль. Кроме того, узнав о появлении нашего лагеря на меже, жители окрестных сел Колбино и Терновое стали выбирать для своих поездок именно эту, ранее почти заброшенную «магистраль». Ими двигало и простое любопытство и, особенно у молодых парней, стремление завязать контакты с женским составом экспедиции. К счастью, на этот раз у меня было всего 5–6 девушек-практиканток из Воронежа и почти столько же крепких ребят из того же учреждения.

И вот, спустя неделю после начала работ на курганах (а идти до них от лагеря пешком было всего метров 400–500) к нам каждую ночь, причем в самое «глухое» время, где-то в 2–3 часа, стала приезжать из Тернового легковая машина (со специально завешенными номерами) с группой пьяных парней. Остановившись на дороге, напротив палаток, они начинали орать на всю округу: «Начальник, давай нам девок!» Пришлось одеваться, выходить и вступать в контакт с непрошенными гостями. После получасовой «беседы» удалось отправить эту «пьянь» во-свояси. Как выяснилось наутро, мои ребята крепко спали и ничего не слышали. Я же был почти уверен в том, что «визит» вскоре повторится. Решено было приготовить «визитерам» на грядущую ночь самый «радушный» прием. Надо сказать, что в этот момент шофером экспедиции на ГАЗ-66 был мой старый знакомый и друг Николай Фомич Гуменюк – громадного роста и приличной упитанности обрусевший украинец, многие годы проработавший в археологических экспедициях Академии Наук. Он также изъявил желание принять активное участие во встрече. Как мы и предполагали, глубокой ночью с криками и пьяными песнями, терновской лимузин вновь ворвался в наш лагерь. Парней в нем на этот раз было трое. Я, как и планировалось, опять вышел к ним один и попытался урезонить разгулявшихся «женихов» по-хорошему. Но это только еще больше распалило их. Послышались угрозы – разгромить лагерь, повалить палатки и силой увезти пару девчат с собой. Тогда по моему знаку на дорогу вышли мои ребята во главе с «Фомичом» (так мы ласково звали его между собой) и окружили машину. В ночном мраке внушительная и при дневном свете фигура нашего водителя казалась простой гигантской: в одной руке он держал мощный электрический фонарь, а в другой большой топор на длинной ручке. Хулиганы на минуту притихли. И тогда по моему сигналу мы завалили легковушку сначала на бок, а потом и на крышу. Раздались отчаянные крики о помощи. Насладившись этим зрелищем «наказанного порока», я громко объявил, что знаю откуда они приехали и уже сообщил местному руководству об этих ночных «рейдах». В случае их повторения, машина будет конфискована милицией города Острогожска, а сами «налетчики» попадут под суд. Осознав сложившуюся ситуацию и возможные последствия, парни из Тернового попросили прощения и, встав с нашей помощью на колеса, быстро укатили домой. Больше таких «визитов» не было. Но на следующий год мы нашли примерно в километре от этого неудачного лагеря новое место – необычайно удобное, красивое и в стороне от всех проезжих дорог. С тех пор, вплоть до 2008 г., то есть 11 лет мы неизменно приезжаем именно туда и получаем от нашей полевой жизни несравненное удовольствие.

Именно этот неудачный старый лагерь и посетила в конце июля 1996 года профессор Рокси Уокер, являвшаяся научным директором Биоархеологического Фонда (совместного учреждения ученых и частных спонсоров Великобритании и США), главная штаб-квартира которого находилась на острове Мэн в Ирландском море (английская территория). Фонд финансировал в ряде стран проекты по антропологии, археологии, палеоботанике и палеозоологии. Это было именно то, что нам и требовалось для общего успеха экспедиции. Правда, с самого начала наших раскопок антрополог, палеозоолог и палеоботаник регулярно изучали добываемые нами материа-

лы, но для широких анализов и антропологических исследований (анализы химический и рентгеноскопический, ДНК, реконструкции по черепу облика древних людей) требовалось немало средств, которых у нас попросту не было. Рокси, как опытному специалисту-археологу хватило и трех дней, чтобы убедиться в серьезности проекта «Скифы на Среднем Дону», и она обещала его отныне финансировать. Несмотря на достаточно скромные размеры этого гранта (в среднем – несколько тысяч долларов в год), он был для экспедиции поистине «золотым». Дело в том, что выезжая «в поле», к месту работ, все археологи испытывают постоянную нужду в наличных деньгах для обслуживания главных потребностей экспедиции: питание, бензин, аренда бульдозера, легковой автомашины, покупка материалов, оплата услуг местных организаций (например, аренда складского помещения под немалое по объему имущество экспедиции) и т.д. Между тем, Министерство финансов, казначейство и все бухгалтерские инстанции делали все возможное, чтобы с каждым годом «затянуть» покрепче «гайки» и даже из наших внебюджетных средств (тех же грантов РГНФ) выдавать нам самый минимум «налички». Представьте себе наше положение в провинции: приехали «богатые» москвичи и за все услуги им надо платить здесь только «звонкой монетой» – то есть наличными. Дело дошло до того, что в полевой сезон 2007 года я выехал из Москвы в Воронеж, имея всего 70 000 рублей наличными из причитающегося мне по трем грантам полумиллиона. Получалась совершенно дикая ситуация. Мы должны были неизвестно на какие именно средства провести раскопки в течение полутора-двух месяцев, платить за каждый свой шаг (главное – бензин, бульдозер, питание) реальными деньгами, собирать за это многочисленные документы, чеки и бумаги и только по возвращении в родной Институт, сдав финансовый отчет, получить свои же ресурсы и расплатиться с кредиторами. Естественно, приходилось перед отъездом в поле занимать деньги у родных и знакомых, а по возвращении – отдавать долги. Вот в этих-то, странных для любого нормального человека обстоятельствах, грант из Биоархеологического Фонда сыграл незаменимую роль и не раз выручал нас в самых острых ситуациях.

В 1995 году из-за повторного позднего сева на курганном поле с. Терновое мы смогли раскопать лишь одну насыпь из данной группы (курган № 7), также беспощадно ограбленный – нам досталась всего лишь греческая амфора в обломках и бронзовый трехгранный наконечник стрелы. Но сложившаяся ситуация заставила нас (впервые за три сезона) внимательно обследовать территорию к югу и юго-западу, лежащую уже на землях села Колбино. И к своей несказанной радости мы обнаружили там основную часть могильника – свыше 60 видимых насыпей.

Один из курганов, стоявший основной своей частью на полевой дороге и меже (курган № 1) имел 2,2 метра в высоту и 45 метров в диаметре. Его и решили раскопать на снос. И здесь мы впервые столкнулись с новым типом погребения – не с подземной гробницей, углубленной на 1,5–2 метра в грунт, а с захоронением под насыпью на древнем горизонте на деревянном помосте, сильно пострадавшем от огня. Удалось найти останки трех индивидов (один из них – кремированный). И поскольку курган подвергся неоднократному ограблению, нам достались лишь несколько железных наконечников стрел, золотая бляшка с изображением головы кабана и две целые греческие амфоры IV века до н.э.

Следующий, 1996 год экспедиция доследовала курганы Терновской группы (№ 8, 9, 10, 11 и 12). Среди наиболее интересных находок этого сезона следует упомянуть два сероглиняных сделанных на гончарном круге кувшина из Прикубанья (меотская культура), греческий расписной сосуд с ручкой, резной гребень из рога, украшенный наверху фигурой гепарда, железные наконечники копий и дротиков (одно копье, судя по положению самого наконечника и втока к древку, было настоящей кавалерийской пикой, поскольку его длина составляла 3,32 метра), золотые оковки деревянной чаши со штампованным изображением орлиноголового грифона.[2]

Исполнение мечты, или открытие «Золотой Дамы».

Итак, к началу пятого полевого сезона в 1997 году Потуданская экспедиция полностью исследовала курганы на землях с. Тернового и приступила к раскопкам Колбинской курганной группы. Всего здесь было изучено до 40 насыпей. Все они оказались ограбленными еще в древности, хотя и содержали интереснейший и разнообразный материал, включая уникальные произведения греческого и скифского искусства. Но где-то в глубине души каждый из нас, находя в очередной опустошенной могиле то несколько штампованных золотых бляшек из фольги, то незамеченную грабителями изящную золотую серьгу, невольно задумывался о тех фантастических грудах золота, которые здесь когда-то лежали и, конечно же, мечтал обнаружить хотя бы раз в жизни абсолютно целое захоронение знатного скифа или скифянки.

И вот, наконец, в 1997 году, судьба подарила мне радость – быть непосредственным участником редчайшего открытия: находки неограбленной богатой скифской гробницы. Все решил счастливый случай. В 1996 г., после полного завершения исследований той части курганного поля, земли которого принадлежали сельхозкооперативу села Терновое, мы должны были продолжать свои работы только на территории села Колбино. По договоренности с колбинскими властями, тот участок черноземов, где возвышались два самых больших центральных кургана всей группы (курганы № 15 и № 16) нам обещали будущей весной не засевать, оставив под паром.

Однако, приехав в конце июня 1997 г. к месту будущих работ, я с ужасом увидел, что мои заветные земляные холмы заняты посевами густой и еще совсем зеленой пшеницы. Пришлось срочно мчаться в село за разъяснениями. Председатель местного кооператива, всегда сочувственно относившийся к нашей работе и помогавший нам по мере сил, принял меня очень радушно и объяснил, что из-за претензий кредиторов пришлось уже поздней весной засевать и оставленные под пар поля. «Но мы выкосим на зеленый корм скоту любой нужный вам участок», – добавил он.

Но, вернувшись опять к «драгоценным» курганам, я понял: если мы выберем для раскопок именно их, то колбинские земледельцы неминуемо понесут большие убытки: оба холма стояли в самом центре засеянного поля и занимали площадь по пол-гектара каждый. Да и добираться до них по густой пшенице нужно было не менее 200 метров. Тогда-то я и выбрал (по какому-то наитию) для исследований немного меньший по размерам курган № 18, находившийся гораздо ближе к кромке засеянного поля.

Забегая вперед, скажу, что, с одной стороны, наверное зря я не решился тогда «взять» (хотя и с большими затратами на погубленные посевы) центральный курган № 16 – несомненно главный во всей этой группе. Дело в том, что в середине-конце 90-х годов прошлого века в России (как и в других странах СНГ) набрала заметную силу «черная археология» – разграбление древностей и продажа найденных вещей частным коллекционерам – отечественным и зарубежным. В мае 2001 г., за месяц до нашего приезда, курган № 16 был вполне профессионально раскопан современными грабителями, полностью опустошившими его громадную могилу почти в 30 кв. метров. Но, с другой стороны, мы, возможно, не сделали бы тогда и своей сенсационной находки в году 1997. В жизни археолога случай, везение, удача играют огромную роль. В истории с «Золотой Дамой» счастливый случай помог нам дважды. Первым стал выбор – вынужденный – кургана № 18 в качестве главного объекта исследований. О второй же счастливой случайности речь пойдет ниже.

Подступились мы к нашему «счастливому» кургану далеко не сразу. Требовалось время на покос зеленой еще пшеницы, а колбинские механизаторы были заняты более неотложными делами – стоял июль, самый разгар уборочной кампании: работы хватало и на прочих полях с уже созревшим урожаем. Сначала решено было исследовать две окраинных земляных насыпи: курган № 19 стоял на самом краю поля, у грунтовой дороги, а курган № 20 вообще находился на нераспахиваемой луговине, почти на обрыве балки Терновой. Но поначалу дела наши шли явно неудачно.

В «двадцатке» даже не оказалось могилы. Только большое кострище в центре кургана под насыпью. Что это? Святилище? Имитация захоронения человека, погибшего на стороне? А в «девятнадцатом» мы обнаружили погребение мужчины-воина в большой «домообразной» деревянной гробнице, устроенной на уровне древней поверхности, под насыпью. Но, увы, могила оказалась почти полностью разоренной древними грабителями. Несколько обломков греческой амфоры, пучок спекшихся от коррозии железных наконечников стрел, отдельные пластины-«чешуйки» от железного панциря, железные удила и несколько костей человеческого скелета – вот и весь наш «улов» с данного объекта.

Полевой сезон (обычно это весь июль и часть августа) перевалил уже на вторую половину. Еще неделя-другая и сотрудники (в том числе и студенты-практиканты) начнут разъезжаться по домам. Похвастаться же было, увы, нечем. Стоит ли говорить, что в особо мрачном настроении пребывал тогда именно я, поскольку мне, как начальнику экспедиции в конечном счете придется отвечать за немалые потраченные средства и за этот «провальный» археологический сезон.

Оставалось надеяться лишь на последний курган № 18, который, наконец, обкосили, дав возможность приступить в раскопкам с помощью бульдозера. Его насыпь все еще возвышалась над землей более чем на полтора метра, а диаметр достигал 50 метров. Сразу же под слоем чернозема внутри этого искусственного холма мы обнаружили остатки поминального пиршества – тризны: обломки скифской глиняной посуды и кости животных: лошади и овцы. И опять в глубине души затеплился робкий огонек надежды – а может мы действительно найдем здесь что-нибудь стоящее? Но даже беглого взгляда на зачищенную стенку центральной бровки (а такая бровка, или разрез – «визитная карточка» любого кургана, дающая самые точные сведения о его структуре и истории) было достаточно, чтобы различить четкие контуры обширной грабительской ямы. Древние «искатели сокровищ», врезавшись в вершину насыпи с помощью вертикальной шахты-колодца, точно вышли на северо-восточную часть гробницы и прорубив деревянную (видимо, еще не рухнувшую) крышу, спустились вниз и полностью опустошили огромную погребальную камеру площадью около 50 кв. метров. Их внимание не привлекли лишь одна греческая амфора, стоящая в юго-западном углу могилы, несколько пучков спекшихся от ржавчины железных наконечников стрел и остатки жертвенной пищи – часть туши лошади с железным ножом. Кости человеческого скелета (по определению антропологов, это был мужчина в возрасте около 50 лет) оказались беспорядочно разбросанными по дну гробницы. Здесь же при тщательной зачистке удалось найти еще несколько мелких железных предметов и даже мельчайшие фрагменты золота и серебра, отслоившихся от каких-то более крупных изделий из этих драгоценных металлов, унесенных грабителями. Чуда не произошло и здесь: огромные затраты времени, сил и средств, а в результате – целиком разграбленная могила с единичными рядовыми находками. А тут еще зарядили нудные дожди, сильно мешавшие нам вести заключительные земляные работы. И это в июле – «макушке лета» – самом солнечном и жарком месяце на юге Черноземья.

И когда исследование кургана № 18, казалось, уже приблизилось к своему логическому концу, примерно в полуметре к северу от центральной гробницы вдруг показалось еще одно большое темное пятно прямоугольных очертаний размерами 4,3×3,8 метров. Еще одна могила? Если это так, то нам неслыханно повезло: до сих пор во всех раскопанных среднедонских курганах скифского времени встречалось лишь по одной гробнице, расположенной в самом центре под насыпью. А может быть, это боковая (и явно впускная и, значит, более поздняя по возрасту, чем центральная) могила избежала общей печальной участи и не стала добычей грабителей? Позднее наша робкая надежда стала осязаемой реальностью.

Это и была вторая счастливая случайность: первый раз в практике археологических раскопок скифских древностей на Среднем Дону встретилось впускное не-

тронутое захоронение. Но обо всем по порядку. «Открытие века» произошло так. Не успели наши землекопы-студенты углубиться в эту боковую могилу (погребение № 2) и на полметра, как вблизи ее северной стенки чья-то лопата глухо ударилась о какой-то твердый предмет. Это был человеческий череп, совершенно целый. Затем показались и другие части скелета, явно лежавшие в анатомическом порядке. Лопаты пришлось отложить, и в ход пошли совки, ножи и кисти. Работали почти не дыша. Осторожное движение кисти – и в неярком свете пасмурного дождливого дня вдруг тускло засверкали желтоватые россыпи золота. Его было много, очень много. Слава Богу, что грабители просто не знали, не догадались, что в кургане есть вторая, более поздняя могила.

Ее перекрытие, несомненно деревянное, сгнило и почти не сохранилось. Стены были облицованы вертикально стоящими досками. И вся эта сложная конструкция крепилась и поддерживалась десятью опорными столбами. Пол гробницы устилали когда-то войлочные кошмы или ковры, от которых сохранились отдельные фрагменты ярко-бордового цвета.

На них в полной сохранности лежали два человеческих скелета – женщины 50–60 лет и мужчины 35–40 лет. Женщина лежала в вытянутом на спине положении, головой на запад. Чуть южнее женского скелета, но почти вплотную к нему, находились останки мужчины. Его положили в могилу несколько позже, чем даму (явное подзахоронение); этим, вероятно, и объясняется нарушенность отдельных частей женского скелета именно с правой, южной стороны. Мужчина тоже был помещен в вытянутом на спине положении, головой на запад.

Главенствующую роль в этой странной паре безусловно играла женщина. Во-первых, именно ее похоронили первой и именно для нее построили внушительную подземную гробницу. Во-вторых, именно ей принадлежало большинство всех драгоценных украшений и предметов, найденных в могиле. И, наконец, последнее: мужчину поместили в гробницу на несколько лет позднее после первого захоронения, снабдив его в последний путь довольно скромным инвентарем.

Перехожу к описанию находок. Чуть ниже черепа женщины лежала россыпь золотых украшений из тонкой золотой фольги со штампованными изображениями головы кабана. Вероятно, это было нагрудное украшение, состоявшее из широкой кожаной ленты-основы, на которую и нашивались бляшка-кабаны. Непотревоженным (в результате деятельности сурков) сохранился лишь один, самый верхний ряд из 18 бляшек, остальные (общим числом 54 экземпляра) были разбросаны грызунами.

По обеим сторонам черепа находились крупные золотые серьги (точнее – подвески) в виде незамкнутого кольца из толстого (0,5 см) золотого дрота, украшенные фигурой кошачьего хищника (скорее всего, пантеры), стоящего на пьедестале, к которому колечками крепились по шесть подвесок в виде стилизованных желудей. Пальцы обеих рук погребенной украшали 6 золотых перстней (по три на каждой руке) с незамкнутыми концами. Весь женский скелет был усеян множеством крохотных полусферических золотых бляшек, которые были когда-то нашиты на одежду и обувь (всего около 120 штук).

Рядом с изголовьем были найдены остатки небольшой деревянной чаши полусферической формы, от которой сохранился лишь древесный тлен, четыре золотых оковки венчика сосуда из тонкой золотой фольги и несколько миниатюрных золотых гвоздиков, крепивших оковки к основе. Там же находился греческий круглодонный серебряный кубок без каких-либо орнаментов или изображений на тулове. В ногах погребенной лежало серебряное, с примесью меди, круглое зеркало с ручкой, которое имело два чехла: внутренний – из ткани и внешний – из кожи. Здесь же, неподалеку, мы нашли изящное ожерелье из крупных «глазчатых» пастовых бус и мелкого стеклянного бисера. Видимо, именно даме принадлежал и один из колчанов с железными наконечниками стрел. В качестве последнего штриха к описанию этого пышного женского захоронения следует упомянуть, что возле черепа, справа от него, мы обнаружи-

ли несколько больших комков реальгара, который в древности часто использовался женщинами в качестве румян, а в чехле рядом с зеркалом находился большой комок белил – явные доказательства большой роли косметики в жизни скифянок.

Что касается мужского погребения, то набор сопровождавших его вещей был гораздо скромнее. Между ног покойника поместили колчан с 30 железными втульчатыми трехлопастными наконечниками стрел. В районе бедренных костей и стоп мы обнаружили до 20 серебряных и золотых полусферических нашивных бляшек с петелькой на обороте, служивших, вероятно, для украшения штанов и сапог.

В центральной части могилы лежали раздавленная землей греческая амфора и жертвенная пища – кости лошади с железным ножом. Судя по амфоре, относящейся к довольно редкому «колхидскому» типу, весь этот археологический комплекс можно отнести ко второй половине IV века до н.э.

В раскопанной нами гробнице из кургана № 18 (погребение № 2) – все необычно и интересно. Прежде всего, необычна сама «золотая дама», похороненная во впускной могиле. Первый же осмотр ее скелета антропологом М.В. Добровольской показал, что покойница была весьма преклонного возраста – 50–60 лет. Чтобы не обижать современных женщин, следует сказать, что сравнивать их со сверстницей, жившей в IV веке до н.э., совершенно неправомерно. Пятидесятилетний рубеж из них преодолевали очень немногие. Средняя продолжительность жизни у представительниц прекрасного пола в скифскую эпоху составляла всего 33–35 лет. Факт солидного возраста уже сам по себе примечателен и свидетельствует в пользу того, что условия жизни «золотой дамы» были достаточно комфортны. Но и это еще не все. Вот заключение антрополога: «Предварительный осмотр показал, что женщина была подвержена ярко выраженным формам склеротических изменений позвоночника, что, вероятно, значительно ограничивало подвижность и служило причиной постоянных и острых болей. Верхняя челюсть погребенной практически полностью лишена зубов. Воспалительный процесс, приведший, вероятно, к разрушению и выпадению зубов, был давним и длительным. Таким образом, можно предположить, что особа, погребенная в боковой могиле кургана № 18, занимала достаточно высокое положение в местном скифском обществе. Об этом мы судим не только по пышности похоронного ритуала и богатству сопровождающих вещей, но и по тому, что само существование этой скифянки требовало на протяжении многих лет постоянного внимания и заботы».

Сохранность скелета мужчины несколько хуже. Его возраст – 39–40 лет. Анализ ДНК обоих погребенных доказал то, что они близкие родственники. Значительная степень развития костного рельефа дает нам основание предполагать, что мускулатура мужчины была хорошо развита, особенно мышцы плеча, предплечья, спины и шеи. Почти нет сомнения в том, что при жизни воинское дело являлось его постоянным занятием. Об этом говорит и еще один факт. В одном из средних ребер (левой стороны грудной клетки) был обнаружен заживший след сквозного ранения, нанесенного стрелой с треугольным наконечником снизу вверх. Такое ранение может быть получено, вероятнее всего, всадником при сражении с пешим лучником.

Заслуживают особого внимания и уникальные золотые серьги с пантерами, сопровождавшие женщину. Они несут на себе следы долгого употребления: потертость, потеря одного золотого диска из носа зверя и одной желудеобразной подвески. Аналогий им в скифском и эллинском искусстве практически нет. Больше всего похожи на них золотые серьги из «царского» кургана близ села Рыжановки (под Киевом), но там пантеры имеют крылья, и они лишены дисков в носах.[3]

Итак, наша давняя мечта осуществилась. После пяти лет раскопок курганов близ сёл Терновое и Колбино мы нашли, наконец, первое неограбленное скифское погребение с многочисленными изделиями из золота. Правда, это было какое-то странное золото. При ближайшем рассмотрении перед нами предстала лишь видимость реального богатства, поскольку многие найденные здесь золотые украшения – «кабанчики», оковки деревянной чаши, нашивные полусферические бляшки и даже

перстни – были сделаны из тонкой золотой фольги.[4] Создается впечатление, что все упомянутые вещи изготовлялись в большой спешке и с относительно малыми затратами драгоценного металла.

Еще в 1917 г. выдающийся российский ученый Михаил Иванович Ростовцев высказал предположение о том, что значительная часть предметов из погребального инвентаря богатых скифских курганов и, в частности, нашивные штампованные бляшки из золотой фольги производились специально для похорон. Ведь трудно себе представить знатного скифского вождя, который бы в повседневной жизни носил одежду, обувь и оружие, сплошь расшитые золотыми пластинками и бляшками из тонкой, мягкой и потому очень ломкой золотой фольги.

Теперь эту плодотворную догадку мы можем подкрепить новыми убедительными фактами. На примере колбинских материалов хорошо видно, что основную массу украшений при знатной покойнице составляли нашивные бляшки из золотой фольги. Видимо, эти вещи производились местными мастерами-ювелирами по срочному заказу родственников умершей. Но ведь точно такие же бляшки (в количестве от одного до десятка экземпляров) мы находим и в других погребениях исследуемого нами курганного могильника, правда, уже основательно опустошенных грабителями: например, курган № 1 у с. Колбино, курганы № 5 и № 8 у с. Терновое). Такие похоронные аксессуары могли быть сделаны ремесленником достаточно быстро и в нужном количестве, если у него были под рукой готовые штампы и сырье (листы тонкой золотой фольги). Во всяком случае, такие «типовые» изделия мы встречаем во многих раскопанных скифских курганах Среднего Дона, даже и в начисто разграбленных.

Не менее успешным оказался для нашей экспедиции и полевой сезон 1998 года. Мы вели тогда раскопки в юго-западной части курганной группы у с. Колбино. Особое место среди других погребальных комплексов, изученных нами этим летом, занял курган № 7. Его высота перед раскопками достигала 2 м, диаметр – 35 м. Под насыпью на древней поверхности находился почти квадратной формы помост площадью в 50 кв. м, имевший 20 опорных столбов. На помосте был установлен сруб из горизонтально уложенных брусьев, а над ним возведем «шатер» из тонких бревен. Анализ остатков комплекса показал, что после церемонии похорон это сооружение было подожжено, а уже затем засыпано землей (культ очищающего огня).

В северо-западном углу погребальной камеры мы обнаружили беспорядочную груду костей женского и верхней части мужского скелетов – явные следы ограбления. Но нижняя часть мужского костяка, примерно от уровня тазовых костей и ниже, сохранилась непотревоженной. Поперек бедер покойника, справа налево, лежал длинный железный меч с обложенной золотым листом рукояткой, на которой были видны штампованные изображения каких-то животных. Вокруг скелета и на нем удалось найти около 50 тонких золотых пластин с фигурой лошади или кулана. Рядом с мечом находилась спиральная лента из толстой золотой фольги – видимо, оплетка ручки нагайки, а также несколько ажурных золотых оковок (с отверстиями для миниатюрных золотых гвоздиков), явно служивших обкладками деревянного сосуда.

У западной стены гробницы мы обнаружили железные наконечники нескольких копий и дротиков, остатки колчана с 95 железными наконечниками стрел, железные удила со стержневидными псалиями, железные конские налобники в виде стилизованных птиц, похожих на лебедей, железная круглая пряжка с подвижным язычком-иглой и другие мелкие предметы. Среди этих находок особый интерес представляет, безусловно, меч. По форме рукояти, технике изготовления сваренного из двух стальных полос клинка и орнаменту на золотой обкладке он полностью повторяет мечи из знаменитого «царского» кургана Чертомлык в Степной Приднепровской Скифии. В обоих случаях на навершии рукояти изображен какой-то бегущий зверь с повернутой назад головой (возможно, лань), на треугольном перекрестье – крылатые орлиноголовые грифоны, стоящие друг против друга (геральдическая поза), а вдоль рукояти оттиснута фигура оленя со странной формы ветвистыми рогами, уст-

ремленными вперед и толстым, отвисшим брюхом.[5] Совпадение всех этих деталей с оружием из Чертомлыка настолько велико, что можно говорить не просто о сходстве чертомлыцких и колбинского мечей, но и о полной их идентичности. Не исключено, что их оружие было выковано одним и тем же кузнецом.

Но на этом совпадения не заканчиваются. Точно такой же меч был найден в каменной гробнице кургана № 8 в группе «Пять Братьев» на Нижнем Дону близ станицы Елизаветовской, а совсем недавно с подобной же находкой повезло украинским археологам: это меч из кургана № 11 у с. Старый Мерчик на Харьковщине.[6] Колбинский меч можно, таким образом, вслед за Чертомлыком, датировать третьей четвертью IV века до н.э.

В 2002 году история с мечами чертомлыцкого типа получила свое продолжение. В кургане № 36 у с. Колбино мы обнаружили в разграбленной могиле еще один похожий меч, но с более коротким клинком. Он имел ажурное, сваренное из двух стальных полос обоюдоострое лезвие и похожую на чертомлыцкую, но сильно попорченную ржавчиной рукоять без золотой обкладки. Поэтому, первоначально, несмотря на общее сходство этого предмета вооружения с колбинским (курган № 7) и чертомлыцким мечами, мы не придали данному факту особого значения. И каково же было наше удивление, когда после реставрации в лаборатории Института археологии Академии Наук России на поверхности рукояти меча отчетливо проявился рельеф с теми же самыми зооморфными фигурами, которые украшали золотые обкладки мечей из Чертомлыка, Пятибратнего № 8 и Колбино (курган № 7): бегущая лань с повернутой назад головой – на навершии, «пузатый» олень с ветвистыми рогами – на рукояти и два орлиноголовых грифона – на перекрестье. Таким образом, почти случайно выявилась весьма существенная деталь: древние мастера-кузнецы вырезали определенные (в том числе и зооморфные) мотивы по горячему металлу, а потом уже, перед похоронами владельца меча, покрывали рукоять тонкой золотой пластиной и с помощью дополнительной обработки переводили узор на золото. Так и было и с мечом из кургана № 36: золотая обивка на рукояти когда-то имелась, но ее сорвали и унесли с собой грабители.[7] Добавлю лишь одну интересную деталь: меч принадлежал мужчине примерно 50 лет от роду, лежавшему на спине, головой на юг. Погребенный явно был воином, его участие в битвах подтверждается тем, что на правой теменной кости черепа заметны следы заросшего ранения, нанесенного бронзовым наконечником стрелы, который находился в голове длительное время. О принадлежности умершего к сословию воинов-дружинников говорит и обилие оружия в могиле – кроме меча. железный кинжал, пять наконечников дротиков, остатки колчана с 27 железными втульчатыми трехлопастными наконечниками стрел, железные удила с бронзовыми псалиями.

«Фракийская мода» в Скифии

В июле-августе 2000 года Потуданская археологическая экспедиция (ПАЭ) продолжала исследование большого курганного могильника у с. Колбино. Всего за этот полевой сезон было раскопано четыре кургана, содержавших погребения скифской эпохи, сильно потревоженные грабителями еще в древности. Среди них особенно выделялся курган № 2 на западе группы, заметно деформированный интенсивной ежегодной распашкой. Высота насыпи – чуть более 0,5 м, диаметр – до 32 м.

Единственное погребение находилось в самом центре кургана. Могила прямоугольной формы с закругленными углами имела размеры 3,5×3,2 м. Стены могильной ямы были облицованы деревянными досками, которые стояли вертикально и упирались торцами в неглубокие желобки-канавки, выкопанные по периметру дна могилы. Эти деревянные стены и перекрытие поддерживались девятью опорными столбами.

Гробницу еще в древности основательно ограбили. В заполнении могилы на разных уровнях мы обнаружили ребра лошади – вероятно, остатки заупокойной пищи.

Здесь же найдена роговая рукоять ножа, оформленная на конце в «зверином стиле»: изображена голова волка в профиль с раскрытой пастью и плотно прижатыми ушами. Находки на дне могилы состояли из бронзового трехгранного наконечника стрелы, предметов конской сбруи – бронзовые и железные пронизки и две серебряные литые бляхи с петлей на обороте (нащечники). На одном из них изображена голова животного в профиль с широко раскрытой пастью, заполненной какими-то завитками или волютами. Затылок и верх этой головы обрамляет изящная фигура «морского конька» – гиппокампа. На другом, хотя и в сильно стилизованном варианте, можно различить канонический для скифского искусства V–IV веков до н.э. – бедро и пара ног животного.[8] Ближайшей аналогией колбинскому нащечнику с гиппокампом служит набор конской сбруи из кургана Хомина Могила (курган № 13) близ города Орджоникидзе на Украине (Степное Приднепровье). Автор раскопок, украинский археолог Б.Н. Мозолевский, считает серебряные нащечники с гиппокампами определенно изделиями фракийских мастеров Подунавья и относит их к концу IV – началу III веков до н.э. Фракийские влияния в оформлении конского снаряжения отчетливо проявляются и в других богатых курганах Степной Скифии. Но одно дело причерноморские степи, непосредственно примыкающие к Дунаю, а другое – далекий Средний Дон. Однако, вполне реальная фракийская вещь лежала передо мной и требовала соответствующего объяснения. Колбинская находка заставила меня более внимательно отнестись к вопросу о возможном более широком влиянии фракийского искусства на среднедонскую культуру скифского времени. И вот, при просмотре материалов из курганных комплексов V–IV вв. до н.э. из Воронежской области осязаемые следы такого влияния были вскоре обнаружены. Речь идет, прежде всего, о наборе серебряных украшений конской узды из кургана № 11 группы «Частые Курганы» близ города Воронежа (раскопки ВУАК): налобник в виде скульптурной головы барана на плоском серебряном щитке и два нащечника из того же металла со сложным резным орнаментом, напоминающим медвежью лапу.[9] Аналогии налобнику весьма многочисленны – это конские захоронения из «царских» курганов Степной Скифии – Огуз, Чертомлык, Чмырева Могила, Толстая Могила, Козёл, Александропольский курган. Точно такие же серебряные налобники известны и в наиболее пышных погребениях фракийской аристократии – например, Аджигиоль и Крайова. Нащечники с «медвежьей лапой» со Среднего Дона поразительно похожи на такие же детали конской узды из Краснокутского кургана в степной зоне Скифии. По поводу происхождения и места производства этих великолепных серебряных изделий до сих пор среди ученых нет полного согласия. Болгарские и румынские исследователи, а также некоторые наши украинские коллеги (Б.Н. Мозолевский, Е.Е. Фиалко и др.) отстаивают их фракийское происхождение. Более осторожно подходит к данному вопросу известный отечественный скифолог – Анна Ивановна Мелюкова. «Появление во Фракии ряда предметов, исполненных в «зверином стиле», – пишет она, – было вызвано и стимулировалось воздействием скифского искусства, прошедшего к тому времени уже значительный путь развития. В IV веке до н.э., скорее около середины столетия, наблюдается обратный процесс – влияние на скифские произведения фракийского художественного творчества».[10] Однако независимо от того, кто именно изготовлял серебряные наборы для конской узды высшей скифской знати – фракийские мастера по своему разумению, сами скифы в подражание фракийским образцам или же, наоборот, фракийцы целиком заимствовали скифский стиль и образы реальных и фантастических животных, очевидно одно: во второй половине IV века до н.э. по всей Скифии, от Дуная до Среднего Дона, в кругах местной аристократии распространилась «фракийская мода» на украшения парадных конских уборов. Точнее, это даже не «мода», а целенаправленное распределение определенных категорий престижных вещей внутри правящей скифской элиты (в том числе и на Среднем Дону – далекой северо-восточной окраине Скифии).

«Забытый» курган, или аберрация памяти

Здесь я должен извиниться перед своими читателями за то, что в начале этой главы сказал, будто курганный могильник у сёл Терновое и Колбино был открыт нашей экспедицией в 1992 году. На самом деле, этот могильник впервые был обнаружен в 1957 году Воронежской Скифской Лесостепной Экспедицией под руководством П.Д. Либерова. В своем дневнике исследователь отмечает: «25 мая экспедиция обследовала большую курганную группу у с. Колбино, по предварительным подсчетам включающую до 30 насыпей». Но другие заботы не дали Петру Дмитриевичу возможности сразу приступить к раскопкам вновь открытых курганов, и о них надолго забыли. Естественно, не мог тогда знать о колбинских могилах и я, так как стал работать в «Либеровской» экспедиции только с 1960 года. Но в 1971 году уже находясь в довольно преклонном возрасте (67 лет), П.Д. Либеров вновь возвращается к «забытым» курганам и находит время и деньги для раскопок одной насыпи (курган № 1 по плану П.Д. Либерова и № 9 по топографической съемке Потуданской экспедиции в 1995 г.) с помощью бульдозера.

Пикантность ситуации состоит в том, что главным «раскопщиком» в данном проекте был именно я. Мне помогали молодые сотрудники Воронежского областного музея краеведения А.Т. Синюк и В.В. Попов и несколько студентов. Петр Дмитриевич же осуществлял общее руководство и делал из Колбино один-два «наезда» в светлое время суток, чтобы посмотреть на ход работ. Почему же я, будучи тогда сравнительно молодым человеком, напрочь забыл и о своем непосредственном участии в исследовании колбинского кургана и о своем несомненном знании о факте существования в этом месте большого могильника скифской эпохи? Точно объяснить данный феномен я не могу и сейчас. Видимо, произошла аберрация памяти. Ведь в тот период я уже два полевых сезона отработал в Ираке, успешно шли (к сожалению, пока в чисто книжном варианте) мои исследования в области археологии Мексики и Центральной Америки. Но суть дела это не меняет: о Колбине, с его многочисленными курганными насыпями я впоследствии «намертво» забыл. И только в 2001 году, просматривая материалы из архива П.Д. Либерова, хранящиеся в нашем Институте, я, вдруг, с удивлением увидел лист миллиметровой бумаги с планом и разрезом кургана № 1 у с. Колбино; чертеж был сделан очень знакомой мне рукой, а чтобы не оставалось сомнений, в уголке стояла моя подпись. К чертежу прилагались фотографии находок и их краткое описание. Опубликовать колбинский курган П.Д. Либеров не успел, и вот, спустя много лет передо мной лежал тот первый «кирпичик», который вырос затем уже в наше время в солидный проект Донской экспедиции: ведь нами раскопано уже в колбинско-терновской группе свыше 50 курганов!

Я передал эти материалы Е.И. Савченко, и он опубликовал их в виде отдельной статьи в журнале «Российская археология».[11] Ниже следует описание «забытого» кургана. Насыпь его была сильно деформирована многолетней распашкой. Высота – 2,2 м, диаметр – около 38 м. Единственное погребение находилось в центре подкурганной поверхности, внутри кольца из желтой глины (выкида из могильной ямы). Курган был ограблен еще в древности: контуры обширной грабительской воронки хорошо прослеживались в разрезе центральной бровки. В заполнении «грабиловки» найдены лезвие железного ножа, обломок стенки лепного сосуда и зубы лошади. Могила прямоугольной формы имела размеры 6,4×4,6 м и была углублена от уровня древнего горизонта на 2,75 м. С западной стороны в могилу вел коридор-дромос длиной 3 м и шириной 2 м. В грабительском лазе найдены фрагменты лепного горшка и «спекшийся ком» из 20 втульчатых трехлопастных железных наконечников стрел.

В гробнице, по ее периметру, выявлено 10 столбовых ямок (4 угловых и 6 пристенных). В центре – ритуальная ямка-бофр, глубиной до 1 м, в которой лежал лепной сосудик из желтой глины. На дне могилы прослежены беспорядочно разбросан-

ные обломки костей взрослого человека; рядом с ними находились 9 бронзовых плоских двойных бляшек от поясного набора и 7 бронзовых трехгранных наконечников стрел. В северо-западном углу находились два человеческих черепа очень плохой сохранности. В центральной части гробницы, в двух метрах от устья дромоса, обнаружены раздавленный человеческий череп, четыре железных рюмкообразных втока – три от дротиков и один – от копья. В северо-восточном углу найдены «крупные кости лошади и здесь же окислившиеся в зеленый цвет кости овцы, которые лежали, вероятно, в бронзовом котле, унесенном грабителями». Севернее ритуальной ямки-бофр обнаружен серебряный поясной крючок-застежка, оформленный в «зверином стиле» (фигура стоящего в профиль медведя и голова орлиноголового грифона) и глиняное шаровидное пряслице. Дата кургана № 1 (№ 9) – середина или третья четверть IV века до н.э.

Были у нас и более серьезные трудности. В полевой сезон 2003 года экспедиции не удалось продолжить доследование курганов у с. Колбино. Некий «фермер», точнее, приезжий с Северного Кавказа торговец «паленой» водкой и мафиози, приобрел у колбинского сельхозкооператива в длительную аренду большое поле со всеми оставшимися на нем скифскими курганами. Предварительные переговоры с ним и предложение заплатить за все возможные убытки с небольшого (менее 1/3 гектара) участка, засеянного к началу июля еще зеленой и довольно «жиденькой» пшеницей, встретили со стороны «фермера» жесткий отказ. Для него, видимо, важнее было показать, что именно он (при явном попустительстве районных властей) теперь истинный хозяин черноземных земель в окрестностях Колбино.

В связи со сложившейся неприятной ситуацией – а речь шла не больше и не меньше, чем о судьбе текущего полевого сезона (а экспедиция всегда ограничена в сроках своих работ пределами студенческих летних каникул – июль и часть августа) – мы решили начать исследование нового курганного могильника (открытого в 1971 г. П.Д. Либеровым и до сих пор никем не копавшегося) у с. Горки, Краснянского района Белгородской области, расположенного всего в 13 км по прямой от нашего колбинского лагеря на высоком правом берегу реки Потудань. Петр Дмитриевич обнаружил тогда всего 10 курганных насыпей. А во время разведочных работ нашей экспедиции в 1999 году здесь удалось выявить уже 25 курганов, сильно деформированных регулярной тракторной распашкой.

В связи с очень плохой (дождливой) погодой и удаленностью от базового лагеря у с. Колбино, нам удалось «вахтовым методом», наездами, раскопать в Горкинском могильнике в 2003 году всего два кургана (№ 10 и № 13). Они и по своему устройству и по характеру находок ничем не отличались от колбинских. В кургане № 10 (ограбленном в древности) находилось парное погребение (мужчины и женщины в возрасте 40–50 лет). Их сопровождалди в загробный мир греческая амфора (третья четверть IV в. до н.э., т.е. 350–325 гг. до н.э.), обломок меча, наконечник копья, два дротика и солидный набор конского снаряжения (две пары железных удил, две пары псалиев – бронзовых и железных, 12 бронзовых украшений ремней узды – в виде фигур медведей, волков и лошадей). Умерших снабдили и напутственной пищей – грудиной лошади с железным ножом обычного скифского типа. Курган № 13 (сильно пострадал от действий древних грабителей), содержал разрозненные останки мужчины-воина (возраст около 30 лет) и при нем – пара бронзовых греческих поножей (кнемид), наконечники копья и двух дротиков, железный кинжал, железные наконечники стрел, две пары удил с бляхами узды из бронзы и одним костяным псалием, большой лепной глиняный сосуд типа вазы. Возраст захоронения – вторая половина IV века до н.э.

В последующие годы мы раскопали в Горках еще 10 курганов, но половина из них относилась к эпохе бронзы, а все скифские гробницы оказались почти начисто опустошенными сначала древними искателями сокровищ, а в конце XIX века еще одной группой кладоискателей. В 2005 году «фермер» из с. Колбино куда-то исчез, и экспедиция вновь приступила к исследованию местного курганного некрополя.

Рис. 1. Лагерь Потуданской экспедиции у х. Мостище 1993–1995 г.

Рис. 2. Начальник экспедиции В.И. Гуляев за работой у своей палатки в лагере у х. Мостище, 1993 г.

Рис. 3. Потуданская экспедиция, 1995 г. Раскопки кургана № 1 у с. Колбино. (слева на право: волонтеры из Англии и США, Б.В. Мелешко и М.В. Добровольская).

Рис. 4. Процесс раскопок кургана № 1 у с. Колбино.
Е.И. Савченко с греческими амфорами из насыпи кургана.

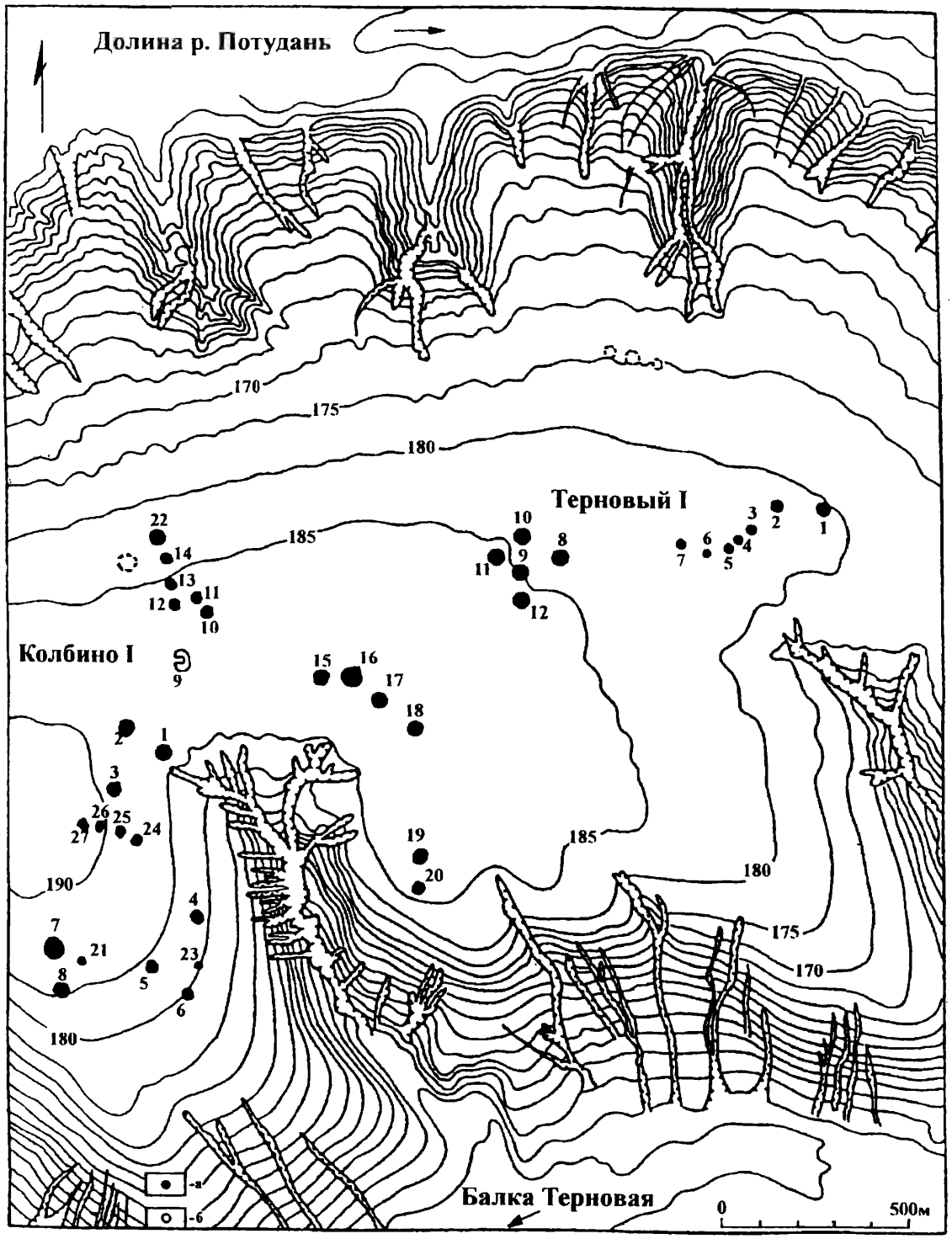


Рис. 5. План курганных могильников Терновое I–Колбино I.

Рис. 6. Начало раскопок кургана № 18 у с. Колбино – «первая борозда».

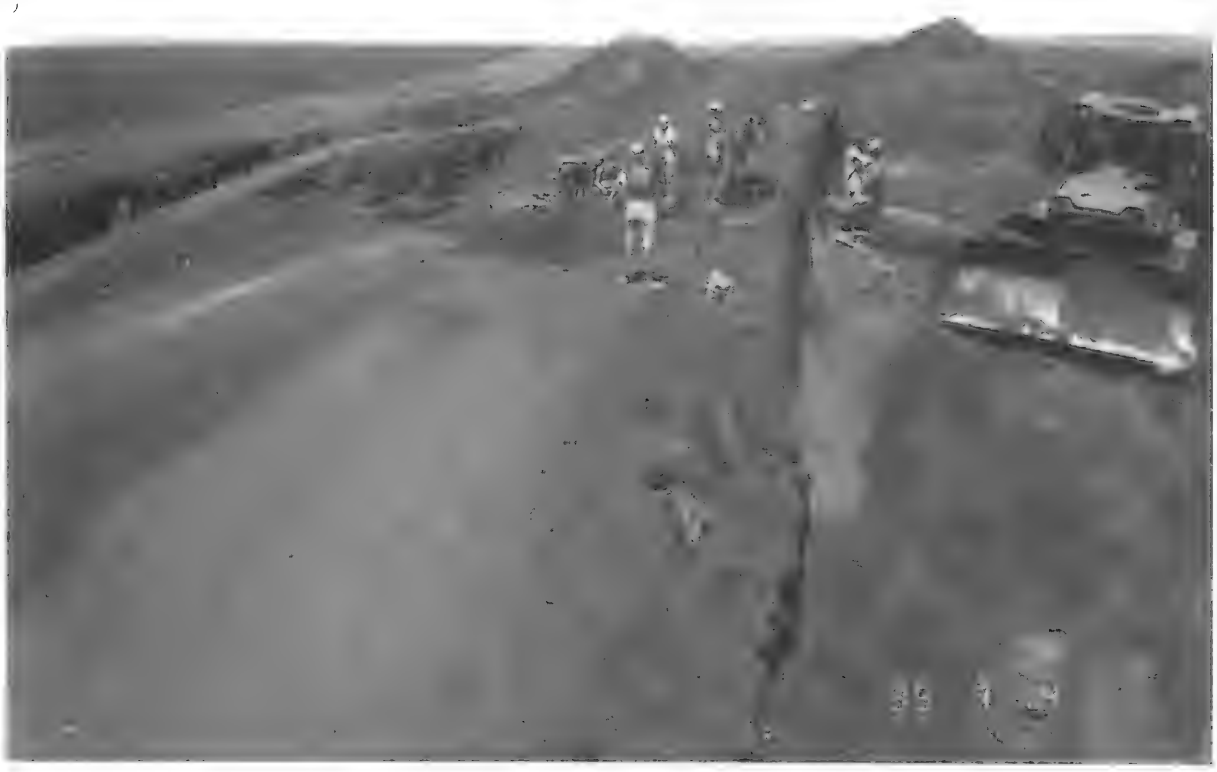


Рис. 7. Процесс раскопок кургана № 18 у с. Колбино.

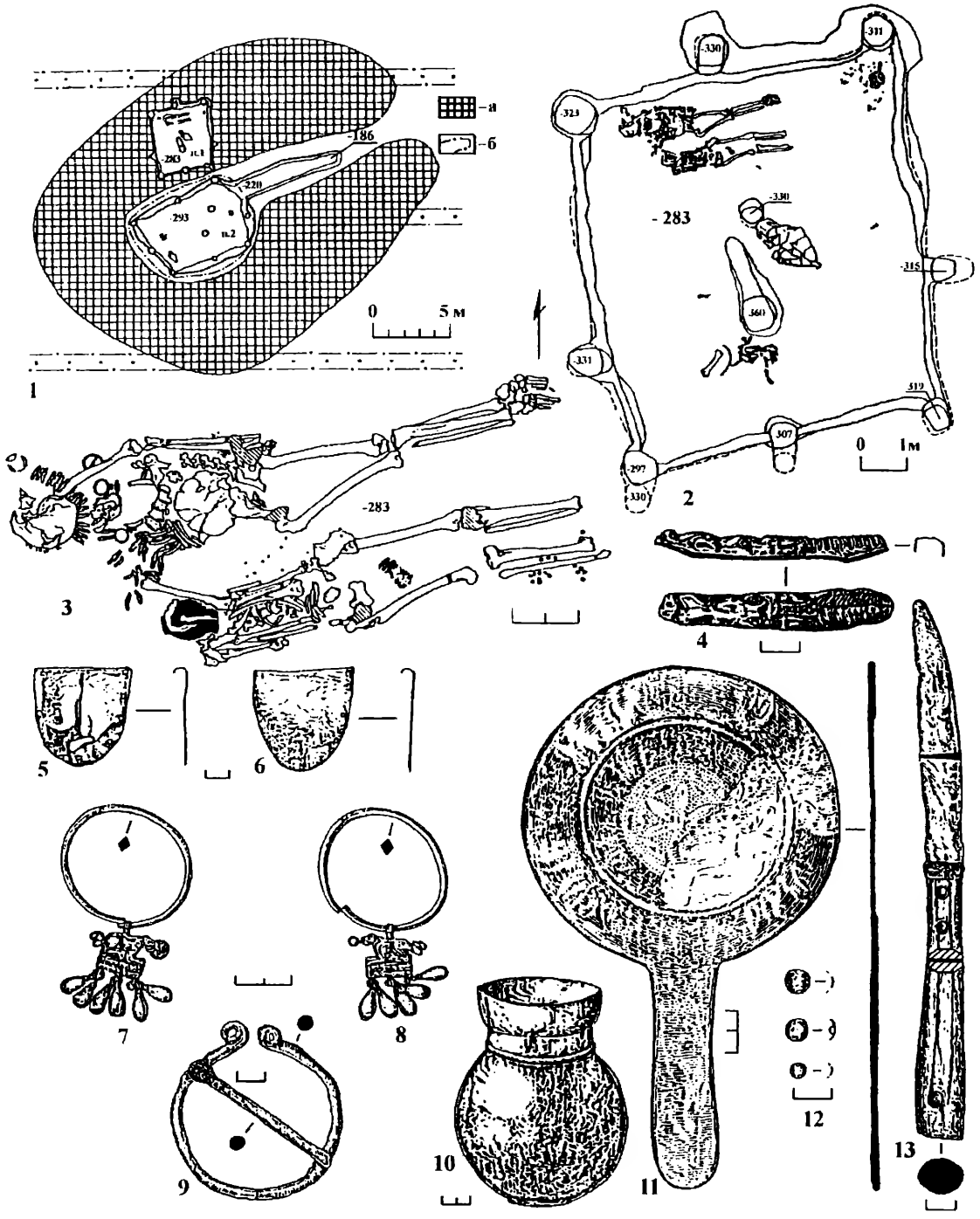


Рис. 8. План погребений и основные находки из кургана № 18 у с. Колбино.
1 – план кургана – центральная часть (а – выкид из могильной ямы; б – границы грабительской ямы); 2 – план погребения № 1; 3 – деталь плана погребения № 1; 4 – нашивная бляшка нагрудника (кабан-вепрь); 5, 6 – оковки сосуда; 7, 8 – серьги; 9 – пряжка-сюльгама; 10 – сосуд-кубок; 11 – зеркало; 12 – нашивные бляшки; 13 – нож (4–8, 12 – золото; 9 – железо; 10, 11 – серебро; 13 – железо, рог).

Рис. 9. «Золотая дама» – скелет женщины с золотыми украшениями из впускного погребения № 2, кургана № 18 у с. Колбино.

Рис. 10. Золотые серьги с пантерами.
Впускное погребение, курган № 18 у с. Колбино.

Рис. 11. Деталь изображения (пантеры) на золотой серьге.
Впускное погребение № 2, курган № 18 у с. Колбино.

Рис. 12. Золотые перстни. Погребение № 2, курган № 18 у с. Колбино.

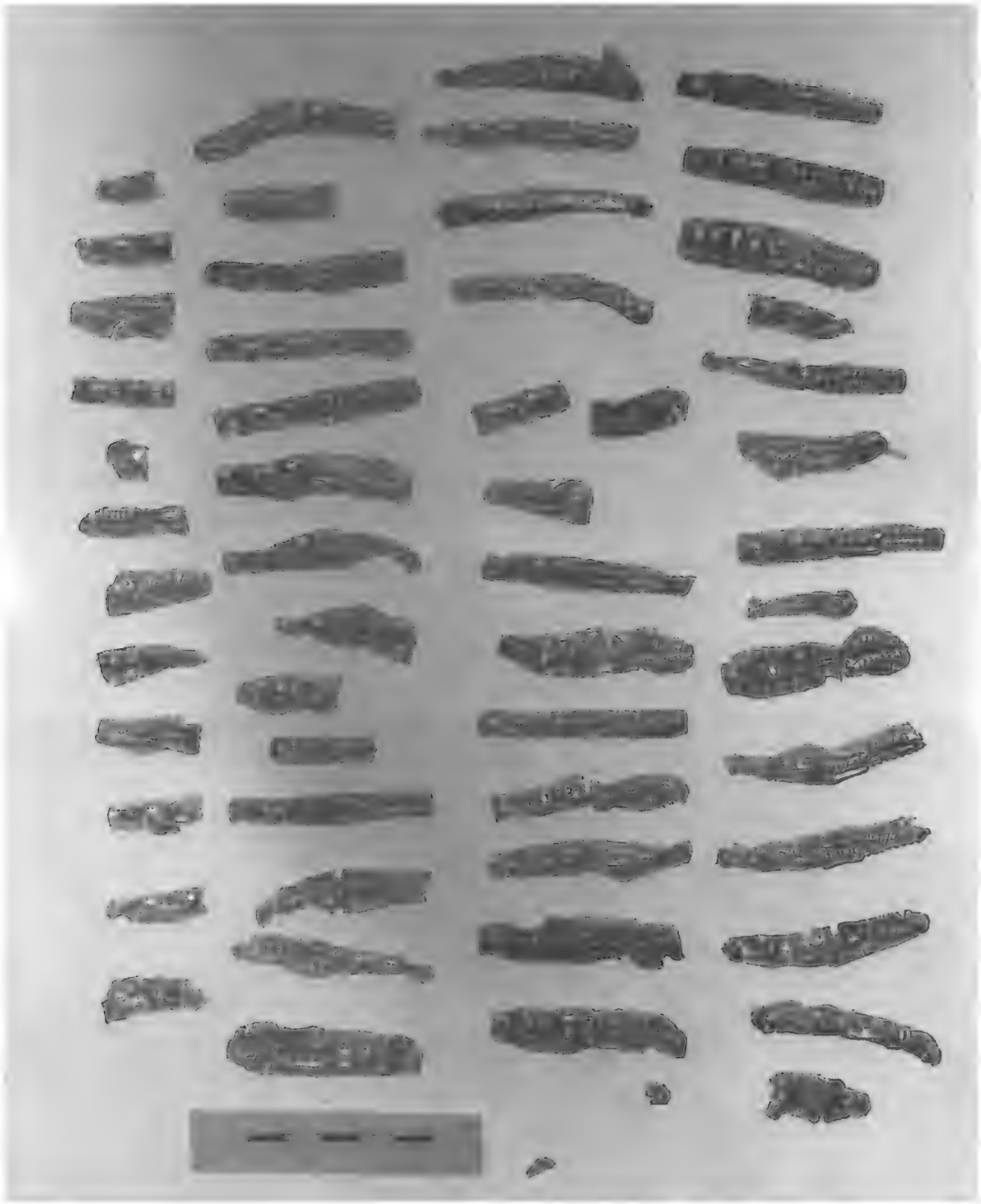


Рис. 13. Нашивные золотые бляшки с изображением головы кабана.
Впускное погребение № 2, курган № 18 у с. Колбино.

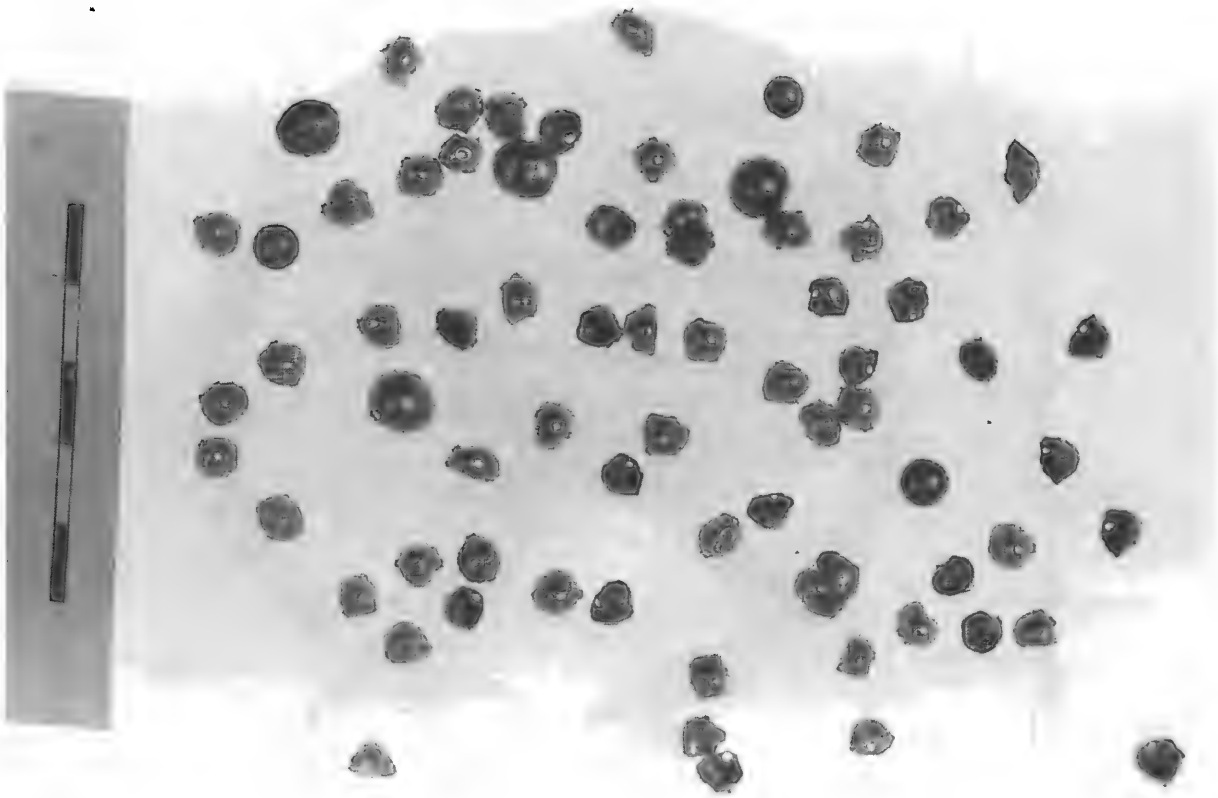


Рис. 14. Золотые нашивные полусферические бляшки.
Погребение № 2, курган № 18 у с. Колбино.

Рис. 15. Ожерелье из цветных пастовых и стеклянных бус.
Погребение № 2, курган № 18 у с. Колбино.

Рис. 16. Бронзовое, с примесью серебра, зеркало.
Погребение № 2, курган № 18 у с. Колбино.

Рис. 17. Серебряный греческий сосуд. IV в. до н.э.
Погребение № 2, курган № 18 у с. Колбино.

Рис. 18. Железная пряжка-сюльгама с иглой-язычком.
Погребение № 2, курган № 18 у с. Колбино.

Рис. 19. Золотые обкладки деревянной чаши.
Впускное погребение, курган № 18 у с. Колбино.

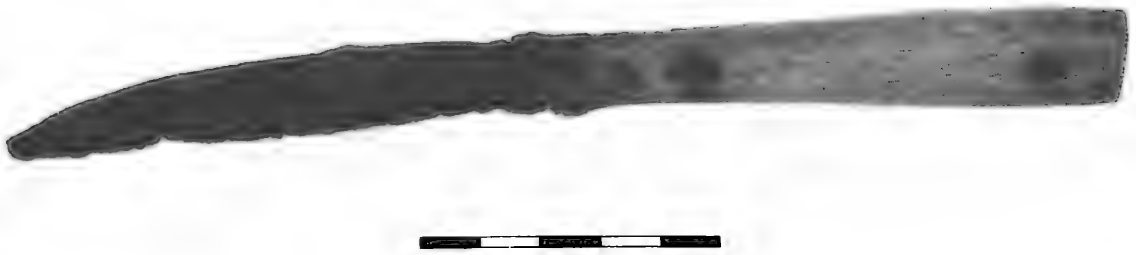


Рис. 20. Железный нож с костяной рукояткой, сопровождавший напутственную пищу. (часть грудины лошади). Погребение № 2, курган № 18 у с. Колбино.

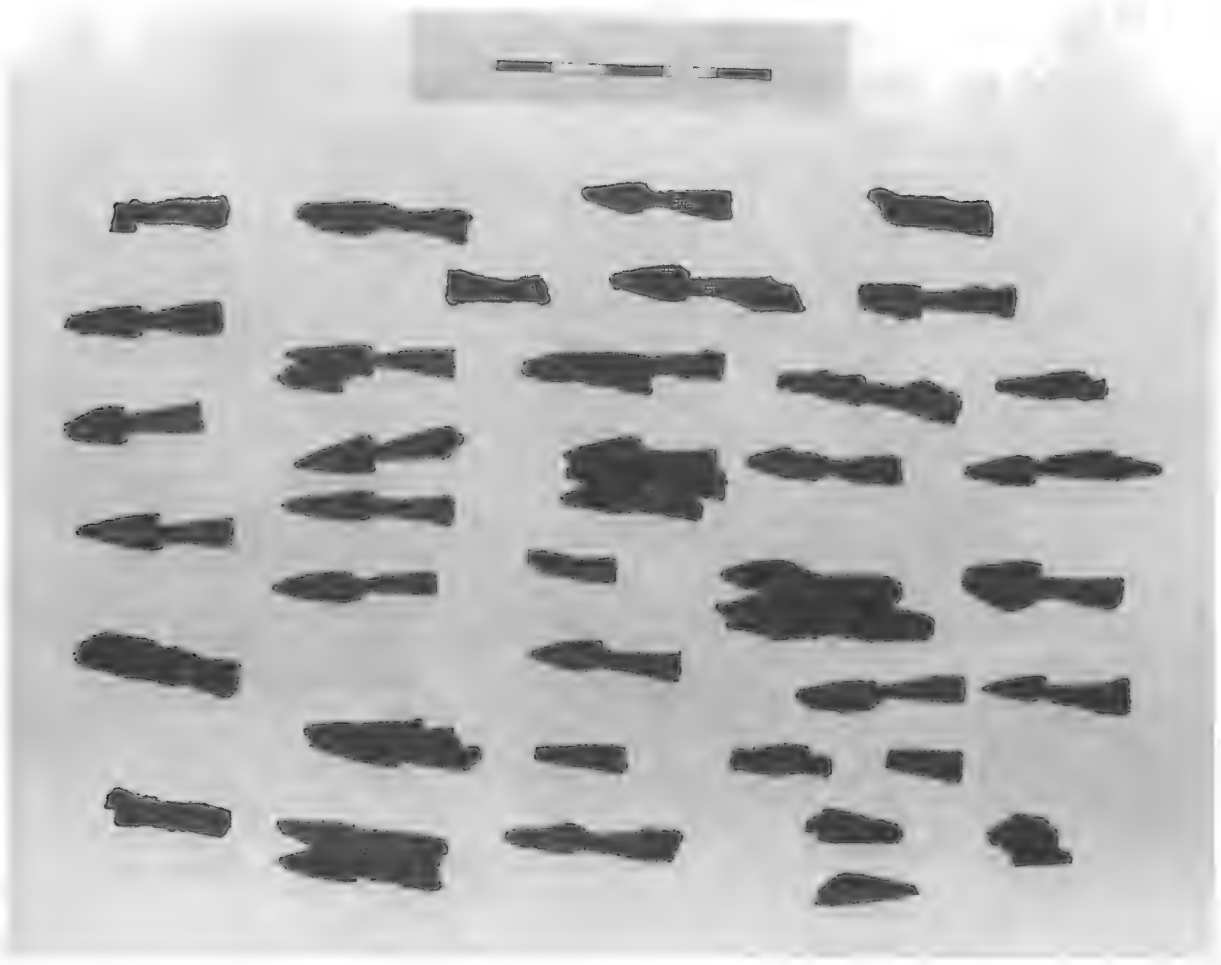


Рис. 21. Железные наконечники стрел. Погребение № 2, курган № 18 у с. Колбино.

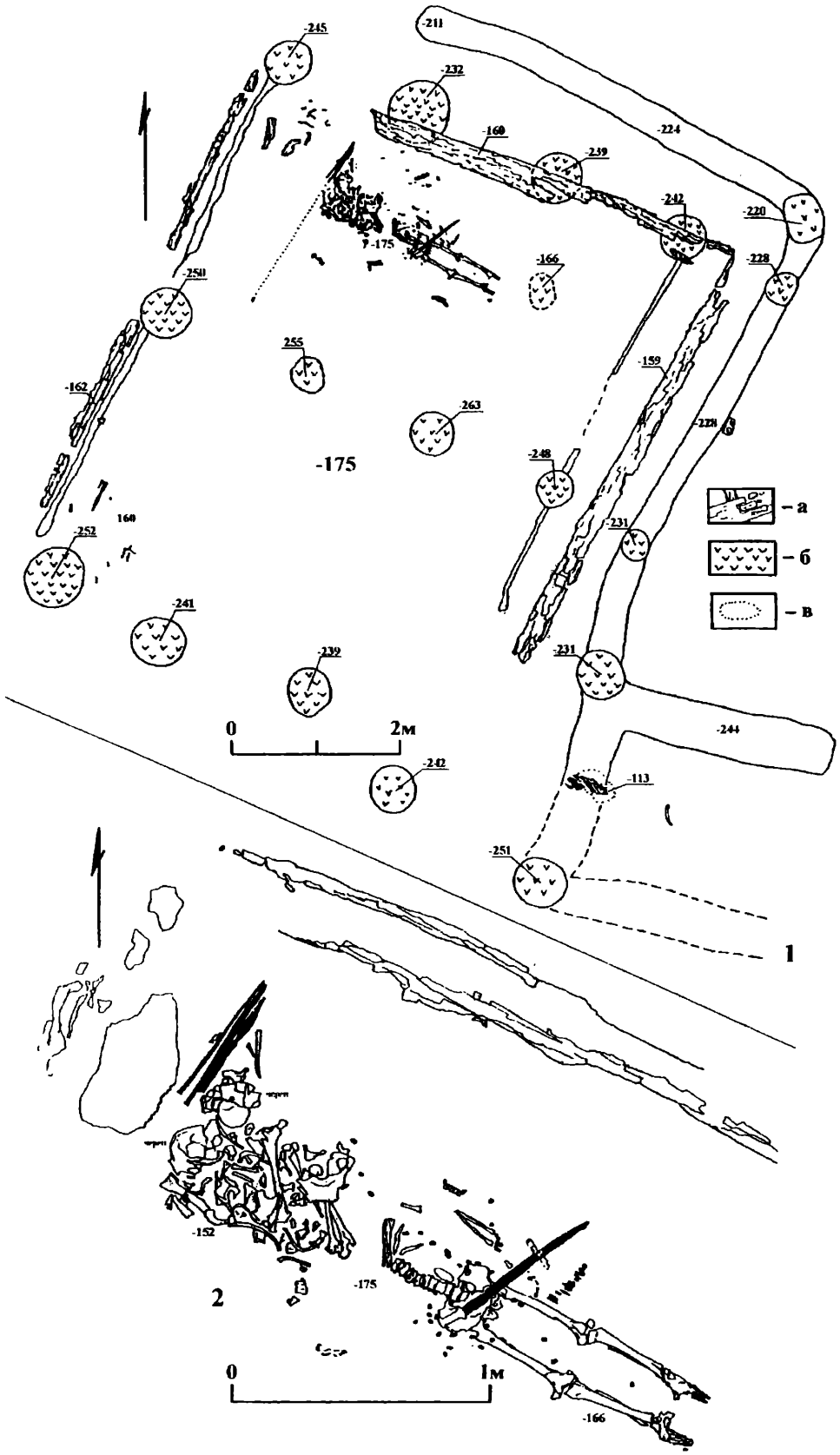


Рис. 22. План погребения кургана № 7 у с. Колбино.
1 – план погребального сооружения – нижний слой (а – деревянные стены; б – уголь, в – деревянное блюдо); 2 – деталь плана погребения – останки погребенных и инвентарь.

Рис. 23. Общий вид на уцелевшую часть мужского скелета с мечем.
Курган № 7 у с. Колбино.

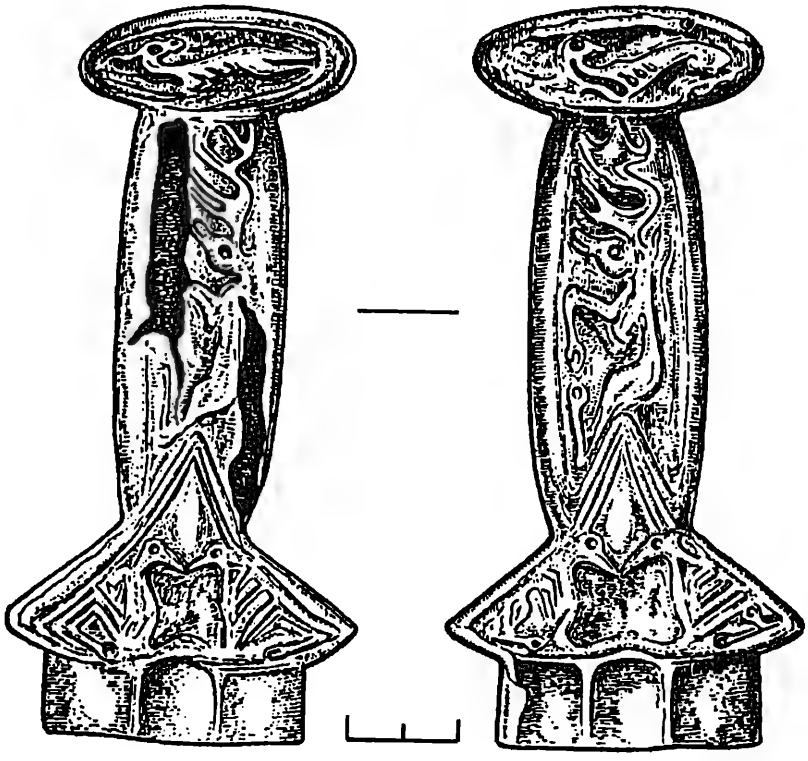


Рис. 24. Золотая обкладка рукояти меча с изображением оленя.
Курган № 7, Колбино.

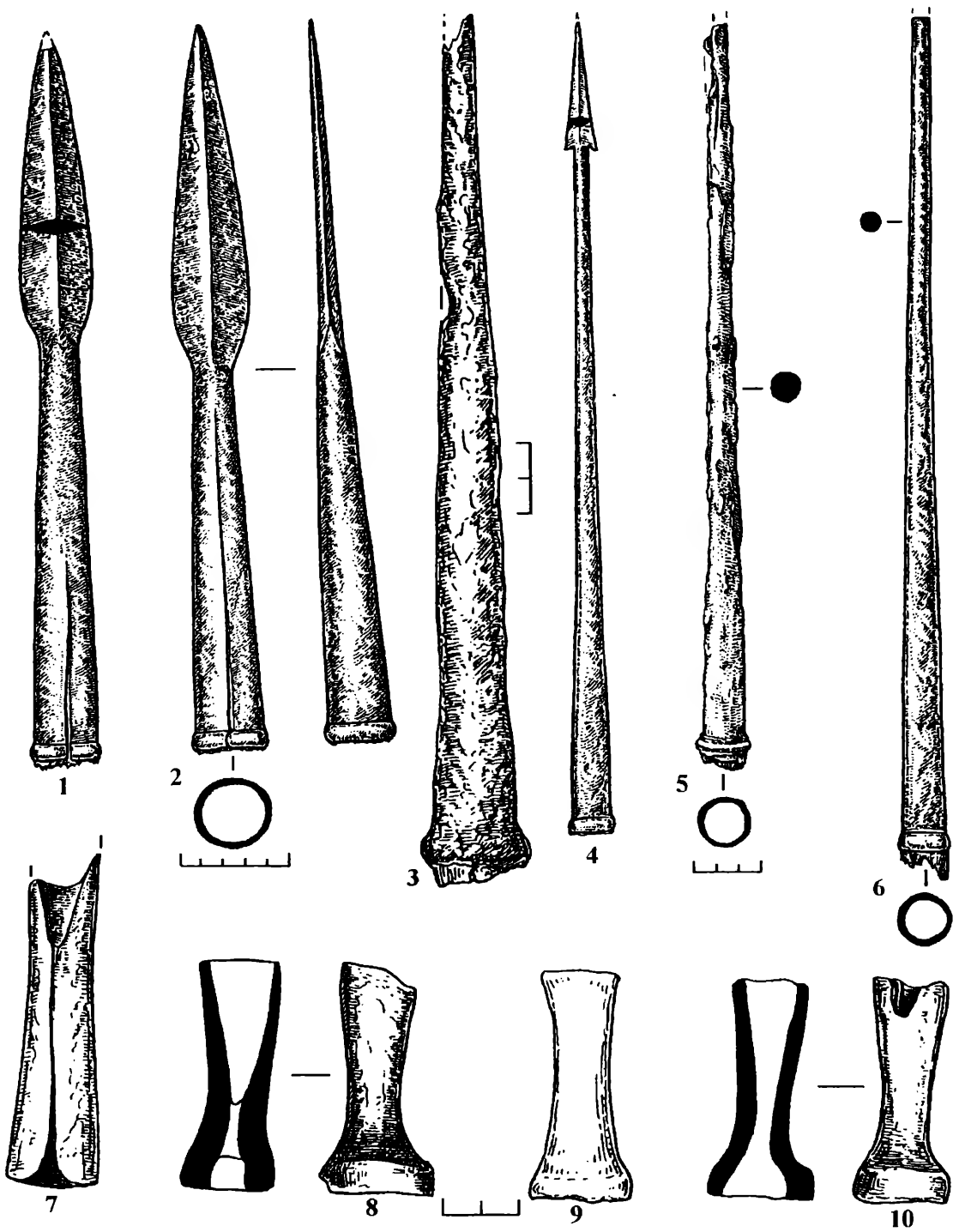


Рис. 25. Набор копий и дротиков из кургана № 7 у с. Колбино.
1, 2 – наконечники копий; 3 – втулка наконечника копья; 4–6 – наконечники дротиков; 7 – фрагмент втулки дротика; 8–10 – втоки дротиков (1–10 – железо).

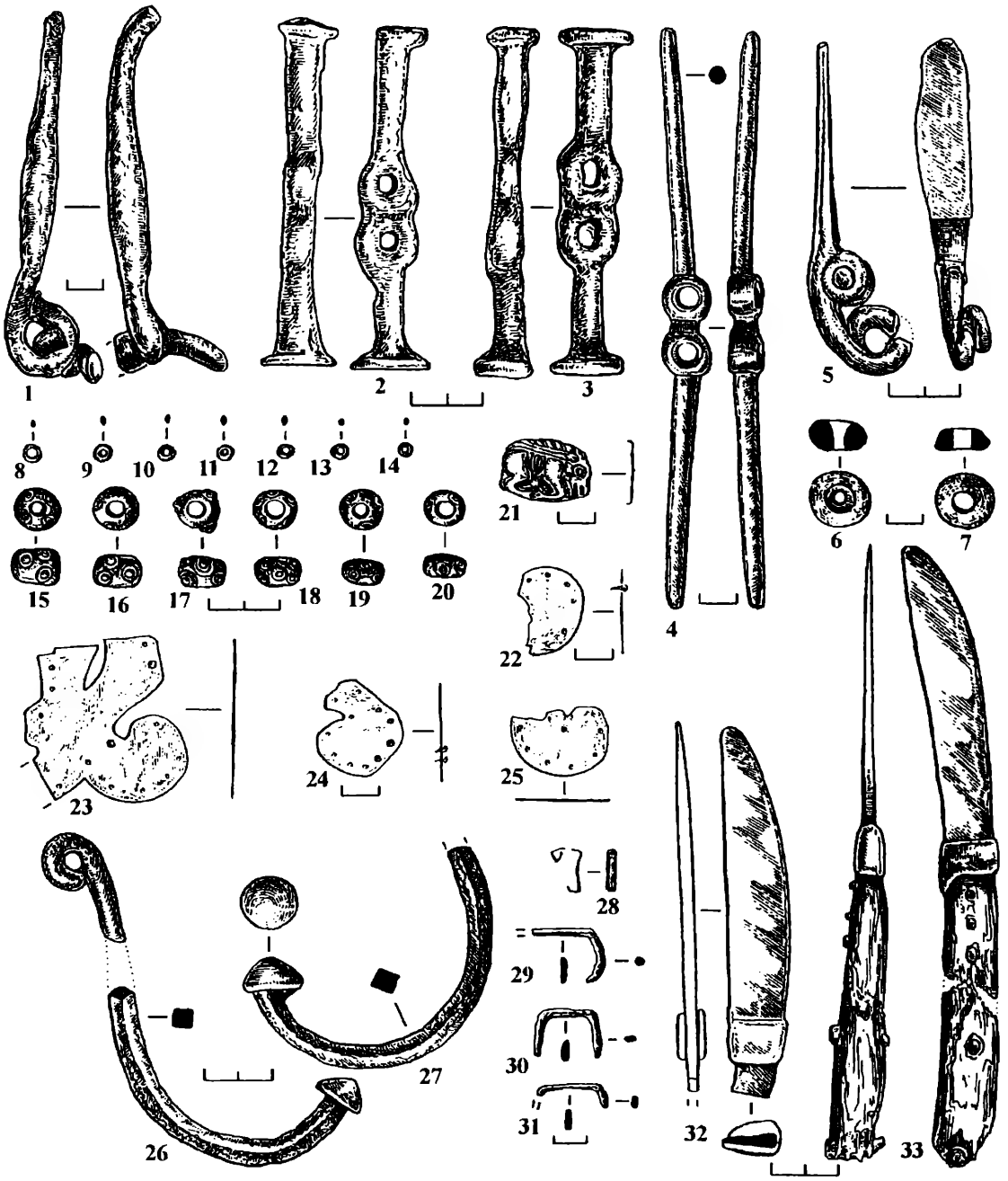


Рис. 26. Детали конской сбруи и железный нож из кургана № 7 у с. Колбино.
1 – фрагмент удил; 2–4 – псалии; 5 – налобник; 6, 7 – ворворки; 8–14 – бисер; 15–20 – бусы; 21 – нашивная бляшка; 22–25 – обкладки; 26, 27– крючки; 28–31 – скобы; 32, 33 – ножи (1–3, 5–7, 26, 27, 29–32 – железо; 4 – бронза; 8–20 – стекло; 21–25 – золото; 28 – серебро; 33 – железо, кость).

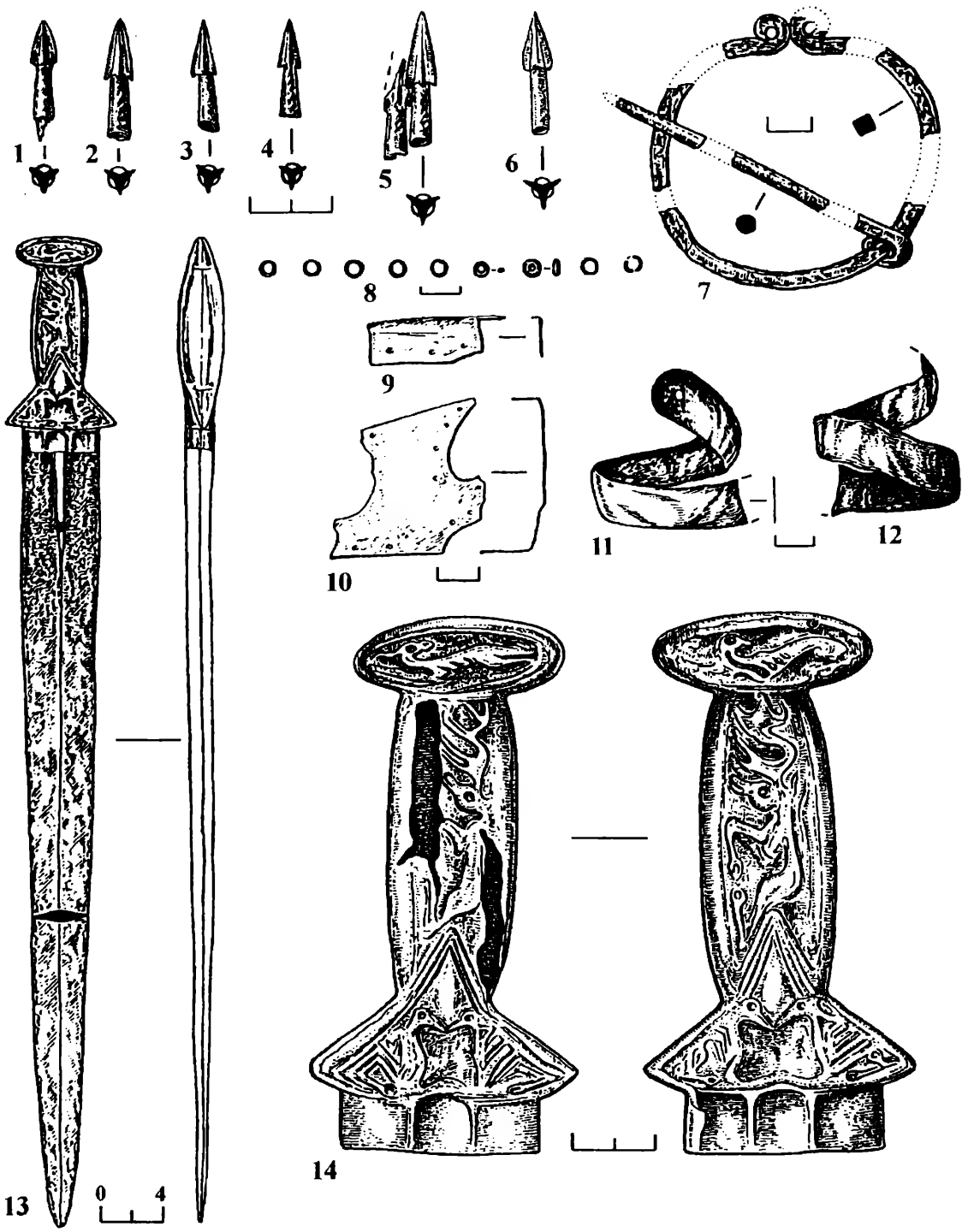


Рис. 27. Комплекс вещей из кургана № 7 у с. Колбино.
1–6 – наконечники стрел; 7 – пряжка-сюльгама; 8 – бисер; 9, 10 – обкладки ножен меча; 11, 12 – оплетка плети; 13 – меч; 14 – деталь меча (1–7 – железо; 8 – стекло; 9–12 – золото; 13, 14 – железо, золото).

Рис. 28. Золотые нашивные бляшки с изображением лошадей.
Курган № 7 у с. Колбино.

Рис. 29. Золотая нашивная бляшка с изображением лошади (?) в сильном увеличении. Курган № 7 у с. Колбино.

Рис. 30. Е.И. Савченко (стоит слева) – заместитель начальника Донской экспедиции ИА РАН на раскопках курганов.

Глава IV

АМАЗОНКИ: ЛЕГЕНДЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

«Здесь царство Амазонок. Были дики
Их буйные забавы. Много дней
Звучали здесь их радостные крики
И ржание купавшихся коней».
Иван Бунин, 1903

Римский историк Корнелий Тацит, для которого характерно тщательное обращение с историческими фактами, писал: «Ведь старина, вымысел и чудесное называется мифами, история же – будь то древняя или новая – требует истины, а чудесному в ней нет места... Что же касается амазонок, то о них всегда – и раньше, и теперь – были в ходу одни и те же сказания, сплошь чудесные и невероятные».[1]

И действительно, вот уже более двадцати пяти веков передается в трудах ученых и писателей чудесная легенда об амазонках – сказочных женщинах-воительницах, живших отдельно от мужчин и имевших весьма странные обычаи.

Первоначально родина их помещалась на северо-востоке Малой Азии (южное побережье Черного моря, между Синопой и Трапезундом). Амазонки, как повествуют предания, храбро сражались с любым врагом и почти не знали поражений. Попавших в плен мужчин они спустя какое-то время убивали. Родившихся от таких случайных связей мальчиков изгоняли за пределы Амазонской земли, а девочек оставляли и воспитывали в суровых «спартанских» традициях – воинами и наездницами. При этом у них выжигалась еще в детстве правая грудь, дабы не мешать в дальнейшем стрельбе из лука и владению копьем и мечом.[2]

И все же слова уважаемого автора античной эпохи – Корнелия Тацита – справедливы лишь отчасти. Действительно, первоначально все, что говорилось об амазонках походило скорее на миф, чем на реальность. Вся ранняя греческая литература помещает «страну амазонок» на территории Малой Азии и неизменно сталкивает этих прекрасных воительниц с самыми выдающимися своими героями: Геракл отнимает волшебный пояс у царицы амазонок Ипполиты; Тесей похищает другую царицу амазонок – Антиопу, женится на ней и вынужден потом отбивать (хотя и не без успеха) нашествие жаждущих мести конных воительниц на Аттику и Афины; амазонская царица Пентисилея приводит свою конную рать на помощь осажденной Трое, но гибнет от руки Ахилла; последний же, увидев красоту поверженной им амазонки, влюбляется в нее даже мертвую.[3]

Позднее из тумана легенд все явственнее проступает более объективная картина жизни амазонок, их обычаях и нравах, их истории. Наиболее подробный рассказ о них мы встречаем в трудах Диодора Сицилийского, жившего в I веке до н.э., но, несомненно, использовавшего более ранние, не дошедшие до нас письменные источники: «Жил у реки Фермодонта народ под управлением женщин, которые наравне с мужчинами занимались военными делами. Говорят, что одна из них, имевшая цар-

скую власть, отличалась мужеством и силою; составив войско из женщин, она стала обучать его военному искусству и покорила кое-кого из соседей. Приобретая все более и более доблести и славы, она постоянно делала набеги на соседние племена и, возгордившись вследствие удач, провозгласила себя дочерью Арея, а мужчинам предоставила пряжу шерсти и домашние женские работы; затем она издала законы, которыми женщин вызывала на воинственные состязания, а мужчинам предоставила смирение и рабство. У детей мужского пола она калечила ноги и руки, чтобы сделать их непригодными к военной службе, а у девочек выжигала правую грудь, чтобы в пору телесной зрелости она не выдавалась и не мешала им; по этой причине племя амазонок и получило это название. Отличаясь вообще умом и военными талантами, царица построила большой город при устье р. Фермодонта, по имени Фемискира, выстроила славный дворец и, во время походов обращая внимание на дисциплину, сначала покорила всех соседей до реки Танаиса. Совершив эти подвиги, она, как говорят, геройски окончила свою жизнь, мужественно сражаясь в одной битве.

Дочь ее, унаследовавшая царство, в доблести подражала своей матери и в отдельных подвигах даже превзошла ее; девиц она с самого юного возраста приучала к охоте, каждый день обучала военному искусству и установила пышные жертвоприношения Арею и Артемиде... Отправившись войною в страну за рекою Танаисом, она покорила все соседние племена вплоть до Фракии и, возвратившись домой с богатой добычей, построила великолепные храмы упомянутым богам и своим кротким управлением снискала себе величайшую любовь своих подданных. Затем она отправилась войною в другую страну, приобрела бульшую часть Азии и распространила свое владычество до Сирии. После ее кончины родственницы, наследуя царскую власть, властвовали со славою и возвысили силу и славу племени амазонок».[4]

Грек Лисий (459–380 гг. до н.э.) писал: «Амазонки – дочери Ареса (бог войны. – *В.Г.*), жившие на р. Фермодонт, были единственным из окружавших их народов, которые имели железное оружие, и первые, которые стали ездить верхом. Благодаря своим лошадям они догоняли бегущих врагов неожиданно для последних, сами же оставляли своих преследователей далеко позади. Амазонки властвовали над многими народами, поработили своих соседей, но отважились пойти войной против греков и тут потерпели решительное поражение».[5]

И опять Диодор Сицилийский: «...Говорят, что амазонки выполняют несколько работ: пашут, сеют, пасут скот, и, в особенности, занимаются разведением лошадей. Храбрейшие из них занимаются конной охотой и тренируют себя для войны».[6]

До сих пор, все, что рассказывалось об амазонках, было прочно связано географически с Малой Азией. Но вот римский историк Страбон (I в. до н.э. – I в. н.э.) переносит «амазонскую тему» на территорию Ливии. «На западе Ливии, – пишет он, – на границе известного мира, есть народ, управляемый женщинами, который ведет образ жизни, не похожий на наш. У него есть обычай, что на войну ходят только женщины. Во время службы в войсках они остаются девственницами, а когда служба заканчивается, они сближаются с мужчинами для продолжения рода. Управление и государственные дела – прерогатива женщин. Мужчины же, подобно замужним женщинам, проводят все время в домах, выполняя приказы своих жен. Мужчины не участвуют ни в управлении, ни в военных походах и не могут сказать ни единого слова при обсуждении общественных дел...».[7]

Однако, это, скорее, исключение. До времен Геродота вся историческая традиция древней Греции помещает родину амазонок в Малой Азии – на реке Фермодонт (совр. Терме-Чай), в долине Фемискира, где находилась и одноименная столица их страны. Это северо-восток Малой Азии, между Синопой и Трапезунтом (Каппадокия). Кто же такие амазонки? В одной солидной отечественной энциклопедии по мифологии сказано: «*Амазонки*, греческое слово – мифический народ женщин-воительниц, обитавших на берегах Меотиды (Азовское море) или в Малой Азии. Для сохранения рода амазонки вступали в браки с мужчинами соседних племен, отсылая

затем мужей на родину. Мальчиков они возвращали отцам, а девочек готовили для войны. Амазонки, чтобы было удобнее стрелять из лука выжигали девочкам правую грудь, отсюда некоторые авторы производили название «амазонки», объясняя его как греческий термин «безгрудые». Однако, такое происхождение названия маловероятно. На памятниках античного искусства амазонки изображаются в виде прекрасных молодых женщин и без следов увечья...».[8]

Оружие амазонок – двойная секира, лук и копье, щит в форме полумесяца. «Сказания об амазонках сложились еще в догреческое время, отразив эпоху материнского рода. Образы амазонок запечатлены в многочисленных произведениях античного искусства (статуя Поликлета «Раненая амазонка», скульптуры Фидия и др.). Иносказательно «амазонка» – женщина-всадница, воительница, наездница...». Слово «амазонки» наверняка знакомо каждому человеку – стоит его произнести, и перед глазами возникает образ воинственных женщин, несущихся на конях в битву, беспощадно расправляющихся с врагами.

С мифами об амазонках связаны многочисленные произведения античного изобразительного искусства; обычно они отражают сцены амазономахии (битвы амазонок с героями): это вазопись, рельефы саркофагов и храмов, статуи. До нас скульптуры амазонок дошли в римских мраморных копиях с произведений Поликлета, Фидия, Кресилая и Фрадмона. Сами греки слово «амазонки переводили по-разному: «безгрудые», «жившие в поясах», «живущие вместе без мужей», «не употребляющие в пищу хлеба». Но, конечно, самым распространенным был первый перевод – «безгрудые». Именно это, то есть отсутствие груди, считалось одной из главных отличительных черт амазонок. Посвятившие все свое время сражениям, охоте и военным упражнениям, эти женщины, как гласит предание, пытались максимально приспособить свое женское тело для таких неженских занятий. Именно поэтому они и удаляли (правую) грудь, мешающую стрельбе из лука и метанию копья: еще в раннем возрасте девочек подвергали мучительной операции отсекания или выжигания специальным медным инструментом груди. Но на всех изображениях античного искусства амазонки предстают во всем великолепии женской красоты и с полным бюстом.

В любом случае, даже само название «амазонки» говорит о том, что жизнь этих женщин представлялась античным авторам суровой и подчиненной единой цели – войне. В достижении этой цели амазонки становились естественными врагами мужчин, привилегией которых во все времена считалось военное искусство. Не зря греки называли амазонок «антианейра» – «равные или противные мужам» и «эорапата» – «мужеубийцы». Но то, что опасно, всегда притягивает – так и мужчин тянуло к амазонкам, считавшимся самыми прекрасными женщинами на свете. Сразиться с ними было заветным желанием всех главных героев греческих мифов – Беллерофонта, Геракла, Тезея, Ахилла. «Амазонки почитали древнюю богиню растительности и охоты Артемиду – грозную, необузданную, связанную с загробным миром. Ее имя часто переводится как «убийца», «владычица». Это во многом соответствует и самим амазонкам по представлениям греков. Считалось, что именно амазонки построили в честь этой богини великолепный храм в городе Эфесе в Малой Азии – одно из семи чудес света...».[9] Из сообщений древних авторов известно, что амазонки особо почитали двух божеств – Ареса (бога войны) и Артемиду (культ плодородия в лице женского божества, типа Артемиды, Афродиты, Кибелы и др.). Каллимах в гимне об Артемиде пишет:

«...И амазонок народ, возлюбивший брани, у брега.
Подле Эфеса поставил тебе кумир деревянный
В сень священного дуба, и жертвы Гиппо сотворила.
Но остальные плясали вокруг, о владычица Упис,
Бранную пляску сперва, щитами вращая, а после
Хоровод по кругу вели; пронзительный голос
Им подавала свирель, чтоб в лад они били стопами...»[10]

Наиболее четко сформулировал идею о тесной связи амазонок с культом Богини-Ма̀тери, культом женского божества плодородия (как бы оно не называлось у разных народов и в разные времена) М.И. Ростовцев: «Амазонки локализовались там, где существовал древний культ Богини-Матери; там, где этот культ, как правило, был связан с социальной и политической организацией матриархального типа; там, где женщины были не только матерями и няньками, но также воинами и вождями... Культ Богини-Матери был очень древним в Малой Азии... Семиты и индоевропейцы принесли с собой патриархальное общество и культ верховного бога. Этот культ наложился на культ Богини-Матери, но не разрушил его... Вместе с культом богини сохранились и амазонки – ее вооруженные жрицы...».[11] Таким образом, главными божествами амазонок были неистовый бог войны Арес и малоазиатская богиня-мать Кибела (богиня плодородия) и, следовательно, вся их религия концентрировалась вокруг войны и плодородия.

В эпических преданиях и на росписях ранней античной керамики у амазонок представлено то же оружие, что и у греков. В классический период женщины-воительницы имеют обычное вооружение греческого гоплита: панцирь, шлем, щит, копье и т.д. Позднее, когда амазонки стали отождествляться с персами и другими восточными кочевыми народами изменились в воспроизведении на памятниках искусства и их оружие, и их костюм: одежда – штаны в обтяжку, кафтан подпоясанный кожаным ремнем, кожаный (или войлочный) остроконечный колпак на голове. Главное их оружие – изогнутый скифский лук, копье, дротики, однолезвийный или двулезвийный топор.[12]

Надо сказать, что образ амазонок, их странные обычаи и нравы, их бурная история вдохновляли на творческие порывы не только древних мастеров культуры, но и наших современников. Так, выдающийся русский поэт и писатель, лауреат Нобелевской премии И.А. Бунин в своем стихотворении «У берегов Малой Азии» писал:

«Здесь царство Амазонок. Были дики
Их буйные забавы. Много дней
Звучали здесь их радостные крики
И ржание купавшихся коней.
Но век наш – миг. И кто укажет ныне,
Где на песке ступала их нога?
Не ветер ли среди морской пустыни?
Не эти ли нагие берега?
Давно унес, развеял ветер южный
Их голоса от этих берегов...
Давно слизал, размыл прибой жемчужный
С сырых песков следы подков...»
(1903–1906).

Если для древнейших изображений амазонок характерно одеяние греческого гоплита, то на аттических вазах начиная уже с VI столетия до н.э. амазонки изображаются конными или пешими, в подчеркнуто восточном одеянии. Характерной деталью последнего является башлыкообразный головной убор, подпоясанный в талии кафтан и узкие брюки. Из сказанного следует, что конкретно этнографические представления об амазонках были связаны более всего с северо-восточной припонтийской средой. Для вооружения амазонок особенно характерны луки, а также двулезвийные топоры – оружие, употребление которого очень обычно для круга культовых изображений крито-малазийского женского божества плодородия.[13]

Вышеописанная этнографическая конкретизация облика амазонок могла преследовать наряду с чисто мифологической также и известную культовую цель. Известно, например, что восточный головной убор (так называемый фригийский кол-

пак), равно как и восточное платье вообще, служил ритуальной одеждой жрецов *Кибелы* и других переднеазиатских божеств на эллинской почве.

Любопытные сведения об амазонках содержатся в трудах греческого автора Геродота Галикарнасского – «отца истории», являвшегося и главным летописцем Скифии (V в. до н.э.). Он пишет, что после одной из битв с амазонками победившие, наконец, греки решили отправить на кораблях в Грецию группу пленных женщин-воительниц. Однако, в пути амазонки напали на экипажи судов и, перебив их, освободились из плена. И здесь выяснилось, что никто из амазонок морского дела не знает. Сильные ветры и течения пригнали беспомощные корабли к берегам Скифии, точнее к северо-восточному побережью Меотиды (Азовского моря), в устье Дона-Танаиса. Высадившись на сушу, амазонки стали нападать на становища скифов, добывая себе пищу и лошадей. Произошел ряд столкновений, причем ни одна из сторон не могла добиться решающего успеха. Однажды, после одной из битв, скифский всадник, позарившись на одежду убитого пришельца, внезапно обнаружил, что этот мертвый воин – женщина.

Скифские вожди немедленно прекратили военные действия и отправили к амазонкам самых молодых и красивых своих юношей, настрого запретив им применять оружие, а действовать только мирными средствами. Долго добивались скифы благосклонности своенравных воительниц. Наконец, амазонки смилостивились и согласились принять скифских мужей. От этих браков появился на свет новый народ – савроматы, близкие скифам по культуре и языку. Савроматские племена, как считают современные ученые, кочевали к востоку от Дона, в заволжских и приуральских степях.

Но обратимся к первоисточнику – греческому историку Геродоту (V век до н.э.):

110. «О савроматах рассказывают следующее. Эллины вели войну с амазонками (скифы называют амазонок «эорпата», что по-эллински означает мужеубийцы; «эор» ведь значит муж, а «пата» – убивать). После победоносного сражения при Фермодонте эллины (так гласит сказание) возвращались домой на трех кораблях, везя с собой амазонок, сколько им удалось захватить живыми. В открытом море амазонки напали на эллинов и перебили [всех] ... Однако амазонки не были знакомы с кораблевождением и не умели обращаться с рулем, парусами и веслами. После убиения мужчин они носились по волнам и, гонимые ветром, пристали, наконец, к Кремнам на озере Меотида. Кремны же находились в земле свободных скифов. Здесь амазонки сошли с кораблей на берег и стали бродить по окрестностям. Затем они встретили табун лошадей и захватили его. Разъезжая на этих лошадях, они принялись грабить Скифскую землю.

111. Скифы не могли понять, в чем дело, так как язык, одеяние и племя амазонок были им незнакомы. И скифы недоумевали, откуда амазонки явились, и, приняв их за молодых мужчин, вступили с ними в схватку. После битвы несколько трупов попало в руки скифов и таким образом те поняли, что это женщины. Тогда скифы решили на совете больше совсем не убивать женщин, а послать к ним приблизительно столько молодых людей, сколько было амазонок. Юношам нужно было разбить стан поблизости от амазонок и делать все, что будут делать те; если амазонки начнут их преследовать, то они не должны вступать в бой, а бежать. Когда же преследование кончится, то юноши должны опять приблизиться и вновь разбить стан. Скифы решили так, потому что желали иметь детей от амазонок.

112. Отправленные скифами юноши принялись выполнять эти указания. Лишь только женщины заметили, что юноши пришли без всяких враждебных намерений, они оставили их в покое. Со дня на день оба стана все больше приближались один к другому. У юношей, как и у амазонок, не было ничего, кроме оружия и коней, и они вели одинаковый с ними образ жизни, занимаясь охотой и разбоем.

113. ...И когда кто-нибудь из юношей заставал амазонку одну, женщина не прогоняла юношу, но позволяла вступить с ней в сношения. Разговаривать между собой,

конечно, они не могли, так как не понимали друг друга. Движением руки амазонка указывала юноше, что он может на следующий день прийти на то же место и привести товарища, знаком объясняя, что их будет также двое, и она явится с подругой. Юноша возвратился и рассказал об этом остальным. На следующий день этот юноша явился на то же место вместе с товарищем и застал там уже ожидавших его двух амазонок. Когда прочие юноши узнали об этом, они укротили и остальных амазонок.

114. После этого оба стана объединились и жили вместе, причем каждый получил в жену ту женщину, с которой он впервые сошелся. Мужья, однако, не могли выучиться языку своих жен, тогда как жены усвоили язык мужей. Когда наконец они стали понимать друг друга, мужчины сказали амазонкам следующее: «У нас есть родители, есть и имущество. Мы не можем больше вести такую жизнь и поэтому хотим возвратиться к своим и жить снова с нашим народом. Вы одни будете нашими женами и других у нас не будет». На это амазонки ответили так: «Мы не можем жить с вашими женщинами. Ведь обычаи у нас не такие, как у них: мы стреляем из лука, метаем дротики и скачем верхом на лошадях; напротив, к женской работе мы не привыкли. Ваши же женщины не занимаются ничем из упомянутого, они выполняют женскую работу, оставаясь в своих кибитках, не охотятся, и вообще никуда не выходят. Поэтому-то мы не сможем с ними поладить. Если вы хотите, чтобы мы были вашими женами и желаете показать себя честными, то отправляйтесь к вашим родителям и получите вашу долю наследства. Когда вы возвратитесь, давайте будем жить сами по себе».

115. Юноши послушались жен и так и поступили: они возвратились к амазонкам, получив свою долю наследства. Тогда женщины сказали им: «Мы в ужасе от мысли, что нам придется жить в этой стране: ведь ради нас вы лишились ваших отцов и мы причинили великое зло вашей стране. Но так как вы хотите взять нас в жены, то давайте вместе сделаем так: выселимся из этой страны и будем жить за рекой Танаисом».

116. Юноши согласились и на это. Они переправились через Танаис и затем три дня шли на восток от Танаиса и три дня на север от озера Меотида. Прибыв в местность, где обитают и поныне, они поселились там. С тех пор савроматские женщины сохраняют свои стародавние обычаи: вместе с мужьями и даже без них они верхом выезжают на охоту, выступают в поход и носят одинаковую одежду с мужчинами.

117. Савроматы говорят по-скифски, но исстари неправильно, так как амазонки плохо усвоили этот язык. Что касается брачных обычаев, то они вот какие: девушка не выходит замуж, пока не убьет врага. Некоторые умирают старухами, так и не выйдя замуж, потому, что не в состоянии выполнить обычай».[14]

Геродоту вторит и его современник – Псевдо-Гиппократ. Говоря о савроматах он пишет: «Их женщины ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики, сидя на конях, сражаются с врагами, пока они в девушках, а замуж они не выходят пока не убьют трех неприятелей. Та, которая выйдет замуж, перестает ездить верхом, пока не явится необходимость поголовно выступить в поход».[15]

Описывая обычаи савроматов, греческие авторы постоянно подчеркивают воинственность и необычайно высокое социальное положение женщины в этом кочевом племени. По их словам, это объясняется тем, что савроматские женщины ведут свое происхождение от гордых амазонок. На первый взгляд, такое описание воинственных савроматских женщин выглядит довольно фантастическим. Да и сама легенда о происхождении савроматов долгое время не вызывала доверия в научных кругах.

Однако, широкие исследования савроматских курганов Поволжья и Приазовья в 60-е–70-е гг. XX в. заставили совершенно по-иному взглянуть на сведения античных историков. Древняя легенда неожиданно получила веское подтверждение в виде находок богатых женских захоронений с набором боевого оружия и конской сбруи. Это сразу же заставило вспомнить предания о конных женщинах-воинах.

Но и это еще не все. Особые почести, воздаваемые умершим женщинам при погребении, и тот факт, что вокруг древнего кургана с женским захоронением часто возникал целый могильник, говорят о глубоком почитании женщины у савроматов, о наличии у них культа матери-прародительницы. Савроматские женщины были не только храбрыми воинами. В их руках находилось отправление всех сложных религиозных церемоний. Только в женских погребениях встречаются переносные каменные алтарики для жертвоприношений. Судя по исследованным могилам, похороны жриц отличались особой пышностью и сложным ритуалом. В них клали кусочки особой краски, символизировавшей жертвенную кровь, мел, обладавший по поверьям очистительной силой, магические бронзовые зеркала, золотые украшения, ритуальные костяные ложечки с изображениями зверей и полный набор оружия и, прежде всего, колчан со стрелами и лук.[16]

Чем же объяснить наличие таких странных обычаев у савроматских племен? Может быть, и вправду тем, что их женщины считали себя потомками амазонок? Конечно, нет. У савроматов, как и у многих других народов земного шара, долгое время сохранялись пережитки матриархата, характерного для более ранней ступени развития человеческого общества. А древнегреческие авторы облекли вполне реальные этнографические факты, которые они наблюдали у соседних варварских племен, в форму поэтической и красивой легенды.[17]

Но история с амазонками на этом не кончается. Ведь античная историческая традиция, начиная с Геродота, прочно связывала с амазонками не Поволжье и Приуралье, где найдено большинство могил савроматских женщин с оружием, а район Северного Приазовья (Меотида) и устье реки Дон (Танаис). «Вокруг Танаиса обитают амазонки», – пишет Аммиан Марцелин. Псевдо-Плутарх сообщает, что Танаис назывался прежде «Амазонской рекой», потому что «в ней купались амазонки».[18] Но ведь названные земли принадлежали, как показали археологические исследования, не савроматам, а скифам. О том же говорят и греко-римские источники.

Получалась весьма странная картина. Согласно античной письменной традиции, амазонки, благополучно перебравшись со своей легендарной прародины в Малой Азии на берега Северного Причерноморья и Приазовья, должны были неминуемо попасть в пределы Скифии. А некоторые археологи упорно отстаивали версию о том, что амазонки – это только савроматки Поволжья и Приуралья, поскольку лишь там встречаются женские захоронения с оружием.

Ситуация стала меняться лишь в последние десятилетия, когда благодаря широкомасштабным археологическим исследованиям в степной и лесостепной частях Скифии, между Днестром и Доном, удалось обнаружить значительное количество точно таких же погребений женщин-воительниц, как у савроматов. Только к 1991 году на территории европейских скифов было выявлено (при активном участии антропологов) свыше 120 женских могил с оружием. До 70% этих погребений принадлежали девушкам и молодым женщинам в возрасте от 16 до 30 лет.

В 60–80-е годы XX в. на территории Украины осуществлялись грандиозные строительные работы (оросительные каналы, плотины, искусственные моря, электростанции, фабрики и заводы), которые не могли не затронуть многочисленные археологические памятники республики. И тогда наступил «золотой век» скифской археологии. Строительные организации охотно выделяли археологам огромные деньги и технику (бульдозеры, скреперы, грейдеры, грузовые автомашины), лишь бы ученые поскорее «убрали» на пути строителей мешающие им древние курганы, поселения и городища. Счет исследованных скифских курганов пошел тогда на сотни и тысячи. И здесь выяснилось, что во многих подкурганных могилах, и в степи и в лесостепной зоне, лежат не мужчины, а женщины с оружием.

Первой обратила на это внимание В.А. Ильинская, ведущий скифолог Института археологии в Киеве. Еще в 1966 году она отмечала: «Имеется одна своеобразная группа женских погребений, в которых, помимо предметов чисто женского инвента-

ря – зеркал, пряслиц, украшений – встречаются и предметы вооружения: колчан со стрелами, наконечники копий и дротиков... В настоящее время в скифских степных курганах IV века до н.э. известно не менее 15 женских погребений с оружием. Такое количество указывает на то, что это не случайность, а определенное устойчивое явление в жизни скифского общества, требующее осмысления...». И далее: «Во всех случаях в эти могилы была также помещена жертвенная пища в виде части туши животного (лошадь, реже овца-коза и крупный рогатый скот) с железным ножом. И еще один важный момент. В отличие от прочих женских захоронений, погребения скифянок с оружием являются в курганах основными, а не впускными как большинство прочих женских могил, то есть они приравниваются в этом отношении к погребениям воинов-мужчин... Почти все эти женщины были молодыми...».[19] Так начиналась «амазонская эпопея» на территории Скифии. Причем в те времена (60-е–80-е годы XX века) антропологические определения человеческих скелетов из погребений (как правило, разграбленных и сильно потревоженных) было скорее исключением, чем правилом. А без антропологических экспертиз многие захоронения с оружием по старой традиции археологи, как правило, считали мужскими.

К началу 90-х годов количество надежно документированных погребений женщин с оружием на территории Степной и Лесостепной Скифии (в пределах современной Украины) перевалило уже за сотню. Самые ранние из них относились к V веку до н.э., но большинство было датировано IV веком до н.э. По иронии судьбы, нелегкую задачу обобщить все эти разнообразные и многочисленные материалы взяла на себя еще одна женщина-археолог – Е.Е. Фиалко из того же Института археологии Национальной Академии Наук Украины в Киеве. В своей статье «Погребения женщин с оружием у скифов» (Киев, 1991 год) она приводит несколько интересных фактов.

В кургане № 8 у села Новое, Запорожской области, основное и единственное погребение принадлежало женщине, помещенной в катакомбную могилу (яма с подбоем) размерами 2,65×1,5 метра. Погребение ограблено. Большая часть человеческого скелета, череп и часть вещей обнаружены в заполнении могилы: бронзовое зеркало, обломки железных наконечников двух копий, фрагмент венчика лепного сосуда, 3 пастовые «глазчатые» бусины. Непотревоженной оказалась лишь левая часть скелета. Женщина лежала вытянуто на спине, головой на восток. У локтя находился пращевой камень, на запястье – браслет из 13 стеклянных бусин и одного бронзового наконечника стрелы; рядом – остатки колчана из дерева и кожи со 130 бронзовыми наконечниками стрел; у левого колена – деревянный черпачок ладьевидной формы; у стенки могильной ямы – лепной сосуд, два свинцовых пряслица, железный вток копья; в юго-восточном углу – овальное деревянное блюдо с костями быка и железным ножом; под головой – остатки войлока от головного убора конической формы. Дата – IV в. до н.э.

Курган № 2, погребение № 2 близ поселка Акимовка, Запорожской области. Погребение – впускное, в подбойной камере 3,4×2,5 метра. Скелет женщины 22–25 лет. Могила избежала рук грабителей, поскольку была впускная в уже существовавший курган. Под черепом – россыпь разноцветных стеклянных бусин (575 штук); на фалангах пальцев правой руки обнаружены 5 золотых щитковых перстней, а рядом – лопатка животного. У восточной стенки находились кости животного от напутственной пищи с железным ножом с костяной рукояткой. В юго-западном углу могилы – миниатюрный лепной сосудик, костяной стержень веретена, свинцовое пряслице, 2 железных шила. Кроме того, погребение содержало: чернолаковый греческий канфар (чаша для питья вина с двумя ручками), 2 железных втока от копий, 9 бронзовых и 1 костяной наконечников стрел, золотая петельчатая серьга, 60 золотых нашивных бляшек в форме розетки, 46 золотых бляшек-тройников, 28 золотых круглых и прямоугольных бляшек с изображениями оленя, женской головы и маски Медузы Горгоны.

В кургане № 3 у поселка Акимовка скифское погребение было впущено в курган эпохи бронзы. В могиле-катакомбе лежала вытянуто на спине головой на восток молодая женщина (20–25 лет). На запястье правой руки – бронзовый браслет, рядом – бронзовое зеркало и чернолаковая греческая мисочка. Под северной стенкой могильной ямы были обнаружены железные наконечники копья и дротика. У черепа погребенной найдены две золотые калачиковидные серьги с зернью и стеклянная бусина, а за черепом – кости животных с железным ножом (напутственная пища).[20]

Эти скифские воительницы носили оружие отнюдь не для забавы. Как показывают конкретные данные, они принимали участие в сражениях с реальным врагом, получали боевые ранения и гибли на поле брани. В основном погребении кургана № 13 у города Орджоникидзе найден скелет женщины, у которой в колене левой ноги торчал бронзовый наконечник стрелы (боевая рана). Помимо чисто женских вещей (бронзовое зеркало, железное шило, личные украшения – бусы, браслеты), в могиле находились 7 бронзовых наконечников стрел и железный вток от копья. Рядом с покойной лежали скелеты ее детей – грудного младенца и подростка мужского пола 7–10 лет. Это заметно меняет наши представления о скифских «амазонках», поскольку теперь уже стало очевидно, что к их числу принадлежали не только молодые девушки, но и замужние женщины, имеющие детей.

Одним из наиболее показательных примеров погребений женщин-воинов является курган № 16 могильника Аккермень I, где обнаружен женский скелет с внушительным набором вооружения: колчан со стрелами (20 бронзовых наконечников), два железных наконечника копий и защитный боевой пояс – широкий кожаный ремень с вертикально нашитыми на него прямоугольными железными пластинами. Сопровождали покойницу и чисто женские предметы: бронзовые и серебряные браслеты, ожерелье из цветных стеклянных бус, свинцовое пряслице с резным орнаментом. Напутственная пища в виде костей животных была помещена в специальные деревянные сосуды. Но самое примечательное состоит в том, что на черепе погребенной отчетливо видны следы тяжелых ранений от рубящих и колющих видов оружия, а в коленном суставе застрял бронзовый наконечник стрелы. Не исключено, что эта «амазонка» погибла в сражении.[21]

В большинстве своем «амазонки» Скифии были молоды: около 70% из них имели возраст от 16 до 30 лет. За все годы раскопок археологи обнаружили на территории Украины только одно погребение девочки (7–10 лет) с оружием: курган № 6, погребение № 4 у села Зеленое на Херсонщине. Ее сопровождали в загробный мир каменная зернотерка и деревянный пест, кожаная лента с нашитыми на нее золотыми пластинами, два железных наконечника копий, фрагменты железного чешуйчатого панциря и железных же набедренников. «Это погребение, – отмечает Е.Е. Фиалко, – является уникальным не только среди детских, но и среди женских погребений, в инвентаре которых ни разу не встречен панцирный доспех». Совершенно очевидно, что наличие тяжелого железного доспеха у хрупкой маленькой девочки имело скорее какое-то символическое, нежели практическое значение.[22] Даже взрослые девушки и женщины у скифов панцири почти не использовали.

Исследовательница считает, что «частые военные походы мужчин и легкая отчуждаемость скота стимулировали определенную милитаризацию скифских женщин на одном из этапов развития кочевого общества...».

Общие выводы после рассмотрения всего массива женских погребений с оружием скифского периода на Украине выглядят следующим образом. Как пишут украинские археологи А.И. Тереножкин и В.А. Ильинская, «...Описанная группа женских погребений с оружием отличалась социальным положением от большинства женских захоронений с обычным набором женского инвентаря. Их более почетное положение подчеркнуто сооружением специальных курганов, сопровождением богатого инвентаря, состоящим из украшений, зеркал, предметов греческого импорта... Несомненно, в скифской среде поощрялось участие женщин в воинских упражнениях

и занятиях, связанных с владением оружием, преимущественно луком и стрелами, копьями, дротиками, пращей, то есть основными видами метательного вооружения. Крайне редко в женских могилах встречаются мечи. Ни разу не были найдены топоры. По своему положению скифские «амазонки» приравнивались к легковооруженным воинам...».[23]

«Амазонки» Нижнего Дона

Итак, легенды об амазонках со времен Геродота (V в. до н.э.) все чаще помещают место их обитания в Скифии (в широком смысле этого слова) и конкретнее – в устье Дона (Танаиса) и на северном побережье Азовского моря (Меотиды). Откуда же произошел сам термин – «Танаис». Как пишет грек Псевдо-Плутарх: «Танаис – река в Скифии; она прежде называлась Амазонской, потому что в ней купались амазонки, а переименована она была по следующей причине. Танаис, сын Беросса и одной из амазонок, Лисиппы, будучи очень скромен, ненавидел женский пол, чтил только Ареса и с презрением относился к браку. Но Афродита вселила в него страстную любовь к своей собственной матери; он сначала боролся со своей страстью, но затем, одолеваемый роковым мучением и желая остаться непорочным, бросился в Амазонскую реку, которая по его имени была переименована в Танаис».[24]

С низовьями Дона, как говорилось выше, связывает первую встречу амазонок со скифами и Геродот. А что же археология? Есть ли у нас вещественные, реальные доказательства пребывания прекрасных женщин-воительниц в упомянутых краях? Да, такие факты сейчас появились, хотя их еще и не так много. Объясняется это и недостаточной археологической изученностью Нижнего Дона и тем, что антропологические определения пола и возраста погребенных вошли в практику работ археологов сравнительно недавно – с конца 60-х годов прошлого века. Ранее же (а во многих экспедициях и по сей день), следуя консервативным традиционным взглядам, раскопщики курганов брали лишь кости хорошо сохранившихся погребенных – целые черепа и длинные кости рук и ног, привозили их в города и уже там, в своих лабораториях, антропологи изучали полученный материал, определяя, как правило, только пол и возраст умерших. Но, как уже неоднократно отмечалось, могилы скифской эпохи, благодаря их богатству, почти все были ограблены еще в древности и, соответственно, человеческие останки в них потревожены и частично разрушены. К тому же во многих районах низовий Дона из-за высокого уровня подпочвенных вод и особенностей почвы сохранность костей вообще очень плохая. Антропологов в СССР было мало. Группы квалифицированных специалистов, связанных напрямую с археологией, имелись первоначально только в Москве и Ленинграде. Отсюда и результаты: определение пола погребенных археологи пытались (с разной степенью достоверности) осуществить только на основе находящегося в могиле инвентаря, что не всегда приводило к успеху. Не удивительно, поэтому, что первое погребение «амазонки» было найдено на «Амазонской реке» (Дон, Танаис) лишь в 1967 году, когда известный ленинградский ученый Б.И. Брашинский производил раскопки знаменитого Елизаветовского могильника в дельте Дона.

В кургане № 30 (погребении № 2) была обнаружена большая могильная яма. Скелет погребенного сохранился очень плохо: раздавленный череп, остатки позвоночника и тазовых костей, нижние конечности взрослого человека. Он лежал вытянуто на спине головой на запад, с небольшим отклонением к югу. Умершего сопровождал многочисленный и разнообразный инвентарь. Здесь было оружие: железный наконечник копья и его вток (благодаря этому восстанавливается общая длина копья с исчезнувшим древком – 2,40 м), железный короткий меч, бронзовые и железные наконечники стрел – то есть типичный набор вооружения скифского воина. Но, кроме того, в могиле находились и другие предметы: два бронзовых браслета, четыре кольца из того же металла, множество бус разных типов (в том числе, несколько

золотых), большое бронзовое зеркало с исчезнувшей деревянной ручкой, глиняное пряслице, лепная лощеная миска, греческая амфора и напутственная пища в виде костей лошади с железным ножом. К счастью, все кости человеческого скелета были тщательно собраны, привезены в Ленинград и переданы для анализа известному антропологу И.И. Гохману. Он и определил, что в этом погребении лежали останки женщины-воина в возрасте около 40 лет. Хиосская амфора из той же могилы относится к середине V века до н.э.[25] Исследования Елизаветовского могильника продолжаются до сих пор; проводятся они в последние годы под руководством ростовского археолога В.П. Копылова. Погребений «амазоною» выявлено там уже около полутора десятков, из них в трех случаях покойницы имели помимо наступательного оружия (копья, дротики, стрелы, праща) и защитные доспехи (панцири из железных пластин или боевые пояса).

То, что женщины-воительницы хоронились не только в Елизаветовке, но и в других местах Нижнего Подонья, доказывают находки в Сладковском курганном могильнике Белокалитвенного района Ростовской области. В 1976 году в кургане № 4 была обнаружена большая могила (размеры 5×5 м) с коридором-дромосом и перекрытием из деревянных плах. Внутри находились останки не менее семи человек – мужчин, женщин, детей. Погребальный комплекс был ограблен еще в древности. Но захоронение «амазонки» в пределах могильной ямы сохранилось полностью. Женщина лежала вытянуто на спине, головой на юг, на толстой подсыпке из мела. В головах находились напутственная пища – кости барана с железным ножом и греческая амфора. У черепа – бронзовое зеркало с плоской длинной ручкой; в районе шеи – гривна из сплава золота и серебра с напаянными фигурками крадущихся хищников; на груди – золотые височные кольца или серьги; на запястье – браслет из стеклянных подвесок-амфорок. При воительнице обнаружен целый арсенал оружия: длинный железный меч с бронзовым овальным навершием и без перекрестья, копье с массивным железным наконечником, колчан со стрелами (с железными и бронзовыми наконечниками) и остатки кожаной портупеи с бронзовыми бляшками. Погребение «амазонки», судя по греческой амфоре, было совершено в IV веке до н.э.[26]

Таким образом, пышные захоронения женщин с оружием были к началу 90-х годов прошлого столетия обнаружены по всей территории Скифии и у восточных соседей скифов – савроматов. Единственным исключением оставалась здесь до последнего времени область Среднего Дона.

«Амазонки» Среднего Дона, или «Виват, антропология!»

Летом 1993 г. мы раскопали один из курганов во вновь открытом могильнике у с. Терновое, в 90 км к югу от Воронежа (курган № 6). Под насыпью, в центре кургана, на уровне древнего горизонта, на помосте из дубовых досок находилось погребение скифского периода. Оно было дважды ограблено еще в древности. От скелета уцелели лишь обломки черепа, несколько зубов и фрагменты костей рук. И, тем не менее, количество и качество находок из этого полуразрушенного захоронения превзошло все наши ожидания: золотые ладьевидные серьги и дутые золотые бусы (8 экз.) – изделия греческих мастеров Боспора, бронзовое круглое зеркало с деревянной ручкой, две бусины из черной стекловидной пасты (одна в виде головки барана), а также оружие: 30 бронзовых наконечника стрел и два железных дротика. Судя по вещам курган относился к IV в. до н.э.[27]

Еще находясь в экспедиции и изучив в порядке подготовки будущего полевого отчета найденный археологический комплекс, я пришел к выводу, что имею дело с парным погребением: мужским и женским. Об этом, на мой взгляд, ясно говорили сами вещи: предметы вооружения принадлежали мужчине-воину, а украшения и зеркало – его спутнице, жене или наложнице. Более того, написав черновик отчета, я как-то вечером поделился своими соображениями с коллегами. Ситуация казалась

настолько очевидной, что возражений с их стороны не последовало, и вопрос, таким образом, вроде бы был решен. И вдруг наш антрополог – Мария Всеволодовна Добровольская, хрупкая молодая женщина с большими голубыми глазами, дождавшись, когда все разойдутся, тихо, но твердо сказала мне: «В этом погребении представлены остатки лишь одного человека и таковым является особа женского пола в возрасте 20–25 лет». В первый момент я не на шутку рассердился. Логика моих рассуждений казалась абсолютно несокрушимой: оружие есть – значит мужчина, женские же украшения и зеркало говорят о присутствии дамы. Ведь я твердо знал, что вооруженные женщины – потомки амазонок – обитали на сотни километров к востоку от Дона, в савроматских землях. А в наших краях после почти ста лет раскопок об амазонках и «слыхом не слыхивали». В общем разговор получился резким и неприятным для обеих сторон. И, по возвращении в Москву, не желая прослыть среди своих товарищей по профессии консерватором и самодуром, я попросил известнейшего российского антрополога Т.И. Алексееву собрать консилиум специалистов и окончательно похоронить сенсацию с амазонками на Среднем Дону.

Каково же было мое удивление, когда выяснилось, что прав не я, а молодая «антропологиня». Пришлось смирить свою гордыню и исправить отчет. И, слава богу, что я сделал это как раз вовремя. Поскольку на следующий год новые находки на том же курганном поле полностью подтвердили вывод Марии Добровольской о наличии в среднедонских скифских могилах захоронений вооруженных женщин.

Курган № 5, сильно распаханный, высотой чуть больше метра, в реальности оказался весьма внушительным сооружением. Судя по кольцевому ровику, окружавшему весь этот погребальный комплекс, он достигал 40 м в диаметре и имел не ниже 5 м в высоту. В центре, под насыпью, внутри выложенного полукругом вала из желтой глины (выкид из могилы) находилась прямоугольная яма площадью свыше 25 кв.м и глубиной до 2 м. Стены ее были облицованы вертикально стоящими досками, перекрытие держалось на 20 деревянных столбах.

Захоронение было ограблено еще в скифские времена и, видимо, еще до того, как рухнула крыша деревянного склепа; во всяком случае, гробница, несмотря на свои внушительные размеры, была «очищена» почти полностью. Мы обнаружили лишь обломки человеческого черепа, нижнюю челюсть с зубами, несколько бронзовых и железных наконечников стрел, бронзовую прорезную бляху от конской узды и до десятка штампованных золотых бляшек для нашивания на одежду или погребальный полог.

Несколько сгладили наше разочарование находки в дромосе – коридоре, ведущем в могилу с юго-восточной стороны (7 м в длину и 1,1 м в ширину). Грабители или не заметили его, или не сочли достойным своего внимания. Хорошо известно, что в дромосах и вспомогательных нишах скифских захоронений помещалась обычно жертвенная пища и питье в различных емкостях и сосудах – греческих амфорах, скифских кувшинах и т.д. И, по-видимому, присутствовавшие в ряде случаев на похоронах грабители заранее знали, что и где надо брать. Все вещи в дромосе сохранились в первозданном порядке. В восточном, самом дальнем от могилы конце коридора лежали разрубленные на куски части туши лошади и железный нож с костяной рукояткой, остатки деревянных сосудов с бронзовыми и серебряными оковками, три глиняных лепных кувшина и черноглиняная чашечка на ножке-поддоне.

По определению антропологов, в кургане была погребена молодая женщина около 20–25 лет, имевшая при себе помимо драгоценных личных украшений и оружие – колчан стрел с железными и бронзовыми наконечниками. Наличие каменного блюда-жертвенника (найдено в погребальном кольцевом ровике) говорит о том, что она могла исполнять и какие-то жреческие функции.[28]

Еще одно «амазонское» открытие – курган № 8 у с. Терновое, раскопанный в 1996 г. невысокий (чуть более 30 см) холмик, сильно разрушенный многолетней пахотой. Еще до начала работ никто из нас не сомневался, что курган – скифский

и притом, судя по обломкам греческой амфоры на поверхности, наверняка ограбленный.

Бульдозер быстро снес остатки насыпи, и перед нашим взором открылась могильная яма размерами 4×4 м, углубленная в желтую материковую глину на 2 м. Яму окружал кольцевой ровик. Внутри ровика мы обнаружили кости овцы – следы поминальной тризны. Стенки могилы были облицованы досками, поставленными вертикально, а плоское перекрытие из деревянных брусьев держалось на 9 опорных столбах. Впоследствии над гробницей был возведен «шатер» из тонких бревен и жердей.

После расчистки выявилась печальная картина разрушенной и опустошенной могилы. В одном углу лежали остатки человеческого скелета, принадлежавшего молодой женщине в возрасте около 20–25 лет. В другой части склепа мы нашли буквально втоптанные в глину пола золотые оковки (на одной изображение головы орла) от несохранившейся деревянной чаши, а также мелкие золотые полусферические бляшки с петелькой на обороте для пришивания к одежде или обуви. Вдоль северной стенки могилы валялись вдребезги разбитые глиняные кувшины, привезенные на Средней Дон издалека: один – из Прикубанья, другой – греческий (Боспор). Здесь же был найден и единственный уцелевший после грабительского погрома железный наконечник стрелы. Но самая главная и притом совершенно неожиданная находка ожидала нас в конце работы, когда завершалась уже окончательная зачистка дна склепа: матово поблескивая в ярких солнечных лучах перед нами лежал великолепный резной гребень из оленьего рога, украшенный сверху фигурой грозного хищника – гепарда.

Уже с первого взгляда было очевидно, что это – подлинный шедевр скифского искусства, ведь изображения гепардов никогда прежде не встречались в курганах Скифии. И по степени сохранности и по художественному совершенству наша находка может считаться уникальной.[29]

Исследованное же нами погребение в кургане № 8, относящееся к IV в. до н.э., принадлежит не просто богатой и знатной молодой женщине (об этом говорят и пышность погребального ритуала, и размеры гробницы, и остатки золота от унесенных грабителями сокровищ, и наличие деревянной чаши с золотыми оковками – признак высокого социального статуса у скифов), а «амазонке», т.е. женщине вооруженной. Всего же только за 10 лет работ на могильнике у сел Терновое и Колбино (1993–2002 гг.) нам удалось в 40 раскопанных тогда курганах найти 6 захоронений женщин-воительниц.

Упомяну ниже лишь еще об одном из них. Ранее уже говорилось о том, что тяжелые защитные доспехи использовались «амазонками» в исключительно редких случаях (девочка в чешуйчатом панцире с Украины, воительница из Елизаветовского могильника в устье Дона и, пожалуй, все). Однако, встретили мы такое «исключение» и в Колбинском могильнике. Там, в кургане № 5 (конечно, ограбленном еще в древности) в могильной яме находились останки двух женщин и ребенка. Здесь, наряду с чисто женскими – бронзовым зеркалом, золотой серьгой и бусами, выявлен и почти полный комплекс вооружения: два наконечника копий и наконечники двух дротиков, два колчана с 7 бронзовыми трехгранными и 114 железными трехлопастными втульчатыми, 63 железными плоскими с треугольным пером наконечниками стрел; плюс 5 костяных черешковых наконечника стрел. И самое главное – большие фрагменты от двух железных «чешуйчатых» панцирей. Таким образом, каждая из женщин-воительниц при жизни была облачена на поле боя в тяжелый защитный доспех из железных пластин. Представляет интерес и железная застежка-крючок в виде птицы, плакированная золотом. Возраст обеих женщин от 20 до 30 лет.[30] В настоящее время трудно объяснить наличие двух панцирей в погребении двух молодых женщин из кургана № 5 у с. Колбино, поскольку данная находка предполагает использование местными «амазонками» защитного

металлического доспеха и, тем самым, вхождение этих женщин в состав конных тяжеловооруженных воинов.

Количество «амазонок» на Среднем Дону в скифское время, безусловно, было гораздо бульшим, нежели известно нам по раскопкам близ сел Терновое и Колбино. Так, по определению антрополога М.В. Добровольской, в кургане № 16 у с. Дуровка находилось погребение молодой женщины, при которой обнаружены наконечник и вток копья, два наконечника дротиков, остатки колчана с 15 железными втульчатыми наконечниками стрел с плоской треугольной головкой и обрывок кожаного пояса с тремя бронзовыми бляшками. В погребении кургана № 33/5 у с. Мастюгино при скелете женщины наряду с золотой серьгой и каменной бусиной найден железный наконечник стрелы с плоской треугольной головкой.

Следовательно, Средний Дон ничем в этом смысле не отличался от остальных областей Скифии, где (как и у савроматов) погребения женщин-воительниц известны с V в. до н.э. Все описанные здесь захоронения женщин с оружием в целом принадлежат аристократическим слоям скифского общества, о чем свидетельствует богатство погребального инвентаря, а также характер и размеры самих погребальных сооружений этих «амазонок». Я не думаю, что эти молодые воительницы из скифской степи и лесостепи были во всем похожи на описанных Геродотом «амазонок»-мужеубийц у савроматов. Скорее здесь можно говорить о наличии какой-то воинской повинности для определенных возрастных и социальных групп женщин Скифии, выступавших в качестве легковооруженных вспомогательных конных отрядов. Если учесть, что взрослые мужчины-воины часто уходили в набеги и походы или же посезонно откочевывали на дальние пастбища со стадами скота, то создание такого вспомогательного «женского» войска для охраны «родных очагов» представляется вполне логичным и оправданным.[31]

Отличие же в положении женщин у воинственных скотоводов евразийских степей, ведущих подвижный образ жизни от положения женщины у эллинов, легко объяснить, если иметь в виду особенности кочевого быта. Женщина должна заниматься хозяйством, охранять дом и имущество, когда воины отправлялись в близкие или дальние набеги, а ведь война была в то время регулярным промыслом. Недаром греческие и римские авторы сохранили нам ряд имен цариц. Это Томирис и Тиргатао, Амага и др. С ними связаны далекие победоносные набеги, ум и хитрость, победы, надолго оставшиеся в памяти. Это подтверждают многочисленные изображения амазонок в вазовой росписи и скульптуре. И хотя война была мужским делом, европейских путешественников еще долго удивляло умение дочерей и жен кочевников ездить верхом. Плано Карпини, проехавший верхом весь многоверстный путь из Европы до ставки татарского хана, писал: «Девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины. Мы также видели, как они носили колчаны и луки. И как мужчины, так и женщины могут ездить верхом долго и упорно».

В заключение, я хотел бы подчеркнуть, что наши «амазонки» из курганов у сел Терновое и Колбино, несмотря на их относительную малочисленность (шесть погребений из 40), вносят заметные коррективы в общую «амазонскую» тему. Во-первых, вся античная литература утверждает, что «амазонки» всегда были, прежде всего, конными воинами и прекрасными наездницами. Между тем, в погребениях вооруженных женщин и у савроматов, и в Европейской Скифии, от Дуная до Дона, нет сопровождающих захоронений боевых коней или их имитаций (как в лесостепи) в виде наборов конской узды. Где же реальные доказательства тесной взаимосвязи «амазонок» с лошадьми? Теперь такие факты есть. В кургане № 5 у с. Колбино, где в могиле были похоронены две женщины с оружием и ребенок, находились и три почти полных набора конского снаряжения – железные удила, железные и бронзовые двухдырчатые псалии, налобники и наносники, бляхи узды в виде медведей и т.д. Так что, вряд ли приходится сомневаться в том, что женщины-воительницы только сидя на коне и поражая врага на расстоянии стрелами и дротиками, могли уравно-

весить свои шансы в сражении с более сильными физически мужчинами. Во-вторых, существует общепринятая версия о том, будто «амазонки», в силу хрупкости женского организма, практически не использовали тяжелый металлический защитный доспех: на всей территории Причерноморской Скифии известен только один такой случай, да и то у маленькой девочки, которая, тем более, не могла его носить ни при каких обстоятельствах. И вот, в том же кургане № 5 у с. Колбино, обе «амазонки» были обладательницами железных чешуйчатых панцирей (от них сохранились крупные фрагменты). Наконец, в-третьих, многие авторитетные ученые утверждают, что ритуальные деревянные чаши с золотыми оковками – предмет гордости мужчин-воинов и признак высокого социального ранга – встречаются только в мужских захоронениях, а у «амазонок» их нет. В нашем случае, в кургане № 8 у с. Терновое женщину-воительницу сопровождала исчезнувшая от времени деревянная чаша, от которой остались две золотые оковки от края сосуда с дырочками для золотых же гвоздиков, прикрепляющих пластины из золота к деревянной основе. Есть такие оковки и в кургане № 10 у с. Терновое.

Таким образом, среднедонские «амазонки» были не только легковооруженными конными или пешими отрядами, но и входили в воинскую элиту панцирной конницы – главной ударной силы скифского войска. Изучение «амазонской» темы продолжается со все возрастающей интенсивностью и нет сомнения в том, что нас еще ждут на этом поле новые великолепные открытия.

Рис. 1. Изображения амазонок с луками и стрелами (и горитами) в персидско-скифской одежде. Роспись на греческих глиняных сосудах, VI–V вв. до н.э.

Рис. 2. Битва эллинов с амазонками. Скульптурный барельеф на мраморном саркофаге из Фессалоник, IV в. до н.э.

Рис. 3. Фигура конной амазонки с луком и стрелами. Этруски, V в. до н.э.

Рис. 4. Эллинские женщины в Афинах, за своими обычными женскими занятиями. Роспись на керамике, V в. до н.э.

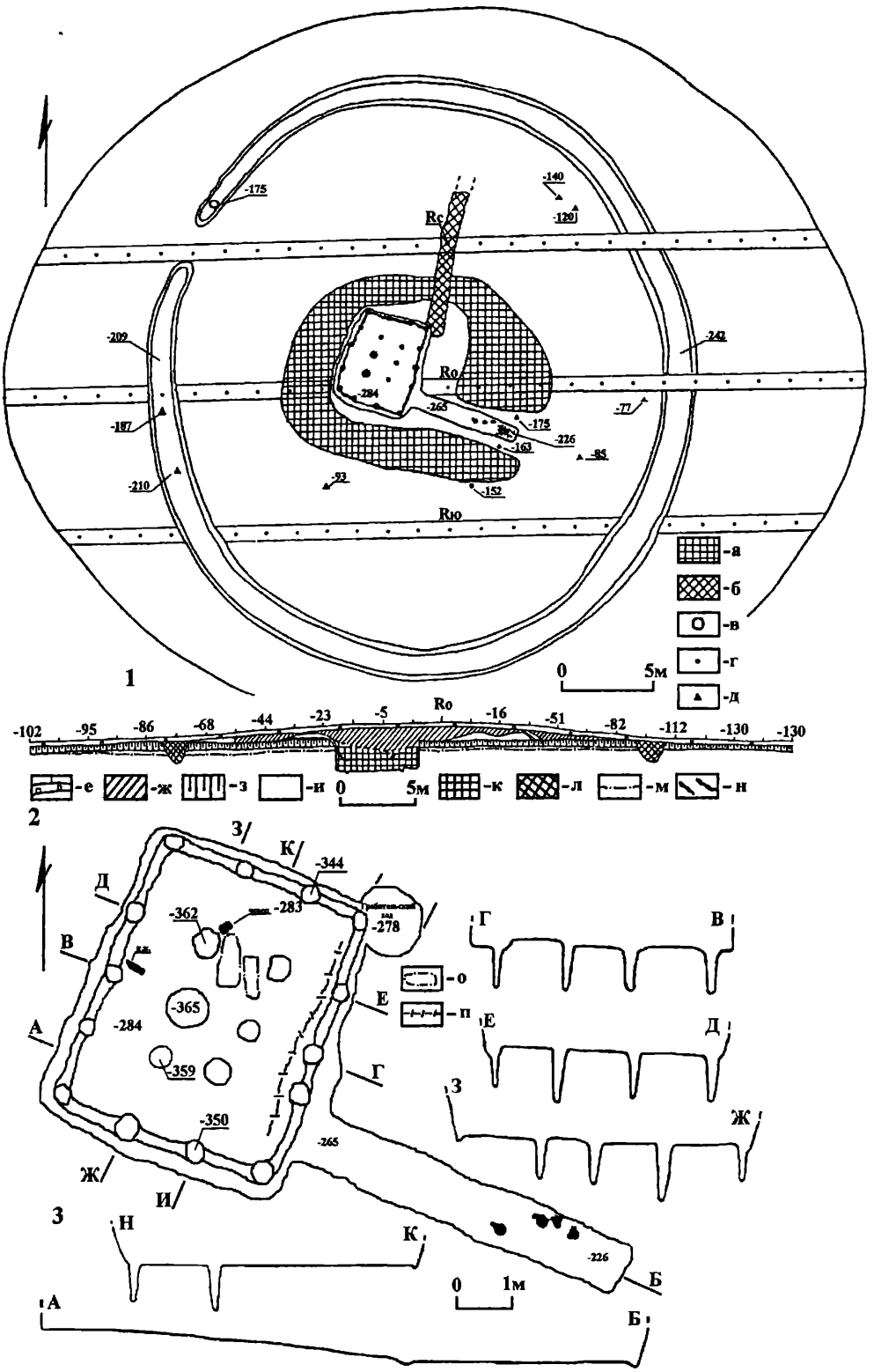


Рис. 5. Курган № 5 у с. Терновое. План кургана и могилы «амазонки».
1 – план кургана (а – выкид из могильной ямы; б – грабительский ход; в – каменное блюдо; г – керамика; д – кости животных); 2 – стратиграфический разрез кургана южный фас центральной бровки (е – пахотный слой; ж – насыпь; з – погребенная почва; и – материк, материковый выкид; к – заполнение могильной ямы; л – заполнение ровика; м – граница прокопки; н – дерево перекрытия); 3 – план и разрезы погребения (о – коричневый тлен; п –реальгар).

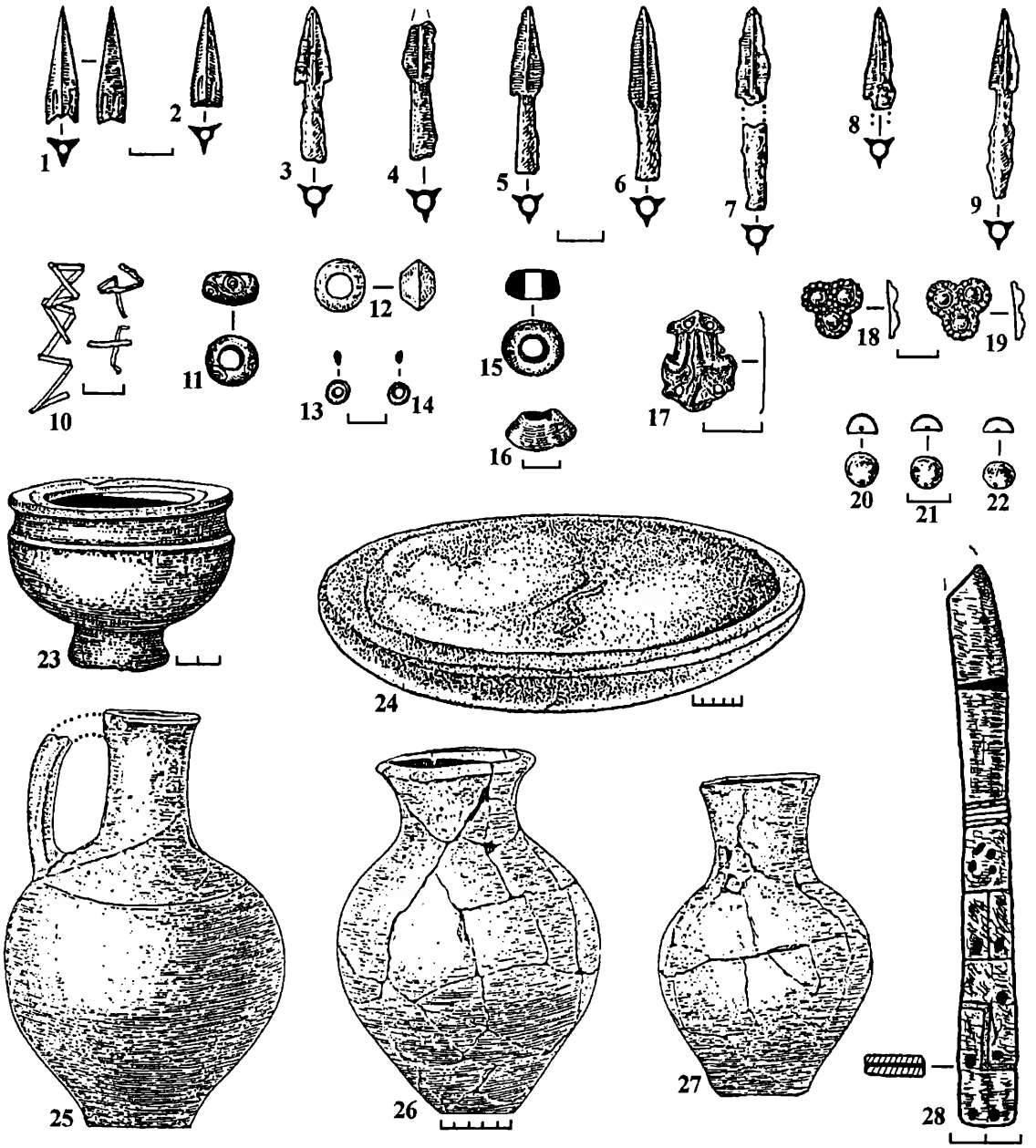


Рис. 6. Курган № 5 у с. Терновое. Набор вещей из могилы «амазонки».
1–9 – наконечники стрел; 10 – оплетка; 11–12 – бусы; 13, 14 – бисер;
15, 16 – ворворки; 17–22 – нашивные бляшки; 23 – лепная чаша; 24 – блюдо;
25 – лепной кувшин; 26, 27 – лепные горшки; 28 – нож (1, 2, 16 – бронза;
3–9, 15 – железо; 10 – серебро; 11–14 – стекло; 17–22 – золото; 23, 25–27 – глина;
24 – песчаник; 28–железо, дерево, кость).

Рис. 7. Золотые нашивные бляшки из кургана № 5 у с. Терновое.

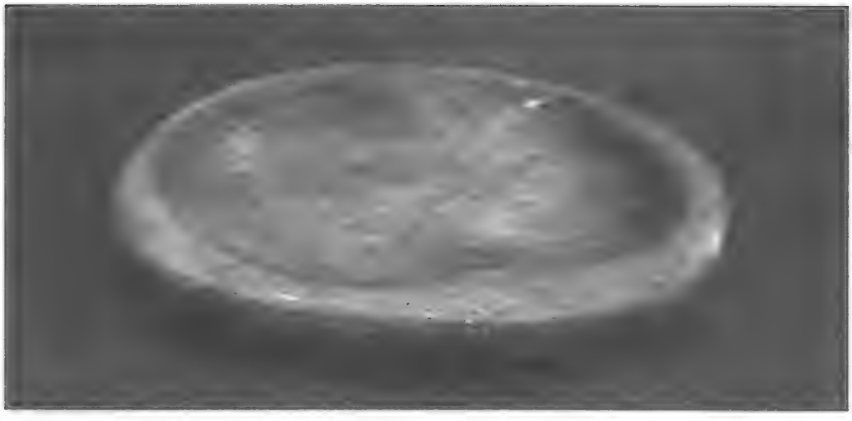


Рис. 8. Каменное блюдо из кургана № 5 у с. Терновое.

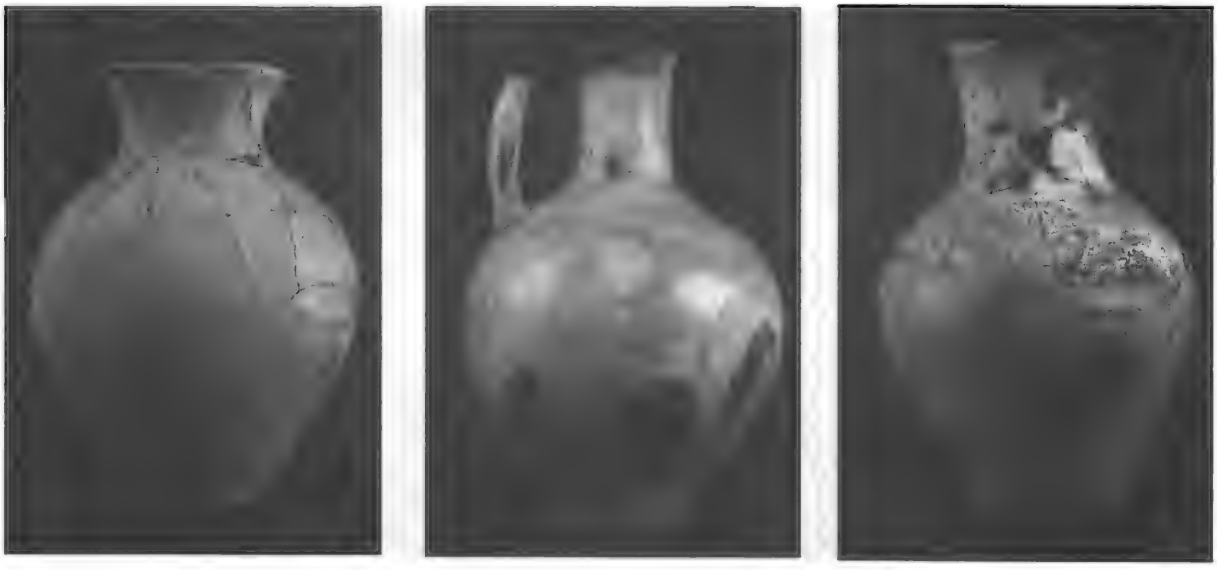


Рис. 9. Три глиняных сосуда из дромоса, курган № 5 у с. Терновое.

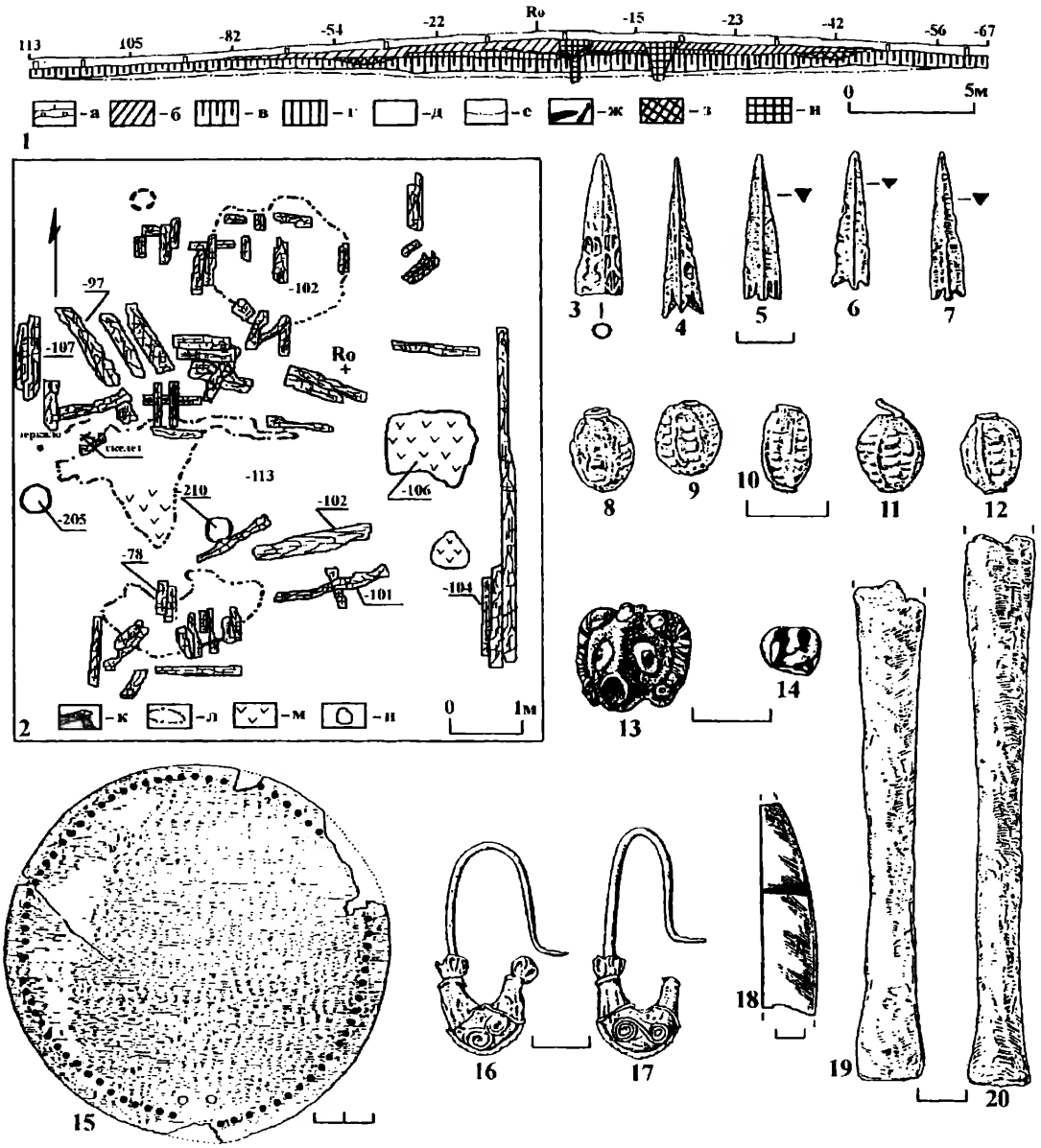


Рис. 10. План погребения «амазонки» в кургане № 6, с. Терновое.
1 – стратиграфический разрез кургана – северный фас центральной бровки (а – пахотный слой; б – насыпь; в – погребенная почва; г – прослойка – погребальная площадка; д – материк; е – граница прокопки; ж – обугленное дерево; з – заполнение ровика; и – заполнение грабительских ям); 2 – план погребения (к – дерево; л – границы древесного тлена; м – уголь; н – столбовые ямы); 3–7 – наконечники стрел; 8–14 – бусины; 15 – зеркало; 16, 17 – серьги; 18 – фрагмент лезвия ножа; 19, 20 – втоки (3–7, 15 – бронза; 8–12, 16, 17 – золото; 13, 14 – стекло; 18–20 – железо).

Рис. 11. Золотые серьги со сканью. Греческое производство, кон.V – нач. IV вв. до н.э.

Рис. 12. Золотые дутые бусы. Погребение «амазонки», кургане № 6, с. Терновое.

Рис. 13. Бронзовые наконечники стрел. Курган № 6, с. Терновое.

Рис. 14. Бронзовый наконечник стрелы с тамгой.
Погребение «амазонки, курган № 6, с. Терновое.

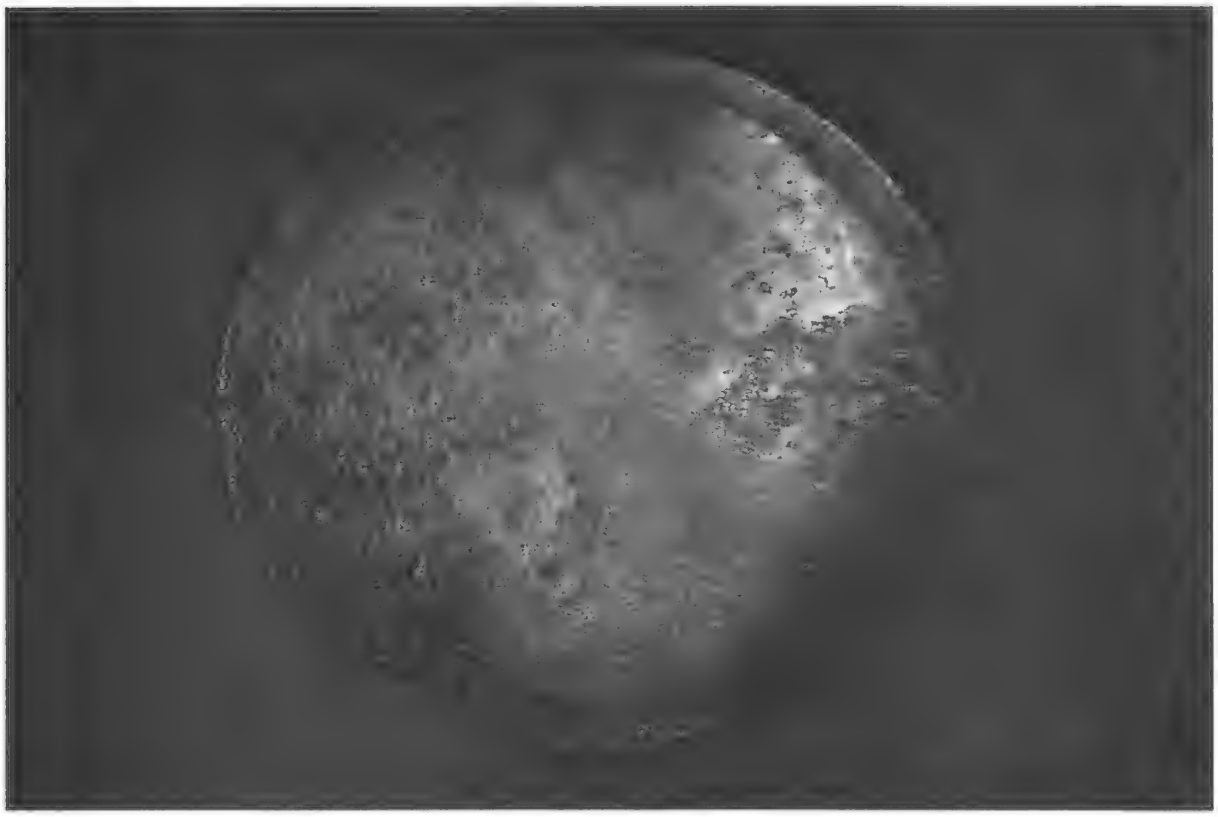


Рис. 15. Бронзовое зеркало. Курган № 6, с. Терновое.

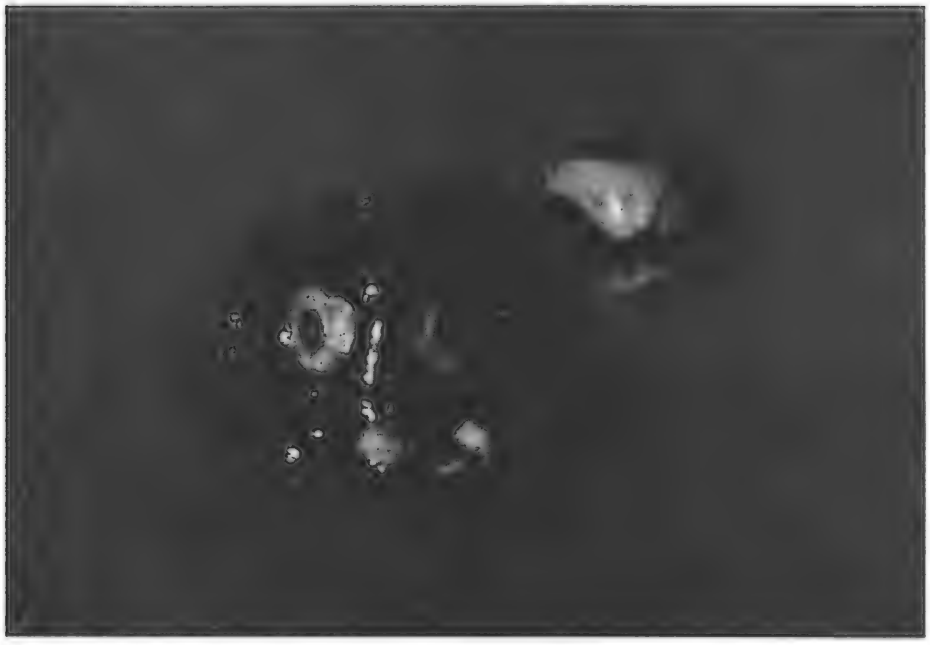


Рис. 16. Бусина из темного стекла в виде головы барана. Курган № 6, с. Терновое.

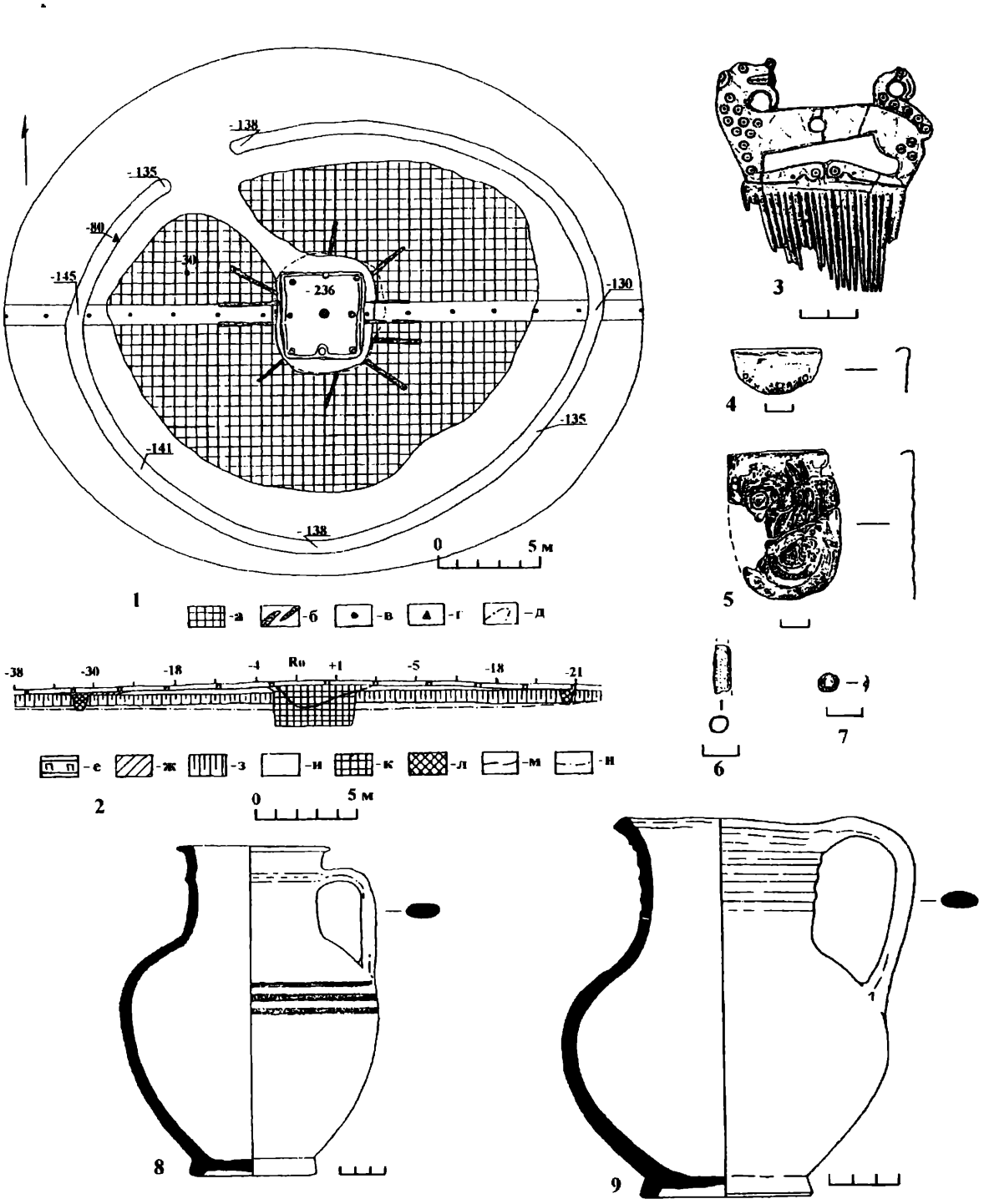


Рис. 17. План кургана № 8 и комплекс вещей из погребения «амазонки», с. Терновое.

1 – план кургана (а – выкид из могильной ямы; б – деревянное перекрытие; в – керамика; г –-кости животных; д – границы грабительской ямы); 2 – стратиграфический разрез кургана – южный фас бровки (е – пахотный слой; ж – насыпь; з – погребенная почва; и – материк; к – заполнение могильной ямы; л – заполнение ровика; м – деревянное перекрытие; н – граница прокопки); 3 – гребень; 4, 5 – оковки; 6 – фрагмент втулки наконечника стрелы; 7 – нашивная бляшка; 8, 9 – кувшины (3 – рог; 4, 5, 7 – золото; 6 – железо; 8, 9 – глина).

Рис. 18. Роговой гребень с фигурой гепарда. Курган № 8, с. Терновое.

Рис. 19. Кувшин с круговой росписью Боспорского производства.
Курган № 8, с. Терновое.

Рис. 20. Круговой сероглинянный меотский кувшин из Прикубанья.
Курган № 8, с. Терновое.

Рис. 21. Золотые обкладки деревянной чаши (одна в виде головы хищной птицы).
Курган № 8, с. Терновое.

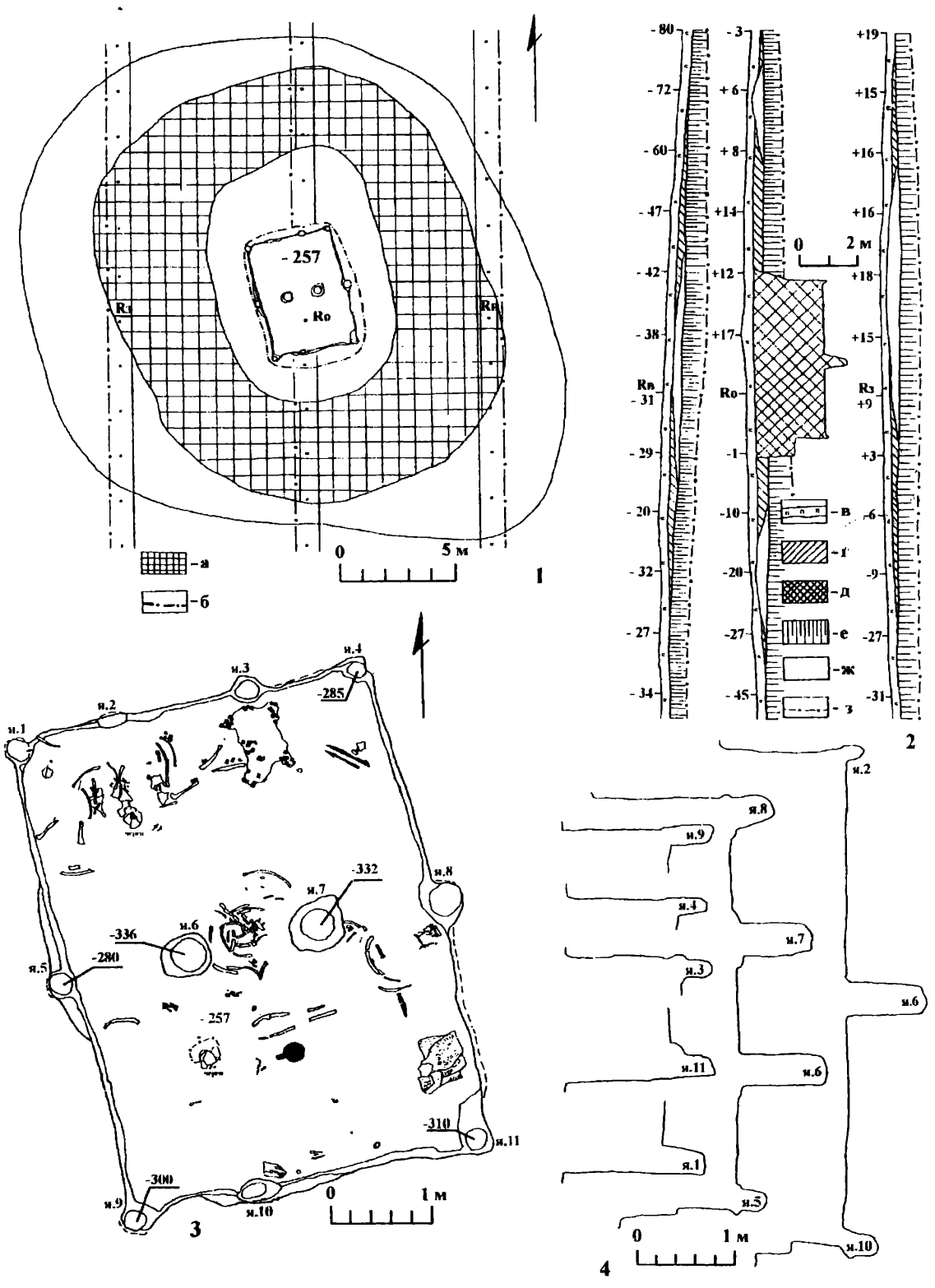


Рис. 22. План кургана № 5 у с. Колбино и погребения двух «амазонок».
1 – план кургана (а – выкид из могильной ямы; б – границы грабительской ямы);
2 – стратиграфические разрезы кургана (в – пахотный слой; г – насыпь; д – заполнение грабительской и могильной ямы; е – погребенная почва; ж – материк;
з – граница прокопки); 3 – план погребения; 4 – разрезы погребения.

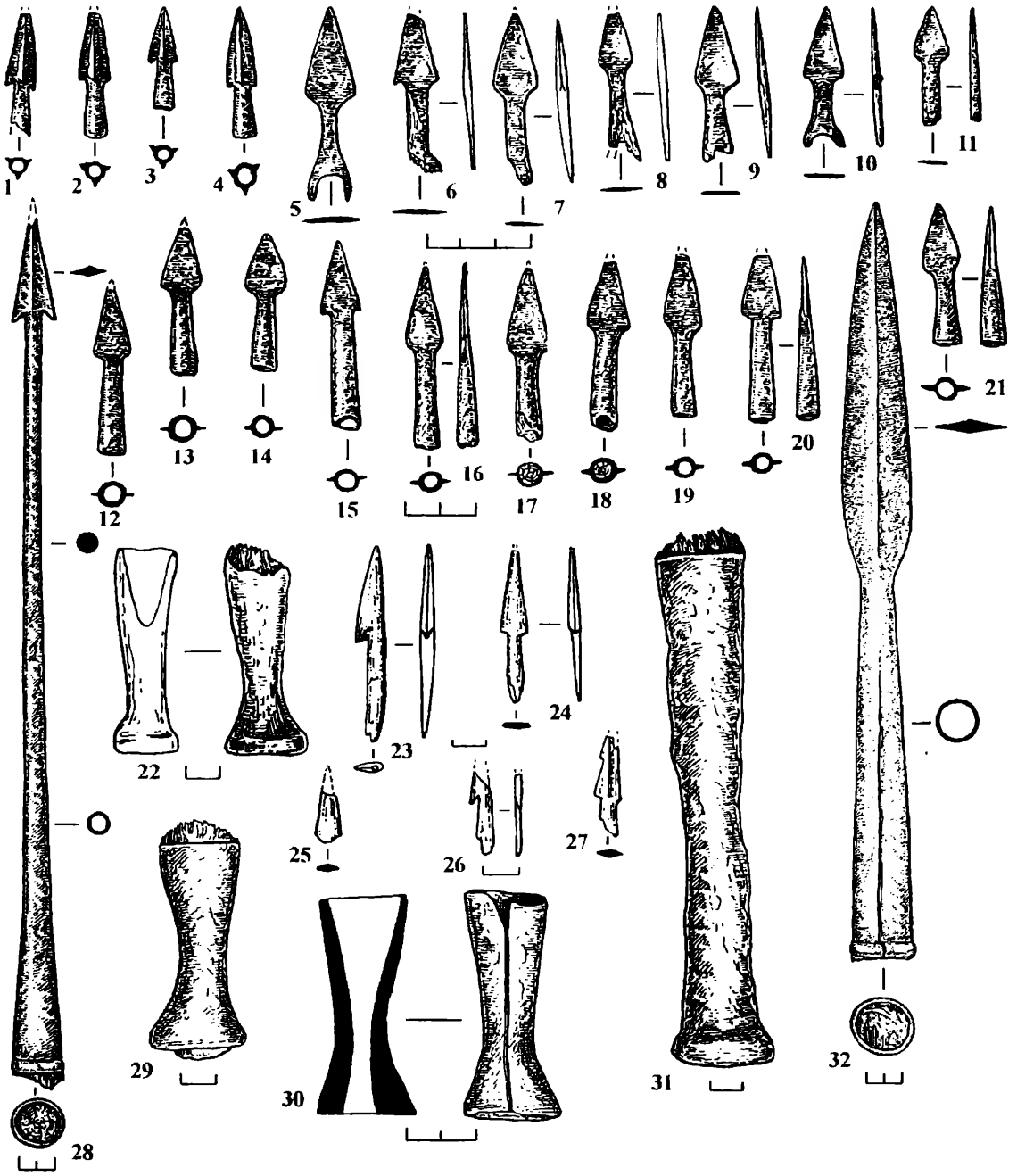


Рис. 23. Набор оружия: копья, дротики, железные наконечники стрел).
Курган № 5, с. Колбино.
1–21, 23–27 – наконечники стрел; 22, 29, 30 – втоки дротиков; 28 – наконечник дротика; 31 – вток копья; 32 – наконечник копья (1–22, 28–32 – железо; 23–27– кость).

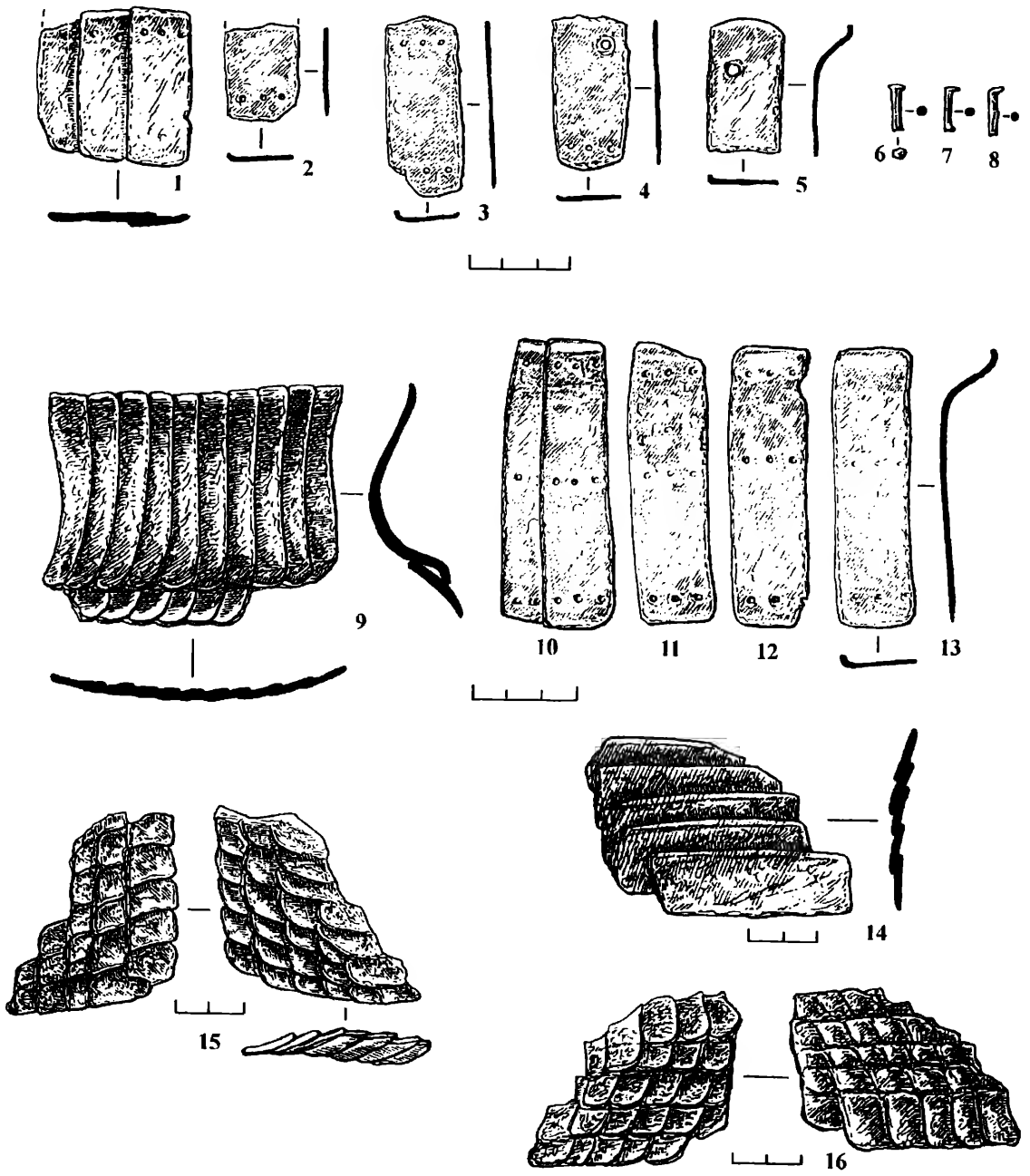


Рис. 24. Фрагменты железных чешуйчатых панцирей. Курган № 5, с. Колбино.
1–5, 9–14 – пластинки панциря (северного); 6–8 – заклепки;
15, 16 – фрагменты панциря (южного).

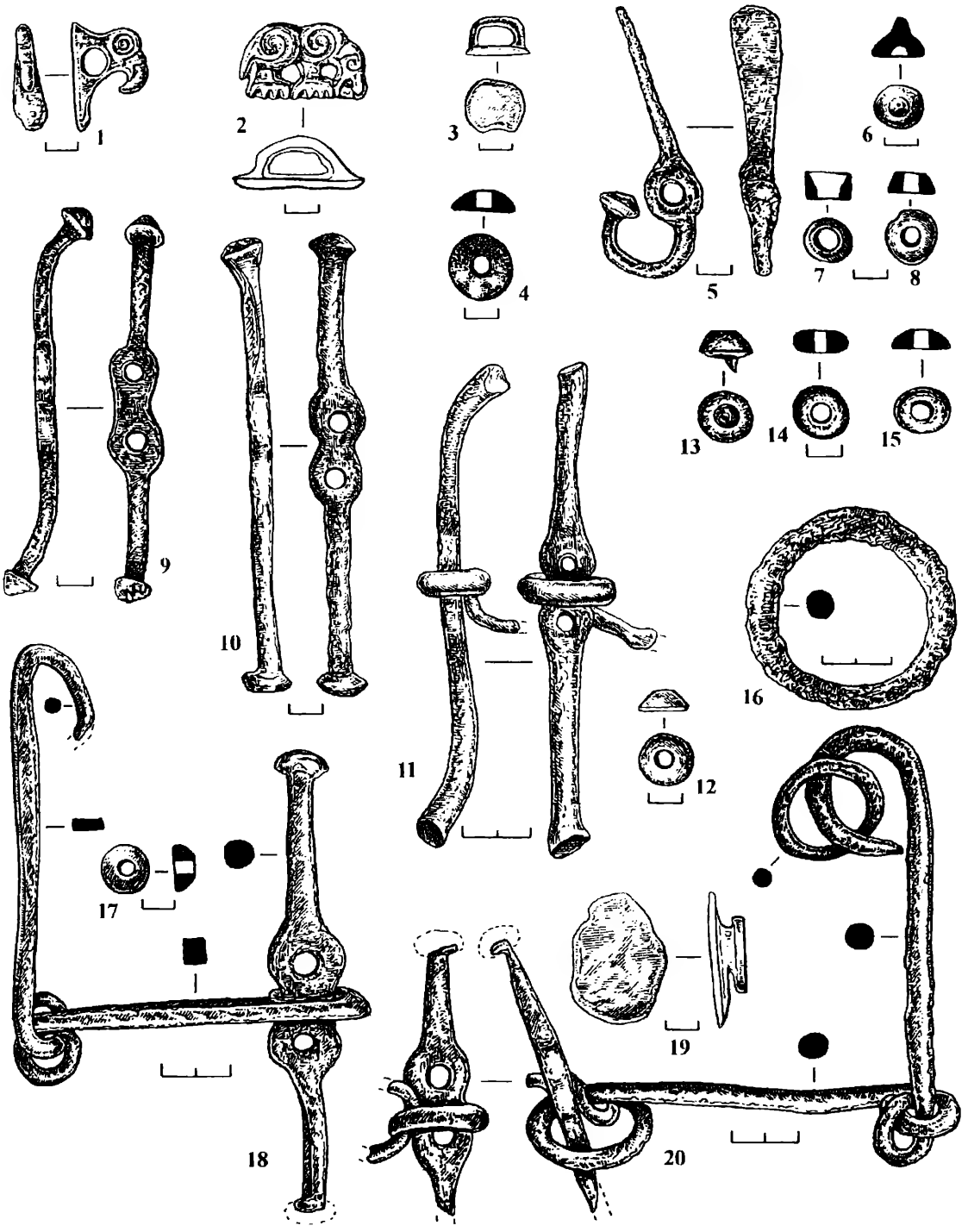


Рис. 25. Наборы конской сбруи (удила (18, 20), псалии (9–11), украшения узды). Курган № 5, с. Колбино.

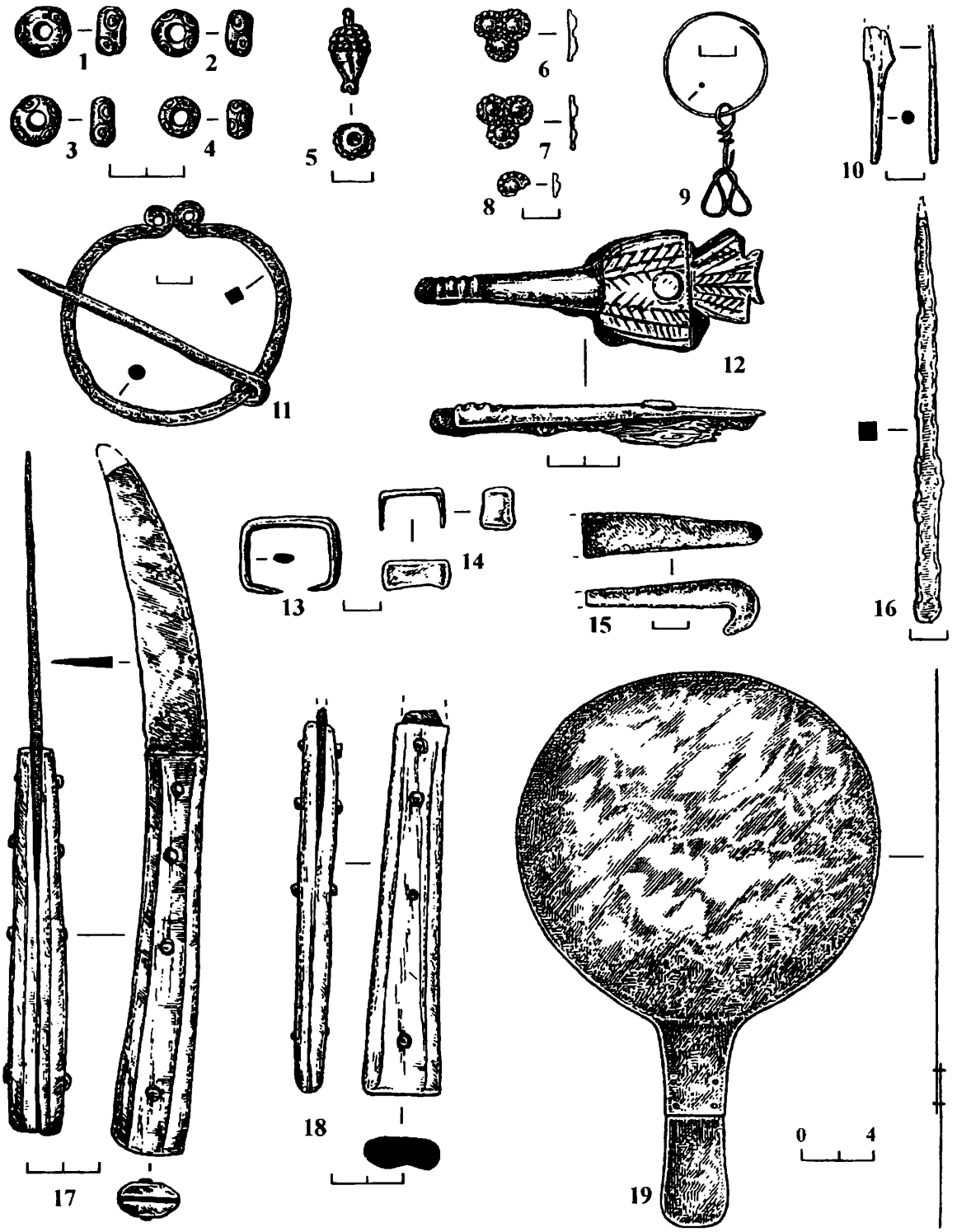


Рис. 26. Бронзовое зеркало (19), железный нож с костяной рукояткой (17), железная пряжка, обтянутая золотом в виде птицы (12) и другие предметы из погребения «амазонок». Курган № 5, с. Колбино.

Рис. 27. Железная пряжка в виде птицы, обтянутая золотым листом. Курган № 5, с. Колбино.

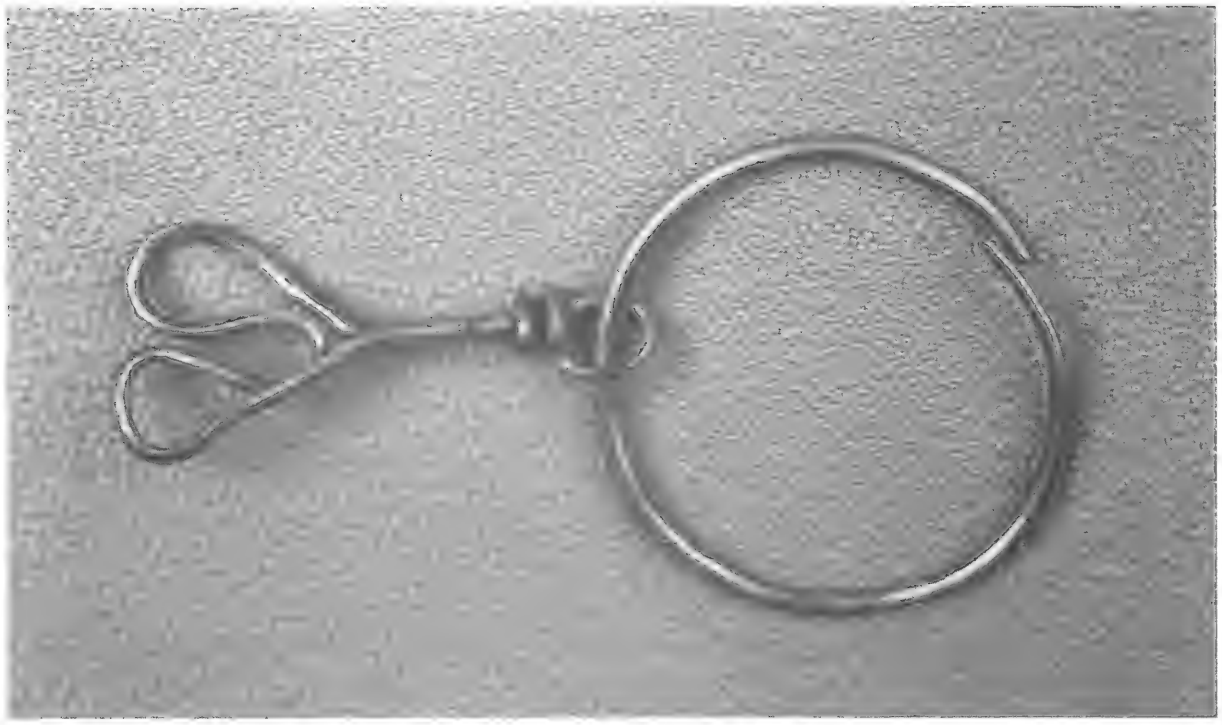


Рис. 28. Золотая серьга. Курган № 5, с. Колбино.

Рис. 29. Бронзовая бляха конской узды в виде фигуры медведя.
Курган № 5, с. Колбино.

Рис. 30. Бронзовый конский налобник в виде головы хищной птицы.
Курган № 5, с. Колбино.

Глава V

ЗАГОВОРИВШИЕ ДРЕВНОСТИ: ПОСЕЛЕНИЯ И ГОРОДИЩА ДОНСКОЙ ЗЕМЛИ

«На небе зарево. Глухая ночь мертва.
Теснится вкруг меня лесных дерев громада,
Но явственно доносится молва
Далекого, неведомого града».

Александр Блок

Благодаря усилиям нескольких поколений российских археологов, мы располагаем сейчас довольно солидной подборкой археологических материалов для воссоздания прошлого Среднего Дона в I тысячелетии до н.э. В настоящее время здесь выявлено 50 городищ и несколько тысяч курганов (из них раскопано около 260) этой эпохи. Древности скифского периода представлены в среднедонской лесостепи двумя основными типами археологических памятников – поселениями (городищами и селищами) и курганными могильниками.

Поселения

Все поселения Среднего Дона рубежа VI–V – начала III веков до н.э. можно разделить на две группы: укрепленные поселения, или городища и открытые поселения, или селища. Для устройства укреплений местные жители широко использовали природные естественные препятствия – крутые речные берега, овраги, холмы. Большинство городищ имело площадь от 1,5 до 8 гектаров, и лишь немногие из них достигали размеров 12–15 гектаров. Обычно они занимали сравнительно небольшую территорию на высоких мысах по берегам рек и оврагов. Таким образом, с трех сторон городище было защищено самой природой – крутыми склонами речных и овражных берегов, а с напольной открытой стороны – системой искусственных укреплений – несколькими рядами валов, рвов и деревянных стен.

Следует сразу сказать, что в отличие от курганов, городища и селища скифского времени до сих пор исследовались явно недостаточно. В начале 50-х годов прошлого века раскопки большого Архангельского городища на правом берегу Дона осуществила А.Н. Москаленко из Воронежского Университета (ВГУ).[1] Ситуация заметно изменилась в лучшую сторону после начала широких работ на территории Воронежской и Белгородской областей Воронежской Скифской Лесостепной Экспедиции Института археологии Академии наук СССР. Были заново открыты и частично исследованы около полутора десятков городищ, от Воронежа до реки Тихая Сосна на юге: в 1958–1959 годах изучалось несколько городищ у с. Волошино, в 1960 году – городище у с. Русская Тростянка, в 1961 году – городища Стрелецкое, Верхняя Покровка, Кировское, Круглое и Городище, в 1962–1965 годах – городище у с. Большое Сторожевое на Дону. Масштабы этих раскопок были достаточно скромными: обычно вскрывалась система оборонительных укреплений – валы, рвы, деревянные стены и небольшие участки (100–200–300 кв. метров) на территории самого поселения. Тем не менее,

общую картину жизни на городищах в V–IV веках до н.э. удалось воссоздать вполне достоверно. Результаты этих исследований 50-х–60-х годов XX века были обобщены в большой статье А.И. Пузиковой (1969 г.). «По топографии, – пишет она, – все городища довольно однообразны: они расположены на высоких отрогах коренного речного берега или мысах, с двух или трех сторон ограниченных реками, оврагами или логами. С напольной стороны городища, как правило, укреплены одним, двумя или тремя валами и рвами». Устройство оборонительных сооружений было детально изучено тогда лишь на трех древних поселениях: Волошино 1, Большое Сторожевое и Русская Тростянка.[2]

Наиболее мощная и интересная по устройству оборонительная система была выявлена на городище у села Большое Сторожевое, расположенном на высоком правом берегу реки Дон. Площадь его достигает 7 гектаров. С северо-восточной, северо-западной и юго-западной сторон склоны мыса настолько круты (берег реки и глубокие овраги), что не требуют дополнительных укреплений – они, практически, неприступны. Но с напольной, юго-восточной стороны городище защищено тремя валами и двумя рвами. Первый вал достигал высоты 2,35 метра от современной вершины до уровня древнего горизонта. Ширина его равнялась 12–14 метрам. Это сооружение было построено в два приема. Первым оборонительным укреплением стала деревянная стена, от которой остались три параллельно расположенные канавки, заполненные золой, угольками и глиной. Скорее всего, это было мощное укрепление в виде трех параллельных стен из дубовых бревен, подпираемых вертикально стоящими столбами и перекрытых сверху подобием крыши. Впоследствии все это внушительное сооружение было сожжено либо самими жителями городища, либо в результате нападения противника, о чем свидетельствует слой золы, угля и обуглившегося дерева (дуб), обнаруженный в насыпи вала над канавками.

Возведение валов и рытье рвов относится ко второму строительному периоду. Землю для насыпи первого вала брали как из рва, так и с территории городища, откуда в насыпь вала и попала местная лепная керамика. Ширина перестроенного рва составила 6 метров, а глубина 4 метра. Второй вал был как бы «вырублен» из мелового останца и образовался в результате рытья двух рвов – снаружи и изнутри данного укрепления. Второй ров имел 6–7 метров в ширину и 4,5 метра в глубину. Третий вал, сооруженный за пределами предыдущего рва, был более скромным по величине: ширина по подошве 9–10 метров и современная высота до 1,7 метра. Находки в валах и рвах немногочисленны и состоят из обломков лепной керамики и костей животных. Пока нет подходящих вещей, по которым можно было бы судить о точной дате постройки укреплений. Тем не менее, автор раскопок А.И. Пузикова считает, что время сооружения деревянных стен относится к рубежу VI–V веков до н.э. Толщина культурного слоя на самом поселении 60–80 см. Насыщенность его находками достаточно велика. В пределах единственного раскопа площадью 360 м^2 найдено 6858 фрагментов лепной керамики, пряслица, зернотерки и 5817 костей домашних и диких животных.[3]

До недавнего времени наиболее изученным считалось городище № 1 у с. Волошино Острогожского района, которое раскапывалось московскими археологами с 1957 по 1968 год и вскрытая площадь достигла здесь 2500 м^2. Толщина культурного слоя на этом поселении невелика, в среднем 40–60 см, но насыщенность его находками довольно значительна. Так, в раскопе № 1 размерами 480 м^2, расположенном в центре городища обнаружены остатки двух жилищ, 2960 фрагментов лепной и круговой (сделанной на гончарном круге) керамики и 1715 обломков костей домашних и диких животных. В другом раскопе (№ 2), разбитом ближе к верхнему краю поселения, найдено полуземляночное жилище, 5024 фрагментов лепной глиняной посуды и 2596 обломков костей животных. Эти данные свидетельствуют о том, что на городище более или менее постоянно обитала довольно значительная группа людей.

Общая площадь городища № 1 у с. Волошино в пределах валов составляет 15 гектаров. Оно имеет мощные укрепления в виде валов и рвов и эскарпирования крутых склонов окружающих его глубоких оврагов. Городище занимает длинный и высокий мыс, образованный с одной стороны (восточной) большим оврагом уходящим в пойму реки Тихая Сосна; с южной и северной сторон защиту обеспечивают другие глубокие овраги; с напольной стороны городище укреплено двумя валами и рвами.

Точное время существования Волошинского городища определить довольно трудно, так как здесь не найдено надежно датируемых вещей. П.Д. Либеров, ссылаясь на два небольших фрагмента стенок греческой амфоры и на определение отечественных специалистов-античников (И.Б. Зеест), считает возможным отнести начало жизни на поселении к V–IV векам до н.э., а конец – ко II веку до н.э.[4]

Древние обитатели Среднего Дона в I тыс. до н.э. имели несколько типов жилищ: наземные дома со стенами из вертикально поставленных столбов (жердей) внутри неглубоких канавок; полуземляночные жилища, углубленные в грунт до 0,7–0,85 м со стенами из прутьев, обмазанных глиной; наземные жилища со стенами из прутьев, обмазанных глиной. Внутри построек для обогревания и приготовления пищи использовались открытые очаги в виде глиняных платформ, возвышающихся над поверхностью земли или заглубленные в специальные ямки.[5]

Находки на селищах и городищах представлены главным образом обломками глиняной лепной посуды местного производства. Импортная (греческая) керамика, в виде фрагментов амфор, встречается постоянно, но она немногочисленна. Помимо этого, раскопки среднедонских поселений V–IV вв. до н.э. выявили наличие у местных жителей железных и бронзовых наконечников стрел, пращевых камней, бронзовых блях конской узды, многочисленных пастовых цветных бус, подвесок, бронзовых зеркал, ювелирных украшений, железных ножей, топоров, шильев, проколок. Есть и античный импорт в виде стеклянной греческой геммы рубежа IV–III века до н.э. (Большое Сторожевое городище), чернолаковой столовой греческой посуды и амфор (Кировское городище). Знакомство населения с бронзоволитейным и железоделательным производством отражают находки бронзовых и железных шлаков, бракованных железных изделий, глиняных льячек. А многочисленные пряслица различных форм, иглы, проколки, шилья, отпечатки тканей на глине свидетельствуют о развитии ткачества.

При раскопках Архангельского городища на Дону были обнаружены днища глиняных лепных горшков с отпечатками зерен – ячменя, проса, ржи, пшеницы и гречихи. Найден обломок мотыги из рога лося. Есть каменные пестики от зернотерок. Животноводство местных племен хорошо отражено в остеологических материалах Волошинского городища. В стаде было 35% крупного рогатого скота, 32,5% – лошади, 17,5% – мелкого рогатого скота и 15% – свиньи (определение палеозоолога В.И. Цалкина в 50-е–60-е годы XX века).[6] В целом, как отмечал известный скифолог профессор Б.Н. Граков, земледелие и скотоводство здесь совершенно такие же, как на левобережной лесостепной Украине (Посулье, Северский Донец).

Религиозная сфера представлена глиняными фигурками животных, глиняными лепешками, антропоморфными глиняными и каменными скульптурами, фрагментами «рогатых кирпичей», глиняными алтарями для жертвоприношений. Все они были, без сомнения, связаны с культом плодородия.

В целом, материалы с городищ и поселений демонстрируют, что в V–IV вв. до н.э. на территории Среднего Дона жили племена, хозяйство которых основывалось на отгонном скотоводстве и земледелии. Охота и рыболовство играли у них лишь вспомогательную роль. Знали местные жители и прядение с ткачеством, знакомы были с работами по дереву, камню и кости, а также – с металлургией и металлообработкой.

И, еще один важный момент. Как считают П.Д. Либеров и А.И. Пузикова, несмотря на понятную специфику погребальных и жилых комплексов, материалы го-

родищ и селищ, с одной стороны, и курганных захоронений – с другой, вне всякого сомнения, принадлежат одной общей культуре и, видимо, одному этносу.

А.И. Пузикова, подводя итоги довольно широким исследованиям 50-х–60-х годов, пишет следующее: «...В V–III вв. до н.э. на территории Среднего Дона обитало *оседлое*[*] *население* (курсив мой – *В.Г.*), основными занятиями которого были земледелие и скотоводство. Возделывали и сеяли просо, пшеницу, ячмень, горох, разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней, лошадей[**]. О большой роли этих занятий в жизни населения свидетельствуют находки культовых предметов: глиняные жертвенники, модели глиняных лепешек, фигурки различных животных. Бульшая часть ремесел (керамическое, кожевенное, ткацкое, обработка кости, дерева и камня) носила неразвитый характер... Металлургия и металлообработка были, видимо, развиты гораздо значительнее, чем об этом можно судить по остаткам металлургического производства в слоях городищ и поселений. Дело в том, что близлежащие синхронные и, несомненно, созданные обитателями городищ могильники изобилуют различными изделиями металлургии: там найдено большое количество мечей, наконечников копий, дротиков и втоков к ним, панцирей, бронзовых котлов, украшений конских уборов... Локальные формы некоторых из них (наконечников стрел, втоков копий и дротиков), форма бронзовых котлов, широкое распространение железных панцирей, большое количество местных мотивов звериного стиля – все это говорит в пользу их среднедонского производства...».[7]

В 70-е–90-е годы изучение городищ скифской эпохи в Лесостепном Подонье продолжили воронежские археологи. Особенно важное значение имели многолетние работы экспедиции Пединститута на городище Мостище близ поселка Коротояк Острогожского района. Возглавлял ее профессор А.Т. Синюк – известный специалист по культурам Подонья эпохи бронзы. Дело в том, что тонкий (в два «штыка» лопаты – 40–45 см) культурный слой данного памятника отражал два периода обитания людей в этом месте: эпоха бронзы (II тыс. до н.э.) и эпоха раннего железа (V–IV вв. до н.э.). Городище открыл во время разведок 1957 года П.Д. Либеров. Он заложил там небольшой раскоп-траншею через ров и вал, окружающие поселение с напольной, открытой, южной стороны. Ему повезло. В его скромном «раскопчике» встретились только фрагменты керамики скифского времени. И Петр Дмитриевич с полным удовлетворением констатировал – открыто еще одно городище раннего железного века. Но спустя четверть века, в 1983 году, археологи из Пединститута повторно осмотрели крутой мыс у хутора Мостище и при шурфовке древнего поселения с удивлением обнаружили, что памятник этот двухслойный: под материалами скифского периода шел слой эпохи бронзы, причем бронзы ранней – конца III – середины II тысячелетий до н.э. Естественно, что А.Т. Синюк не мог упустить возможность более тщательного изучения столь ценного для него объекта, а заботу о скифских находках он поручил своему помощнику – В.Д. Березуцкому.

Воронежцы копали городище долго и упорно – с 1983 по 1993 год. Было в общей сложности вскрыто 3500 квадратных метров (а вся площадь городища в пределах укреплений – 2,3 гектара, или 23000 квадратных метра). Итоги этих многолетних работ были изложены в специальной монографии «Мостищенский комплекс древних памятников», вышедшей в свет в Воронеже в 2001 году. Ниже дано описание только материалов скифской эпохи.

В ходе исследований удалось установить, что городище имело двойную линию обороны: внешний вал (почти уничтоженный к настоящему времени распашкой),

---

[*] На мой взгляд, население Среднего Дона было полу-оседлым; практически, оно занималось главным образом скотоводством.

[**] Как показывают современные палеозоологические исследования, главным животным в скотоводстве среднедонского населения в V–IV вв. до н.э. была лошадь (и как мясная пища, и как верховое животное). Трио – просо, ячмень, пшеница-двузернянка – это типично скифский набор сельскохозяйственных растений, как в степной, так и лесостепной зонах Северного Причерноморья.

ров и внутренний вал и ров. Таким образом, поселение разделено укреплениями на два участка – верхнюю площадку (между внешней и внутренней линиями обороны) размерами в 1,4 гектара и нижнюю (за внутренней линией укреплений, до конца мыса) в 0,9 гектара.

Раскопки внутреннего вала (ширина 9 м, современная высота – 0,7 м) показали, что здесь имели место два строительных периода. «По центру вала в слое погребенной почвы, – отмечает В.Д. Березуцкий, – обнаружены три параллельные друг другу канавки ..., служившие для закрепления деревянных конструкций», видимо, деревянных стен, как это было и на Большом Сторожевом городище. Это первый строительный период. На втором этапе существования городища были возведены более мощные укрепления, состоявшие из высокого вала с деревянными конструкциями и глубокого внешнего рва. Общая длина внутренней линии обороны составляла примерно 115 метров.

На мостищенском поселении обнаружено 8 построек, которые В.Д. Березуцкий предположительно считает жилыми. Как известно, одним из главных признаков выделения этого типа сооружений служит наличие внутри их следов отопительных устройств – очагов, печей, кострищ. Но следы костра в одной из построек встречены здесь лишь однажды. «Тем не менее, – настаивает упомянутый выше исследователь, – мы склонны характеризовать обнаруженные постройки как жилые, принимая во внимание их конструктивные признаки (размеры, форму, наличие столбовых ямок и т.д.), хорошо известные как в Лесостепном Подонье, так и в Днепро-Донском междуречье... Отсутствие следов очагов в постройках может быть объяснено их *непостоянным, сезонным* (курсив мой – *В.Г.*) характером. Это наблюдение подтверждает и такой немаловажный факт, как полное отсутствие на городище каких-либо следов глиняной обмазки, столь характерной для долговременных жилищ». Надо сказать, что куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев найдены на многих городищах лесостепного Дона скифского времени (Волошино I, Белая Гора I, Кировское, Россошки I). Основания жилищ слегка заглублены в подстилающий почву мел. Стены из плетня или деревянных плах (бревен, жердей?) крепились с помощью опорных столбов. Форма домов – прямоугольная и квадратная, площадь – от 12,5 м^2 до 21,1 м^2.

Таким образом, – заключает В.Д. Березуцкий, – «жилые постройки Мостищенского городища... представляют собой *сезонные* (курсив мой – *В.Г.*), сравнительно небольшие по размерам наземные однокамерные сооружения с деревянным каркасом». Общее их возможное число на городище, учитывая размеры обитаемой территории на внутренней площадке мыса, не превышало, по предположениям автора раскопок, 15–20. Да и то, нет никаких оснований утверждать, что все они функционировали одновременно.

Уникальная черта Мостищенского городища – обилие хозяйственных ям. Их выявлено на раскопанной площади свыше 117. Форма и размеры ям – различны. Также как различно, по-видимому, и их назначение. Есть большой соблазн считать эти ямы местом для хранения зерна. Однако, палеоботанические анализы были сделаны лишь для 6 ям. В них, наряду с обломками глиняной посуды, костями животных и прочим бытовым мусором, были найдены остатки зерен проса, ячменя, пшеницы-двузернянки (полбы) и гороха. Тем не менее, палеоботаник Е.Ю. Лебедева высказала сомнение в том, что данные хозяйственные ямы служили зернохранилищами.

Основную массу находок на городище составляют фрагменты лепной керамики общескифского облика. Преобладают кухонные горшки тюльпановидной формы с орнаментом в виде защипов по краю венчика, миски, кувшины. Очень редки находки античной посуды – всего 4 обломка греческих амфор и 2 фрагмента чернолаковых чашек. Других находок немного, если учесть величину вскрытой площади городища – свыше 3500 метров. Десять предметов из железа (два шила, орудие типа пеш-

ни, 2 ножа, колчанный крючок, один трехлопастной втульчатый наконечник стрелы), 8 бронзовых изделий (фрагмент ручки скифского котла, обломок удил, три бронзовых наконечника стрел и т.д.), несколько вещей из кости (рукоятка ножа, деталь веретена, костяная поделка в виде головы кабана, десять бусин и др.).

Таким образом, хотя этих предметов и немного, они представляют вполне наглядно все главные составляющие элементы знаменитой скифской «триады» – образцы вооружения (наконечники стрел), конской сбруи (удила) и изделий в «зверином стиле» (голова кабана), что еще раз подчеркивает сходство культуры обитателей городища с культурой людей, погребенных в среднедонских курганах.

Несомненный интерес представляют и 5 погребений, обнаруженных в ходе раскопок на территории городища. Захоронения совершены в неглубоких прямоугольной формы ямах и принадлежат ребенку, подростку и трем взрослым мужчинам. Последние ориентированы головой на юго-запад, как и многие покойники из курганов. К сожалению, вещей, сопровождающих обычно умерших, здесь нет. Единственное исключение – погребение № 4, где возле скелета мужчины лежал короткий скифский меч конца V – начала IV веков до н.э. Что касается времени существования Мостищенского городища, то на основании находки ножки греческой амфоры с острова Хиос, В.Д. Березуцкий относит возникновение данного поселение к рубежу VI–V веков до н.э., а гибель – к концу IV – началу III веков до н.э.[8]

Еще одно довольно полно изученное городище скифского времени находится в 30 км к югу от Воронежа, на территории современного городка Семилуки. Оно расположено на мысу высокого правого берега реки Дон и занимает сейчас территорию в 1,4 *га* (правда, его площадь значительно уменьшилась по сравнению с древностью за счет разрушения склонов оврагов, которые окружают мыс с двух сторон). С напольной стороны Семилукское городище имеет две линии укреплений в виде валов с деревянными конструкциями и рвов.[9]

Раскопки поселения осуществлялись с 1984 по 1993 годы экспедицией Воронежского Государственного Университета (руководители А.Д. Пряхин и М.В. Цыбин). За десять полевых сезонов вскрыто 3602 квадратных метров, или примерно 1/4 часть территории памятника. Были получены материалы разных эпох – от бронзового века до средневековья (XII–XIII вв.), но все же наиболее широко на городище представлен поселок скифской эпохи. Правда, он подвергся довольно сильным разрушениям во время более позднего строительства во времена Древней Руси.

В процессе раскопок выявлено 4 жилища полуземляночного типа (прямоугольные ямы 3×3 м и глубиной до 0,6 м) с очагами и несколько наземных, видимо, также жилых построек, имевших внутри очаги и хозяйственные ямы вокруг. Всего же (как и на Мостищенском городище) здесь было выявлено множество хозяйственных ям – 101. Материал из большинства из них состоит из обычного хозяйственного мусора: обломки керамики, кости животных (в одном случае – скопление костей рыб), но в то же время обращает на себя внимание довольно значительное число почти целых глиняных сосудов, орудий труда, предметов быта, вооружения и конской сбруи.

Для ям характерно расположение группами. Большинство из них тяготеет к постройкам и, несомненно, использовались в бытовых целях. В заполнении примерно трети из них у основания отмечены золисто-углистые прослойки. К сожалению палеоботанических анализов содержимого этих ям не производилось. Видимо, назначение их было самым разным. Так, в центральной части городищенской площадки находилась группа из восьми ям, связанных с кузнечным производством (в них найдены шлаки, пест и каменные плиты для дробления руды, наковальня, бракованный железный вток копья и т.д.). Наиболее часто встречалась в ходе раскопок керамика, среди которой представлены все характерные для среднедонской культуры скифского времени формы и типы – кухонные горшки с орнаментом в виде защипов по краю венчика, миски, кувшины, миниатюрные сосудики. Найдены также предметы вооружения (бронзовые и железные наконечники стрел, два наконечника копий и вто-

ки к ним) и конской сбруи (железный двудырчатый псалий и железный налобник с изображением стилизованной птицы).

Но особую известность получило Семилукское городище благодаря одному необычному открытию – находке массового захоронения жителей позднескифского поселка: всего до 70 человек (45 полных и 25 разрозненных скелетов), помещенных в котлованы жилищ и хозяйственные ямы. Анализ этих останков позволил авторам раскопок придти к следующему заключению. «...Захоронения на городище появились в сравнительно короткий промежуток времени вследствие массовой гибели значительной части населения поселка, последовавшей, весьма вероятно, в результате какой-то эпидемии. Умершие, в основном это дети, не достигшие десятилетнего возраста, и люди старше 30 лет...». Находка в Семилуках столь массового захоронения людей, погибших явно в результате каких-то катастрофических обстоятельств (вражеская осада, эпидемия болезней, голод ?), и возможное объяснение этих драматических событий вызвали в нашей научной литературе оживленную дискуссию (А.П. Медведев, М.В. Добровольская, А.Д. Пряхин, В.Д. Березуцкий и др.). Но загадка гибели скифского поселка IV–III вв. до н.э. до сих пор еще не решена. Найденные материалы позволяют датировать Семилукское городище в основном IV–III вв. до н.э. Для уточнения датировки важное значение имеет античная керамика. Одна из амфорных ножек относится (по определению известного специалиста С.Ю. Монахова) к IV или началу III вв. до н.э., другая принадлежит сосуду, изготовленному в первой половине III в. до н.э. Обломок чернолаковой греческой миски датируется IV в. до н.э. «По-видимому, – отмечают А.Д. Пряхин и Ю.Д. Разуваев, – не будет ошибкой отнести Семилукское городище в основном к концу IV – началу III вв. до н.э.».[9а]

Из поселенческих памятников скифской эпохи на территории Среднего Дона особенно интенсивно исследуется в последние 7 лет (2001–2008 гг.) городище у с. Россошки Хохольского района Воронежской области – работы Донской археологической экспедиции Института археологии Российской Академии наук. Поселение занимает естественный мыс на высоком левом берегу реки Девица (правый приток Дона), обрамленный с двух сторон глубокими оврагами. С напольной (восточной) стороны городище защищено тремя валами и двумя рвами. Видимых остатков оборонительных сооружений вдоль края площадки городища пока не обнаружено. Между северной и центральной частью валов находится вход на поселение шириной до 30 метров. В меловой породе, лежавшей в основании первого, внешнего вала, были обнаружены столбовые ямки (15 шт.), идущие в два ряда и остатки перегнившего дерева и угольки. По-видимому, здесь стояла когда-то деревянная стена, возведенная на первых порах существования поселка. Скорее всего, это был двухрядный частокол с попарно идущими параллельно друг другу рядами столбов. Затем стена частично сгорела и была демонтирована. На следующем этапе в жизни городища, видимо, в силу возросшей военной угрозы, потребовалось возведение куда более мощных укреплений в виде трех валов и двух рвов.

Общая площадь поселения в Россошках около 3,5 га (35000 кв.м). За последние годы (2001–2008) здесь было вскрыто около 600 кв.метров. Следы обитания человека представлены только в верхних полутора-двух штыках (30–40 см) почвенного слоя. И в первые годы работ находки единичных фрагментов лепной глиняной посуды и отдельных костей животных отнюдь не радовали нас, археологов. Ситуация изменилась к лучшему совсем недавно: мы вышли на жилую зону, где исследовано уже два наземных жилища и шесть хозяйственных ям. Жилые комплексы – обычные для скифской эпохи в лесостепи наземные легкие постройки из жердей и прутьев, обмазанных глиной. Рядом с ними располагались хозяйственные ямы для разного рода бытовых нужд. И в остатках жилищ, и в ямах найдено большое количество обломков керамики общескифских форм и типов (кухонные горшки, миски, кувшины), глиняные пряслица, костяные проколки, железные ножи. Но, самое главное, удалось, наконец, получить предмет, позволяющий надежно установить время существования

городища, это ножка греческой амфоры, относящаяся, по определению специалистов, ко второй половине V века до н.э.[10] Но для чего же потребовалось возводить столь мощные укрепления для сравнительно небольшого поселка? Почему в нем жило так мало людей? И, вообще, – какова же была главная функция этого городища?

Ответ на эти вопросы, как ни странно, дает не столько археология, сколько тесно связанные с ней естественные науки – палеозоология и палеоботаника. Прежде всего, перед исследователями, еще после первого этапа широких разведок и раскопок поселенческих комплексов в 50-е–60-е годы XX века на Среднем Дону, встал вопрос о функциональном назначении городищ скифского времени. Так, П.Д. Либеров выделял среди этого рода памятников места постоянного и достаточно интенсивного обитания, городища-убежища для временного пребывания в случаях военной угрозы, религиозно-культовые места (городища-святилища) и даже (например, в случае с Аверинским городищем на реке Потудань) загоны для скота.[11] В основе подобных классификаций лежат сугубо археологические данные о размерах городищ, их топографии и общей планировке, системе укреплений и, самое главное, – о насыщенности культурного слоя археологическими находками. К сожалению, в большинстве случаев этот последний важнейший показатель определялся по отношению к различного типа памятников весьма субъективно на чисто интуитивном уровне: «много» – «мало». Такой подход характерен почти для всех исследователей, работавших на Среднем Дону (П.Д. Либеров, А.Н. Москаленко, А.Д. Пряхин, А.П. Медведев и др.). А исходя из типологии городищ, упомянутой выше, делаются прямые выводы о хозяйстве и образе жизни местного населения в середине I тысячелетия до н.э.

Однако, современный уровень развития науки требует, чтобы в основе реконструированных палеоэкономических моделей лежали не только чисто археологические материалы, но и результаты **комплексных** археологических исследований. И, надо сказать, что «комплексный подход», особенно за последние годы, стал своего рода модой: ни один, уважающий себя археолог не обойдется без того, чтобы, так или иначе, не привлечь любые естественнонаучные данные к своим общим археологическим выводам, искренне считая при этом, что здесь и имеет место «комплексный подход». Привлечение палеобиологической информации случалось в археологии Среднего Дона и прежде. Особенно это касается палеозоологии (анализ находимых при раскопках костей животных – определение зоологами вида особей и состава стада и т.д. и использование полученной информации археологами для своих общих выводов). Например, П.Д. Либеров, узнав от биолога В.И. Цалкина о присутствии на поселениях среднедонской культуры скифской эпохи костей свиньи, пришел к обязывающему выводу о прочной оседлости жителей местных городищ: «ведь кочевники свиней не разводят». Столь же смелые палеоэкономические реконструкции свойственны и другим специалистам по археологии Лесостепного Подонья I тысячелетия до н.э. «Археоботанические и археозоологические материалы в таких работах не служат предметом детального анализа подобно археологическим источникам, а привлекаются формально, для иллюстрации уже готовых теорий и моделей хозяйства. В руках археологов оказывается, как правило, лишь информация о видовом составе растений и животных, которая еще и неравномерно представлена в различных поселениях. Отсутствие какой-либо из этих составляющих часто компенсируется сугубо археологическими данными. Уже сама эта несбалансированность заставляет сомневаться в предлагаемых интерпретациях. Кроме того, при подобном подходе опускается из виду, что первичная обработка археобиологического материала лишь косвенно отражает экономические реалии. К примеру, широко применяемая методика прямого переноса видового состава костей животных из кухонных остатков поселений на структуру древнего стада неизбежно приводит к ошибочным выводам» (Лебедева Е.Ю., Антипина Е.Е.).[12] Так, согласно прежним (устаревшим) определениям, в составе стада у жителей среднедонских городищ скифской эпохи преобладал крупный рогатый скот, далее шли лошадь, мелкий рогатый скот (овца-

коза) и свинья. Новые методы анализа позволили палеозоологу Е.Е. Антипиной существенно исправить старую картину. Изучение костей животных с городищ Русская Тростянка, Волошино I, Архангельское, Мостище I, Стрелецкое, Большое Сторожевое, Кировское и др. показало, что более 50% из них составляет лошадь, и она в **два раза** превышает количество костей крупного рогатого скота. «Такое соотношение костей крупных домашних копытных в кухонных остатках, – отмечает палеозоолог, – по-видимому, соответствует важной роли лошади, именно как мясного животного, в хозяйственной жизни населения скифского времени данного региона». И далее: «На основе этих данных... можно предполагать, что наиболее существенную роль в скотоводстве скифского населения Среднего Дона... играло коневодство... Именно эта направленность хозяйственной деятельности и отразилась в жертвенных комплексах могильников»*. Но преобладание коневодства в хозяйстве позволяет говорить вполне определенно о более подвижном образе жизни обитателей среднедонских городищ, о его **полукочевом** характере, не имеющем ничего общего с прочной оседлостью.[13]

В чем же состоит суть современного **комплексного** подхода к археобиологическим материалам с археологических памятников? Предоставим слово авторитетным специалистам по данному вопросу. «Нам представляется, – считают Е.Ю. Лебедева и Е.Е. Антипина, – что комплексный подход к археобиологическим материалам должен подразумевать анализ взаимозависимости разных параметров и характеристик археозоологических и археоботанических выборок на фоне конкретного археологического контекста. При этом необходимо четко разграничить два уровня палеоэкономических моделей:

а) реконструкция хозяйственного устройства на конкретном поселении;

б) исследование древней экономики населения одной культурной общности или региона.

Но подчеркнем, что на начальном уровне палеоэкономического моделирования обязательно выявляются и оцениваются **количественные показатели** археобиологических материалов. А их последующий комплексный анализ приводит к появлению качественно новых параметров, характеризующих деятельность обитателей конкретного поселения. Именно на этом этапе зачастую выясняются приоритеты важнейших отраслей в системе жизнеобеспечения, наличие экономической специализации, функциональное назначение поселений и т.д. В результате, на втором уровне реконструкции древней экономики должны рассматриваться уже не исходные археобиологические факты, а совокупность смоделированных хозяйственных единиц...».[14]

Практическое применение **комплексного** метода в изучении древних поселений обе исследовательницы осуществили в полной мере в ходе раскопок Донской археологической экспедиции на городище Россошки I (2001–2008 гг.). Здесь следует, прежде всего, отметить, что при исследованиях данного городища постоянно применялся метод промывки культурного слоя, что позволило получить довольно представительную коллекцию палеоботанических материалов. Но начнем с палеозоологии. Костей животных на городище (на вскрытой площади около 600 м^2) обнаружено чрезвычайно мало: 4 фрагмента на 1 м^3 в целом и 8 фрагментов на 1 м^3 в в районе жилищ и хозяйственных ям; всего 1200 единиц, из которых определимых только 34%. Выяснилось, что костей диких животных всего около 3% (представлены кабан, заяц, лиса и рябчик). Среди домашних животных на первом месте мелкий рогатый скот, затем идут лошадь и крупный рогатый скот. Процент костей свиньи ничтожен (около 1%), немногочисленны и кости собаки.[15]

Данные по палеоботанике представлены двумя видами материала: во-первых, от промывки культурного слоя городища, особенно в районе жилищ и хозяйственных

* По подсчетам Е.Е. Антипиной в Колбинском курганном могильнике V–IV вв. до н.э. свыше 90% напутственной пищи в погребениях составляют кости лошади.

ям, а во-вторых, отпечатками зерновых на керамике. В первом случае абсолютно преобладает просо (77% образцов), затем идет пшеница-двузернянка (полба) – до 10,8%, и, наконец, пленчатый многорядный ячмень (3,1%). К удивлению, в слое довольно ощутимо представлен и горох (5,4%). Просо, ячмень и полба – типичный набор сельскохозяйственных растений в степной и лесостепной зонах Скифии. Отпечатки зерновых на керамике дали еще более ошеломляющие результаты – 98,6% всех образцов составляет просо и небольшие доли приходятся на полбу и многорядный пленчатый ячмень.[16] Какие же выводы делают упомянутые специалисты из комплексного анализа доступного им материала?

Изучение археобиологических данных с городища Россошки I фиксирует, прежде всего, тот несомненный факт, что в ходе раскопок были обнаружены остатки сельскохозяйственной продукции в *чрезвычайно малых объемах*. Об этом свидетельствуют показатели насыщенности культурного слоя и зерном и костями животных, значения которых заметно меньше, чем на обычных селищах любой эпохи. Минимальный объем продуктов питания – зерна и мяса – может объясняться двояко: либо тем, что малочисленное население городища занималось на месте сельским хозяйством в очень скромных масштабах, либо это население потребляло приносимые извне продукты в очень небольшом объеме.

Модель местного сельского хозяйства обычно подразумевает разведение и содержание животных прямо на поселении, а выращивание культурных растений на полях либо рядом с поселением, либо в относительной близости от него. В нашем случае археозоологические данные не позволяют говорить о животноводческом секторе хозяйства на городище, а археоботанические данные, в силу своей скудости, могут истолковываться двояко. Они не противоречат как модели местного земледелия в очень ограниченных масштабах, так и модели сугубо потребительской.

Малочисленность кухонных костных остатков, особенности их естественной сохранности и неравномерность распределения по площади напрямую связаны со слабой жизнедеятельностью на городище и кратковременностью пребывания здесь людей. Такому выводу вполне соответствуют и основные характеристики палеоботанических материалов. Таким образом, только предположение о временном пребывании малочисленного населения на территории городища позволяет согласовать между собой все особенности археобиологических коллекций.

О небольших масштабах жизнедеятельности на городище свидетельствует также слабая насыщенность его слоя золой и углем. В то же время значительный процент обожженных костей животных отражает приготовление мясной пищи на открытом огне – на кострах и примитивных очагах. Но здесь налицо явное противоречие: отсутствие золы и углей и наличие множества обожженных костей. Единственное объяснение – это немногочисленность таких кострищ или очагов, да к тому же они пока и не обнаружены. Небольшой процент колосовых остатков злаков также говорит не в пользу обработки урожая на городище, а лишь свидетельствует о приготовлении пищи из зерна, принесенного с собой (просо). О временном обитании жителей на поселении можно судить и по слабой мощности его культурного слоя.

И, общий вывод Е.Ю. Лебедевой и Е.Е. Антипиной по поводу городища Россошки I: «Наша гипотеза о временности проживания здесь небольших групп людей позволяет предполагать лишь *оборонительный* (курсив мой – *В.Г.*) характер данного поселения, за валами которого пряталось население ближайшей округи».[17]

Однако, как выяснилось, Россошки – отнюдь не уникальное явление. Произведенный Е.Е. Антипиной подсчет концентрации костей животных в раскопанных частях многих среднедонских городищ скифской эпохи показал крайне малую насыщенность их культурного слоя костными остатками.

Такое минимальное накопление костных остатков в культурном слое можно связать с особенностями диеты жителей (преимущественное потребление продуктов земледелия или молочной пищи) или разделкой потребляемых животных вне пределов

городищ. С другой стороны, палеоботанические исследования на Архангельском городище и в Россошках I выявили крайне малую насыщенность слоев этих поселений зернами культурных растений, так что говорить о зерновой растительной диете у местных жителей в I тысячелетии до н.э. тоже не приходится.

Результаты исследования антропологами химического состава костной ткани скелетов людей, погребенных в могильнике Колбино I не противоречат молочному и маломясному типу питания населения Среднего Дона в скифское время. Близкие особенности диеты обычно свойственны подвижному скотоводческому типу человеческих обществ во всем мире, что, в свою очередь, указывает на вероятность существования подобной же формы хозяйства, т.е. скотоводческой деятельности, у обитателей донской лесостепи в середине I тысячелетия до н.э.

Если же исходить из слабой насыщенности культурного слоя на многих среднедонских городищах то уже один этот факт может служить важным критерием в пользу их временного обитания небольшими группами людей (Мостище I, Россошки I, Архангельское, Белая Гора I, II, III и др.). Скорее всего, большинство из них служило только опорными пунктами (крепостями) для контроля за окружающей территорией в определенные времена года – весна, лето, ранняя осень, то есть в периоды, когда в наличии подходящие пастбища для скота и благоприятное время для земледельческих работ. Видимо, в них стояли небольшие гарнизоны воинов, живших почти по-спартански, без семей и обозов, которые, скорее всего, располагались в более удобных для жизни местах – у воды, на берегах небольших рек и ручьев, в оврагах, защищенных от холодных ветров.

И все же главная причина нашего неполного представления о подлинном характере поселенческих структур скифской эпохи на Среднем Дону – явная недостаточность широких их исследований и, причем, исследований комплексных, с привлечением специалистов – представителей естественных наук. А пока и масштабы раскопок среднедонских городищ скифского времени явно недостаточны для сколько-нибудь твердо обоснованных общих выводов, и участие ученых-естественников (прежде всего, палеоботаников и палеозоологов) в работах археологических экспедиций – скорее исключение, чем правило. Отсюда бесконечные споры по поводу функционального назначения и самих городищ, и часто находимых на них хозяйственных ям. Нет полного согласия в ученых кругах даже по вопросу о том, кому именно принадлежали укрепленные поселения Среднего Дона в середине I тысячелетия до н.э. – оседлым земледельцам и скотоводам или же каким-то полуоседлым и даже кочевым группам.

В 50-е–60-е годы XX века А.И. Пузикова, в составе Воронежской Скифской Лесостепной экспедиции (руководитель – П.Д. Либеров), вела исследования на восьми среднедонских городищах – Волошино I, Русская Тростянка, Большое Сторожевое, Стрелецкое, Круглое, Кировское, Верхняя Покровка и Лесное. На основе этих работ она сделала следующие выводы: «В V–III веках до н.э. на территории Среднего Дона обитало *оседлое* (курсив мой – *В.Г.*) население, основными занятиями которого были земледелие и скотоводство. Возделывали и сеяли просо, пшеницу, ячмень и горох; разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней, лошадей». Отметим, что автор определяет местное население как оседлое и к числу главных занятий его относит земледелие, а уже потом скотоводство. Да и в пределах последнего на первом месте у нее находится крупный и мелкий рогатый скот, а на последнем – лошадь.

С другой стороны, будучи скрупулезным и опытным полевым исследователей, Анна Ивановна четко говорит о том, что «мощность культурного слоя поселений и городищ (на Среднем Дону – *В.Г.*) *невелика* – от 0,40 до 0,80 метра». И, далее, «следы металлургического производства на городищах *незначительны*. При раскопках городищ Волошино 1, Русская Тростянка и Кировское в подъемном материале и культурном слое было обнаружено несколько кусков железного и бронзового шлака, куски стенок и венчика бронзового котла, бракованная втулка железного копья или дротика. Большая часть этих находок происходит с Кировского городища... Вполне

возможно, что Кировское городище было одним из центров металлургического производства (в этом регионе – *В.Г.*), чем объясняется, видимо, и сравнительное богатство его жителей, отразившееся в большом количестве (привозимых, греческих – *В.Г.*) амфор, чернолаковой посуды, ... а также в обилии и роскоши погребального инвентаря (близлежащего – *В.Г.*) Дуровского могильника».[18] Можно добавить, что следы какого-то кузнечного дела (молот, наковальня, железистые шлаки) были обнаружены и на Семилукском городище. На других исследованных городищах признаков такой деятельности пока не найдено. Таким образом, малая насыщенность остатками человеческой деятельности культурных слоев на большинстве среднедонских городищ скифской эпохи, а также пока немногочисленные данные археобиологических исследований на этой территории (Россошки 1 и, в меньшей степени, Мостище 1 и Архангельское городище) убедительно демонстрируют тот факт, что жизнь на большинстве укрепленных поселений региона была временной, краткосрочной, сезонной. Видимо, в весенне-летний период года там находились небольшие гарнизоны воинов, контролирующих окружающую территорию, тогда как основная масса населения обитала в более удобных и низких местах – возле источников воды, травяных пастбищ и плодородных полей. И только в случае опасности эти люди спешили укрыться в ближайшей дерево-земляной крепости. Были, конечно, и постоянно обитаемые городища (например, Большое Сторожевое на правом берегу Дона, Кировское на Белгородчине и, возможно, Волошино 1 вблизи реки Тихая Сосна), служившие местом пребывания более или менее значительных групп людей и надежными опорными пунктами для контроля над территорией Среднего Дона круглый год. Некоторые из них наверняка были и центрами ремесленного производства и, прежде всего, металлообработки. Основная же часть населения с приближением непогоды и холодов уходила со стадами и имуществом на юг – в более теплые края Низовий Дона и побережья Азовского моря (Меотида). При этом, ведущую роль в скотоводстве среднедонских скифов играла лошадь (верховое и вьючное животное, главная мясная пища и важнейшее культовое животное). Далее, по значимости шел мелкий рогатый скот (овцы, козы) и, наконец, на третьем месте стоял крупный рогатый скот. Свинья, которую некоторые ученые считают главным признаком прочной оседлости, занимала в стаде местных жителей совершенно ничтожный процент, который не следует принимать в расчет. Тем более, что в среднедонских дубравах водилось множество диких свиней и кабанов, на которых всегда велась успешная охота, а различить кости диких и домашних свиней, когда они представлены только небольшими и разрозненными образцами, довольно трудно.

Вместе с тем, на всех местных городищах V–IV вв. до н.э., будь они временными или постоянными поселениями, встречается полный набор предметов, характеризующих скифскую культуру, как в степи, так и в лесостепи (от Днепра до Дона). Это знаменитая скифская «триада»: предметы вооружения, конской сбруи и произведений искусства в «зверином стиле». Правда, по сравнению с погребальными комплексами среднедонских курганов, находок подобного рода на городищах (в силу бытового характера этих памятников), бесспорно, намного меньше. Но они все же есть. Предметы вооружения найдены на Большом Сторожевом городище (бронзовые и железные наконечники стрел), в Волошино 1 (наконечники стрел), на Семилукском городище (2 железных наконечника копий и втоки к ним, наконечники стрел из бронзы и железа), на Кировском городище (обломок острия меча, фрагмент втулки копья, наконечники стрел), на Мостище 1 (железный меч, наконечники стрел). Детали конской узды (костяные и железные псалии, железный конский налобник, бронзовые бляшки и пронизки для ремней) представлены на городищах Мостище 1, Семилукское, Волошино 1, Русская Тростянка. Изделия в «зверином стиле» в кости и бронзе есть на Пекшевском и Семилукском городищах, в Волошино 1 и Мостище 1. Фрагменты бронзового котла скифского типа обнаружены в слое Кировского городища. Бронзовые зеркала с исчезнувшими деревянными ручками встречены на горо-

дищах Большое Сторожевое и Мостище 1. Золотая серьга найдена в Волошино 1, а на Семилукском городище археологи выкопали целый клад из различных украшений (гривны, серьги, браслеты), сделанных из серебра и бронзы. Таким образом, на городищах, несмотря на специфический характер их вещевого набора (преобладание бытовых предметов, прежде всего керамики и скудость изделий «триады»), мы встречаем и предметы конского убора, и оружие, и воплощения в кости и металле «звериного» скифского стиля.

Казалось бы, у нас есть все основания говорить о том, что культура обитателей городищ и культура людей, погребенных в близлежащих курганных могильниках, - одна и та же; она – едина. И хотя такую позицию разделяет большинство отечественных исследователей, нашлись и оппоненты – воронежские археологи А.П. Медведев и В.Д. Березуцкий. По их словам, налицо явное несоответствие между числом известных сейчас поселений (до 60 городищ и около 300 селищ) и курганов скифской эпохи на Среднем Дону. Они отмечают, что курганных групп раннего железного века в упомянутом регионе всего семь (напомню, что речь идет здесь лишь об исследованных, а во многом и почти полностью раскопанных могильниках V–IV вв. до н.э.) и общее количество скифских погребений в них (за более чем столетнюю историю раскопок) составляет всего 180. Исходя из этого, явного по их мнению, дисбаланса между большой численностью населения, жившего на городищах и малого числа известных захоронений скифской эпохи в курганах. Они заключили, что «сравнительный анализ материалов курганов и городищ свидетельствует о сосуществовании на Среднем Дону... двух различных социо-, а, возможно, и этнокультурных комплексов: низовой культуры рядового населения городищ и элитарной субкультуры военно-аристократической верхушки, погребенной в курганах». Соответственно, первая культура («культура городищ») принадлежала, по мнению А.П. Медведева, будинам Геродота (их воронежский ученый именует оседлыми земледельцами и скотоводами), вторая («культура курганов») – «скифоидным гелонам», которые названы полукочевниками, иранцами по языку и по идеологии). Естественно, что скифам на среднедонской земле месту уже не остается.[19]

В качестве предварительного замечания, мне хотелось бы отметить, что сопоставление общего количества синхронных поселений и могильников в той форме, в какой это делают А.П. Медведев и В.Д. Березуцкий, совершенно неправомерно. Дело в том, что культурную принадлежность и приблизительный возраст городищ и селищ можно легко определить по подъемному материалу или путем закладки пробных шурфов, без больших раскопок, в то время как курганы всех эпох надежно хранят свои тайны до тех пор, пока их не исследуют целиком, на снос. А это уже требует значительных трудовых затрат, немало времени и денег. Вот и получается, что с одной стороны берутся все выявленные (в основном по «подъемке» и шурфовке) поселения раннего железного века, и их несколько сотен, а с другой – 180 раскопанных курганов того же времени.

На самом деле курганов (в том числе и скифского времени) на Среднем Дону гораздо больше. Несмотря на то, что почти все курганные некрополи Воронежщины и Белгородчины интенсивно разрушаются и уничтожаются многолетней пахотой и различными видами другой хозяйственной деятельности, даже сейчас можно смело довести общее число этих могильных холмов до многих тысяч. И значительную их часть, безусловно, составляют курганы V–IV веков до н.э. Далее, кто доказал, что все среднедонские городища скифской эпохи были обитаемы постоянно и имели достаточно многочисленное население? Как было показано выше, методы естественных наук позволяют говорить, что многие укрепленные поселения в этом регионе были временными (точнее, сезонными) опорными пунктами и в них находились довольно небольшие группы людей (гарнизоны?). И если признать за племенами Среднего Дона полукочевой образ жизни, то тогда получается, что основная масса населения обитала в более удобных местах, вблизи источников воды. А если это так, то противо-

поставлять «многочисленных» жителей городищ тем «немногим своим современникам, похороненным в курганах, уже не приходится.

А.П. Медведев, выдвигая гипотезу о принадлежности среднедонской культуры скифского времени будинам и гелонам (упомянутым древнегреческим историком V в. до н.э. Геродотом), ссылается при этом на труды своих предшественников – известных скифологов Б.Н. Гракова и П.Д. Либерова. Однако, ни тот ни другой никогда не говорили о том, что культура и этнос обитателей городищ и культура людей из курганных захоронений – различны. Подобного же мнения – о единстве культуры городищ и курганов придерживается и А.И. Пузикова – один из ведущих специалистов по поселениям Среднего Дона скифской эпохи. И пока воронежские археологи с фактами в руках не опровергнут тезис о единстве культуры городищ и могильников раннего железного века в рассматриваемом регионе, этот вывод остается в силе.

К тому же, отдавая будинам все поселения Среднего Дона и всю лесостепь, вплоть до Днепра на западе, А.П. Медведев ничего не говорит об их этносе и о том, где же искать их многочисленные грунтовые (без внешних признаков) могилы. Напомню также, что по воле упомянутого исследователя, вопреки ясному свидетельству Геродота, кочевники-будины, «поедатели сосновых шишек», жившие в глухих лесах, стали вдруг оседлыми земледельцами и скотоводами, а «выходцы из портовых эллинских городов» и явные земледельцы-гелоны, превратились в «скифоидных» ираноязычных кочевников.

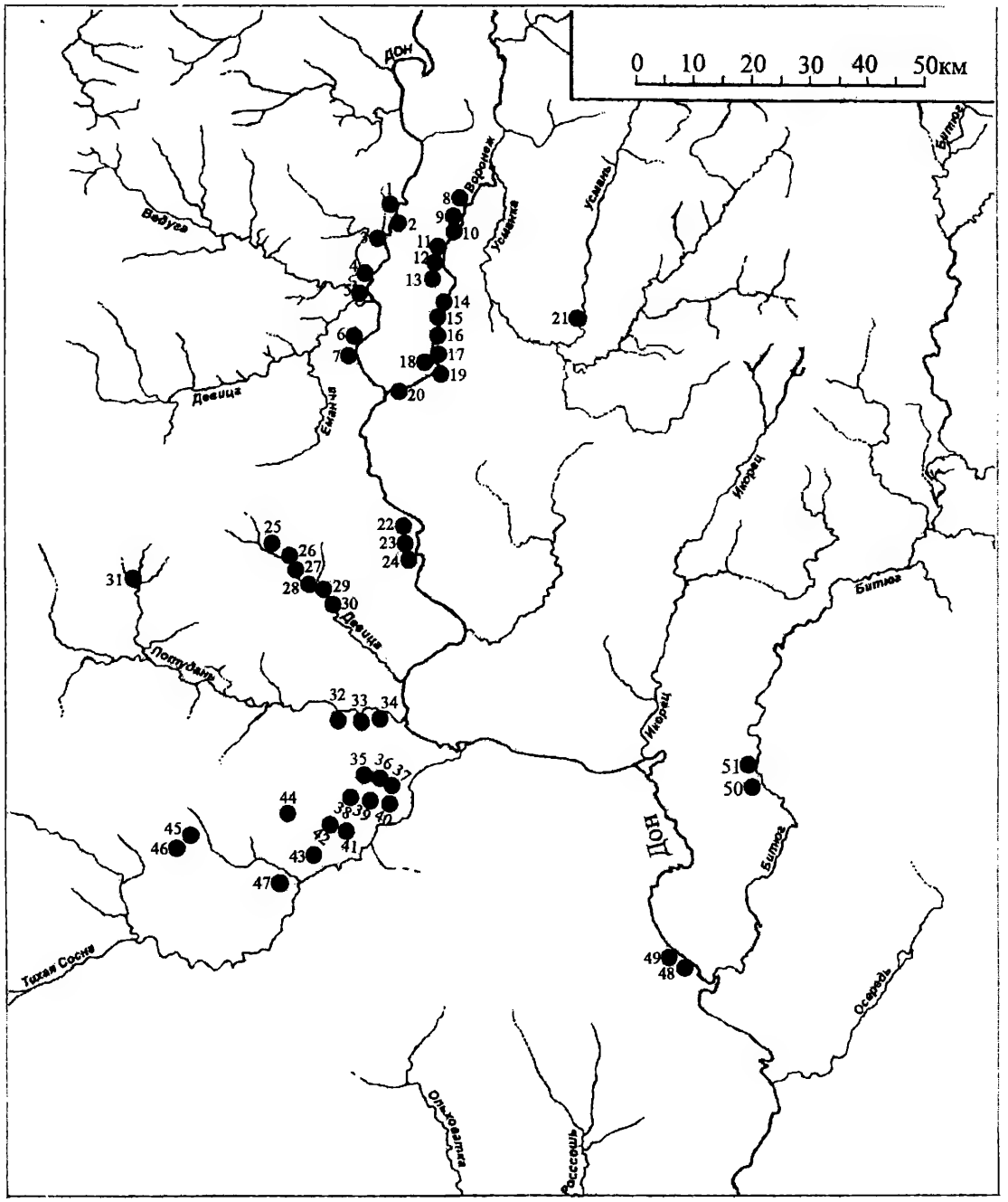


Рис. 1. Карта городищ скифского времени на территории среднего Дона.
1 – Каменка; 2 – Конь-Колодезь; 3 – Отскочное; 4 – Губарёво; 5– Семилуки; 6 – Устье I; 7 – Устье II; 8 – Сенное; 9 – Ситное; 10 – Пекшево; 11 – Ивницы; 12 – Рамонь II; 13 – Животинное; 14 – Чертовицкое II; 15 – Чертовицкое I; 16 – Белогорское; 17 – Егеревский Кордон; 18 – Михайловский Кордон; 19 – Кузнецовское; 20 – Сады; 21 – Орлово; 22 – Архангельское; 23 – Малое Сторожевое; 24 – Большое Сторожевое; 25 – Россошки I; 26 – Белая Гора I; 27 – Белая Гора II; 28 – Белая Гора III; 29 – Труфановское I; 30 – Труфановское II; 31 – Скупая Потудань; 32 – Солдатское; 33 – Мостище; 34 – Аверино; 35 – Волошино I; 36 – Волошино II; 37 – Волошино III; 38 – Волошино IV; 39 – Волошино V; 40 – Волошино VI; 41 – Шубное; 42 – Русская Тростянка; 43 – Круглое; 44 – Кировское; 45 – Верхняя Покровка I; 46 – Верхняя Покровка II; 47 – Стрелецкое; 48 – Малое Костомаровское; 49 – Большое Костомаровское; 50 – Тромбаки; 51 – Кудеярово.

Рис. 2. Архангельское городище. Вид снаружи.

Рис. 3. Архангельское городище. Вид изнутри.

Рис. 4. Большое Сторожевое городище. Внешний вал.

Рис. 5. Большое Сторожевое городище. Вид на мыс, где расположено городище.

Рис. 6. Городище Белая Гора I.

Рис. 7. Долина Дона в среднем его течении.

Рис. 8. Малое Сторожевое городище.

Рис. 9. Россошки: вид на мыс с городищем.

Рис. 10. Россошки: вид на площадку городища сверху.

Рис. 11. Россошки: раскопки больших хозяйственных ям.

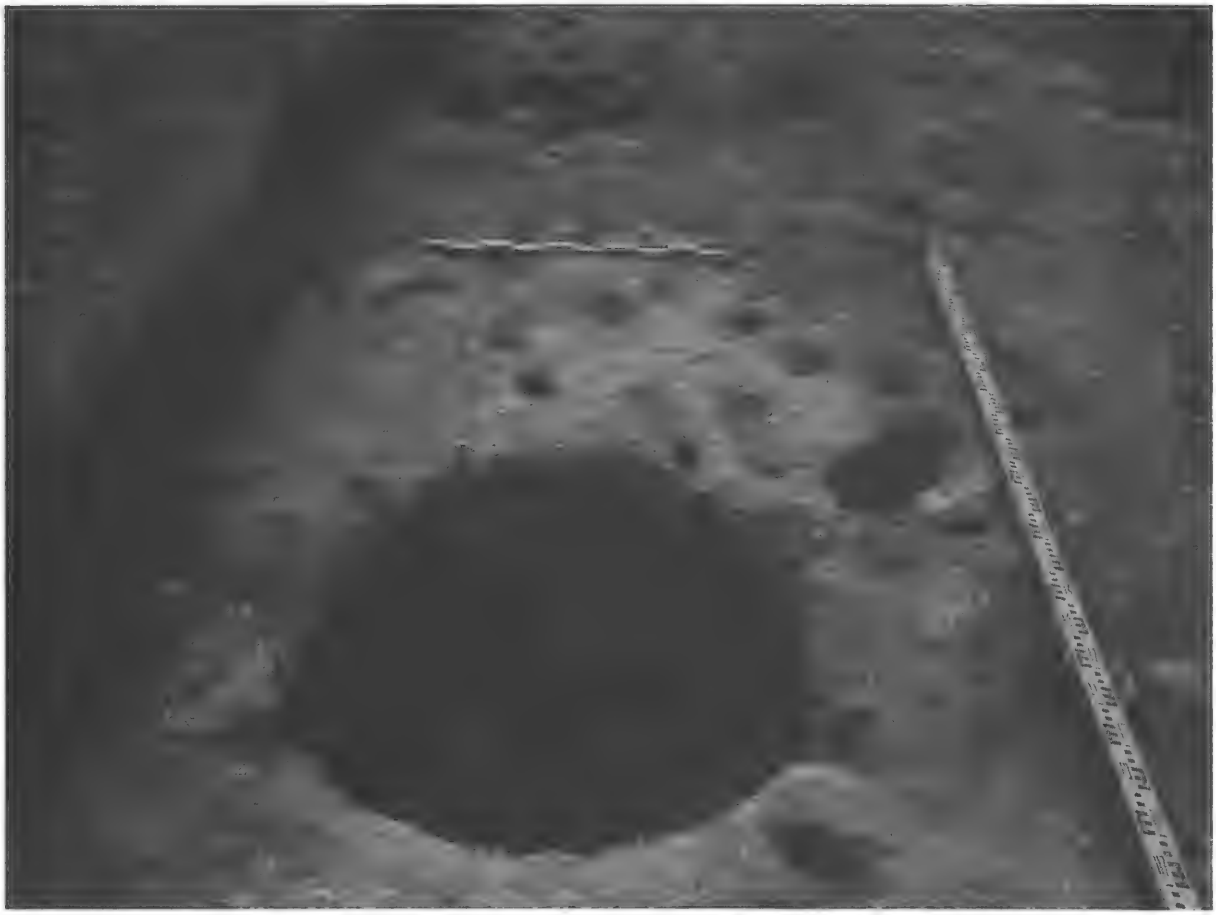


Рис. 12. Россошки: хозяйственная яма.

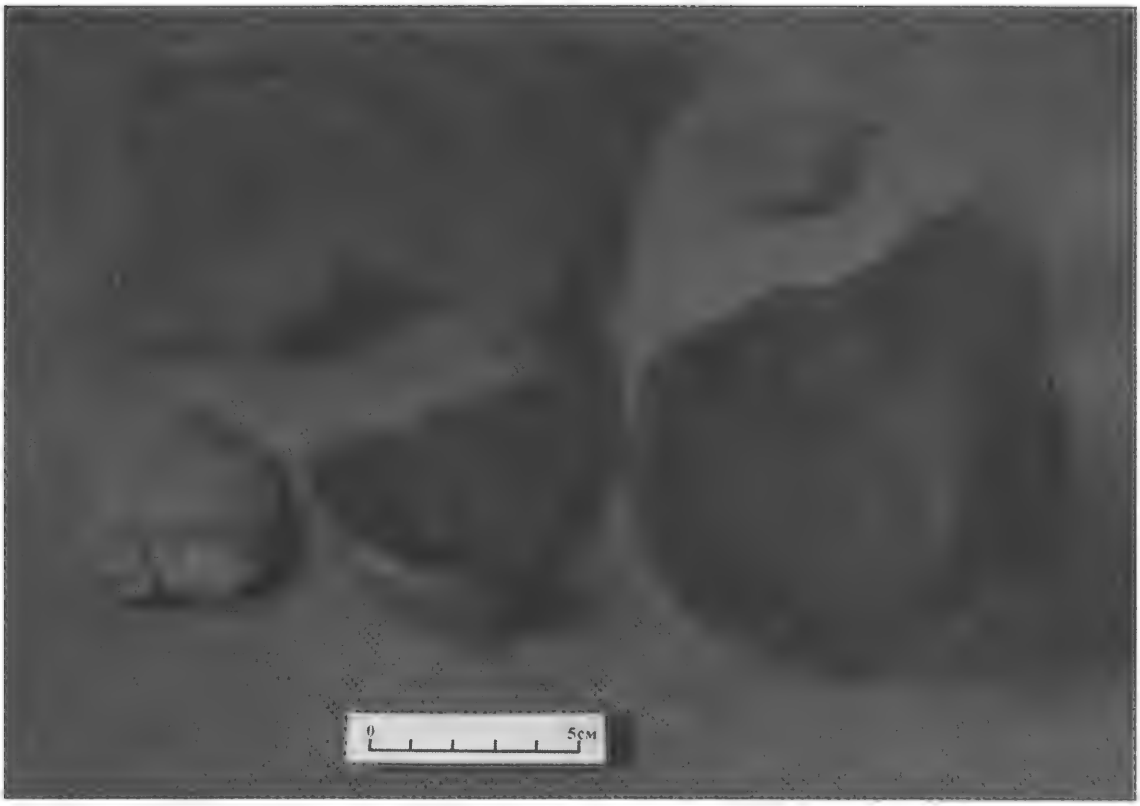


Рис. 13. Керамика с городища Россошки.

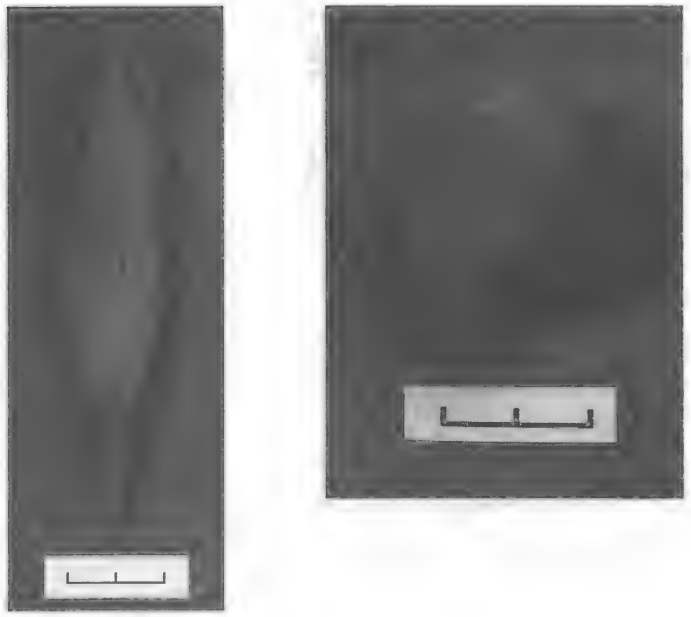


Рис. 14. Костяная проколка и глиняное пряслице с городища Россошки.

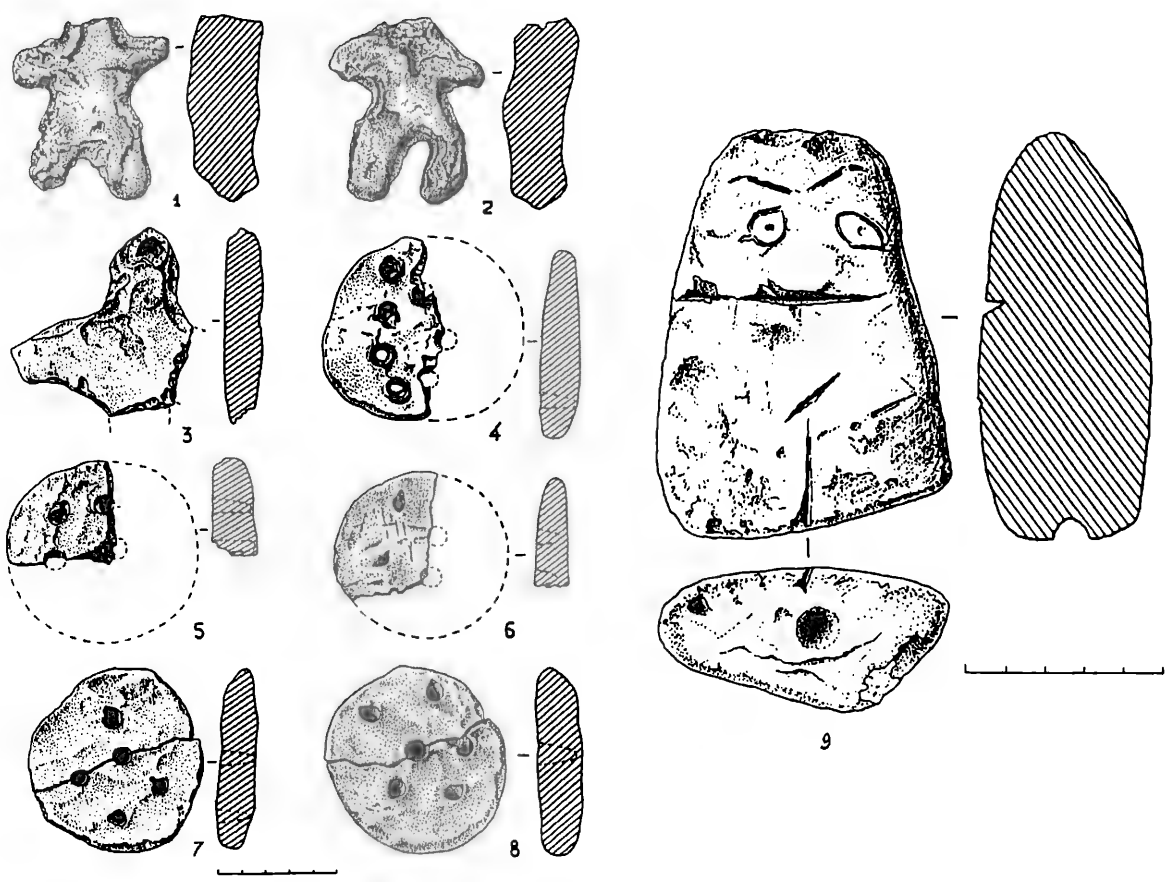


Рис. 15. Ритуальные поделки из глины и камня:
1–8 – городище Волошино I;
9 – городище у хутора Городище (Кировское): каменный идол.

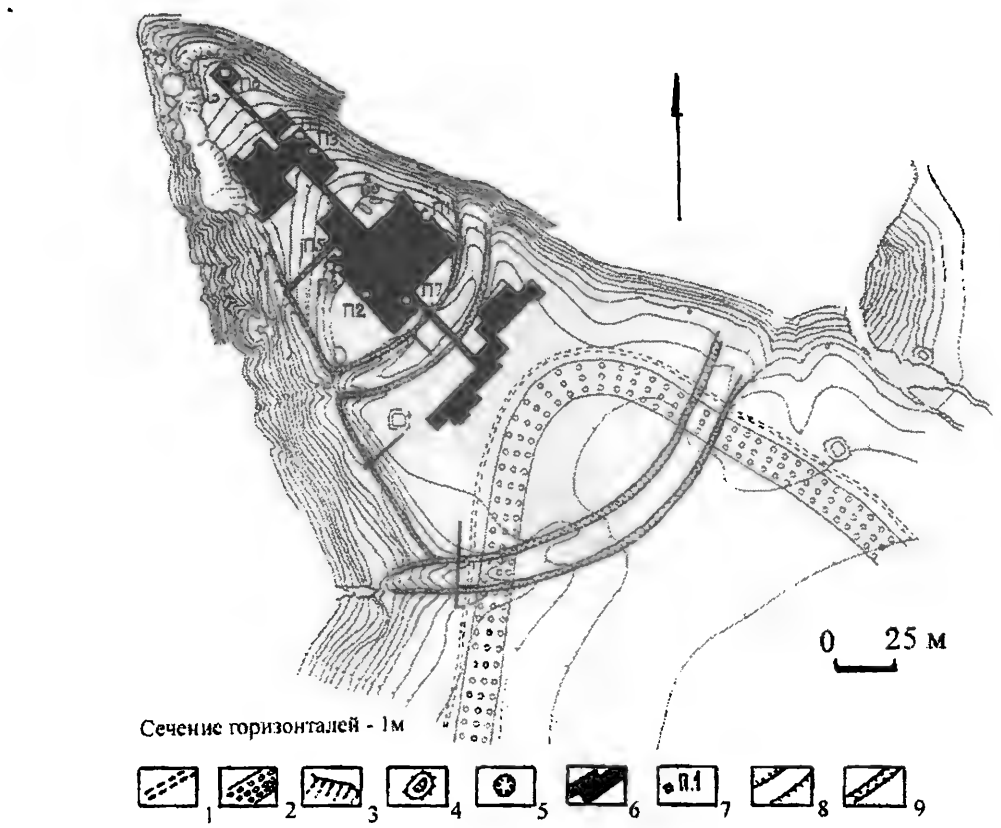


Рис. 16. План городища Мостище I с раскопами.
1 – грунтовая дорога; 2 – лесополоса; 3 – обнажение; 4, 5 – современные остатки хозяйственной и иной деятельности; 6 – раскопы; 7 – жилая постройка и ее порядковый номер; 8 – вал; 9 – ров.

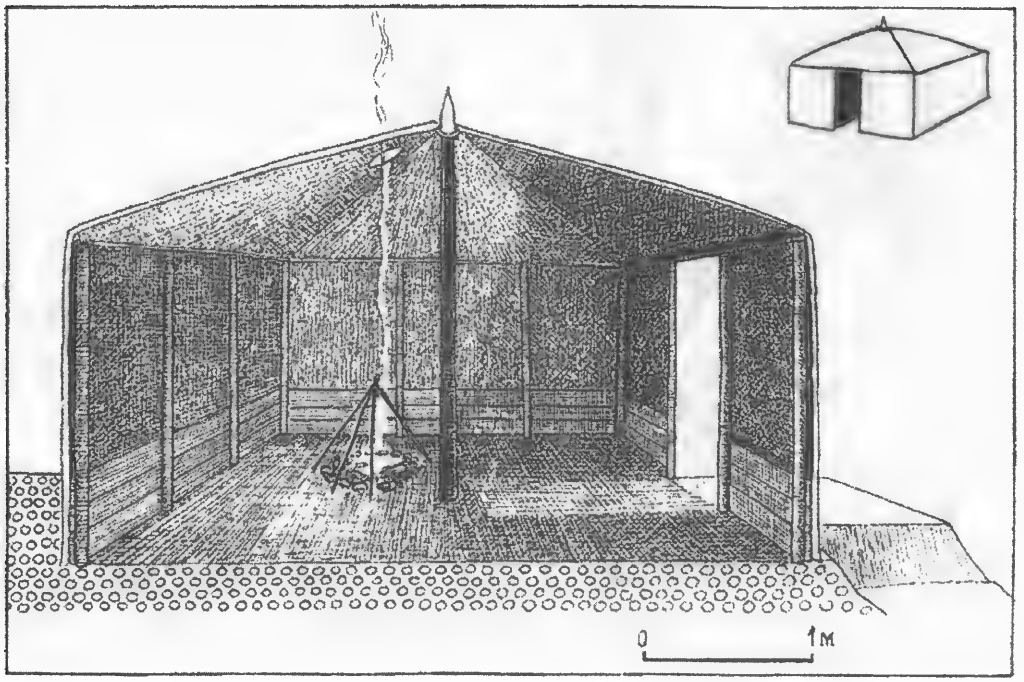
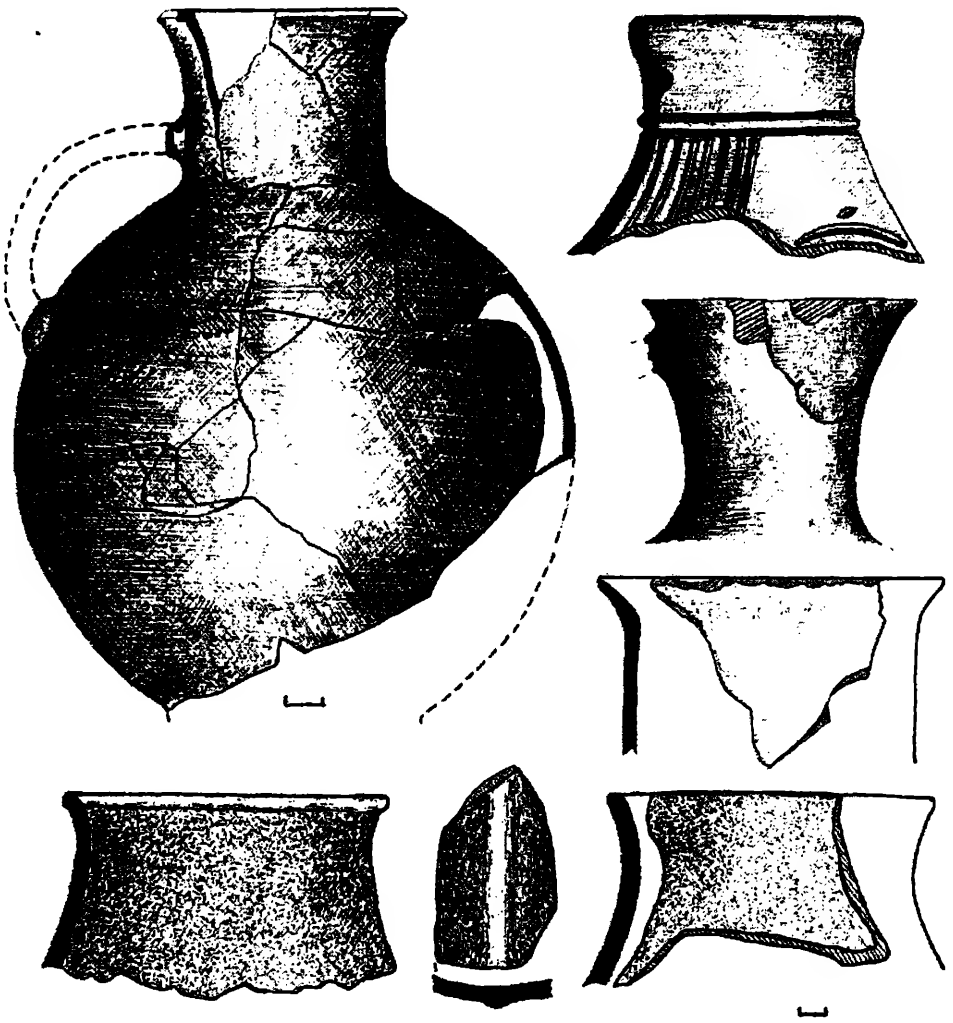
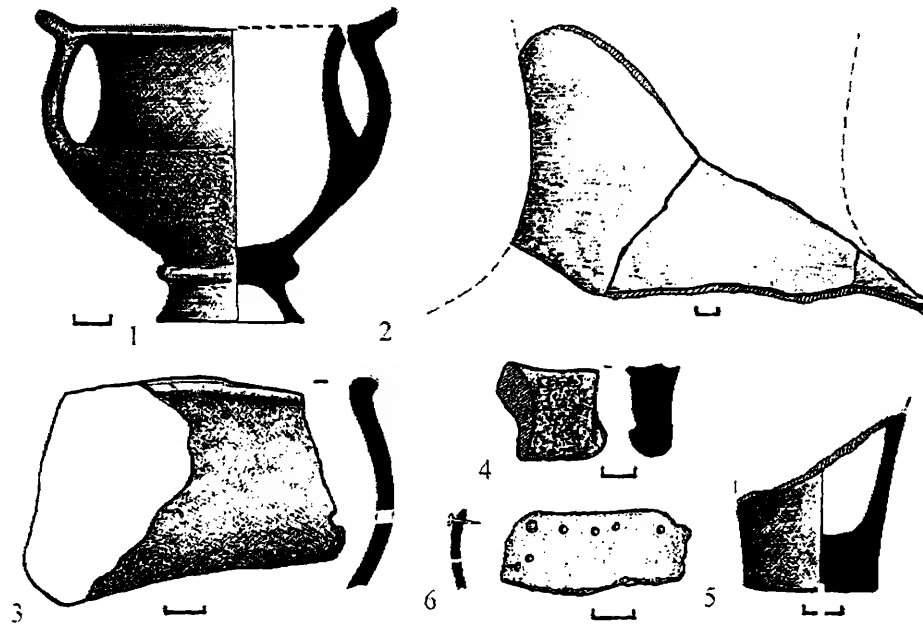


Рис. 17. Городище Мостище I, реконструкция жилища скифского времени.

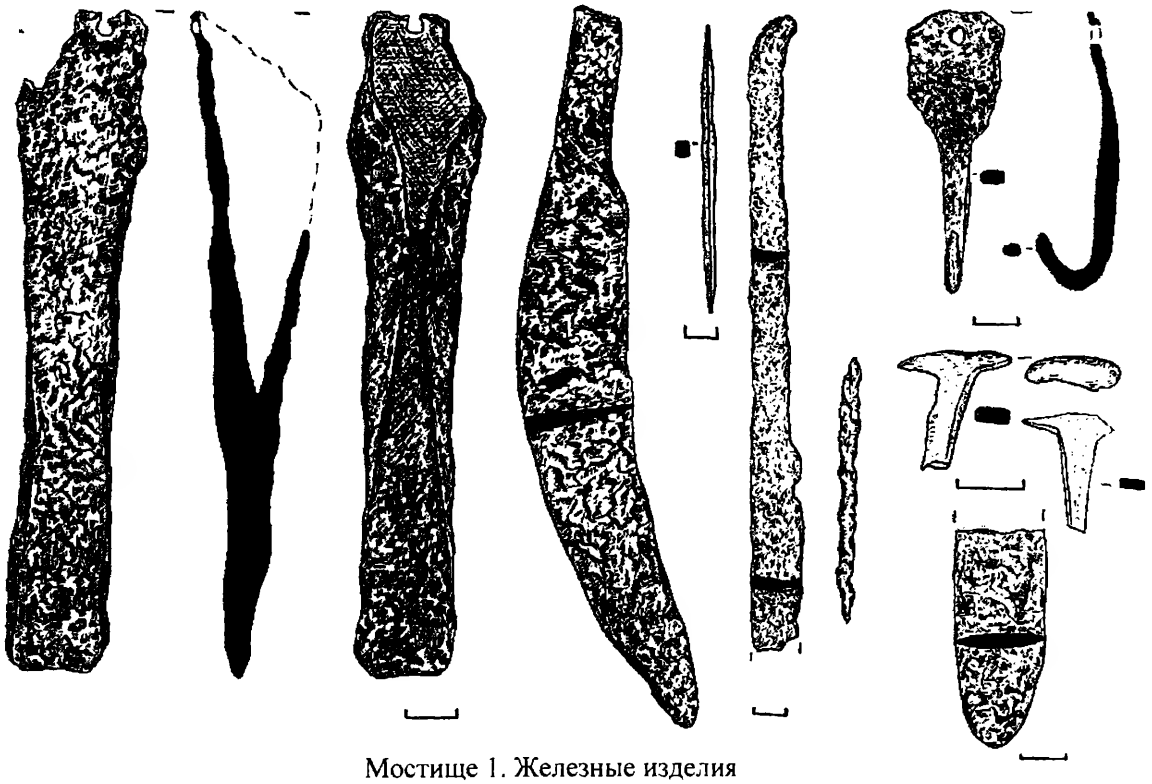


Мостище 1. Столовая посуда. Кувшины

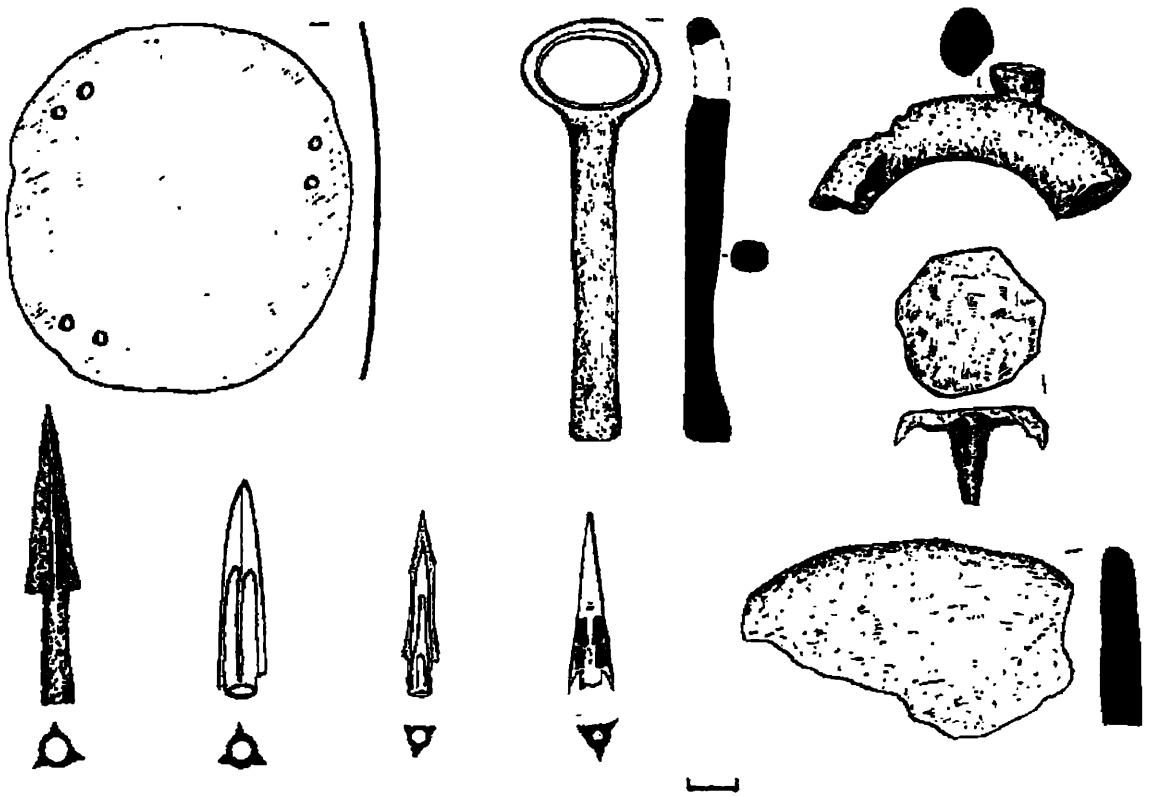


Мостище 1. Столовая (1,2), античная (3 – 5) посуда; 6 - кожа.

Рис. 18. Керамика из скифского слоя городища Мостище I.



Мостище 1. Железные изделия



Мостище 1. Бронзовые изделия

Рис. 19. Находки изделий из бронзы и железа, городище Мостище I.

Глава VI

ЗАГАДКИ ДОНСКИХ КУРГАНОВ

«Жильцы немых гробниц,
забытые в веках,
давно рассыпались
и превратились в прах».
Омар Хайям

От устья Дона-Танаиса и далеко на север, вплоть до Воронежа, тянутся обширные пространства степей. И довольно монотонные пейзажи необозримой местной равнины нарушают только темные горбы курганов – молчаливых стражей давно отшумевших эпох. Большие и совсем крохотные, высокие и низкие, задернованные, поросшие пахучими степными травами и беспощадно распахиваемые тракторными плугами уже не один десяток лет. Их пока еще достаточно много – этих земляных холмов, созданных руками человека. Русские пришли в эти края в XVII веке. Тогда и началась широкая колонизация богатейших донских земель. Естественно, что курганы («курган» – слово тюркского происхождения и означает «могильный холм») уже с этих отдаленных времен возбуждали любопытство местных жителей и служили источником появления массы слухов и легенд. Народная молва постоянно связывала их с какими-то событиями сравнительно недалекого прошлого – с татарами, поляками, французами, донскими казаками и лихими разбойниками, типа Кудеяра. Но не было согласия относительно назначения самих курганов, вернее, – для чего они насыпались. Одни говорили, что эти земляные холмы служили когда-то сторожевыми башнями. Правда, тут же возникал законный вопрос: зачем на одном месте, буквально «впритык» друг к другу строить столько сторожевых башен, хотя было бы достаточно и одной-двух. Ведь речь идет о курганных могильниках, где даже малые группы насчитывают десяток-другой курганов. Другие считали их могилами татар или казаков, а, может быть, и турок. Третьи с жаром утверждали, будто в этих искусственных холмах похоронены солдаты армии Наполеона, хотя хорошо известно, что дальше Москвы и Малоярославца французы не заходили. Но все сходились в том, что в курганах зарыты несметные сокровища.

Здесь следует пояснить одну очевидную вещь: все курганы – это древние и средневековые могилы. Первые захоронения, спрятанные «в» или «под» земляной насыпью, появились на Среднем Дону в третьем тысячелетии до нашей эры, когда сюда пришли с востока племена так называемой «ямной» культуры эпохи бронзы и когда не только золото и серебро, но и мелкие медные предметы клали в могилы очень редко.

Земляные холмы над своими покойниками продолжали насыпать и другие племена эпохи бронзы – носители культур, условно названных археологами катакомбной, абашевской и срубной. Но золота в них также не было. Каждому умершему сородичи ставили в могильную яму один-два глиняных горшка с едой и питьем (для путешествия в «мир предков»), иногда добавляя к этому орудия труда и оружие, из-

готовленные из меди и кремня, а женщинам и детям иногда еще и скромные украшения из кости, глины и раковин.

Все изменилось в скифское время, когда в V–IV веках до н.э. на среднедонскую землю пришли воинственные ираноязычные кочевники – скифы. Во-первых, многократно увеличились размеры самих курганов и усложнилось их внутреннее устройство. Во-вторых, в силу каких-то требований своей идеологии скифы обязательно должны были положить в могилу умершего соплеменника какое-то количество золота. Поэтому всех отправляющихся в «Загробный мир» положено было наделять золотыми вещами: более богатых и знатных – в виде массивных изделий из благородного металла (гривны, браслеты, серьги, пекторали – нагрудные украшения), людям победнее достаточно было только имитации роскоши, когда изделия из железа, дерева и кости обертывали тонкими листиками золотой фольги. Золотыми бляшками разных размеров и форм часто расшивались одежда, обувь и погребальный полог покойного. Не удивительно, что об этих богатствах скифских могил знали не только родственники умершего, но и все ближние и дальние соседи. Ведь для строительства просторной подземной гробницы из дерева и для создания земляного холма в несколько метров высотой требовался труд многих сотен людей. И поэтому заинтересованные лица часто могли собственными глазами видеть сколько богатств и куда именно кладется при похоронах.

Результаты столь неумеренного наделения скифских могил золотом и прочими ценностями не заставили себя долго ждать: почти все курганы скифской эпохи и в степи, и в лесостепи были ограблены еще в древности, во многих случаях почти сразу же после завершения обряда погребения, когда, как говорится, труп покойного «не успел еще остыть». И эти грабежи продолжались и позднее – вплоть до наших дней. Курганы устраивали над своими мертвецами и все последующие кочевые племена, приходившие на донскую землю – гунны, авары, печенеги, половцы, татаро-монголы. Правда, все они (за исключением довольно редких захоронений ханов, беков и прочей высшей знати) особым богатством не отличались: сабля, нож, стремена, части конской сбруи, бляхи пояса. Но, удивительное дело, и древние «искатели сокровищ» и грабители последующих эпох хорошо знали, где лежат подлинные богатства. Они не трогали погребения эпохи бронзы и Средневековья, а всю свою энергию сосредоточили лишь на опустошении курганов скифского времени. Итог этой лихорадочной активности воистину печален. После более чем ста лет раскопок на Среднем Дону археологи обнаружили здесь всего две-три неограбленных скифских могилы на примерно 250 изученных погребальных комплексов. Конечно, это не может вызывать у исследователей проблем Скифии особого энтузиазма, поскольку за прошедшие века были потеряны огромные пласты бесценной информации. Но, кажется, есть некоторые основания и для осторожного оптимизма. Дадим слово П.Д. Либерову: «Практика раскопок, – пишет он, – показывает, что исследование курганов поглощает очень много времени и труда, если не используется специальная современная техника. Этот труд не всегда приводит к ощутимым результатам, так как абсолютное большинство погребений в течение длительного времени подвергалось беспощадному ограблению кладоискателей. Однако, даже там, где исследователь не находит погребального инвентаря в той или иной мере обязательного почти для каждого погребения, то его внимание привлекает и погребальное сооружение и остатки погребального обряда, чаще всего сохраняющиеся от разрушительного воздействия времени и деятельности кладоискателей. Эти остатки имеют очень большое значение для выяснения характера жизнеобеспечения, технических достижений и уровня развития духовной жизни общества. Поэтому труд исследователя-археолога редко пропадает впустую, но приносит существенную пользу, особенно тогда, когда он производится с учетом использования ныне существующих новых методов исследования. При массовом и сплошном исследовании курганов, составляющих большую или малую группу или ряд групп, создается достаточно полное

представление не только о памятнике в целом, но и о жизни, быте, уровне культуры и идеологии людей, создавших их».[1]

Следует еще раз подчеркнуть, что курганный обряд захоронения умерших характерен именно для степных кочевых культур. В степи, с ее плоским ландшафтом высокая курганная насыпь была хорошо заметна издали и ориентировала человека в пространстве, указывая на источники воды, близость селения или места для отдыха. Наконец, курганы служили и своего рода пограничными знаками, отмечая границы владений отдельных кочевых семей, родов и племен. «Курганы, – отмечает археолог А.С. Суразаков, – всегда выступали символом связи сооружавших их людей с конкретной территорией, являясь своеобразным знаком собственности на нее («земля предков»).[2]

Рыцарь Вильгельм де Рубрук, совершивший в XIII веке путешествие из Европы в Монголию в качестве посла как раз через евразийские степи, писал в своих воспоминаниях о татаро-монголах следующее: «Они не имеют нигде постоянного местожительства и не знают, где найдут его в будущем. Они поделили между собой Скифию, которая тянется от Дуная до восхода солнца (до Дона – *В.Г.*); и всякий начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своей властью большее или меньшее количество людей, *границы своих пастбищ* (курсив мой – *В.Г.*), а также где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью. Именно зимою они спускаются к югу в более теплые страны, летом поднимаются на север в более холодные. В местах, удобных для пастбищ, но лишенных воды, они пасут стада зимою, когда там бывает снег, так как снег служит им вместо воды...».[3]

Известный отечественный археолог А.И. Тереножкин считает, что татаро-монголы, будучи, как и скифы, кочевниками-скотоводами, полностью повторили их модель обитания и жизнеобеспечения в степных и лесостепных областях Восточной Европы: то же жесткое деление пастбищ и угодий между родами и племенами, и те же сезонные миграции с севера на юг и наоборот, как это делали и скифы. Татаро-монголам не было особой надобности создавать здесь собственные курганы: многие тысячи их стояли вокруг, отражая все предшествующие кочевые культуры, особенно скифскую и сарматскую. Они просто для подтверждения права на владение данной территорией «впускали» (помещали) своих покойников в насыпи более ранних земляных холмов. И опять в действии тот же древний и незыблемый принцип: «там, где лежат кости моих предков, это моя земля».

Но вернемся к донским курганам. Все они не только в степи, но и в лесостепи (бульшая часть территории Среднего Дона) расположены обычно на возвышенных местах, над речными долинами, на холмах и водоразделах и обязательно на безлесных участках с растительностью степного типа. Обычно это группы из 30–50 и более насыпей. Они удалены от ближайших городищ на расстоянии от 2 до 8 километров.

Пространственное размещение курганов в пределах групп («кладбищ») и их соотношение с синхронными поселениями – важнейшие черты погребальной практики любого общества. Это размещение должно изучаться наряду с изучением формы захоронения, обращения с телом умершего, характером и количеством погребений и т.д. Вопрос о пространственном анализе групп курганов, размещение их в пределах созданного усилиями человека обитаемого ландшафта, до сих пор мало привлекал к себе внимание исследователей. Взаимосвязь одного поселения с каким-либо одним некрополем (курганной группой) – это лишь один пример возможных взаимосвязей, известных из этнографических и археологических источников.

Но какие именно факторы определяли местонахождение курганных могильников в окружающем ландшафте? Что решало и что мешало точному выбору места для некрополя? Какими соображениями определялось его удаление от синхронных с ним поселений и как это местонахождение было связано с характером хозяйственной деятельности и разделением земель среди местного населения? Конечно, при локализации курганных кладбищ следует помнить о топографических условиях. Однако,

главную роль играл здесь, видимо, сбалансированный учет *символического* и *функционального* факторов. Символизм погребальных мест и памятников пока обсуждался археологами лишь в самой общей форме, как, например, это сделал англичанин Колин Ренфрю в отношении европейских мегалитических гробниц, рассматривая их в качестве «территориальных маркеров (знаков)» и отражения культа предков. В нашем случае, для скифского периода, вполне очевидна роль размещения курганных могильников для установления концептуальных или физических границ между поселениями, или клановыми и племенными группами.

Итак, все скифские курганные могильники (в том числе и на Среднем Дону), устраивались только на открытых местах со степной (ковыль, полынь и др.) растительностью. Это доказывают и результаты почвенных анализов. Так известный российский географ В.В. Добровольский убедительно доказал, что раскапываемый Донской археологической экспедицией курганный некрополь (около 80 насыпей) у сёл Терновое и Колбино, в 90 км южнее Воронежа, занимает именно такой участок степного типа.[4] Да были (и даже частично есть и сейчас) на Воронежщине обширные густые леса. Но «языки» привольной причерноморской степи доходили не только до Среднего Дона, но и шли еще дальше на север, вплоть до Орла и Тулы (вспомним ковыльное Куликово поле).

И здесь перед нами возникает удивительный феномен нашей культуры. Начиная с конца XVIII века красота северопричерноморской степи буквально завораживала многие поколения русских писателей, поэтов, путешественников, военных и чиновников. Вот, например, как вдохновенно и со знанием дела воспевает «скифскую» степь выдающийся русский писатель и поэт, лауреат Нобелевской премии Иван Андреевич Бунин: «Передо мной серело пустынное поле. Один сторожевой курган стоял вдалеке и, казалось, зорко глядел на равнины... Время его, думал я, навсегда проходит: в вековом забытьи он только смутно вспоминает теперь далекое былое, прежние степи и прежних людей, души которых были роднее и ближе ему, лучше нас умели понимать его шепот, полный от века задумчивости пустыни, так много говорящей без слов о ничтожности земного существования... В южных степях каждый курган кажется молчаливым памятником какой-нибудь поэтической были...».

Здесь не должен смущать термин «сторожевой курган». Это – отнюдь не сторожевая вышка в народной молве. И.А.Бунин – прекрасный знаток не только великолепной природы степи, но и ее истории. Если даже судить только по нескольким его стихотворениям, то он великолепно различал курганы со скифскими могилами и курганы половецкие, средневековые с «каменными бабами» на вершинах. О красоте Великой Степи даже в непогожий день он писал:

«Ненастный день. Дорога прихотливо
Уходит вдаль. Кругом всё степь да степь.
Шумит трава дремотно и лениво,
Немых могил сторожевая цепь...
Безмолвна степь. Один ковыль сонливый
Шуршит, склоняясь ровной чередой...»

А вот строки о кургане скифского времени и о бесстрашном воине, лежащем в нем, видимо, павшем на поле боя во время междоусобной схватки:

«Страсть буйной мощи силясь утолить,
Он за врагом скакал как исступленный,
Чтоб дерзостью погони опьяненной,
Горячей кровью землю напоить.
Стрелою скиф его насквозь пробил,
И там, где смерть ему закрыла очи,

Восстал курган – и темный ветер ночи,
Дождем·холодных слез его кропил
Прошли века, но слава древней были
Жила в веках... Нет смерти для того,
Кто любит жизнь, и песни сохранили
Далекое наследие его...»

Необозримы степные просторы Южной России и Украины. Эта огромная равнина, с ее молчаливыми стражами – древними курганами, вдохновляла творчество многих выдающихся представителей русской литературы и поэзии конца XIX – начала XX веков – «серебряного века» российской культуры. О скифах тогда писали Александр Блок, Константин Бальмонт, Николай Гумилев, Анна Ахматова и, особенно, Валерий Яковлевич Брюсов. Он посвятил этим воинственным кочевникам два больших стихотворения – «Скифы» и «Мы – скифы». Непосредственно к скифским курганам относятся строки из последнего стихотворения:

«В курганах грузных, сидя на коне,
Среди богатств, как завещали деды,
Спят наши грозные цари: во сне
Им грезятся пиры, бои, победы».

Здесь верно подмечены две важных черты погребального обряда скифских царей: их могилы всегда сопровождались захоронениями боевых коней и богатейшим набором вещей.

К сожалению, именно эти царские курганы и стали первыми жертвами хищных грабителей. Между тем, раскопки любого кургана совсем нелегкое дело. Каждый из них – абсолютно оригинален. И приступая к раскопкам, археолог никогда не знает, что его ждет, какого времени этот земляной холм – эпохи бронзы, скифский или средневековый? Никогда не известно, сколько в данном кургане будет погребений – одно, основное, над которым и насыпан холм, или в уже существующую насыпь спускались в разное время могилы других эпох и культур. Как же во всем этом разобраться? «Для этого, – рассказывает археолог А.М. Лесков, – существует специально разработанная методика. Она предусматривает: через центр кургана проходит бровка (так археологи называют ту часть кургана, по обе стороны от которой снимается насыпь). Бровка сносится в последнюю очередь. Если надо (в зависимости от размеров кургана, многократности его досыпок, связанных с впускными погребениями), археологи оставляют несколько параллельных бровок... Бровка остается нетронутой до конца. Профили ее тщательно зачищаются. По профилям бровки археолог узнает стратиграфию, то есть порядок залегания слоев в насыпи. Так он «читает» книгу земли, рассказывающую историю создания и роста исследуемого кургана... Вот, вдруг, в черноземной бровке появляется прослойка желтого лесса – выкид материковой почвы из могилы. Чаще всего линзы выкида лежат на уровне древнего горизонта, отмечая тот слой, по которому много веков назад ходили наши предки... И если насыпь кургана снималась бульдозером или скрепером, то с сего момента в ход идут лопаты, совки, ножи и щетки: ведь на древнем горизонте могут быть следы тризны – обломки керамики, костей животных, остатки кострищ – важные детали погребального обряда...».[5]

Итак, как надо копать курганы мы теперь знаем. Обратимся теперь к самому кургану – к его конструкции и к тому религиозно-мифологическому содержанию, которое вкладывали в могильный холм его создатели.

Типичный скифский курган, независимо от того, принадлежал ли он знатному лицу или рядовому общиннику, имел всегда одни и те же конструктивные особенности. Прежде всего, это насыпь овальной или полусферической формы (у рядовых курганов – 1–2 м высотой, у элитных – до 20 м, как, например, у «пятерки» гига-

нтов – Чертомлык, Солоха, Огуз, Александрополь и нераскопанная Нечаева могила), культовый кольцевой ровик вокруг насыпи, уложенный вокруг могилы кольцом или полуовалом выкид желтой материковой глины, сама могила (яма с деревянными конструкциями или катакомба – у степных скифов с конца V в. и в IV в. до н.э.). Там, где это удалось проследить, ученые установили, что насыпи курганов у скифов не насыпались, а «строились» из аккуратно уложенных дерновых «кирпичей» – пластов дерна более или менее одинакового размера. Дерн для малых курганов нарезался в непосредственной близости от погребального сооружения, а для элитных гигантов – на некотором, иногда довольно значительном удалении. Украинские археологи недавно установили, что при сооружении «царского» кургана Чертомлык (высота 19 м) были использованы пластины дерна размером 15×25 см. В 1 м^3 грунта насыпи здесь содержится около 270 таких плиток, для получения которых снимался дерн на площади в 10 м^2. Таким образом, выясняется, что для сооружения всей насыпи Чертомлыка (ее объем определен в 75000 м^3) потребовалось снятие дерна на площади в 75 га. Есть и другие расчеты: в 35 га, в 37,5 га.[6] Тем не менее, ясно, что это была значительная и трудоемкая работа на площади в десятки гектаров вокруг будущего гигантского сооружения. Для нас важно другое. Сейчас уже вполне очевидно, что в Северном Причерноморье дерн использовался для строительства скифских курганов как в степи, так и лесостепи (включая Средний Дон). В этих областях черноземы различного типа занимают основные площади. На черноземной почве произрастает обильная травяная растительность, образующая прочный и толстый дерн. Вероятно, из дерновых «кирпичей» возводились все скифские курганы, но далеко не везде это прослежено и зафиксировано. Дело в том, что дерновая структура грунта сохраняется лишь в курганах высотой около метра и выше. Между тем, именно черноземы, на которых и стоят как правило курганы, интенсивно распахиваются под посевы уже многие десятилетия.

Следующий важнейший конструктивный элемент скифского кургана – культовый кольцевой ровик вокруг насыпи. «Ограничение подкурганного пространства сакральным кругом в виде рва, – отмечают украинские исследователи Б.Н. Мозолевский и С.В. Полин, – призвано оградить живых от вредоносного влияния покойника, либо табуировать место захоронения и разграничить мир живых и мир мертвых».[7] Эти же ученые подсчитали, что только 25% раскопанных скифских курганов имели такие ровики. В чем же причина? В некоторых случаях, в погребальных комплексах высшей скифской знати (Чертомлык, Гайманова Могила, Бердянский курган) кольцевые ровики не сооружались изначально. Почему? Нам это пока не известно. Однако, в большинстве своем, такие ровики когда-то были, но археологи их не прослеживали по двум причинам: из-за несовершенства методики раскопок в старые времена (XIX – первая треть XX вв.) и из-за того, что в результате многолетней распашки курганных полей кольцевые ровики попросту исчезают, если только они не были вырыты до материковой глины (а это – не частый случай). И все же не приходится сомневаться в том, что культовые кольцевые ровики – важнейшая и характернейшая черта погребальных памятников скифов. Вместе с тем не вызывает сомнения и чисто утилитарное использование некоторых из них для получения земли при устройстве насыпи. Есть предположение, что в ряде случаев часть рвов могла выполнять роль своеобразной дренажной системы в период сильных дождей. Ровик опоясывал курганную насыпь по периметру и способствовал лучшей сохранности всего кургана в целом.

Рвы отражали также в известной степени и уровень социальной дифференциации скифского общества, что хорошо иллюстрируют курганы скифской знати IV в. до н.э. Лидирующее положение среди них занимает Огуз. Диаметр его рва составляет 123 м. Далее следует Желтокаменка – 90 м, Бабина Могила – 72,5 м, Водяна Могила – 64 м и др. У рядовых курганов такой ровик имеет обычно диаметр от 10 до 15 метров. Украинские (Махортых С. и Грицюк В.) и немецкие (Ролле Р.) ученые уста-

новили, что общие затраты труда на сооружение таких кольцевых ровиков в 5–10 раз превышают трудозатраты на строительство самой могилы-гробницы.[8]

Важно отметить и еще одну деталь. Все культовые кольцевые ровики имели проходы-перемычки (один или два), с западной и (или) с восточной стороны. По-видимому, именно с устройства кольцевого ровика и начиналось сооружение кургана. Тем самым будущая обитель мертвых отделялась магическим кругом от мира живых и создавалась система координат для дальнейшей планировки подкурганного пространства. Вероятно, при предварительной разметке кургана применялся примитивный циркуль – веревка с колышком. При этом, прежде всего, намечался центр кургана, контур рва и проходы (проход) в нем, место сооружения могилы-гробницы. После разметки производилось реальное (и ритуальное) очищение подкурганной площадки – сожжение травы и т.д.

Следующий обязательный элемент – укладка кольцевым валом вокруг могилы, полученной при ее рытье желтой материковой глины. В этом «валу» также оставляли проход – для доступа к гробнице либо в створе с проходом в кольцевом ровике, либо в другой стороне. Это – вторая зримая преграда на пути к «святая святых», самому захоронению.[9]

И, наконец, сооружалась сама могила-гробница самых различных размеров и форм, в зависимости от времени и места, а также от социального статуса умершего. Оригинальную систему определения трудовых затрат при возведении кургана и сопровождающих его элементов разработали украинские археологи. «По подсчетам костей животных, найденных в тризне (в культовом кольцевом ровике и на прилегающей к нему площадке – *В.Г.*) кургана Толстая Могила, установлено, что здесь на поминальном пиршестве было съедено 6500 кг мяса, чего при максимальной среднесуточной норме потребления, известной по этнографическим источникам, хватило бы на 1300 человек. Поскольку была исследована приблизительно половина остатков тризны, действительное число ее участников могло достигать 2500–3000 человек. Б.Н. Мозолевский считал число участников тризны примерно равным количеству людей, принимавших участие в сооружении кургана. На этой основе было рассчитано время, затраченное на возведение Толстой Могилы, первоначальный объем которой, по его подсчетам, достигал 12 тыс. м^3. Грузоподъемность скифской повозки с воловой упряжкой на основе данных В.О. Витта определена в 0,5 т. При двух ходках в день одной повозки, при участии ежедневно в строительстве кургана 1500–3000 человек курган мог быть сооружен за 4–8 дней.[10]

На такой же основе подсчитаны трудовые затраты для сооружения насыпи малого скифского кургана № 15, исследованного у г. Орджоникидзе в 1998 г. В древности его высота составляла 1,5–2 м, диаметр 18 м. По костям животных, найденным во рву кургана, подсчитаны вес мяса, съеденного при отправлении тризны, составивший 520 кг, м вероятное число участников тризны – людей, при норме потребления 3–5 кг, должно быть около 140 человек. Объем насыпи кургана составлял от 60 до 115 м^3 (учитывая разрушение распашкой), объем погребенного чернозема, снятого вокруг подкурганной площадки – около 40 м^3, объем грунта, вынутого из кольцевого рва – около 55 м^3, погребальной катакомбы – около 34 м^3. Общий объем земляных работ на этом кургане определяется в пределах от 190 до 234 м^3 выкопанного и перемещенного грунта. Продолжительность выполнения всех этих операций, учитывая их определенную технологическую последовательность и сопровождающие ритуалы, вполне укладывается в неделю-полторы.[11] В Скифии в VII–V вв. до н.э., как в степной ее части, так и в лесостепи, сооружались дерево-земляные гробницы в глубоких ямах. В IV в. до н.э. в причерноморской степи получил распространение (и у знати и у основной массы населения) обычай хоронить мертвых не в ямах, а в катакомбах, в то время как в лесостепи сохранился старый обряд погребения в ямах с деревянными конструкциями. Убедительных объяснений этому феномену в современной скифологии пока не существует.

От разбора конструктивных особенностей самого кургана переходим к характеристике скифского погребального обряда. И наш рассказ будет посвящен как материальным остаткам такой обрядности, находимым археологами, так и вероятной реконструкции того религиозно-мифологического смысла, который вкладывали в курган его строители – сами скифы. И здесь, наряду с данными археологии, большую помощь оказывают нам свидетельства индо-арийской, индо-иранской, древнеиранской мифологии, а также работы античных авторов (прежде всего – Геродота) с описаниями погребальных традиций ираноязычных кочевников Евразии I тыс. до н.э. Полезны здесь и этнографические параллели с кочевыми обществами Средних веков.

На протяжении последних полутора столетий, с тех пор как ученые начали копать грандиозные курганы высшей скифской знати (вспомним, что И.Е. Забелин раскапывал Чертомлык в 1862–1863 годах), их настольной книгой стал тот раздел эпохального труда Геродота, где говорится о похоронах скифского царя. Вряд ли сам этот необыкновенный путешественник и историк присутствовал при столь торжественном, но закрытом для посторонних глаз ритуале. Наверняка он получил соответствующие сведения, находясь в Ольвии в Северном Причерноморье, от какого-то знающего информатора, скорее всего, скифа, а не грека. Привожу этот эпизод из IV книги «отца истории», учитывая его важность, целиком, без сокращений:

«... Когда у скифов умирает царь, то там вырывают большую четырехугольную яму. Приготовив яму, тело поднимают на телегу, покрывают воском; потом разрезают желудок покойного; затем очищают его и наполняют толченым кипером, благовониями и семенами сельдерея и аниса. Потом желудок снова зашивают и везут на телеге к другому племени. Жители каждой области, куда привозят тело царя, при этом поступают так же, как и царские скифы. Они отрезают кусок своего уха, обстригают в кружок волосы на голове, делают кругом надрез на руке, расцарапывают лоб и нос и прокалывают левую руку стрелами. Затем отсюда везут покойника на повозке в другую область своего царства. Сопровождают тело те, к кому оно было привезено раньше. После объезда всех областей они прибывают в Герры к племенам, живущим в самых отдаленных пределах страны, и к царским могилам. Там тело на соломенных подстилках опускают в могилу, по обеим сторонам втыкают в землю копья, а сверху настилают доски и покрывают их камышовыми циновками. В остальном обширном пространстве могилы погребают одну из наложниц царя, предварительно задушив ее, а также виночерпия, повара, конюха, телохранителя, вестника, коней, первенцев всяких других домашних животных, а также кладут золотые чаши (серебряных и медных сосудов скифы для этого вовсе не употребляют). После этого все вместе насыпают над могилой большой холм, причем наперерыв стараются сделать его как можно выше... (Геродот, IV, 71). ... Так скифы погребают своих царей. Когда же умирают все прочие скифы, то ближайшие родственники кладут тело на повозку и возят по всей округе к друзьям. Все друзья принимают покойника и устраивают сопровождающим угощение, причем приносят и покойнику отведать тех же яств, что и остальным. Простых людей везут таким образом по округе сорок дней, а затем предают погребению...» (Геродот, IV, 73).

Из данного свидетельства можно заключить, что и самые знатные из скифов, и их рядовые соплеменники погребались примерно по одному и тому же обряду. Разница лишь в размерах погребальных сооружений и количестве и качестве сопровождающих умершего вещей. Другой важный момент состоит в том, что покойника не спешили закрыть «мать-сырой землей», а возили 40 дней, дабы с ним могли проститься друзья и близкие. Но очевидно и другое: для того, чтобы сохранить на столь длительное время в условиях довольно теплого местного климата труп, его надо было (как и в случае с царем) бальзамировать. То, что этой процедуре подвергались, видимо, все умершие, косвенно доказывают многочисленные примеры из родственной скифам пазырыкской культуры на Алтае. Там, благодаря мерзлоте, ледяным напластовани-

ям в гробницах под курганами, сохранилось много набальзамированных тел – представителей всех слоев общества.[12] Естественно, что в природно-климатических условиях Северного Причерноморья такие мумии уцелеть не могли.

В целом, сведения Геродота находят подтверждение и в археологических реалиях, полученных при раскопках «царских» курганов Скифии на юге России и на Украине: Чертомлык, Солоха, Куль-Оба, Толстая и Гайманова могилы, Мелитопольский курган, Пятибратний курган № 8, Александропольский и Большой Рыжановский курганы, и др. Но остается еще много неясного. Обратимся теперь к тем чертам скифского погребального обряда, о которых античные авторы умалчивают и которые можно воссоздать частично на основе данных археологии.

Погребальный обряд – это совокупность ритуально-практических действий, совершаемых с целью захоронения умершего в соответствии с господствующими в данном обществе религиозно-мифологическими нормами. В результате совершения погребального обряда появляется погребальный комплекс – сложный физический объект, включающий в себя: тело умершего, погребальное сооружение, ряд других элементов (напутственная пища и питье, жертвоприношения, поминальные пиры или тризны и т.д.). Под воздействием природных сил (как-никак, прошло 2500–2400 лет) и, особенно, человеческого фактора, погребальные комплексы деформируются и превращаются в погребальные памятники. Именно их и изучают археологи, и именно они составляют наш главный источник для воссоздания идеологического, социального и этнокультурного аспектов погребального обряда.

Правда, изучение курганных захоронений скифской эпохи наталкивается на одно существенное негативное обстоятельство – почти все они подверглись частичному или полному ограблению в древности, Средневековье или в наши дни. Кроме того, сами «могильные насыпи», как правило, сильно деформированы и даже уничтожены до основания в результате многолетней тракторной распашки.

Тем не менее, археологам в любом случае достаются такие материальные воплощения погребального обряда, как:

а) курганная насыпь (ее структура и компоненты);

б) кольцевой культовый ровик;

в) кольцевой материковый выкид вокруг могилы;

г) погребальное сооружение (могильная яма, деревянная или каменная гробница и др.);

д) напутственная пища;

е) следы тризны и жертвоприношений;

ж) сопровождающие покойников предметы (точнее, какая-то их уцелевшая часть).

Основные конструктивные и материальные элементы скифских курганов, постоянно повторяющиеся и в рядовых, и в элитных захоронениях, таковы: насыпь конической или полусферической формы, сложенная в основе своей, как правило, из пластов дерна; культовый кольцевой ровик вокруг курганного холма с одним или двумя проходами-перемычками, обычно с западной и (или) восточной стороны; кольцевой выкид желтой материковой глины вокруг могилы или входной ямы в катакомбу; наличие в могиле напутственной пищи (в основном, это части туши лошади, реже овцы и всегда с железным ножом); следы поминальных пиров-тризн на древней дневной поверхности в разных слоях насыпи (по мере ее сооружения) и, в кольцевом ровике, особенно, возле проходов-перемычек (следы тризн представлены обычно костями животных и обломками керамики – греческой, амфорной и местной, лепной); наличие в погребениях скифской знати захоронений (но в отдельных могильных ямах) нескольких лошадей в полном снаряжении (от двух до одиннадцати, как в Мелитопольском кургане и в Чертомлыке), а в рядовых курганах либо одного коня, либо его имитации в виде набора сбруи (удила, псалии, налобники, наносники, нащечники и т.д.); важная роль огня в погребальном ритуале

(«очищение» огнем подкурганной площадки, частичное сожжение деревянных деталей гробниц и т.д.).

Что касается сопровождающего покойника набора вещей, то здесь следует отметить обязательное помещение в мужские могилы какого-либо вида оружия (у простых скифов обычно это колчан со стрелами, копье, дротик, пращевые камни; у знати и воинов-дружинников – полный набор наступательного оружия и доспехов – железных «чешуйчатых» панцирей, местных – с «панцирным» покрытием и бронзовых греческих шлемов, щитов и греческих поножей из тонкой бронзы, мечей, копий, дротиков, боевых топоров, луков и стрел). В ряде значимых по статусу погребений присутствуют бронзовые литые котлы на конической ножке-подставке и с вертикальными ручками по краю венчика. Там же нередко встречаются ритуальные деревянные чаши с золотыми обкладками, серебряные шаровидные кубки и ритоны. Налицо и особая роль золота в погребальном ритуале скифов. Не только захоронения высшей знати, буквально напичканные изделиями из золота и серебра, но и многие рядовые покойники сопровождаются перед «путешествием» в «Загробный мир» предметами из дерева, железа, кожи, обернутыми тонкой золотой фольгой, одно-двумя мелкими золотыми вещицами из золотой проволоки (серьга, браслет и т.д.).[13]

По мнению большинства современных ученых, скифский курган – это своеобразная микромодель Вселенной, как ее представляли ираноязычные кочевники в эпоху древности. Насыпь наглядно олицетворяла собой «Мировую Гору», «Верхний Мир» (мир богов, небесно-воздушная сфера); древняя подкурганная поверхность – «Средний Мир» (мир людей и всех прочих живых существ, кроме хищников, змей и рыб); и, наконец, все, что лежало ниже дневной поверхности и, особенно, погребальная камера – это «Нижний Мир», царство мертвецов и богов Подземного мира.[14] Как уже отмечалось выше, кольцевой ровик вокруг кургана как бы зримо отделял мир живых от мира мертвых. Эталонный скифский погребальный комплекс, его идеальная модель, в плане представляет собой систему концентрических замкнутых и незамкнутых окружностей, делящих подкурганное и околокурганное пространство на несколько кольцевых зон. Разграничителями этих зон по горизонтали выступают кольцевой ровик, граница самой насыпи, кольцо материковой глины-выкида вокруг могилы. Все упомянутые «разграничители» служили хорошо заметными **физическими** преградами, затруднявшими доступ к центру «сакрального круга» – к могиле-гробнице.

Отечественный археолог В.С. Ольховский (к сожалению, безвременно ушедший от нас в 2003 году, не дожив и до 50 лет), обобщив все виды доступных ему источников, выдвинул вполне обоснованную гипотезу о наличии у скифов представления о «посмертном путешествии» в «Загробный мир» мифического героя, путь которого повторяли все умершие. Ученый предложил считать перечисленные выше **физические** преграды на пути к могиле в качестве зримого воплощения преград **мифологических**, которые и преодолевал на пути в «царство предков» мифологический герой и, соответственно, умерший.

Прежде всего, существенной преградой был кольцевой ровик, наполнявшийся во время дождей водой. Он символизировал реку или иной водный источник, пропасть, ущелье, и после преодоления его по узкому «мостику»-перемычке герой вступал в «зону смерти». Судя по древнеиранской мифологии, это было очень опасное препятствие. Герой преодолевал его верхом на коне, хотя конь при этом часто погибал. Видимо, не случайно основные скопления остатков тризны в виде амфорных черепков и костей животных (среди которых абсолютно преобладают кости лошади) встречаются в ровиках как раз возле проходов-перемычек. Далее, через разрыв в кольце материкового выкида (вторая преграда) умершего подносили к могиле и опускали его вниз, что имитировало спуск в «Подземный мир». «Посмертное путешествие» в 40 дней упоминает для трупа скифского царя Геродот. «Мотив трудного и опасного путешествия умершего, либо героя в Потусторонний мир, – отмечает В.С. Ольховс-

кий, – универсален; разные его варианты обнаруживаются почти во всех мифологиях Старого и Нового Света... Учет прежде всего индоиранских, индоарийских и сармато-алано-осетинских параллелей дает возможность в общих чертах реконструировать предполагаемый «последний путь» покойного в контексте скифских религиозно-мифологических представлений: ... 40-дневное посмертное путешествие царя (и всякого умершего) по его владениям с прибытием, в конечном счете, к границе (мифологической) между миром живых и миром мертвых, а реальной такой точкой мог быть только погребальный комплекс – курган, где умерший проходил через особо опасные испытания и, вероятно, меняя свой статус, нисходя в могилу и отправляясь в «царство предков»...».[15]

Размещение погребальной камеры, в большинстве случаев, ниже уровня поверхности земли, оборудование ее как жилого помещения (даже с напутственной пищей и питьем) свидетельствует о принадлежности гробницы к «Нижнему миру» – миру смерти, где какое-то время должно было находиться тело умершего, возможно, до момента его возрождения или перерождения (реинкарнации). «Таким образом, – подчеркивает В.С. Ольховский, – есть основания предполагать, что обычай многодневной перевозки тела к месту захоронения, а затем помещение его в могилу в семантическом плане соответствует путешествию покойника из «этого мира» в «тот», из мира живых в подземный мир мертвых».

Украинские исследователи Б.Н. Мозолевский и С.В. Полин, на основе многочисленных наблюдений реальных археологических объектов, пришли к выводу, что дерновые «кирпичи» использовались при сооружении практически **всех скифских курганов** – больших и малых. Они считают также, что этнокультурной чертой скифского погребального обряда служит напутственная пища в виде частей туши лошади (реже, овцы) обязательно с железным ножом с костяной рукояткой. Отмечают они и то, что у всех ираноязычных кочевых племен (включая скифов), согласно их мифологии, важную роль в «посмертном путешествии» мифического героя играл конь. Именно он совершал перемещение героя (и умершего) из мира живых в мир мертвых. И, поэтому, именно конь занимал столь заметное место в погребальном ритуале скифов: напутственная пища в виде конского мяса, захоронения коней возле могилы хозяина или имитация такого захоронения в виде одного или нескольких уздечных наборов, кости лошадей у проходов-перемычек в кольцевом ровике – на границе мира живых и мира мертвых – следы поминальных трапез в честь умершего.[16]

Не менее важен и другой факт. По всем имеющимся данным (палеоботаника, палеозоология), есть основания предполагать, что в скифское время захоронения и строительство курганов производилось только в теплое время года. «Пока неизвестно, всех ли хоронили в определенные сезоны года или только знатных, но... весна–осень могли быть общепринятым временем захоронения для всех представителей скифского общества, поскольку такая периодичность захоронений очень точно соответствует жизненному циклу скотоводов. Зима и ранняя весна для степных скотоводов были тяжелейшим периодом, который в неблагоприятные годы, нередкие для скотоводческого типа хозяйства, переживали далеко не все. По-видимому, возможность захоронения только в определенное время года обусловила необходимость бальзамирования тел умерших с целью предохранения их разложения до момента захоронения...» (Мозолевский Б.Н., Полин С.В., 2005).[17]

Таким образом, не только обязательные 40 дней от момента смерти индивида до его похорон, согласно скифской традиции, но и необходимость сохранения трупа человека, умершего «не в сезон», требовали выработки обязательных приемов бальзамирования и консервации. Но в природно-климатических условиях Северного Причерноморья мумии долго сохраняться не могли, максимальный срок их нормального состояния не превышал нескольких месяцев. И этого, видимо, было достаточно для того, чтобы сохранить тело умершего до окончательных похорон уже «в сезон». Кстати, зимой, при промерзшей почве, скифы просто не могли со своими

землеройными орудиями проводить какие-либо серьезные земляные работы (деревянные колья и лопаты, узкие железные орудия типа пешни и т.д.). От Геродота нам известно, что скифы бальзамировали своих царей с помощью воска, трав и благовоний – рубленого купера, ладана, семян сельдерея и аниса. Но все эти растения в комплексе встречаются только в Иране и Курдистане, т.е. в Передней Азии, куда скифы совершали свои опустошительные походы в VII – начале VI вв. до н.э. Проверить достоверность рецепта бальзамирования, изложенного Геродотом, у нас нет никаких возможностей. Однако, мумии, со всеми приемами их бальзамирования, есть в «ледяных» гробницах V–IV вв. до н.э. пазырыкской культуры Горного Алтая. Как пишет Н.В. Полосьмак, «в среде пазырыкцев широко практиковалась искусственная мумификация тел умерших, охватывавшая, вероятно, основную часть населения. До наших дней дошли только те из них, чьи мумии волею обстоятельств оказались замороженными». Выяснилось, что если для сохранения тел знатных лиц применялись дорогие привозные виды смол (даммар и шеллак) из тропических стран, то для основной массы пазырыкских мертвецов широко использовалась ртуть.[18] Следовательно, пока можно констатировать, что скифы должны были до окончательных похорон хранить труп покойника (от 40 дней до нескольких месяцев), но какие меры они для этого предпринимали (рецепт бальзамирования), остается для нас неизвестным.

И, наконец, пора развеять миф о ничтожном количестве скифских курганов вообще и о количестве таковых на Донской земле. Никто не будет отрицать того печального факта, что тяжелая поступь индустриальной цивилизации нанесла тяжелый удар по нашему курганному наследию. Быстрое уничтожение курганов, особенно малых, в 1–2 м высотой в результате пахоты – факт несомненный. «Простояв века и тысячелетия на целинных степях неприкосновенными, за последнее столетие, под влиянием быстрого заселения края и ежегодно увеличивающихся запашек они быстро уменьшаются в размерах, и так же быстро на наших глазах под постоянным действием плуга, как быстро тает зимний снег от теплого весеннего ветра. Исчезающие курганы составляют большинство наших курганных некрополей, вероятно, они скоро исчезнут с лица земли, и наука навсегда лишится материала для своих исследований и выводов».[19] Это написал в конце XIX столетия русский ученый Г.Л. Скадовский. Но тогда степи только начинали распахивать, да и то простыми плугами на животной тяге. Что же говорить о нынешних временах, когда сплошная распашка степей с помощью мощных тракторов ведется уже на протяжении последних 50 лет? Подсчитано, например, что насыпи курганов в 1–2 м высотой при распашке ежегодно уменьшаются на 10 см, то есть через 10 или 20 лет курган практически исчезнет. И, тем не менее, по данным И.Т. Чернякова (1993) только в степях Украины насчитывается 150 тысяч курганов. По подсчетам же С.Ж. Пустовалова (1997), только в пределах Крыма, Николаевской, Херсонской, Запорожской и Днепропетровской областей количество курганов должно составлять около 139 тысяч. Но и эти цифры далеко не точны. О реальном числе могильных холмов, существовавших когда-то в Северном Причерноморье, говорят такие факты. В Орджоникидзевском районе Днепропетровской области Украины площадью в 200 кв. км экспедициями Института археологии Национальной Академии Наук Украины с 1964 по 2005 год исследовано 300 курганов высотой от 9 метров до насыпей, полностью уничтоженных распашкой. Территория Днепропетровской области составляет 31800 км^2. Несложный расчет показывает, что число курганов в ее пределах может составлять 40–50 тысяч.[20] К сожалению, для территории Среднего и Нижнего Дона Российской Федерации (включая и степные, и лесостепные области) таких расчетов никогда не производилось. Однако самый элементарный подсчет показывает, что курганов скифской эпохи (V–IV вв. до н.э.) в этом благоприятном для жизни регионе Центрального Черноземья очень и очень много. Несмотря на то, что почти все курганы Воронежской, Белгородской и Ростовской областей в

течение многих десятилетий разрушаются интенсивной пахотой, счет им и в наши дни идет пока на сотни и тысячи. Так, разведочные работы археологов ВГПУ под руководством профессора А.П. Синюка показали – только на территории одной Воронежской области (да и то обследованной далеко не полностью) на середину 90-х годов XX века насчитывалось не менее 6000 курганов, и, вероятно, добрую треть из них составляли курганные могильники раннего железного века.

«Курганы на правобережье Среднего Дона в скифскую эпоху, – отмечает П.Д. Либеров, – концентрируются в большие группы, состоящие из 40–50 и более насыпей. Эти курганные могильники, как правило, располагаются на высоких грядах, плоскогорьях и водоразделах, лишенных лесной растительности. Они чаще всего занимают те же места, на которых курганы возводились еще в бронзовом веке».[21] Об этом свидетельствуют материалы из частично или полно исследованных скифских могильников Лесостепного Подонья. Например, в «Частых Курганах» под Воронежом из 41 насыпи 6 оказались бронзового века; из 46 раскопанных курганов у с. Мастюгино 7 относились к эпохе бронзы, и эти примеры можно продолжать и дальше.

Судить о первоначальной высоте насыпей очень трудно: в результате воздействия природных стихий в течение 2500 лет и, особенно, из-за регулярной распашки курганных некрополей, большинство курганов сильно деформировано и редко имеет сейчас более 1 м в высоту. Но в тех редких случаях, когда надмогильные холмы сохранились не тронутыми тракторным плугом, все еще можно встретить курганы высотой в 4, 5 и даже 6 метров. В настоящее время на Среднем Дону известно девять курганных могильников скифской эпохи; если двигаться с севера на юг, то это будут следующие группы.

1. Самая северная группа – у с. Староживотинное, в 20 км к северу от Воронежа, на высоком водоразделе рек Дон и Воронеж. Насчитывает до 50 насыпей высотой от 0,5 до 1,5 метров. Лишь два кургана возвышаются на 2,5 метра и имеют диаметр до 50 метров. Часть могильника, притом бульшая, покрыта посаженным в послевоенное время сосновым лесом. С конца 80-х годов и по сей день местные курганы активно «разрабатываются» «черными археологами». Установлено, что на 1995 год они разрушили 10 насыпей и, видимо, собрали там неплохой «урожай». Во всяком случае, в том же году, использовав в качестве посредников школьников из упомянутого села, грабители прислали в Воронежский Областной Краеведческий музей «на продажу» две великолепные вещи: бронзовое древнегреческое зеркало с фигурой античной богини и бронзовую же скифскую бляху от конской узды в виде свернувшегося в кольцо волкоподобного хищника. Оба предмета относятся к V веку до н.э. Денег для покупки этих раритетов в музее, конечно, не нашлось. И вещи «уплыли» в неизвестном направлении. Хорошо еще, что местные сотрудники успели зарисовать и сфотографировать эти бесценные находки.

В 1995–1997 гг. к исследованию могильника приступили, наконец, и профессиональные археологи – экспедиция Воронежского Государственного Университета во главе с А.П. Медведевым. Работы велись вручную и всего удалось за три сезона изучить 12 насыпей (3 в поле и 9 – в лесу). Все могилы (скифская эпоха) были начисто ограблены (видимо, не только древними, но и современными «искателями сокровищ») и лишь один курган (№ 38) содержал более или менее уцелевшее захоронение воина-дружинника с длинным железным мечом, копьем, дротиком и железными наконечниками стрел, бронзовым зооморфным поясным крючком и греческой амфорой IV века до н.э. По погребальному ритуалу местные курганы полностью повторяют традиции среднедонской скифской культуры V–IV вв. до н.э.: ямы со столбовыми конструкциями, иногда с коридорами-дромосами, канавки на дне могил для облицовки стен вертикально стоящими досками, южная ориентировка умерших (там, где это удавалось проследить). Несмотря на беспощадное ограбление, предметы вооружения и конской сбруи встречены в 9 из 12 раскопанных курганов, то есть в 75% всех погребений.

И еще один важный вывод. «В I тысячелетии до н.э., судя по почвенным анализам, на месте могильника на водоразделе, – отмечает А.П. Медведев, – существовало открытое степное пространство со степной растительностью».[22]

2. Следующий, расположенный на северной окраине современного города Воронежа, курганный могильник скифской эпохи – это знаменитые «Частые Курганы», о которых уже шла речь выше. Но это были раскопки ВУАК 1910–1915 годов (13 курганов) и В.А. Городцова в 1927 году (6 насыпей, из них 5 – скифского времени и 1 эпохи бронзы). Следует упомянуть, что в1924 году воронежский краевед Д.Д. Леонов вел работы еще на одном могильном холме, но захоронение (скифское) оказалось полностью разграбленным и удалось собрать (кроме костей человеческого скелета) только обломки греческой амфоры IV века до н.э.

Наиболее масштабные исследования «Частых Курганов» осуществил в 1954–1959 годах П.Д. Либеров. Всего было вскрыто 22 насыпи (из них 17 – скифского времени и 5 – эпохи бронзы). Все они (кроме «бронзовых») оказались ограбленными еще в древности, но в ряде случаев подарили археологам великолепные находки. Речь идет, прежде всего, о кургане № 11 (нумерация насыпей дается по П.Д. Либерову, 1965 и Пузиковой А.И., 2001) – сильно распаханному холмику высотой всего в полметра и диаметром около 20 метров. Могильную яму прямоугольной формы 4,2×3,2 м окружал выкид желтой материковой глины и перекрывал мощный накат из деревянных досок или плах. Погребение ограблено в древности. Оно принадлежало пожилому (судя по сильно стертым зубам) мужчине, лежащему вытянуто на спине, головой на север. Покойника сопровождали многочисленные предметы: вооружения (железный меч в деревянных ножнах с серебряным покрытием, наконечник копья, железные наконечники стрел – трехлопастные и с плоской треугольной головкой); конского снаряжения (железные удила, псалии, бронзовые бляхи узды, одна в «зверином стиле», в виде фигуры бегущего хищника); бронзовый котел на полой конической ножке и с двумя вертикальными ручками, несколько нашивных золотых бляшек из тонкой фольги; железный поясной крючок-застежка, обложенный тонким золотым листом и изображающий стоящего медведя (как и на бронзовых типично местных крючках) и клюв хищной птицы; остатки деревянной ритуальной чаши с золотыми оковками (боковая пластина с фигурой оленя и ручка в виде фигуры хищной птицы – полная аналогия этому сосуду есть в «царском» Бердянском кургане в Приазовье).[23]

Не менее интересно и погребение в кургане № 23. Он не только распахан почти до нулевой отметки, но и сильно поврежден окопами периода Великой Отечественной войны. В могильной яме 5,45×4,5 м, перекрытой деревом, человеческих костей не оказалось. Захоронение ограблено еще в древности. В засыпке гробницы найдены железные наконечники стрел (10 экземпляров) и железные пластины от «чешуйчатого» панциря (50 штук). К счастью, воры не проникли в северо-восточную часть могилы, и здесь археологи обнаружили золотую гладкую гривну, золотые браслет и серьгу, три бронзовых наконечника стрел, остатки конской узды в виде железных удил и бронзового кольца. Дата захоронения – IV век до н.э.[24]

В 80-е годы XX века воронежский археолог Ю.П. Матвеев успел до возведения жилых кварталов исследовать здесь еще 5 курганов скифской эпохи, давших (после древних ограблений) скудный набор вещей, типичных для среднедонской культуры IV века до н.э.

Таким образом, общее число могильных холмов, раскопанных в течение нескольких десятилетий прошлого века, составляет 47. В настоящее время этот курганный могильник больше не существует.

3. Курганная группа у с. Мастюгино (60 км к югу от Воронежа). Общее количество насыпей первоначально доходило до 50. В 1905–1906 годах два кургана (№ I и № II) исследовал известный российский археолог А.А. Спицын. В 1908 году, по поручению Императорской Археологической Комиссии, пять курганов раскопал

Н.Е. Макаренко. Коллекции найденных тогда вещей из данного могильника находятся в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург) и были тщательно изучены, а в 1973 году полностью опубликованы А.П. Манцевич.[25] В 1958 году раскопки этой курганной группы продолжены московской экспедицией во главе с П.Д. Либеровым. За пять полевых сезонов (1958–1962) удалось исследовать 39 курганов (из них 5 – эпохи бронзы, 1 – переходный, предскифский период и 33 – скифского времени, V–IV вв. до н.э.).

О великолепных находках в кургане № 29/21 (курган II по нумерации А.А. Спицына) речь уже шла в главе II этой книги, поэтому упомяну о других значимых открытиях экспедиции Петра Дмитриевича в погребальных холмах знаменитого Мастюгинского некрополя. Это, прежде всего, курган № 11/16. Сильно деформирован многолетней пахотой. Высота всего 1,1 м, диаметр – 36 м. В насыпи найден череп лошади (жертвенное приношение?). Могильная яма, заметно попорченная обширным лазом грабителей, имела внушительные размеры 5,8×5,2 м и была перекрыта мощным деревянным накатом из бревен или плах, положенных в два ряда, крест-накрест. Могилу окружал кольцевой вал из желтой материковой глины. В ее заполнении (результат работы грабителей) обнаружены железные наконечники стрел (10 экз.), бронзовая бляха, золотая полусферическая бляшка с петелькой на обороте и клык кабана со срезом. Перекрытие и облицовка стен из вертикально стоящих досок опирались на девять столбов. Столбы – граненые – квадратные и прямоугольные, 35–40 см толщиной, нижние их концы, находившиеся в ямках, обожжены. Погребение – парное. Одно разрушено грабителями, другое сохранилось абсолютно нетронутым. Оба скелета лежали на спине, вытянуто, головой на юго-запад. К сожалению, антропологических определений не производилось, но, судя по набору вещей, по крайней мере один индивид был мужского пола. К югу от погребенных находились кости (ребра) лошади (часть туши) с железным ножом с костяной рукояткой. «Вокруг костяков, начиная от головы и далеко за пределами ног, – отмечает А.И. Пузикова, –находились золотые бляшки разных форм и размеров (розетки, полусферические бляшки с петелькой на обороте и др.)». В районе черепа одного из погребенных лежала золотая серьга со вставкой из сердолика. У правого плеча разрушенного скелета обнаружена золотая оковка верхней части деревянного ритуального сосуда с золотыми гвоздиками и золотыми крестовидными полосками для скрепления с основой. В ногах погребенных собрано до 300 железных наконечников стрел и среди них – один бронзовый, трехлопастной с длинной втулкой. В центре могилы лежали железный поясной крючок с изображением морды фантастического зверя, золотая прямоугольная пластина с фигурой лежащего оленя с ветвистыми рогами, светло-голубые с белыми «глазками» пастовые и стеклянные бусины. Ближе к юго-восточному углу гробницы обнаружены остатки железного панциря, многие «чешуйки» которого, видимо, в нагрудной его части были обтянуты толстой золотой фольгой. С таким прочным украшением панцирь его владелец мог носить и при жизни. Среди панцирных пластин находился железный крючок с изображением волка с разинутой пастью. Рядом, видимо, стоял когда-то бронзовый котел с жертвенным мясом (молодая лошадь и овца), унесенный грабителями. Остались только кости животных, густо окрашенные окислами меди в зеленый цвет. В отвале кургана найдена еще одна уникальная вещь – костяная фигурка собаки, служившая, вероятно, ручкой для какого-то более крупного изделия. Собаку скорее всего выбросили из могилы наверх древние кладоискатели. Возраст кургана – IV век до н.э.[26]

В другом, тоже сильно потревоженном кургане № 32/32, удалось обнаружить железные и бронзовые наконечники стрел, железный наконечник копья, во втулке которого сохранилась часть древка, железный крючок-застежка в виде головы фантастического зверя, золотой браслет с подвеской из золота и золотая оковка деревянного гребня с изображениями реальных и фантастических животных и рыб. По определе-

нию специалистов, древко копья было изготовлено из тополя, а гребень – из клена. Дата погребения – IV век до н.э.[27]

4. Курганный могильник у хутора Дубовой (неподалеку от крупного поселка Урьев-Покровка на правом берегу Дона) расположен примерно в 72 км к югу от Воронежа. Общее число сильно распаханных насыпей – более 35. В 1989 г. один большой (до 5 м высотой) курган раскопал А.П. Медведев. Находок (работы велись с помощью бульдозера) в насыпи не оказалось. Погребальное сооружение из дерева и глины находилось на древнем горизонте и подверглось в ходе погребального ритуала полному сожжению. И хотя датирующих предметов в этом кургане нет, скифский его возраст сомнения не вызывает.

В 2001–2008 годах раскопки могильника продолжил В.Д. Березуцкий (ВГПУ). Работы велись вручную, силами студентов и школьников. За это время вскрыто 15 курганов и несколько насыпей разрушено современными кладоискателями. Особо выдающихся открытий здесь сделать не удалось (все погребения ограблены еще в древности), но, в целом, данная группа дала вполне добротный материал (предметы вооружения, конская сбруя, украшения, изделия в «зверином стиле», керамика), типичный для культуры населения Среднего Дона в скифскую эпоху, V–IV вв. до н.э.[28]

5. Курганная группа у сёл Терновое и Колбино (90 км к югу от Воронежа). Открыта П.Д. Либеровым в 1957 году. Его экспедицией раскопан в 1971 г. один курган IV века до н.э. Затем этот могильник был прочно забыт и вновь найден в 1992 г. Донской экспедицией. Всего выявлено на сегодняшний день до 70 видимых на поверхности насыпей. За прошедшие годы (1993–2008) исследовано 56 курганов (из них 6 – эпохи бронзы, остальные – скифские, V–IV вв. до н.э.).[29]

6. Некрополь у с. Ближнее Стояново (юго-восточная окраина г. Острогожска, правый берег реки Тихая Сосна). Всего здесь выявлено археологами ВГПУ до 40 насыпей. В 80-е годы прошлого века отряд экспедиции ВГПУ под руководством В.И. Погорелова исследовал здесь 12 курганов, из которых 5 оказались эпохи бронзы и 7 – скифского времени. Все скифские курганы сильно ограблены еще в древности и поэтому находки в них достаточно невыразительны и скудны. Тем не менее, все особенности погребального обряда полностью повторяют традиции среднедонской культуры V–IV вв. до н.э.[30]

7. Курганные группы у с. Русская Тростянка, Острогожского района, Воронежской области. В первой группе (она ближе к хутору Терновушка) обнаружено до 40 насыпей. Там, в 1959–01963 и в 1968 гг. экспедицией П.Д. Либерова раскопано 22 кургана (из них – 21 скифского времени и 1 – эпохи бронзы). Во второй группе – до 12 погребальных холмов. Был исследован лишь один курган, содержавший бедное захоронение раннего железного века в **катакомбе**. Все материалы из исследованных погребений V–IV вв. до н.э. опубликованы в 2001 г. А.И. Пузиковой.[31]

8. Могильник у с. Дуровка Алексеевского района Белгородской области. К 1964 г. здесь было выявлено до 30 видимых насыпей. В период с 1964–1965 гг. и в 80-е годы XX века А.И. Пузиковой удалось исследовать 26 насыпей, то есть практически всю данную группу. О богатейшем кургане № 1 подробно рассказывалось выше, в главе II. Можно упомянуть также интереснейший комплекс находок из кургана № 14. Несмотря на ограбление в древности, в могиле находились круглодонный серебряный греческий сосуд с изображениями морских коньков, рыб и уток, предметы вооружения (копья, стрелы железные и бронзовые) и конской сбруи. В кургане № 4 обнаружен золотой перстень с египетским скарабеем, целая греческая амфора IV в. до н.э., золотые бляшки («тройнички», в виде головы кабана), наконечники копий и дротиков, железные наконечники стрел, бронзовый скифский котел с ковшиком-черпачком для доставания мяса – тоже из бронзы.[32]

9. Курганный могильник у с. Горки Краснянского района Белгородской области. Разведками нашей экспедиции в 1999–2000 гг. здесь выявлено до 25 насыпей.

В 2003–2005 гг. Донская археологическая экспедиция исследовала в этой группе 12 курганов, из которых 7 оказались скифскими, а 5 – эпохи бронзы.[33] Время скифских – IV в. до н.э.

Я не говорю здесь более мелких группах, типа Абрамовки, Владимировки и др.

Таким образом, к настоящему времени на Среднем Дону, почти за сто лет раскопок, мы имеем свыше 200 погребений скифской эпохи, точнее, V–IV вв. до н.э. Но и это еще далеко не окончательные цифры. Безусловно, новые находки и открытия ждут нас в уже известных курганных группах, не исследованных еще до конца (а это, кроме «Частых» и Дуровки, все остальные 7 могильников). А сколько существует таких древних некрополей, которых не касалась еще рука археолога?

Дело в том, что ранее, ни в дореволюционную эпоху, ни в советский период, ни в современные дни, территория Среднего Дона археологически целиком никогда не обследовалась. То, что сейчас известно – лишь малая часть существующего в реальности археологического богатства. Вот, например, что пишет о местных курганах в начале XX века Л.М. Савелов: «За Болдыревкой, выше по реке Девица, в нескольких верстах к западу от реки, у большого «Солового» лога, впадающего в реку Россошка, приток Девицы, лежит село Платава; здесь целый ряд из 20 курганов, идущих по направлению к востоку, в 20–40 саженях один от другого; в 5 верстах дальше опять ряд из 50 курганов... Сравнивая эти (Мастюгинские – *В.Г.*) курганы с Платавскими, нельзя не заметить их сходства между собою – как в расположении, так и в направлении...».[34] Скифская принадлежность большинства мастюгинских могильных холмов сомнения теперь не вызывает. Таким образом, то что около 70 насыпей вокруг Платавы вполне могут тоже быть скифскими, более чем вероятно. У предводителя дворянства Коротоякского уезда, одного из основоположников науки генеалогии и очень удачливого археолога-любителя – Л.М. Савелова, был очень острый глаз и хорошее чутье на местные древности. Далее он пишет: «Дальше на восток, в пределах Репьевской и Колбинской волостей, курганы разбросаны также вдоль реки Потудань, причем на правом нагорном берегу они подходят ближе к реке, на левом же отлогом отстоят дальше. Встречаются курганы и вдали от реки, как группами, так и отдельно, все они небольшие и почти все распахиваются...». Конечно, прошло уже сто лет, и многое исчезло безвозвратно. Но Платавские курганы пока еще сохранились и ждут своего часа, своего исследователя. С другой стороны, неоднократно упоминаемая в специальной литературе XIX – первой половины XX веков большая, свыше 50 насыпей, курганная группа у села Яблочное (в 40 км к югу от Воронежа), действительно исчезла и в наши дни ее не смогли найти ни воронежские, ни московские археологи. А между тем, этой группы как раз и не хватает для полной картины: ведь скифские некрополи идут с севера на юг примерно с равными интервалами в 20–30 км: Староживотинная группа, затем в 20 км южнее «Частые Курганы» в Воронеже, далее – провал (который и заполнила бы группа у с. Яблочное), потом Мастюгино (60 км к югу от Воронежа), Дубовой (в 75 км к югу от Воронежа), Терновое-Колбино (в 90 км к югу от Воронежа), Большое Стояново (125 км южнее Воронежа). Налицо определенная закономерность в территориальном размещении больших курганных групп скифского времени.

Большая часть местных погребений – это основные захоронения; впускные могилы встречаются тоже (в курганы эпохи бронзы), но их не так много. Погребения под насыпью, в деревянных гробницах, стоящих на древней поверхности, на Среднем Дону отмечались в ряде могильников, но в целом их не так уж и много. Самым распространенным в V–IV вв. до н.э. было захоронение в прямоугольных или квадратных могильных ямах, вырытых в глинистом материковом грунте. Ямы ориентированы обычно на ЮЗ–СВ. Иногда к могиле ведет специальный коридор-«дромос». Почти все могильные ямы перекрыты деревом. Во многих случаях стены ямы облицованы деревянными досками или плахами, поставленными вертикально на торец в специальные желобки, выкопанные в дне могилы. Крыша плоская или двускатная и облицовка держались на опорных столбах: обычно их девять, но бывают большие

гробницы с 20 и более опорами. По сути дела, – это – сложнейшее архитектурное сооружение из дерева, земли и глины, имитирующее, вероятно, древнее жилище. Особый интерес представляют так называемые «шатровые» перекрытия местных могил, когда бревна или жерди ставятся над могильной ямой в виде шатра или юрты, опираясь в центре на опорные связующие столбы. Такие сооружения были отмечены в богатом кургане № 1 у с. Дуровка, не менее чем в трех случаях (курганы № 8, 9, 11) у с. Терновое, а также в курганах № 1, 7 и 19 у с. Колбино. Эти особенности погребального обряда («шатровые» конструкции) важны для нас еще и тем, что лишний раз подтверждают большую близость среднедонской культуры I тысячелетия до н.э. с культурой и верованиями кочевых ираноязычных племен Евразии. Ведь именно для них столь характерны были юрты и шатры при жизни и имитация их в дереве в погребальных комплексах после смерти.

Для курганных захоронений среднедонского населения скифского времени свойственна определенная иерархичность или различие в статусе погребенных. Так, например, могилы с коридорами-дромосами и шатровыми перекрытиями богаче по инвентарю и больше по размерам, чем курганы с простыми могильными ямами. Основываясь на различиях в величине погребальных сооружений в количестве и качестве сопровождающих покойника предметов, а также присутствии или отсутствии дромоса – некоторые специалисты выделяют среди людей, погребенных в местных курганах до пяти социальных групп.

Главная форма захоронений – трупоположение. Только 10% всех погребений, в некоторых могильниках, содержали кремированные останки. Умершие обычно положены в могиле вытянуто на спине, головой на юг (с отклонением к западу и востоку). Почти все могилы ограблены еще в древности. Тем не менее, сохранившиеся там утварь, украшения, предметы вооружения и конской сбруи позволяют получить общее представление о культуре местного населения.

Довольно обычная принадлежность могильного инвентаря – бронзовый котел на полой ножке-поддоне. В ряде случаев в таком котле лежал целый остов обезглавленной овцы. Лошадей в погребения не клали. Их заменяли символическим помещением в могилу конской узды. Зато очень часто в курганах находят части разрубленных лошадиных туш, используемые в качестве заупокойной или жертвенной пищи. При них обычно имеется один (реже два) железных ножа с костяной ручкой.

Многие из названных выше черт погребального обряда свойственны не только скифам Северного Причерноморья, но и родственным им ираноязычным кочевым племенам Евразии – савроматам, сакам, массагетам, пазырыкцам и др. Но, как справедливо отметил украинский археолог С.А. Скорый, – когда весь комплекс черт «всаднической культуры» появляется вдруг в зоне обитания коренного оседлого населения восточноевропейской лесостепи, от Днепра до Среднего Дона, то речь здесь может идти только о вторжении извне волны (точнее, нескольких волн) ираноязычных кочевников «из глубин Азии», каковыми в VII–IV веках до н.э. могли быть только скифы.[35] И этот вывод украинского ученого имеет самое прямое отношение к курганным погребениям скифской эпохи в Лесостепном Подонье.

Работа С.А. Скорого (2003 г.) важна тем, что спустя более чем полвека после известной конференции 1952 года по проблемам скифо-сарматской археологии, где известные скифологи Б.Н. Граков и А.И. Мелюкова обнародовали свою концепцию о «скифской» степи и «нескифской» лесостепи в Северном Причерноморье, в результате чего все великолепные погребальные комплексы Полтавщины, Киевщины, Посулья и Подонья VII–IV вв. до н.э. оказались за пределами Европейской Скифии, этот ученый выступил с новым подходом к данной дискуссионной проблеме. Выделив в лесостепи общеиранские кочевнические и сугубо скифские черты культуры, он проследил на конкретном археологическом материале восточноевропейской лесостепи – от Днепра до Дона – волны скифской экспансии, начиная с рубежа VIII–VII вв. до н.э. и до конца IV в. до н.э. включительно.

К числу характерных черт культуры евразийских ираноязычных кочевников скифской эпохи исследователь относит: подкурганный обряд погребения, захоронения в могильных ямах и на древнем горизонте под насыпью, постройка деревянных гробниц на древней поверхности (и в грунтовых ямах), в том числе и с «шатровым» перекрытием, поджигание деревянных сооружений, культовый кольцевой ровик вокруг кургана, вал материковой глины вокруг могилы, мясная напутственная пища внутри гробницы, конская упряжь, бронзовые котлы на полой ножке, каменные блюда. Чисто же скифские элементы обряда – строительство насыпи кургана из пластов дерна, наличие мясной напутственной пищи в виде частей туши лошади (реже, овцы), культовые деревянные чаши с золотыми обкладками, «шатровые» надмогильные конструкции, ориентировка умерших преимущественно головой на запад и на юг.

Изучение погребальных комплексов раннего железного века из Лесостепного Подонья (включая материалы Донской экспедиции из раскопок курганных могильников у сёл Терновое и Колбино, а также могильника у с. Горки на Белгородчине в 1993–2007 годах) позволило выделить среди них как общеиранские кочевнические, так и чисто скифские черты обряда. Это кольцевые культовые ровики вокруг насыпи кургана с проходом-перемычкой с восточной или западной стороны, вал выкида материковой глины вокруг могилы, надмогильные деревянные перекрытия, иногда в виде «шатра», частичный обжиг деревянных конструкций, наличие мясной напутственной пищи в гробницах (с абсолютным преобладанием костей лошади – свыше 95% и, гораздо реже, овцы) с железным ножом, конская упряжь (от одного до шести наборов) – как имитация захоронения коня, сооружение насыпи из пластов дерна (курган № 3 у с. Колбино и др.), концентрация следов тризны в ровиках возле проходов-перемычек (среди костей животных абсолютно преобладает лошадь), наличие бронзовых котлов на конической полой ножке, деревянные чаши с золотыми обкладками (13 экземпляров и почти во всех курганных группах Среднего Дона).

Наконец, несмотря на сплошное ограбление среднедонских курганов V–IV веков до н.э., в них постоянно прослеживаются в ходе раскопок следы былого богатства – изделия из золота, серебра и бронзы, включая такой дорогостоящий античный импорт, как круглодонные серебряные кубки (с изображениями скифов, в кургане № 3 группы «Частых Курганов»; гладкие – курган № 18 у с. Колбино), массивные золотые гривны (шейное украшение), серьги и браслеты, серебряные с позолотой культовые сосуды – ритоны (Мастюгино, курган № 29/21; Дуровка, курган № 1).

Показательно и стремление местных жителей подчеркнуть важную роль золота в погребальном ритуале путем покрытия золотыми пластинами и бляшками одежды, обуви, головных уборов и погребальных пологов умерших и обертывания тонкой золотой фольгой (только для похорон) предметов из железа, дерева и кожи, например, рукояти мечей, пряжки-застежки (курганы № 5, 7, 18 и 36 у с. Колбино). Последняя черта вполне вписывается в идеологические представления и традиции ираноязычных кочевников Евразии, включая и собственно скифов – гробницы «золотых людей» от Иссыка в Казахстане до Пятибратнего № 8 кургана в дельте Дона или Куль-Обы в Крыму. Племена Среднего Дона в V–IV веках до н.э. (судя по времени забоя скота, шедшего для напутственной пищи в могилы), как и их собратья-скифы в степях Северного Причерноморья хоронили своих покойников и сооружали над ними курганы только в теплые сезоны года (середина весны – лето – середина осени). По определению палеозоолога Е.Е. Антипиной, в Колбино курган № 1 был возведен в июне–августе, курган № 6 – летом, курган № 10 – ранней осенью, курган № 14 – поздней весной. А это означает, что местное население, как и степные скифы, должны были предпринимать какие-то достаточно эффективные меры по сохранению трупов людей, умерших в «не-сезон», с момента их смерти до похорон.[36] Очевидно, речь идет о каком-то способе бальзамирования. Ведь разного рода ароматических трав и пчелиного воска на донской земле всегда имелось в избытке.

Принадлежность людей, погребенных в среднедонских курганах V–IV веков до н.э., к миру ираноязычных кочевников (скорее всего, к миру скифов Северного Причерноморья) убедительно доказывают данные естественных наук – антропологии, палеоботаники и палеозоологии. Анализ костных останков около 100 человек разного пола и возраста из могильника Терновое-Колбино позволил антропологу М.В. Добровольской придти к следующему выводу: «Уже проведенные работы с материалами памятников Колбино и Терновое, позволяют характеризовать «курганное» население как *степное* (курсив мой – *В.Г.*)..., с демографическими особенностями, типичными для кочевого населения, достаточно высокими показателями качества жизни, структурой питания кочевого скотоводческого общества».[37]

Палеоботанические исследования (пока, к сожалению, еще немногочисленные) по образцам из промывки культурного слоя ряда местных городищ раннего железного века и, особенно, от отпечатков зерновых на лепной керамике из курганных погребений и поселенческих комплексов, четко демонстрируют, что населению Среднего Дона в V–IV веках до н.э. был присущ в земледелии хорошо известный общескифский набор растений – просо, ячмень и полба (пшеница-двузернянка), где просо всегда занимает господствующее место. Эти неприхотливые и засухоустойчивые злаковые растения были широко распространены в скифскую эпоху как в степи, так и в лесостепи Восточной Европы.[38]

В полном согласии с предыдущими выводами антропологов и палеоботаников находятся и данные палеозоологов: Е.Е. Антипина, изучив кости животных из курганного могильника Терновое-Колбино (напутственная пища в гробницах, тризны и жертвоприношения в насыпи и кольцевом ровике), отмечает: «Прежде всего, на основе доминирования остатков лошади в погребальных комплексах была показана ее огромная роль как ритуального животного. По этой характеристике материалы изучаемого могильника действительно оказываются похожими на погребальные памятники степных регионов СеверногоПричерноморья».[39]

Таким образом, большинство черт погребального обряда, прослеженных в курганных гробницах Среднего Дона V–IV веков до н.э., имеет самое близкое сходство с погребально-поминальной обрядностью населения Степной Скифии. О полукочевом, подвижном, преимущественно скотоводческом образе жизни, во многом близком скифскому, среднедонских племен раннего железного века надежно свидетельствуют данные естественных наук. О полном совпадении предметов вооружения, конской сбруи и изделий в «зверином стиле» в обоих регионах речь пойдет ниже. Подобное родство идеологических и экономических (хозяйственных) основ местного общества с миром собственно скифов позволяет предполагать, что в V–IV веках до н.э. Средний Дон входил в состав единой Скифии, занимавшей степные и лесостепные области Северного Причерноморья, от Дуная до Дона, и что скифы были в Подонье господствующей силой и составляли, вероятно, немалую часть его населения.

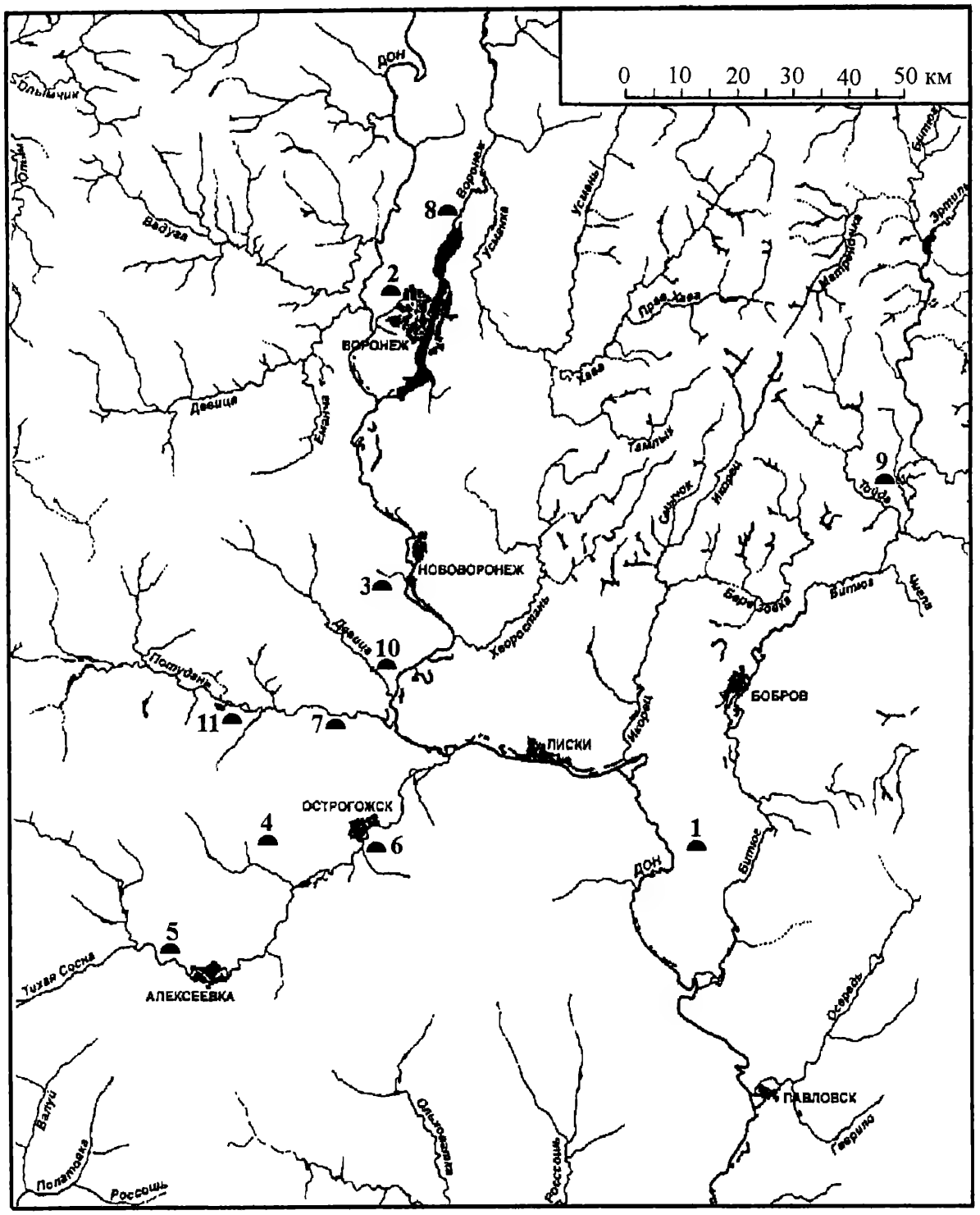


Рис. 1. Карта могильников скифской эпохи Среднего Дона.
1 – Абрамовка, 2 – Частые Курганы, 3 – Мастюгино, 4 – Русская Тростянка, 5 – Дуровка, 6 – Ближнее Стояново, 7 – Терновое–Колбино, 8 – Староживотинное, 9 – Владимировка, 10 – Дубовой, 11 – Горки.

Рис. 2. Начало раскопок Кургана № 10 у с. Горки. «Первая борозда».

Рис. 3. Трехметровый курган № 1 у с. Горки. Разрез насыпи.

Рис. 4. Раскопки скифского кургана у с. Колбино. В разрезе насыпи хорошо видны линзы выкида из могильной ямы в виде конусов желтой глины.

Рис. 5. Расчистка могилы. Курган у с. Колбино.

Рис. 6. Студенты за работой: расчистка дна могильной ямы, бумагой прикрыты оставшиеся от древних грабителей вещи.

Рис. 7. Полностью расчищенная могила с входом-дромосом (с правой стороны). Видны столбовые ямки в центре и по бокам и желобок вдоль стен для облицовки из вертикально стоящих досок. Курган № 8 у с. Колбино.

Рис. 8. Редкая находка – целый бронзовый скифский котел.
Курган № 14 у с. Колбино.

Рис. 9. Чернолаковый канфар (чаша для вина). Курган № 13 у с. Колбино.

Рис. 10. «Истинный ариец» – скелет двухметрового мужчины. Ямное погребение (эпоха бронзы, III тыс. до н.э.). Могильник у с. Горки.

Рис. 11. Неожиданная удача – уцелевшие части конской узды и наконечник дротика. Курган № 10 у с. Горки.

Рис. 12. Парное погребение: мужчина и женщина 40–50 лет. Курган № 36 у с. Колбино.

Рис. 13. Набор оружия (меч и наконечник дротиков) и конской сбруи (бронзовый псалий). Парное погребение. Курган № 36 у с. Колбино.

Рис. 14. «Звездный час» археолога: расчистка не ограбленной могилы знатной скифской женщины. Курган № 18 у с. Колбино.

Рис. 15. Скелет знатной скифской женщины (справа) и ее родственника мужского пола (слева). Курган № 18 у с. Колбино.

Рис. 16. Скульптурный портрет скифского воина (реконструкции Т.С. Балуевой и Г.В. Лебединской). Курган № 12, с. Терновое.

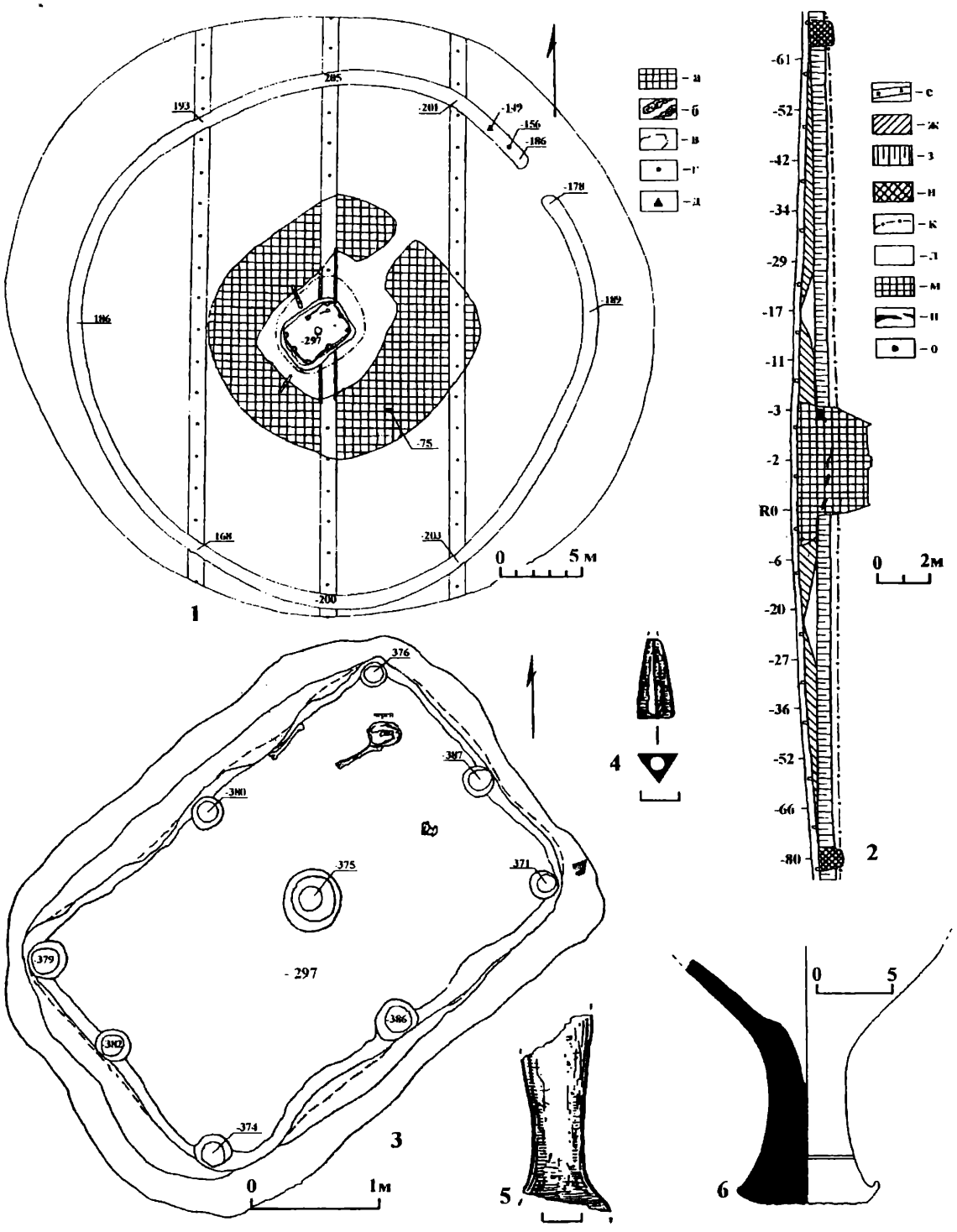


Рис. 17. План кургана № 9 у с. Терновое. Хорошо видны кольцевой ров и материковый выкид вокруг могилы, с проходом на северо-западной стороне.
1 – план кургана (а – выкид из могильной ямы; б – дерево перекрытия; в – границы грабительской ямы; г – керамика; д – кости животных); 2 – стратиграфический разрез кургана – западный фас центральной бровки (е – пахотный слой; ж – насыпь; з – погребенная почва; и – заполнение ровика; к – границы прокопки; л – материк, материковый выкид; м – заполнение грабительской и могильной ямы; н – дерево перекрытия; о – керамика); 3 – план погребения; 4 – наконечник стрелы; 5 – вток дротика; 6 – ножка амфоры (4 – бронза; 5 – железо; 6 – глина).

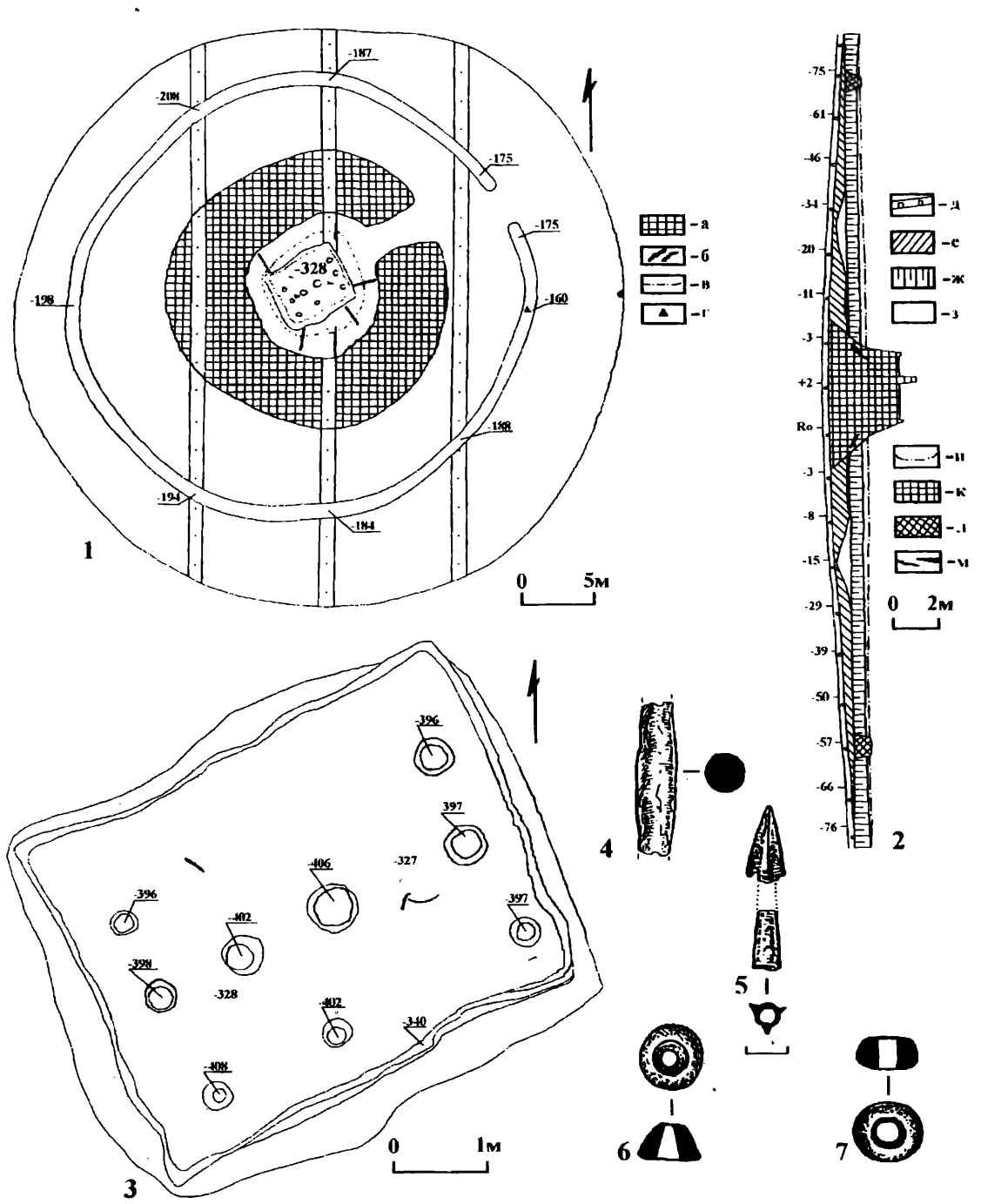


Рис. 18. План кургана № 11 у с. Терновое. Кольцевой ровик и материковый выкид с приходом на северо-восточной стороне.

1 – план кургана (а – выкид из могильной ямы; б – деревянное перекрытие; в – граница грабительской ямы; г – кость животного); 2 – стратиграфический разрез кургана – восточный фас центральной бровки (д – пахотный слой; е – насыпь; ж – погребенная почва; з – материк, материковый выкид; и – граница прокопки; к – заполнение грабительской и могильной ямы; л – заполнение ровика; м – дерево перекрытия); 3 – план погребения; 4 – фрагмент стержня удил; 5 – наконечник стрелы; 6, 7– ворворки (4–7 – железо).

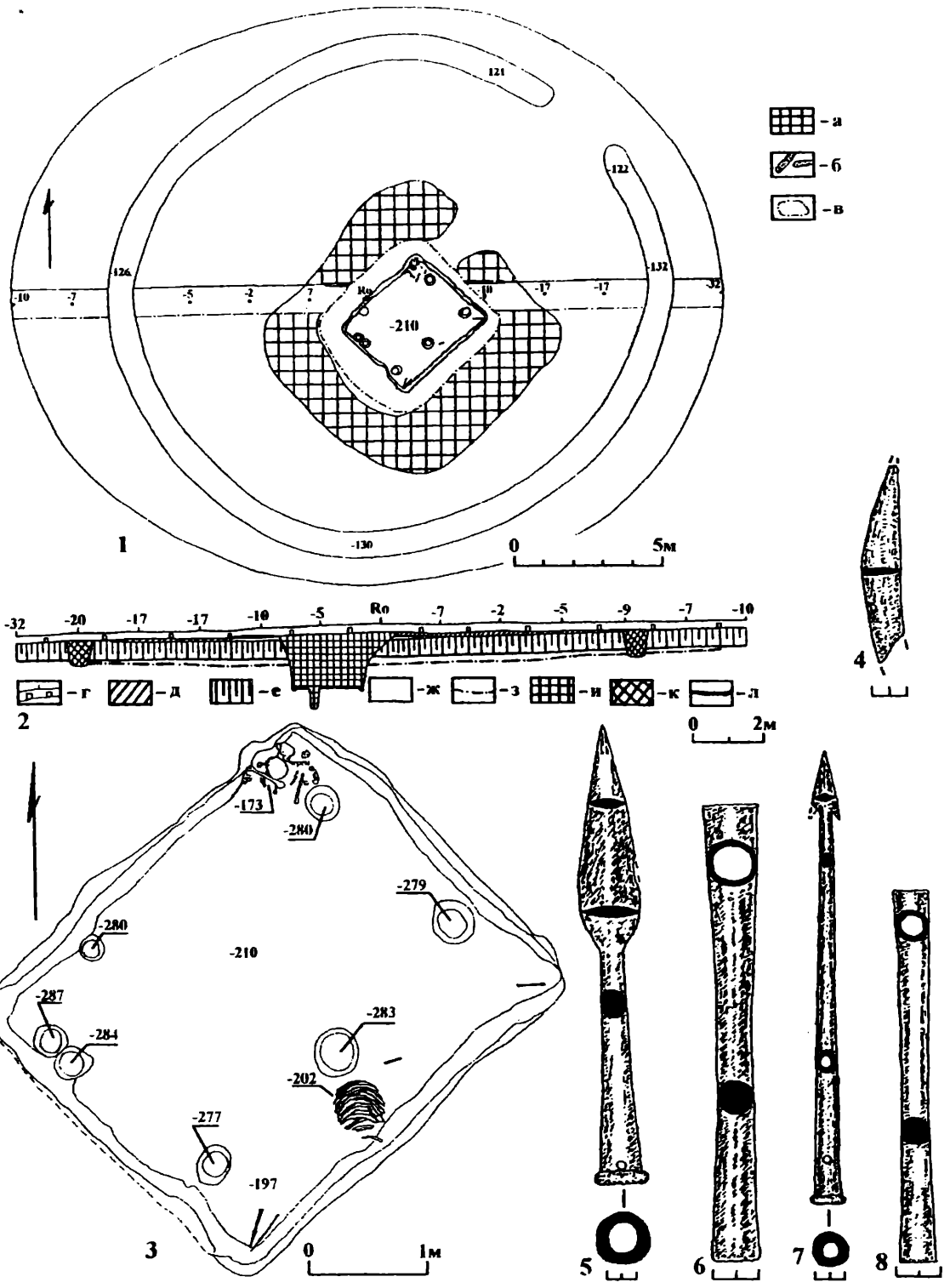


Рис. 19. План кургана № 12 у с. Терновое. Кольцевой ровик, выкид из могилы. 1 – план кургана (а – выкид из могильной ямы; б – дерево перекрытия; в – границы грабительской ямы); 2 – стратиграфический разрез кургана – северный фас бровки (г – пахотный слой; д – насыпь; е – погребенная почва; ж – материк, материковый выкид; з – граница прокопки; и – заполнение грабительской и могильной ям; к – заполнение ровика; л – дерево перекрытия); 3 – план погребения; 4 – фрагмент лезвия ножа; 5 – наконечник копья; 6 – вток копья; 7 – наконечник дротика; 8 – вток дротика (4–8 – железо).

Глава VII

ВООРУЖЕНИЕ И ВОЙСКО СРЕДНЕДОНСКИХ СКИФОВ

«Налетим, прошумим – и врага повлечём на аркане,
Без оглядки стремимся к другой, непочатой стране.
Наше счастье – война, наша верная сила – в колчане,
Наша гордость – в незнающем отдыха быстром коне».

Константин Бальмонт, 1899

Главной опорой могущества Скифии и ее царей было многочисленное и прекрасно вооруженное войско, состоявшее, в основном, из конницы. Начиная с момента выхода скифов на арену мировой истории в VII веке до н.э., они выступают как мощное военно-политическое объединение, которое принимает самое активное участие в наиболее важных событиях той поры, происходивших на обширной территории Передней Азии, Кавказа и Северного Причерноморья.

«У скифского племени, – сообщает Геродот, – одно самое значительное из всех человеческих дел устроено самым мудрым образом сравнительно со всем, что нам известно. Самое же значительное их достижение состоит в том, что никто из тех, кто вторгся к ним, не может спастись бегством, а если они пожелают, чтобы их не обнаружили, захватить их невозможно: ведь они не основывают ни городов, ни укреплений, но все они, будучи конными стрелками, возят свои дома с собой, получая пропитание не от плуга, а от разведения скота, жилища у них на повозках. Как же им не быть непобедимыми и недоступными для нападения» (Геродот, IV. 46). И в этих словах «отца истории» нет ни малейшего преувеличения. Почти четыреста лет, до IV века до н.э., скифы не знали поражений и были способны разгромить любого, даже самого сильного врага. Достаточно вспомнить провал похода на Скифию персидского царя Дария I Гистаспа, с его 600-тысячной армией, в 512 году до н.э.

Из письменных свидетельств античных авторов мы знаем о необычайной воинственности обитателей Причерноморских степей. У скифов существовало много воинских обычаев и ритуалов, которые воспитывали у них храбрость и беспощадность к врагу. Как говорит Геродот, «скиф пьет кровь первого убитого им врага», «головы всех убитых им в бою относились к царю», с поверженных врагов снимали скальпы, а из черепов изготовляли чаши. Воинская дружба, скрепленная обрядом побратимства, способствовала стойкости войск.

Не имея укрепленных городов, кочевые скифы имели отлично вооруженное и дисциплинированное войско, включавшее в свой состав всех общинников и дружины правителей округов, провинций и царств (басилей).

Разделение войска царских скифов на три части под командованием Иданфирса, Таксакиса и Скопасиса во время вторжения в Причерноморье Дария I, соответствовало трехчленному разделению Скифии, установленному мифическим Колаксаем, – возможно, изначальному военному союзу скифских племен. Такая организация главных войсковых соединений была порождена первоначальной племенной структурой скифского общества.

Про скифских номархов, начальников номов (областей), почти ничего не известно. Конечно, они были военачальниками, организаторами проведения при номах ежегодных празднеств, на которых возвеличивались герои и совершались жертвоприношения древнему железному мечу – символу бога войны Ареса. Переднеазиатские походы сыграли важную роль в становлении Скифии как государства. Можно себе представить тот ужас и смятение, которые охватили население процветающих городов и селений Передней Азии при виде бесчисленных конных орд скифов, сеявших вокруг себя опустошение и смерть. Скифы были необычайно мобильны и вездесущи. Ни одна армия древневосточных держав (включая воинственную Ассирию) не могла устоять в открытом бою против этой массы хорошо обученных и спаянных жесткой дисциплиной всадников. Достаточно вспомнить свидетельства современников скифского нашествия в страны Ближнего Востока – библейских пророков Исайи и Иеремии, чтобы представить себе реальную обстановку, сложившуюся на землях, считавшихся «колыбелью человеческой цивилизации: «И поднимется знамя народам дальним и даст знак живущему на краю земли, – и вот, он легко и скоро придет. Не будет у него ни усталого, ни изнемогающего; ни один не задремлет и не заснет, и не снимется пояс с чресел его, и не разорвется ремень у обуви его. Стрелы его заострены и все луки его туго натянуты; копыта коней его подобны кремню, и колеса его как вихрь. Рев его, как рев львицы; он рыкает подобно скимнам, и заревет и схватит добычу, и унесет, и никто не отнимет...» (Исайя).

И далее: «Вот. Я приведу на вас... народ издалека, народ сильный, народ древний, народ, которого языка ты не знаешь, и не будешь понимать, что он говорит. Колчан его – как открытый гроб; все они – люди храбрые. И съедят они жатву твою и хлеб твой; съедят сыновей твоих и дочерей твоих и волов твоих, съедят виноград твой и смоквы твои; разрушат мечем укрепленные города твои, на которые ты надеешься» (Иеремия).

На протяжении многих десятилетий VII века до н.э. скифы и их цари были господствующей силой в этом наиболее развитом регионе древнего мира. «Принимая участие в бурных событиях и войнах, проходивших на Ближнем Востоке в VII в. до н.э., постоянно меняя союзников, – отмечает известный украинский археолог и главный специалист по вооружению скифов Е.В. Черненко, – скифы обогатились знаниями тактики и стратегии великих переднеазиатских культур, научились воевать с разными противниками, получили бесценный военный опыт, пополнили состав своего вооружения образцами, стоящими на уровне лучших достижений военной техники той эпохи».[1]

Прежде всего, скифы там заимствовали и широко использовали впоследствии защитный металлический доспех – железный панцирь, которого раньше они, как и все другие кочевые народы Евразийских степей, попросту не знали. Речь идет, прежде всего, об «ассирийских» чешуйчатых панцирях. «Их кожаная основа, – пишет известный украинский археолог Е.В. Черненко, – покрывалась набором из металлических (обычно железных) пластин сравнительно небольших размеров, которые образовывали покрытие наподобие рыбьей чешуи. Крепились пластины на основе и между собой с помощью кожаных шнуров или жил. Продуманная система набора позволяла располагать в любой точке доспеха пластины, лежащие в 2–3 слоя. Такой панцирь был достаточно удобен. Он не очень стеснял движения воина, позволяя ему управлять конем, стрелять из лука, сражаться мечом, копьем, боевым топором».[2]

Заимствовав переднеазиатский металлический панцирь, скифские оружейники и кузнецы очень быстро освоили и массовый выпуск собственной продукции подобного рода. К IV в. до н.э. железные чешуйчатые панцири на кожаной основе использовались скифскими конными воинами достаточно широко. Правда, в целом виде такие доспехи встречаются в курганах Скифии (в силу повсеместного разрушения погребений древними грабителями) очень редко. Обычно в руки археологов попадают лишь большие или малые фрагменты таких панцирей, а то и всего несколько спек-

шихся от коррозии железных пластин-«чешуек». Тем отраднее для скифологов бывает открытие могил с полным набором защитного и наступательного вооружения. Именно такая находка была сделана в 70-е годы прошлого века в курганном погребении у с. Гладковщина в Черкасской области (Украина). Здесь вместе со скифским воином-дружинником соплеменники положили в могилу чешуйчатые наборные из железных пластин – шлем, панцирь, ножные доспехи, щит, а также два копья, меч и лук со стрелами.

При раскопках этого погребения были приняты меры по сохранению защитного вооружения – его взяли отдельными блоками. «При реставрационных работах впервые удалось воочию представить себе огромный труд, проделанный оружейниками Скифии по изготовлению набора защитного оружия». Для этого понадобилось 3233 железных пластины различной формы и различных размеров: на панцирь ушло 775 «чешуек», на шлем – 775, щит – 778, на прочие дополнения к панцирю – еще 905. Общий вес доспехов, с учетом металла, кожи (использовавшейся в качестве основы), дерева и бронзы составлял около 25 кг. Естественно, что подобную полную защиту в металле мог позволить себе только конный воин, а не пехотинец.[3]

Еще в 1968 году Е.В. Черненко собрал и опубликовал в своей монографии «Скифский доспех» все сведения об известных тогда в результате раскопок железных чешуйчатых панцирях скифов. По территории Северного Причерноморья эти находки распределялись следующим образом:

Степная Украина и Крым – 55 экземпляров;

Лесостепное Правобережное Приднепровье – 48 экз.;

Лесостепное Левобережное Приднепровье – 28 экз.;

Нижний Дон – 12 экз.;

Северный Кавказ – 24 экз.[4]

Хотя приведенные выше сведения и несут определенную позитивную нагрузку, они не совсем точно отражают реальное распространение этих защитных доспехов по областям Скифского царства. Во-первых, как уже неоднократно отмечалось, многие (а, практически, почти все) погребения скифских курганов были ограблены, что, естественно, вело к частичной или полной утрате сопровождавших покойника предметов (в том числе и панцирей). А во-вторых, процент насыщенности панцирями той или иной области на территории Скифии следует вычислять не по абсолютному количеству таких находок, а по соотношению их с числом раскопанных в данной области курганов.

И все же, несмотря на эти различия (которые, возможно, просто отражают общее состояние наших археологических источников) по степени оснащения вооружением в отдельных областях Скифии, процент «панцирников» в массе погребений везде достаточно высок, чтобы его можно было отнести лишь на долю скифской знати. Видимо, правы те ученые, которые считают, что помимо всеобщего ополчения (каждый взрослый мужчина-общинник – это воин), в стране, по крайней мере уже с конца V века до н.э., существовали и постоянные военные дружины, состоявшие из профессиональных, хорошо вооруженных и хорошо обученных воинов. «На вооружении дружинников, – пишет известная отечественная исследовательница в области скифской археологии А.И. Мелюкова, – было наиболее совершенное наступательное и оборонительное оружие. Наличие хорошо вооруженных опытных воинов значительно укрепляло общественное положение того, в чьем подчинении находилась дружина – царя или вождя. Особенно возрастает роль дружины в Скифии в IV веке до н.э.».[5]

Однако, продолжим рассказ о защитных доспехах скифских воинов. Типично скифским изобретением следует считать так называемый «боевой» пояс, когда на кожаный ремень вертикально нашиваются (или прикрепляются) металлические (бронзовые и железные) узкие пластины. Пояс был непременной принадлежностью скифа-мужчины. На поясе номады носили весь набор оружия и снаряжения – меч,

кинжал, горит (с луком и стрелами), точильный камень, нагайку и чашу. Эти пояса удачно дополняли панцири, защищая самое уязвимое место воина – его живот.[6]

Голову скифского всадника надежно защищал металлический шлем. В раннескифское время это были литые бронзовые массивные шлемы так называемого «кубанского типа». Происхождение их связывают с Северным Китаем и Средней Азией. Одним из значительных центров их производства в VII–VI вв. до н.э. являлся Северный Кавказ. Позднее, с V в. до н.э. в Скифию проникают шлемы античных типов – из Греции и островов Средиземного моря. Это были достаточно легкие, кованные из золотистой тонкой бронзы защитные головные уборы, пользовавшиеся у скифской знати большой популярностью. Всего их было найдено в курганах Скифии свыше 50 экземпляров.[7]

В конце V – IV вв. до н.э. обычная скифская шапка конической формы (из кожи или плотного войлока) также получает металлическое покрытие (те же пластины-«чешуйки», как и на панцирях).

Ноги конного воина, особенно уязвимые, когда на него нападает пеший противник, были защищены либо греческими бронзовыми поножами («кнемидами»), либо местным доспехом в виде кожаных штанов с железным, «чешуйчатым» покрытием.[8]

Наконец, надежным средством защиты воина был щит. Большинство их изготовлялось из дерева, прутьев и кожи и поэтому не сохранилось до наших дней. Мы знаем лишь, что они были не велики по размерам и имели самую разнообразную форму. Образцы скифских щитов можно видеть на предметах из золота и серебра найденных в курганах высшей скифской знати: гребень и горит из кургана Солоха, изображения на священных сосудах-кубках из Куль-Обы и Частых Курганов, Гайматовой Могилы и др. В ходе раскопок, начиная с очень ранних погребальных комплексов, удалось найти немало остатков щитов либо с частичным металлическим покрытием в виде блях-умбонов либо с «панцирным», сплошным покрытием из железных пластин. «Лишь находки последних лет, – пишет Е.В. Черненко, – позволили выделить группу щитов абсолютно тождественных по форме, расположению пластин и способу использования доспеха, столь реалистично воспроизведенному на гребне из Солохи. Эти щиты надежно крепились к панцирю всадника на спине и предплечье, оставляя свободными руки воина для управления конем и действия оружием. Легким поворотом плеча и руки воин мог менять положение щита, прикрыть ту или иную часть корпуса от поражения оружием противника. Хорошей сохранности щиты этого типа найдены в курганах у Ново-Розановки на Николаевщине, Красный Подол под Каховкой и в Гладковщине на Черкащине...».[9]

Защиту имел не только сам воин, но и его боевой конь. Для предохранения от поражения головы коня еще со времен скифской архаики использовали бронзовые литые или кованные налобники в виде широких пластин овальной и ромбовидной формы. Есть основания полагать, что для защиты корпуса лошади делали нагрудники и попоны из толстой кожи, усиленные либо металлическими пластинами, либо «панцирным» набором. В кургане Скифская Могила в Черкасской области недавно была найдена металлическая овальная пластина (она лежала вместе с набором конской узды) для защиты передней части коня. Это – V век до н.э.[10]

Набор защитного вооружения у скифского всадника был во многом похож на доспехи воинов Ирана в эпоху правления Ахеменидов. Описания на эту тему сохранились у многих античных авторов и, особенно, у грека-полководца Ксенофонта. По его словам, доспех персидского боевого коня в IV веке до н.э. состоял из налобника, нагрудника и набедренников, закрывавших также и ноги всадника. К сожалению, ни реальных вещей, ни изображений персидских конских налобников до наших дней не сохранилось. Однако, вряд ли они сильно отличались от современных им скифских образцов, представлявших собой узкую металлическую полосу длиной от ушей до носа, расширяющуюся над глазами и у ноздрей и часто покрытую разного рода орнаментом. «Изображений персидских конских нагрудников или самих нагрудников

ахеменидского времени, – пишет известный российский ученый М.В. Горелик, – также не найдено, но их можно представить себе по аналогии с нагрудниками, изображенными на фризе Пергамского Атенеума II в. до н.э., где ряд элементов эллинистического вооружения носит следы ахеменидской традиции, особенно нагрудники, аналогий которым нет в классической античной традиции. Пергамские нагрудники изображены в виде гибких прямоугольников, вытянутых в ширину, с полукруглым вырезом для шеи сверху. Один из них сделан из мягкого материала – кожи или ткани с узором, другой набран из металлических узких вертикальных полос. Последний способ бронирования был характерен для скифских щитов и поножей, а также, видимо, для Ирана начала I тыс. до н.э. ... Судя по изображениям, персидские конские набедренники представляли собой твердые кожаные крыловидные лопасти, прикрепленные ремнями к телу коня и, видимо, соединенные с нагрудником. Авторы описывают их, однако, как металлические – медные (Ксенофонт), состоящие из железных пластинок (К. Курций Руф)...».[11]

Теперь перейдем от защиты к наступлению: речь пойдет о наступательном оружии скифов. Главным оружием скифских воинов, как конных, так и пеших были лук и стрелы. Геродот справедливо писал, что в Скифии «каждый – конный стрелок». Это подтверждают и археологи. Самыми частыми находками из скифских курганов и поселений всегда являются наконечники стрел из бронзы, железа и, очень редко, из кости. Небольшой скифский сложный лук изготовлялся из различных пород дерева, кости и сухожилий. К сожалению, из почти трех тысяч раскопанных за два с половиной века скифских захоронений остатки луков встречены лишь в трех случаях. Представление о форме луков скифского типа дают изображения на предметах торевтики, на скифских каменных изваяниях и монетах (например, монета Атея). Она (форма) напоминает несколько растянутую греческую букву «сигма» с ассиметричными плечами, перехватом в средней части в том месте, где лук берут в руку. Концы лука слегка отогнуты наружу. «В то время, как луки всех народов сгибаются из гнущихся древков, – пишет греческий историк Аммиан Марцеллин, – луки скифские..., выгнутые с обеих сторон широкими и глубокими внутрь рогами, имеют вид луны во время ущерба, а середину их разделяет прямой и круглый брусок».[12]

Ценный материал об устройстве и способе ношения горитов (футляра для лука и колчана со стрелами) с помещенными в них луками дают скифские каменные изваяния. Изображения луков в руках скифских воинов или в горитах представлены на ряде предметов торевтики из Северного Причерноморья (золотые бляшки из Куль-Обы, серебряные сосуды из Частых Курганов, Солохи, серебряная монета царя Атея и др.).

Стрелы, использовавшиеся скифами, обычно состояли из трех частей: наконечника, древка и оперения. В скифских могилах иногда сохраняются древки стрел длиной от 45 до 84 см. Они делались из мягких пород дерева – березы, тополя, ясеня. В ряде случаев удалось проследить даже раскраску таких древков. Для этого применялись обычно красная и черная краски, наносимые на той части древка, которая примыкала к наконечнику.[13] Наконечники большинства скифских стрел отливались из бронзы в специальных формах, либо (гораздо реже) ковались из железа.

Количество колчанов со стрелами в одной могиле самое разное. Обычно – это один колчан с 60–100 стрелами. Известен случай, когда в одной гробнице (Пятибратний курган № 8 в дельте Дона) нашли сразу 16 наборов стрел общей численностью свыше 1000 экземпляров.

Античные авторы в один голос свидетельствуют о том, что скифы были лучшими стрелками из лука во всем древнем мире. Сохранилась надпись на каменной плите из Ольвии (начало IV в. до н.э.), в которой говорится, что Анаксагор сын Димагора на соревнованиях пустил из скифского лука стрелу на расстояние 520 метров. Известно, что урартский царь Аргишти сумел поразить цель, удаленную на 476 метров. Это случилось в начале VII в. до н.э. и лук у него был либо киммерийский, либо скифский.[14]

Однако, практически, средняя дистанция для реальной убойной стрельбы из скифского лука составляла где-то от 120 до 150 метров, а скорострельность от 10 до 12 выстрелов в минуту.[15] Что и говорить, для той эпохи это было весьма эффективное и грозное оружие. Его поражающая сила иногда просто удивляет. Археологи при раскопках скифских курганов нередко находят бронзовые наконечники стрел, глубоко засевшие в костях погребенных. Их не смогли извлечь даже в том случае, если ранение не оказалось смертельным и человек продолжал жить. В погребении из кургана № 16 у с. Широкое Скадовского района Херсонской области у мужчины-воина было выявлено двойное ранение в голову: обломки бронзовых наконечников стрел застряли в лобной и теменной костях. Их не смогли извлечь из черепа, но после ранения этот скифский воин прожил еще какое-то время, а вокруг наконечников образовался нарост кости.[16] Находят наконечники стрел, торчащие в позвоночнике, коленных суставах, костях рук. Часто от разящей скифской стрелы не спасали даже щиты и панцири.

Есть и еще один интересный сюжет, который почти не освещается обычно в научной литературе по скифам и который имеет самое прямое отношение к скифским лукам и стрелам. Речь идет об использовании скифами яда. Об этом довольно определенно говорят античные авторы. Один из учеников греческого мудреца Аристотеля в своем сочинении «О чудесных слухах» писал в IV веке до н.э.: «Рассказывают, что скифский яд, которым пропитывают стрелы, добывается из ехидны. Скифы... подстерегают... детенышей, ловят их и оставляют гнить несколько дней, когда им покажется все достаточно сгнившим, они наливают человеческую кровь в горшочек, закрывают его и зарывают в навоз, а когда и это сгниет, то водянистый отстой, образующийся над кровью, смешивают с гноем ехидны и делают смертоносный яд». В работе грека Никандра «Противоядия» (II в. до н.э.) говорится следующее: «... лучным называется такой яд потому, что он подобно стрелам убивает немедленно, ...; скифы, стреляя из луков, намазывают им наконечники стрел, ... он называется скифским ядом».

Лукиан Самосатский также подтверждает, что «скифские стрелы намазываются ядом».

Знаменитый римский поэт Овидий Насон также часто вспоминает отравленные стрелы степных варваров, хотя, видимо, здесь речь идет уже не о скифах, а о сменивших их в Северном Причерноморье с III–II вв. до н.э. – сарматах. «... Чтобы жестокой раной удвоить причину смерти, – пишет он, – все стрелы намазаны *змеиным ядом* (курсив мой – В.Г.)».

Гай Плиний Секунд отмечает, что «скифы смачивают стрелы ядом змей и человеческой кровью. Это неотвратимое злое оружие, и оно приносит немедленную смерть даже от легкого прикосновения».[17]

Это последнее высказывание хорошо выражает тот панический страх, который должно было вызывать у противников скифов их грозное, несущее неминуемую смерть оружие. Конечно, материальные следы его использования в ходе раскопок найти вряд ли удастся, но сам факт его существования в арсенале воинственных обитателей Скифии не подлежит сомнению. Другой вопрос – как часто пускали его в ход скифы во время военных столкновений. Находки скелетов людей, раненых стрелами и живших после этого еще какое-то количество лет, говорит о том, что отравленные наконечники применялись далеко не всегда.

Заметное место в составе скифского оружия занимали копья и дротики. Количество их в пределах скифской территории достигло уже более одной тысячи. Обычно длина их колеблется в пределах двух метров. Однако, есть уже немало случаев находок длинных кавалерийских копий – «пик», длиной более трех метров. Короткие копья использовались для ближнего боя и для метания. Метали и дротики. Длинное копье всаднику надо было держать двумя руками, но при наличии легкого, но прочного седла (из дерева, войлока и кожи) и кожаных стремян, обеспечивалась достаточно удобная позиция для атаки противника.[18]

В курганах Скифии к настоящему времени найдено уже несколько сотен мечей и кинжалов. Как правило, они двулезвийные и имеют достаточную длину, от 60 см до 1 метра (таких свыше 25%). Это оружие позволяло эффективно сражаться во всех видах пешего и конного боя. Изготовлению мечей скифские оружейники уделяли особое внимание. На их производство шел лучший металл, лучшая сталь, и они, в ряде случаев, ненамного уступают требованиям, предъявляемым к современному холодному оружию.[19]

Боевые топоры, булавы, клевцы и молотки использовались в боевом деле гораздо реже, чем вышеназванные виды оружия. «Скифское вооружение, – считает Е.В. Черненко, – считалось по праву одним из наиболее совершенных для своего времени. Скифами был создан комплекс вооружения, не претерпевший сколько-нибудь заметных изменений и дополнений вплоть до изобретения огнестрельного оружия...».[20]

Если учесть, что почти все могилы воинов с тяжелым защитным вооружением сопровождаются, как правило, захоронениями коней в полной сбруе (в степной зоне) или только уздечными наборами, имитирующими захоронение коня (в лесостепи), то можно придти к следующему выводу: упомянутые выше металлические доспехи использовались всадниками, а не пехотинцами и, следовательно, у скифов не позже конца V – начала IV века до н.э., появилась тяжелая кавалерия. Но чем же она могла сокрушить врага, в частности хорошо обученную пехоту (типа греческих гоплитов, да еще стоящих в сомкнутом строю фаланги)? Е.В. Черненко впервые поставил вопрос о наличии на вооружении у скифских всадников не только коротких (до 2 м), но и длинных копий-пик (от 2,5 до 3,3 м). Подобные длинные копья теперь обнаружены в степи и лесостепи, вплоть до устья Дона, на самом востоке Скифии: у станицы Елизаветовской (копья длиной 2,55 и 2,70 м), в Хоминой Могиле (3,2 м), в Нагорье (более 3 м), в Страшной могиле (3,1 м). Все эти длинные копья относятся к IV в. до н.э.[21]

Намного больше стало известно и о длинных мечах у скифов. Их количество давно уже перевалило за 25%. Таким образом, пришло время отказаться от старого взгляда на стратегию и тактику скифского войска, взгляда, который во многом сформировался на основе двух факторов: описаний Геродота по поводу скифо-персидской войны (атаки лавы легковооруженных скифских конных лучников и ее быстрый отход в случае неудачи) и на недостаточности наших сведений о вооружении скифских воинов (археологические материалы). Хорошо известно, что сам характер вооружения той или иной армии во многом определяет стратегию и тактику ее действий. Поэтому факт наличия у скифских всадников тяжелых защитных доспехов, длинных мечей и длинных копий-пик меняет коренным образом и наше общее представление о реальных действиях конного скифского войска. В сочетании все эти элементы дают нам образ типичного «катафрактария» – воина-рыцаря на коне (тоже защищенного доспехами), в железном чешуйчатом панцире, металлическом шлеме, поножах и с длинными мечом и копьем в руках. Безусловно, тяжелая конница скифов широко применяла и другие виды оружия: для дальнего боя – лук и стрелы для средней дистанции – дротики и метательные копья, а для ближнего, рукопашного боя – длинные и короткие копья, длинные мечи и боевые топоры.

Как известно, в научной литературе тяжеловооруженную кавалерию называют «катафрактариями» (от греческого термина «катафракта» – наименования тяжелого всаднического доспеха), но время ее появления традиционно относят к парфянам и сарматам, не ранее II–I веков до н.э. Однако, вопросы, связанные с появлением катафрактариев, еще далеки от своего окончательного решения. «В соответствии со всеми без исключения историками, – пишет известный специалист по скифо-сарматской археологии А.М. Хазанов, – мы понимаем под катафрактариями определенный хронологически ограниченный строй тяжеловооруженной конницы, атакующей противника (прежде всего пехоту) в определенном боевом порядке – тесно сомкнутом строю – и с определенной тактической целью (прорыв, реже охват). Для катафрак-

тариев характерны специфическое вооружение и специфические способы ведения военных действий...». [22]

Для вооружения катафрактариев, по мнению специалистов по военной истории, характерны три главные особенности. **Первой** отличительной их чертой было наличие тяжелого оборонительного доспеха (металлический панцирь, поножи, шлем, иногда и щит). **Второй** особенностью катафрактариев явилось их главное наступательное оружие – длинные копья, или пики, достигавшие 3–4 м в длину и которые всадники держали двумя руками. Грек Гелиодор оставил интереснейшее описание того, как управлялись с подобной пикой: «Когда наступает время битвы, то, ослабив поводья и горяча коня боевым криком, он (катафрактарий – *В.Г.*) мчится на противника, подобный какому-то железному человеку или движущейся кованой статуе. Острие копья сильно выдается вперед, само копье ремнем прикреплено к шее коня, нижний его конец при помощи петли держится на крупе коня, в схватках копье не поддается, но, помогая руке всадника, всего лишь направляющей удар, само напрягается и твердо упирается, нанося сильное ранение, и в своем стремительном натиске колет кого ни попало, одним ударом часто пронзая двоих...».[23] Длинный меч и кинжал служили вспомогательным оружием, равно как и лук со стрелами. Но пики – главное, что отличает катафрактариев. «Ведь вся сила этой броненосной конницы, – отмечает античный историк Плутарх, – в копьях; у нее нет никаких других средств защитить себя или нанести вред врагу, так как она славно замурована в свою тяжелую негнущуюся броню».[24]

Третья особенность катафрактариев заключалась в том, что доспех имел не только сам всадник, но зачастую и его лошадь. Особенности вооружения катафрактариев определяли применявшиеся ими боевые порядки и тактические приемы ведения военных действий. Катафрактарии всегда атаковали неприятеля тесно сомкнутым строем. Такое построение давало возможность наилучшим способом использовать преимущество своего вооружения и сводило до минимума его недостатки: ограниченную подвижность и вызванную этим слабую маневренность. Отряд катафрактариев, ощетинившийся пиками, малоуязвимый для стрел и дротиков, представлял грозную силу. В старых документах иногда рассказывается, на какие ухищрения приходилось идти пехотинцам, чтобы нейтрализовать пики катафрактариев и вступить с ними в ближний бой. Но отдельный катафрактарий был весьма уязвим и становился легкой добычей, особенно если его удавалось сбросить с лошади на землю.

Поэтому эффективно использовать катафрактариев в бою можно было лишь целыми подразделениями и в тесно сомкнутом строю. В зависимости от конкретной задачи и особенностей противника, катафрактарии применяли различные боевые построения. Аланы любили атаковать клином, парфяне в битве с римлянами при Карах выстроились в линию, образовав по сути дела конную фалангу.

В битве с парфянскими катафрактариями римский тяжелый пехотинец, доселе непобедимый, лишался большинства своих преимуществ. Тяжелая конница оказалась единственным родом войск, способным противостоять римскому легиону и, притом нередко побеждать его. Что и показал вполне наглядно разгром парфянами легионов Марка Красса. Однако, и А.М. Хазанов и многие другие исследователи, считают, что катафрактарии появились в евразийской степи у сарматов и в Иране с приходом парфян не ранее II–I вв. до н.э. Скифия здесь в расчет вообще не принимается. «...В.Д. Блаватский, – пишет А.М. Хазанов, – справедливо сравнивает легковооруженную кавалерию ахеменидского Ирана со скифской. И в той, и в другой главной действующей силой был легковооруженный всадник-лучник. И у скифской конницы рукопашный бой с целью прорыва неприятеля не стал главным тактическим приемом...».[25] К этому добавлялась версия о наличии у скифов только коротких, до двух метров, копий и коротких (40–50 см) мечей-акинаков, не годившихся явно для конной атаки. Подобное мнение на конец 60-х годов XX века стало господствующим в скифологии. Исследования последних лет позволили, однако, заметно исправить эту традиционную концепцию.

Украинский археолог Е.В. Черненко убедительно показал в ряде своих исследований, что скифские всадники имели тяжелый защитный доспех (шлемы, панцири, поножи, щиты), длинные копья-пики (свыше трех метров длины), длинные (свыше 1 метра) мечи и, наконец, защитное снаряжение для своих боевых коней. Все это позволило ему придти к обоснованному выводу о необходимости пересмотра прежней точки зрения на вооружение и тактику скифского войска. «Известные в настоящее время материалы, – отмечает он, – позволяют уверенно говорить о появлении тяжеловооруженной панцирной конницы (т.е. катафрактариев – *В.Г.*) у племен Скифии и Северного Кавказа уже в VI в. до н.э. В это время здесь в основном сложился весь комплекс скифского защитного доспеха, включавший шлемы, панцири и панцирные щиты и боевые пояса различных типов. Имеются также данные, позволяющие предполагать применение названными племенами тяжелых средств защиты боевого коня».[26]

«Существует мнение, – пишет специалист по истории конницы В.В. Тараторкин, – что до вторжения в Малую Азию и Месопотамию скифская конница состояла исключительно из легковооруженных лучников. Лишь позже, ознакомившись с военным делом ближневосточных народов, скифы переняли их тяжелое вооружение и стали его с успехом использовать. Так, например, считают М.В. Горелик, В.Ю. Мурзин и др. Нам же эта гипотеза представляется несколько ошибочной. Разумеется, мы не собираемся оспаривать возможность того, что скифские всадники заимствовали металлические – ламелярные и чешуйчатые – доспехи у ближневосточных народов, но, придя на их территорию, скифы наверняка уже имели отработанные на протяжении десятков лет междоусобных войн совершенные методы ведения конного боя; прекрасно знали сильные и слабые стороны рассыпного и плотного строя и наверняка использовали предохранительное вооружение как для всадника, так и для коня. Другое дело, что оно могло быть изготовлено из органических материалов: кожи, кости, дерева, не сохранившихся до наших дней...».[27]

Скифы, чтобы обезопасить лошадей от стрел, наверняка использовали защиту еще до вторжения в Малую Азию, потому что, как выразился Ксенофонт: «... в случае опасности для коня, опасность грозит и всаднику, и нужно вооружить коня налобником, нагрудником и набедренником, которые служат и для всадника. Но более всего надо прикрыть бока лошади, как самое опасное и слабое место. Их можно прикрыть чепраком, который должен быть так сшит, чтобы не только мог прочно сидеть всадник, но чтобы не жал спины лошади...».[28]

То, что скифы (точнее, родственные им массагеты – *В.Г.*) применяли конскую броню в классический античный период ни у кого не вызывает сомнений. На это есть прямые указания у Геродота: «... Также из меди делают они (массагеты – *В.Г.*) грудные панцири для лошадей: напротив, уздечки, удила и фалары приготовлены из золота». Сообщает об этом и Арриан, описывая сражение македонцев с персами при Иссе: «Воинов Александра (Македонского – *В.Г.*) пало больше: варвары подавляли своей численностью, а кроме того, и сами скифы, и лошади их были тщательно защищены броней».[29]

Латники, – считает В.В. Тараторкин, – могли использоваться лишь против конницы или легкой пехоты. Мнение, что катафракты успешно таранили и сминали плотные ряды тяжелой пехоты абсолютно неверно (см. А.М. Хазанов, С.П. Толстов, Г.А. Пугаченкова и др.)... Не сохранилось ни одного упоминания древних авторов о том, что конница в лобовой атаке прорвала пехотную фалангу. Но, впрочем, это вопрос спорный. Ведь многое зависело от конкретных обстоятельств на поле боя.

Компактные группы латников выстраивались различными боевыми порядками: в одну, две или три линии, на усмотрение командира. Кроме линейных построений, скифы строились клиньями. В клине вперед выставлялись воины, наиболее храбрые и подготовленные, поскольку им приходилось брать на себя основное бремя рукопашной схватки с врагом... Клин – один из видов построения, применявшийся

практически всеми армиями, и поскольку это не толпа, а строй, стало быть воины его составляющие, должны иметь организацию, дисциплину и понятие о том, какое каждому из них надлежит занять место, чтобы наиболее эффективно использовать имеющееся оружие».[30]

Теперь следует рассказать о лошадях скифов. Судя по дошедшим до нас изображениям (Куль-Оба, Чертомлык, Солоха и др.), лошади скифов не отличались высоким ростом, были довольно приземисты, с крупной головой и широкой грудью.

Своих боевых коней скифы специально приучали в сражении кусаться и бить врага копытами. Плиний Младший приводит один интересный факт: «Скифская конница славится своими конями; рассказывают, что когда один царек, сражавшийся с врагом, был убит, и победитель приблизился снять с него доспехи, то был убит конем побежденного посредством копыт и кусания...».[31]

Кони скифов высоко ценились и их соседями, использовавшими их для улучшения собственных лошадиных пород. Известно, что когда Филипп Македонский после разгрома скифского войска Атея в 339 г. до н.э. захватил 20 000 кобылиц, то он немедленно отправил их в Македонию, к своим табунам, для улучшения их состава.

Таким образом, тяжеловооруженная кавалерия, сопоставимая с катафрактариями у скифов, несомненно была. Появившись, по-видимому, еще в VI веке до н.э., она особое развитие получила в IV веке до н.э., когда в Северном Причерноморье усилилось противостояние воинственных кочевников с некоторыми из греческих городов-государств. Только «панцирная» и хорошо обученная кавалерия могла победить в открытом бою фалангу греческих гоплитов или тяжеловооруженную македонскую конницу.

У нас есть достаточно подробное описание одной из битв с участием «панцирных» скифских всадников в изложении греческого писателя Диодора Сицилийского (I век до н.э.). Речь идет о сражении на реке Фат (Прикубанье) в 310 г. до н.э. Подробный анализ хода этого сражения содержится в работе Е.В. Черненко «Военное дело скифов» (1997): «После смерти царя Боспора – Перисада началась борьба за престол между его сыновьями. На стороне законного наследника – Сатира выступили скифы-кочевники (10 тыс. конников и 20 тыс. пеших) и 4 тыс. наемников (по 2 тыс. греков и фракийцев). Претендента поддержало одно из кубанских племен – фатеи, выставившие 22 тыс. конницы и много пехоты». Решающая битва произошла на одном из притоков Кубани – реке Фат. «В центре боевого порядка Сатира находилась тяжеловооруженная скифская конница – «отборные воины», на правом фланге стояли наемники, на левом – скифская пехота. ... Исключительная важность описания хода битвы, приведенного Диодором, заключается в том, что Сатир – царь Боспора «... построил войско и сам по скифскому обычаю стал в центре строя». Ко времени битвы при Фате боевой порядок – «строй» скифов, о котором достаточно неопределенно писал Геродот в рассказе о скифо-персидской войне, уже превратился в «обычай». Скифы выработали определенные тактические построения и успешно их опробовали в минувших битвах.

Началась битва встречным боем («произошло упорное сражение»). Однако бой этот не принес успеха ни одной из сторон. Затем тяжеловооруженная конница скифов, находившаяся в центре при поддержке основной массы конницы, разгромила противостоящую ей конницу противника и нанеся ей значительный урон, обратила в бегство, начала преследование, «убивая всех попадавшихся на пути». В это время бой на правом фланге, где находились наемники, складывается для скифов неудачно. Наемники бегут. И вот тут скифская конница совершает то, что казалось невозможным. Командовавший ею и воевавший «по скифскому обычаю» царь Боспора «прекратил преследование и поспешил на помощь побежденным наемникам, нанеся противнику удар в тыл». Этот маневр и решил судьбу битвы. Находившаяся в распоряжении Сатира скифская конница оказалась на высоте положения. Тот маневр, который она успешно провела в этой битве, требовал высокой дисциплины, индиви-

дуального мастерства воинов, непререкаемого авторитета военачальника. Скифские конники сумели не только прорвать строй противника и начать его преследование, но и, восстановив боевой порядок, прекратить преследование деморализованного противника, сменить направление атаки и нанести удар в тыл части войск врага, которые успешно вели бой. Подобный маневр могли провести в те времена очень немногие конные части».[32]

Не менее очевидна решающая роль тяжелой скифской конницы и в разгроме известного полководца Александра Македонского – Зопириона. После неудачной осады Ольвии, он при отступлении на запад был уничтожен скифами вместе со своей 30-тысячной армией, где были в изобилии представлены и грозная македонская фаланга с ее ужасными копьями-сариссами и хваленая македонская тяжелая кавалерия. Совершенно очевидно, что эта армия состояла из профессиональных хорошо обученных солдат и сокрушить ее боевые порядки скифы могли только с помощью разящего удара тяжелой кавалерии, собранной в кулак.

Таким образом, наши общие представления о вооружении и военном деле у скифов претерпели за последнее время значительные изменения: скифы вели успешные войны не только с соседними кочевыми народами, но и с вымуштрованными войсками античных полководцев.

Но вернемся к территории Среднего Дона. В какой мере обитавшее там в V–IV веках до н.э. население разделяло общескифские стандарты по части вооружения и конской сбруи? Уже само местонахождение области Среднего Дона на далекой северо-восточной окраине Скифии, в окружении зачастую враждебных племен (угро-финнов на севере и кочевников-савроматов на востоке) делало жизнь местных скифов достаточно беспокойной и опасной. К тому же следует напомнить, что по своим природным ресурсам и выгодному географическому положению Лесостепное Подонье всегда привлекало к себе алчные взоры ближних и дальних соседей. Все это предопределило необходимость формирования здесь боеспособного и хорошо организованного войска и соответствующего вооружения. Поэтому, предметы вооружения и конской сбруи, находимые археологами в курганах и на городищах – главный наш источник по интересующей нас проблеме. Изучение оружия помогает осветить вопросы военного дела населения Среднего Дона в скифское время, характер его военной организации, боевой порядок и состав войска, тактику ведения боя, уровень развития военного искусства. Изучая кочевое общество на более позднем, средневековом этапе истории Евразии, С.А. Плетнева отметила огромную роль оружия для каждого «кочевника или полукочевника-всадника, входившего в феодальное ополчение, оружие и конь служили таким же средством «производства», как и любое орудие труда. Войны и грабежи в жизни средневековых (как и древних – *В.Г.*) кочевников были закономерным явлением. Именно поэтому оружие значило для каждого, даже рядового, кочевника гораздо больше, чем для общинника-земледельца».[33]

К началу XXI века на территории Среднего Дона было исследовано 9 курганных могильников скифской эпохи, в которых было обнаружено до 250 захоронений V–IV вв. до н.э. И в 175 могилах (72%) в том или ином составе найдены предметы вооружения: наступательного и оборонительного. Наступательное оружие представлено мечами и кинжалами, копьями и дротиками, луками и стрелами. К доспехам относятся панцири, боевые пояса, шлемы, щиты и поножи. Обратимся первоначально к защитному вооружению.

В 1970 году, в своей докторской диссертации, П.Д. Либеров подчеркнул, что на Среднем Дону в скифское время на 118 раскопанных кургана приходилось 22 железных чешуйчатых панциря или почти 20% могил. То есть почти каждый пятый захороненный здесь мужчина-воин имел для своей защиты самый надежный доспех. И это при том, что в отличие от степных областей Скифии, где покойника либо облачали в его панцирь, либо расстилали доспех и клали на него труп, по среднедонскому похоронному ритуалу панцирь вешали на железных крюках, вбитых в опорные

столбы или стены гробницы. В условиях сплошного ограбления эти доспехи могли сильно разрушить и даже вынести целиком за пределы кургана. Если мы сравним насыщенность могил Среднего Дона железными чешуйчатыми панцирями с родственными областями Приднепровской Лесостепи, то там на Правобережье на 500 раскопанных курганов придется 48 панцирей, а на Левобережье на 300 насыпей будет 28 доспехов. Таким образом, насыщенность самым надежным защитным вооружением среднедонских воинов – самая высокая во всей Скифии. В состав набора каждого панциря входили железные пластинки разных размеров и форм, из которых набирался ворот, грудная и спинная части панциря, оплечья, подол и рукава. Доспех, вероятно, имел вид рубашки с длинными рукавами и невысоким воротом. На боку панцири имели разрез, что облегчало их надевание. При изготовлении панцирей металлические пластины крепились на кожаную основу, для которой применялась плотная и прочная кожа спинной части крупного рогатого скота, которая обрабатывалась растительными дубителями.

На Среднем Дону на 2007 год найдено 30 железных панцирей, которые распределяются по могильникам следующим образом: Частые Курганы – 12, у с. Мастюгино – 4 экземпляра, Русская Тростянка – 3, Дуровка – 4, Колбино – 6 и Горки I – 1 экземпляр.

Следует также помнить, что у скифских воинов (особенно рядовых) широко применялись надежные доспехи из толстой воловьей кожи, на которую нашивались спереди большие металлические бляхи и пластины (остатки такого кожаного панциря найдены в кургане № 2 у с. Мастюгино, раскопки 1908 г.). К сожалению, такие панцири из органических материалов (не только кожа, но также дерево и кость) до наших дней практически не сохраняются.

Особую роль играют, видимо, в воинском доспехе железные панцири, нагрудная часть которых обтянута толстой золотой фольгой. Таких панцирей в Скифии IV века до н.э. известно сейчас шесть: Александропольский курган, Куль-Оба, Толстая Могила, Мелитопольский курган (все они так называемые «царские»), Частые Курганы (курган № 2, раскопки ВУАК) и Мастюгино (курган № 11/16, раскопки П.Д. Либерова).

«Покрытие золотом железных и тщательная полировка бронзовых пластин, – отмечает Е.В. Черненко, – преследовали не только декоративные цели. «Блеск оружия вызывает у врага особый ужас», – писал военный теоретик древнего Рима Вегеций. Панцири с золотым набором могли быть и знаком отличия крупного военачальника...».[34] Таким образом, «золотые доспехи» свидетельствуют о присутствии на Среднем Дону в IV веке до н.э. по крайней мере двух крупных военачальников.

Мне представляется, что обилие железных чешуйчатых панцирей в рассматриваемой области – прямое отражение реалий того беспокойного времени: ведь скифы Среднего Дона, жившие на северо-восточной окраине большого государства, испытывали постоянное давление со стороны враждебных сил. Для успешной защиты своих земель среднедонское население должно было постоянно «держать под ружьем» довольно многочисленное и хорошо вооруженное войско, ядро которого составляли профессиональные воины-дружинники с соответствующим оборонительным и наступательным оружием. К сожалению, в давно разграбленных могилах нам остаются лишь жалкие остатки былого великолепия, сопровождавшего в Загробный мир конного воина.

Количество только уцелевших до наших дней в среднедонских курганах скифского времени защитных доспехов (каждый пятый погребенный мужчина имел железный панцирь) определенно говорит о том, что тяжеловооруженная кавалерия составляла существенную часть местных воинских отрядов. Что касается других оборонительных доспехов, то они представлены пока немногочисленными экземплярами: остатки бронзового шлема античного («фракийского») типа найдены в кургане № 2 у с. Мастюгино; бронзовые греческие поножи встречены в курганах Лесостепного По-

донья IV века до н.э. трижды – две пары в Мастюгинских курганах и одна в кургане № 13 у с. Горки, деревянные щиты с «панцирным» покрытием также отмечены в среднедонских могилах трижды – курган № 23 в группе «Частые Курганы», курган № 3 у с. Мастюгино и курган № 4 у с. Колбино. Изображение небольшого овального легкого щита из дерева и кожи можно видеть на знаменитой серебряной вазе с фигурами скифов из «Частых Курганов» (курган № 3). Непременный атрибут скифского воинского снаряжения – кожаный пояс с нашитыми на него вертикально бронзовыми или железными пластинками – обнаружен в кургане № 3 у с. Мастюгино (бронзовый набор) и в кургане № 3 у с. Колбино (железный набор).

Мечи и кинжалы общескифских типов V–IV вв. до н.э. обнаружены в 20 погребениях Среднего Дона. Они имеют различную длину и разное оформление рукояти (перекрестья и навершия). Длина некоторых из них достигает 90–100 см, и они явно предназначались для рубки с коня. Следует обратить также внимание и на два меча из Колбинского могильника с ажурными клинками и зооморфным оформлением рукоятей, которые полностью повторяют парадные мечи из «царского» кургана Чертомлык в Степном Приднепровье.

В одном случае нам удалось проследить и общую длину копья по наконечнику и втоку, лежащих вдоль стенки могилы. Это явно штурмовое копье, или кавалерийская пика. Ее длина 3,32 м (курган № 12, Терновое). Дата – IV век до н.э.

К числу локальных особенностей среднедонского вооружения следует отметить явное преобладание железных втульчатых наконечников стрел над бронзовыми в колчанах местных воинов. Во всем же остальном и защитное и наступательное оружие людей, погребенных в среднедонских курганах, полностью повторяют те образцы, которые господствовали в Степной и Лесостепной Скифии в V–IV вв. до н.э.[35]

Археологи часто любят цитировать строки из одного популярного стихотворения Ивана Бунина:

«Молчат гробницы, мумии и кости,
Лишь слову жизнь дана.
Из древней тьмы на мировом погосте
Звучат лишь письмена...».

Но в наши дни эти вроде бы бесспорные слова явно устарели. Благодаря колоссальным достижениям современной науки, «заговорили» вдруг и мертвые человеческие кости. Они теперь при активном участии антропологов – ценнейший источник исторической информации, раскрывающий самые разные и подчас совершенно неожиданные стороны жизни древних людей. Одна из наиболее полных коллекций человеческих останков скифской эпохи (свыше 100 индивидов разного пола и возраста) из курганного могильника у сёл Терновое и Колбино позволила антропологам сделать ряд важных выводов о былой жизни этих людей. Они не страдали какими-либо серьезными хроническими заболеваниями. Их пищевой рацион был хорошо сбалансирован и разнообразен. На зубах нет никаких следов кариеса. Причем и мужчины и женщины питались одинаково. Но средняя продолжительность жизни была невелика: у женщин 33–35 лет, у мужчин 39–40 лет. По всем своим физическим признакам это было кочевое или полукочевое население. По отражению на костях физических нагрузок (мышцы шеи, плеч, спины, бедер и т.д.) можно заключить, что все мужчины были конными воинами. А сравнительно небольшая продолжительность жизни многих из них была связана с повышенной военной активностью. Обследование скелетов позволило выявить на некоторых из них следы боевых ран и травм, в ряде случаев вызвавших смерть данного индивида.

Так, в кургане № 7 у с. Терновое мужчина 30–39 лет имел на черепе над правой глазницей зажившую впоследствии рану, нанесенную каким-то тупым орудием. В кургане № 9 того же могильника мужчина 30–35 лет получил большую рану в об-

ласть живота (следы в районе поясничного позвонка), нанесенную каким-то острым режущим оружием, что и стало причиной его смерти. Курган № 12 содержал захоронение мужчины-воина 30–39 лет со следами рубленой раны на лицевой части черепа, впоследствии зажившей.

Следы былых кровавых битв удалось проследить и в погребениях у с. Колбино: курган № 7, мужчина 45 лет, с проломом височной кости без следов заживления – явно смертельная рана; курган № 15 – мужчина 40–45 лет с переломом грудного позвонка (рана зажила, но позвоночник искривился) и страшной раной на лицевой части черепа от удара колющего оружия (копья?) снизу вверх; в кургане № 33 погребен мужчина 30–39 лет, раненый дважды: в лицо, каким-то колющим орудием снизу вверх и в бедро режущим орудием, но обе раны благополучно зажили и человек жил еще какое-то время; у мужчины 45–54 лет из кургана № 36 обнаружены проникающее ранение в затылочную часть черепа от бронзовой стрелы и ранение в область грудной клетки со спины (тоже стрелой), от чего этот человек и умер.

В сражениях участвовали и женщины. Погребенная в кургане № 15 воительница довольно почтенного для тех времен возраста, 40 лет, получила при жизни смертельную рану в брюшную полость каким-то острым режущим орудием.[36]

Таким образом, судя по всему, обитатели благодатной среднедонской лесостепи вели довольно беспокойную и полную опасностей жизнь, отбивая постоянные атаки вражеских отрядов, что делало эту далекую северо-восточную границу Скифии поистине «огневой».

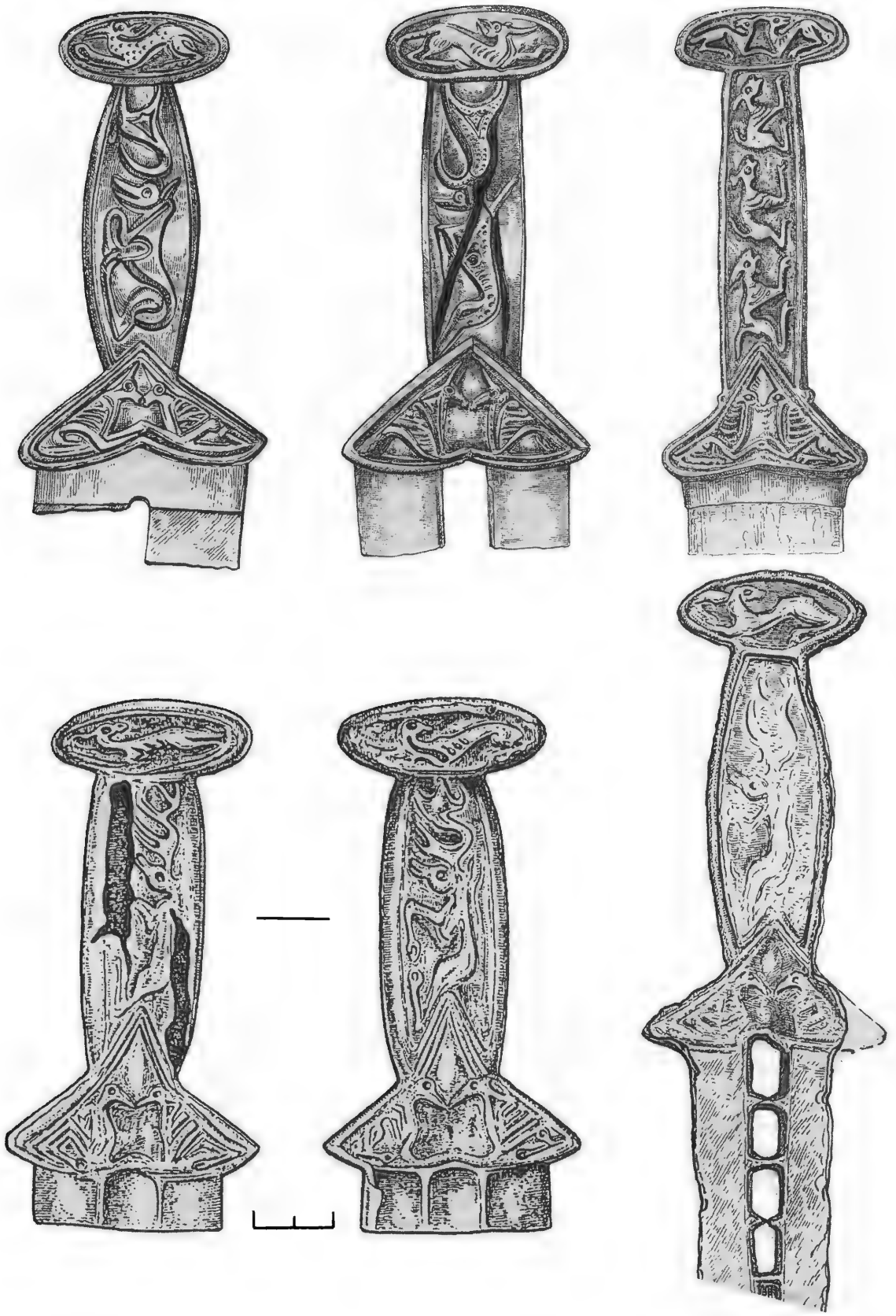


Рис. 1. Мечи «парадные», «чертомлыцкого типа, IV в. до н.э. (с рукоятями обложенными золотом): 1 – курган Чертомлык; 2 – курган № 8, Пятибратние курганы у ст. Елизаветской; – курган № 7, с. Колбино, Средний Дон; 4 – курган № 3, Частые курганы близ Воронежа. 5 – курган № 36, Колбино, Средний Дон.

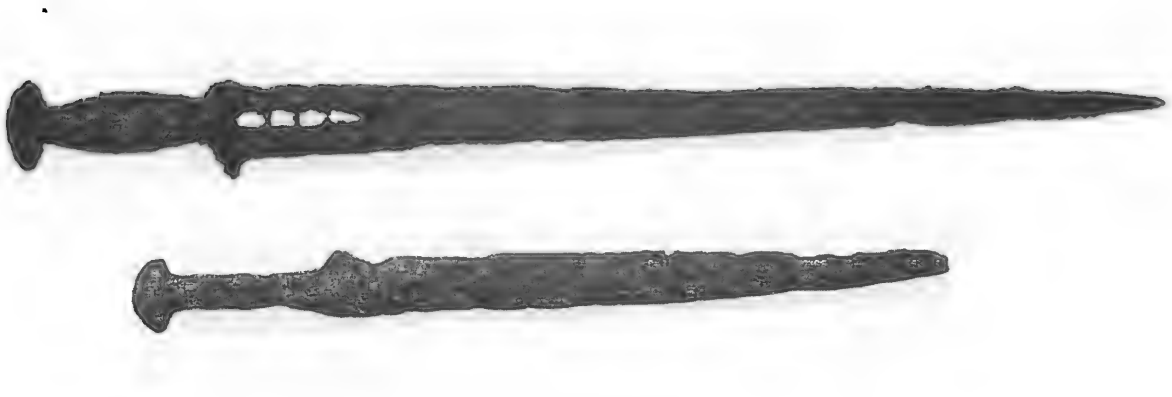


Рис. 2. Меч и кинжал из погребения воина. Курган № 36, с. Колбино.

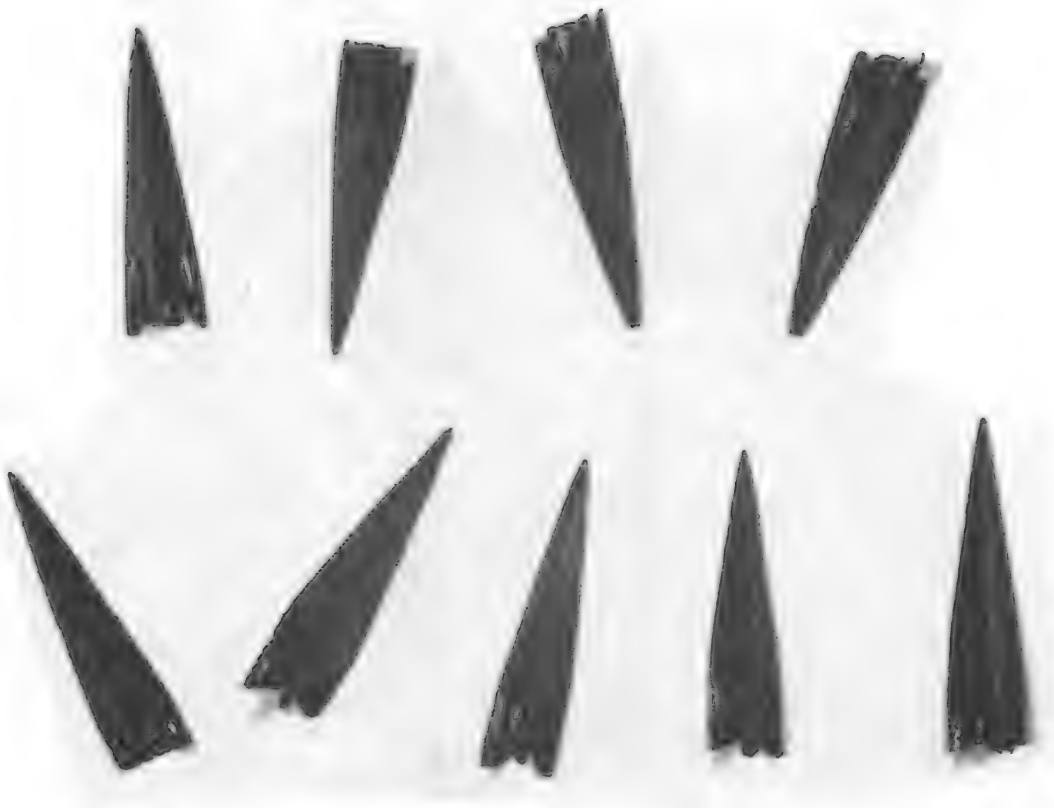


Рис. 3. Бронзовые наконечники скифских стрел.
Курган № 6, с. Терновое (погребение «амазонки»).

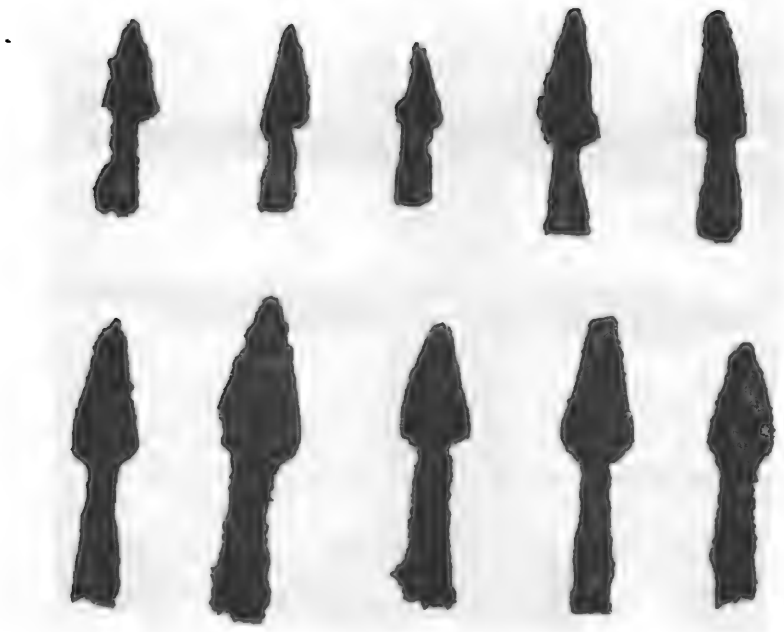


Рис. 4. Железные втульчатые трехлопастные наконечники стрел из скифского могильника у с. Колбино.

Рис. 5. Наконечники копья и дротика из могилы воина. Курган № 12, с. Терновое.

Рис. 6. Изображения двух сражающихся всадников-варваров. Железная поясная пряжка, обтянутая золотой фольгой. Близ г. Керчь (случайная находка).

Рис. 7. Золотая нашивная бляшка с изображением легковооруженного скифского воина-всадника. Курган Куль-Оба, близ г. Керчи.

Рис. 8. Сражение конного и пеших скифских воинов.
Сцена на золотом гребне из кургана Солоха.

Рис. 9. Скифы со щитами, копьями и горитом (лук и стрелы).
Сцена на электровой вазе из кургана Куль-Оба.

Рис. 10. Скиф, укрощающий коня. Серебряная ваза из кургана Чертомлых.

Рис. 11. Железная бляха с золотой обкладкой, со сценой сражения.
Геремесов Курган.

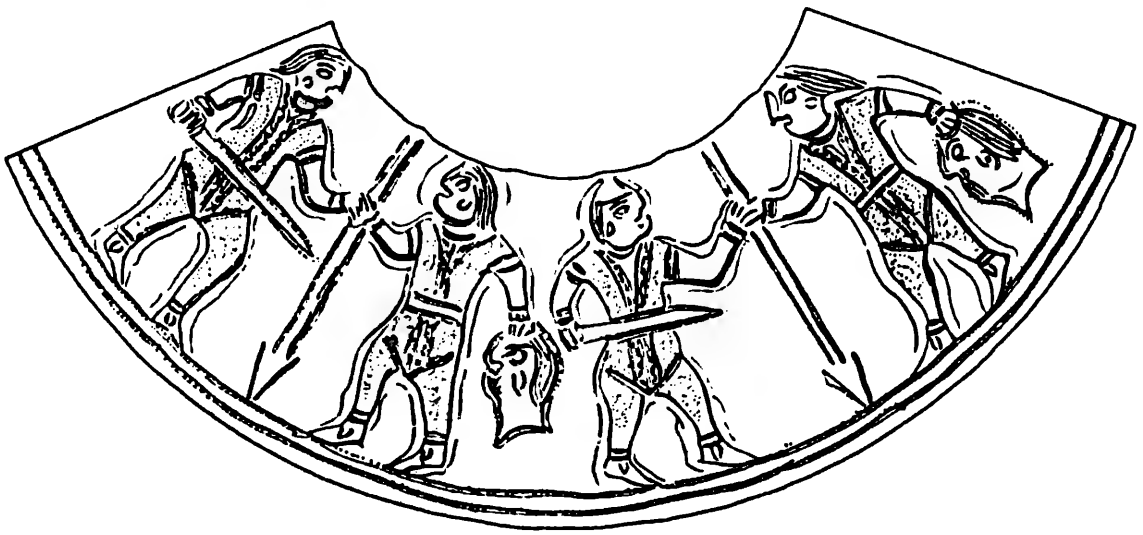


Рис. 12. Скифские воины с отрубленными головами врагов.
Курган Курджипс в Прикубанье, IV в.до н.э.

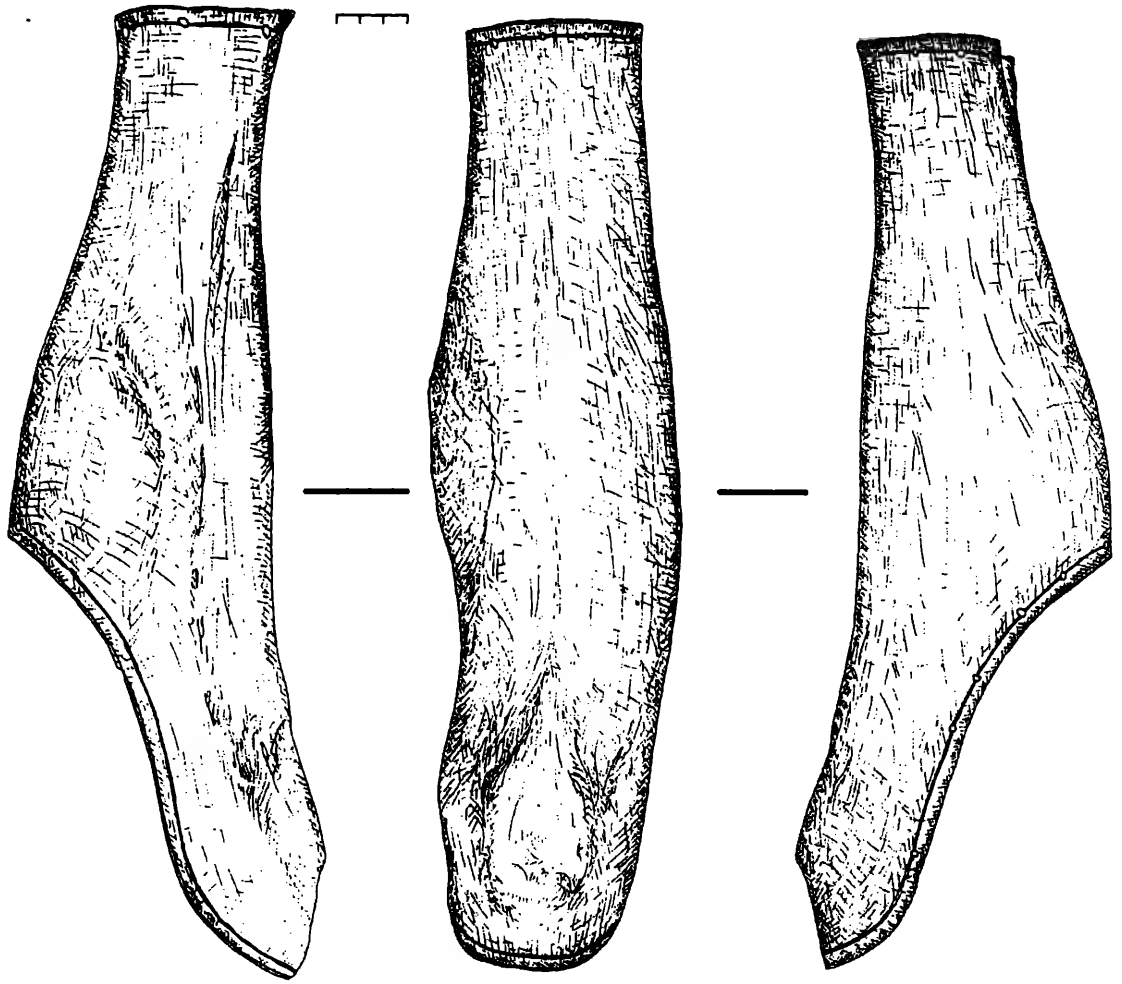


Рис. 13. Бронзовые греческие поножи. Курган № 13, с. Горки.

Рис. 14. Скифы, лечащие раны. Электровый кубок из кургана Куль-Оба.

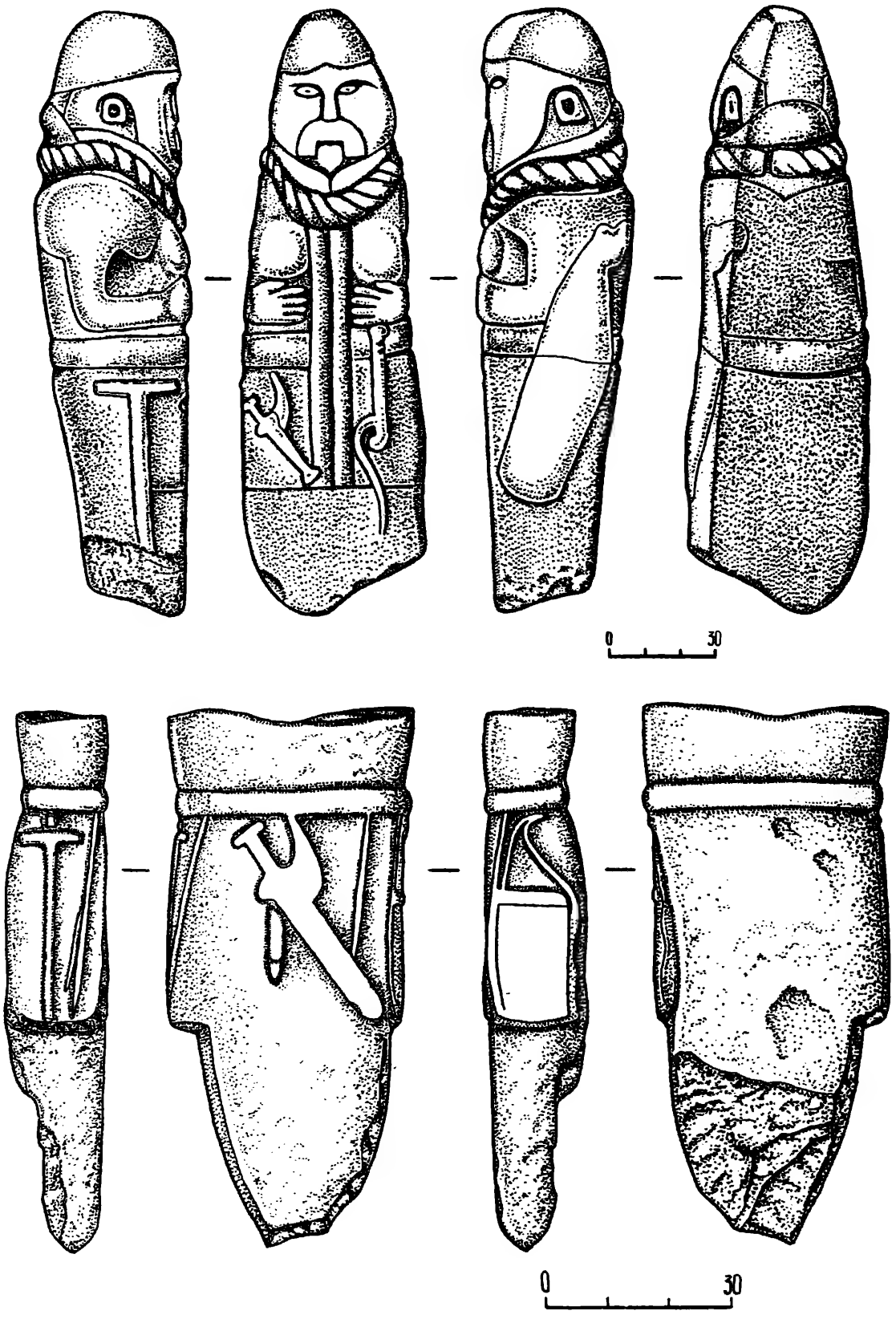


Рис. 15. Скифские каменные стелы с изображением предметов вооружения (меч, горит с луком и стрелами и нагайка). Степное Приазовье, Мариуполь и Ольховчик.

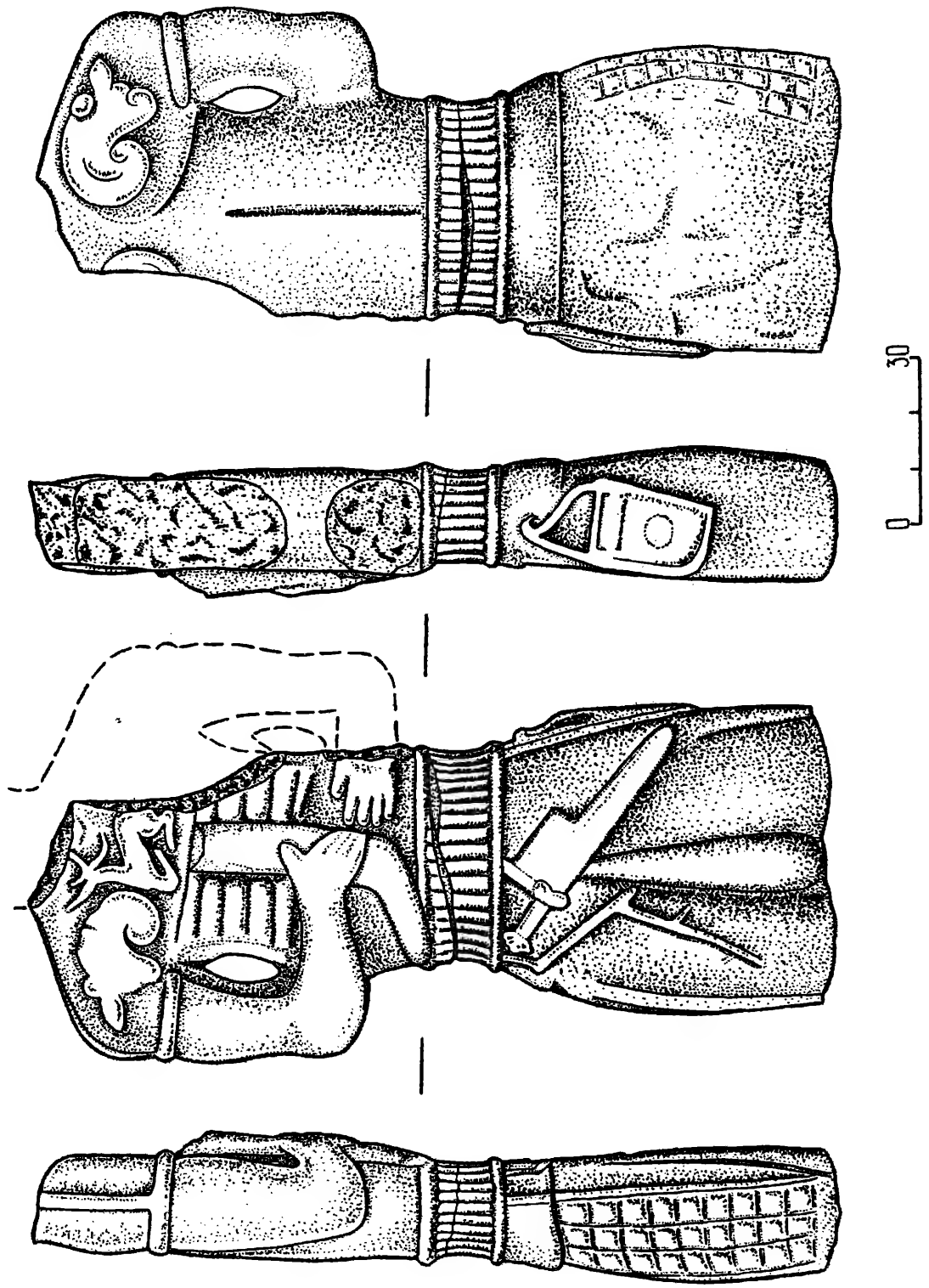


Рис. 16. Скифская стела. Изображает воина в металлических доспехах, с боевым поясом, ритоном, мечом и горитом. Краснодарский край.

Рис. 17. Конный скифский воин в панцире и с копьем. Реконструкция Д. Шевчука по материалам из кургана VI в. до н.э. у с. Щучинка, Киевская область.

Рис. 18. Тяжело вооруженный скифский воин, погребение в кургане V в. до н.э. у с. Гладковщина, Черкасской обл., Украина. Реконструкция Д. Шевчука.

Рис. 19. Скифский конный воин в доспехах, с мечом и луком.
Реконструкция М. Горелика.

Рис. 20. Серебряные псалии – часть конской сбруи. Курган № 26, с. Колбино.

Рис. 21. Железные удила с бронзовыми псалиями.
Курган № 10, с. Горки, Белгородская область.

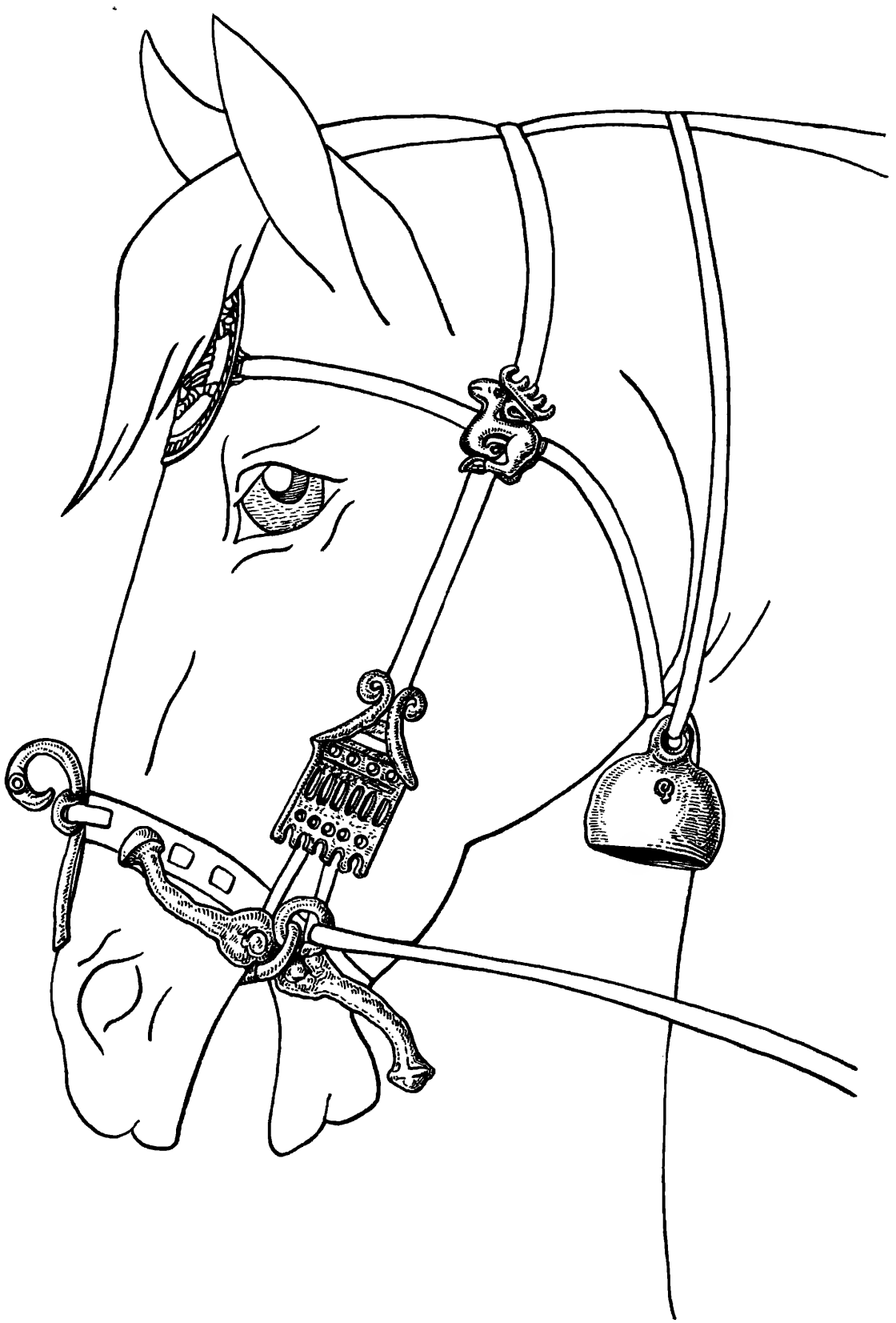


Рис. 22. Реконструкция конской узды по материалам среднедонских курганов (по П.Д. Либерову).

Глава VIII

ИСКУССТВО ДОНСКИХ СКИФОВ

«В одно русло дождями смыты
И грубые обжиги неолита,
И скорлупа милетских тонких ваз,
И позвонки каких-то прошлых рас,
Чей облик стерт, а имя позабыто...».
Максимилиан Волошин, 1906

«Вклад скифов в мировую сокровищницу искусства, – пишет Т.Т. Райс (США), – огромен. Некоторые их изделия из металла имеют непреходящую ценность, а отдельные изображения животных, такие как пантера из станицы Келермесской или лев с чепрака из Пазырыка, могут выдержать сравнение с иллюстрациями Пикассо, Бюффона или с рисунками зверей поздних художественных школ. И хотя они не обогатили мир какими-то монументальными творениями, скифы перекинули мост между Древним миром и славянской Россией и оставили после себя стиль, который оказал влияние на развитие некоторых видов европейского искусства».
(Т.Т. Райс, 2001)

Приступать к рассказу об искусстве давно исчезнувшего народа, да к тому же не имевшего своей письменности, – задача не из легких. Те виды искусства, которые относятся к духовной сфере культуры, такие как фольклор, песни, музыка, нематериальные виды религиозных обрядов – исчезли вместе со скифами и, по-видимому, навсегда. Хотя, благодаря поистине титаническим усилиям многих поколений ученых кое-что удается воссоздать и здесь. «Существование у скифов развитой мифологии и эпоса, – считает Д.С. Раевский, – не вызывает сомнений. Но отсутствие собственно скифской письменности чрезвычайно сузило круг дошедших до нас образцов скифского фольклора. Фрагменты, известные нам в передаче античных авторов, бесспорно, ничтожная часть того богатства, какое некогда представлял этот фольклор».[1]

Даже среди материальных воплощений скифского искусства сохранилось далеко не все. В первую очередь, беспощадное время не пощадило предметы, сделанные из органических веществ – дерева, кожи, войлока, тканей, меха. И если бы не удивительный феномен «ледяных гробниц» Алтая, где, в силу счастливого стечения обстоятельств, подобного рода «хрупкие» изделия сохранились на удивление хорошо, мы так никогда и не узнали бы о богатейшем мире культуры кочевников Евразии I тысячелетия до н.э.

В истории любой страны, любого народа есть явления, заслуживающие того, чтобы быть предметом их особой гордости, явления, не только привлекающего пристальное внимание специалистов, но и способные вызвать активный душевный отклик у самых широких кругов зрителей, читателей, слушателей. Культурное наследие Рос-

сии с ее необозримыми пространствами и многонациональными традициями столь богато и разнообразно, что в нем нелегко выделить сравнительно небольшой круг таких наиболее значимых явлений. Но даже на таком блестящем фоне не может и не должен затеряться тот самобытный художественный феномен, которому и посвящена данная глава – искусство кочевых и полукочевых племен и народов Северного Причерноморья, так называемый «звериный стиль». Произведения этого искусства, найденные при раскопках древних погребений на территории современных России, Украины и сопредельных с ними областей, привлекают лаконизмом и совершенством художественных решений, смысловым богатством, способностью безымянных стародавних мастеров с максимальным эффектом использовать природу материала – золота, бронзы, кости, дерева – и форму украшаемых зооморфными мотивами предметов.

Посетители музеев – Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге, Государственного Исторического музея в Москве, Музея драгоценных изделий в Киеве – наверняка обращали внимание на выставленные там в витринах золотые и бронзовые фигурки оленей с длинными, закинутыми за спину рогами и с подогнутыми ногами, как бы «летящие в галопе», хищных зверей с когтистыми лапами и огромными зубастыми пастями, птиц с длинными, загнутыми в спираль клювами, массивных лосей и кабанов. Такие изображения животных археологи находят в курганах на всем пространстве степей (и, частично, лесостепи) Евразии. Это – произведения искусства древних кочевников, в основном ираноязычных, – искусства, получившего в науке название «скифский звериный стиль», потому что изображались в этом стиле главным образом дикие животные.[2] Эффект, который производят эти звериные изображения, чрезвычайно силен. Большое разнообразие самих существ не менее впечатляюще, чем всевозможные виды, в которых они появляются. Реальные и придуманные, возможно, существовавшие и в то же время невероятные звери соперничают и противостоят друг другу, переплетаются и смешиваются друг с другом с такой неистовой непринужденностью и яростью, что перед нами раскрывается новый, неожиданный и неизведанный мир. Когда мы осмеливаемся проникнуть в эту незнакомую страну – напряженные мускулы здесь, испуганный взгляд там, великолепные оленьи рога впереди, – все детали вступают в тайный сговор, чтобы передать нам зашифрованное послание о духовном мире и религиозных верованиях давно ушедшего в небытие народа.

Но почему этот стиль надо называть именно «скифским»? Ведь животных любили изображать почти все люди, жившие в эпохи древности и средневековья. Чем же отличались произведения скифского звериного стиля от иных изображений животных? Еще в начале прошлого века выдающийся российский ученый М.И. Ростовцев выделил основные признаки скифского звериного стиля и, надо сказать, что его выводы полностью сохранили свое значение и до сих пор.[3]

Прежде всего, скифские звери отличаются от прочих *способом моделировки поверхности тела.* «И тело животного в целом и отдельные его детали – ноги с копытами или когтями, рога оленей, клюв хищной птицы, глаза, уши, пасть зверя, – отмечает Е.В. Переводчикова, – составлены из сходящихся под углом плоскостей. Эти плоскости образуют крупные грани с острыми ребрами, на которых создается неповторимая, свойственная только скифскому звериному стилю игра света и тени. Считается, что выработался этот прием сначала в вышивке, аппликации и резьбе по дереву. По-видимому, именно работа по дереву и натолкнула мастера на мысль о перенесении подобного приема и на другие материалы».[4] Изображения зверей у скифов исполнялись из кости, рога, бронзы, золота, реже – из железа и серебра. Использовалась при этом самая разнообразная техника – литье, штамповка, чеканка, резьба и гравировка.

Наиболее популярными у кочевников были звери, обладавшие силой и выносливостью, стремительностью и быстротой реакции, зоркостью и тонким обонянием, мо-

щью первого удара. Подобное стремление подчеркнуть наиболее важные достоинства того или иного животного привело скифских мастеров к выработке еще одного оригинального изобразительного приема – *акцентированию признаков*. Некоторые части тела животного в скифском зверином стиле, как правило, преувеличены. Рога оленя по длине обычно не уступают спине животного. Огромный глаз может целиком занимать голову зверя или птицы, а часто выходит и за ее пределы. Ноздри и пасть хищника тоже преувеличиваются и также могут выступать за пределы головы, в результате чего сама ее форма бывает продиктована контуром этих деталей. То же самое можно сказать и о голове хищной птицы, состоящей из большого глаза и огромного клюва в виде крючка или даже спирали – до такого утрирования доходит изображение клюва, по природе загнутого. Когти на концах лап хищных зверей и птиц также неестественно велики.

Этой же цели служил и еще один прием, получивший название «*прием зооморфных превращений*». Суть его заключается в том, что для усиления или подчеркивания каких-либо деталей их оформляли дополнительными изображениями животных или наиболее важных частей их тел. Так, отростки рогов оленей и лосей, концы лап хищных зверей, копыта травоядных зачастую изображались в виде птичьих головок с загнутыми клювами. Иногда концы лап зверей украшены фигурками свернувшихся в кольцо хищников. Нередко различные фигурки помещаются на бедре или лопатке животного.

Для скифского звериного стиля характерен строго ограниченный набор канонических поз. Кажущееся на первый взгляд многообразие их на самом деле сводится всего к четырем: свернувшийся в кольцо хищник; животное с опущенными ногами; животное с ногами, согнутыми под углом и с поджатыми под туловищем ногами, лежащими одна на другой. Птицы обычно изображаются с распущенными крыльями. «Животные, выполненные в канонах скифского звериного стиля, – пишет Е.В. Переводчикова, – как правило, изолированы от окружения. Они существуют сами по себе, не имея никакого фона и крайне редко образуя сюжетные сцены. Более того, эти животные не только оторваны от окружения, но и не связаны никаким действием».[5]

Еще в 20-х годах прошлого века известный российский археолог Г.И. Боровка – один из крупнейших специалистов по скифскому звериному стилю, обратил внимание на особенность позы тех оленей (а олень – самый популярный мотив в скифском искусстве), которые показаны как бы стоящими. В действительности же их ноги не стоят на земле – они скорее «свешиваются» вниз, так что фигурка производит странное впечатление «парящей» в воздухе. Еще одна поза оленя в скифском зверином стиле – с подогнутыми ногами – и сейчас вызывает много споров; чаще всего таких оленей называют «летящими», имея в виду, разумеется, не полет как таковой, а определенную стадию прыжка. Однако, когда зоологи с помощью киносъемки проследили последовательность поз оленя, движущегося в галопе, выявилось, что запечатленная в скифских изображениях поза ему вообще не свойственна. Не более понятны в этом смысле и свернувшиеся в кольцо хищники – ведь в природе данная поза характерна для спящих животных, а в скифском искусстве они представлены фигурами с широко открытым огромным глазом. Эти наблюдения позволяют полагать, что скифские звери вообще не показаны в каком-либо действии – они просто существуют. Едва ли поэтому следует говорить о стоящих, лежащих, скребущихся зверях – это просто звери в строго канонических позах. Итак, перед нами совершенно определенный способ изображения животных – способ, отличающий произведения скифского звериного стиля от любых иных зооморфных изображений, поэтому правомерность существования самого термина не должна вызывать сомнений.

Сюжетные сцены – речь идет о так называемых сценах борьбы зверей и сценах «терзания» – появляются в скифском искусстве относительно поздно, лишь в конце V века до н.э. И в них уже вполне осязаемо чувствуются греческие влияния.

На протяжении своего многовекового существования (VII–IV вв. до н.э.) скифский звериный стиль подчинялся единым законам и руководствовался общими изобразительными приемами. И тем не менее, в его развитии ученые прослеживают два больших этапа – ранний (VII–VI века до н.э.) и поздний (V–IV вв. до н.э.). Для изображений раннего этапа характерны, прежде всего, определенный реализм, целостность образа, стремление мастера приспособить мотив к форме вещи, свободное размещение фигур в пространстве, лаконичность и редкость сюжетных сцен. Излюбленные образы этого времени – баран, «грифо-баран», хищники кошачьей породы, лось, орел, лошадь, горный козел.

Более поздний этап отличается усилением схематизма, перенесением акцента на форму украшаемой вещи, меньшим лаконизмом, появлением сюжетных сцен и растительных мотивов, увеличением пышности в орнаментации («скифское барокко»). Преобладают образы льва, горного козла, кабана, появляются изображения волка и медведя, а место «грифо-барана» прочно занимает заимствованный из эллинского искусства крылатый орлиноголовый грифон. К концу этого этапа влияние греков настолько усиливается, что скифский звериный стиль иногда называют даже «греко-скифским».[6] Правда, это характерно не для всех областей Скифии. Создается впечатление, что звериный стиль имел чисто декоративный характер – ведь все изображения животных, независимо от материала, в котором они созданы, украшали вещи, использовавшиеся как в быту, так и в ритуальных целях. В основном, изображения в зверином стиле встречаются на предметах, жизненно важных для скифов-воинов: оружие, конская сбруя, вещи культового назначения, одежда и личные украшения (они же – предметы, отражающие социальный статус, престиж данного человека: гривны, серьги, пекторали, браслеты, перстни и др.). Особенно много звериных образов и сюжетов использовалось для оформления узды боевого коня: здесь были задействованы практически все мотивы и персонажи, включая рыб и змей, а также сцены терзаний копытных хищниками.[7]

Чем же руководствовались кочевники, помещая изображения зверей и птиц на свои вещи? Прежде всего, важно отметить, что звериный стиль, как и вся скифская культура был новообразованием, появившимся на обширных пространствах степей Евразии не позднее VII века до н.э., и нет никаких сомнений в том, что он отражал идеологические воззрения именно ранних ираноязычных кочевников.

Скифы, как и их соседи, украшали свои вещи (костюм оружие и конскую сбрую, предметы туалета и культа) стилизованными изображениями животных. Зооморфные образы, без сомнения, были навеяны пережитками тотемических верований, но главный смысл скифского «звериного стиля» – сакрально-магический.

Скифские мастера особо выделяют и подчеркивают те органы животных и птиц, которые символизировали зоркость и остроту слуха, силу, ловкость и смелость в борьбе – глаз, ухо, рога, зубастую пасть, клюв, когтистые лапы. Тело зверя иногда заполняется фигурами других животных или их частями, отмечаются мускулы шеи и плеча. Все перечисленные особенности стиля типичны для искусства раннекочевых обществ на обширных степных пространствах Евразии, от Дуная на западе до границ Северного Китая на востоке. Это лишний раз подтверждает общие корни происхождения «звериного стиля» в скифскую эпоху (VII–III вв. до н.э.), возникшего и развивавшегося у многих племен степи и лесостепи с близкими идеологическими представлениями и образом жизни.

Итак, главное функциональное назначение звериного стиля – сакрально-магическое. Ведь изображаемые животные воплощали черты так необходимые и высоко ценимые кочевниками вообще и скифами, в частности. В представлениях многих народов древности образы некоторых зверей или наиболее характерных частей их фигур символизируют перенесение присущих им черт на владельца изображения. Конь воина должен был, таким образом, «лететь быстрее лани», меч и копье разить врага словно смертоносный удар лапы льва или клюва орла. Кроме того, скифы верили в

охранительные свойства предметов с изображениями зверей и птиц, призванных устрашать и отпугивать, как врагов, так и злых духов и, тем самым, оберегать хозяина данной вещи. Это были своего рода обереги-талисманы.

Однако, с недавних пор некоторые ученые, не отрицая магического значения скифского искусства, отдают предпочтение мифологическому его истолкованию, хотя это мифологическое содержание понимается по-разному. Тем не менее, они считают звериные образы инкарнациями (воплощениями) различных богов, героев и мифологических персонажей. Классический пример архаического представления о божестве у древних иранцев (а скифы, по всеобщему признанию, относились по языку и культуре к северной ветви обширного иранского мира) – многократные зоо- и антропоморфные превращения бога Веретрагны в «Авесте». Точно так же сцены терзания хищниками травоядных и сцены борьбы зверей находят свое объяснение среди дуалистических воззрений индоиранских народов древности. Наиболее распространенное толкование этих сюжетов – непрерывность жизненного цикла и возрождение через уничтожение, через смерть.

Требует своего объяснения и ограниченность репертуара звериных образов, воплощаемых скифскими мастерами в своем самобытном искусстве. Почему из всего богатства окружающего их мира живой природы они упорно отбирали лишь строго ограниченный ряд животных и птиц? Здесь, видимо, важную роль играло то, что в зооморфное оформление различных предметов скифы часто вкладывали и свои представления о строении мира. «Многие древние народы, в том числе и ранние кочевники евразийских степей, – отмечает украинская исследовательница Е.Е. Фиалко, – мыслили Вселенную разделенной по вертикали на три мира: верхний (небесный), средний (принадлежащий людям) и нижний (подземный). Такое представление о мироздании условно называется «концепцией мирового древа» – потому что каждое дерево растет вертикально и при этом имеет крону, ствол и корни, т.е. три части, по размещению в пространстве соответствующие тем самым трем зонам, о которых только что шла речь...».[8] В древности существовали разные способы символического обозначения трех зон мироздания. И один из них, пожалуй, самый распространенный, был основан на зооморфном «языке», или коде, согласно которому верхний мир связан с птицами, средний – с копытными животными, а нижний – с рыбами, хищниками и пресмыкающимися. Взглянув на скифский «звериный стиль» сквозь призму этой концепции, мы получим объяснение репертуара его образов. В самом деле, здесь представлены три группы изображений: это птицы, копытные и хищники... При этом скифский зооморфный код отличается от универсального лишь тем, что нижний мир обозначен наряду со змеями и рыбами, также и хищными зверями.

Среди персонажей скифского «звериного стиля» встречаются животные, как бы объединяющие собой разные миры. Это – так называемые «медиаторы». В скифской мифологии роль посредника-медиатора выполнял, в частности, кабан. Он подходил для такой роли из-за своей двойной природы: с одной стороны, это копытное животное, питающееся желудями, а с другой – плотоядный и опасный для человека зверь, родственный хищникам. Поэтому неудивительно, что древнее сознание отвело ему роль посредника между нижней (загробной) и средней (живой, обитаемой людьми) зонами мироздания.[9]

Итак, в скифском «зверином стиле» посредством образов зверей выражались определенные идеологические представления, то есть образ животного или птицы выступал как элемент кода – знак, обладающий определенным значением. При подобном подходе к скифскому искусству, его можно представить как своего рода язык, а его произведения изучать как тексты, составленные на таком языке.

Чтобы не утомлять читателя дальнейшим изложением многочисленных и труднорazрешимых научных проблем, связанных со скифским звериным стилем, перейду к рассказу о наиболее значимых и реальных образцах этого стиля в Лесостепном По-

донье в V–IV вв. до н.э. Правда, здесь нам необходимо ознакомиться с общими оценками характера искусства звериного стиля Среднего Дона в V–IV вв. до н.э., которые высказывались нашими исследователями в последние три–четыре десятилетия.

Прежде всего, дадим слово П.Д. Либерову. «Наши исследования, – пишет он, – показывают, что звериный стиль Подонья обладает не только ярко выраженными локальными признаками, но и значительной примесью чужеземных элементов (из Передней Азии и античного мира), которые имеют ряд аналогий в скифском мире (изображения пантер, львов, орлиных и львиных грифонов и их геральдическое расположение; изображения оленей; стилизация отдельных частей животных и др.)».[10]

Казалось бы, вполне взвешенная и обоснованная позиция – местная подоснова стиля и сильные внешние влияния. Но несколькими строками ниже этот же автор не оставляет от названной «взвешенности» ни малейшего следа. По его мнению, на Среднем Дону в скифскую эпоху существовала сугубо оригинальная и самостоятельная «скифоидная» по облику культура оседлых земледельцев и скотоводов – будинов Геродота, принадлежавших, скорее всего, к угро-финскому этносу. «В довоенное, а тем более в дореволюционное время, – отмечает П.Д. Либеров, – Средний Дон в силу недостаточной изученности археологических памятников не был выделен *в самостоятельную этнокультурную область* (курсив мой – *В.Г.*). Его территория считалась периферией скифо-сарматского мира, а культура (в том числе и искусство) – скифской... Мы имеем здесь (в Лесостепном Подонье – *В.Г.*) дело не только и, пожалуй, не столько с привнесением на эту территорию обычных для широких пространств Евразии образцов звериного стиля, сколько с широким использованием работ местных мастеров, отображающих на самых разных материалах и давно знакомыми методами большой круг местной фауны. Этим мы хотим сказать, что изобразительное искусство племен Среднего Дона имеет глубокие местные корни...».[11] Что касается местных корней среднедонского искусства, то эта точка зрения в целом уже давно отвергнута современной наукой. Доказано, что носители среднедонской культуры скифского периода пришли в рассматриваемый регион и освоили его в довольно поздние времена – не ранее начала V в. до н.э., о чем свидетельствуют материалы и курганных могильников и городищ. Откуда именно они пришли в Лесостепное Подонье – вопрос дискуссионный, но многие археологи считают, что миграция произошла из Левобережного Лесостепного Приднепровья, хотя возможны и другие версии этих событий.

В чем же Петр Дмитриевич видит глубокую локальную специфику среднедонского звериного стиля V–IV вв. до н.э. ? По его словам, «своеобразие и локальные особенности звериного стиля Подонья заключаются в том, что большинство изображений животных отражает *местную фауну*» (курсив мой – *В.Г.*)». И далее следует перечень представителей этой местной фауны – «медведь, кабан, волк, олень, лось, лошадь, баран, собака, заяц». Во-первых, следует отделить домашних животных, достаточно редко изображаемых в искусстве племен Евразии в V–IV вв. до н.э. (лошадь, баран и собака), от диких особей. В густых широколиственных лесах Среднего Дона медведи, лоси, волки, кабаны и зайцы водились тогда в изобилии, а охота на них всегда была любимым занятием всех местных обитателей мужского пола. Что касается домашних животных, то отнюдь не они на поздних этапах истории Скифии были главными героями зооморфного репертуара племен, населявших степь и лесостепь Восточной Европы между Дунаем и Доном. Они преобладали в скифском искусстве (речь идет только о лошади и баране) в эпоху архаики – в VII–VI вв. до н.э. Заяц – вообще редчайший мотив в лесостепи, но зато сцены охоты на этого зверька запечатлены на золотых бляшках IV в. до н.э. из Степной Скифии, а эпизод, когда бегущий заяц сорвал решающую битву между персами и скифами, описан Геродотом.

Образ лошади в зверином стиле Лесостепного Подонья скифской эпохи изредка встречается (бронзовые бляхи конской узды из курганов у с. Дуровка и Горки), однако роль лошади в культе, военном деле и питании местного населения была колос-

сальна. Достаточно напомнить хотя бы о том, что свыше 90% напутственной заупокойной пищи в могилах Среднего Дона V–IV вв. до н.э. составляет именно конское мясо.

Но набор образов животного мира, которым оперировали мастера, изготовлявшие предметы в зверином стиле, был строго ограничен господствующей идеологией и каноном. Домашним животным места там почти не оставалось. Другое дело – дикие звери, особенно хищники. Как уже отмечалось выше, среди последних преобладали кошачьи (лев, пантера), хищные птицы (орлы, соколы и др.), волки и медведи. Копытные животные представлены в V–IV вв. до н.э. образами оленя, лося и лани. Кабан в Лесостепном Подонье очень популярен, к тому же хорошо известно, что этот зверь – медиатор, посредник между мирами (средним и нижним), поскольку он и травоядное (желудеядное) и плотоядное. По поводу преобладания на Среднем Дону в зооморфном репертуаре только представителей местной фауны – речь пойдет ниже. Здесь же следует отметить два ошибочных суждения П.Д. Либерова: во-первых, звериный стиль V–IV вв. до н.э. местных корней не имеет и был привнесен в уже вполне сложившемся виде откуда-то извне не ранее рубежа VI и V вв. до н.э.; во-вторых, культура среднедонских племен в скифскую эпоху развивалась отнюдь не в изоляции – она имела тесные связи со всеми своими соседями: ананьинской (угро-финской) культурой Прикамья, савроматами Поволжья, скифами Приазовья и Приднепровья, меотами и греками.

Один из ведущих отечественных специалистов по скифскому звериному стилю А.И. Шкурко так определяет истоки искусства среднедонских племен. «В V в. до н.э., – отмечает он, – появляются памятники звериного стиля в Среднем Подонье, следуя за распространением здесь обычного для Лесостепи курганного обряда погребения с ярко выраженным военно-дружинным характером. Количество изображений этого времени невелико, они происходят всего из четырех-пяти комплексов. Однако взятые вместе, они весьма показательны единством стилистических форм и образов с памятниками лесостепного Поднепровья, особенно Левобережья ... Помимо западноскифских формообразующих связей в искусстве Среднего Дона V в. до н.э. не заметно влияний со стороны других соседних культур и стилей. Очевидно, что звериный стиль этого района лесостепной Скифии не имеет локального своеобразия...».[12]

Ход мыслей исследователя здесь предельно ясен и особых возражений не вызывает. Главная идея: весь основной культурный комплекс (включая и звериный стиль) был привнесен в Лесостепное Подонье из Днепровского Лесостепного Левобережья. Но, вдруг, за короткое время все коренным образом меняется. В IV в. до н.э. «на Среднем Дону очень быстро складывается оригинальное, *несомненно местное* (курсив мой – *В.Г.*) искусство, тогда как в Среднем Поднепровье происходит упадок собственного художественного творчества... В Поднепровье исчезает старая традиция изображения кошачьего или волчьего хищника, кабана и лося. Господствует изображение льва, грифона и оленя... В конской сбруе распространяются бронзовые бляшки в виде «медвежьих лап» и «петушков», знаменующих полную победу декоративного орнаментализма в скифском зверином стиле...».[13] И далее следует общая оценка характера звериного стиля Среднего Дона в скифскую эпоху. В целом, А.И. Шкурко вроде бы согласен с выводами П.Д. Либерова на ту же тему, но... Впрочем, обратимся к оригиналу: «Его (П.Д. Либерова – *В.Г.*) выводы о глубоком своеобразии многих образцов местного искусства, о локальной специфике последнего *в рамках скифского звериного стиля* (курсив мой – *В.Г.*) не вызывают сомнений. Эта специфика выражается не только в создании самобытных образов (каких именно? – *В.Г.*) и своеобразной трактовке ряда общескифских сюжетов, но и в особой манере стилизации, присущей многим образцам среднедонского искусства IV–III вв. до н.э.». Но, наделив местное искусство, вслед за П.Д. Либеровым, глубокой локальной спецификой, А.И. Шкурко все же рассматривает зооморфные мотивы Среднего Дона, «как особый вариант скифского звериного стиля...». И уже

это заметно отличает его точку зрения от позиции Петра Дмитриевича. С момента выхода в свет вышеназванных идей прошло уже несколько десятков лет. А еще в мою аспирантскую пору, мой научный руководитель, крупнейший отечественный антрополог Г.Ф. Дебец любил повторять одну азбучную истину: любая научная гипотеза существует 10–15 лет, после чего новые данные опровергают или заметно корректируют ее. Тем более удивительно, что уже на грани XX и XXI веков молодая воронежская исследовательница Л.Ю. Гончарова, без каких-либо сомнений, реставрирует старые концепции и, объединив «либеровские» взгляды со «шкурковскими» (хотя они принципиально не совпадают), в своей кандидатской диссертации, без учета новых, принципиально важных материалов с территории Среднего Дона, повторяет прежние постулаты. Оригинальность и ярко выраженную локальную специфику местного зооморфного искусства она обосновывает следующими аргументами: реализмом среднедонского звериного стиля, а главное – господством в бестиарии образов животных местной фауны (волк, медведь, кабан, лось); отсутствием бронзовых и серебряных конских налобников в виде голов орлиноголовых грифонов (по терминологии автора диссертации – «грифончиков» и «петушков») столь характерных для Степной Скифии; обилием на Среднем Дону золотых нашивных бляшек в виде кабаньей головы; отсутствием в упомянутом регионе сложных композиций на одном предмете («сцены терзания» хищниками травоядных)...; широкое применение в зооморфных изделиях в качестве материала кости и рога...».[14]

По мнению Л.Ю. Гончаровой, примерно в конце VI – начале V вв. до н.э. в Лесостепное Подонье приходит довольно многочисленная группа населения из Приднепровского Левобережья, принеся с собой и свою культуру скифского типа (в том числе, и весь набор мотивов зооморфного искусства).Попав здесь в новое этно-культурное окружение (финно-угорский мир – с севера и савроматы – с востока), эти люди в поразительно короткие сроки уже в IV в. до н.э. сумели создать и свой оригинальный стиль и свою «школу» зооморфного искусства.

Далее, основываясь лишь на анализе мотивов звериного стиля, Л.Ю. Гончарова уверенно заявляет о «нескифском» характере местного населения по этносу и культуре и даже о «невхождении» Лесостепного Подонья политически в состав Скифии. Правда, полностью отрицать роль скифского искусства в развитии звериного стиля Среднего Дона она не решилась, упомянув в качестве примеров такого влияния мотивы кошачьего хищника, оленя и грифона. Но здесь же следует красноречивое уточнение: «социально-престижные зооморфные предметы скифского образца были в Лесостепном Подонье, по-видимому, лишь иноземной модой, не затрагивавшей глубинное внутреннее содержание локального искусства».[15]

Не трудно заметить, что у всех трех названных авторов основной акцент при характеристике среднедонского звериного стиля скифской эпохи делается на **локальности** и **сугубо местной специфике** этого искусства. Но если А.И. Шкурко все же вполне определенно говорит, что в целом оно находилось в рамках развития зооморфных традиций Причерноморской Скифии, то П.Д. Либеров и Л.Ю. Гончарова стремятся выделить Лесостепное Подонье в какую-то особую этнокультурную единицу, «скифоидную» по форме, но самостоятельную по содержанию.

Какие же доводы приводятся для обоснования данной точки зрения? Во-первых, это «реализм» в воплощении образов зверей. Однако, присутствие вполне реалистичных и легко узнаваемых животных даже в IV в. до н.э. характерно не только для искусства Среднего Дона, но и для многих других областей Скифии. Напомню здесь крылатую пантеру из Большого Рыжановского кургана (Правобережное Лесостепное Приднепровье), фигурку золотого льва из Волковцев (Левобережное Лесостепное Приднепровье), массивную золотую статуэтку кабана из Хоминой могилы (Степное Приднепровье). Я не говорю уже здесь о реализме искусства савроматской культуры Поволжья и Приуралья. Таким образом, критерий «реализма» для определения спе-

цифики искусства той или иной области скифо-сибирского звериного стиля – вещь весьма относительная и зыбкая.

Другой и, видимо, главный признак локальности искусства Среднего Дона в скифскую эпоху – господство в зверином стиле мотивов местной фауны – медведя, волка, кабана, лося. Что касается образа медведя, то большинство исследователей считает присутствие его в скифском искусстве (главным образом в Лесостепи) результатом влияния традиций савроматской и ананьинской культур и значит о среднедонской специфике говорить в этом случае уже не приходится.

Еще меньше оснований говорить о среднедонском приоритете в изображении мотива волка на предметах конского снаряжения, культа и оружии. В скифскую эпоху (но не ранее рубежа VI–V вв. до н.э.) образ волка может считаться местным для огромных территорий Евразии, так как эти серые хищники, представлявшие постоянную угрозу для главного богатства кочевников – скота, водились во многих регионах степной, лесостепной и горной зон. В Скифии данный мотив появляется впервые в V в. до н.э. в виде свернувшегося в кольцо волкоподобного хищника на бронзовых бляхах конской узды («Курган Кулаковского» в Степном Крыму, Лесостепное Приднепровье, разграбленный курган у с. Староживотинное к северу от Воронежа и др.).

Но особенно характерны образы зубастых голов волков на изделиях из кости и металла в савроматском искусстве Поволжья и Приуралья. Какая уж здесь среднедонская специфика? Налицо и западные (из Лесостепного Приднепровья), и восточные (савроматы) и южные (Степная Скифия) влияния. То же самое относится и к образу кабана, о чем речь пойдет ниже.

Особое место занимает в этом сложном бестиарии мотив обитателя лесов – лося. Согласно мнению П.Д. Либерова и Л.Ю. Гончаровой, этот горбоносый могучий зверь – явное доказательство местной среднедонской специфики искусства. Известный украинский археолог Б.А. Шрамко тоже считает изображение лося присущим только для лесостепной полосы Северного Причерноморья. Но ему возражает не менее известный ученый – В.А. Ильинская (Институт археологии Академии Наук Украины). Она пишет: «Нередко архаические изображения лося трактуют как локально лесостепные. Однако, это не так. То, что данный образ входит в основной состав сюжетов раннескифского звериного стиля подтверждается изображениями лося на келермесской секире (это VII в. до н.э., Северный Кавказ – *В.Г.*). Ближайшую параллель лосям на Жаботинских пластинах (Лесостепное Приднепровье, VII–VI вв. до н.э. – *В.Г.*) дают гравированные изображения на бронзовом зеркале из кургана № 21 Уйгарака (Средняя Азия, VI в. до н.э. – *В.Г.*). Изображения лося, в трактовке обычной для V в. до н.э., встречаются в степных скифских курганах у Ново-Розановки и под Мариуполем...».[16] Таким образом, мотив лося появляется в Лесостепном Приднепровье, на Северном Кавказе и в Средней Азии еще в VII–VI вв. до н.э.; в Степной Скифии – в V в. до н.э. Но если считать (как это делают А.И. Шкурко и Л.Ю. Гончарова), что звериный стиль во вполне сложившемся виде и с полным репертуаром принесли на Средний Дон в V в. до н.э. именно выходцы из Приднепровской Лесостепи, то о какой среднедонской специфике может идти речь?

И еще один принципиально важный вывод В.А.Ильинской по поводу звериного стиля всей Скифии: «В общем, пока нет оснований говорить о наличии локальных особенностей скифского искусства в пределах основных территориальных групп. Скифское искусство Причерноморья было *единым* (курсив мой – *В.Г.*) по составу звериных образов, чертам стилизации и основным этапам эволюции».[17] Кстати, что касается Среднего Дона, то мотив лося там в V–IV вв. до н.э. отнюдь не является превалирующим. Мне известно всего три таких случая: бронзовые бляхи в виде головы сохатого из кургана № 10 группы «Частых Курганов», бронзовая бляха из окрестностей Воронежа (случайная находка) и два костяных псалия с изображением головы лося из кургана № 8 у с. Колбино. Степные и лесостепные курганы Скифии дают намного

больше находок подобного рода изображений. Это опять к вопросу о *местных* сюжетах фауны в скифском зверином стиле.

Еще одна важная черта локальности среднедонского искусства, по мнению упомянутых выше ученых, – широкое использование для изготовления зооморфных предметов рога и кости. Но данный материал повсеместно использовался в савроматском искусстве, в Ананьино и в Левобережном Лесостепном Приднепровье в V–IV вв. до н.э. Как уже говорилось выше, в качестве одного из отличий среднедонского искусства IV в. до н.э. от чисто скифского Л.Ю. Гончарова ссылается на отсутствие в местных погребальных памятниках бронзовых налобников конской узды в виде головок грифонов («петушки», «грифончики», по ее терминологии), столь характерных для курганов Степной Скифии, например Чертомлыка. В действительности полной аналогией чертомлыцким вещам служат находки из кургана № 18 у с. Русская Тростянка и кургана № 24 у с. Колбино (здесь, правда, налобник сделан из серебра). То же самое можно сказать и в отношении другого типично скифского мотива V–IV вв. до н.э. – стилизованной «лапы-бедра» животного (их особенно много в Лесостепном Приднепровье). Такие предметы известны в ряде курганов скифского времени Воронежщины: погребения из могильников у сёл Мастюгино, Русская Тростянка, Колбино и хутора Дубовой.

Наконец, одной из основных черт локальной специфики искусства Лесостепного Подонья некоторые исследователи считают металлические крючки-застежки в стандартном зооморфном оформлении: узкий конец предмета – собственно крючок в виде круглого в сечении стержня представляет собой длинный изогнутый клюв хищной ушастой птицы (орлиноголового грифона?), а на широком конце – изображение животного в профиль (чаще – хищника, например, медведя). Но дело в том, что эта схема – голова хищной птицы на одном конце и голова хищника – на другом, весьма распространена во всех без исключения областях скифо-сибирского звериного стиля (савроматы, Лесостепное Приднепровье, Ананьино и даже Степная Скифия), где она представлена на кабаньих клыках или на их металлических имитациях.

Кроме того, и сами металлические зооморфные крючки-застежки такого типа отнюдь не являются исключительной монополией Среднего Дона в V–IV вв. до н.э. В настоящее время мне известно 18 находок подобного рода с указанной территории. Но аналогичные предметы есть в Приуралье и Прикамье (ананьинская и кара-обызская культуры), в Поволжье (Кише, Старица), на Северном Кавказе (Бажиган и станица Казанская), на Нижнем Дону (курганы у станиц Кащеевская и Сладковская, у хутора Карнауховский, станица Старо-Минская) и, наконец, в царском скифском кургане Александрополь в Степной Скифии (здесь такие застежки сделаны из золота и серебра). В целом, если подсчитать общее число металлических застежек этого типа со сходными зооморфными сюжетами из других областей Евразии, то монополия Среднего Дона не покажется здесь уже такой очевидной.

Вызывает сомнение также иногда выдвигаемый в научной литературе тезис о том, что основными создателями и «пользователями» предметов в зверином стиле были в Лесостепном Подонье «народные массы» и что именно это позволило, якобы, сохранить даже в IV–III вв. до н.э. чистоту и реализм местного зооморфного искусства. По-моему, здесь налицо явный рецидив недоброй памяти «классового подхода» к историческим событиям. Практически, все известные ученые-скифологи считают, что ведущую роль в создании сюжетов и образов звериного стиля играла у скифов военная аристократия: М.И. Ростовцев, Г.И. Боровка, Б.Н. Граков, А.И. Шкурко, А.М. Хазанов и др. Как раз в среде военной аристократии и находили основное применение предметы вооружения, конской сбруи и культа, оформленные в зверином стиле. У рядовых скифов-общинников (т.е. в скромных курганных могилах) звериный стиль в V–IV вв. до н.э. практически отсутствует. Кстати, все 9 исследованных до сих пор курганных групп скифской эпохи на Среднем Дону принадлежат только военно-аристократической верхушке местного общества и ее семьям, а также профес-

сиональным воинам-дружинникам. Рядовых могил с бедным инвентарем в местных некрополях, по сути дела, нет.

И, наконец, последнее по месту, но не по важности. Л.Ю. Гончарова, подводя итоги своей работы, заявила, что «идеология людей, создавших местное зооморфное искусство, была абсолютно чужда как иранской (в широком смысле) духовной культуре в целом, так и скифской, в частности». Во-первых, ни один из предшествующих исследователей ничего подобного не говорил, включая даже представителей «антискифского» лагеря в отношении этнокультурной оценки населения Среднего Дона – П.Д. Либерова и А.П. Медведева. Оба они как раз отмечали близость идеологических воззрений местных будинов и гелонов духовным канонам скифов-степняков. О том же писал и А.И. Шкурко. Во-вторых, весь зооморфный репертуар среднедонского искусства V–IV вв. до н.э. и количественно и по набору мотивов как раз свидетельствует об обратном: абсолютное преобладание трех основных групп зооморфных образов – хищники, копытные, птицы – характерно именно для скифского звериного стиля и для скифской духовной культуры, как части обширного мира кочевых и полуоседлых племен иранской языковой группы («скифо-сибирский мир»). Сошлюсь здесь на мнение известных ученых С.С. Бессоновой, Д.С. Раевского, Е.Е. Фиалко, Н.А. Онайко и др., согласно которому кочевники евразийских степей мыслили Вселенную разделенной по вертикали на три мира: верхний (небесный), средний (принадлежащий людям и копытным животным) и нижний (подземный, царство смерти). И, согласно своему зооморфному коду, эти древние народы связывали «верхний мир» с птицами, «средний» – с копытными животными, «нижний» – с хищниками, рыбами и пресмыкающимися. Взглянув на скифский (и скифо-сибирский) звериный стиль сквозь призму этой концепции, мы получим и объяснение репертуара его образов. Здесь представлены три группы изображений – птицы, копытные и хищники. Основные группы в данной классификации и служили как раз для обозначения разных зон мироздания. Но тем же самым отличается и среднедонской зооморфный код: в нем безусловно преобладают три группы зооморфных мотивов – птицы, копытные и хищники. Таким образом, в отношении сердцевины любой древней мифологической системы – представлении о строении Вселенной – жители Среднего Дона в IV в. до н.э. ничем не отличались от скифов и других ираноязычных племен степи и лесостепи.

На среднедонской почве звериный стиль хотя и приобрел некоторые своеобразные черты, но все же всегда оставался в рамках общескифских традиций искусства. В целом в местном зооморфном репертуаре преобладают хищные животные. Все они изображаются с большой экспрессией: свирепые оскаленные морды с клыками и с когтистыми тяжелыми лапами у хищников, грозные массивные клювы у орлов и грифонов, свернувшиеся в кольцо или припавшие к земле перед прыжком кошачьи хищники, даже у оленей иногда вместо копыт на одной (или даже на двух) паре ног мы видим огромные когтистые лапы. Очень много голов хищных птиц. Нередки изображения кабанов. Впрочем, удобнее всего познакомиться с местным искусством скифской эпохи, рассматривая его по отдельным зооморфным мотивам.

Мотив медведя

В восточных районах Евразии, от Среднего Дона до северных границ Монголии, одним из наиболее популярных мотивов звериного стиля в I тысячелетии до н.э. было изображение медведя. Этот зверь представлен там на многочисленных изделиях из металла и кости на поселениях и могильниках Ананьинской культуры Поволжья и Прикамья, у савроматов Приуралья и, особенно, на среднедонской территории. В причерноморской степи данный образ практически отсутствует, а в приднепровской лесостепи он достаточно редок.[18] Из 18 металлических зооморфных крючков-застежек, найденных в среднедонских курганах почти за сто лет раскопок,

семь предметов несут на себе изображение медведя. Хищник, украшающий широкую часть бронзовой застежки из кургана № 11 группы «Частых курганов» под Воронежом, наделен всеми характерными для данного мотива чертами: стоящая в профиль сгорбленная с опущенной вниз мордой, повернутой в правую сторону. Поверхность тела животного – гладкая, с широкими округлыми выпуклостями, столь типичными для звериного стиля скифской архаики (Костромской олень и др.).

Стилизованные большие когтистые лапы, открытая пасть с едва намеченным рядом зубов и круглый глаз в виде двойного кружка еще ярче подчеркивают условность всего изображения. Время сооружения кургана № 11 в урочище «Частые курганы» определяется достаточно точно как чернолаковой античной чашей, так и золотыми бляшками того же типа, что и в «царских» курганах Куль-Оба и Александрополь – это IV век до н.э. (вторая его половина).

Изображение медведя на бронзовой застежке из кургана № 1 у с. Русская Тростянка отличается от предыдущего лишь тем, что фигура стоящего в профиль зверя обращена в левую сторону. Здесь мы вновь наблюдаем огромные когтистые лапы и спиральные завитки на плечах. Погребение воина из этого кургана можно также отнести к IV веку до н.э.

Почти аналогичные бронзовые застежки с фигурой медведя в характерной стоячей позе, в профиль, но повернутой вправо, были нами найдены недавно при раскопках кургана № 4 у с. Терновое и № 6 у с. Колбино.[19]

Серебряный крючок-застежка с медведем на широкой части удалось обнаружить П.Д. Либерову в 1971 году в ходе раскопок кургана № 1 у с. Колбино. Все три экземпляра «медвежьих» поясных застежек находились в могилах IV века до н.э. Есть такая же бронзовая застежка и в кургане у хутора Дубовой в 75 км южнее Воронежа (раскопки В.Д. Березуцкого).[20]

Ближайшие параллели этим медвежьим образам, представленным на металлических крючках, в изобилии дают образчики «звериного стиля» из тех же среднедонских курганов. Например, великолепные серебряные фигурки медведей (украшения конской узды) из богатого кургана № 29/21 у с. Мастюгино имеют те же самые характерные черты: стоящие сгорбленные фигуры в профиль, опущенные вниз морды с открытой зубастой пастью, маленькие круглые уши, огромные когтистые лапы и спиральные завитки на плечах. Время сооружения этого кургана довольно точно определяется бронзовой греческой гидрией конца V века до н.э. Пара серебряных блях от конской узды с фигурами медведей происходит из раскопок А.И. Пузиковой (курган № 9 у д. Дуровка, IV в. до н.э.). Аналогичное изображение медведя представлено на золотой оковке (или ручке) деревянного сосуда из «Частых курганов» (курган № 1, IV–III вв. до н.э.).[21]

Наконец, целая серия «мишек» в совершенно аналогичной трактовке (это бронзовые бляхи конской узды) была найдена в 2003 году в кургане № 10 у с. Горки на Белгородчине.[22]

Если же в поисках сходных сюжетов обратиться к областям, лежащим за пределами Среднего Дона, то самые близкие аналогии нашему мотиву медведя можно найти в Поволжье, Прикамье и Приуралье (Ананьинская и Кара-абызская культуры). Речь идет о бронзовом крючке-застежке с медведем из кургана у с. Чурачки, на реке Цивиль, в Чувашии и о двух бронзовых же пряжках с изображением медведя из Охлебининского могильника (погребение № 85) в Башкирии; все они датируются IV–III вв. до н.э. и полностью повторяют характерные особенности воронежских изображений (стоящая в профиль фигура зверя, выделенные спиралями мышцы, опущенная вниз голова с приоткрытой зубастой пастью и т.д.).[23] Один бронзовый крючок с фигурой медведя, близкий по стилю среднедонским, был случайно найден близ с. Бажиган на севере Ставропольского края. Два крючка-застежки из бронзы с фигурами медведей найдены в кургане у с. Кащеевка на Нижнем Дону (Ростовская область), IV в. до н.э.[24]

Интересный экземпляр в виде железного крючка-пряжки с золотой обкладкой найден в кургане № 11/11 группы «Частых Курганов» (раскопки П.Д. Либерова). К сожалению, предмет сильно поврежден. Золотая обкладка железной основы его в нескольких местах порвана. И все же, с большим трудом, но можно различить основные черты фигуры медведя. Мы видим того же сгорбленного стоящего в профиль зверя с опущенной вниз головой, с маленьким круглым ухом и выпуклым глазом. Конец морды медведя не сохранился, поэтому трудно судить о строении его пасти. Задняя часть туловища и лапы также сильно пострадали от времени. Однако на плече и крупе хищника все еще можно различить характерные спиральные завитки. Набор вещей из погребения этого кургана позволяет датировать его временем не ранее середины IV века до н.э.[25]

Ряд сходных изображений медведя встречается не только в Среднем и Нижнем Подонье (Кащеевка), но и к востоку от донских земель: фигуры медведей на костяных предметах с Пижемского и Аргыжского городищ ананьинской культуры и изображение медведя, искусно вырезанное на костяной ложечке из савроматского кургана Бис-Оба.

Таким образом, мотив медведя на Среднем Дону, со всеми его специфическими особенностями и разновидностями, стоит гораздо ближе к звериному стилю восточных областей Европейской России, нежели к стилю собственно скифскому, где он изредка встречается лишь в Лесостепном Приднепровье.

Мотив волка

Этот мотив широко представлен в курганах скифского времени на Среднем Дону на поясных металлических крючках, золотой обкладке гребня, бронзовых нащечниках и бляхах конской узды и на роговых псалиях. Есть уникальная вещь из кургана № 2 у с. Колбино, где костяная рукоять ножа заканчивается головой волка. Несмотря на присутствие реалистических деталей, образ хищника во всех этих случаях подвергся уже значительной стилизации. Тем не менее, остроконечное вытянутое ухо, общие очертания удлиненной морды, строение зубов и клыков позволяют достаточно уверенно говорить о реальном прообразе данного зверя. Поиски аналогий по стилю за пределами Воронежщины и Белгородчины вновь приводят нас на восток и северо-восток, в круг древностей ананьинской и савроматской культур. Вместе с тем, хочу отметить, что серый хищник, как и в наши дни, в скифскую эпоху обитал в лесах и лесостепи Евразии, в ее горах и степях. Как уже отмечалось, в искусстве Причерноморской Степной Скифии волк, например, с V века до н.э. прочно заменяет на бронзовых бляхах конской узды свернувшегося зверя из семейства кошачьих.

На сегодняшний день из среднедонских памятников скифского времени известно не менее 10 предметов с изображением волка: железные застежки-крючки, украшенные головой волка, из кургана № 7 у с. Русская Тростянка и кургана № 11/16 у с. Мастюгино; бронзовая бляха в виде полной фигуры припавшего к земле хищника из кургана № 11 группы «Частых Курганов»; бронзовые бляхи конской узды в виде головы волка с открытой зубастой пастью абсолютно одинаковые по оформлению деталей – из кургана № 40/26 у с. Мастюгино, курганов № 9 и № 14 у с. Дуровка, из кургана № 10 у с. Горки (2 экз.), из кургана № 10 у с. Колбино; бронзовая бляха в виде свернувшегося в кольцо волкоподобного хищника из грабительских раскопок у с. Староживотинное близ Воронежа, головы волков на концах двух костяных псалиев из кургана № 4 у с. Терновое.[26] Мотив волка на костяных и металлических изделиях появляется на обширных пространствах Евразии не ранее рубежа VI и V веков до н.э. И хотя ряд среднедонских изображений этого хищника во многом близок савромато-ананьинскому кругу скифо-сибирского звериного стиля, говорить о точном месте, о прародине происхождения данного мотива мы пока не можем.

Хищники из семейства кошачьих (лев, пантера, гепард)

Эти виды животных абсолютно не характерны для местной фауны; их образы явно заимствованы из общескифского искусства, которое, в свою очередь, получило, вероятно, изображение пантеры и льва, в разных его вариантах из художественных традиций Переднего Востока и Малой Азии (ионийские греки).

Нам известно в настоящий момент свыше сотни золотых штампованных бляшек с образом льва. Реже встречаются бляхи из серебра и бронзы, украшенные «львиными» сюжетами: «лев лежащий», «лев идущий», «лев, готовящийся к прыжку». Есть золотой перстень с изображением двух львов. Более всего найдено подобных изделий в захоронениях «Частых курганов» под Воронежем и у с. Мастюгино и Дуровка.[27] Аналогичные бляшки из золота с изображением льва неоднократно встречались в пышных гробницах скифской аристократии в степной и лесостепной зонах Северного Причерноморья (Солоха, Мелитополь, Александрополь, Куль-Оба). Изображение пантер представлено на паре великолепных золотых серег из кургана № 18 у с. Колбино.

Что касается гепарда то пока этот мотив (представленный на резном гребне из рога лося в кургане № 8 у с. Терновое и описанный выше) не находит себе аналогий ни в Европейской Скифии, ни за ее пределами. Ближайший регион, где водились в I тысячелетии до н.э. гепарды – это пустыни и полупустыни Средней Азии.[28]

Мотив «фантастического хищника»

Очень близок по многим деталям к мотиву волка и, скорее всего, происходит именно от него. С территории Среднего Дона известно четыре экземпляра металлических застежек с подобными изображениями. Железный поясной крючок с золотой обкладкой был найден в кургане № 3 группы «Частых курганов» (IV в.до н.э.). Узкий конец застежки украшен головкой ушастого орла-грифона с большим изогнутым клювом. На широком конце предмета изображена голова «фантастического» зверя с открытой пастью. Губы выделены в виде узкой ленты, окаймляющей контуры пасти. Ряд насечек, нанесенных по внутреннему ее краю и оставляющих середину пустой, должен, очевидно, изображать зубы и клыки хищника. Верхняя часть морды зверя (симметрично удвоенной) покрыта вертикальными насечками, назначение которых остается неясным. Глаза изображены в виде овальных, довольно больших розеток. Уши имеют вытянутую остроконечную форму и плотно прижаты к задней части головы зверя, представляющей странное, на первый взгляд, соединение двух совершенно одинаковых половинок верхней части головы, прикрепленных друг к другу своими основаниями. В итоге все изображение головы животного получается как бы en face.

Почти аналогичная бронзовая застежка была обнаружена в кургане № 10 того же могильника. Здесь мы вновь видим симметрично удвоенную голову en face со стилизованными глазами-розетками, остроконечными длинными ушами. Пасть зверя широко открыта, но зубы не показаны совсем. Губы изображены в виде двух узких лент, выходящих из одной точки по направлению к краям пасти и оканчивающихся двумя спиральными завитками (возможно, это ноздри животного). По времени этот курган относится к концу V – началу IV вв. до н.э.

Железные застежки с головой «фантастического» хищника найдены также в курганах № 11/16 и № 32/32 у с. Мастюгино в комплексе вещей IV в. до н.э.

Что можно сказать сейчас о происхождении данного мотива? Изображение «фантастического» зверя, в описанной выше весьма специфической трактовке, довольно часто использовалось для украшения предметов вооружения (рукояти мечей и кинжалов, бронзовые секиры), конской сбруи (бляхи узды) и костюма (поясные застежки) в областях, входивших в восточную провинцию так называемого скифо-сибирского «звериного стиля» – т.е. Прикамье, Поволжье и Приуралье.

Процесс образования странных образов зверей с удвоенными головами довольно отчетливо прослеживается на резных кабаньих клыках (из курганов близ с. Блюменфельд в степном Поволжье), представляющих собой великолепный пример «звериного стиля» савроматской культуры. Изображения голов зубастых хищников на этих клыках поразительно близки образам «фантастических» зверей на крючках-застежках из воронежских курганов. Местный (савроматский) художник вырезал на одном из клыков две почти одинаковые головы, расположенные одна над другой. Но этого ему показалось мало, и он придал нижней части головы очертания, близкие ее верхней части. Имеем ли мы здесь дело с процессом поисков художником какой-то формы для выражения новых идей, или же это просто декоративное оформление предмета – пока сказать трудно. Тем не менее, блюменфельдские изображения зубастых «фантастических» хищников – первые, наиболее ранние образчики данного мотива (начало V в. до н.э.). Кстати, характерные детали мотива зверя на большом блюменфельдском клыке (глаз-розетка, лентообразные губы, трактовка зубов ушей и т.д.) повторяются позднее почти на всех изображениях этого рода на Среднем Дону и в Прикамье.[29]

Грифоны

Этот мотив может быть в общем смысле отнесен к тому же «фантастическому хищнику», поскольку грифоны – существо, сочетающее в себе черты птиц и млекопитающих. В античной (греко-римской) литературной традиции грифоны Евразии описываются как грозные хищники с туловищем льва и мощным длинным клювом и крыльями как у орлов. Со времен полулегендарного греческого поэта Аристея (VII век до н.э.) известен рассказ о том, что в далекой стране на востоке, где-то в Алтайских горах, живут одноглазые конные воины аримаспы, которые крадут золото у стерегущих его чудовищ – грифонов. Во всяком случае, изображение этих крылатых монстров широко бытует в искусстве Греции и Переднего Востока именно в скифскую эпоху, то есть, в VII–III вв. до н.э. Не исключено, что либо от эллинов (ионийских греков), либо от представителей древневосточных цивилизаций (Ассирия, Вавилон, Мидия, Урарту) скифы довольно рано заимствовали образ грифона и дали ему новую жизнь в своем зооморфном искусстве.

На Среднем Дону мотив грифона в самых разных его вариантах представлен в курганных комплексах V–IV вв. до н.э. довольно широко. Известны многочисленные (79 экземпляров) золотые штампованные бляшки (размерами 2×1,5 см) с изображением этих идущих влево крылатых чудовищ («Частые курганы», курган № 3, раскопки ВУАК, IV в. до н.э.). Аналогии данному образцу в такой же стилистической трактовке встречаются на золотых бляшках в «царском» кургане № 8 группы «Пять братьев» в низовьях Дона и в знаменитой «царской» гробнице Куль-Оба, близ Керчи, в Крыму.

Золотые бляшки с грифонами, идущими вправо, найдены в курганах у с. Мастюгино (раскопки А.А. Спицина и П.Д. Либерова), а также в ходе наших раскопок у с. Терновое (курган № 10).

Для всех этих среднедонских экземпляров характерно наличие вокруг фигуры хищника окантовки в виде бордюра, расчлененного насечками.

Еще одну интересную группу составляют грифоны, стоящие попарно, в «геральдической позе» (то есть напротив друг друга): она немногочисленна и представлена только в погребениях у с. Мастюгино – до 9 экземпляров (раскопки А.А. Спицина, Н.Е. Макаренко и П.Д. Либерова).[30]

Близкие по стилю изображения встречаются на золотых бляшках «царских» скифских курганов степной полосы: Чмырева могила, Верхний Рогачик, Куль-Оба. Таким образом, вся эта группа может быть датирована не позже IV века до н.э.

Но тот же самый сюжет – два орлиноголовых грифона в геральдической позе – встречается еще на одной категории престижных вещей Скифии – на перекрестьях

золотых рукоятей парадных мечей: из «царских» скифских курганов Чертомлык, Пятибратний курган № 8 (дельта Дона) и из захоронения какого-то знатного лица в деревянной гробнице с «шатровым» перекрытием из кургана № 7 у с. Колбино. Все детали оформления рукоятей у этих мечей практически идентичны.

Бронзовый конский налобник в виде головы ушастого грифона найден в кургане № 24 у с. Колбино. Серебряный конский налобник в виде «петушка» – головы ушастого грифона с петушиным гребнем на макушке (точная копия таких же «петушков» из кургана Чертомлык) обнаружен в кургане № 26 у с. Колбино.[31] Ушастые грифоны с длинным загнутым клювом представлены и на всех металлических крючках-застежках первой группы – всего около 16 экземпляров.

И, наконец, особого внимания заслуживает уникальная круглая золотая бляха, найденная в богатом парном погребении IV века до н.э. в кургане № 1 у с. Дуровка (раскопки А.И. Пузиковой). Там изображен в грубой варварской манере крылатый львиноголовый грифон, терзающий оленя. Верхом на грифоне сидит всадник с многовитковой гривной на шее, с непокрытой головой (видны длинные ниспадающие назад волосы).[32]

Таким образом в целом, мотив грифона в разных его видах, был весьма распространен в среднедонском искусстве V–IV вв. до н.э. Но, помимо, очевидного влияния традиций Степной Скифии, здесь чувствуются и какие-то восточные импульсы (заметное сходство с «грифоньим» репертуаром пазырыкской культуры Горного Алтая, VI–IV вв. до н.э.).

Мотив хищной птицы

Представлен в древностях Среднего Дона довольно широко (известно до 35 различных предметов с этим мотивом из 20 погребальных комплексов), в том числе на железных (6 экз.) и бронзовых (2 экз.) поясных крючках, на бронзовых прорезных бляхах от конской узды (5 экз.), золотых оковках деревянных сосудов и штампованных бляшках (20 экз.), на костяных (1 экз.) и роговых (1 экз.) изделиях.

Все эти изображения можно разделить на две большие группы: первая включает в себя целые или почти целые фигуры птиц; вторая – только схематически выполненные птичьи головы.

К первой группе относится, прежде всего, бронзовый поясной крючок в виде летящей хищной птицы, найденный в кургане № 47/30 у с. Мастюгино. Он состоит из длинного стержня, образующего сильно изогнутый клюв птицы. Хорошо видны восковица и глаза, оперенье. Основная часть туловища представляет собой пластину в виде полусвернутых мощных крыльев. Хвост – конический, с длинными перьями. Курган относится к IV в. до н.э.[32а]

Прекрасный образец хищной птицы (скорее всего, орла) представлен на четырех круглых бронзовых прорезных бляхах от уздечного набора из кургана № 1 урочища «Частые курганы». Бляхи имеют 6,5 см в диаметре. В центре каждой из них находится стилизованное изображение птицы, уткнувшейся мощным клювом в свою когтистую лапу.[33] Известный скифолог Б.Н. Граков сопоставил данный сюжет с фигурами орлов, клюющих рыбу на монетах античной Ольвии и на синопских амфорах т.е. предполагал его южное, причерноморское происхождение. Погребальный комплекс кургана № 1 хорошо датирован по чернолаковой греческой чаше IV веком до н.э.

Довольно редким экземпляром можно считать полное изображение хищной птицы (по П.Д. Либерову – это ворон, на наш взгляд, – это сокол) на обтянутой золотым листом ручке деревянной чаши из кургана № 11/2 группы «Частых», также относящегося к IV в. до н.э.[34] Полной аналогией воронежскому образцу является деревянная чаша с золотой обкладкой в виде хищной птицы (голова и хвост – ручки, крылья с боков) из «царского» Бердянского кургана в Степном Приазовье, IV в. до н.э.

Вторая группа – более многочисленна и представлена золотыми оковками деревянных сосудов со стилизованным изображением головы хищной птицы имеющей длинный изогнутый клюв и единичными вещами из кости и рога (находки из курганов у с. Мастюгино, «Частых», у с. Терновое и у д. Дуровка). Многочисленные аналогии этой категории изображений дают богатые курганные погребения конца V – IV вв. до н.э. из Степной Скифии.

Мотив оленя

Один из самых многочисленных и популярных мотивов искусства скифского периода на Среднем Дону – образ оленя: он представлен здесь на двух бронзовых, золотом и костяном поясных крючках (всего 4 экз.), на бляхах уздечного набора из серебра и бронзы (10 экз.), на золотых оковках деревянных сосудов (1 экз.) и, особенно, на штампованных золотых бляшках (десятки экземпляров) в курганных могильниках у с. Мастюгино, «Частые курганы», Дуровка. Большинство этих изделий, на которых олень показан в «галопирующей», или лежачей позе, относится к концу V – IV вв. до н.э.[35] Ближайшие аналогии среднедонским образцам мотива оленя можно найти в древностях Степной и Лесостепной Скифии, в том числе и в «царских» курганах (Солоха, Александропольский курган).

Мотив лося

Речь о нем уже шла выше. В целом, изображений этого могучего лесного великана известно в среднедонском искусстве скифской эпохи довольно мало: бронзовые бляхи (украшения конской узды) в виде головы лося из кургана № 10 в урочище «Частые Курганы» и из окрестностей г. Воронежа (случайная находка), а также два роговых псалия с резными силуэтами лосиных голов из кургана № 8 у с. Колбино.[36] Бронзовые экземпляры демонстрируют полное сходство с подобными же изделиями V–IV веков до н.э. из Лесостепного Приднепровья.

Мотив лошади

Учитывая огромную роль этого животного в повседневной жизни, военном деле и культовых обрядах ираноязычных кочевников Евразии, приходится удивляться сравнительно редкому появлению лошади в изобразительном искусстве населения Среднего Дона V–IV веков до н.э. Практически, мы располагаем пока тремя бронзовыми бляхами от конской узды в виде стилизованной головы лошади (курган № 10 у с. Горки – 2 экз., курган № 9 у с. Дуровки) и около трех десятков штампованных золотых нашивных бляшек (украшение погребального полога или одежды умершего) из кургана № 7 у с. Колбино.[37]

Мотив кабана

Изображение кабана с характерной трактовкой клыков и ушей, встречается в воронежских древностях скифского периода довольно часто: поясной биметаллический (железо-бронза) крючок из ограбленного кургана у с. Мастюгино, золотая обкладка гребня из кургана № 11 группы «Частые курганы», роговой зооморфный псалий из кургана № 4 у с. Терновое, золотые нашивные бляшки в виде головы кабана из «Частых курганов» (курган № 11), из курганов № 1 и № 18 у с. Колбино и из курганов № 1 и № 4 у с. Дуровка.[38]

Выше уже говорилось о том, что древнеиранский бог Веретрагна в образе кабана был «медиатором» – связующим звеном между средним (обитаемым людьми) и нижним (загробным) мигами. Известный французский востоковед Р.Гиршман также

увязывал образ вепря с Веретрагной (кабан – одно из воплощений этого божества). Это – бог войны и победы, дарующий воинам мужскую силу, крепость мышц и остроту зрения.

В заключение, необходимо признать, что общая оценка характера среднедонского звериного стиля вызывает пока известные трудности. Если исходить только из анализа наиболее распространенных зооморфных мотивов, то получается некоторое преобладание мотивов местной фауны и отдельных образов, типичных для савроматского искусства Поволжья и Приуралья. Здесь представлены главным образом медведь, волк, кабан, олень, до сих пор обитающие в сильно поредевших со скифских времен лесах Среднего Дона. Далее – близкий савроматам «фантастический» (волкообразный) хищник. Всего – пять мотивов, тогда как южные (эллино-скифские и прочие) влияния отражены в образах хищной птицы, льва, пантеры, гепарда и грифона.

Что касается кабана-Веретрагны, оленя и волка (хищника, живущего и по сей день не только в лесах, но и в степи), то они представляют собой общескифское явление и характерны для искусства ираноязычных кочевых и оседлых племен Евразии VII–III вв. до н.э., будь то Поднепровье (лесостепь), Нижний Дон или Степное Северное Причерноморье.

Кроме того, наличие волкоподобного «фантастического» хищника у савроматов и среднедонских племен отнюдь не означает решения вопроса о месте происхождения данного мотива. Он вполне мог придти в Поволжье и Приуралье и с запада.

Несмотря на свою известную локальную специфику, искусство племен воронежской лесостепи V–IV вв. до н.э. полностью подчинялось общескифским канонам и было тесно связано с Северным Причерноморьем – как Степным, так и Лесостепным.

Кстати, после долгих раздумий о характере местного звериного стиля, П.Д. Либеров пришел к следующим выводам: «Уже в процессе анализа изображений животных, птиц и рыб и установления аналогий мы могли убедиться в том, что искусство Среднего Дона в основном было связано не с савроматским, а со скифским миром... Любопытно, что несмотря на близкое соседство с савроматскими племенами, население Среднего Дона имело более прочные связи со Скифией и Северным Кавказом на юге и культурой Прикамья (Ананьино) на севере и северо-востоке...».[39] Весьма красноречивое признание из уст человека, всегда упорно отстаивавшего глубоко локальный и самобытный характер среднедонской культуры скифской эпохи.

Завершая рассказ о скифском зверином стиле, необходимо отметить несколько очень важных общих моментов.

Во-первых, связь звериного стиля с воинской средой и воинским бытом отчетливо проявляется в том наборе предметов, на которых помещались изображения животных: оружие, предметы сбруи боевого коня и вещи сакрального и социально-культового назначения.

Во-вторых, скорее всего, именно воинская среда стала определяющей силой в формировании эстетических принципов скифского искусства. Даже в простом перечне животных, более или менее постоянно фигурирующих в зверином стиле, где хищники и сильные травоядные решительно преобладают над домашними особями, отчетливо проявляется общий скифский идеал. Красота – не самоцель и не абсолют. Красиво то, что в наибольшей степени способствовало выживанию и победе. Красивое – это, прежде всего, сильное, быстрое, стремительное. На формирование таких идеалов не могли не сказаться условия самой жизни скифов, с ее постоянной военной напряженностью.

В-третьих, есть все основания предполагать, что ведущая роль в создании оригинальных образов и сюжетов звериного стиля должна была принадлежать скифской военной аристократии. Ведь звериный стиль возник именно тогда, когда выделившаяся скифская знать, как всюду и всегда в эпоху классообразования, стремилась

подчеркнуть свою обособленность от остального общества всеми средствами, в том числе и идеологическими.[40]

И, наконец, в-четвертых, весь зооморфный репертуар среднедонского искусства свидетельствует об абсолютном преобладании трех основных групп образов – хищники, копытные и птицы, что характерно как для скифского звериного стиля и скифской духовной культуры, как части обширного массива кочевых и полуоседлых племен иранской языковой группы («скифо-сибирский мир»). Ведь это – закодированный взгляд древних людей на Вселенную, разделенную по вертикали на три мира: верхний (небесный, его олицетворяли птицы), средний (мир живых, представленный копытными животными) и нижний (подземный, царство смерти, которое воплощали хищники, рыбы и пресмыкающиеся). Следовательно, в отношении сердцевины любой мифологической системы прошлого – представлении об устройстве Вселенной – жители Среднего Дона в V–IV веках до н.э. ничем не отличались от скифов и других ираноязычных кочевых племен степи и лесостепи Евразии.

От скифского искусства в силу объективно сложившихся обстоятельств уцелело совсем немного (беспощадное воздействие времени на предметы из органических материалов, повальное ограбление и разрушение захоронений в скифских курганах). Но, как сказал один современный исследователь, «если бы от скифского искусства остался бы даже только один золотой костромской* олень, оно было бы бессмертно».

* Речь идет о находке массивной золотой бляхи в виде фигуры оленя (видимо, это украшение щита), найденной на рубеже XIX и XX веков в кургане у станицы Костромской на Северном Кавказе.

Рис. 1. Григорий Иванович Боровка (1894–1941) – один из лучших отечественных специалистов по скифскому «звериному стилю».

Рис. 2. Петр Дмитриевич Либеров (слева) и автор книги (в центре) на раскопках курганов у с. Дуровка, 1964 г.

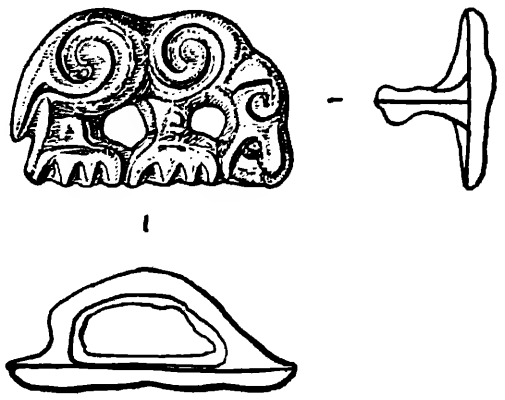


Рис. 3. Медведь. Бронзовая бляха конской узды. Курган № 5, Колбино.

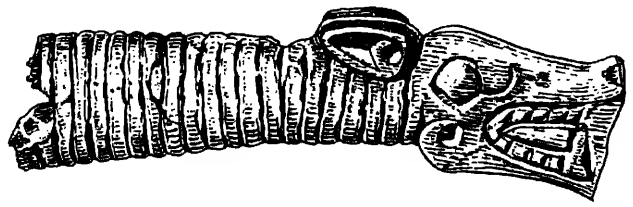


Рис. 4. Волк. Обломок рогового псалия. Курган № 4, Терновое.

Рис. 5. Волк. Оформление костяной рукояти ножа. Курган № 2, Колбино.

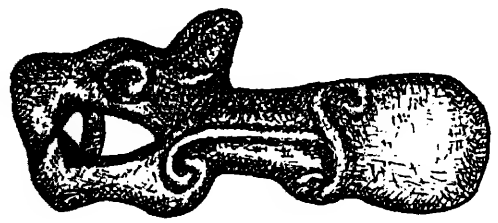


Рис. 6. Волк. Бронзовая бляха конской узды. Курган № 10, Дуровка,

Рис. 7. Волки и собаки. Золотая оковка гребня. Курган № 32/32, Мастюгино.

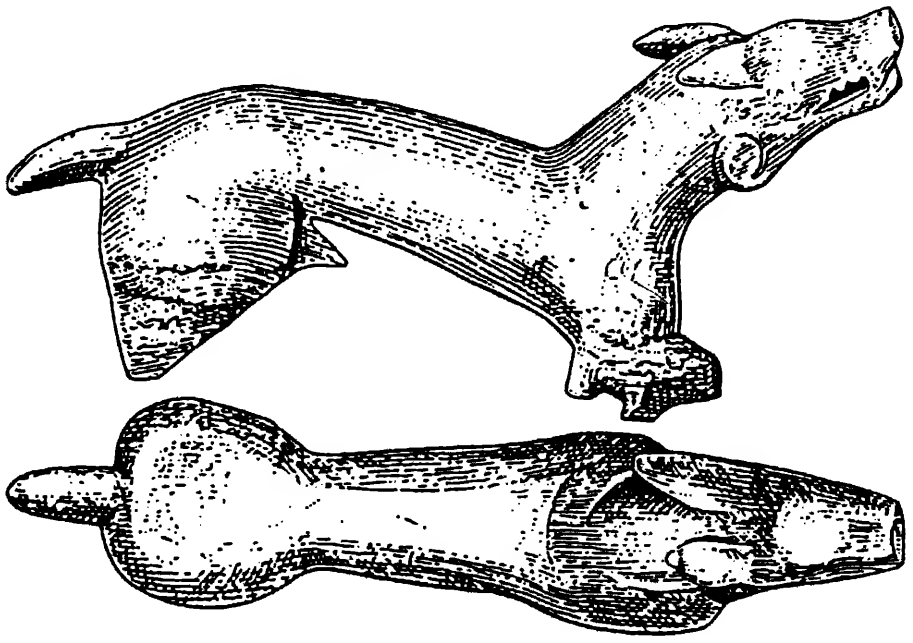


Рис. 8. Собака. Костяная фигурка-ручка. Курган № 11/16, Мастюгино.

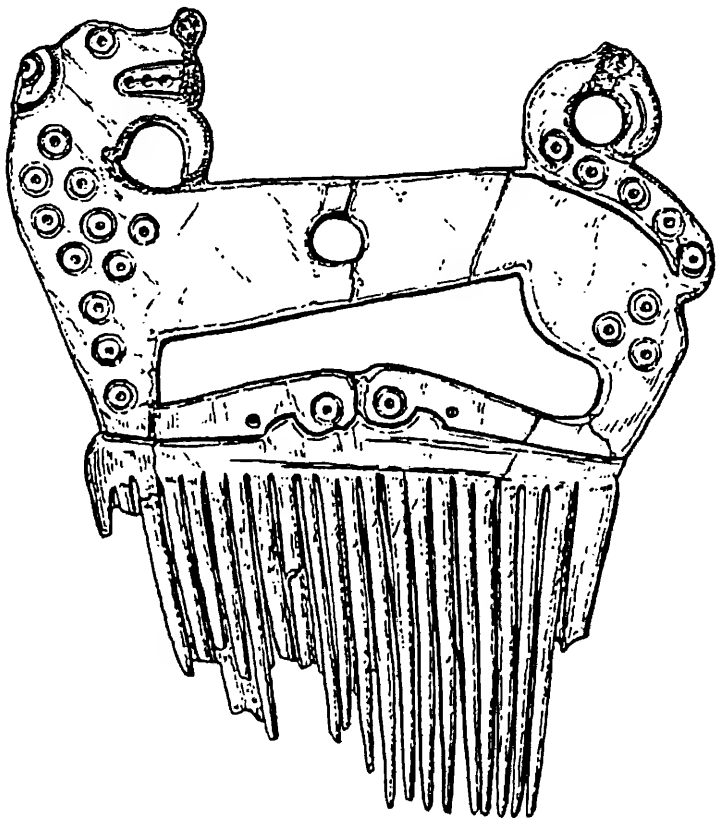


Рис. 9. Гепард. Роговой гребень. Курган № 8, Терновое.

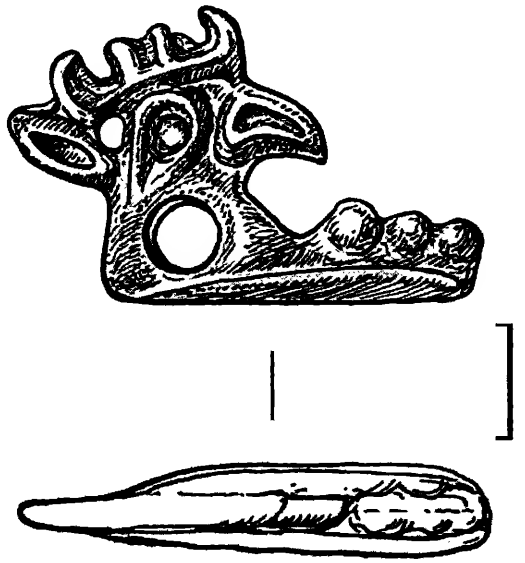


Рис. 10. Серебряный конский наносник в виде орлиноголового грифона. Курган № 26, Колбино.

Рис. 11. Золотая бляха с изображением всадника верхом на крылатом грифоне, терзающем оленя. Курган № 1, Дуровка,

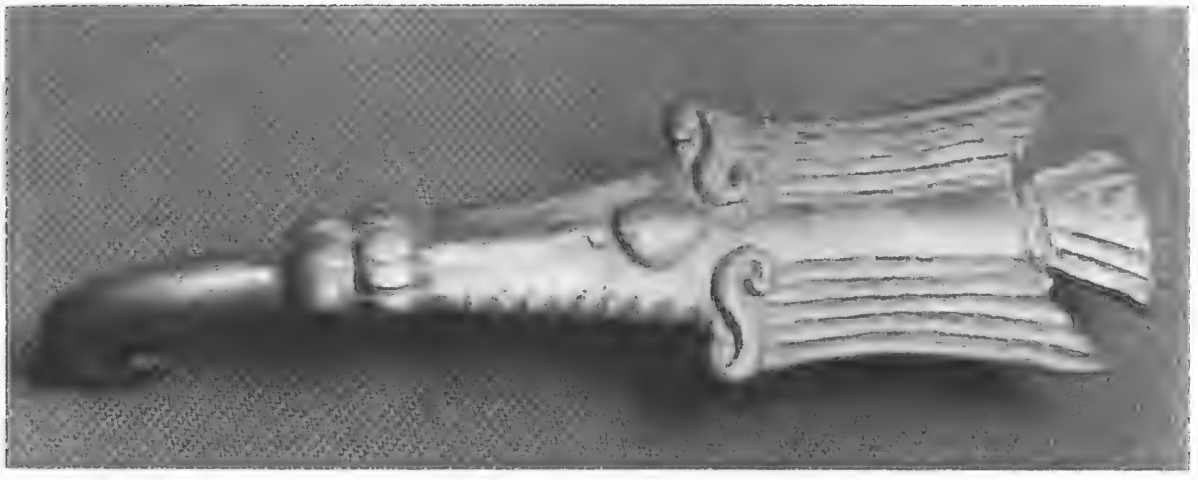


Рис. 12. Бронзовый крючок с изображением хищной птицы.
Курган № 47/30, Мастюгино.

Рис. 13. Бронзовый конский наносник в виде головы орла. Курган № 5, Колбино.

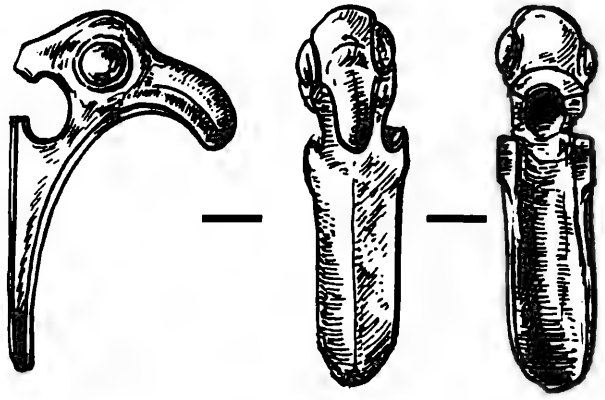


Рис. 14. Бронзовый конский наносник в виде головы хищной птицы.
Курган № 5, Колбино.

Рис. 15. Ручка деревянной чаши в виде хищной птицы, золото.
Курган № 5, Частые курганы.

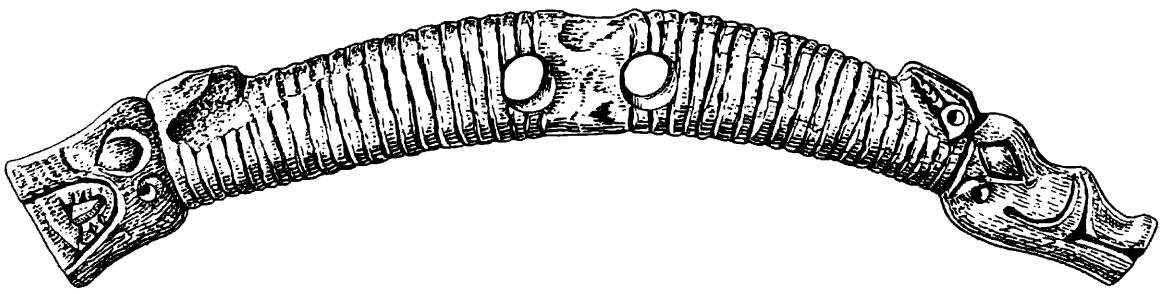


Рис. 16. Роговой псалий с головами волка (слева) и кабана (справа).
Курган № 4, Терновое.

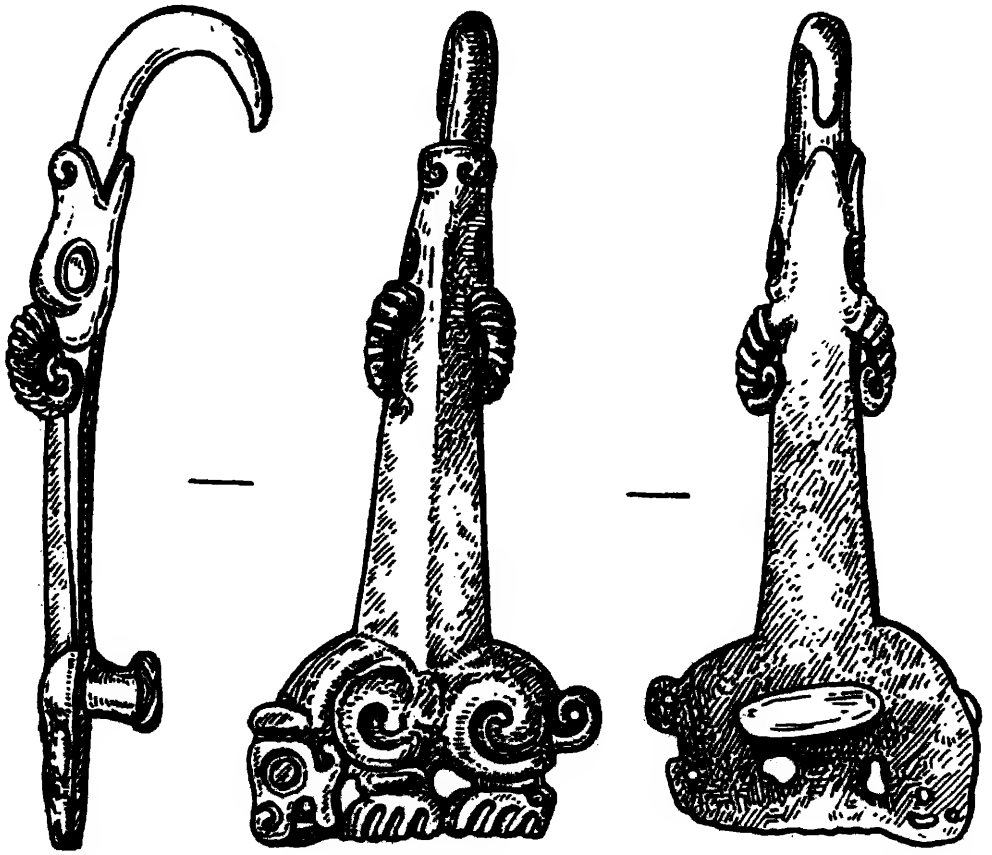


Рис. 17. Медведь. Бронзовый крючок. Курган № 17, Колбино.

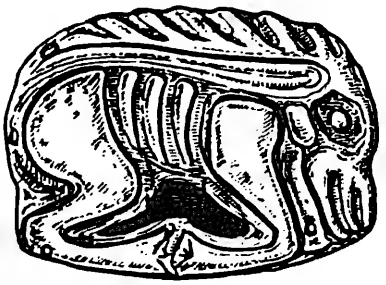


Рис. 18. Золотая бляшка с изображением лошади. Курган № 7, Колбино.

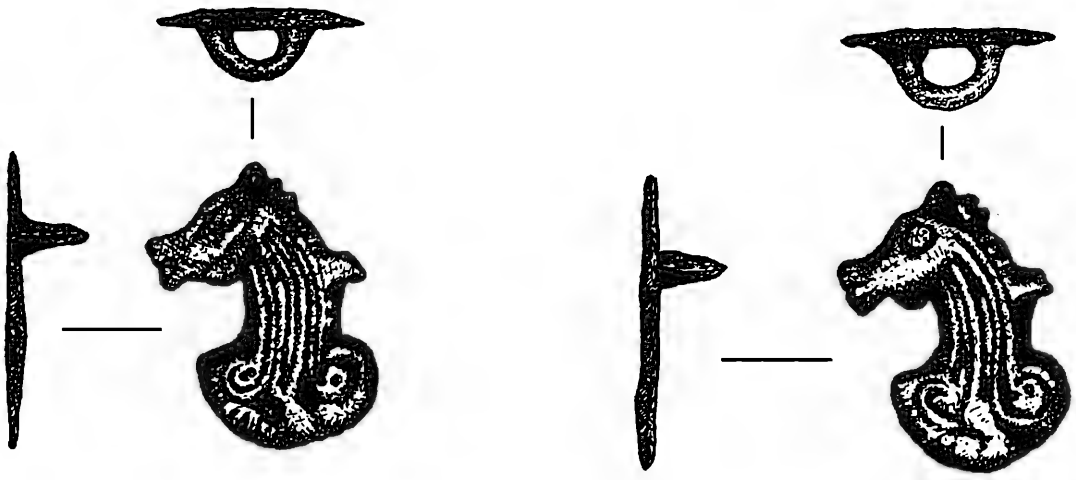


Рис. 19. Бронзовые бляшки конской узды с изображением головы лошади. Курган № 10, Горки.

Рис. 20. Золотой крючок-застежка с изображением оленя. Курганы № 1 или 2, Мастюгино, сборы А.А. Спицына.

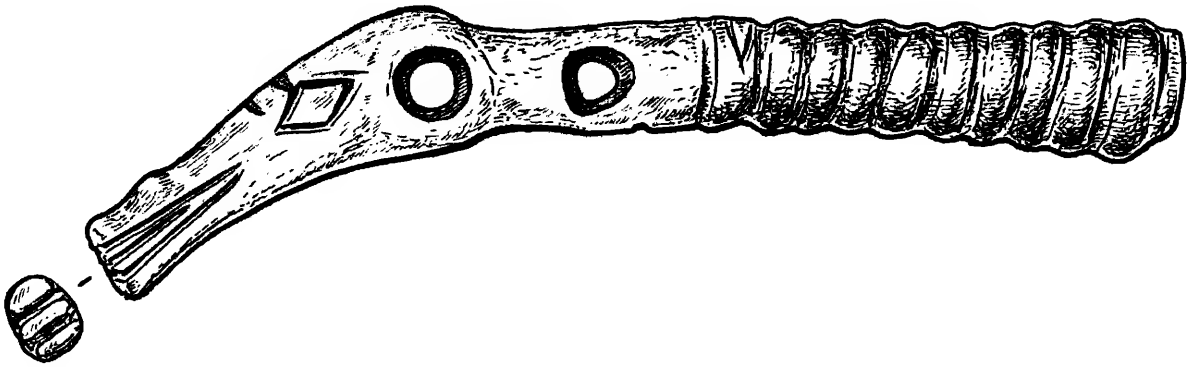


Рис. 21. Роговой псалий с изображением головы лося. Курган № 8, Колбино.

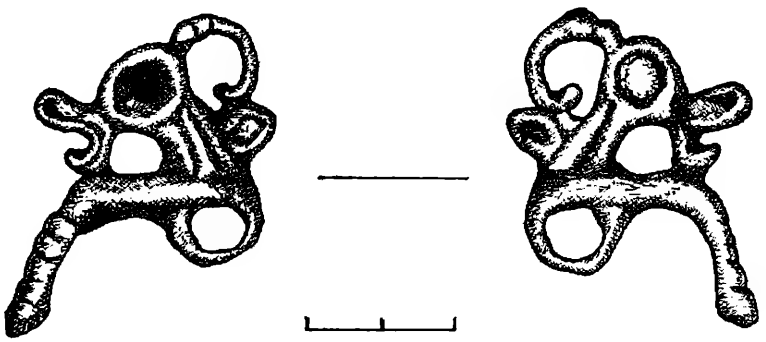


Рис. 22. Бронзовая бляшка конской узды в виде головы дикого козла. Курган № 10, Горки.

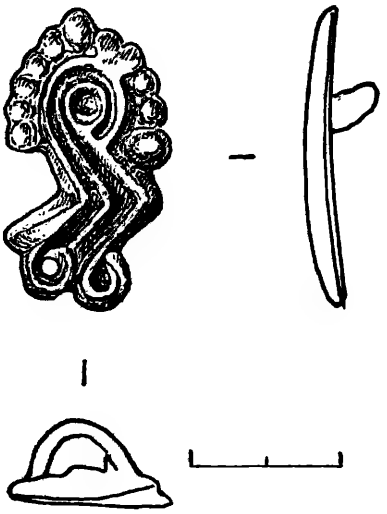


Рис. 23. Бронзовая бляха конской узды в виде стилизованной пары задних ног животного. Курган № 2, Колбино.

Рис. 24. Бронзовая бляха с изображением лошади. Русская Тростянка, Курган № 14.

Рис. 25. Бронзовый наносник в виде головы хищной птицы. Курган № 24, Колбино.

Рис. 26. Бронзовые бляхи с изображением волка. Курган № 10, Колбино.

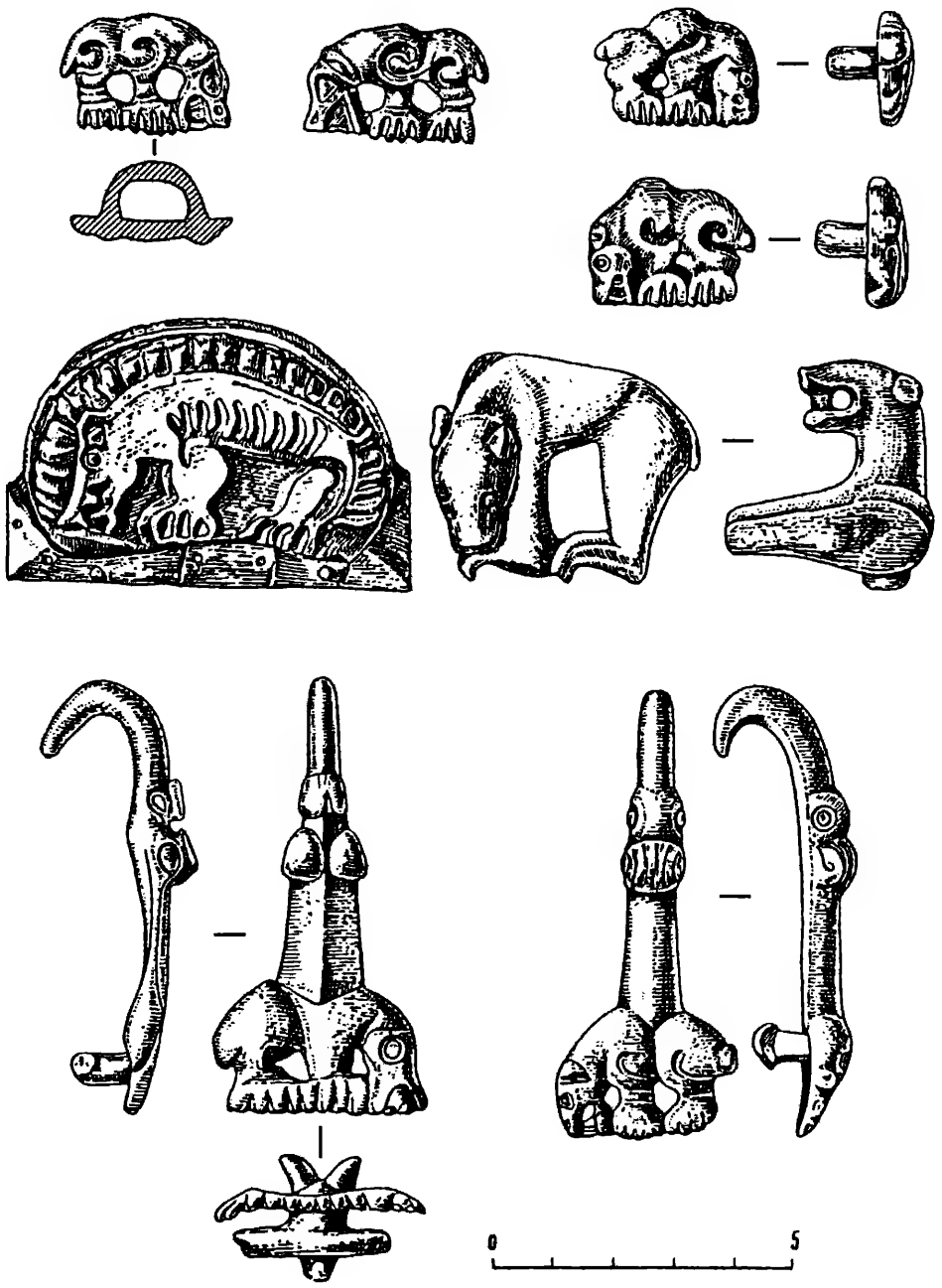


Рис. 27. Мотив медведя в искусстве скифов Среднего Дона
(по П.Д. Либерову, 1970).

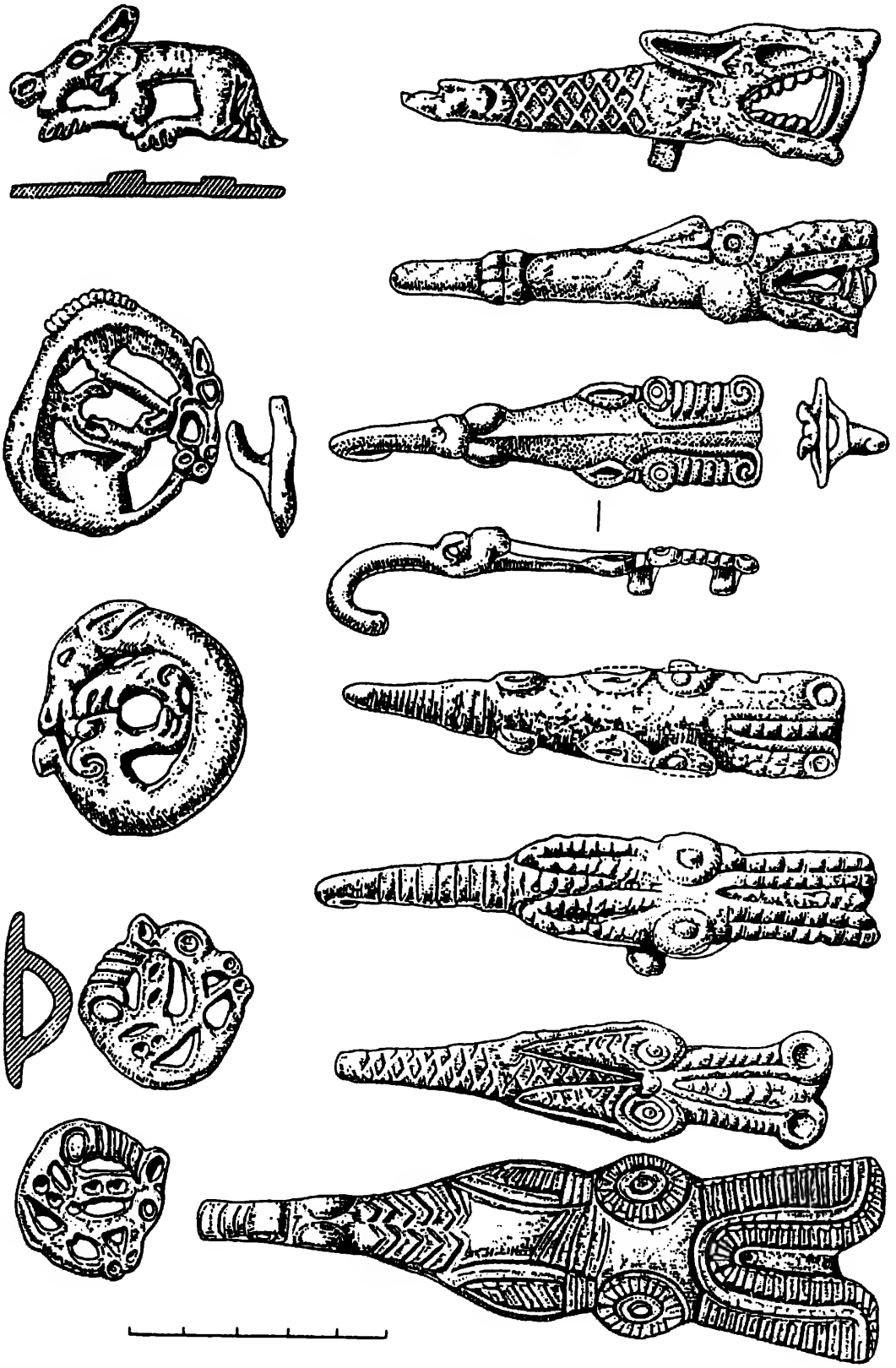


Рис. 28. Изображения волка и фантастического хищника из среднедонских курганов V–IV вв. до н.э. (по П.Д. Либерову, 1970).

Рис. 29. Львы и грифоны по материалам из Воронежских и Белгородских курганов V–IV вв. до н.э. (по П.Д. Либерову, 1970).

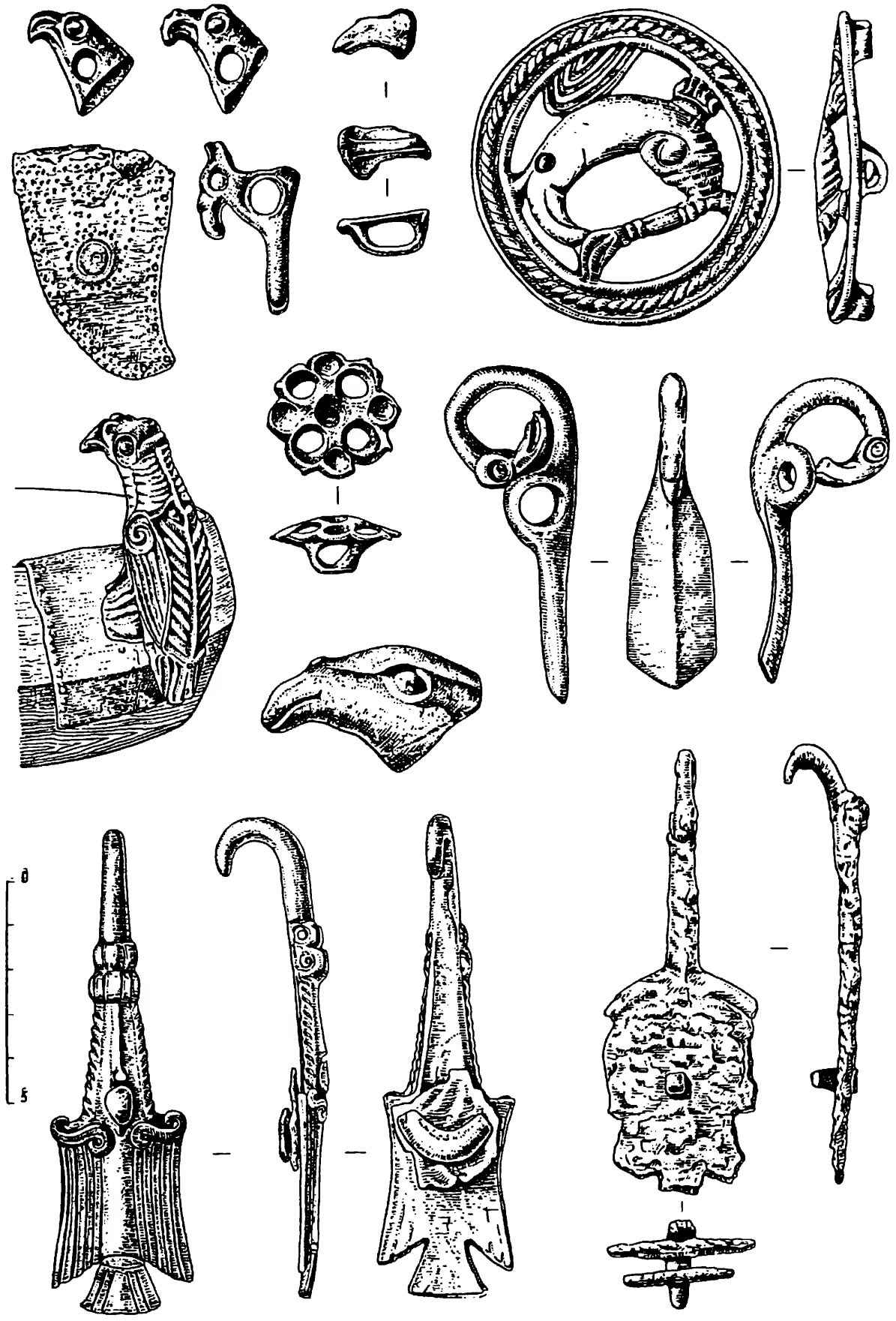


Рис. 30. Изображение птицы в искусстве Скифов Среднего Дона (по П.Д. Либерову, 1970).

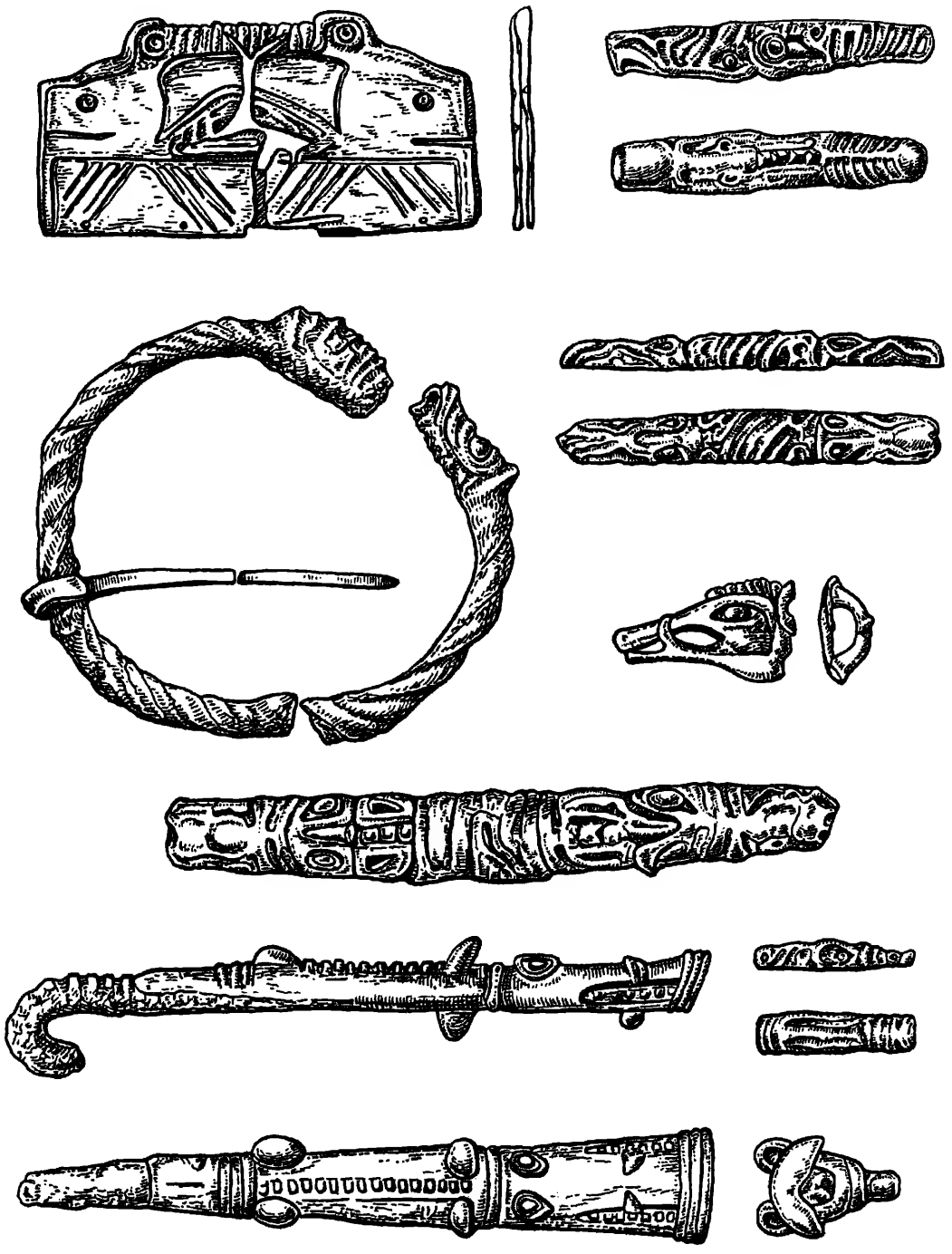


Рис. 31. Мотив кабана по находкам из среднедонских курганов (по П.Д. Либерову, 1970).

Рис. 32. Изображение оленя и лося (по П.Д. Либерову, 1970).

Глава IX

СРЕДНИЙ ДОН И ЕГО СОСЕДИ

«Блеща средь полей широких,
Вот он льется!.. Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
Я привез тебе поклон».
Александр Пушкин

Ни одна культура, ни один народ или этнос не могут успешно развиваться без контактов с ближними и дальними соседями. Так было и в эпоху древности. Посланцы Скифии, освоившие в начале V века до н.э. среднедонские земли, оказались географически на далекой северо-восточной окраине скифских владений, в окружении самых разных, зачастую враждебных им местных племен. К числу весьма вероятных врагов вновь прибывших групп можно с уверенностью отнести воинственных кочевников-савроматов, которые обитали сразу же к востоку от Среднего Дона – в задонских и заволжских степях. Не были безоблачными и взаимоотношения новых переселенцев с носителями Городецкой культуры (предками финно-угорского населения), проживавшими частично в Лесостепном Подонье, в северной его половине, по крайней мере еще в VIII–VII веков до н.э. (на территории современных Липецкой и Воронежской областей России). Этих «рыжеволосых» и «зеленоглазых» «лесовиков» скифам пришлось выдворять с облюбованных для себя земель силой, о чем красноречиво свидетельствуют следы пожарищ и разрушений на некоторых городищах с «рогожной» Городецкой керамикой.

Правда, верно и то, что между всеми этими племенами и народами на протяжении двух долгих веков (V–IV века до н.э.) имели место не только военные столкновения, но и какие-то торговые и культурные связи, оказавшие определенное влияние на все взаимодействующие стороны.

Но сначала не о врагах, а о друзьях и родственниках.

Средний Дон и Приднепровская Лесостепь

Поскольку свидетельств письменных источников по интересующей нас территории и эпохе практически нет, то главной опорой для последующих выводов и заключений будет служить довольно многочисленный археологический материал. Прежде всего, обратимся к западному направлению, где обитали родственные среднедонскому населению носители одного из вариантов скифской культуры – племена Лесостепного Левобережного Приднепровья. И главным нашим инструментом для выявления связей этих двух областей – Среднего Дона и Лесостепного Приднепровья будет сопоставление их археологических комплексов.

Напомню, что для погребального обряда населения Воронежщины в V–IV веках до н.э. характерны одиночные (реже парные или коллективные) захоронения под курганными насыпями в квадратных или прямоугольных ямах с деревянными конс-

трукциями (облицовка стен могилы досками или плахами, поставленными в специальные желобки-канавки торцами; опорные столбы, крыша-накат из дубовых бревен или досок или же крыша-«шатер»), иногда наличие дромосов-коридоров, ведущих к могиле, кольцевое размещение выкида желтой материковой глины, кольцевые ровики, южная или западная (с отклонениями) ориентировка погребенных и т.д.

Но точно такие же черты свойственны и курганным захоронениям V–IV вв. до н.э. на всей территории Лесостепного Левобережья Днепра – от Посулья до бассейнов рек Ворсклы, Псла и Оскола, которые непосредственно смыкаются уже со среднедонской группой памятников скифского времени. Входит в эту обширную зону единой родственной культуры, которую В.А. Ильинская условно назвала «Левобережной», и область Северского Донца.

В Посулье, по данным той же В.А. Ильинской, в курганах VI–V вв. до н.э. типичны захоронения в ямах с деревянными конструкциями (вертикальная облицовка стен деревом, опорные столбы, желобки вдоль стен по дну могилы) и с южной ориентировкой (отклонения к западу и востоку) покойников. Этот обряд устойчиво сохраняется здесь и позже, вплоть до конца IV в. до н.э.[1]

Исследовавшие десятки курганов в степной и лесостепной частях бассейна Северского Донца, Б.А. Шрамко и П.Д. Либеров отмечают преобладание здесь прямоугольных могильных ям с деревянным перекрытием и деревянной же облицовкой стен. Больше того, среди находок в погребениях нередко встречаются наборы стрел, сочетающие наконечники из железа и бронзы, причем первые находят ближайшие аналогии именно в среднедонских материалах. Заупокойная пища, как и у степных скифов (и как на Среднем Дону) состоит обычно из разрубленных туш лошади, реже – овцы, козы. Характерны типично скифские железные ножи с горбатой спинкой и костяной рукояткой. Керамика из курганов и поселений Северского Донца имеет много общего с керамикой Посулья, с одной стороны, и с лепной глиняной посудой Среднего и Нижнего Подонья (особенно, из раскопок Елизаветовского городища) – с другой: тюльпановидные большие горшки с защипами по краю венчика, высокие и глубокие миски, кувшины с одной ручкой и др.[2] Но к той же самой гончарной традиции относится, без сомнения, и лепная керамика со Среднего Дона. Известный скифолог Б.Н. Граков, изучив находки с Архангельского городища, убедился в том, что «в основном типы местной посуды такие же, как в Посулье и на Донце».[3]

Этот же автор отметил и еще один интересный факт: «Земледелие и скотоводство (на Среднем Дону. – *В.Г.*) совершенно такие же, как и в Посулье и на Донце». Вполне естественно выглядит в данной связи и общий вывод профессора Б.Н. Гракова. «В целом, – пишет он, – нет никакого сомнения в господствующем здесь посульско-донецком характере всей воронежской культурной группы в скифское время».[4]

Полностью вписываются в этот общий круг родственных культур левобережной украинской лесостепи и памятники скифского времени на Полтавщине (бассейны рек Псла и Ворсклы). Здесь мы вновь видим преобладание подкурганных захоронений в простых могильных ямах с деревянным перекрытием, иногда с дромосом-коридором, выкиды материковой глины из могильной ямы, размещенные вокруг могилы кольцом, южную ориентировку покойников, облицовку стен гробницы досками или плахами, желобки-канавки по дну могилы для упора торцевых концов досок и т.д. и т.п. (например, курганная группа у с. Олефирщина). Находки из раскопанных курганных могильников в Скороборах и у с. Осняги, неподалеку от громадного Бельского городища скифского периода, показали полную идентичность местных погребальных и жилых комплексов, то есть население, оставившее курганы и обитатели городища – это одно целое. Налицо и глубокое родство полтавских археологических памятников (и курганов и городищ) с древностями скифского периода Посулья, Северского Донца и Среднего Дона.[5]

Тесно связаны местные памятники и со степной Скифией. В тех же Скороборах найден ритон из турьего рога, окованного золотом и серебром, железный меч с руко-

ятью, покрытой золотым листом и очень похожей на меч из царского кургана Солоха. Близ с. Осняги в кургане № 5 обнаружена в ходе раскопок золотая калачиковидная серьга, наподобие тех украшений, что найдены в кургане «амазонки» (курган № 6) у с. Терновое на Воронежщине и в женском захоронении в Малом Чертомлыке (Степное Приднепровье).

Недавно еще одна аналогичная серьга была выявлена в кургане № 16 у с. Олефирщина, в 20 км к северу от Полтавы. Это богатое женское погребение, довольно сильно потревоженное грабителями, удалось с помощью найденной здесь же черно-лаковой греческой чашечки (импорт из Аттики) четко датировать первой половиной IV в. до н.э.

Следовательно, путем сопоставления погребального обряда, характера поселений (городища и селища), керамики, систем хозяйства и основных категорий вещей (вооружение, конская сбруя, предметы искусства), мы установили, что вся огромная территория лесостепи между Днепром и Доном была в скифскую эпоху населена родственными по культуре племенами, основу хозяйственной жизни которых составляли скотоводство и земледелие.

А причем же здесь скифы-иранцы? Ведь еще со времен Первой конференции по скифо-сарматской археологии (1952 г.) в ученых кругах возобладало представление о том, что собственно скифы жили лишь в степях Северного Причерноморья между Дунаем и устьем Дона. Вся же полоса лесостепи принадлежала, в таком случае, нескифским племенам Геродота – андрофагам, меланхленам, неврам, будинам и др. Как уже отмечалось выше, попытки точно разместить их на современной географической карте и связать с какой-то определенной известной на сегодняшний день группой археологических памятников VI–III вв. до н.э. не увенчались успехом. Беспристрастное рассмотрение основных категорий вещей, погребального обряда и характера поселений лесостепи от Киева до Воронежа в скифскую эпоху позволяет сделать вполне однозначный вывод: все названные территории принадлежали тогда одной общей культуре скифского типа.

Усилиями известных ученых-скифологов А.И. Тереножкина и В.А. Ильинской в 70-х–80-х годах неоднократно ставился вопрос о том, что и степная и лесостепная зоны от Днепра до Среднего Дона всегда (начиная с VI в. до н.э.) входили в пределы Европейской Скифии и полностью контролировались скифами-иранцами. Эти исследователи напомнили о многочисленных случаях открытия типично степных скифских погребений V–IV вв. до н.э. на широте Киева т.е. у северных границ лесостепи. Доказывалось полное совпадение основных черт скифской культуры, воплощавшихся в знаменитой «триаде» (вооружение, конский убор, «звериный стиль»), как в степи, так и в лесостепи.[6] Больше того, В.А. Ильинская предложила, ссылаясь на почти полное отсутствие пышных погребений скифов в степи в VII–VI вв. до н.э., остроумную гипотезу о «кочующем центре» Скифской державы и о некрополе ее царей: для VII – нач. VI вв. до н.э. – в Прикубанье и на Северном Кавказе, для VI – нач. V вв. до н.э. – в левобережной украинской лесостепи (Посулье) и лишь с конца V – IV вв. до н.э. – в степном Приднепровье.[7]

Бурные дискуссии 50-х–80-х годов об этнокультурной принадлежности населения степной и лесостепной зон Причерноморья не прошли даром. Во всяком случае, сейчас многие (если не большинство) исследователей склонны считать Скифию единой и в культурном и этническом отношении (включая левобережную лесостепь) уже с VI в. до н.э.

Показательно и то, что оба автора, положивших когда-то начало разделению Скифии на «скифскую степь» и «нескифскую лесостепь» (Б.Н. Граков и А.И. Мелюкова), позднее заметно пересмотрели свои взгляды и хотя бы в отношении Среднего Дона признали его принадлежность собственно скифам. «Что касается археологических данных, – пишет А.И. Мелюкова, – то Воронежские курганы, пожалуй, больше других локальных групп лесостепи ближе всего к скифским кочевническим погребениям...».[8]

«Вооружение и костюм местных жителей (со Среднего Дона. – *В.Г.*), – вторит ей Б.Н. Граков, – не отступал от общескифского».[9] Я могу добавить, что кроме костюма и вооружения (плюс – конской узды), анализ образов и семантики произведений искусства («звериного стиля») со Среднего Дона V–IV вв. до н.э. не оставляет сомнений в близости, вернее, даже глубоком родстве мировоззрения и религиозных представлений людей, погребенных в воронежских курганах с собственно скифами.

Так кто же были по этносу и культуре люди, погребенные в воронежских курганах?

Если бы эта книга писалась лет 40–50 назад, то здесь можно было бы и поставить точку, отослав читателей к соответствующей (и тогда еще весьма немногочисленной) литературе по данной теме. К тому же, ни у археологов дореволюционной эпохи (А.А. Спицына, Н.Е. Макаренко, М.И. Ростовцева), ни у советских исследователей 20-х–50-х годов не было никаких сомнений в том, что в воронежских курганах раннежелезного века погребены именно скифы и вся среднедонская культура – это неотъемлемая часть Скифии. Располагая сравнительно небольшим исходным материалом в виде трех десятков раскопанных курганов, М.И. Ростовцев, со свойственной ему гениальной проницательностью, без колебаний отнес среднедонскую культуру VI–III вв. до н.э. к скифам. В своей книге «Эллинство и иранство на юге России» (Петроград, «Огни», 1918 г.) он, прежде всего, подчеркнул родственный характер археологических памятников Воронежщины и левобережной лесостепной Украины, а затем включил и те и другие в состав Скифской державы. «Как далеко заходила власть скифов на севере и на востоке, – писал он, – выяснить затруднительно. Несомненно, что течение Днепра и его притоков вплоть до Киевщины и Полтавщины, находились под их властью. Погребения этих местностей, в которых чрезвычайно силен восточный скифский элемент, определенно говорят об этом. По Дону мы находим такие же погребения, как только что упомянутые киевские и полтавские, вплоть до Воронежа...».[10]

Больше того, М.И. Ростовцев определенно ставит захоронения военной знати с территории Среднего Дона в один ряд с наиболее богатыми, «царскими» курганами степных скифов. Помимо знаменитых Солохи и Чертомлыка, отмечает российский ученый, богатые погребения были открыты в Александропольском кургане, в курганах Деевских и Серогозских, в Первом Мордвиновском кургане и многих других. «Ту же картину в Прикубанье дает богатейший Карагодеуашх, в Придонье ряд курганов в урочище «Частые курганы» около Воронежа и некоторые курганы около станицы Елизаветовской в устье Дона... Все эти погребения отличаются, прежде всего, необычайным обилием золотых и серебряных вещей».[11]

Не было никаких сомнений в скифской принадлежности Частых и Мастюгинских курганов и у такого выдающегося российского археолога как В.А. Городцов (он сам раскопал шесть курганов в группе «Частых» в 1927 г.). Наконец, как бы подводя итоги всех предшествующих исследований на территории воронежской лесостепи, в 1952 году историк А.Ф. Шоков выпустил специальную работу, назвав ее «Скифы на Среднем Дону». Казалось бы, все уже более или менее ясно, и далее необходимо лишь развивать и уточнять основные идеи М.И. Ростовцева и его последователей. Однако, в конце 40-х и 50-е годы этот плавный ход событий неожиданно был нарушен сразу двумя серьезными факторами. Во-первых, в советской исторической науке началась оживленная дискуссия по поводу достоверности этнокультурной карты Скифии в свете данных «отца истории» – Геродота. Во-вторых, на территории Воронежской» области в 1954 г. приступила к широким исследованиям древностей раннежелезного века большая комплексная археологическая экспедиция, возглавляемая П.Д. Либеровым.

Что касается первого фактора, то здесь речь пойдет лишь о локализации скифских и нескифских племен, упоминаемых Геродотом, на современной географической карте в трудах ведущих советских ученых. Вполне естественно, что в первую очередь

нас будет интересовать вопрос – кому именно (скифам или другим племенам) отдается в течение VI–III вв. до н.э. область Среднего Дона. Надо сказать, что после известной Первой конференции по скифо-сарматской археологии (Москва, 1952 год), усилиями Б.Н. Гракова, А.И. Мелюковой и ряда других исследователей среднедонской регион был целиком выведен из пределов собственно скифской территории и, вместе с остальной лесостепной зоной между Днепром и Доном, отдан различным нескифским племенам. М.И. Артамонов помещает на землях Воронежщины в I тысячелетии до н.э. меланхленов. Б.Н. Граков, Б.А. Шрамко, К.Ф. Смирнов и, особенно, П.Д. Либеров отводят область Среднего Дона геродотовым будинам и не менее загадочным, но тесно связанным с будинами своими историческими судьбами, народом – гелонам (по Геродоту, они – выходцы из эллинских городов, говорят на эллинском и скифском языках и верят в эллинских богов; в земле будинов они, после своего переселения туда, построили огромный город Гелон, окруженный высокими деревянными стенами).

Здесь нельзя не сказать и о втором, упомянутом выше факторе. После более чем десятилетних интенсивных исследований на территории Воронежщины и Белгородчины, П.Д. Либеров, на основе нового значительного материала (результаты раскопок поселений и курганов скифского времени, анализы цветного металла, данные палеозоологии, топонимики и др.) не только вновь высказал мысль о принадлежности местных древностей VI–III вв. до н.э. будинам, но и отнес их к финно-угорскому этносу.[12] И хотя какие-то сомнения в достоверности столь смелого заявления еще оставались, многие специалисты-скифологи России и Украины признали его правоту и почти на четверть века (до конца 80-х годов) среднедонская Будиния прочно заняла свое место на этногеографической карте Скифии и ее соседей.

Честно говоря, в свои молодые годы, работая в экспедиции П.Д. Либерова в Воронежском краю, я полностью разделял его точку зрения и считал, что здесь, в благодатной лесостепи, жили именно будины. Ведь писал же великий Геродот коротко и ясно, что «будины живут к северу от савроматов, от угла Меотиды (Азовского моря. – *В.Г.*) в 15 днях пути». Единственное, с чем я тогда был не согласен со своим начальником – где именно надо искать на будинской земле знаменитый город Гелон. Он считал, что эта группа небольших городищ у с. Волошино близ современного городка Острогожска, а я связывал с рассказом Геродота большое городище у с. Большое Сторожевое на крутом правом берегу Дона. Но в главном, в том, что на воронежской земле в I тысячелетии до н.э. жили будины, наши взгляды полностью совпадали. И лишь в конце 80-х годов, когда мне пришлось после долгого перерыва вновь серьезно заняться среднедонской археологией и создать для этого большую комплексную экспедицию, появились первые сомнения. По мере изучения новых, полученных нами данных и обширных материалов наших предшественников, я все больше убеждался в том, что свидетельства Геродота о расселении скифов и их соседей очень неопределенны и допускают самые различные толкования. И действительно, по воле весьма уважаемых ученых, будины с гелонами кочевали по географической карте в лесостепных и лесных пространствах Восточной Европы от Днепра на западе до Прикамья на востоке. Более того, опираясь не только на «Историю» Геродота, но и на всю античную письменную традицию, посвященную соседям скифов, Л.А. Ельницкий в своей интересной монографии «Скифы евразийских степей» (Новосибирск, 1977) весьма убедительно продемонстрировал возможность помещения будинов и гелонов на Кавказе.

«К северу от местностей, занятых племенами скифов-кочевников и скифов царских, – пишет этот автор, – Геродот помещает меланхленов, гелонов, будинов и невров. Ни локализация их, ни описание их быта не отличаются у него необходимой ясностью. Причисляя будинов к варварским, нескифским племенам, Геродот в то же время помещает в их стране деревянный город Гелон, населенный людьми эллинского происхождения – гелонами, говорящими по-гречески и по-скифски. Тут

же выясняется, что будины у некоторых греческих писателей именуются гелонами. С другой стороны, родство гелонов и скифов подчеркивается эллинским вариантом легенды о происхождении скифов, в которой в числе сыновей Геракла и Ехидны фигурирует Гелон. Нахождение эллинизированного деревянного города где-то далеко на севере Скифии представляется совсем неправдоподобным, даже если и допустить, что греческие торговцы действительно проникали в глубинные местности Скифии, чему, впрочем, противоречит малая осведомленность греков об этих местностях».[13]

Л.А. Ельницкий считает, что Геродот стал жертвой картографической аберрации, вызванной схематизмом и условностью древней картографии и призывает исследователей обратить свои взоры к Кавказу. Так, по периплу псевдо-Скилака, меланхлены и гелоны живут между колами и колхами, на черноморском побережье Кавказа. Некоторые более поздние данные античных авторов позволяют, согласно Л.А. Ельницкому, связать с кавказской почвой и будинов. Отнюдь не разделяя этот смелый вывод, я привел его здесь лишь для того, чтобы показать всю ненадежность и неопределенность сведений Геродота (в книге IV его «Истории») о расселении соседей скифских племен.

В этой связи мне представляется, что гораздо больше шансов для решения вопроса об этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона в скифскую эпоху даст углубленный анализ местного археологического материала и сопоставление его с находками на сопредельных территориях.

Начнем с Мастюгинского курганного могильника, поскольку в ходе раскопок именно этого памятника родилась среднедонская археология. К тому же за прошедшие 90 лет он исследован почти полностью (раскопки А.А. Спицына, Н.Е. Макаренко, П.Д. Либерова), дав науке поразительно богатый и разнообразный материал. В 70-х годах известный скифолог А.П. Манцевич, проведя тщательный анализ мастюгинских находок из раскопок А.А. Спицына и Н.Е. Макаренко, пришла к следующему заключению: «Самые тесные культурные и экономические связи населения Среднего Дона с обитателями Каменского городища (на Нижнем Днепре, близ Никополя. – *В.Г.*), областью «царских» курганов степного Приднепровья (Солоха, Огуз, Мордвинов, Чмырева могила, Малая Лепетиха, Шульговка) засвидетельствованы уникальными художественными предметами и рядовым материалом бытового назначения (украшения, пояса, котлы, конский убор и особенно железные ножи с костяными рукоятками). Из всех курганов, исследованных в Мастюгинском могильнике, II курган (№ 29/21, по П.Д. Либерову) дает наиболее яркую картину широких связей населения Среднего Дона с окружающими племенами. *Инвентарь захороненных в нем лиц мало отличается от инвентаря представителей богатой верхушки Скифии и Боспора*»[14] (курсив мой. – *В.Г.*). Можно лишь добавить, что серебряный ритон из этого кургана второй половины IV в. до н.э. является точной копией сосуда, обнаруженного в богатейшем Первом Мордвиновском кургане из степной Скифии. Две пары бронзовых с позолотой поножей (курганы № 2 и 3 у с. Мастюгино) сходны с поножами из скифских захоронений высшей знати в знаменитой Куль-Обе и в Ильинцах. Золотые серьги с фигурой богини Кибелы, сидящей на львах (курган № 5 у с. Мастюгино) находят ближайшую аналогию опять-таки в «царских» курганах степного Причерноморья – в «Толстой Могиле» (где была обнаружена уникальная золотая пектораль) и в погребении знатной скифянки у с. Любимовка (Каховка). Золотой перстень с фигурами двух львов из Мастюгино почти идентичен золотому перстню из Куль-Обы (хотя там изображены не два, а четыре льва). И этот список можно продолжать и дальше. Не менее показательны и результаты анализа находок из другого известного курганного могильника – «Частые курганы» под Воронежем. Самый яркий предмет из этой курганной группы – серебряный с позолотой сосуд с изображениями шести фигур знатных скифов – имеет поразительное сходство с электровым шаровидным кубком из Куль-Обы, где в каменном склепе еще в XIX веке было найдено богатейшее захоронение скифского царя, жившего в IV в. до н.э.

Культовые серебряные сосуды с близкими сюжетами представлены и в других царских курганах степной Скифии – Чертомлыке и Гайматовой Могиле. «Нет никакого сомнения, – считал М.И. Ростовцев, – что большинство драгоценных сосудов, находимых в гробницах данного типа, имеют не житейское, а культовое назначение... Такое назначение и притом специфического характера, имеющее прямое отношение к царской власти, имеют прежде всего ритоны... Несомненен ритуальный характер и для сосудов нашего типа, шаровидных... Этот род сосудов стоит в непосредственной связи с великой женской богиней скифской религии, той, что позднее в Боспоре называлась Афродитой Уранией. Несомненно, что эта богиня является одной из ипостасей великой земной и водной богини, царицы зверей и рыб, специально покровительницы лошадей и, вероятно, конных рыцарей, почему она и представлена на религиозных изображениях богиней, дарующей власть царю и приобщающей себе при посредстве ритона скифскую конную знать».[15]

Следует особо сказать и об огромной значимости находки серебряного сосуда с изображениями знатных скифов именно на территории Среднего Дона. Как известно, близкие по сюжетам драгоценные и явно ритуальные сосуды обнаружены археологами в пределах Скифии почти за 200 лет раскопок только дважды: электровый кубок из кургана Куль-Оба (в Крыму) и серебряная с позолотой чаша из кургана Гайманова Могила (в степном Приднепровье). Сам факт выборочности и редкости помещения этих священных сосудов в могилы скифской знати – свидетельство высшего социального статуса людей, погребенных в названных курганах. По мнению многих исследователей, это – цари, верховные правители.

Железный меч общескифского типа с обложенной золотым листом рукоятью, обнаруженный в том же кургане № 3 группы «Частых», находит себе ближайшие параллели в курганах Чертомлык и Солоха (т.е. несомненно, скифских царских захоронений).

Золотые и серебряные оковки разрушившихся от времени деревянных чаш из кургана № 2 группы «Частых» очень похожи на такого же рода предметы из Чмыревой могилы и Александропольского кургана (царские захоронения из степной Скифии).

Железный, обтянутый золотым листом с растительным орнаментом, браслет (курган № 3) имеет себе двойника в погребальном комплексе из того же Чертомлыка.

Многочисленные золотые штампованные нашивные бляшки разных форм и с разными изображениями, найденные в «Частых курганах», встречались также и во многих «царских» скифских курганах (Александропольском, Чмыревой могиле, Куль-Обе, Толстой Могиле и др.).

Золотые бляшки с попарно идущими фигурами львов и львиц абсолютно похожи в кургане № 1 у деревни Дуровки (Белгородская область) и в северной катакомбе Мелитопольского «царского» кургана.

Золотые калачиковидные серьги со сканью из кургана № 6 близ с. Терновое с погребением «амазонки» встречались до сих пор несколько раз в наиболее пышных женских захоронениях степной и лесостепной Скифии V–IV вв. до н.э., в том числе и в Чмыревой могиле, Малом Чертомлыке и др.

Таким образом, погребения среднедонской аристократии скифского времени, обнаруженные в некоторых курганах в урочище «Частые курганы» (курган № 3) у с. Мастюгино (курган II, он же № 29/21), у д. Дуровка (курган № 1) и др., почти полностью идентичны по своему содержимому могилам верхушки скифской знати («царей», вождей) в степной и лесостепной зонах Северного Причерноморья, что должно указывать, по меньшей мере, на их культурное родство.

Следовательно, западные соседи населения Лесостепного Подонья были ему ближайшими его родственниками по культуре и, вероятно, этносу – с одной стороны и весьма близки по всем показателям степным скифам Северного Причерноморья – с другой.

Нижний Дон и Воронежские курганы

На первый взгляд это может показаться весьма странным, но вплоть до недавнего времени ни один исследователь не делал попыток сопоставить археологические материалы Среднего и Нижнего Дона в скифскую эпоху на предмет выявления их сходства и различия. И, по-видимому, для такого положения дел имелись свои веские причины. В дореволюционный период все Подонье безоговорочно включалось в состав Европейской Скифии от Дуная до Дона и, таким образом, отсутствовал сам предмет спора: везде в Подонье жили те же самые скифы. Однако, после 1952 года, когда степные и лесостепные области Северного Причерноморья были решительно отделены друг от друга, Воронежская группа памятников V–IV вв. до н.э. отошла к «скифоидным», но не скифским по этносу племенам – северным соседям скифов-иранцев. С конца 50-х годов XX в. чаще всего в среднедонской лесостепи ученые помещали в I тысячелетии до н.э. племена будинов и гелонов (П.Д. Либеров, Б.Н. Граков, А.Б. Шрамко, А.П. Медведев и др.).

Что же касается территории Нижнего Дона, то там общая картина заметно осложнялась противоречивостью сведений античных письменных источников, недостаточной археологической изученностью региона и его приграничным географическим расположением на стыке трех больших этнокультурных областей: скифов («царских», по Геродоту) – на западе, вплоть до устья Дона; савроматов – на востоке, в задонских и поволжских степях; и меотов – на юго-востоке, в Прикубанье. А здесь еще и вездесущие греки со своими торгово-хозяйственными интересами, построившие в дельте Дона-Танаиса или по берегам Азовского моря немало городов и факторий.

Стоит ли удивляться, что среди археологов до сих пор нет единого мнения относительно этнической и культурной принадлежности населения Нижнего Дона (особенно, в дельте и на правобережье этой реки) в I тысячелетии до н.э. Наиболее изученным археологическим комплексом на этой территории является Елизаветовское городище и его курганный могильник. Так вот, одни исследователи связывают его с меотами (И.С. Каменецкий), другие – с савроматами-сарматами (Б.Н. Граков, В.Е. Максименко), третьи – с собственно скифами (М.И. Артамонов, В.П. Шилов, И.Б. Брашинский, К.К. Марченко, В.П. Копылов).

Наиболее убедительной представляется мне гипотеза о скифской принадлежности Нижнедонской группы археологических памятников. Тем более, что «отец истории» Геродот пишет о границах Скифской державы на востоке вполне четко и определенно: «За рекой Герром идут так называемые царские владения. Живет там самое доблестное и наиболее многочисленное скифское племя... Их область к югу простирается до Таврики (т.е. Крыма – *В.Г.*), а на восток – до рва, выкопанного потомками их слепых рабов, и до гавани у Меотийского озера (Азовского моря – *В.Г.*) по имени Кремны. Другие же *части их владений граничат даже с Танаисом*» (курсив мой – *В.Г.*; Танаис – р. Дон). Таким образом, владения главного племени скифов (это, явно, так называемые «скифы-царские», считавшие всех остальных скифов своими рабами) доходили на востоке до северо-восточного угла Азовского моря и устья реки Дон (древний Танаис).

Как справедливо отмечает ростовский археолог В.Е. Максименко, «Нижний Дон имеет своеобразное географическое положение. Через него в древности проходил путь миграций кочевых племен, что сыграло определенную роль в истории населения южнорусских степей, наложило отпечаток на все сферы духовной и материальной культуры живших на этой территории народов. На протяжении многих веков Подонье являлось своего рода контактной зоной не только между различными этническими или политическими объединениями (например, скифским и савроматским), но и между населением с различным хозяйственных укладом (кочевники и земледельцы, туземное население и жители греческих колоний)...»[16]

Тем не менее, несмотря на свое известное культурное своеобразие, нижнедонская группа, по мнению многих исследователей, относилась скорее с скифскому, нежели к савроматскому миру. Причем, особую близость демонстрируют местные поселенческие и погребальные материалы археологическим памятникам левобережной лесостепной Украины и степного Приднепровья.

Осенью 1996 г. мне довелось впервые побывать в этом столь богатом древностями регионе. Поводом для поездки послужила организованная Ростовским (на Дону) Государственным Университетом и Музеем-заповедником Танаиса конференции памяти известного археолога-антиковеда Д.Б. Шелова. Готовя для нее доклад об итогах работы своей Донской археологической экспедиции, я решил серьезно «проштудировать» имеющуюся научную литературу о нижнедонских памятниках скифской эпохи. Каково же было мое удивление, когда некоторые курганные комплексы этого времени из правобережья Нижнего Дона оказались поразительно похожими на среднедонские.

Эта идея, естественно, прозвучала и в моем докладе на упомянутой конференции, не вызвав особых возражений у коллег. Более того, профессор В.Е. Максименко (Ростовский Университет) публично заявил, что и сам он давно обнаружил большое сходство курганных материалов скифского времени в степном и лесостепном Подонье. Правда, по его мнению, в обоих регионах в V–IV вв. до н.э. жили «савроматы Геродота». Мне же представлялось, что речь здесь может идти только о скифах. Тем не менее, оставив на время в стороне спор об этнической принадлежности обитателей Подонья в скифскую эпоху, мы решили всячески развивать наши научные контакты и усилить полевые исследования (разведки и раскопки) на Дону, особенно на стыке Воронежской и Ростовской областей. К сожалению, эти планы, в силу ряда объективных причин, нам реализовать пока не удалось. Правда, кое-какие просветы на темном горизонте уже появились. В 2002 году воронежский археолог В.Д.Березуцкий опубликовал интересные материалы из разрушенного в средние века курганного скифского захоронения у с. Дьяченково, Богучарского района Воронежской области (курганный могильник «Высокая Гора»), расположенного на самой границе с Ростовской областью, за сотни километров к югу от основного массива среднедонских памятников скифской эпохи. Умершего сопровождал колчан со стрелами, имевшими железные (среднедонского типа) и бронзовые (общескифских форм) наконечники общим числом в 32 экземпляра. Судя по ним, курган появился в конце V – начале IV веков до н.э. Гробница сильно пострадала при устройстве в XII–XIII веках на месте прежнего скифского кургана захоронения какого-то знатного кочевника. Тем не менее, присутствие погребального комплекса абсолютно среднедонского типа так далеко на юге, уже не в лесостепи, а в степи, говорит о многом.[17]

В 1998 году В.Е. Максименко в своей новой монографии «Савроматы на Дону (археология и проблемы этнической истории)» впервые в отечественной науке прямо сказал о родстве археологических памятников правобережья Нижнего Дона V–IV веков до н.э. со среднедонскими древностями. Из общего содержания этой работы следует, что автор за данным культурным единством видит и единый этнос – сарматско-савроматский. Но главное не в этом. Ведь независимо от того, кому принадлежали воронежские курганы середины I тысячелетия до н.э. – скифам или савроматам – признание глубокого родства среднедонских и нижнедонских древностей V–IV веков до н.э. кладет конец «будино-гелонской» гипотезе, поскольку никто и никогда не связывал археологические памятники Нижнего Дона с будинами и гелонами.

Затем, в конце 1999 года во время работы Международной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии (город Дедовск под Москвой) другой ростовский археолог, В.П. Копылов, опираясь на итоги многолетних раскопок на Елизаветовском городище и одноименном курганном могильнике V–IV веков до н.э. в дельте Дона, выразил твердое убеждение в том, что, во-первых, местная **скифская** культура носит пришлый характер и уходит своими корнями в днепровское лесостепное Левобережье, а, во-вторых, среднедонские и нижнедонские древности бесспорно име-

ют глубинное сходство. Как считает этот исследователь, волна мигрантов из Скифии (будь-то ее степные или лесостепные области) пришла в Подонье, Среднее и Нижнее, одновременно, на рубеже VI–V веков до н.э. или в начале V века до н.э. и что эти пришельцы родственны между собой и по культуре, и по этносу.[18] А теперь от общих рассуждений необходимо перейти к изложению конкретных фактов.

Археологические исследования на территории Нижнего Дона начались в 50-х годах XIX века, но они были связаны главным образом с античной тематикой и, особенно, с поисками местонахождения города Танаиса, часто упоминаемого в трудах древнегреческих историков. Напомню здесь о работах профессора Московского Государственного Университета П.М. Леонтьева на Недвиговском и Елизаветовском городищах. Скифам везло меньше. Если не считать довольно дилетантских раскопок Пятибратних курганов близ станицы Елизаветовской в устье Дона П.И. Хицуновым (1871 г.) и И.И. Ушаковым (1901 г.), то первые серьезные научные исследования на обширном курганном могильнике и расположенном рядом городище близ станицы Елизаветовской осуществил в 1908, 1909 и 1911 годах петербургский археолог А.А. Миллер, вскрывший более 60 курганных насыпей и получивший разнообразный и интересный материал скифского времени.[19]

Елизаветовский курганный могильник (свыше 400 видимых насыпей), связанная с ним элитная группа курганов «Пять братьев» из 15 насыпей высотой от 7 до 12 метров и близлежащее Елизаветовское городище с начала XX века и вплоть до наших дней оставались главными объектами исследований сначала археологов Ленинграда-Петербурга (В.П. Шилов, И.Б. Брашинский, К.К. Марченко и др.), а затем – Ростова-на-Дону (В.П. Копылов, *В.Г.* Житников, С.Ю. Янгулов и др.). Но работы велись и на территориях Нижнего Дона, лежащих к северу от донской дельты.

На правом берегу Нижнего Дона в 70-е–80-е годы ростовские археологи исследовали несколько интереснейших курганных захоронений V–IV вв. до н.э. Все они находились в обширных квадратных или прямоугольных могильных ямах с деревянными конструкциями. Иногда (как в кургане у поселка Шолоховский) к могиле ведет коридор-дромос. Есть признаки использования при погребальных обрядах огня. Набор вещей из этих курганов мало чем отличается от среднедонских могил скифского времени: большое количество оружия – железные наконечники копий и дротиков с **рюмкообразными** подтоками, колчанные наборы **со смешанным составом железных и бронзовых наконечников стрел**, железные боевые топоры (изображения скифов с такими топорами есть на серебряном сосуде из «Частых Курганов» близ г. Воронежа), чешуйчатые железные панцири. Конская сбруя представлена общескифскими типами железных кольчатых удил и железных двудырчатых псалиев, бронзовых бляшек узды, оформленных в скифском «зверином стиле».

Обращает на себя внимание и тот факт, что даже в тех немногочисленных курганах V–IV вв. до н.э., которые были раскопаны до сих пор на правобережье Нижнего Дона, в трех из них были обнаружены **бронзовые поясные крючки**: один с фигурой «фантастического хищника» и два – с изображениями **медведей**, совершенно аналогичных среднедонским образцам.

Очень интересны (в плане сопоставления со Средним Доном) и частые находки тонких золотых пластин – оковок деревянных ритуальных чаш – с изображениями хищных птиц, грифонов, оленей и др. Это типичная черта элитных захоронений Степной Скифии.

Напомню также, что большинство людей, погребенных в нижнедонских курганах скифского времени, лежали головой на юг и на запад, то есть как и в захоронениях Воронежщины. Рассмотрим эти находки более детально.

В 1976 г. в кургане близ поселка Шолоховского Белокалитвинского района была раскопана большая могила размером 6х6 метров, с коридором-дромосом и следами огня на деревянных конструкциях – столбах. Несмотря на то, что погребение оказалось ограбленным еще в древности, оно содержало множество разнообразных и

интересных находок. В гробнице обнаружено большое количество всевозможного оружия – железные массивные наконечники копий и **рюмкообразные** подтоки, несколько колчанных наборов с бронзовыми и **железными** наконечниками стрел, железные боевые топоры, чешуйчатый железный панцирь, железный меч скифского типа. Конские уборы (имитация захоронения коня – как и в среднедонских курганах, состояла из железных удил, железных и бронзовых псалиев, бляшек в скифском «зверином стиле», пронизок и ворворок).

Псалии (железные двухдырчатые с шишками на концах) абсолютно повторяют конскую узду из богатейшего кургана № 29/21 у села Мастюгино. Весьма интересны также тонкие золотые пластинки – оковки деревянных ритуальных сосудов – с изображениями в скифском «зверином стиле». Напомню, что деревянные (видимо, культовые) сосуды с золотыми фигурными оковками по краю венчика – самая характерная принадлежность многих богатых воронежских погребений, как мужских, так и женских («амазонок»).

В могиле и дромосе уцелели также бронзовый котел, несколько глиняных горшков и чаш и остатки напутственной пищи в виде костей лошади и барана. Дата кургана – конец V – начало IV вв. до н.э.[20]

Очень интересны (в плане сопоставления со Средним Доном) и могилы-кенотафы из кургана № 25 Сладковского могильника на реке Быстрой (раскопки В.Е. Максименко в 1980). В центральной могильной яме (частично ограбленной в древности) были найдены несколько железных мечей, кинжалы, наконечники копий и дротиков с **рюмкообразными** подтоками, несколько колчанов стрел с **железными** и бронзовыми наконечниками, **бронзовый крючок-застежка** в виде фантастического клыкастого зверя (таких крючков с фигурой «фантастического хищника» много и в курганах Воронежщины). Кроме того, в могиле и нишах-тайниках удалось обнаружить несколько лепных глиняных сосудов, сероглиняную греческую амфору, **деревянные чаши** с золотыми обкладками (в одном случае, такие обкладки полностью повторяют золотые пластины от священного деревянного сосуда из кургана № 29/21 у с. Мастюгино). Время сооружения кургана – V в. до н.э.[21]

В том же могильнике есть и другие захоронения IV в. до н.э., в которых умершие положены головой на юг и сопровождаются колчанными наборами стрел с железными (аналогичными среднедонским) и бронзовыми наконечниками, копьями с «ромкообразными» подтоками и напутственной пищей в виде костей барана.

В 1977 г. у хутора Кащеевка Тацинского района Ростовской области был исследован курган IV в. до н.э. Под насыпью находилась квадратная могильная яма размером 5×5 метров с коротким коридором-дромосом. В ней лежало несколько скелетов – мужских и женских, все ориентированные головой на юг. Они сопровождались напутственной пищей в виде разрубленных туш баранов и быков. Среди других находок особый интерес представляют два **бронзовых поясных крючка-застежки с изображением медведей** (полная аналогия воронежским крючкам), **железные** и бронзовые **наконечники стрел**, остатки железного чешуйчатого панциря, бронзовое зеркало, золотой перстень, пастовые бусы и т.д.[22]

Много споров вызывает этнокультурная принадлежность ряда курганных погребений на правом берегу Дона (между Доном и р. Миус). Назову два таких комплекса: у х. Карнауховского (курган № 43) и у х. Ясырев (курган I, погребение 2). Одни исследователи (К.Ф. Смирнов, В.Е. Максименко и М.Г. Мошкова) безоговорочно приписывают данные памятники IV в. до н.э. савроматам-сирматам, уже успевшим перейти через Дон-Танаис к тому времени. Другие (П.Д. Либеров) также убежденно рассматривают оба курганных захоронения как среднедонские, точнее – «будинские». Прежде чем высказать свою точку зрения по данному вопросу, предлагаю вниманию читателя краткое описание обоих погребальных комплексов.

Курган № 43 у хутора Карнауховский был раскопан И.И. Ляпушкиным в 1950 г. На дне грунтовой могильной ямы лежали останки двух человек, вытянутых на спи-

не, головой на юго-восток. Около костяка, находившегося в юго-западной стороне могилы, лежала кучка сильно окислившихся железных и бронзовых наконечников стрел. У юго-западной стенки ямы находились ребра лошади и среди них – железный нож с костяной рукоятью. В засыпке могилы встречены кости животных (овца? коза?), носившие на себе отчетливые следы окиси меди (видимо, они находились ранее в бронзовом котле, унесенном грабителями (в засыпке могилы найдено несколько обломков этого котла). Там же, в засыпке обнаружены обломок железного предмета с бронзовой головкой кабана (?) на одном конце и фрагменты двух лепных сосудов – тюльпановидного с защипами по краю венчика и чернолощеного тонкостенного. Биметаллический стержень с кабаньей головой – это часть крючка-застежки, столь характерной для среднедонских материалов V–IV вв. до н.э.[23]

В 1970 г. во время работ Цимлянской экспедиции в районе города Волгодонска, у хутора Ясырев был вскрыт курган I (погребение 2). Под небольшой насыпью была обнаружена основная могила, окруженная на уровне древнего горизонта полукольцом желтого могильного выкида. В большой, почти квадратной яме (2,8×2,6 м), с чуть округленными углами, ориентированной по линии СВ–ЮЗ, находилось захоронение двух взрослых людей. Могила ограблена в древности. Костяки лежали вытянуто на спине, головой на юго-запад. Вдоль восточной стенки могилы находились кости лошади (ноги, лопатка и ребра). На дне ямы и в ее засыпке обнаружены: железные прямоугольные пластинки панциря, колчан со стрелами (сохранилось 16 целых и столько же в обломках железных втульчатых трехлопастных наконечников, 2 костяных пулевидных наконечника), обломок втулки железного наконечника копья, железный двулезвийный меч, обломки красноглиняной амфоры с греческого острова Фасос (по мнению И.Б. Зеест, это IV–III вв. до н.э.), лепной горшочек с резным рисунком на плечиках, возле костей животных – железный нож с костяной рукоятью, две раковины с отверстиями для подвешивания, фрагменты бронзового браслета и обломки бронзового зеркала. Дата комплекса – IV в. до н.э.[24]

Если сравнить эти вещи с материалами скифского времени с сопредельных территорий, то ближе всего они к изделиям из среднедонских курганов: преобладание железных втульчатых трехлопастных стрел в колчанах, сочетание этих железных наконечников с малочисленными бронзовыми, остатки железного пластинчатого панциря, железного меча, железного наконечника копья, бронзового котла (с тушей молодой овцы внутри), заупокойной пищи в виде грудины (ребер) лошади с железным ножом с костяной ручкой и др. Все это (включая греческую фасосскую амфору) – типичный набор вещей для курганов V–IV вв. до н.э. Воронежщины. Полностью совпадают и все основные черты погребального обряда: подкурганные дерево-земляные гробницы, кольцо материковой желтой глины выкида вокруг могилы, ориентировка могильных ям по линии северо-запад – юго-восток.

Обратимся теперь к главным памятникам дельты этой реки – древнего Танаиса. Основным археологическим объектом на данной территории по праву считается Елизаветовское городище, существовавшее в V – начале III веков до н.э., и расположенный вокруг большой курганный могильник, к настоящему времени уже в значительной степени раскопанный. Сейчас мы располагаем надежно документированным материалом более чем по 200 исследованным там погребениям, причем две трети из них четко датируются (с точностью до четверти века) привозной греческой керамикой и, прежде всего, амфорами. Большинство захоронений совершено в длинных прямоугольных ямах со слегка закругленными углами незначительной глубины – до 1 метра (из-за высокого уровня грунтовых вод в дельте Дона). Сверху ямы перекрывались камышом или деревянными плахами. Все погребенные лежали в вытянутом положении на спине, головой на запад, реже – на юг. Среди сопровождающих их вещей мы видим те же стандартные наборы: железные мечи, наконечники копий и дротиков с подтоками, смешанный состав колчанов стрел, где есть и железные (типа среднедонских) и бронзовые наконечники, жертвенная пища в виде

частей туш баранов и лошадей, греческие амфоры с вином и греческая столовая посуда – килики, скифосы и др., ювелирные украшения, редко лепная местная керамика. Только среди 48 могил V века до н.э. выявлено семь женских захоронений с оружием – т.е. захоронений «амазонок». Еще больше их в погребальных комплексах IV века до н.э.

Одни из главных исследователей Елизаветинского городища и могильника в 60-ые–70-ые годы – И.Б. Брашинский и К.К. Марченко – на основе всестороннего анализа полученного богатейшего материала пришли к выводу о том, что «в дельте Дона в скифское время существовала компактная и, по всей видимости, родственная группа населения... *Как показывают исследования форм и типов украшений, оружия и, что особенно важно, лепной керамики, обнаруженной в погребениях, перед нами изделия, находящие прямые аналогии прежде всего в материалах степной и лесостепной зон Северного Причерноморья, т.е. районов обитания скифов Геродота*»[25] (курсив мой – *В.Г.*).

Мне представляется, что в пределах всего Подонья в скифскую эпоху существовала единая культура, совпадающая во многих своих важнейших чертах: *керамика, погребальный обряд, основные типы вещевого комплекса* – вооружения, конского убора и предметов в «зверином стиле». Здесь и захоронения в простых прямоугольных ямах, часто с деревянным перекрестием, и в ряде случаев могилы с коридором-дромосом, и западная или южная ориентировка покойников. В наборе оружия из елизаветовских погребений обращает на себя внимание большое число железных наконечников стрел в колчанах (формы их близки среднедонским), наличие железных «рюмкообразных» подтоков копий (также типичных для курганов Воронежщины), частые находки остатков железных чешуйчатых панцирей. Несколько раз в курганах правобережья Нижнего Дона (с. Шолоховское, с. Сладковское, х. Кащеевка и др.) были обнаружены бронзовые зооморфные крючки-застежки, идентичные среднедонским (в том числе и с фигурой медведя). Наконец, в Елизаветовском могильнике неоднократно, начиная с первых десятилетий V в. до н.э., выявлялись в ходе раскопок захоронения женщин-воительниц, или «амазонок» – черта, свойственная как скифам степного Причерноморья, так и населению лесостепи от Днепра до среднего течения Дона*.

Мы не можем сейчас с уверенностью сказать откуда именно пришли скифы в Среднее и Нижнее Подонье на рубеже VI–V или в начале V в. до н.э. Во всяком случае, культура населения Елизаветовского городища появляется в дельте Дона в первой четверти V в. до н.э. И, как уже отмечалось выше, самые ранние курганные захоронения Воронежской группы тоже относятся к V в. до н.э. Ростовский археолог В.П. Копылов отмечает глубокое сходство ранних погребений Елизаветовского могильника с культурными традициями населения Днепровского лесостепного левобережья. Следовательно, в этот круг родственных культур скифского периода входило и Нижнее Подонье. И, вместе с тем, самое большое культурное родство отмечается все же между древностями Воронежщины и археологическими памятниками Ростовской области V–IV вв. до н.э. Видимо, это может в какой-то степени свидетельствовать и в пользу этнической близости обитателей Среднего и Нижнего Подонья. Ведь по прямой линии дельту Танаиса-Дона отделяет от широты Воронежа всего 400–500 км – ничтожное расстояние для конных кочевых общин. Не исключено, что в условиях определенной военно-политической стабильности, установившейся на восточных окраинах Скифии, жители Среднего Дона могли отгонять некоторую часть своих табунов и стад на юг, в болота Меотиды (дельты Дона) на зимовку, где в тот период имелись все необходимые предпосылки для содержания скота под открытым небом (хорошие зимние пастбища и более мягкий по сравнению с северными областями климат), о чем прямо пишет античный географ Страбон.

* Правда, есть такие «амазонки» и у меотов Прикубанья.

Сокровища Пятибратнего кургана

И все же наиболее выдающимся археологическим открытием в дельте Дона, в пределах Елизаветовского курганного могильника, стала, несомненно, находка в 1959 году неограбленной гробницы скифского «царя» (раскопки В.П. Шилова из Ленинградского Отделения Института археологии Академии наук СССР), находившейся в курганной группе «Пять братьев». Всего их было когда-то около пятнадцати.

Особенно выделялся своими большими размерами курган № 8, находившийся в южной части этого могильника. Высота его достигала 9 метров, а диаметр – 62 метра. Ученые, приступая к исследованию этого земляного исполина, не питали особых надежд на сенсационные находки. Из старых отчетов Императорской Археологической Комиссии им было известно, что в 1871 году именно этот курган копал местный археолог П.И. Хицунов, а до него здесь в XVII–XVIII веках уже успели побывать грабители. Исследователю удалось обнаружить захоронение коня в полной сбруе и несколько золотых бляшек и разрозненных человеческих костей на полу каменного склепа. Тогда П.И. Хицунов решил, что гробница полностью опустошена искателями сокровищ и приказал прекратить все дальнейшие работы.

Тем не менее, в 1959 году было решено провести полное изучение этого же кургана с помощью мощных землеройных машин – скрепера и бульдозера. Высокая насыпь, состоящая из слоев темной глины и чистого песка, была снята довольно быстро и под ней открылся квадратный каменный склеп, перекрытый мощным накатом из дубовых бревен. К склепу вел каменный же коридор-дромос почти 15-метровой длины. Южная половина склепа начисто ограблена. Здесь удалось обнаружить только череп и кости ног пожилого мужчины, обломки бронзового котла, несколько железных наконечников копий и дротиков и кости лошади со следами окиси меди. Но зато в северной части гробницы, заваленной обломками рухнувшего перекрытия, археологи совершенно неожиданно для себя открыли нетронутое погребение скифского «царя», содержащее множество драгоценных вещей. На каменном полу, покрытом остатками сгнившей циновки, лежал на спине, вытянувшись во весь рост, скелет молодого мужчины, ориентированный головой на запад. На черепе погребенного и вокруг него находились золотые нашивные бляшки от головного убора. На шее – массивная золотая гривна, концы которой украшали фигурки барсов, а также – ожерелье из золотых колечек и медальонов.

Вся одежда царя и даже его сапоги из тонкой кожи были покрыты золотыми штампованными бляшками с разнообразными изображениями (лани, олени, борющиеся скифы, розетки и т.д.). На фалангах пальцев рук сохранилось несколько золотых перстней. Безутешные подданные умершего правителя не только облачили его в лучшие парадные одежды из красной ткани, сплошь обшитые золотом, но и позаботились о пребывании царя в загробном мире. В гробницу был помещен целый арсенал: 16 колчанов со стрелами (и среди них не только с бронзовыми, но и с железными трехлопастными наконечниками, столь часто встречающимися и на Среднем Дону). Всего их было 1064. У левого бедра царственного покойника лежали золотая обкладка горита (чехла для лука и колчана со стрелами) и железный в деревянных ножнах меч: и ножны и рукоять его были обтянуты золотыми пластинами со штампованными изображениями. Кроме того, в гробницу поместили три копья с железными наконечниками и железными же «рюмкообразными» подтоками, многочисленные дротики и кинжал. Там же возле скелета найдены пара бронзовых греческих поножей («кнемид») и два пояса из бронзовых пластин, нашитых на кожаную основу.

«Царя» сопровождали в Загробный мир и два его боевых коня в полном снаряжении: одна лошадь лежала в дромосе, другая – в отдельной могиле вне склепа. Но человеческих жертв здесь не было.

Вместе с покойником положили и драгоценные культовые сосуды для возлияний: гладкий серебряный кубок сходный по форме с куль-обским и воронежским (на

которых изображены скифы), и серебряный же килик. Заупокойная пища состояла из разрубленной туши лошади и 14 греческих глиняных амфор (в дромосе), способных вместить до 120 литров вина. Судя по клеймам на этой винной таре, захоронение было совершено в последней трети IV века до н.э. (330–300 гг. до н.э.).

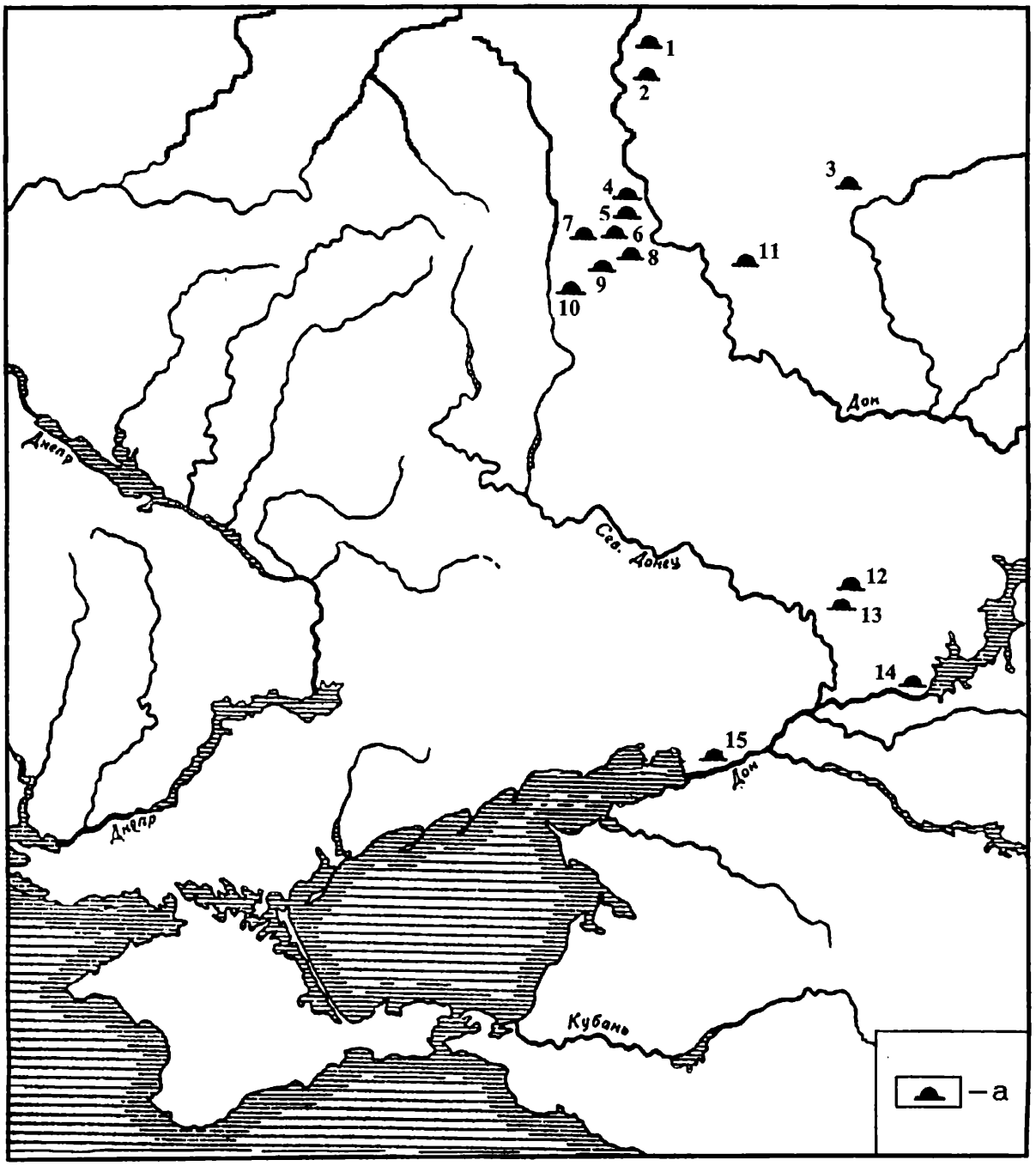
Около входа в склеп, но внутри его, в беспорядке лежала на полу целая груда драгоценных вещей – золотые пластинки, бляшки, бусины – около 1273 золотых предметов. По мнению В.П. Шилова, здесь стоял когда-то деревянный ларец, в который слуги уложили парадную одежду, головные уборы и украшения. Всего в этом погребении было обнаружено свыше 4000 предметов, из них – 1715 золотых.[26]

Но материальная стоимость находок не идет ни в какое сравнение с их художественной и научной ценностью. Среди них особенно выделяются золотой горит и золотые ножны меча – подлинные шедевры работы древнегреческих мастеров. На золотой пластине, украшавшей деревянные ножны меча, мастер изобразил битву греков со скифами. Как видно, сражение складывается далеко не в пользу эллинов, потому что их стратег в высоком шлеме и панцире вызывает подкрепление. Он не замечает опасности, которая грозит ему со стороны стоящего рядом скифского вождя, уже занесшего свой меч для решающего удара. На золотых пластинах горита наверху показаны сцены борьбы зверей, а ниже даны картины из жизни легендарного греческого героя Ахилла. Именно эти две вещи – горит и меч – позволили ученым придти к заключению, что могила в кургане у станицы Елизаветовской принадлежала скифскому царю. Дело в том, что и в других известных нам царских курганах скифов – Чертомлыке, Ильинцах и Мелитопольском – были найдены абсолютно такие же предметы. Форма, отделка и размеры мечей и горитов из всех этих четырех захоронений совпадают до мелочей. А поскольку очевидно, что все они изготовлены греческими мастерами, то можно утверждать: данные предметы, считавшиеся, вероятно, весьма престижными среди высшей скифской знати, были изготовлены в одной мастерской (скорее всего, золотые пластины горита сделаны даже с одной основы-матрицы) и в одном центре Боспорского царства (видимо, это был Пантикапей). Какой-то неизвестный нам античный мастер, выполняя заказы могущественных скифских правителей, изготовил для них несколько одинаковых драгоценных вещей, которые разошлись затем по всей Скифии – от правобережья Днепра-Борисфена до устья Дона-Танаиса.

Пятибратний курган № 8 важен для нас еще и тем, что это – пока единственный нетронутый погребальный комплекс скифского царя на всей территории Подонья. И поскольку Средний и Нижний Дон в скифскую эпоху (точнее в V–IV вв. до н.э.) представляли собой единое целое в культурном и, видимо, этническом отношении, то на примере этого кургана мы можем хотя бы мысленно представить себе какими сказочными богатствами были наделены люди, погребенные в тот же период в воронежских курганах до их разрушения грабителями.

Напомню, в этой связи, что полуограбленный курган № 7 у с. Колбино на Среднем Дону содержал среди других вещей знатного воина меч с обложенной золотом рукояткой и ажурным клинком «чертомлыцкого типа» – точно такой же как и в Пятибратнем кургане № 8. Пятибратние элитные курганы составляют единое целое с Елизаветовским могильником. Они отличаются от прочих курганов только размерами и богатством сопровождающих погребения вещей. «Их обособленность среди других курганов, – отмечает В.П. Шилов, – свидетельствует о том, что в них погребены представители богатой родо-племенной знати, проживавшей на соседнем укрепленном поселении – Елизаветовском городище».

Но Елизаветовское городище играло столь уникальную и значительную роль в истории Скифии и, особенно, во взаимоотношениях скифов и греков, что речь о нем пойдет ниже, в разделе, посвященном эллино-скифским контактам.



1 – Староживотинное, 2 – Частые курганы, 3 – Абрамовка, 4 – Мастюгино, 5 – Дубовой, 6 – Терновое-Колбино, 7 – Горки I, 8 – Ближнее Стояново, 9 – Русская Тростянка, 10 – Дуровка, 11 – Владимировка, 12 – Сладковский и Кащеевка, 13 – Шолоховский, 14 – Карнауховский, 15 – Елизаветовская.

Рис. 1. Могильники скифского времени на Среднем и Нижнем Дону.

Рис. 2. Исследователь Нижнего Дона – А.А. Миллер (1875–1935).

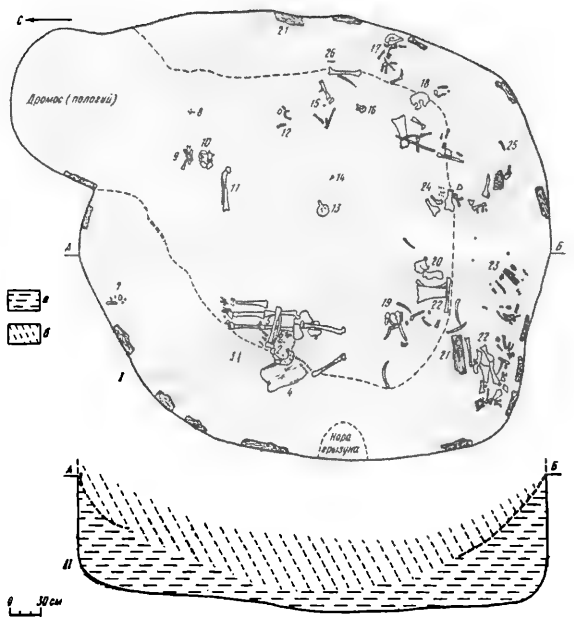


Рис. 3. Курган № 1 у хутора Кащеевка, Нижний Дон. План могилы.

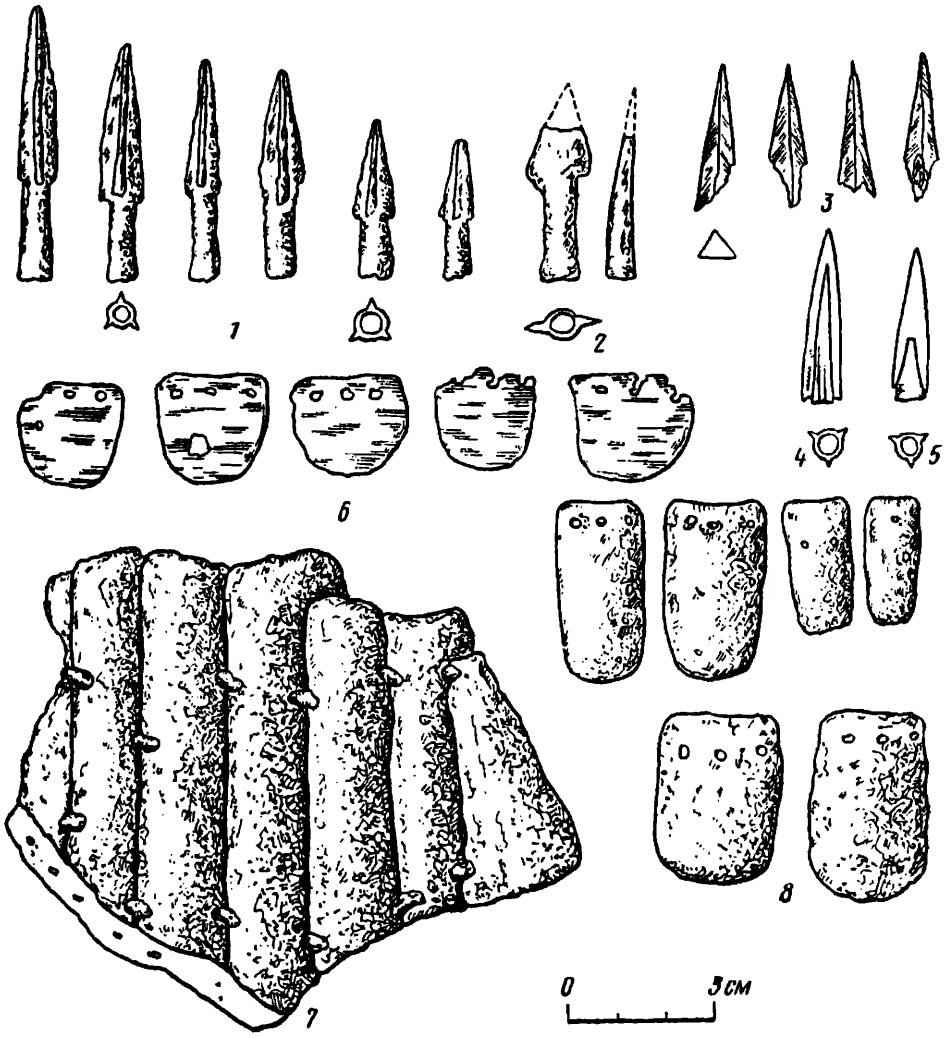


Рис. 4. Оружие из кургана № 1 у хутора Кащеевка.
1, 2 – образцы железных наконечников стрел; 3 – образцы костяных наконечников стрел; 4, 5 – образцы бронзовых наконечников стрел; 6 – бронзовые панцирные чешуйки; 7 – фрагменты железного щита; 8 – образцы железных чешуек от панциря.

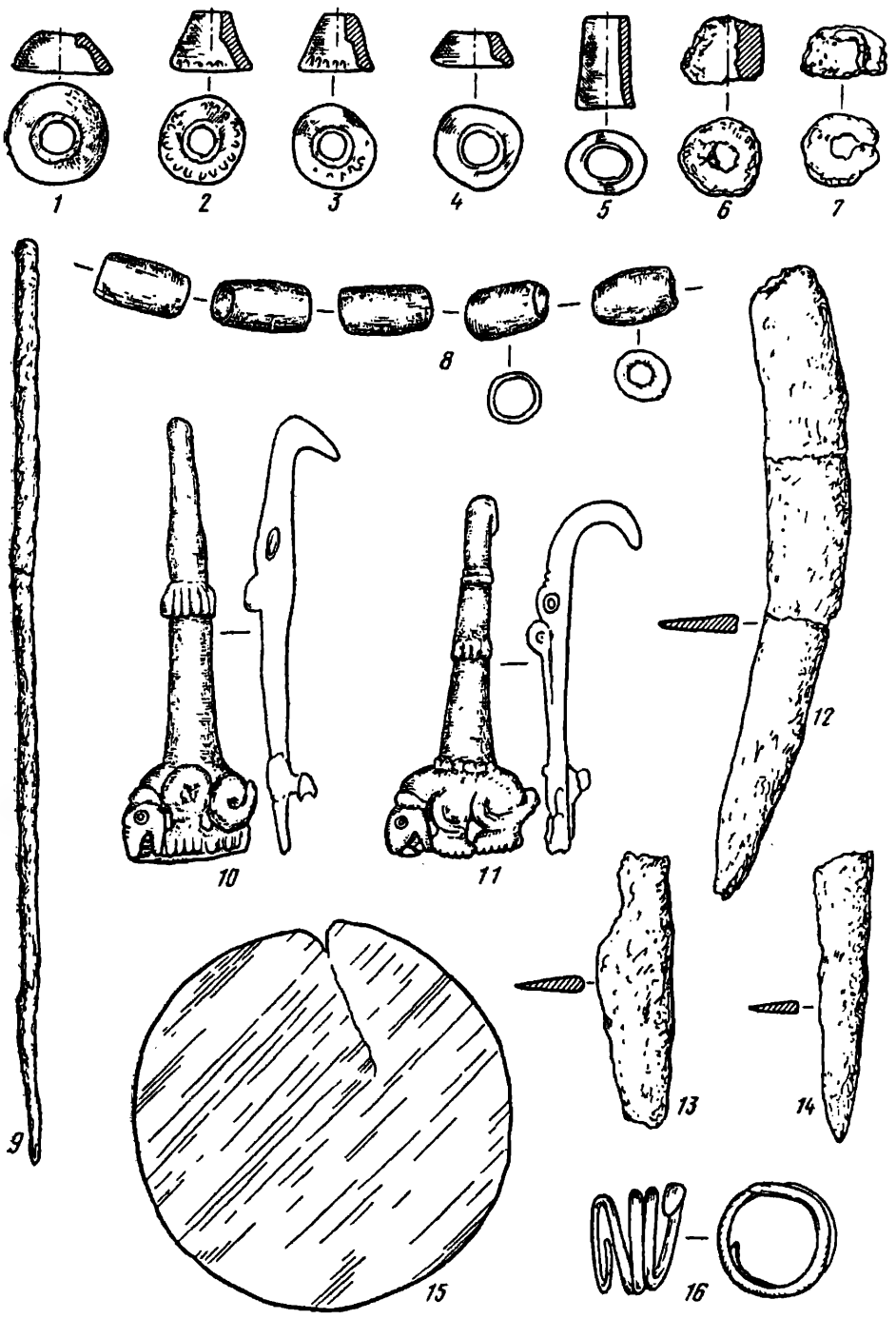


Рис. 5. Вещи из кургана № 1 у хутора Кащеевка.
1–5 – бронзовые ворворки; 6, 7 – железные ворворки; 8 – бронзовые пронизки; 9 – железное шило; 10, 11 – бронзовые поясные крючки; 12–14 – железные ножи; 15 – бронзовое зеркало; 16 – золотое кольцо.

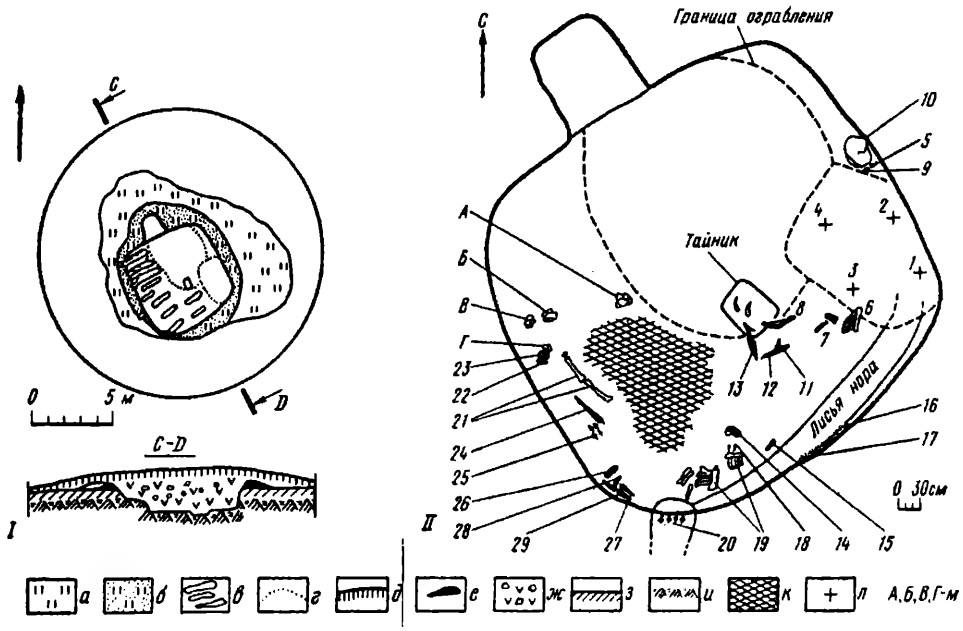


Рис. 6. План и разрез кургана у поселка Шолоховский, Нижний Дон.
1 – бронзовый котел; 2 – конская сбруя, стрелы и панцирь; з – золотые пластины;
4, 21 – череп и кости человека; 5 – железный крюк; в – кости животного;
7 – топор и вток; 8 – копье и дротик;. 9 – мел; 10 – камень; и, 15 – втоки;
12, 13 – копья; 14, 26 – топоры; 16 – псалии и удила; 17 – панцирь; 18 – нож;
19 – кости лошади; 20, 25 – наконечники стрел; 22 – железный скребок;
23 – зеркало; 24 – меч; 27–29 – железные предметы;
а – выкид из погребения; б – жженая глина; в – остатки перекрытия;
г – граница грабительских ям; в – задернованная поверхность кургана;
е – выкид; ж – заполнение могильной ямы; з – древнепочвенный слой;
и – материковый слой; к – остатки подстилки;
л – местонахождение предметов, обнаруженных школьниками; м – лепные сосуды.

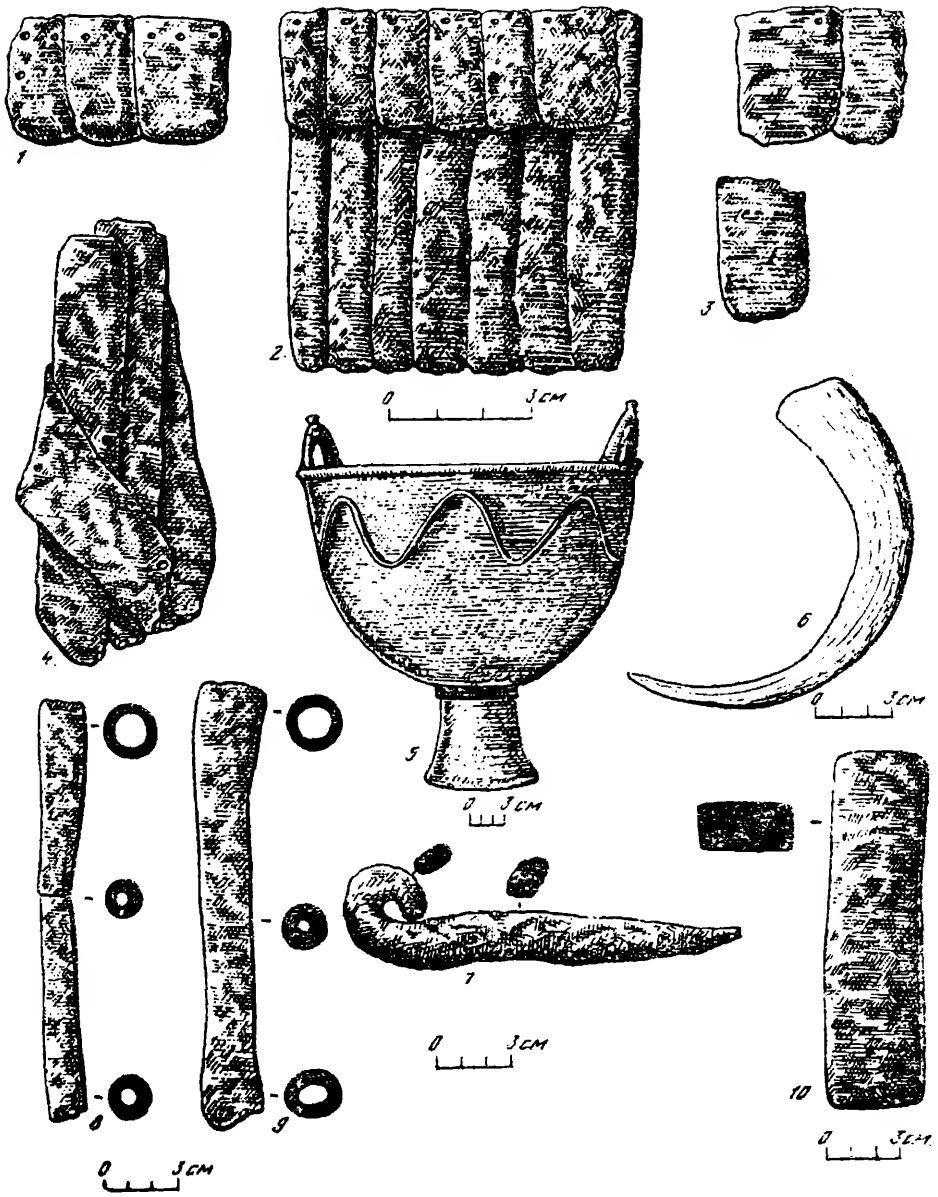


Рис. 7. Бронзовый котел (5), фрагменты железного чешуйчатого пянциря (1–4), клык кабана (6), железный крюк (7), железные трубки (8, 9) и железный брусок (10) из погребения в кургане у пос. Шолоховский.

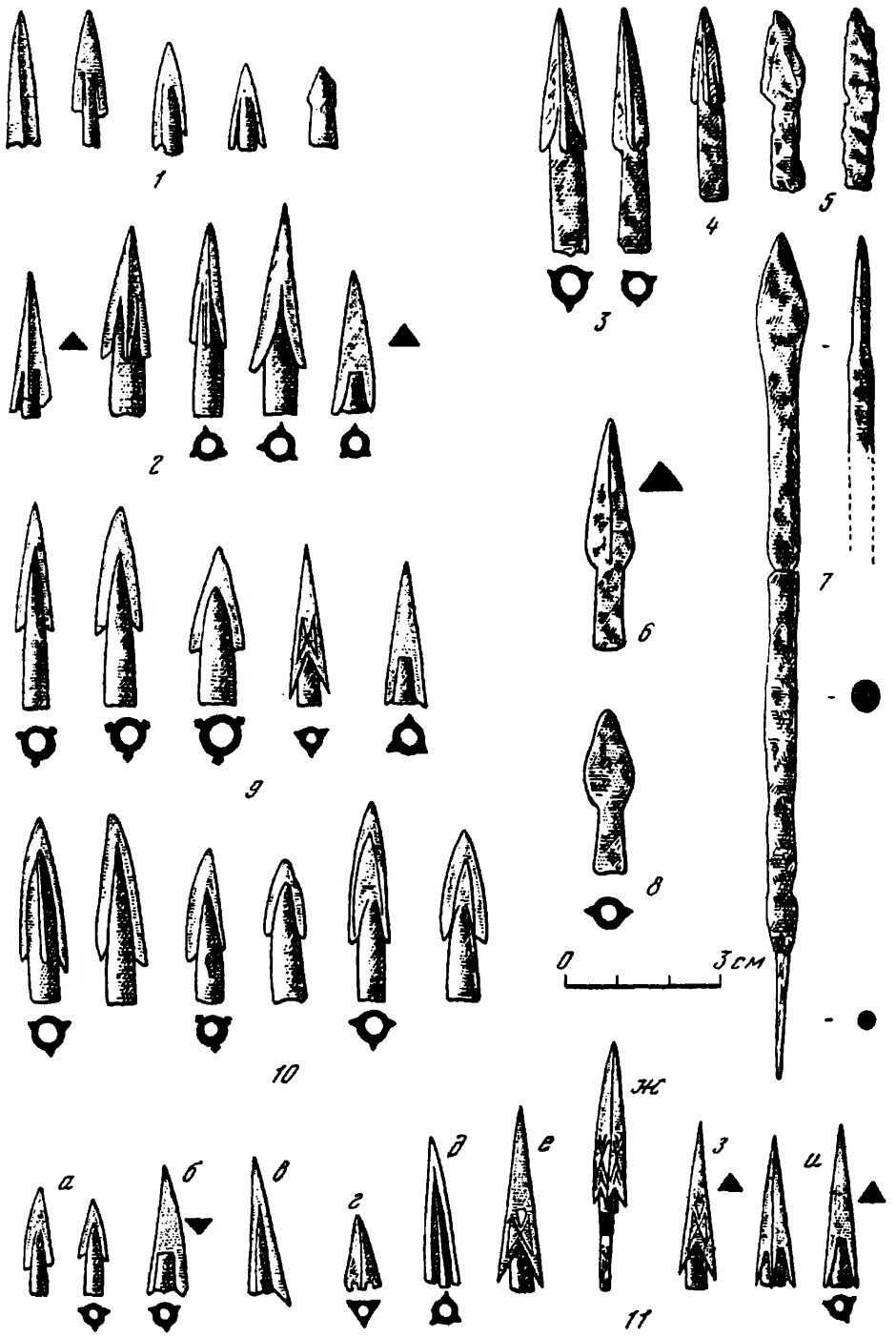


Рис. 8. Бронзовые (1, 2, 9–11) и железные (3–8) наконечники стрел из кургана у пос. Шолоховский.

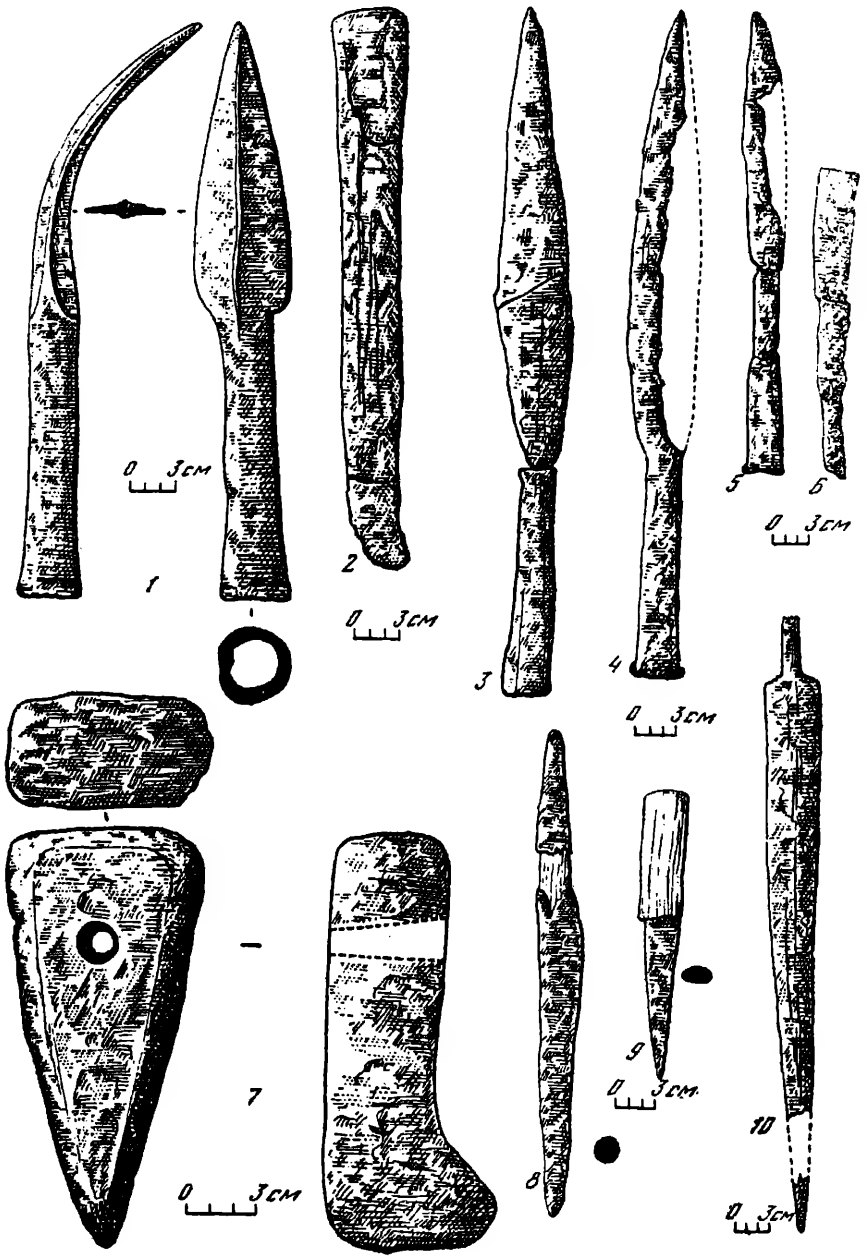


Рис. 9. Железные наконечники копий (1, 3–5), втоки (2, 6), боевой топор (7), меч (10) и предметы не ясного назначения (8, 9) из кургана у пос. Шолоховский.

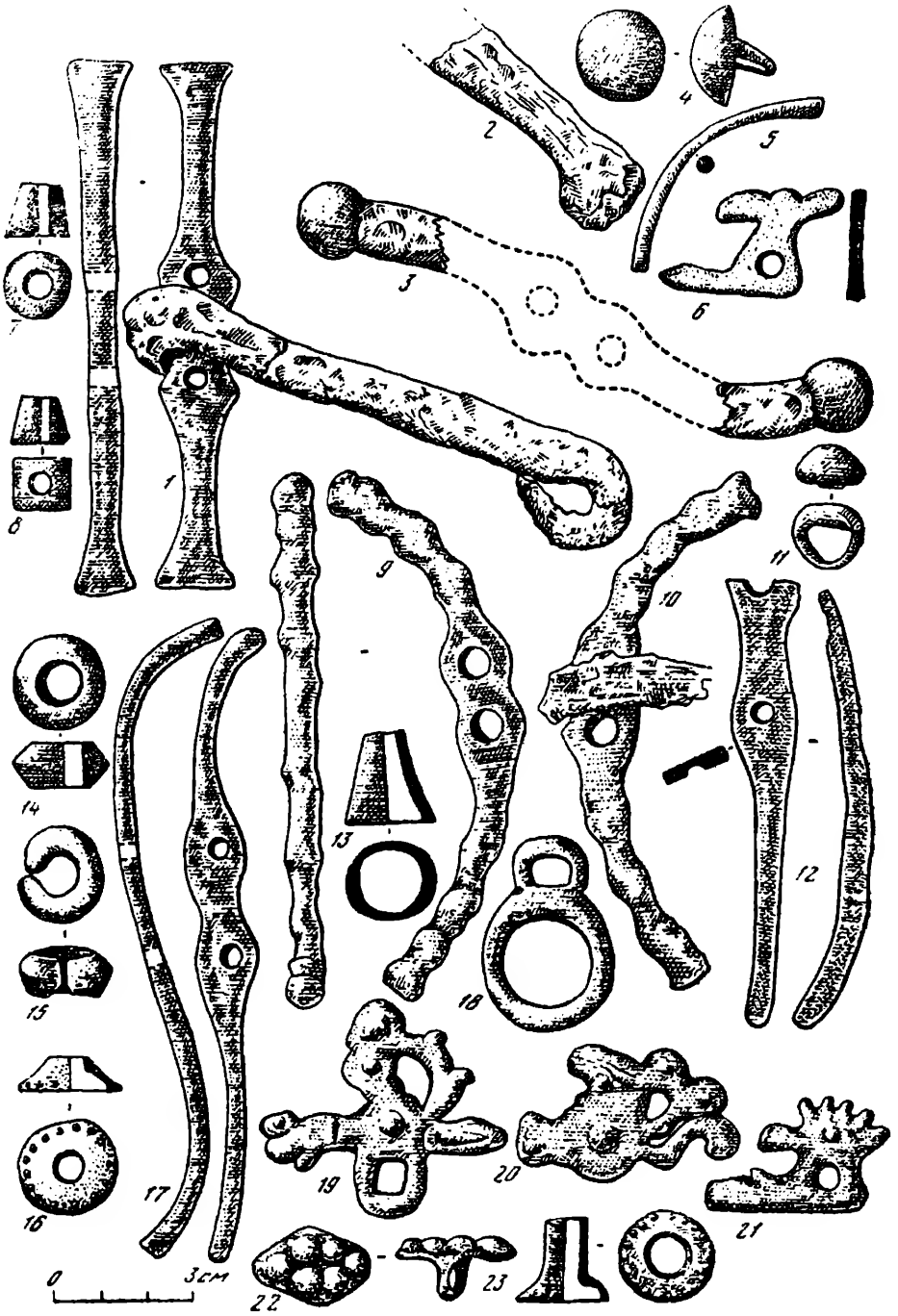


Рис. 10. Предметы конского снаряжения из кургана у пос. Шолоховский.
1–3, 5, 10, 12, 17 – бронзовые и железные псалии с остатками железных удил;
4, 11, 22 – бронзовые бляшки; 6, 19–21 – бронзовые украшения сбруи;
7, 8, 13–16, 23 – бронзовые ворворки; 18 – бронзовая пряжка.

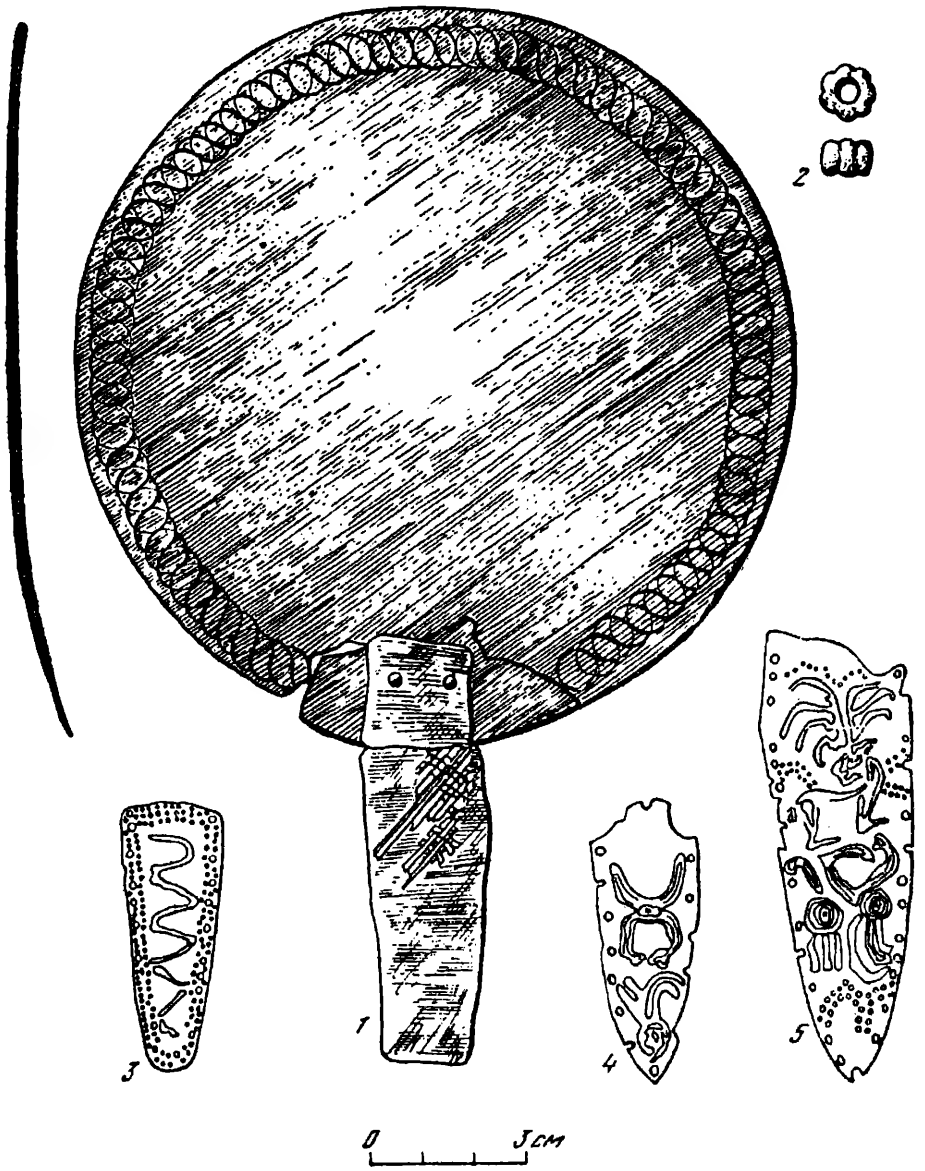


Рис. 11. Бронзовое зеркало (1), пастовые синие бусы (2), серебряная и золотые обкладки деревянного сосуда (3–5) из кургана у пос. Шолоховский.

Рис. 12. Меч в золотых ножнах и с обложенной золотом рукояткой. Пятибратний курган № 8 у станицы Елизоветовской в дельте Дона.

Рис. 13. Золотая пластина горита со сценами из жизни Ахилла. Пятибратний курган № 8.

Рис. 14. Реконструкция деревянной чаши с оковками из золота.
Пятибратний курган № 8.

Глава X

СКИФЫ ПОДОНЬЯ И АНТИЧНЫЙ МИР

«К нам немного доходит из древнего мира,
Из минувших столетий – немного имен;
Только редкие души, как луч Алтаира,
Как звезда, нам сияют из бездны времен».
Валерий Брюсов, 1898

Великая колонизация. Корабли идут на север

VIII в. до н.э. совпадает с началом широкой греческой колонизации в бассейне Средиземного и Черного морей. Перенаселенные, погрязшие во внутренних усобицах и противоречиях города Эллады рассылают во все стороны открывателей новых земель, которые возвращаются с волнующими вестями. За ними идут караваны судов с переселенцами, жаждущими найти «землю обетованную» вдали от бесплодных, выжженных солнцем гор своей родины. Так возникают многочисленные колонии, где изгнанники и авантюристы создают порты, принимают товары из городов-метрополий и посылают взамен богатства, выкачанные из новых земель. Но этот могучий поток колонизации направлялся преимущественно на восток, юг и юго-запад, избегая до поры до времени опасных северных маршрутов. Греки гомеровской эпохи знали о северных землях до удивления мало. За узкой и каменистой щелью Геллеспонта-Дарданелл и Боспора Фракийского (современный Босфор) им виделись таинственные и фантастические картины: лазурное побережье Тавриды-Крыма и цветущие берега Кавказа сквозь пелену неведения представлялись им царством вечного холода и мрака, больше похожим на глубины подземного царства мертвых – Аида, нежели на реальные географические понятия.[1]

«Там киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль
Он покидает, всходя на звездами обильное небо,
С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь;
Ночь безотрадная там искони окружает живущих».
(«Одиссея», Песнь II, 14–15)

Киммерийцы населяли южнорусские степи до прихода скифов и были затем вытеснены последними где-то в начале VII века до н.э. Другая гомеровская поэма – «Илиада» рисует облик кочевников-киммерийцев более правдоподобно, хотя и не лишена налета известной их идеализации:

«Зевс... обратил вспять светлые очи, взирая вдаль на землю конеборных фракийцев, сражающихся врукопашную мисийцев и дивных гиппемолгов млекоедов, бедных и справедливейших людей...» («Илиада», Песнь 13, 1–7).

Фантастические картины гомеровских поэм стали на более реальную почву только после того, как первые греческие мореходы преодолели вполне понятный страх перед неведомым и рискнули пуститься в беспокойное плавание по бурным волнам Черного моря. Дух наживы и дерзкого предпринимательства господствовал в те века, когда человек узнавал о новых богатствах земли из рассказов, превращенных дальнейшими преувеличениями почти в легенды.

Таким образом, романтика и действительность взаимно дополняли друг друга. Вся Эллада грезила сказочными богатствами далеких северных и восточных стран, где «золотоносные реки из царства Плутона» выходят прямо на поверхность, а золотые самородки величиной с голову взрослого человека валяются буквально на каждом шагу. Тучные поля изнемогают там от тяжести налитых колосьев пшеницы. А реки полны косяков осетровых рыб. Такой блестящий приз, безусловно, стоил в глазах грека любого риска. И дочерна просмоленные крепкие корабли с пурпурными носами устремлялись на всех парусах в манящие морские дали. Каждый греческий купец был в те времена и пиратом, готовым при случае наверстать свои торговые убытки с помощью грабительского набега на прибрежные селения варваров.[2]

Примером такого полу-пиратского полу-торгового рейда с далеко идущими разведочными целями, можно считать плавание легендарного «Арго» в Колхиду за золотым руном, оберегаемым огнедышащим драконом. Однако, сведения, принесенные после благополучного возвращения в родной Иолк Ясоном и его храбрецами касались только юго-восточных районов Кавказского побережья. Северное Причерноморье в VIII в. до н.э., по-прежнему, оставалось, вероятно, вне прямой досягаемости греческих мореходов. Положение резко меняется уже в начале VII в. до н.э. Отдельные рекогносцировочные рейды к северному побережью Понтийского моря начинают приносить свои плоды. Древние греки никогда не называли это море Черным. Первоначально оно звалось Аксенским Понтом, что значит «Негостеприимное море», а позднее, с началом широкой колонизации черноморских берегов, – его переименовали в Эвксинский Понт, то есть «Гостеприимное море».[3]

По сравнению с ласковой и солнечной Пропонтидой (Эгейское море), Черное море, безусловно, должно было казаться сынам Эллады слишком бурным, туманным и холодным; кроме того, многие народы и племена, обитавшие по его побережью, пользовались дурной славой жестоких разбойников и дикарей. Но южный берег Понта с его мягким климатом был более пригоден для заселения.

И вот на середине пути, проходившего вдоль южного побережья Понта Эвксинского, Милет основывает свою первую и главную колонию – Синопу, из которой вывозили соленую рыбу, строевой лес и смолу. Эта колония стала удобной базой для каботажного торгового плавания. Отсюда можно было даже отважиться пересечь открытое море, до самого Крыма. Затем, торговые фактории и города, отпочковавшиеся от Синопы или основанные новыми переселенцами из Милета, продвинулись далеко на восток: сначала до Трапезунта, а потом и севернее, вдоль кавказского побережья. В Колхиде, в устье р. Фасиса возникла позднее греческая колония того же названия, а еще позже – на берегах солнечной Сухумской бухты поднялись ввысь каменные стены Диоскурии. Однако, греки-ионийцы из городов Малой Азии и, прежде всего, из того же Милета, упорно осваивали и западное побережье Черного моря, медленно продвигаясь вперед, к границам «туманной Скифии». В устье Дуная уже в середине VII в. до н.э. появилась греческая колония Истрия. Тогда и начались, по сути дела, первые более или менее регулярные контакты греков с варварскими племенами Северного Причерноморья. Археологические находки и свидетельства античных авторов единодушны в том, что греки появились здесь не раньше второй половины VII века до н.э.

Однако, это первое проникновение предприимчивых сынов Эллады к берегам Скифии не следует представлять себе в виде внезапного нашествия чужеземных мореходов и торговцев, сразу же бросившихся основывать постоянные колонии городс-

кого типа. Постоянные поселения были определены относительным успехом первоначальных факторий. Эта точка зрения разделяется известным российским ученым А.А. Иессеном: «От первых случайных, полупиратских плаваний, каковым было плавание корабля «Арго», к более или менее регулярным торговым сношениям, сопровождаемым основанием факторий, безразлично, независимых ли от уже существующих поселений местных племен или связанных с ними, и далее к созданию постоянных греческих поселений – колоний, таков, несомненно, был ход исторического развития».

Слово берет археология

До сих пор повествование велось главным образом на основе данных античных источников. И мир загадочных северных варваров представал перед нами как бы сквозь призму эллинского восприятия – через мифы, легенды, поэмы, путевые впечатления и научные трактаты наиболее выдающихся умов древней Греции. Сами же скифы были для истории, подобно сфинксу, безгласны, поскольку не владели тонким искусством письма. Единственная возможность проверить достоверность сообщений греческих авторов о Скифии и ее обитателях – обратиться к археологическим находкам.

Исследования античных и скифских древностей в Северном Причерноморье ведутся давно, по крайней мере с тех пор как этот благодатный край был отвоеван в XVIII веке у турок и татар. Изящные греческие амфоры и расписные вазы, наряду с золотыми украшениями из скифских курганов, по-праву считаются лучшими экспонатами многих наших музеев. Материалов и фактов накоплено сейчас вполне достаточно для того, чтобы археология могла смело вмешаться в решение многих загадок древней истории. Как же выглядят начальные этапы греческой колонизации в свете новейших научных данных?

Несмотря на многолетние усилия археологов, предметы раннего греческого импорта (VII – начало VI веков до н.э.) на территории Скифии и сопредельных с ней областей встречаются не слишком часто. «Главными водными транспортными путями, соединяющими Северное Причерноморье с центральными районами Восточной Европы и Прибалтикой, – пишет украинский ученый М.М. Иевлев, – были три наиболее крупные реки этого региона: Дунай, Днепр (вместе с Южным Бугом) и Дон».[4] И не случайно, поэтому, что первые постоянные поселения эллинов возникают в районе именно этих трех рек: Истрия в устье Дуная, фактория на острове Березань в Днепро-Бугском лимане и Таганрогское поселение в районе впадения Дона в Азовское море.

История одного острова (фактория Березань)

Плодородные лесостепные области в междуречье Южного Буга и Днепра были населены тогда оседлыми земледельческими племенами, в которых некоторые современные исследователи видят геродотовых «скифов-пахарей». Множество укрепленных крепостей-городищ, открытых поселений и богатых курганов красноречиво говорят о расцвете местной культуры именно в это время.

Стоит ли удивляться, что именно сюда были устремлены в первую очередь и взоры первых греческих купцов и торговцев. Расписные и фигурные сосуды VII или рубежа VII–VI веков до н.э. из далекой Эллады найдены здесь в семи пунктах. Самый далекий от морского побережья из этих памятников – Трахтемировское городище – находится в 100 км к югу от Киева, на берегу Днепра. Самый западный из них – громадное Немировское городище, расположенное вблизи р. Южного Буга, в современной Винницкой области Украины. Если на всех перечисленных пунктах привозная греческая посуда исчислялась всего лишь несколькими фрагментами,

то Немировское городище заметно выделяется на общем фоне. Родосско-ионийская расписная керамика середины и конца VII века до н.э. составляет здесь довольно внушительную коллекцию. И для этого имелись, как мы увидим ниже, весьма серьезные основания.

Настойчивые поиски следов первых греческих торговых факторий или торжищ в Северном Причерноморье ведутся уже много лет. Сейчас нам известно, что ранние поселения эллинов существовали когда-то на месте будущей Ольвии (в Днепро-Бугском заливе), в районе современного Таганрога (Азовское море) и на острове Березань. Последний памятник – наиболее интересный и яркий из всех.

Березань как бы замыкает Днепровско-Бугский лиман, а юго-западные берега его омывают зеленовато-синие волны Черного моря. Длина острова около 800 метров, ширина – около 400. От суши его отделяет мелкий пролив шириной около 3 км.[5]

В средние века остров, именуемый тогда «островом Еферия», видел русские ладьи, плывущие в Царьград-Константинополь по знаменитому пути «из варяг в греки».

Но, пожалуй, наибольшую известность получила Березань благодаря своим богатейшим археологическим памятникам античного времени. Уже после первых лет раскопок на острове стало очевидным, что найдено древнейшее поселение греков на всей территории Северного Причерноморья, относящееся ко второй половине VII в. до н.э.[6]

Ученые обратили внимание на одну интересную деталь: в греческом поселке было слишком много глубоких вместительных ям. Несомненно они служили своего рода долговременными хранилищами для огромных запасов зерна, явно превышающих скромные потребности местных жителей. Следовательно, зерно накапливали специально для вывоза в Грецию. Вряд ли приходится сомневаться и в том, что хлеб колонисты выращивали не сами. Они получали его от своих соседей – варварских племен Побужья и Приднепровья. Что же могли предложить греки взамен хлеба, кож, мяса и меда скифов?

В крохотном греческом поселении на Березани оказалось необычайно много родосско-ионийской керамики. Сами колонисты вряд ли широко использовали в быту эти дорогие художественно расписанные сосуды. Очень много было на острове и остродонных амфор – сосудов для перевозки и хранения оливкового масла и вина. Только на одном участке раскопок площадью 200 квадратных метров археологи нашли свыше 80 тысяч обломков амфор. В свете таких данных раннее поселение греков на Березани выступает как важный центр посреднической торговли между материковой Грецией и местными племенами. Отсюда вверх по Гипанису-Бугу греческие купцы доставляли свои товары в районы лесостепи и, прежде всего, к Немировскому городищу почти за 500 км от побережья Понта. Ведь именно там и обнаружено до сих пор большинство предметов раннего эллинского импорта в виде дорогой парадной посуды, привозившейся, вероятно, вместе с вином.[7]

Почему же греки стремились попасть так далеко на север, а не торговали со своими ближайшими соседями, обитавшими в степи?

Причерноморские и приазовские степи занимали в это время воинственные кочевые племена скифов, главным занятием которых было скотоводство. Они сами получали хлеб из плодородных лесостепных областей. Поэтому и греки вынуждены были налаживать регулярные контакты с далекими от них землями Побужья и Поднепровья. Естественно и то, что перевозки товаров осуществлялись скорее всего речным путем. Известно, что греки предпочитали чаще пользоваться водными, а не сухопутными путями. Крупные их города на юге имели большой флот и хорошие гавани. Знаменитый мыслитель древности Геродот называет Борисфен (Днепр) и Гипанис (Буг) судоходными реками для тех кораблей, которые шли от моря. Такими кораблями могли быть в те времена только греческие. Если все ранние находки привозных греческих предметов нанести на карту, то получится любопытная картина. Основы-

ваясь на ней, можно предполагать, что греки плавали в VII – начале VI веков до н.э. по Южному Бугу и его притокам, а также по притоку Днепра – Ингульцу. Днепр-Борисфен тогда, по-видимому, еще не использовался, хотя бы потому, что плавание по нему к богатым хлебом земледельческим племенам лесостепи было почти вдвое длиннее, чем по указанным рекам. А дикая приднепровская степь не представляла пока для эллинов никакого интереса.

«Получи меня по жребию»

Но как далеко проникали на север сами греки? Конечно, решить это трудно. Попробуй узнай, как попала та или иная греческая вещь к скифам. Может быть она получена в обмен на зерно или скот прямо на греческом торжище. А может, эта вещь – часть добычи, награбленной лихими скифскими всадниками у эллинов-колонистов. Не исключено, что ее привезли на север и сами греки, совершавшие далекие торговые экспедиции в глубь скифских земель. Именно в этой связи мне хочется рассказать об одном интереснейшем открытии, сделанном уже в наши дни. Много лет в Санкт-Петербурге, в Государственном Эрмитаже хранился простой глиняный сосуд, найденный еще в 1909 году при исследовании Немировского городища. Черный, с заглаженной поверхностью «скифский» горшок – их десятками и сотнями можно видеть в археологических музеях – долгое время не привлекал к себе особого внимания. В 1959 году известный российский ученый, профессор Б.Н. Граков случайно обнаружил на тулове сосуда какие-то едва заметные знаки. После их тщательного осмотра выяснилось, что на сосуде процарапана короткая надпись: «Получи меня по жребию». По особенностям написания букв ученый определил, что надпись сделана милетским шрифтом до 556 года до н.э. А уверенная манера письма справа налево, свойственная ранним его образцам, позволила еще больше уточнить возраст надписи – конец VII века до н.э. Ценность этой находки заключается в том, что греческая надпись сделана на местном, достаточно типичном для Немировского городища сосуде.

«Сама же надпись, – подчеркивает Б.Н. Граков, – вполне греческая не только по языку, но и по содержанию. Сосуды у греков часто как бы от своего лица обращались к окружающим. Содержание надписи тоже соответствует греческим застольным нравам. Либо это был разыгранный на счастье по жребию сосуд с пиршественным напитком, либо приз за победу в каком-то застольном состязании. Надпись сделана перед игрою носит, следовательно, смысл магического призыва».[8]

Итак, круг доказательств сомкнулся. Факт проникновения греков от Березани вверх по Бугу более чем на 300 километров вполне очевиден. Скорее всего речь идет о купцах. Причем их было несколько, так как сосуд предназначался для одного из игравших. Кроме того, они должны были находиться на Немировском городище довольно длительное время, поскольку имели возможность развлекаться там по своим обычаям. Примечательно и то, что надпись сделана на милетском диалекте греческого языка. В VII веке до н.э. во всем западе Северного Причерноморья была только одна милетская колония – поселок на острове Березань. Следовательно, именно березанские купцы развлекались когда-то на досуге в тени высоких земляных валов Немировского городища.

Отдельные привозные изделия греческих мастеров известны в бассейне реки Ворсклы на Полтавщине. Кроме того, скифские курганы у Темир-горы близ Керчи и в Джанкое (с. Филатовка) сохранили среди прочего инвентаря великолепные расписные вазы родосско-милетского стиля – второй половины VII века до н.э. Но оказалось, что Березань в процессе греческой колонизации Северного Причерноморья была не единственным опорным пунктом эллинов на территории Скифии.

Греки в Приазовье

В 20-х годах прошлого века молодой тогда еще ленинградский археолог Т.Н. Книпович случайно обнаружила в витрине Новочеркасского Донского музея совершенно уникальную вещь. Сквозь запыленное стекло из груды разновременных экспонатов на нее внимательно и строго смотрели выразительные глаза быка. Архаический ионийский сосуд? Здесь – на Дону? Это же настоящая научная сенсация! До сих пор все сведения о ранних связях эллинов с варварами, жившими по Танаису-Дону, ограничивались весьма невразумительным сообщением поздних античных авторов (Плиний) о существовании в дельте реки нескольких временных торжищ, последовательно основанных ионийцами, карийцами, клазоменцами и, наконец, боспорцами. Однако, никаких следов этих ранних торговых факторий найти не удавалось. Раскопки показали, что первое греческое торжище возникло здесь только в V в. до н.э. С понятным волнением Т.Н. Книпович взяла в руки уникальный предмет. Сомнений больше не оставалось. Это действительно был архаический фигурный сосуд с горлом, переходящим в голову быка из так называемой «родосско-милетской» группы керамики середины VII века до н.э. Скупая запись в музейной книге поступлений гласила, что сосуд найден в древнем кургане на реке Цуцкан, бывшего Хоперского округа, Донской области, т.е. за несколько сотен километров от устья Дона.[9]

В 1905 году крестьяне-кладоискатели разрыли большой и богатый курган у с. Мастюгино (в 60 км южнее г. Воронежа) и нашли там тонкий серебряный сосуд с чеканной личиной бородатого человека на тулове. Разбитый ломом на множество кусков, сосуд был собран позднее археологом А.А. Спицыным и доставлен в Эрмитаж. После реставрации, уже в наши дни, сосуд снова попал в руки исследователей. И тогда выяснилась поразительная вещь: серебряный сосуд из с. Мастюгино был несомненно греческого происхождения. Его изготовили в одной из мастерских материковой Греции или Фракии не позднее VII века до н.э.[10]

Наконец, третья находка подобного же рода происходит из богатого кургана близ слободы Криворожье, на р. Калитве, в бассейне Дона. Среди драгоценных украшений из золота и серебра явно переднеазиатского или закавказского производства выделяется большой обломок греческого фигурного сосуда в виде головы барана. Подобные керамические сосуды изготовляли гончары острова Самос в конце VII – начале VI веков до н.э.

Таким образом, мы располагаем пока всего лишь тремя находками ранних греческих вещей в бассейне Дона. Но этого уже вполне достаточно, чтобы более внимательно отнестись к сообщениям античных авторов о каких-то древних эллинских торжищах, пускай и временного характера, в устье р. Танаис.

Работы ростовских археологов (В.П. Копылов) последних лет в Приазовье выявили со всей очевидностью последовательную смену очагов греческой колонизации в этом регионе. Так, наиболее ранний эллинский эмпорий (поселок) третьей четверти VII – VI веков до н.э. (судя по находкам многочисленных обломков расписных ионийских ваз) находился на месте современного Таганрога, на берегу Таганрогской бухты.[11] Таким образом, получает объяснение и сам факт распространения ранней греческой керамики на самой восточной окраине Скифии – в Подонье и Приазовье. Она вывозилась из греческого поселка в районе Таганрога, а не из Ольвии и Березани.

В конце VI века до н.э. он гибнет в силу пока не выясненных причин, а в дельте Дона в первой половине V в. до н.э. возникает новый торгово-ремесленный и политический центр – Елизаветовское городище, скифское в своей основе, но имевшее позднее и греческий квартал. По наблюдениям археологов, именно это городище в течение V–IV вв. до н.э. служило главным торговым форпостом для проникновения греческого импорта в Северное Приазовье, а также в степное и лесостепное Подонье.[12]

В начале III века до н.э. Елизаветовское поселение прекращает свое существование, и на смену ему приходит основанный боспорскими греками город Танаис (близ

современной станицы Недвиговской в дельте Дона, на берегу судоходного русла этой реки,-связанного с морем).

Судя по археологическим данным, немалая часть этого потока античных товаров шла с низовьев Дона прямо на север – в дубовые леса и холмистые равнины Воронежщины. Ощутимые результаты оживленных контактов с античным миром мы встречаем в среднедонской лесостепи буквально на каждом шагу: местные курганы и поселения содержат немало изделий греческих мастеров – остродонных керамических амфор (тара для вина и оливкового масла), украшений из бронзы, золота и серебра, предметов роскоши и культа, парадного вооружения. В обмен на дорогие товары эллинов местные жители отправляли на юг хлеб, скот, пушнину, воск, мед и рабов. Торговля велась только в натуральной (бартерной) форме: в погребениях и жилищах скифов до сих пор не найдено ни одной античной монеты.

Ниже я упомяну лишь самые известные и яркие изделия греческого ремесла, обнаруженные на поселениях и в курганах Среднего Дона за последние сто лет.

1. Серебряный сосуд с изображениями скифов, производства боспорских мастеров IV в. до н.э. (курган № 3, «Частые Курганы»).

2. Бронзовая с позолотой гидрия, V в. до н.э., изготовленная в Греции (курган № 29/21 у с. Мастюгино).

3. Бронзовый сосуд-чаша с рельефными головками Медузы вместо ручек, IV в. до н.э. (курган № , «Частые Курганы».

4. Серебряный ритон с резным орнаментом по внешнему краю горловины, конец V – начало IV вв. до н.э. (курган № 1 у с. Дуровка).

5. Две пары бронзовых с позолотой кнемид (поножей), одна из них с надписью «Левкон» (скорее всего, это имя первоначального их владельца), IV в. до н.э. (курган № 2 у с. Мастюгино).

6. Бронзовый фигурный шлем «фракийского» типа, IV в. до н.э. (курган № 2 у с. Мастюгино).

7. Золотые серьги с изображением богини плодородия Кибелы, сидящей на двух львах, IV в. до н.э., боспорское производство? (курган № у с. Мастюгино).

8. Пара золотых калачиковидных серег со сканью, конец V – начало IV вв. до н.э., боспорское производство (курган № 6 у с. Терновое).

Здесь, видимо, уместно будет дать более подробное описание главной находки античного производства, сделанной за все годы раскопок курганов скифского времени на Среднем Дону.

В 1912 г. в урочище «Частые курганы» под Воронежем местные археологи-любители, члены Воронежской ученой архивной комиссии доктор Мартинович, священник Зверев и подполковник Языков раскопали три кургана. В одном из них (курган № 3) была найдена серебряная позолоченная ваза, очень похожая на электровый кубок из Куль-Обы (Крым). Сосуд украшен фризом с изображениями трех групп, каждая из которых состоит из двух воинов. Их внешний облик и одежда полностью соответствуют тому, что мы видели на куль-обском сосуде: те же длинные волосы, усы и бороды (лишь один юный воин безус и безбород), те же подпоясанные кафтаны, длинные облегающие штаны, мягкие сапоги, подвязанные ремешком у щиколоток, такие же гориты, копья, щит.

В одной группе безбородый юноша-скиф, сидящий закинув нога на ногу на возвышении из камней и придерживающий рукой боевую секиру, на рукоять которой опирается подмышкой, внимательно слушает сидящего напротив бородатого воина, также восседающего на возвышении из камней и протягивающего юноше лук. На боку у него висит горит с таким же вторым луком. Во второй сцене изображен такой же бородатый скиф с горитом на боку. Одной рукой он опирается на рукоятку боевого топора, а другую с двумя загнутыми пальцами протягивает в сторону собеседника, стоящего спиной к нему на коленях. В правой руке тот держит два копья, уперев их наконечниками в землю, а подмышкой левой руки у него прямоугольный щит.

Третья сцена изображает двух сидящих друг перед другом бородатых воинов. Один опирается на рукоятку боевой секиры, другая его рука опущена; он внимательно слушает сидящего напротив воина, опирающегося одной рукой о камень, а в другой держащего двухвостую нагайку. У обоих на боку гориты со стрелами.

Как и сцены на куль-обской вазе, изображения на воронежском сосуде до недавнего времени истолковывались большинством исследователей как сцены военного быта скифов. Посвятивший этому сосуду специальное исследование выдающийся русский ученый М.И. Ростовцев полагал, что на нем показан скифский лагерь перед боем. Признавая связь изображений на вазе со скифским культом, он усматривал ее только в выборе темы – военном быте, характерном для скифской аристократии.[13] Все три группы скифов на воронежском сосуде он считал композиционно равноправными и ничем не связанными друг с другом.

Иначе подошел к толкованию смысла изображений российский историк Д.С. Раевский. Исходя из убеждения, что «скифские сцены» на культовых сосудах связаны с скифской мифологией, он попытался истолковать и воронежские сцены с этих позиций. Между всеми тремя сценами он усматривает тесную связь и считает, что выбор сюжета для каждой сцены и их последовательность указывает на повествовательный характер изображений. О чем же повествуют сцены на воронежском сосуде? Д.С. Раевский доказывает, что как и на куль-обской вазе, они являются иллюстрацией к «эллинской» версии скифской этногонической легенды: во всех трех сценах Геракл-Таргитай показан беседующим со своими тремя сыновьями непосредственно после испытания – натягивания тетивы на лук. Первого, не выдержавшего испытания, он изгоняет из страны – тот показан спиной к отцу, удаляющимся. Второго он уговаривает покинуть страну. Наконец, младшему сыну, молодость которого на вазе подчеркнута безбородостью, победившему в соревновании с братьями, отец передает свой второй лук – атрибут власти.[14]

Вне всякого сомнения, подобные предметы роскоши предназначались для высшей местной аристократии: одни из них (большинство) были изготовлены в ремесленных мастерских Боспора, другие – в самой Греции.

Существенную часть греческого импорта на Средний Дон составляли керамические изделия, вернее, – столовая посуда (чернолаковые чаши, кубки, тарелки), пользовавшиеся широким спросом у скифской знати. Однако, главным греческим продуктом для торговых операций со скифами было вино. Почти в каждом местном кургане встречаются одна или несколько амфор – керамической тары для транспортировки вина и оливкового масла. В конце V – IV вв. до н.э., судя по клеймам на ручках, шейках и днищах амфор, преобладает вывоз на Средний Дон вина из таких винодельческих центров на юге Черноморского побережья, как Гераклея Понтийская и Синопа. Реже встречаются клейма о. Фасоса, о. Родоса и других центров Греции.

При этом, как отметил известный российский археолог И.Б. Брашинский, исключительно важная роль в развитии греко-варварских экономических связей на протяжении V–IV вв. до н.э. в регионе Приазовья и Подонья принадлежала Елизаветовскому городищу. «Будучи наиболее отдаленным северо-восточным форпостом греческой торговли, в котором осуществлялись... торговые связи греков с местным населением крайней юго-восточной области... Скифии, этот крупнейший варварский центр... был посредником в греческой торговле с племенами Среднего Дона, Северского Донца, а также с восточными областями – землями савроматов и других задонских и заволжских племен».[15]

Исследователей Елизаветовского городища поразило то, что до 80% всей керамики из слоев V–IV вв. до н.э. составляли обломки греческих остродонных амфор, то есть сосудов для перевозки вина. Огромная концентрация античной глиняной тары на этом поселении свидетельствует не только о значительном потреблении его жителями греческих вин, но и о ведении «елизаветовцами» весьма интенсивной посреднической виноторговли с другими, часто довольно далекими областями. Для такой

торговли широко использовались не только водные (речные и морские), но и, главным образом, сухопутные (или комбинированные – сухопутно-речные) пути. Во многих случаях при передвижении торговых караванов по суше транспортировка вина в амфорах была просто невозможной, что позволяет уверенно предполагать его перевозку в мягкой таре – бурдюках и мехах. В результате значительная часть керамической тары (амфор), привозившейся в Елизаветовское городище греками, должна была там и оседать, чем и объясняется приводившаяся выше статистика: преобладание амфорного материала над всеми другими видами глиняной посуды.

Подсчеты количества амфор и их примерной емкости на территории Елизаветовского городища позволяют предполагать, что в IV веке до н.э. среднегодовой импорт вина сюда из различных греческих центров составлял от 1750 до 2850 декалитров. Кроме того, только на основе изучения керамической тары можно уверенно говорить о том, что через елизаветовский рынок вино поступало на север вплоть до района современного Воронежа («Частые курганы») и на восток – до Нижнего Поволжья (Кривая Лука) – области, удаленные от Елизаветовского городища на сотни километров. «Наиболее важными для обоснования тезиса о проникновении греческого импорта в указанные районы именно через Елизаветовское городище, – подчеркивает И.Б. Брашинский, – являются находки гераклейских амфор, полностью соответствующие аналогичному массовому материалу из раскопок Елизаветовки...».[16]

Показательно и то, что греческий импорт на Среднем Дону значительно расширяется именно в IV веке до н.э., – то есть в период максимального расцвета Елизаветовского городища в качестве посреднического центра в торговле между античным миром и восточными областями Скифии.

Труднее решить вопрос о путях продвижения греческих товаров от Елизаветовки на север. Среднедонские памятники, в которых обнаружены античные вещи IV в. до н.э., отстоят от устья Дона по прямой на 400 км. Если же плыть по Дону, то это расстояние заметно возрастает, достигая почти 1000 км. С другой стороны, наиболее многочисленную категорию предметов греческого импорта на Воронежщине составляют остродонные амфоры – свидетели ввоза вина водным путем. Здесь мнения ученых разделились. Одни из них уверены, что главной водной артерией для сношений Нижнего и Среднего Подонья был «Дон-батюшка» (П.Д. Либеров). Другие (И.Б. Брашинский) выступают за продвижение греческих товаров: от дельты Дона до Северского Донца, затем по этой реке – до одного из его северных (левых) притоков, вроде Оскола или Айдара, и далее – по Черной Калитве или Тихой Сосне – выход на Дон в среднем его течении. Тем не менее, несмотря на все эти расхождения во взглядах, большинство исследователей сейчас признает, что Средний Дон входил в конце V – IV вв. до н.э. в сферу экономических интересов Боспорского царства и греческий импорт поступал туда через Елизаветовское городище.

Что было главной причиной для столь интенсивных торговых и культурных контактов с северными варварами со стороны греков? Конечно, магнитом, который притягивал туда греков, в первую очередь было неистощимое обилие рыбы ценных пород, кишащей в устье и притоках Дона-Танаиса. Но если брать Скифию в целом, то очень скоро в этих связях экспорт зерна и скота вышел на первое место. Скифия стала одним из главных источников снабжения продуктами всей Эллады, каменистая почва которой не могла больше обеспечивать растущее население. С момента своего основания на северном побережье Черного и Азовского морей греческие города начали оживленный обмен с местными племенами товарами и идеями. Боспорское царство (с V в. до н.э.) оставалось во все времена культурным и политическим центром северопонтийского побережья. Его богатство зависело от торговли с греческими городами Средиземноморья природными ресурсами Скифии.[17]

Торговля зерном была основой стабильности Боспора. Боспорские цари пытались монополизировать эту торговлю в восточных областях Причерноморья. В соответствии с договором о дружбе с Афинами (434 г. до н.э.), боспорские цари должны были

снабжать Афины хлебом. После ожесточенной борьбы с городом Гераклеей, царь Левкон (389–349 гг. до н.э.) захватил важный порт Феодосию в Крыму, обеспечив таким образом свою монополию в торговле зерном. В итоге, Боспор стал в V–IV вв. до н.э. главной житницей Греции. В годы правления Левкона в Аттику ежегодно вывозилось из Северного Причерноморья около 670 000 медимнов зерна (около 22 000 тонн), что составляло примерно половину всего зернового импорта Аттики.[18] Примечательно также, что именно в этот период (V–IV вв. до н.э.) греческий импорт в Скифию достиг своего зенита, если даже исходить из количества и качества эллинских вещей, попавших на скифскую территорию и найденных в курганах и на поселениях всех скифских областей и в степной и в лесостепной зонах.

Греки и варвары: первые контакты

Жизнь первых поколений колонистов в Северном Причерноморье скрыта пеленой неизвестности, поскольку почти не освещена письменными источниками. Единственное, на что может опереться исследователь данного периода, – археологические материалы (включая скудные находки предметов с надписями – эпиграфика). По счастливому стечению обстоятельств, в момент основания большинства эллинских колоний местное варварское население в прибрежных районах было немногочисленным или вообще отсутствовало.[19]

Северное Причерноморье всегда было удаленным уголком греческой цивилизации, оно находилось на самом краю ойкумены. За стенами эллинских городов лежали уже земли варваров, в рассказах о которых прежде было больше вымысла, чем правды. Эти земли и манили, и пугали. И если в страшные рассказы об орлиноголовых чудовищах-грифонах и о людях с собачьими головами верили далеко не все, то местный холодный климат, замерзающие реки, снегопады и слухи о не знающих пощады воинственных скифских всадниках могли привести в ужас любого, даже самого храброго эллина. Но, видимо, сражаться со скифами (по крайней мере, на первых этапах жизни колоний) грекам не пришлось. Мы, правда, точно не знаем о характере взаимоотношений первых колонистов с местным населением. Тем не менее, все говорит о том, что на начальной стадии эти отношения должны были быть не только мирными, но и дружественными, иначе горстка эллинов просто не выжила бы среди враждебного окружения. Варвары, особенно их правящая верхушка, были заинтересованы в торговых связях с эллинами и охотно предоставляли им места для поселений. Сохранилась легенда о том, что скифский вождь уступил милетским переселенцам землю на горе Митридат (в современной Керчи) для основания города Пантикапея.[20] Потом в этом соседстве было все: мир и война, распространение греческих товаров далеко в скифскую степь, взаимопроникновение культур, взаимные династические браки и политические союзы, скифский протекторат над Ольвией и выжженная скифами хора (сельскохозяйственная округа) Херсонеса. Но все это случилось уже гораздо позже.

Первые обитатели греческих колоний жили в новых, весьма непривычных для них условиях. Суровый климат заставлял искать более подходящие для данной ситуации формы жилья и одежды. Обилие свободной плодородной земли и богатейшие рыбные ресурсы сделали молодые города-колонии активными участниками международной морской торговли. Корабли из разных центров Эллады везли на северные берега Понта вина разных сортов, дорогую посуду (часто расписанную лучшими эллинскими мастерами), одежду, обувь, ткани, оружие, ювелирные украшения и многое другое. Колонисты же могли предложить в обмен зерно, рыбу, соль, кожи, рабов. Частично эти товары производили сами жители эллинских колоний, частично они получали их при обмене со скифским населением степи и лесостепи.

Античные государства Северного Причерноморья имели довольно высокий уровень развития выборных законодательных и исполнительных структур, идеологи-

ческое обеспечение которых основывалось на высоких идеалах эллинского гражданского общества.[21]

Среди северопричерноморских государств в отношении политической организации выделялся только Боспор. Он, с одной стороны, представлял собой сложный конгломерат античных городов-государств, сохранявших, хотя бы формально, полисную организацию и по отношению к которым боспорский царь был архонтом, т.е. высшим выборным должностным лицом исполнительной власти в греческой полисной структуре. С другой стороны, для местных (варварских) племен, входивших в состав Боспора, он являлся царем. Эти племена сохраняли свое исконное устройство, обычаи, особенности быта, а группами племен управляли вожди или царские наместники.[22]

В этническом отношении население античных государств на начальном этапе – во время основания городов, состояло, в основном, из ионийских греков (Малая Азия), а также выходцев из Аттики, Теоса, Гераклеи Понтийской. Именно они и их потомки, имевшие высоко развитое национальное самосознание на протяжении всей античной эпохи составляли этническую основу населения северопричерноморских государств. Так, например, почти через семь столетий после основания Ольвии (VI в. до н.э.) почти все ее жители, несмотря на скифский облик их одежды, хорошо знали «Илиаду» Гомера, а некоторые из них и произведения Платона, сохраняли, хотя и не совсем чистый вследствие варварского окружения, греческий язык (Дион Хризостом, 99 г. н.э.).[23]

Естественно, среди населения античных городов Северного Причерноморья были и выходцы из окружающих варварских племен, а в состав государств могли входить и целые местные племена, как это отмечалось уже для Боспора (а также миксэллины, или эллино-скифы в районе Ольвии и др.). Однако весь комплекс материальной и духовной культуры, сведения о котором были получены в ходе раскопок, свидетельствует о крайне незначительном количестве варваров среди населения не только городов, но и их сельских поселений – хор, в частности, Ольвии и Херсонеса... В основном это были скифы, фракийцы, а на Азиатском Боспоре (Таманский полуостров) – синды и меоты.[24] Последняя треть IV – середина III вв. до н.э. явились временем наивысшего экономического и культурного расцвета античных государств Северного Причерноморья. Все большую роль в их экономике начали играть окружающие варварские племена. Произошла также определенная переориентация торговых связей – все большее значение стала приобретать торговля с малоазийскими, островными и особенно южнопонтийскими центрами. Наладились более тесные отношении и между самими северопричерноморскими городами.

Этот расцвет, однако, не был продолжительным. Начавшиеся активные передвижения окружающих кочевых племен, в частности сарматов, привели к дестабилизации обстановки в степях. А это, в свою очередь, подрывало основу благополучия античных государств – их земледелие и торговлю с местными племенами

Уникальная роль Елизаветовского городища

В истории изучения скифов встречаются самые удивительные парадоксы и аномалии. И одним из наиболее ярких явлений подобного рода мне представляется судьба Елизаветовского городища. Случилось так, что еще с 50-х годов XX века, благодаря исследованиям «патриарха» отечественной скифологии – Бориса Николаевича Гракова, все внимание ученых было приковано к Каменскому городищу на Днепре. Одни называли его крупнейшим торгово-ремесленным центром всей Скифии; другие – главным политико-административным центром скифов в конце V – IV веках до н.э. Почти такой же славой пользовалось у скифологов и гигантское Бельское городище («город Гелон»), спрятанное в дубовых лесах Полтавщины, в Левобережной Днепровской Лесостепи. И, в то же время, Елизаветовское городище в дельте Дона долгое время находилось в каком-то странном забвении. Положение несколько изменилось лишь в 60-е–90-е годы XX века, когда усилиями археологов из Ленин-

града-Петербурга и Ростова-на-Дону на этом поселении были осуществлены широкомасштабные работы, совершенно изменившие наши представления об этом уникальном памятнике скифской эпохи.[25] Во-первых, он интересен нам уже потому, что это единственный реальный городской центр на территории Скифии в IV веке до н.э., отвечающий всем признакам и функциям истинного города. Во-вторых, именно на примере Елизаветовского городища нагляднее всего можно проследить развитие торговых и культурных контактов двух очень разных по своему характеру миров – эллинского (античного) и варварского (скифского). Елизаветовское городище, расположенное в дельте Дона, в 3 км к северо-востоку от станицы Елизаветовской Азовского района Ростовской области, является одним из крупнейших укрепленных поселений степной зоны Северного Причерноморья скифской эпохи, занимая общую площадь в 52 гектара и имея двойную линию оборонительных сооружений (валы, рвы, каменные стены). «Пограничное положение поселения – на стыке трех больших этнических массивов – скифского, савроматского (сарматского) и меотского, с одной стороны, и в непосредственной близости от эллинских городов Боспорского государства, с другой, наличие удобных речных и морских дорог и богатство природных ресурсов Нижнего Дона – сделали Елизаветовское городище главным, если не единственным центром оптовой «международной», а также межплеменной торговли всей юго-восточной части Геродотовой Скифии».[26] Таков общий вывод ученых, которые вот уже несколько десятилетий интенсивно исследуют этот уникальный памятник.

Не меньшее значение имеет и другое их заключение: «В настоящее время имеются все основания полагать, что не позднее середины IV века до н.э. Елизаветовское городище превратилось в поселение городского типа, в число функций которого, наряду с базовой-торговой, четко прослеживаются функции административная, религиозная, центрального места и убежища. По своей роли оно по праву может считаться своего рода «столицей» всего Нижнего Подонья, а отчасти, вероятно, и Северо-Восточного Приазовья».[27]

А начиналось все достаточно обыденно и прозаично. Какая-то скифская орда примерно в начале V века до н.э. прочно обосновалась в дельте Дона, на участке между двумя судоходными тогда донскими протоками, напрямую связанными с морем, точнее – с Таганрогским заливом. Будучи первоначально в основном скотоводами и кочевниками, они использовали дельту, с ее более мягким климатом и не слишком прочным снежным покровом, в качестве удобного для их табунов и отар зимника. Не могло не привлечь скифов и необычайное обилие рыбы в донских протоках и озерах. Правда, добывали и использовали они эти рыбные богатства первоначально лишь для собственного потребления, в довольно умеренных масштабах. К тому же надо помнить и о традиционном пренебрежении кочевников-скотоводов к употреблению рыбы в пищу, о чем красноречиво говорят этнографические данные о кочевых обществах монголов, казахов и других народов.

Так, в районе будущего Елизаветовского городища, в наиболее удобных для жизни местах и возникли первоначально около двух десятков временных становищ или поселков сезонно кочевавших скифов.[28] Но здесь следует напомнить, что эти места еще с VII века до н.э. (Таганрогское поселение греков) регулярно посещали и эллинские торговцы. В V–IV веках до н.э. это были представители могущественного Боспорского царства, занимавшего обширные территории Керченского и Таманского полуостровов, в непосредственной близости от донской дельты. Рыбные богатства Дона-Танаиса (особенно ценные виды осетровых – осетр, севрюга, белуга) издавна привлекали этих предприимчивых купцов. Начались торговые контакты с местными варварами (судя по находкам импортной греческой расписной керамики это произошло уже в первой четверти V века до н.э.). Как известно, спрос всегда рождает предложение. И, постепенно, с обществом полукочевых скифов – хозяев донской дельты – произошли коренные изменения. Во-первых, большая их часть прочно осела на землю и превратилась в заядлых рыболовов, добывавших осетра, сазана, сома

и налима уже не столько для себя, сколько для обмена с эллинами и притом во все возрастающих масштабах. Были созданы рыболовческие артели, оснащенные разного рода сетями и лодками. В Дону и сейчас, несмотря на все издержки современной промышленной цивилизации, водится до 79 ценных видов рыбы. Что же говорить о глубокой древности? На этих небольших поселках и на возникшем позднее Елизаветовском городище археологи постоянно находят при раскопках мощные скопления (целые слои толщиной в 20, 30, 40 см) рыбьей чешуи, каменные и глиняные грузила для сетей, костяные орудия для плетения сетей, остатки рыбокоптилен и другие яркие следы этой активной рыболовческой деятельности местного населения.[29]

Объем взаимной торговли все возрастал, и вскоре эллинские купцы, не довольствуясь регулярными, но временными «наездами» к варварам, решили, хотя пока и в небольшом количестве, поселиться на Елизаветовском городище на постоянной (или, точнее, на длительной) основе. Найдены теплые и прочные дома-землянки местного типа, которые, учитывая характер обнаруженных там предметов, служили одновременно жилищами и складами товаров для приезжих эллинов. Так, постройка № 7 имела при себе еще и огромный склад винной тары – амфор (как уже отмечалось выше, немалую часть вина, доставленного эллинами в Елизаветовку, разливали здесь для дальнейшей транспортировки в кожаные бурдюки, а опустевшую глиняную тару складировали для дальнейшего использования). Кроме того, в ее жилой части найдено две свинцовых греческих гири: одна в 437 г. – вес одной легкой аттической мины (мера веса), а другая – 850 г. – вес большой «торговой» мины, или статера. Не менее интересна и постройка № 18, или «лавка торговца украшениями». Здесь найдено большое количество различных стеклянных синих бус и фигурных подвесок из так называемой «финикийской» пасты; а также квадратная свинцовая гиря эллинского стандарта. Эти «финикийские» подвески имели весьма специфический и легко узнаваемый облик – в виде мужских бородатых голов с выпученными глазами. Изделия подобного рода найдены не только в ряде курганов близлежащего Елизаветовского могильника, но и в весьма удаленном от дельты Дона месте – в кургане № 1 группы «Частые Курганы» близ Воронежа. Видимо, дела у данного эллинского купца шли вполне успешно, а его интересы распространялись далеко за пределы донского устья.[30] Возникает вопрос, откуда именно он мог получать свой товар. Изделия из синего «финикийского» стекла и пасты производились как в собственно Финикии (и ее колонии – Карфагене), так и греками с острова Родос и из города Навкратис (в устье Нила, в Египте). Ранее считалось, что подобная продукция могла попасть в Подонье только через Боспор. Однако, находка на Елизаветовском городище очень редкой амфоры «пунийского» (т.е. финикийского, карфагенского) типа позволяет предполагать и прямой импорт (через «елизаветовских» греков) таких товаров в дельту Дона.[31]

В процессе все возрастающих по объему торговых контактов «елизаветовских» скифов с эллинскими торговцами, у последних появилась необходимость перейти от внедрения отдельных своих представителей в варварскую среду – к организации на территории скифского городища своего собственного «мини-поселения», или, точнее «греческого квартала». Случай совершенно уникальный в истории взаимоотношений варваров и греков в Северном Причерноморье в VII–IV веках до н.э.! Открытие и изучение подобного эллинского анклава на огромной территории Елизаветовского городища – несомненное достижение отечественных археологов. «Квартал» был несколько обособлен от основной жилой застройки городища и имел сравнительно небольшую площадь – до 900 квадратных метров. Вскрыто несколько домов несомненно эллинского типа из камня и сырцовых кирпичей, стоявших вдоль прямой улицы и отдаленных от внешнего мира сырцово-каменной стеной. Греческий «поселок» возник здесь во второй половине IV века до н.э. и был оставлен его обитателями на рубеже IV и III веков до н.э., то есть одновременно с запустением всего Елизаветовского городища.[32]

Тем не менее, почти сразу же (в пределах нескольких лет) на покинутом жителями (и скифами и эллинами) Елизаветовском городище боспорские греки устраивают свою колонию. Правда, она просуществовала совсем недолго и погибла в 70-х годах III века до н.э. в результате вражеского нападения. Но на Таманском полуострове (Прикубанье) и в Крыму греческие поселения доживают до IV в. н.э., до гуннского нашествия. Таким образом, тема взаимоотношения двух миров, сосуществовавших в течение целого тысячелетия на краю ойкумены, в Северном Причерноморье – мира античной цивилизации и мира варваров – всегда будет вызывать большой интерес исторической науки, как отечественной, так и зарубежной. И, помимо свидетельств из сочинений античных авторов (все они собраны в фундаментальной публикации В.В.Латышева)[33], свой бесценный вклад в решение загадок прошлого, несомненно, вносила и вносит археология[34].

Рис. 1. Серебряный сосуд с антропоморфной личиной, архаическая Греция. Из грабительских раскопок курганов у с. Мастюгино (сборы А.А. Спицына)

Рис. 2. Серебряный греческий сосуд с фигурами скифов. «Частые курганы», под Воронежом, курган № 3.

Рис. 3. Детали изображения на серебряном сосуде из кургана № 3, «Частые курганы».

Рис. 4. Детали изображения на серебряном сосуде из кургана № 3, «Частые курганы».

Рис. 5. Чернолаковый греческий канфар. Курган № 13, Колбино.

Рис. 6. Серебряный с позолотой греческий ритон. Курган № 1, Дуровка.

Рис. 7. Бронзовая греческая чаша с антопоморфной головкой.
Курган № 11, «Частые курганы».

Рис. 8. Бронзовое греческое зеркало с фигуркой богини, держащей в руке пальмовую ветвь. Из грабительских раскопок курганов у с. Староживотинное, Рамонский район, Воронежская область.

Рис. 9. Боспорский расписной кувшин. Курган № 8, с. Терновое, Острогожский район, Воронежская область.

Глава XI

ВОСТОЧНЫЕ СОСЕДИ СКИФОВ

«Миражи бледные встают –
Галлюцинации Пустыни.
И в них мерещатся зубцы
Старинных башен. Из тумана
Горят цветные изразцы
Дворцов и храмов Тамерлана».
Максимилиан Волошин

Легендарные народы: исседоны и аримаспы

Граница известного эллинам мира на востоке пролегала у земель исседонов – многочисленного и воинственного кочевого народа. У Геродота мы находим о нем несколько скупых фраз. «Этот народ считается справедливым, женщины равноправны с мужчинами». Из другого отрывка мы узнаем, что исседоны имели довольно странный обычай съедать своих умерших отцов и делать из их черепов священные чаши, оправляя их в золото. У передовых застав исседонов должен был кончаться, вероятно, и торговый ольвийский путь. Дальше дороги не было. И если полумифический Аристей мог еще похвастаться тем, что лично побывал в стране исседонов, то его преемники на поприще торговли не преуспели и в этом. И дело здесь, конечно, не в природных барьерах и не в сказочных чудищах. Путь торговым караванам на восток закрывали сами исседоны. Они взяли на себя роль посредников в торговых операциях между причерноморскими купцами и населением богатых золотом земель, лежавших к востоку, извлекая из этого немалую прибыль. Истинные сведения о своих восточных соседях исседоны сообщали чужеземцам крупицами, но зато не жалели красок, описывая всевозможные напасти, которые ждут всякого, кто рискнет проникнуть туда.

Где же искать страну исседонов? Геродот дважды упоминает об этом. Первый раз, когда речь идет о направлении торгового пути. Из этого рассказа следует, что они жили за высокими горами, к востоку от «плешивых», то есть где-то в Южном Зауралье. Второй раз при описании массагетов, населявших обширную равнину к востоку от Каспийского моря. Исседоны занимали земли «по ту сторону реки Аракса, напротив (то есть севернее. – *В.Г.*) массагетов». И в том и в другом случае мы неизбежно попадаем в степи Центрального Казахстана. Если это действительно так, то страна аримаспов и «стерегущих золото грифов» находилась, скорее всего, на Алтае. Эта мысль отнюдь не нова. Еще великий Гумбольдт, опираясь только на свою интуицию, пришел к такому выводу. Сейчас помимо его догадок в нашем распоряжении есть и более весомые аргументы.

Аримаспы и «страна грифов»

Российские археологи открыли на Алтае одну из самых блестящих культур скифского времени – пазырыкскую, названную по имени хорошо известных ныне Пазырыкских курганов.[1] Мы не знаем, как именно называли людей, создавших эти величественные мавзолеи. Их могилы спрятаны под многотонной шапкой из каменных глыб. Там, в просторных деревянных срубах-гробницах, навечно вмурованные в толстый слой льда, сохранились в полной неприкосновенности безмолвные представители навсегда ушедшего народа. Его имя потеряно в веках, язык забыт, культура исчезла. Степной ветер давно разогнал горький запах костров над былыми становищами пазырыкцев. Казалось, прошлое этого народа навсегда затерялось в запутанных лабиринтах истории.

Ученые вернули этой стране имя. Здесь жили аримаспы, постоянно воевавшие из-за золота с жадными грифами. И пусть никого не смущает их мнимая одноглазость. Греки порой сочиняли о своих соседях и не столь невинные басни.

Археологи изучили культуру этого народа, его традиции, пережившее века искусство. И здесь выявился поразительный факт: почти во всех могилах пазырыкских вождей в изобилии представлены изображения ушастых грифонов. С удивительным постоянством их вырезали из войлока и кожи, вытачивали из дерева, отливали из бронзы, чеканили на золоте. Фантастическим чудовищам-грифам, сочетавшим черты горного орла и свирепых хищников юга – льва и тигра, на Алтае поклонялись когда-то, как богам. Их воспевали в легендах и мифах. Им приносили жертвы. Их остроклювыми головами украшали оружие, конскую упряжь, парадную одежду. И в конце концов, не так уж важно для нас, правы или нет были исседоны в своих фантастических рассказах. Рожденная народной фантазией легенда об аримаспах и грифах оказалась в основе своей верной. Грифы действительно занимали немалое место в верованиях древнеалтайских племен, что и нашло отражение в их богатом и ярком искусстве.[2]

Щедрые рудники Алтая

«Ближайшие к Рипейским горам (Урал. – *В.Г.*) места, – писал в I веке нашей эры римский историк Помпоний Мела, – непроходимы из-за беспрестанно падающего снега, сквозь который путешественник не может ничего увидеть. Затем идет область никем не населенная, несмотря на благоприятный климат. Дело в том, что здесь водятся грифы, злые и жадные дикие животные. Они очень любят золото, которое извлекают из недр земли и с поразительным усердием оберегают, угрожая тем, кто находится поблизости».[3] Если отбросить сказочный наносной слой, то из рассказа Помпония Мелы можно сделать два интересных вывода. Во-первых, в горах к востоку от Урала есть золото. Во-вторых, добывают его из земных недр с помощью специальных разработок.

Российский археолог С.С. Черников нашел и изучил десятки древних алтайских рудников, где добывали когда-то золото, серебро, олово и медь.[4] Наибольший размах эти работы приобрели именно в скифское время, в VII–III веках до нашей эры. В узких и неглубоких шахтах, карьерах и разрезах алтайцы-аримаспы упорно отвоевывали у гор их богатства. Огонь и вода крошили и расщепляли монолитную твердь горной породы. В щели между камнями загоняли тяжелыми каменными молотами деревянные клинья, поливали их водой, и те, разбухая, отрывали от скалы глыбу за глыбой, кусок за куском. Упорно долбили тело золотоносной жилы каменными и бронзовыми кирками. Долго, до кровяных мозолей, растирали на плоских плитах куски руды с помощью терочников. Промывали щебень в студеной речной воде, и только тогда в задубевших ладонях могли засверкать холодным блеском тяжелые крупинки заветного металла. Не в этой ли опасной борьбе с природой, при постоянном риске быть навеки погребенным под рухнувшими сводами низкой темной шах-

ты родились народные легенды о злых волшебных силах, охраняющих доступ к горным сокровищам, – о «стерегущих золото грифах»?

В 1771 году академик Паллас обнаружил на берегу реки Змеевки у Змеиногорского рудника на Западном Алтае остатки древних разработок. Вдоль пустынного берега реки более чем на двести метров тянулись высокие отвалы пустой породы. Когда-то здесь кипела жизнь. Сотни, тысячи рудокопов добывали в недрах земли драгоценный металл. И его было много, очень много. Лабораторные анализы показали, что все золотые вещи из Пазырыкских курганов имеют большую примесь серебра.[5] Точно такое же содержание руды было характерно и для древнего Змеиногорского месторождения золота. Значит, грозные вожди, покоящиеся в ледяных гробницах Восточного Алтая, получали золото издалека – из западных районов страны. Видимо, какая-то часть этого драгоценного потока доходила и до далеких припонтийских торжищ, превращаясь затем в изящные ювелирные украшения эллинов и грубые, но выразительные изделия скифов.

В конце V века до нашей эры на горизонте Северного Причерноморья появилась новая восходящая звезда, быстро набирающая силу, – Боспорская держава. Ее правители диктовали свою волю всем окрестным греческим городам. Ее купцы прочно обосновались на Тамани и в Прикубанье. Ее колонисты в III в. до н.э. заложили в устье Дона стены нового города – Танаиса, который стал вскоре основным перевалочным пунктом в торговле с восточными варварскими племенами. Но часы истории уже пробили. Боспорцы довольствовались лишь связями с ближайшими соседями. Старые караванные тропы в страну аргиппеев были забыты. Персия берет в свои руки все торговые операции с народами Средней Азии, Урала и Сибири. Караваны идут теперь не с запада на восток, а с юга на север, через пески великих пустынь. Глухие леса Прикамья и приуральские степи буквально наводняют изделия иранских мастеров. Правда, и эллины отнюдь не потеряли еще вкуса ко всякого рода рискованным предприятиям, сулящим хорошую прибыль.

Отдельные дерзкие попытки боспорских торговцев вновь прорваться на Урал и в Центральную Азию подтверждаются археологическими находками. На золотых статерах Пантикапея гордо красуется чеканный силуэт крылатого грифона с пшеничным колосом или осетром в когтистых лапах. В далекой Джунгарии найден сосуд с медными боспорскими монетами III века до нашей эры. Это были последние отчаянные усилия античного мира. Но грозные валы великого переселения народов уже закипали в гигантском котле далеких азиатских степей. Не пройдет и нескольких столетий, как орды кочевников сметут с лица земли и Ольвию, и Пантикапей, и многие другие эллинские города на берегах Понта Эвксинского. И лишь в XIII веке европейские купцы, путешественники и монахи, хотя и робко, с оглядкой, вновь начнут нащупывать забытые караванные пути в золотоносные земли Урала и Сибири.

А теперь обратимся от легендарных и полумифических народов, живших к востоку от Скифии, к реальным народам и культурам, которые с успехом изучает современная наука.

Савроматы – потомки «амазонок»

«За рекою Танаисом, – пишет Геродот, – уже не скифские края, но первые земельные владения там принадлежат савроматам. Савроматы занимают полосу земли к северу, начиная от впадины Меотийского озера, на пятнадцать дней пути, где нет ни диких, ни саженых деревьев...».

Именно с племенами савроматов связан знаменитый цикл легенд об «амазонках» – женщинах-воительницах, вступивших в брак со скифскими юношами и создавших на этой основе новый многочисленный и воинственный народ – савроматов. Савроматы были родственны скифам Северного Причерноморья по языку (один из диалектов древнеиранского языка), культуре и образу жизни (они были кочевника-

ми-скотоводами). Многие античные авторы говорят об особой роли женщин в савроматском обществе. В частности, Геродот указывает на их «амазонские» корни и на особую воинственность. Это вооруженное женское войско не было чем-то экстраординарным, необычным в среде кочевников Евразийских степей в VII–III веках до н.э. Подобного рода «дружины» имелись у европейских скифов, у саков и массагетов. Савроматы-мужчины уходили в дальние походы, совершали сезонные перекочевки со стадами скота, оставляя дома своих жен и детей со всем хозяйством и имуществом. В этих условиях оставшимся требовалась защита. Ее и осуществляли, наряду с другими, вооруженные женщины-всадницы.

Археологи за последние десятилетия исследовали множество савроматских памятников – прежде всего, курганов. В районе Оренбурга открыты богатые погребения представителей племенной аристократии. Они отличаются от рядовых захоронений большими размерами могилы и насыпи и тем, что могильные ямы перекрыты бревнами, чаще всего в два ряда. Помимо такого наката устраивались срубы различных типов. Такие сооружения часто имели крышу. На крыше разводился костер, и по окончании ритуала все засыпалось землей. Погребения знати содержали множество дорогих вещей из золота и серебра и сопровождались либо реальными конскими захоронениями, либо их имитацией – в виде уздечного набора. Покойников клали обычно на спину в вытянутом положении, головой на запад. В одном кургане близ с. Калиновка Волгоградской области было обнаружено парное погребение мужчины и женщины, причем мужчина держал в своей руке руку женщины. В качестве напутственной пищи умершим клали обезглавленные туши овец. Как правило, в мужских могилах встречается оружие, а в женских – украшения, пряслица, зеркала. Многие предметы обильно украшены зооморфными изображениями – «звериным стилем». В некоторых женских захоронениях представлены жертвенники в виде небольших каменных столиков прямоугольной или круглой формы, часто с орнаментами или фигурами зверей. Это, видимо, могилы жриц. Помимо жертвенников вместе со жрицами находят раковины с красками, терочники, гадательные камни со следами огня.[6] Однажды в савроматском погребении на реке Илек был обнаружен пучок ивовых прутьев вместе с лепным сосудом, которые, вероятно, принадлежали савроматской жрице-гадалке. Гадание с помощью ивовых прутьев производилось, согласно Геродоту, и у скифов.

Термин «савроматы» объединил многоплеменное и многочисленное кочевое население. Будучи родственными по происхождению, савроматские племена несколько различались по погребальному обряду. Такие различия особенно четко проявляются в Поволжье и на Южном Урале.

Для того, чтобы читатель более живо представил себе все богатство савроматской культуры, я сошлюсь на одно из самых блестящих археологических открытий последних лет – раскопки погребения вождя в кургане у села Филипповка в Оренбургской степи.

Золотые олени из Филипповки

В 1987–1988 годах уфимский археолог А.Х. Пшеничнюк сделал одно из самых замечательных открытий в истории российской археологии – раскопал огромный (7 метров высотой и 120 метров в диаметре) курган № 1 у с. Филипповка, который содержал необыкновенные находки – большие (высотой до полуметра) деревянные фигуры оленей, обложенные золотыми и серебряными листами. Надо сказать, что Филипповская курганная группа, расположенная на левом берегу реки Урал близ впадения в него реки Илек, в 100 километрах к западу от Оренбурга, была известна археологам давно – еще с дореволюционных времен. 25 курганных насыпей длинной, на несколько километров, цепью занимали высокий водораздел двух названных рек. Курган № 1 – центральный в группе и самый впечатляющий по размерам (ученые предполагают, что первоначальная его высота составляла не менее 15 мет-

ров) – и манил к себе и отпугивал исследователей: на его склонах и вершине отчетливо видны были западины грабительских ям и ходов. Поэтому, первоначально раскопкам подверглись более скромные насыпи, высотой от 0,5 до 1 метра. Они (хотя и ограбленные еще в древности) содержали интересные и разнообразные материалы – предметы вооружения и конской сбруи, украшения, керамику – савроматской культуры V–IV веков до н.э.

Наконец, дошла очередь и до главного объекта. Когда была снята насыпь и вскрыта огромная могила, казалось, оправдываются самые худшие опасения ученых – гробница была ограблена многократно. Но удача не совсем отвернулась от археологов. В двух ямках-тайниках в пределах могилы и во входном коридоре-дромосе уцелело столько потрясающих вещей, что они прославили Филипповку на весь мир: изделия из золота, серебра и бронзы, железные мечи и кинжалы, конская сбруя; но самое главное – деревянные скульптуры и чаши, обложенные золотом и серебром. Скифо-сибирский звериный стиль был представлен здесь во всем своем блеске и разнообразии. Мы видим изображения целого сонма животных: хищников (медведей, волков, тигров), копытных, птиц, рыб и змей. Однако, ведущее место среди этих уникальных находок занимают фигуры и изображения оленей. Их – 180! Наибольший интерес, безусловно, представляют 26 скульптур оленей из тайников и дромоса. Они изготовлены из дерева и обиты золотыми и серебряными листами. Впечатляют размеры скульптур: их высота 40–50 см, а размах рогов у оленей достигает 20–25 см. Для всех изображений оленей из Филипповки характерен акцент на чрезмерное воплощение рогов животного – зачастую они занимают даже большую площадь, чем сама фигура оленя.

Судя по тем многочисленным находкам, которые были встречены только в одном этом кургане, олень, безусловно, – одно из самых священных и почитаемых животных ранних кочевников Южного Урала. Некоторые исследователи допускают даже, что савроматы считали оленя своим тотемом, воспринимая его как прародителя или далекого предка. Время сооружения кургана № 1 хорошо определяется по целому ряду вещей – оружию, ритуальным сосудам (в том числе, импортным – из Ахеменидского Ирана) и конской сбруе – это начало IV века до н.э.

Несколько интересных деталей, выявившихся в ходе этих раскопок, заслуживают особого внимания читателей. Как было сказано выше, курган № 1 был ограблен несколько раз: два грабительских лаза или хода вели в гробницу, минуя насыпь, сбоку от нее, будучи прорытыми в твердом грунте, а две большие ямы были заложены по центру кургана сверху. Могила, в итоге этих «операций», оказалась опустошенной почти начисто. Но некоторые предметы из погребального инвентаря «искателям сокровищ» вынести за пределы кургана так и не удалось. Речь идет о четырех огромных бронзовых котлах, находившихся в гробнице: один из таких котлов, при попытке его вытащить, застрял в грабительском лазе и намертво «запечатал» его.

И вторая деталь: в одном из тайников было спрятано несколько золотых и серебряных сосудов ритуального назначения, изготовленные в конце V века до н.э. в мастерских Персидской империи эпохи Ахеменидов (ритоны, амфора, кувшин).[7] Как они попали на Южный Урал из далекого Ирана, остается только гадать: что это – дипломатические дары персидских монархов вождям кочевников с целью их подкупа и нейтрализации? А может – это часть добычи лихих савроматских всадников, вплотную соприкасавшихся своими кочевьями в Поволжье с северными границами Персидской империи?

Загадки племен массагетов

Главный наш источник по описанию кочевых племен массагетов – «Отец истории», Геродот. Он довольно четко отводит им территорию от восточного побережья Каспийского моря до Сыр-Дарьи (р. Аракс). «Итак к западу это море, называемое

Каспийским, – пишет этот греческий автор, – ограничивает Кавказ, а с востока к нему примыкает равнина, занимающая необозримое пространство. Значительную часть этой огромной равнины занимают массагеты...» (Геродот, I, 204).

Кто же они – эти таинственные массагеты? У Геродота о них говорится следующее: «Массагеты носят одежду, подобную скифской и ведут похожий образ жизни. Сражаются они на конях и в пешем строю. Есть у них обычно также луки, копья и боевые секиры. Из золота и меди у них все вещи. Но все металлические части копий, стрел и боевых секир они изготовляют из меди, а головные уборы, пояса и перевязи украшают золотом. Так же и коням они надевают медные панцири, как нагрудники. Уздечки же, удила и нащечники инкрустируют золотом. Железа и серебра у них вовсе нет в обиходе, так как этих металлов совсем не встретишь в этой стране. Зато золота и меди там в изобилии...» (Геродот, I, 215).

Далее, любознательный грек говорит, что массагеты ничего не сеют, а питаются продуктами скотоводства и рыбой. В общественных отношениях у этих степных кочевников сохранились некоторые архаические черты, свойственные народам, стоящим на более низкой ступени развития. К ним относится групповой брак и ритуальное убийство стариков. Женщины у массагетов занимали очень высокое положение. Достаточно упомянуть один только факт: в VI веке до н.э. страной массагетов правила царица Томирис, сумевшая разгромить огромную армию персов во главе с царем Киром. Впрочем, обратимся к первоисточнику – к Геродоту: «Об обычаях массагетов нужно сказать вот что. Каждый из них берет в жены одну женщину, но живут они с этими женщинами сообща. Ведь рассказы эллинов о [подобном] обычае у скифов относятся скорее к массагетам. Так, когда массагет почувствует влечение к какой-нибудь женщине, то вешает свой колпак на ее кибитке и затем спокойно сообщается с этой женщиной. [Никакого] предела для жизни человека они не устанавливают. Но если кто у них доживет до глубокой старости, то все родственники собираются и закалывают старика в жертву, а мясо его варят вместе с мясом других жертвенных животных и поедают. Так умереть – для них величайшее блаженство. Скончавшегося же от какого-нибудь недуга они не поедают, а предают земле... Хлеба массагеты не сеют, но живут скотоводством и рыбной ловлей (в реке Аракс чрезвычайное обилие рыбы), а также пьют молоко. Единственный бог, которого они почитают, это – Солнце. Солнцу они приносят в жертву коней, полагая смысл этого жертвоприношения в том, что самому быстрому богу нужно приносить в жертву самое быстрое существо на свете» (Геродот, I, 216).

Месть царицы Томирис

Этот рассказ похож скорее на старинное предание или легенду, чем на реальный исторический факт. И, тем не менее, все это имело место в действительности. Подобно европейским скифам, разгромившим в 512 году до н.э. огромное персидское войско во главе с царем Дарием I Гистаспом в степях Северного Причерноморья, массагеты уничтожили в среднеазиатской пустыне армию царя Кира, включая и его самого. Суть конфликта и его развитие довольно подробно изложены в «Истории» Геродота. «После покорения этого народа (вавилонян. – *В.Г.*), – пишет этот греческий автор, – Кир задумал подчинить массагетов. Эти массагеты, как говорят, многочисленное и храброе племя. Живут они на востоке по направлению к восходу солнца за рекой Араксом напротив исседонов. Иные считают их также скифским племенем...

Много было у Кира весьма важных побудительных причин для этого похода. Прежде всего – способ его рождения, так как он мнил себя сверхчеловеком, а затем – счастье, которое сопутствовало ему во всех войнах. Ведь ни один народ, на который ополчался Кир, не мог избежать этой участи.

Царицей массагетов была супруга покойного царя. Звали ее Томирис. К ней-то Кир отправил послов под предлогом сватовства, желая будто бы сделать ее своей же-

ной. Однако, Томирис поняла, что Кир сватается не к ней, а домогается царства массагетов, и отказала ему. Тогда Кир, так как ему не удалось хитростью добиться цели, открыто пошел войной на массагетов. Для переправы войска царь приказал построить через реку [Аракс] понтонные мосты...» (Геродот, I, 204–205).

Далее персидский монарх прибегнул к военной хитрости. Перейдя реку, он разбил на массагетской территории свой походный лагерь, а ночью, тайно, отступил с лучшей и боеспособной частью своей армии назад. В укрепленном лагере персы оставили самых слабосильных и больных воинов. Естественно, что массагеты, узнав об этом, решили немедленно напасть на захватчиков, для чего выделили третью часть своего войска во главе с сыном Томирис – царевичем Спаргаписом. Лагерь был взят. Оставшиеся там персидские воины перебиты все до единого. «[После победы], увидев выставленные в стане персов яства, массагеты уселись пировать. Затем они наелись досыта, напились вина и улеглись спать. Тогда пришли персы, перебили часть врагов, а еще больше захватили в плен. В числе пленников был и сын царицы Томирис, предводитель массагетов, по имени Спаргапис.

А царица Томирис, узнав об участи своего войска и сына, велела отправить вестника к Киру с такими словами: «Кровожадный Кир! Не кичись этим своим подвигом. Плодом виноградной лозы, которая и вас также лишает рассудка, когда вино бросается в голову и когда вы, персы, [напившись], начинаете извергать потоки недостойных речей, – вот этим-то зельем ты коварно и одолел сына, а не силой оружия в честном бою. Так вот, послушайся теперь моего доброго совета: выдай моего сына и уходи подобру-поздорову из моей земли, после того как тебе нагло удалось погубить третью часть войска массагетов. Если же ты этого не сделаешь, то клянусь тебе богом солнца, владыкой массагетов, я действительно напою тебя кровью...». Кир, однако, не обратил никакого внимания на слова глашатая. А сын царицы Томирис – Спаргапис, когда хмель вышел у него из головы и он понял свое бедственное положение, попросил Кира освободить его от оков. Лишь только царевич был освобожден и мог владеть своими руками, он умертвил себя.

«Томирис же, узнав, что Кир не внял ее совету, со всем своим войском напала на персов. Эта битва, как я считаю, была самой жестокой из всех битв между варварами. О ходе ее я узнал, между прочим, вот что. Сначала, как передают, противники, стоя друг против друга, издали стреляли из луков. Затем исчерпав запас стрел, они бросились врукопашную с кинжалами и копьями. Долго бились противники, и никто не желал отступать. Наконец, массагеты одолели. Почти все персидское войско пало на поле битвы, погиб и сам Кир. Царствовал же он полных 29 лет. А Томирис наполнила винный мех человеческой кровью и затем велела отыскать среди павших персов тело Кира. Когда труп нашли, царица велела всунуть его голову в мех. Затем, издеваясь над покойником, она стала приговаривать так: «Ты все же погубил меня, хотя я и осталась в живых и одолела тебя в битве, так как ты хитростью захватил моего сына. Поэтому-то вот теперь я, как и грозила тебе, напою тебя кровью» (Геродот, I, 212–214).

Тайны плато Усть-Урт

Всем памятен ответ, который дал верховный правитель Скифии – Иданфирс персидскому царю Дарию I, когда тот упрекнул скифов в том, что они не принимают открытого боя и бегут перед ним. Иданфирс ответил – если персы хотят испытать силу скифского оружия, то пусть они попробуют найти и осквернить священные могилы предков скифов. Массагеты – как часть большого мира скифо-сибирских культур и ближайшие родственники скифов имели очень сходные представления об огромной роли духов предков в жизни живых и поэтому истово почитали священные для них могилы отцов, дедов и прадедов. В самых потаенных и труднодоступных уголках своей обширной территории они устраивали специальные святилища для поклонения

предкам. Однако, как этот культ выглядел в реальной действительности оставалось тайной «за семью печатями» вплоть до самых последних дней. Лишь в 1984 году археологи совершенно случайно открыли на пустынном и мало посещаемом людьми плато Усть-Урт на самом западе Казахстана, два замечательных массагетских святилища – Байте I и Байте III, где, наряду с курганами, каменными сооружениями и жертвенниками, стояли или валялись на земле десятки антропоморфных скульптур, изображавших предков массагетов. Место было действительно глухое. Ближайший населенный пункт находился в 50 километрах западнее (поселок Сай-Утес в Казахстане). Глубокие (до 40–50 метров) колодцы с полусоленой водой были пригодны лишь для проходивших здесь изредка отар овец но не для людей. Кругом раскинулась самая настоящая, выжженная солнцем пустыня. И вот, в этих, почти экстремальных условиях, к изучению уникального комплекса массагетских святилищ приступила в 1988 году экспедиция Института археологии Академии наук СССР. Возглавлял ее молодой, но уже известный археолог – специалист по каменным изваяниям скифской эпохи – Валерий Сергеевич Ольховский. Работы на плато Усть-Урт велись и после распада СССР, вплоть до начала XXI века. В 2002 году В.С. Ольховский блестяще защитил докторскую диссертацию по каменной скульптуре скифского периода и значительную часть материалов по данной теме составили открытия в святилищах Байте. А в 2003 г. он трагически погиб, находясь в экспедиции в Краснодарском крае.[8]

Комплекс Байте неординарен не только наличием изваяний, но и их необычайно большим количеством; в общем их там не менее шести десятков. Большинство изваяний относится к числу плоских скульптур, подтеской и гравировкой достаточно реалистично передающих человеческую натуру. Иконографически все каменные «идолы» Байте воспроизводят стоящую **мужскую** фигуру. Положение рук строго фиксировано: правая рука опущена вниз и раскрытой ладонью прижата к животу. Какие-либо предметы (ритон, плеть и др.) в руках не изображались. Весьма выразительны лица: рельефом показаны брови, нос, глаза, тонкие усы, углублением – рот; примечательно отсутствие изображений бороды. Набор воспроизводимых на скульптурах предметов невелик, но выразителен; это, прежде всего, оружие: мечи, кинжалы, луки в футлярах (горитах). На головах – шлемы или кожаные головные уборы. Часто представлены пояса, многовитковые гривны (шейные украшения) и браслеты. Каждый из комплексов Байте состоял из нескольких курганов («священные могилы предков»), культовых сооружений (каменные выкладки, жертвенники, памятные каменные столбы и др.) и большого числа антропоморфных изваяний, что дает все основания рассматривать их как святилища, связанные с культом предков, родовых и племенных божеств, а также сил природы. Размещение скульптур в пределах каждого комплекса отдельными группами, по три-шесть скульптур, возможно, отразило принадлежность данных скоплений отдельным подразделениям кочевого населения; скорее всего – родам.

Время функционирования уникальных святилищ Байте археологи относят к V–IV векам до н.э.[9] Ничего похожего на святилища массагетов, укрытых на плато Усть-Урт, в скифо-сибирском мире больше не встречено.

Саки («Золотой человек» из Иссыка)

Племена ираноязычных кочевников саков обитали в I тысячелетии до н.э. на территории Казахстана и Средней Азии (от Аральского моря до Аму-Дарьи). Согласно сообщению греческого историка Диодора Сицилийского, они были ближайшими родственниками скифов. «...Это племя (скифов. – *В.Г.*), – пишет он, – широко разрослось и имело замечательных царей, по имени которых одни были названы *саками* (курсив мой. – *В.Г.*), другие – массагетами, некоторые аримаспами...».[10]

Как показали археологические раскопки, материальная культура саков имеет много общего с культурой скифов Северного Причерноморья. В антропологическом

отношении, саки, как и скифы, – безусловные европеоиды. И те и другие говорили на каких-то диалектах древнеиранского языка. Сакские племена пользовались типично скифскими вооружением и конским убором, украшенными, как правило, изображениями в скифском зверином стиле («триада»). Саки, подобно скифам и массагетам, вели упорную борьбу за свою свободу с могучей Персидской империей, и, тем не менее, часть из них (на юге) попала в зависимость от самой северной провинции («сатрапии») государства Ахеменидов, которая называлась Бактрией.

Для того, чтобы лучше представить себе самобытность и яркость сакской культуры, я расскажу ниже только о двух открытиях археологов на территории этого степного края: о «золотом человеке» из Иссыка и о «золотом кургане» из Чиликты.

Курган Иссык

Курган входит в состав большой курганной группы из 45 насыпей, расположенной на левом берегу реки Иссык в 50 километрах восточнее города Алма-Аты (Казахстан). Могильник явно принадлежит высшей сакской аристократии: курганы имеют от 4 до 15 метров в высоту и от 30 до 90 метров в диаметре. Почти все они ограблены, так как их вершины и склоны испещрены большими воронками от грабительских ям и раскопов. Курган Иссык (№ 4) находился на южной окраине западной части могильника, разделенного на две половины автомобильной дорогой и крупным оросительным каналом. Диаметр кургана 60 метров, высота 6 метров. На вершине насыпи зияла воронка глубиной до двух с половиной метров и диаметром не менее 12 метров. Структура насыпи многослойна: слои речной гальки чередовались со щебенкой и глиной. Под ней, на глубине 1,2 метра от уровня древнего горизонта были обнаружены два погребения: центральное и боковое (южное).

Центральная могила полностью разрушена в результате неоднократных ограблений. Зато боковое захоронение, находившееся в 15 метрах южнее центральной, оказалось абсолютно целым. Погребальная камера сооружена из обработанных бревен тянь-шаньской ели длиной от 1,5 до 3 метров и толщиной 25–30 сантиметров. Размеры ее по внешнему обмеру 3,3×1,9 метров. В южной и западной частях деревянной гробницы была помещена разнообразная посуда, а в северной половине находились останки погребенного, лежавшие прямо на дощатом полу. Длина скелета (это был мужчина средних лет) от черепа до пяточных костей составляла 165 сантиметров.

Многочисленные золотые изделия и другие вещи в большинстве своем находились в первоначальном положении так, как их поместили в могилу во время похорон умершего вождя. На скелете и под ним лежали многочисленные и разнообразные украшения одежды, головного убора и обуви, изготовленные из толстой золотой фольги. Около покойника были разложены предметы вооружения, туалета и прочая утварь.

Золотые пластины, бляхи и бляшки различных форм, украшавшие головной убор, в большинстве непотревоженные, располагались выше черепа, занимая участок 65×30 см. Причем золотая статуэтка архара (дикого барана) лежала на расстоянии 65 см от черепа. Часть этих пластин валялась в беспорядке.

У черепа с левой стороны обнаружена золотая серьга. На шейных позвонках находилась золотая гривна. На костях туловища и под ними от шейных позвонков до сочленения тазовых костей с бедренными сплошным слоем лежали золотые бляхи и мелкие пронизки. Вокруг пояса, поверх этих блях – массивные четырехугольные бляхи. Вдоль больших бедренных костей мелкие золотые бляшки прямоугольной формы составляли четыре вертикальные линии. Значительное количество блях и бляшек находилось на других костях ног. Среди костей фаланг пальцев правой руки обнаружен золотой перстень. Второй перстень найден под досками пола.

С правой стороны костяка вдоль костей правой ноги лежали остатки железного меча в деревянных ножнах. Около рукоятки меча найдены три золотые пронизки, две из них цилиндрические, третья кольцевой формы.

Слева между костями левой руки и туловища находился сильно коррозированный железный кинжал. От ножен кинжала сохранились две крупные золотые бляхи-накладки.

С левой стороны костяка, напротив локтевого сустава, находились остатки древка и золотой наконечник стрелы. Выше нее лежала золотая спиральная лента. Еще выше у черепа – большое бронзовое зеркало, а на нем кусочек охры, находившиеся внутри овала, образованного сплошной линией из мелких золотых бляшек прямоугольной формы.

В погребальной камере кургана стояли сосуды из глины, дерева и металла (серебра и бронзы). Посуда была размещена в определенном порядке у южной и западной стен камеры. Глиняная и деревянная посуда представлена кувшинами, мисками, блюдами и черпаком. Металлическая посуда подразделяется на серебряную и бронзовую. Всего в погребальной камере кургана Иссык было найдено свыше четырех тысяч золотых предметов, железные меч и кинжал, бронзовое зеркало, тридцать один глиняный, металлический и деревянный сосуд, а также серебряная ложка, деревянный черпак и двадцать шесть бусин из сердолика и пасты.

Автор раскопок – казахский археолог К.А. Акишев, подводя общие итоги своих почти двухлетних исследований кургана Иссык, пишет в книге с одноименным названием – «Курган Иссык» следующее: «Современному человеку трудно представить все подробности погребального обряда той далекой эпохи. Как одну из версий завершающего этапа ритуала можно предположить такой вариант. Многолюдная траурная процессия медленно движется к месту погребения. Впереди мужчины, возможно жрецы, несут погребальные носилки с телом усопшего, с которым, ниспадая, колышется в такт движению расшитая золотом накидка, за ней вереница людей из тридцати одного человека (по числу сосудов, поставленных в могилу), несут ритуальные сосуды и сосуды с пищей. А далее нескончаемым потоком следуют родственники, воины, соплеменники, съехавшиеся со всех концов подвластной территории. Погребальное сооружение давно готово, и находящиеся здесь служители культа ждут часа, когда тело будет передано им и они завершат процесс таинственно-торжественного отправления в загадочный мир, называемый небытием. Вот наконец похоронная процессия достигает конечной цели. Вся огромная толпа, в том числе и родственники, остаются наверху, в яму спускаются лишь жрецы с телом, чтобы уложить его в отведенном месте в камере, предварительно подстелив под него снятую с носилок накидку. Они размещают на полу камеры многочисленные сосуды в том порядке, в котором мы застали их во время наших раскопок более двух тысяч трехсот лет спустя. Они же закроют камеру бревнами, и только тогда тысячи соплеменников примут участие в возведении огромной насыпи погребального кургана. Так могло быть».

О ритуалах азиатских саков в письменных источниках сведений очень мало. Только благодаря сообщению другого греческого историка, Ктесия (около 400 г. до н.э.), стало известно, что саки над прахом своей царицы Зарины возвели грандиозный курган и на нем поставили ее золотую статую. Эти сведения очень важны, но их слишком мало для реконструкции сакского погребального обряда. Поэтому большое значение приобретают археологические данные. Именно они дают возможность объективно воспроизвести картину одного из возможных вариантов бытовавшего в древности погребального обряда.

Полная сохранность Иссыкского захоронения дает исследователю редкую возможность детально восстановить не только погребальный обряд, но и реконструировать (по расположению нашивных золотых блях и пластин) форму головного убора, одежду и обувь сакского вождя V века до н.э.

Полная экипировка захороненного в кургане Иссык представляется так: на голове была высокая конусовидная шапка с низом в виде треуха, застегнутая под подбородком, богато украшенная золотыми бляхами и пластинами; в мочке левого уха на-

ходилась золотая серьга с зернью и подвесками из голубой бирюзы; на шее золотая кольчатая гривна; на теле – нижняя рубаха, орнаментированная по груди и рукавам причудливыми узорами из сочетания золотых бляшек разных форм, поверх нее кожаный красноватого цвета короткий кафтан, сплошь обшитый золотыми бляхами и бляшками; на пальцах рук – два золотых перстня; кафтан подпоясан тяжелым наборным поясом, сверкающим шестнадцатью массивными бляхами-накладками, выполненными в зооморфном стиле; справа к нему подвешен длинный железный меч в красных ножнах, а слева – железный кинжал-акинак в ножнах обложенных золотыми пластинами; на ногах узкие шерстяные или кожаные штаны, по швам обшитые золотыми бляшками; штаны заправлены в войлочные или кожаные сапоги с высокими голенищами, украшенными золотыми фигурными бляшками.[11]

«Золотой курган» из Чиликты

Чиликтинская долина в Казахстане расположена в 100 километрах южнее озера Зайсан, между хребтами Монрак и Тарбагатай, на высоте 1300–1500 метров над уровнем моря. Общая ее площадь 2400 кв. км (80 х 30 км). Эти места чрезвычайно благоприятны для ведения скотоводства и поэтому издревле служили превосходными пастбищами для кочевников. Мягкие зимы, слабый снежный покров, хороший и разнообразный травостой и достаточная увлажненность были по достоинству оценены кочевыми племенами уже с давних времен, о чем свидетельствуют огромные величественные курганы – наиболее характерная черта здешнего пейзажа. Очень часто поверхность их облицовывалась в древности крупной светло-серой галькой диаметром в 15–20 сантиметров. Таким образом, цепочка огромных белых курганов на ровной, как стол поверхности зеленой Чиликтинской долины, окруженной высокими горными хребтами, да еще на фоне ярко-голубого южного неба, несомненно, представляла в скифскую эпоху очень эффектное зрелище. К сожалению, почти все эти курганы были ограблены.

Летом 1960 года ленинградский археолог С.С. Черников раскопал один из этих белых колоссов – курган № 5, высотой в 6 метров и диаметром в 66 метров. Он также оказался ограбленным. Но, «грабеж грабежу – рознь!»

«Самые сильные переживания, – вспоминает Сергей Сергеевич, – были на кургане, когда пошли золотые находки. Да и не мудрено: ведь курган № 5, о котором идет речь, был третьим, раскопанным в этот полевой сезон. В нем сразу четко обозначился грабительский ход; первые же два кургана были ограблены дочиста и почти ничего кроме разрозненных костей не дали. Для начальника экспедиции ощущения довольно сильные! Вообще надо сказать, что при раскопках больших курганов требуются терпение и изрядная доля оптимизма: уж очень часто надежды археологов не оправдываются. От всей души проклинаешь безвестных древних грабителей, но от этого не легче...».[12] В результате раскопок удалось воссоздать картину сооружения кургана и его последующего ограбления. На совершенно ровной поверхности почвы, почти совпадающей с современной, его строителями была выкопана квадратная яма (7×8 метров) и глубиной в один метр, точно ориентированная по странам света. В этой яме было сложено квадратное сооружение площадью 4,8×4,6 метров и высотой 1,2 метра из двух рядов толстых (до 70 см) бревен лиственницы и с потолком из одного ряда таких же бревен. Покойников, скорее всего, пронесли через коридор-дромос, а затем, после совершения последних погребальных обрядов, плотно уложили бревна, образующие крышу. После похорон все сооружение было засыпано крупным битым камнем, поверх камней – круглая насыпь из очень плотной желтоватой глины, а выше – слой земли. Поверхность законченной насыпи получила облицовку из светло-серой гальки.

«Погребение в кургане, – отмечает автор раскопок С.С. Черников, – было разграблено, вероятно, лет через 50 после захоронения. Грабители заложили в центре

насыпи вертикальный шурф... Шурф вышел почти в центр могильного сооружения, ближе к юго-восточному углу. Грабители проникли в склеп уже после того, как трупы совсем разложились. Дрожа от страха перед возможным обвалом и стаскивая со скелетов крупные ценные предметы и полуистлевшие одежды со множеством золотых украшений, они разбросали кости, отдельные бляшки и предметы по всему пространству прорытого ими хода...».[13]

На дощатом полу деревянной гробницы лежали два человеческих скелета (мужчина 40–50 лет, европеоид по облику и женщина 50–60 лет смешанного европеоидно-монголоидного типа) и уцелевшие вещи. Видимо, когда грабители проникли в склеп, одно из бревен перекрытия у северной стенки рухнуло вниз и частично накрыло колчан, лежавший на полу. Таким образом, под упавшей частью крыши оказались 8 бронзовых ромбических наконечников стрел и 4 золотых фигуры оленей (украшения колчана – по паре с каждой стороны). Колчан был сделан из шкуры ноги оленя, сшитой сухожильными нитками, но очень редким и небрежным стежком. Судя по этому грубому шву и оленям с весьма непрочными вставными инкрустированными ушами, колчан, несомненно, был сделан специально для погребения.

Потом пошли и другие ценные находки, к счастью, не замеченные грабителями. Речь идет о золотых нашивных бляшках в виде фигур животных и птиц: олень (14 экз.) орел (9 экз.), пантера (29 экз.), кабан (12 экз.), рыба (1 экз.). Множество золотых бляшек имело геометрическую форму – ромбовидную и полусферическую (с петелькой на обороте). Судя по стрелам, курган № 5 был возведен где-то во второй четверти VI века до н.э.

Тщательный анализ золота из Чиликты позволил С.С. Черникову придти к следующему заключению: «...Все золотые украшения поражают высоким художественным мастерством исполнения, однако при ближайшем рассмотрении бросается в глаза не очень тщательная работа. На всех фигурках оленей, орлов и пантер не зачищены заусенцы, образовавшиеся при штамповке, кое-где видна неровная обрезка. Создается впечатление, что эти вещи делались не для употребления в быту, а специально для погребения. Украшения сделаны явно с расчетом, что смотреть их будут на некотором расстоянии, что не требовало особо тщательной отделки...».[14]

Не трудно заметить, что этот вывод полностью совпадает и с мнением М.И. Ростовцева о нашивных золотых бляшках, используемых только для похорон (1917 г.) и с моими рассуждениями о «странном золоте» скифов из курганов у с. Колбино на Среднем Дону.

Гробницы и мумии плато Укок

То, о чем ниже пойдет речь – археологическая сенсация в самом прямом и сугубо научном смысле этого слова. После раскопок римских городов (Геркуланум и Помпеи), уничтоженных извержением Везувия в 79 году нашей эры и открытия нетронутой гробницы Тутанхамона в Египте, не было еще в истории археологической науки события более яркого и важного, чем феномен алтайских «ледяных» гробниц I тысячелетия до н.э. По полноте информации о давно ушедшей жизни людей, живших более 25 веков назад, и по сохранности всех предметов (в том числе из органических материалов) курганы Пазырыкской культуры VI–III веков до н.э. не знают себе равных. Это – подлинные «Скифские Помпеи».

В тридцатые и пятидесятые годы XX века раскопки С.И. Руденко и М.П. Грязнова на Улаганском нагорье пяти Пазырыкских курганов, давших название археологической культуре скифского времени Горного Алтая, вызвали огромный резонанс в научном мире. В «замерзших» могилах кочевой знати сохранились вещи, никогда не попадавшие в руки археологов: ворсовые ковры, красочные войлоки с аппликациями, деревянные резные украшения, седла, одежда, мумифицированные тела людей, трупы лошадей и многое другое.

Уникальное стечение обстоятельств: климатические условия Восточного Алтая и особенности устройства погребального сооружения с каменной насыпью и глубокой могилой способствовали тому, что с течением времени в погребальных камерах образовалась мерзлота, сохранившая почти в первозданном виде всю органику. Настолько «живой» археологическая культура не представала еще никогда. С тех пор «замерзшие» могилы Горного Алтая стали золотой мечтой археологов.

Новое время требовало и новой методики раскопок, а ее надо было выработать. По сути – исследование «замерзших» могил – это новое направление в археологии, которое только предстоит создать. Слово «раскапывать» здесь неуместно, с памятников такого рода только снимают насыпь, а затем «размораживают». Причем особенно сложно проделать это без всякого ущерба для вещей, сохранившихся во льду. Вторая такая же важная часть работ – это немедленная консервация и реставрация полученного материала.

Теоретически можно было предположить, что в горах Алтая есть и другие курганы с «замерзшими» могилами. Но как их найти?

Об эпопее современных археологических исследований «ледяных» гробниц Алтая рассказывает новосибирский археолог Наталья Викторовна Полосьмак.

«Поиски курганов с «замерзшими» могилами привели нас в 1990 году на Южный Алтай – 2,5 тысячи метров над уровнем моря, на плато Укок. Это необычный район – здесь проходит граница Монголии, Китая, Алтая и Казахстана. А когда-то не было никаких границ, только летние пастбища, зимники и тропы кочевников – скрещение судеб людей и народов. Природа сама потихоньку втягивала нас в жизнь естественную, как дыхание, которое сначала перехватывало на этой высоте. Ландшафт с множеством разноцветных озер и разбросанными кое-где огромными валунами – следами ледника – тоже часть древней культуры, декорация к давно происходившим событиям. Здесь, под «бездонным куполом Азии» мы как нигде близки к тем, кто в V веке до Рождества Христова пас в этих местах стада и хоронил сородичей. Отсутствие комфорта, который почти невозможно создать в этом безлесном и труднодоступном краю, привносит нечто общее в духовное состояние наше и древних: жизнь в продуваемых ветрами палатках подчиняется разумным законам природы. Мы зависим от погоды и знаем, когда пойдет дождь и какая туча принесет снег, разбиваем утром тонкий лед в ведрах и умываемся в озере, по которому плавают хлопья белой пены и непуганые утки.

Название кургану, который мы выбрали для раскопок, дала река Ак-Алаха – быстрая и мутная, текущая с ледников. Раскопанный курган далеко не самый большой (всего около 18 метров в диаметре), он принадлежал знати «среднего» ранга, элите кочевого общества. Курган был необыкновенно красив в окружении снежных гор и дикой природы, такой же, как 2,5 тысячи лет назад. Он выделялся системой поминальных колец, выложенных из камней с западной стороны и «балбалами» – черными плитами, вертикально врытыми в землю по направлению к востоку. Тысячи мелких камней и больших валунов образовывали гладкую невысокую насыпь.

Конечно, мы волновались, будет ли в кургане мерзлота. Если бы не она, мы нашли бы только несколько железных предметов и бронзовое зеркало. Пограничники, единственные обитатели этого края, обнадеживали нас, рассказывая, что даже в разгар лета мерзлый грунт начинается на глубине примерно 70 сантиметров, а кое-где и выше. Это подтвердили и раскопки кургана. После снятия насыпи, которую мы разобрали руками, в центре кургана обнаружилось четырехугольное «пятно» могильной ямы. Погребальная камера сооружалась уже в промерзшей почве, и раскапывать ее – исключительно тяжелое дело. Усложняло ситуацию и то, что почвы здесь аллювиальные и стенки могилы держались только до тех пор, пока были замерзшими. Под действием теплого воздуха и солнца они оттаивали и осыпались, их крепили почти с самого верха ямы лиственничными плахами. Этим отчасти объясняется не слишком большая для пазырыкской культуры глубина могильной ямы – три метра».

На дне могилы из неошкуренных бревен был сооружен двойной сруб (размер внешнего сруба 4.20×4.20). Верхнее перекрытие сделано из бревен от разобранного многоугольного жилища. Под ним оказалось второе перекрытие из плотно подогнанных бревен, застеленных полотнищами бересты. Погребальная камера (размеры примерно 2.60×3.10 м) стояла нетронутой, промерзшая насквозь. Северную узкую часть ямы занимали лошади – девять коней, втиснутые в узкое пространство, покрытые войлоком и забросанные камнями. Их сохранность оставляла желать лучшего. Осталась шерсть, заплетенные в косы хвосты и все уникальные деревянные украшения и седла, войлоки с аппликациями, но совершенно исчезла кожа – не осталось ни одного ремня или украшения. Вместе с лошадьми найдены три небольших деревянных четырехугольных щита, очевидно приторочeнных к седлам. Конская упряжь украшена фигурками грифона – излюбленного образа горноалтайских скифов. Среди войлочных изделий чаще всего встречаются изображения рыб, волков, козлов.

Особенность и уникальность кургана № 1 на Ак-Алахе в том, что он не был ограблен в древности, в отличие от всех известных больших курганов Алтая, где даже мумифицированные тела погребенных были расчленены для того, чтобы снять с них драгоценные украшения. Удивительно, что это делали сами соплеменники.

В нетронутой погребальной камере есть что-то глубоко интимное: две стоящие рядом, прекрасно сделанные лиственничные колоды, плотно закрытые крышками, рядом – сопровождающая пища в глиняных кувшинах, деревянных сосудах, на столиках-блюдах. В большой колоде лежал скелет мужчины 40–50 лет, европеоидного облика. С ним – личные вещи: дареные, вымененные, заслуженные, причитающиеся по положению в обществе и просто любимые. Сохранились остатки одежды: войлочный головной убор, украшенный золотой фольгой и деревянными фигурками зверей; меховая куртка с войлочным покрытием, красные шаровары, крытые мехом сапоги. Шею погребенного украшала гривна, на поясе были деревянные пряжки с фигурками хищников, в одном ухе – деревянная серьга в золотой фольге. Мужчина был вооружен: с ним найден колчан со стрелами, чекан, железный кинжал в ножнах.

Удивительно второе захоронение, в стоящей рядом колоде-саркофаге, лишь немного уступающей по размерам первой. В ней находился скелет семнадцатилетней девушки, высокого роста, крепкого телосложения. Она была одета по-мужски, в такой же головной убор, штаны и куртку, более того – прекрасно вооружена – чеканом, стрелами, кинжалом, а деревянная пластина от ее колчана, с изображением кабанов и терзающих их барсов, просто не имеет себе подобных.

На обоих погребенных были некогда красные широкие шаровары. Изделия распались по швам, но кроеные и подрубленные куски ткани остались на месте, и есть прекрасная возможность восстановить все изделия целиком. Так же восстанавливается один из типов головных уборов: островерхий войлочный башлык, увенчанный деревянным изображением головы птицы, в макушку которой в специальный паз вставлена фигурка оленя. С левого бока башлык украшен деревянными, покрытыми золотой фольгой, фигурками животных и золотой аппликацией. Скорее всего, это парадный вариант широко распространенного у сакских племен головного убора, о котором писал еще Геродот: «Саки, скифское племя, имели на голове остроконечные шапки из плотного войлока, стоявшие прямо...».

Кем могла приходиться немолодому вождю похороненная рядом с ним девушка? Находящиеся в царских погребениях Алтая женщины были, как полагают, наложницами. С ними найдены музыкальные инструменты, их одежда отличалась роскошью и была чисто женской. Девушка, похороненная в кургане на реке Ак-Алахе, очевидно, имела особый социальный статус.

Молодость, мужской наряд, вооружение, одинаковый тип погребения, отражающий социальное равенство обоих умерших, позволяют предположить, что в раскопанном кургане похоронена либо дочь вождя, либо его жена. Возможно, они погибли вместе, во время военного столкновения.

Таково было блестящее начало эпопеи современных раскопок «замерзших» могил Горного Алтая. Затем последовали новые потрясающие открытия.

...1993 год. При раскопках кургана могильника Ак-Алаха-3 археологам фантастически повезло. В деревянной колоде (а именно так хоронили своих соплеменников знатные пазырыкцы), полностью заполненной льдом, была обнаружена мумия женщины, тело которой украшала татуировка, выполненная по классическим канонам так называемого скифо-сибирского звериного стиля. Алтайская принцесса была одета в блузу из китайского шелка, который в то время ценился дороже золота, и уникальный головной убор. Весь мир заговорил об этом открытии как об археологической сенсации века.

Однако, вскоре пришлось принимать срочные меры по спасению драгоценной мумии – она, после вскрытия гробницы, начала чернеть буквально на глазах: ее светлая кожа стала стремительно приобретать «африканскую» окраску. На помощь пришли ученые Центра биологических исследований (бывшей лаборатории при мавзолее В.И. Ленина) в Москве. Они вернули этой 26-летней пазырыкской «даме» ее первоначальный облик. А антропологи из Лаборатории имени М.М. Герасимова (Институт антропологии и этнологии РАН) создали скульптурный портрет этой пазырыкской женщины, глаза которой закрылись еще 25 веков назад. У нее вполне европеоидный вид и, если бы она чудом воскресла и ее облачили в современный женский наряд, то она бы ничем не отличалась по своему внешнему облику от наших современниц.

Новосибирские генетики сумели извлечь из тканей пазырыкской «дамы» фрагменты молекул ДНК, и поэтому появились шансы добыть для умершего за две с половиной тысячи лет человека «алтайский ген». Стоит ли говорить, что наличие такого древнего гена дает в руки специалистов бесценную возможность выяснить какие же именно этносы являются наследниками создателей пазырыкской культуры.

Кстати, после появления в широкой печати сообщений об этой сенсационной находке, в Республике Алтай возникло весьма странное «движение общественности». Местные патриоты (в число которых входили и представители алтайской интеллигенции) объявили, что они – как представители «алтайского народа» – прямые потомки пазырыкской женщины, скончавшейся 25 столетий назад. К тому же, они информировали новосибирских археологов, что всегда знали о наличии захоронения «дамы» на плато Укок, но не смели тревожить ее священный сон. Зовут ее, якобы, Кадым, и она – прародительница «алтайской нации». «Потомки мумии» приезжали даже в Москву в 1995 году в Лабораторию биологических исследований (где находилась тогда мумия), чтобы убедиться в том, что их «матери» ничего не грозит, и уехали вполне удовлетворенные увиденным.

Для сведения читателей привожу «в пику» этому националистическому бреду короткую фактическую справку: население Пазырыкской культуры Алтая в VI–III веках до н.э. было в массе своей европеоидным, очень близким по языку и физическому типу к древнеиранским племенам саков в Казахстане и Средней Азии; предки же современных алтайцев – чистые монголоиды, говорившие на разных диалектах тюркского языка, и пришли они в этот горный край не ранее середины I тысячелетия нашей эры! Таким образом, данное событие произошло почти тысячу лет спустя после исчезновения пазырыкцев с арены истории и, соответственно, современные алтайцы «потомками мумии» быть не могут!

Правда, никакие научные доводы «упертых» националистов убедить не в состоянии. В эпоху разгула «ельцинской демократии» (помните его знаменитое обращение к регионам России: «берите свободы, сколько захотите!») парламент Республики Алтай принял в 1996 году беспрецедентное постановление: запретить новосибирским археологам вести раскопки «ледяных» могил на плато Укок, так как это, якобы, подрывает духовные основы культуры «алтайского народа». Кстати, этот нелепый запрет действует и по сей день.

...Лето 1995-го. Продолжаются исследования могильника Верх-Кильджин-II, расположенного в северной части плоскогорья, в среднем течении реки Кильджин. И вдруг, раскапывая третий курган, археологи наткнулись на погребальную камеру. На этот раз в ней оказалась мумия молодого мужчины. Вторая сенсация на Укоке!

Курган имел неправильную восьмиугольную форму, возможно, копируя планировку многоугольных срубных построек-жилищ, ведь смерть у древних часто воспринималась как некий **переход** для жизни в ином мире. Умершего снабжали всей необходимой бытовой утварью, лошадьми, ну и, конечно, домом...

Насыпь кургана была как бы трехслойной. Могила оказалась в самом центре сооружения, прямоугольной формы, чуть более полутора метров глубиной. На дне ямы – трехвенцовый сруб из лиственничных бревен крупного диаметра, расколотых вдоль по длинной оси. Бревна тщательно обработаны и плотно подогнаны друг к другу, а сруб закрыт крупными плахами. Рядом с северной стенкой сруба обнаружили захоронение лошади. От животного сохранились практически только кости, а также небольшие фрагменты шкуры, шерсти. Вместе с тем до нас дошли деревянные украшения узды, в том числе псалии, украшенные растительным орнамнтом.

Но главная сенсация поджидала археологов в срубе. После снятия плах перекрытия выяснилось, что он полностью заполнен льдом! Некоторые предметы, например, блюдо с железным ножом и остатками мясной пищи, деревянная кружка сразу всплыли на поверхность...

Молодой стройный мужчина был похоронен с соблюдением всех канонов, принятых в обществе пазырыкцев. Он лежал на правом боку, имитируя позу спящего человека, головой на восток, на восход солнца, на специально подготовленном ложе из досок, приподнятых над дном ямы на деревянных чурбачках. Ложе покрыто черным войлоком. Одет мужчина был в роскошную белую меховую шубу – дубленку оригинального кроя, с длинными рукавами, завязывающимися веревочками (видимо, по причине отсутствия варежек), украшенную веревочными кистями из конского волоса, в короткие (чуть ниже колен) тканые штаны бордового цвета и высокие белые войлочные сапоги-ботфорты, расшитые красной материей. Голову его украшал традиционный для пазырыкской культуры головной убор – войлочный колпак в виде шлема (очень похожего на легендарную «буденовку»), расшитый поразительными по изяществу фигурками лошадей, покрытых золотой фольгой.

Интересно, что в могилу были помещены еще два головных убора различного фасона: один из цветного войлока, с кистями, а второй – огромных размеров, в высоту более полуметра. Головному убору у пазырыкцев несомненно придавалось особое значение, поэтому умерший, вероятно, был снабжен шапками на все возможные случаи его потусторонней жизни.

На шее погребенного оказалась деревянная в золотой фольге шейная гривна в виде головок кошачьих хищников – излюбленного персонажа различных народов Евразии, живших в скифское время.

Мужчина имел два кожаных пояса. Оба они сохранились плохо, и все же внешний пояс, которым была подпоясана шуба, хотя и фрагментарно, но все-таки дошел до нас. Он был изготовлен из прекрасно выделанного черного хрома, украшенного деревянными накладками красного цвета. К поясу был подвешен железный боевой чекан на деревянной рукояти – грозное оружие для своего времени.

Под шубой, на другом поясе мужчина носил бронзовое зеркало в войлочном мешочке, гребешок из рога и деревянный кинжал в деревянных же ножнах. Это несомненно имитация металлического оружия. Настоящее из бронзы и железа было достаточно дорогим, вот и обманули пазырыкцы своего умершего соплеменника, отправив его в иной мир с деревянной копией кинжала.

Шубу, как и остальные предметы, обнаруженные в могиле, удалось не только спасти, но и отреставрировать.

Главный сюрприз – тело умершего было мумифицировано перед захоронением. Мумия сохранилась прекрасно. От времени пострадали лишь мягкие ткани лица, головы и левой руки. Светлые или рыжие волосы, заплетенные в две косы с прямой челкой, спадали на лоб. На правой части груди и плече прекрасно сохранилась татуировка крупных размеров, изображающая оленя или лося в классической для скифо-сибирского искусства манере.[15]

Ранее считалось, что мумификации и художественной татуировке подвергались только социально значимые члены пазырыкского общества. Теперь же стало очевидным, что все было гораздо сложнее. А это значит, что духовный мир носителей пазырыкской культуры был значительно многограннее и богаче, чем представлялся учеными ранее.

Почему еще столь большую ценность для ученых представляют мумии, обнаруженные в археологических комплексах?

Дело в том, что генетики научились сегодня извлекать из мягких тканей тысячелетней давности ископаемое ДНК, что дает возможность более доказательно говорить о проблемах, связанных с этногенезом древних популяций далеких предков современных сибиряков. Этой проблемой сейчас занимаются специалисты из Института цитологии и генетики Сибирского Отделения Российской Академии Наук.

Вот такие открытия подарил нам далекий Укок.[16]

Рис.1. Погребение сакского вождя. Общий вид. Курган Иссык, Казахстан.

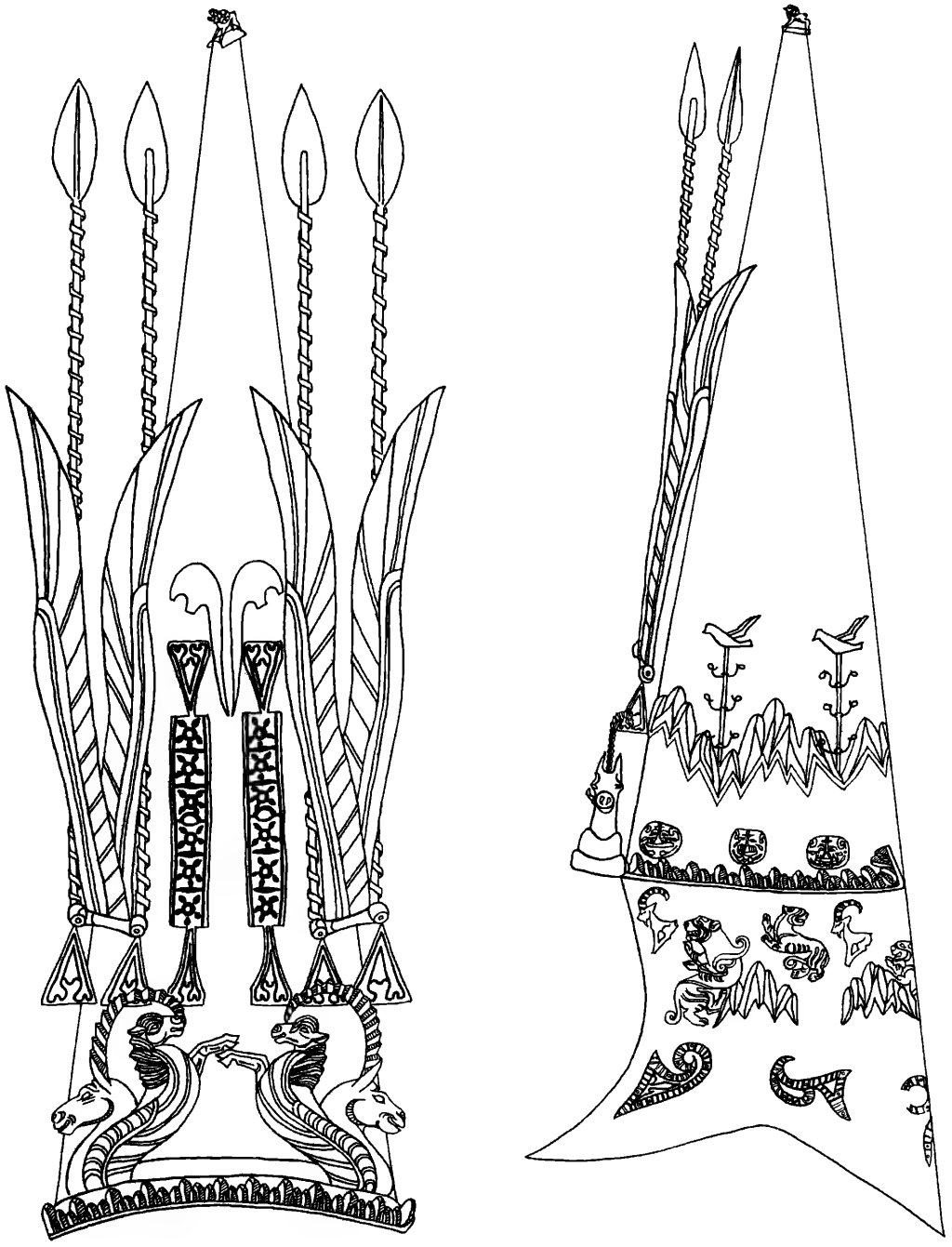


Рис. 2. Реконструкция головного убора сакского вождя. Курган Иссык, Казахстан.

Рис. 3. Реконструкция костюма и вооружения сакского вождя. Курган Иссык, Казахстан.

Рис. 4. Меч и кинжал с золотой инкрустацией. Курган Иссык, Казахстан.

Рис. 5. Зооморфные золотые бляхи – украшение пояса. Курган Иссык, Казахстан.

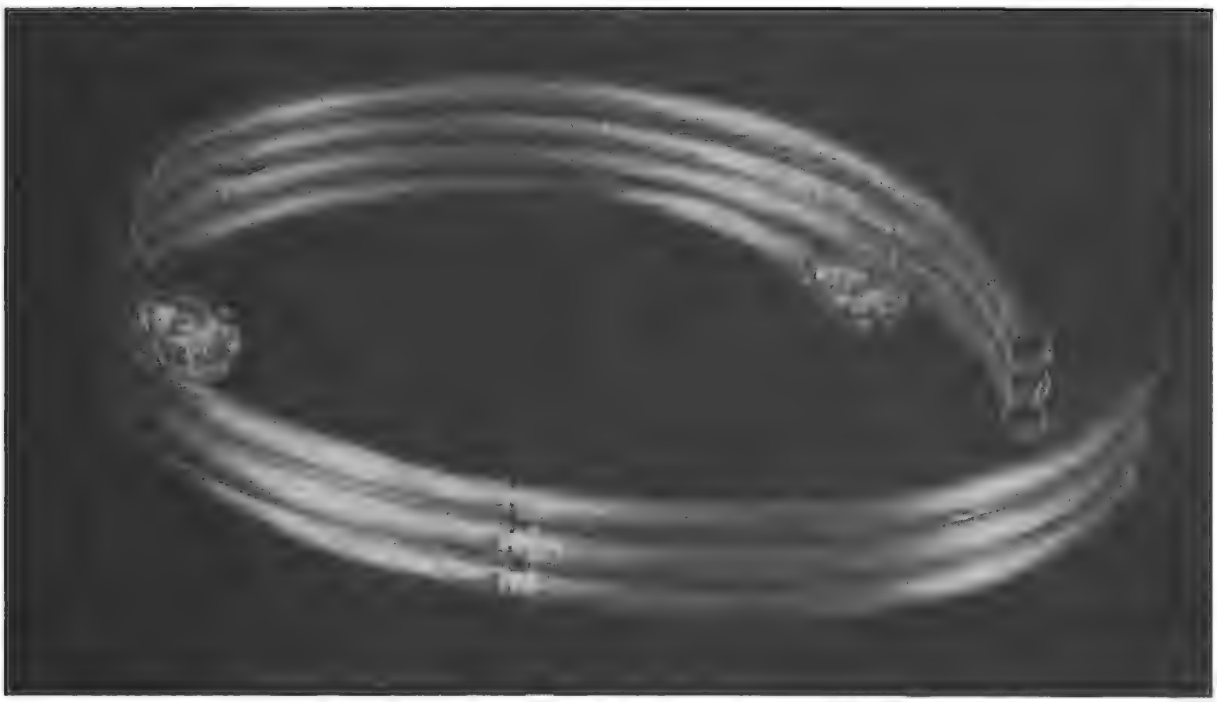


Рис. 6. Золотая гривна. Курган Иссык, Казахстан.

Рис. 7. Нашивные золотые бляшки в виде фигур оленей с инкрустациями ушей и глаз. «Золотой Курган» № 5, Чиликта Казахстан.

Рис. 8. Деревянные фигуры оленей, оббитые золотом. Филипповка, курган № 1.

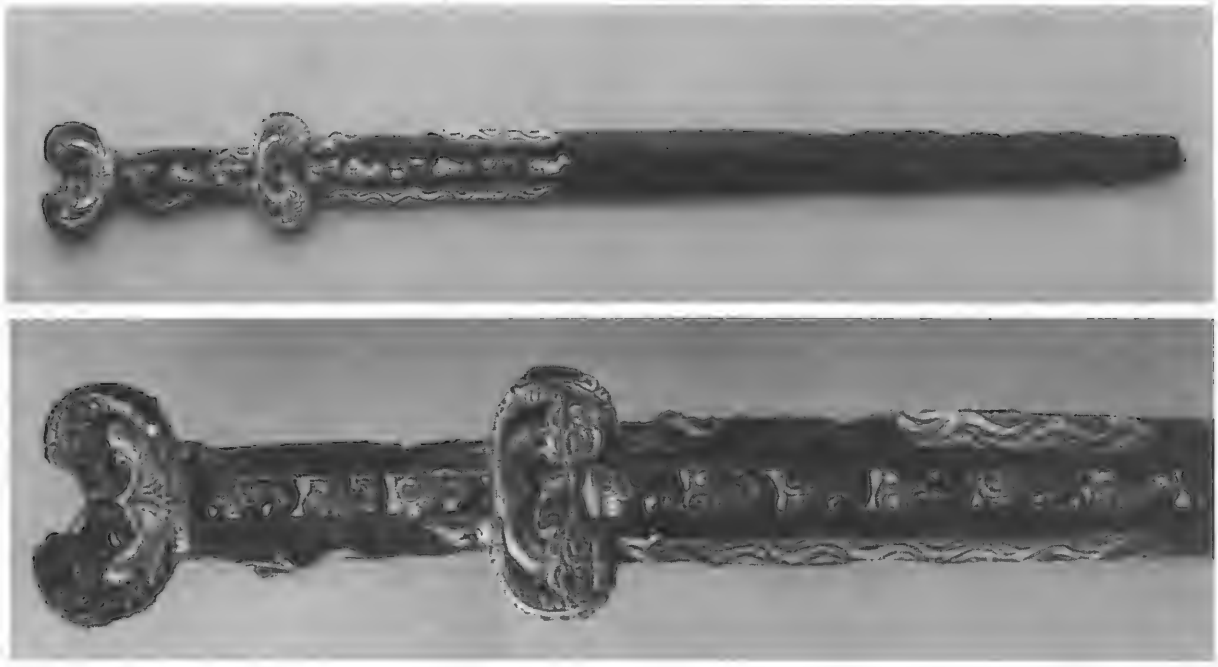


Рис. 9. Меч с золотой инкрустацией клинка и его увеличенная рукоять. Филипповка, курган № 1.

Рис. 10. Золотая обивка деревянной чаши с золотой рукоятью в виде фигуры хищной птицы (грифона?). Филипповка, курган № 1.

Рис. 11. Золотая обивка деревянного сосуда с изображением волкоподобного хищника. Филипповка, курган № 1.

Рис. 12. Деревянное украшение конской узды в виде головы кошачьего хищника. Курган № 1, Туэкта, Алтай, VI в. до н.э.

Рис. 13. Раскопки деревянной гробницы. Курган № 3 Ак-Акалах, Алтай, IV в. до н.э.

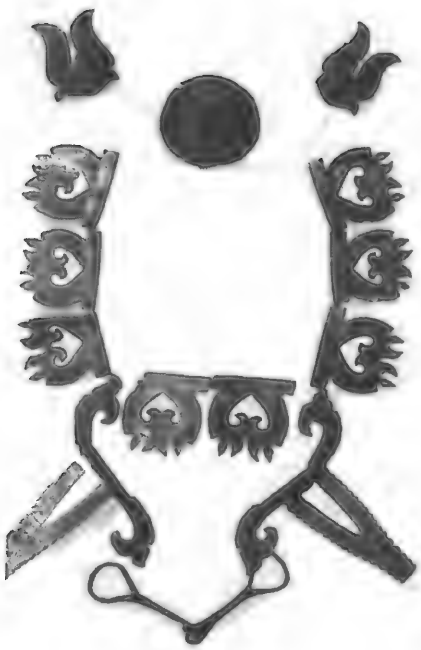


Рис. 14. Деревянные украшения конской узды. Курган № 3 Ак-Акалах, Алтай.

Рис. 15. Реконструкция костюма и вооружения всадника пазырыкской культуры, по материалам кургана № 3, Верх-Кальджин, Алтай. IV в. до н.э.

Рис. 16. Золотая пектораль – нагрудное украшение. Курган Аржан-2, Тува.

Рис. 17. деревянная царская гробница, парное погребение.
Курган Аржан-2, Тува, VII в. до н.э.

Рис. 18. Навершие золотой булавки в виде фигуры оленя.
Курган Аржан-2, Тува.

Рис. 19. Кинжал и ножи с золотой инкрустацией. Курган Аржан-2, Тува.

Вместо заключения

ГИБЕЛЬ СКИФИИ

«Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,
С раскосыми и жадными очами!..».

Александр Блок

Время правления царя Атея (конец V – 339 г. до н.э.) был периодом наивысшего расцвета скифской державы, пиком ее могущества. Смерть этого престарелого вождя и поражение в войне с Македонией означали начало общего упадка страны. После столь ощутимого удара, скорее всего, последовали крупные политические перемены: падение влияния в соседних областях, брожение и центробежные тенденции у подвластных скифам народов и племен. Но Скифия еще не погибла. Восемь лет спустя после своего разгрома в Придунавье от Филиппа Македонского, она сумела взять реванш, полностью уничтожив 30-тысячную македонскую армию полководца Зопириона в степях между Днепром и Днестром. Но уже сама возможность проникновения столь внушительных вражеских сил в центральные районы страны говорит о значительном ослаблении скифской верховной власти. Правда, чисто внешне этот кризис был еще почти невидим. Ведь именно в последние десятилетия IV века до н.э. возводятся десятки грандиозных курганов с пышными гробницами высшей скифской знати, буквально набитые изделиями из золота и серебра. Именно в это время достигают максимального развития взаимовыгодные связи между греческими городами Северного Причерноморья и Скифией. И, вдруг, все рухнуло, «кануло в Лету», исчезло как дивный мираж в знойной пустыне. На рубеже IV и III веков до н.э. или в самом начале III века до н.э. Великая Скифская держава навсегда сходит с исторической арены. Замирает жизнь на городищах и открытых поселениях. Не возводятся больше скифские курганы, как рядовые, так и «царские». Точного объяснения причин столь грандиозной катастрофы некогда могущественного государства не найдено до сих пор.

По мнению ученых, к краху Скифии привел целый ряд неблагоприятных факторов и явлений: ухудшение климата и, как результат, усыхание степей, длительное вытаптывание травяного покрова многочисленными стадами скота, упадок экономических ресурсов населения Лесостепи из-за непомерной его эксплуатации степняками и др.

Способствовали развитию этого негативного процесса и некоторые другие факторы. Хорошо известно, что каждое государственное образование имеет свои оптимальные пространственные характеристики. Особенно это справедливо для древности и средневековья с их неразвитой системой обмена информацией. Как бы не скакали, меняя коней, неутомимые гонцы со срочными сообщениями (вспомним хотя бы прекрасно организованную ямскую службу Золотой Орды), все равно для их доставки из конца в конец империи требовались дни, а то и недели, что затрудняло центральной

власти возможность оперативно реагировать на те или иные ситуации. Это, в свою очередь, повышало самостоятельность правителей отдаленных территорий и порождало сепаратистские тенденции. Нечто подобное должно было иметь место и в Скифии эпохи Атея (IV в. до н.э.), раскинувшейся от Дона и до Балкан, а также далеко на север от побережья Черного моря до широты Киева – Полтавы – Воронежа. В этих условиях борьба центростремительных сил и центробежных факторов была практически неизбежна, а относительная целостность государства во многом опиралась на авторитет, божественную харизму верховного царя. Однако, во второй половине IV в. до н.э., судя по датировке таких величественных царских курганов, как Чертомлык, Козёл, Огуз и Александрополь, за короткий период умирают сразу несколько верховных правителей Скифии. Возможно, в одном из этих исполинских курганов покоился и прах Атея, погибшего почти в столетнем возрасте в сражении с Филиппом Македонским в 339 году до н.э. В таком случае весьма преклонный возраст должны были иметь и его наследники, что объясняет их недолгое правление.[1] А быстрая смена верховных царей должна была повлечь за собой серьезный управленческий кризис, явно затруднивший необходимое противодействие другим негативным факторам – политическим, экономическим и природно-климатическим. Все это и привело, в конечном счете, к распаду Великой Скифии.

Но сами скифы еще не исчезают как этнос в пределах Северного Причерноморья в начале III в. до н.э. Они еще несколько столетий контролируют Нижнее Поднепровье, Крым и Добруджу («Малая Скифия»), создав там небольшие государства. Правда, политическая гегемония в степных и лесостепных областях между Дунаем и Доном была утеряна скифами уже навсегда. Она всецело переходит к новой волне ираноязычных кочевников, пришедших с востока – сарматам.

Долгое время именно сарматское нашествие из-за Дона-Танаиса в конце IV в. до н.э. считалось среди ученых главной причиной гибели Скифии. Вроде бы об этом писали некоторые античные авторы. Диодор Сицилийский, живший в I в. до н.э., но пользовавшийся более ранними, но потом утерянными источниками, говорит, что савроматы (предки сарматов) «много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню». Но когда именно произошел этот савроматский погром, греческий историк не указывает. Безусловно, есть большой соблазн соотнести это свидетельство с рубежом IV–III вв. до н.э. Однако здесь против решительно восстает археология. У нас пока нет никаких осязаемых следов присутствия сарматов в Северном Причерноморье ранее конца III–II вв. до н.э. Но это не меняет общей картины. В начале III в. до н.э. Великая Скифия, каковы бы ни были истинные причины данной катастрофы, погибла. Остались лишь небольшие скифские «островки» в низовьях Днепра, в степном Крыму и «Малая Скифия» на Дунае, в Добрудже.

Окончательно изгнали скифов даже из этих окраинных мест сначала готское (III в. н.э.), а потом и гуннское (IV в.) нашествия. Скифы исчезли как народ и больше никогда не упоминаются в анналах мировой истории. Ключ к разгадке гибели Скифии следует искать в археологических находках на территории Нижнего Дона. Там издавна пролегали пути для всех миграций кочевых орд, двигавшихся из азиатских степей на запад. Именно там, в непосредственной близости от Танаиса-Дона и Меотиды (Азовского моря), согласно Геродоту, проживали у самых границ Скифии савроматы, считающиеся родоначальниками позднейших сарматских племен.[2]

Разброс мнений по поводу этнокультурной принадлежности населения Нижнего Дона в V–IV веках до н.э. среди исследователей необычайно велик. Этот стратегически важный пограничный район отдают то савроматам, то меотам, то скифам.

Но, как мы уже выяснили раньше, восточная граница скифских владений проходила по Среднему и Нижнему Дону. Поэтому обратимся к определению места обитания савроматов. И опять Геродот: «За рекою Танаисом (т.е. за Доном – *В.Г.*) – уже не скифские края, но первые земельные владения там принадлежат савроматам. Сав-

роматы занимают полосу земли к северу, начиная от впадины Меотийского озера, на пятнадцать дней пути, где нет ни диких, ни саженых деревьев».

Казалось бы, все ясно: во времена Геродота (V век до н.э.) Дон служил естественной границей между владениями скифов и савроматов. И если посмотреть на археологические памятники V–IV веков до н.э. в дельте и на правом донском берегу, то, по мнению большинства ученых, они – скифские. Речь идет, прежде всего, о Елизаветовском городище и внушительном курганном могильнике около него (составной частью именно данного некрополя и является «царский» Пятибратний курган № 8 – почти точная копия Чертомлыка, «царского» кургана степных скифов). Какие же нужны еще аргументы, чтобы доказать правдивость слов «отца истории» о прохождении восточной границы Скифии по Дону-Танаису? Анализ лепной керамики, как из слоев Елизаветовского городища, так и из погребений окружавших его курганов свидетельствует о том, что местное население принадлежало скифской этнокультурной общности.

Тем не менее, некоторые ученые-сарматоведы стараются найти убедительные, с их точки зрения, доводы, чтобы доказать, будто савроматы либо многократно пересекали Дон и вторгались в скифские владения, начиная с IV века до н.э., либо изначально жили в дельте этой реки и в междуречье Дона и Северского Донца. Для достижения своих целей они используют два аргумента. **Первый**: Танаис – это не Дон, а Северский Донец: греки плохо знали внутренние районы Скифии и могли спутать две упомянутые реки, принимая за Танаис только устье Дона, а далее считая таковым его правый приток – Северский Донец. **Второй**: некоторые курганные комплексы IV века до н.э. на *правом* (курсив мой – *В.Г.*) берегу Нижнего Дона можно, якобы, смело отнести к савроматской культуре (курганы у пос. Шолоховский, у хуторов Ясырев, Карнауховский, Кащеевка, Сладковский могильник и др.).[3]

Все эти подкурганные захоронения совершены в дерево-земляных гробницах, часто имеют коридоры-дромосы и явные следы огненного ритуала очищения. Тела умерших укладывали на спину, головой на юг, с отклонениями к западу и востоку. Набор сопровождающих их вещей состоит из предметов вооружения (наконечников копий, дротиков и стрел – железных и бронзовых, мечей, кинжалов), чешуйчатых железных панцирей, поясных крючков-застежек, оформленных в зверином стиле, предметов конского снаряжения, а также из напутственной пищи в виде частей туши лошади с железным ножом. Часто встречаются греческие амфоры для вина и чернолаковая греческая столовая посуда. Но ведь точно такие же черты погребального обряда и подобные же артефакты мы наблюдаем и в других областях Скифии: в Лесостепном Приднепровье и на Среднем Дону. Что же и эти территории надо отдать савроматам? Правда, здесь есть одна сложная проблема. Хорошо известно, что для степных скифов на поздних этапах их истории характерны в качестве основного типа могильных сооружений не ямы с деревянными конструкциями, а *катакомбы*. Действительно, в конце V–IV веках до н.э., Степная Скифия перешла в основном на эту форму погребений. Однако, это произошло не везде, не по всей скифской территории. Лесостепь и Подонье (включая Нижний Дон) сохранили старый традиционный обряд – подкурганные могильные ямы с деревянными конструкциями. Иногда встречаются таковые и в Приднепровских степях даже в IV веке до н.э. Разумных объяснений для столь резкой смены формы погребального обряда (от ям – к катакомбам) до сих пор не существует.

Во всяком случае, внутри скифской территории в IV веке до н.э. было вполне возможно перемещение кочевых и полукочевых групп, придерживавшихся и старого и нового похоронного ритуала (например, курганные могильники у Борисполя, под Киевом, на границе лесной и лесостепной зон: там, в пределах одного некрополя есть и ямы и катакомбы). В кургане № 3 у хутора Кировский Аксайского района Ростовской области (правый берег Нижнего Дона) археологи нашли два довольно бедных погребения рядовых скифов, помещенные в катакомбах, а не в ямах. Дата

кургана (судя по греческой керамике) – конец IV века до н.э. Таким образом, и в этот переломный, критический момент мы видим в низовьях Дона отнюдь не савроматов, а степных скифов.[4]

Следует напомнить, что и Елизаветовское городище прекращает свое существование на рубеже IV и III веков до н.э. Вот что пишет по поводу политической ситуации, сложившейся в низовьях Дона в этот период известный петербургский археолог К.К. Марченко: «В самом конце IV века до н.э. туземное полуоседлое и кочевое население покинуло территорию Нижнего Подонья. Вполне репрезентативные материалы самого крупного памятника этого пограничного района Великой Скифии – ... Елизаветовского городища на Дону – ... свидетельствуют, что уход населения происходил в относительно спокойной обстановке, позволившей местным жителям захватить с собой весь мало-мальски ценный скарб... Несмотря на полное отсутствие следов разрушений, пожаров и т.п., наиболее вероятной причиной ухода местного населения можно считать резкое усиление военной угрозы со стороны восточных номадов-сарматов (савроматов)...».[5]

Покинутые земли поспешили занять боспорские греки, устроившие свою колонию на руинах Елизаветовского городища. А какая-то численно небольшая орда скифов даже осмелилась обосноваться на левом берегу Дона, под «самым носом» у савроматов, о чем свидетельствуют курганные погребения в катакомбах у сел Новоалександровка и Высочино.

Впрочем, по мнению К.К. Марченко, «период относительного благоденствия новой (боспорской) колонии, да надо полагать, и всех остальных жителей низовьев Дона, включая и левобережных скифов, продолжался весьма недолго. Не позднее 70-х годов III века до н.э. сарматы (савроматы), перейдя Дон, совершили свой первый и, по-видимому, один из наиболее опустошительных набегов в Северное Причерноморье...».[6]

Таким образом, если какие-то рейды конных сарматских дружин в IV веке до н.э. через Танаис, в глубь скифских владений, и имели место, то они почти не оставили археологически осязаемых следов. Но это не меняет общей ситуации. Великая Скифия, каковы бы ни были истинные причины ее катастрофы, на рубеже IV и III веков до н.э., навсегда сошла с исторической арены. Впрочем, кое-какие доказательства разящих ударов конных орд с востока еще в пределах IV века до н.э. обнаружены сейчас в двух местах – в Левобережной Днепровской Лесостепи и на Среднем Дону.

Что касается последнего региона, то речь идет о Семилукском городище в 40 км к югу от Воронежа. По мнению воронежского археолога А.П. Медведева, это «небольшое укрепленное поселение... прекратило свое существование в результате какого-то чрезвычайного события ... По существу, городище превратилось в один большой могильник, содержавший останки не менее 70 человек...». Людей хоронили явно в спешке, без соблюдения традиционных ритуалов, группами, в хозяйственных ямах и котлованах землянночных жилищ, часто сваливая трупы крест-накрест. «Не вызывает сомнений, – продолжает А.П. Медведев, – что семилукские погребения принадлежали местному рядовому населению – последним обитателям городища. Но это не обычный грунтовый могильник... Появление массовых захоронений на жилой площади городища свидетельствует о каком-то чрезвычайном событии, нарушившем его нормальную жизнь и повлекшем за собой гибель большинства его обитателей».[7] Судя по находкам античной керамики (в том числе ножки амфоры первой половины III века до н.э.), гибель Семилукского поселения вряд ли могла произойти ранее рубежа IV–III веков до н.э. По наблюдениям антропологов, из более чем 70 умерших 58% составляли дети до 10 лет и люди преклонного возраста (30%). Почти нет мужчин и женщин моложе 30 лет. «При таком соотношении групп погребенных мы явно имеем дело не с результатом эпидемии, которая, как известно, косит людей, не разбирая пола и возраста, а с чем-то другим. За пределами этой выборки оказалась большая часть мужчин боеспособного возраста, в момент трагедии, вероятно,

находившихся вне пределов городища. Также, далеко не случайно, что в погребениях оказалось слишком мало девушек и молодых женщин, которых обычно уводили в полон».[8] Деревянные укрепления городища были сожжены, а на его территории найдено много предметов вооружения – наконечники стрел и копий, боевой топор и др. Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что «причину массовой гибели обитателей Семилукского городища следует искать не в области медицины, а в истории – среди бурных и трагических событий рубежа IV–III веков до н.э., когда пала не только Великая Скифия, но и все тесно связанные с ней этнополитические образования...».

Другой пример разгрома Скифии на рубеже IV и III веков до н.э. дает Коломакское городище на реке Ворскле, в Левобережной Приднепровской Лесостепи. Украинские археологи обнаружили там останки не менее 50 его погибших обитателей. Они лежали в тех позах, в которых их застигла смерть (то есть их или не успели или не смогли похоронить уцелевшие). Убитых неоднократно находили в сгоревших постройках и в костях многих из них застряли бронзовые и железные наконечники стрел. Много стрел было собрано и на территории поселения. Автор раскопок – В.Е. Радзиевская – связала гибель городища с нападением сарматов-савроматов в самом конце IV века до н.э.[9] Следы разрушений и пожара выявлены и на Кнышевском городище в верховьях реки Псёл (Украина), хотя связать их с нашествием савроматов напрямую пока не удается. Но, судя по найденной в слое пожарища медной монете Филиппа II Македонского, гибель поселения произошла после третьей четверти IV века до н.э., то есть опять-таки на общем роковом рубеже – времени падения Скифии (рубеж IV–III веков до н.э.). «Материалы Семилукского и Коломакского городищ, – заключает А.П. Медведев, – не оставляют сомнения в том, что после их разрушения в лесостепи обрывается традиция развития скифоидной культуры, по крайней мере, в Днепро-Донском междуречье».[10]

Таким образом, какие-то едва уловимые признаки разгрома отдельных районов Лесостепной Скифии в конце IV века до н.э. все же прослеживаются. Но кто же был виновником этих драматических событий? Савроматы? Сарматы? Но где же следы их пребывания на скифской земле? Во II веке до н.э. сарматские памятники действительно распространяются по всей степной части Северного Причерноморья, а местами заходят и в Лесостепь – на Дон, Северский Донец и Днестр, где появляются типичные сарматские курганы. А где же III век до н.э.? Известный отечественный сарматолог К.Ф. Смирнов, хорошо понимая хронологические «нестыковки» реального появления сарматских памятников в Северном Причерноморье и времени гибели Великой Скифии, писал в своей последней работе под красноречивым названием «Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии» следующее: «Массовому завоеванию Скифии предшествовал период постепенного проникновения на запад отдельных савромато-сарматских групп, значительная часть которых вышла из большого массива «савроматских» племен, как собственно савроматов Геродота, так и родственных им более восточных племен, живших к востоку от Волги – в степях Южного Приуралья. Точное название последних мы не знаем».[11] Итак, вырисовывается следующая ситуация: в IV веке до н.э. (ближе к его концу) отдельные опустошительные набеги савромато-сарматских конных орд за Дон, в глубинные скифские земли, а с конца III и, особенно, во II веке до н.э. – массовое освоение сарматскими племенами благодатной территории Северного Причерноморья.[12]

По-видимому, рисующий картину полного разгрома скифского государства Диодор Сицилийский, живший в I веке до н.э., прав только отчасти. В III–II веках до н.э. известны скифские поселения в низовьях Днепра и к востоку от него, по реке Молочной, что плохо согласуется с утверждением этого греческого автора о полном уничтожении Скифии. Очевидно, погром охватил только те области, где сарматы встретили упорное сопротивление. В других местах скифы могли подчиниться завоевателям и платить им дань, сохранив свою жизнь и имущество. Больше того, Нижний Днепр,

Крым и территория, которую географ Страбон назвал «Малой Скифией» (совр. Добруджа), имели старое скифское население. Окончательно изгнали скифов и из этих окраинных мест сначала готское (III век н.э.), а затем и гуннское (IV век н.э.) нашествия. После этого скифы исчезли как этнос, как народ и больше никогда не упоминались в анналах мировой истории.

Можно лишь добавить, что среднедонские скифы разделили (и, видимо, одними из первых) печальную и драматическую судьбу Великой Скифии: их поселения и курганные могильники исчезают на рубеже IV–III веков до н.э. Мне представляется, что наиболее взвешенную оценку причин, повлекших за собой гибель скифского государства, высказал уже упоминавшийся выше известный петербургский археолог А.Ю. Алексеев. «Конец существования Большой Скифии, наступивший внезапно на рубеже IV–III вв. до н.э. и охвативший широкую территорию степной и лесостепной зон, – пишет он, – до сих пор во многом остается загадочным. Установление деталей и особенностей этого события для различных территорий и этнокультурных регионов Северного Причерноморья и Северного Кавказа является насущной задачей скифологии. Все существующие версии, взятые в отдельности (военное давление сарматов, природно-климатические изменения, палеоэкологические, демографические причины и, прежде всего, геронтократизация скифской правящей верхушки, экономический упадок), не объясняют этот феномен всесторонне, во всяком случае не становится яснее стремительный характер исчезновения яркой и внешне вполне процветающей культуры, захватывавшей степную и лесостепную зоны. Внутренняя социально-экономическая напряженность, даже если она имела место в скифском обществе, практически не отразилась в доступном археологическом материале. Можно лишь предположить неблагоприятное стечение многих факторов, сумма воздействия которых и привела к возникновению качественно новой обстановки в Северном Причерноморье. При этом наиболее существенным из них оказываются все же удары, нанесенные по Скифии восточными номадами, катастрофические следы которых на скифской территории проявляются в различных регионах...»[13].

Рис.1. Скульптурный портрет скифского воина. Терновое, курган № 12, IV в. до н.э.

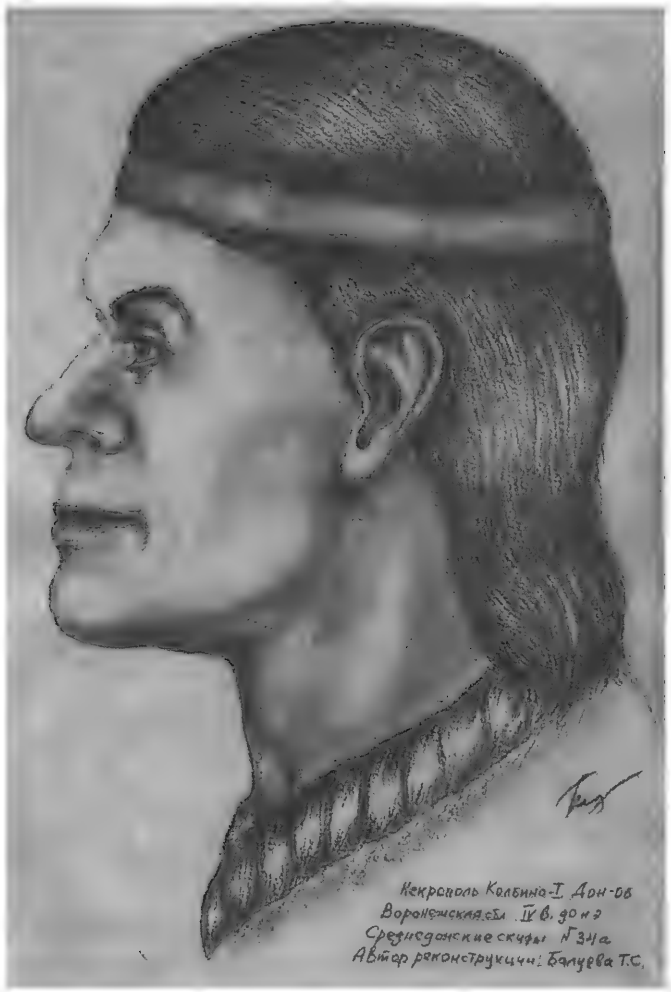


Рис. 2. Графический портрет молодого мужчины,. Колбино, курган № 10, IV в. до н.э.

Рис. 3. Графический портрет скифа. Колбино, курган № 34 (реконструкция Т.С. Балуевой).

Рис. 4. Графический портрет молодого мужчины – скифа. Колбино, курган № 30 (реконструкция Т.С. Балуевой).

Рис. 5. Портрет скифского вождя. Изображение на серебряной чаше из кургана Гайманова Могила (Украина).

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

1. Райс Т.Т. Скифы. М., 2003, с. 18.
2. Алексеев А.Ю. Кочевники Евразии: история и археология. Скифы – азиаты и европейцы // Золотые олени Евразии. Спб., 2003, с. 39.
3. Смирнов А.П. Скифы. М., 1966, с. 7.
4. Археология Украинской ССР, т. 2. Киев, 1986, с. 5–6.
5. Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. М., 1982, с. 5–8.
6. Великая Скифия. Киев-Запорожье, 2002, с. 38–39.
7. Синюк А.Т., Березуцкий В.Д. Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж, 2001, с. 4–5.

Глава I. Среди лесов и полей (донская природа 2500 лет назад)

1. Шоков А.Ф. Скифы на Среднем Дону. Воронеж, 1952, с. 4.
2. Бевз Н.С., Коржов Н.И., Чистоклетов Г.Ф. География Воронежской области. Воронеж, 1973, с. 129.
3. Добровольский В.В. География почв с основами почвоведения. М., 1999; Ахтырцев Б.П. Почвы // Среднерусское Белогорье. Воронеж, 1985, с. 41.
4. Мильков Ф.Н. Природные зоны СССР. М., 1977.
5. Келлер Б.А. Материалы по естественно-историческому исследованию Воронежской губернии. Серия общедоступных очерков. Выпуск II. Растительность Воронежской губернии. Воронеж, 1904, с. 18–20.
6. Берг Л.С. Климат и жизнь. М., 1947, с. 382; Бердникова З.П. Донское Белогорье // Среднерусское Белогорье. Воронеж, 1985, с. 127–128.
7. Либеров П.Д. Древняя история населения Подонья // Рукопись докторской диссертации. Архив ИА РАН. М., 1971, с. 17.
8. Мильков Ф.Н. Лесостепь Русской равнины. М.–Л., 1950.
9. Мильков Ф.Н. Природные зоны..., 1977, с. 159–160.
10. Курдов А.Г., Протопопов В.В. Особенности гидрологического режима реки Дона // Долина Дона: природа и ландшафты. Воронеж, 1982, с. 21.
11. Лисицына Г.Н. Результаты анализа растительных остатков из курганов и поселений эпохи бронзы и раннего железного века // Население Среднего Дона в скифское время. М., 1969, с. 143.
12. Гроссет Гуго. Лес и степь в их взаимоотношениях в пределах лесостепной полосы Восточной Европы. Воронеж, 1930, с. 9.
13. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под ред. П.П. и А.П. Семеновых. Спб. 1902, с. 76.
14. Либеров П.Д. Древняя история..., 1971, с. 16.
15. Россия. Полное географическое описание..., 1902, с. 54–55.

16. Докучаев В.В. Наши степи прежде и теперь. Спб. 1892; Танфильев Г.И. Пределы лесов на юге России. Спб. 1894.

17. Либеров П.Д. Древняя история..., 1971, с. 13.

18. Добровольский В.В. Погребенные почвы курганов и климат верхнего голоцена Южной окраины Среднерусской возвышенности // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции, 1993–2000 гг. М., 2001, с. 157.

19. Добровольский В.В. Погребенные почвы..., 2001, с. 168.

20. Синюк А.Т., Матвеев Ю.П. Среднедонская катакомбная культура эпохи бронзы (по данным курганных комплексов). Воронеж, 2007, с. 16.

21. Лисицына Г.Н. Результаты анализа..., 1969, с. 143.

22. Россия. Полное географическое описание..., 1902, с. 54–55; Либеров П.Д. Древняя история..., 1971, с. 11–12.

23. Долина Дона. Природа и ландшафты. Воронеж, 1982; Хотинский Н.А. Взаимоотношение леса и степи в голоцене и погребенные черноземовидные почвы // История развития почв в СССР в голоцене. Пущино, 1984.

24. Гаврилюк Н.А. История экономики Степной Скифии VI–III вв. до н.э. Киев, 1999, с. 134.

Глава II. История изучения скифских древностей Среднего Дона

1. Савелов Л.М. Коротоякский уезд Воронежской губернии в археологическом отношении // Материалы XII Археологического Съезда. М., 1900.

2. Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ, вып. Д1-31. М., 1965, с. 5.

3. Тевяшов В.Н. Отчет о раскопках в Острогожском уезде в 1900–1901 гг. // Труды ВУАК, вып. 1. Воронеж, 1902.

4. Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907–1909 годов // ИАК, вып. 43. Спб. 1911, с. 48.

5. ОАК за 1905 и 1906 гг. Спб.

6. Макаренко Н.Е. Археологические исследования..., 1911, с. 47–74.

7. Макаренко Д.С. Микола Омелянович Макаренко. Київ, 1992.

8. Замятнин С.Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежом (раскопки Воронежской Ученой Архивной Комиссии – 1910–1915 гг. // СА, вып. VIII. М., 1946.

9. Ростовцев М.И. Воронежский серебряный сосуд // МАР, № 34, Пг. 1914.

10. Замятнин С.Н. Скифский могильник «Частые Курганы» ..., 1946, с. 9.

11. Спицын А.А. Курганы скифов-пахарей // ИАК, вып. 65. Пг. 1918, с. 121.

12. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л. 1925, с. 538.

13. Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. Пг. 1918, с. 35.

14. Ростовцев М.И. Воронежский серебряный сосуд..., 1914, с. 80.

15. Ростовцев М.И. Воронежский серебряный сосуд..., 1914, с. 79.

16. Городцов В.А. Раскопки «Частых Курганов» близ Воронежа в 1927 г. // СА, вып. IX. М., 1947.

17. Городцов В.А. Раскопки «Частых Курганов» ..., 1947, с. 67.

18. Шоков А.Ф. Скифы на Среднем Дону. Воронеж, 1952.

19. К 60-летию П.Д.Либерова // СА, № 4, 1964.

20. Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. М. 1965; Население Среднего Дона в скифское время. МИА, № 151, М., 1969.

21. Либеров П.Д. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // МИА, № 151, М., 1969; Либеров П.Д. Этническая принадлежность населения Среднего Дона в скифское время // МИА, № 177, М., 1973.

22. Городцов В.А. Раскопки «Частых Курганов» ..., 1947, с. 65–67.

23. Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М., 2001, с. 209, рис. 7, 1.

24. Медведев А.П. К вопросу о происхождении среднедонской культуры скифского времени (по материалам городищ) // РА, № 2, 1998, с. 22–34.

25. Медведев А.П. Раскопки Староживотинного могильника скифского времени // Верхнедонской археологический сборник, вып. 2. Липецк, 2001, с. 4–14.

26. Синюк А.Т., Березуцкий В.Д. Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж, 2001.

27. Погорелов В.И., Березуцкий В.Д., Золотарев П.М. Археологические исследования Стояновского могильника. Воронеж, 1997.

28. Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д. К интерпретации захоронений на Семилукском городище скифского времени // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М., 2000, с. 249–257.

29. Пузикова А.И. Курганные могильники..., 2001, с. 182–202.

30. Гуляев В.И., Савченко Е.И. Терновое I – новый скифский курганный могильник на Среднем Дону // РА, № 4, 1995.

Глава III. Рассказ об одной экспедиции

1. Пузикова А.И. Поселения Среднего Дона // МИА, № 151, М., 1969, с. 42–43.

2. Все раскопанные экспедицией курганные погребения могильника Терновое–Колбино частично (24 кургана скифского времени) изданы в 2001 г. (см. Савченко Е.И. Могильник скифского времени Терновое I – Колбино I на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. М. 2001, с. 53–143; остальные 24 скифских кургана публикуются в сборнике «Труды Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008» в 2009 году.

3. Гуляев В. Скифы на Среднем Дону: новые находки и открытия // Наука и Жизнь, № 7, 2007, с. 24–30; Guliaev V.I. Golden Lady from the Scythian Barrow along the Middle Don, South Russia // Athena Review. Quarterly Journal of Archaeology, History, and Exploration, vol. 4, № 1, Westport, USA, 2004, pp. 90–93.

4. Гуляев В.И., Савченко Е.И. К вопросу о роли золота в погребальном ритуале скифов // Евразийские древности. 100 лет Б.Н.Гракову. М., 1999, с. 115–132.

5. Гуляев В.И., Савченко Е.И. Новое погребение знатного воина скифской эпохи на Среднем Дону // Археология, этнография и антропология Евразии, № 1, Новосибирск, 2000, с. 88–93.

6. Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Исследование курганов скифского периода в Харьковской области // Археологічні відкриття в Україні, 1998–1999. Київ, 1999, с. 65.

7. Гуляев В.И. Еще раз к вопросу об этнокультурной ситуации в Среднем Подонье в скифское время (V–IV вв. до н.э.) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции, 2001–2003 гг. М., 2004, с. 17, рис. 4; Савченко Е.И. Курган скифского времени у с. Колбино на Среднем Дону // Древности скифской эпохи. М., 2006, с. 317–326.

8. Гуляев В.И. О фракийских влияниях в курганных материалах скифского времени на Среднем Дону // РА, № 4, 2001, с. 138–140.

9. Замятнин С.Н. Скифский могильник «Частые Курганы»..., 1946, с. 42, рис. 31, 1–4. (курган № 11, раскопки ВУАК).

10. Мелюкова А.И. К вопросу о взаимосвязи скифского и фракийского искусства // Скифо-Сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 126.

11. Савченко Е.И. «Забытый» курган из раскопок П.Д. Либерова // РА № 4. 2001, с. 112.

12. Гуляев В.И., Савченко Е.И. Новый памятник скифского времени на Среднем

Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг. М., 2004, с. 35–52.

Глава IV. Амазонки на Дону: легенды и действительность

1. Ковалевская В.Б. Конь и всадник. М., 1977, с. 71.
2. Диодор Сицилийский. Цитируется по: «Древний мир на юге России: Изборник источников. М., 1918, с. 12–13.
3. Косвен М.О. Амазонки. История легенды // СЭ, № 2, 1947, с. 36; Боковенко Т.В. Амазонки – женщины-воительницы // Донская археология, № 1,Ю Ростов-на-Дону, 1998, с. 13.
4. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. II, 45–46 // Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов-на-Дону, 1990, с. 145–146.
5. Косвен М.О. Амазонки..., 1947, с. 34.
6. Кавказ и Дон..., 1990, с. 145 (Диодор Сицилийский, II, 44).
7. Цитируется по: Косвен М.О. Амазонки..., 1947, с. 35.
8. Словарь античности. Перевод с немецкого. Отв.ред. В.И.Кузищин, М., 1989, с. 28.
9. Боковенко Т.В. Амазонки..., 1998, с. 13.
10. Каллимах. Гимны. III. К Артемиде, 237–238 // Скифы. Хрестоматия. Составитель Т.М.Кузнецова. М. 1992, с. 106.
11. Ростовцев М.И. Эллинство и иранство..., 1918, с. 29, 31–32.
12. Мирошина Т.В. Амазонки и савроматы //Проблемы скифо-сарматской археологии. М. 1990, с. 5–6, таб. 3.
13. Мирошина Т.В. Амазонки..., 1990, с. 5–6, таб. 3.
14. Геродот, IV, 110–117.
15. Гиппократ. О воздухе, водах и местностях, 24 // Скифы. Хрестоматия. 1992, с. 88.
16. Смирнов К.Ф. Савроматы. М. 1964.
17. Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ, № 2, 1947, с. 100–121.
18. Псевдо-Плутарх. О названиях рек и гор и обоих произведениях. Танаис // Скифы. Хрестоматия. М., 1992, с. 170.

Этот древний автор приводит и очень интересную версию о происхождении названия реки Танаис (совр. Дон): см. ниже прим. № 24.

19. Ильинская В.А. Скифские курганы около г. Борисполя // СА, № 3, 1966, с. 169–170.
20. Фиалко Е.Е. Погребения женщин с оружием у скифов // Курганы Степной Скифии. Киев, 1991, с. 4–16.
21. Джонс-Блэй К. Женщины и война в индоевропейском мире // Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. Спб. 1997, с. 69.
22. Евдокимов Г.Л. Работы Краснознаменской экспедиции // АО в 1983 г. М., 1985, с. 274–275.
23. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия в VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983, с. 176–182.
24. Псевдо-Плутарх. О названиях рек и гор..., 1992, с. 170.
25. Брашинский Б.И. Раскопки скифских курганов на Нижнем Дону // КСИА, вып. 133. М., 1973, с. 60–61.
26. Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983, с. 31–32.
27. Гуляев В.И. «Амазонки» на Среднем Дону // Проблемы археологии Евразии. М., 2002, с. 200.

28. Гуляев В.И. «Амазонки»..., 2002, с. 201.
29. Гуляев В.И. «Амазонки»..., 2002, с. 201–202.
30. Савченко Е.И. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху... 2004, с. 245.
31. Мурзин В.Ю., Фиалко Е.Е. Девичьи дружины у савроматов и скифов // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999, с. 182.

Глава V. Заговорившие древности: поселения и городища донской земли

1. Москаленко А.Н. Архангельское (Голышевское) городище // КСИИМК, вып. XLVIII, М., 1952, с. 103–106; она же. Раскопки на Архангельском городище в 1952–1953 гг. // КСИИМК, вып. 62, М., 1956, с. 84–94.
2. Пузикова А.И. Поселения Среднего Дона // Население Среднего Дона в скифское время. МИА, № 151, М., 1969, с. 41–81.
3. Пузикова А.И. Поселения..., 1969, с. 45–46.
4. Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. М., 1965, с. 8, 10; Пузикова А.И. Поселения..., 1969, с. 43–45.
5. Пузикова А.И. Поселения..., 1969, с. 46–50.
6. Цалкин В.И. Фауна из раскопок городищ скифского времени на Среднем Дону // Население Среднего Дона в скифское время. М., 1969, с. 128–136.
7. Пузикова А.И. Поселения..., 1969, с. 80.
8. Синюк А.Т., Березуцкий В.Д. Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж, 2001, с. 96–154.
9, 9а. Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д. К интерпретации захоронений Семилукского городища скифского времени // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. М. 2000; Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д. Семилукское городище позднескифского времени на р.Дон (основные результаты раскопок 1984–1993 гг.) // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1955.
10. Шевченко А.А. Оборонительные сооружения городища скифского времени Россошки I на Среднем Дону // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2006, с. 132–137.
11. Либеров П.Д. Памятники скифского времени..., 1965, с. 8–11; Он же. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // Население Среднего Дона в скифское время. М. 1969, с. 23–25.
12. Лебедева Е.Ю., Антипина Е.Е. Городище Россошки I – «постоянный адрес или временная прописка?» // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. М., 2009, с. 198.
13. Антипина Е.Е. Остеологические материалы из скифских памятников на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003. М., 2004, с. 116–118; Она же. Проблемы обработки и интерпретации археозоологических материалов из памятников скифского времени на территории Северного Причерноморья // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. М., 2000, с. 80–86.
14. Лебедева Е.Ю., Антипина Е.Е. Городище Россошки I..., 2009, с. 199.
15. Лебедева Е.Ю., Антипина Е.Е. Городище Россошки I..., 2009, с. 200–203.
16. Лебедева Е.Ю., Антипина Е.Е. Городище Россошки I..., 2009, с. 203–207.
17. Лебедева Е.Ю., Антипина Е.Е. Городище Россошки I..., 2009, с. 209.
18. Пузикова А.И. Поселения..., 1969, с. 69.
19. Медведев А.П. Ранний железный век Лесостепного Подонья..., 1999, с. 146 и др.; Медведев А.П. Античная традиция и археологические реалии скифского времени на Среднем и Верхнем Дону // ВДИ, № 3, 2002, с. 157–158, 161; Березуцкий В.Д.

«Скифы на Среднем Дону» и некоторые вопросы интерпретации археологических источников // ВДИ, № 4, 2002, с. 140–141.

Глава VI. Загадки донских курганов

1. Либеров П.Д. Мастюгинские курганы // СА, № 3, 1961.

2. Суразаков А.А. О традициях нарушения древних погребальных сооружений // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999, с. 171–173.

3. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Спб. 1911, с. 69.

4. Добровольский В.В. Погребенные почвы курганов и климат верхнего голоцена южной окраины Средне-Русской возвышенности // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. М., 2001, с. 162–163.

5. Лесков А.М. Курганы: находки, проблемы. Л., 1981, с. 6–7.

6. Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы Скифского Герроса IV в. до н.э. Киев, 2005, с. 247.

7. Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы Скифского Герроса..., 2005, с. 294.

8. Ролле Р., Махортых С., Грицюк В. Некоторые наблюдения из практики курганного строительства в окрестностях Бельского городища // Ранній залізний вік Євразії. Київ-Чигирин, 2007, с. 122–123.

9. Ольховский В.С. К изучению скифской ритуалистики: посмертное путешествие // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999, с. 130.

10. Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы Скифского Герроса... 2005, с. 252–253.

11. Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы..., 2005, с. 253.

12. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001, с. 239–241.

13. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М., 1991.

14. Ольховский В.С. К изучению скифской ритуалистики..., 1999, с. 119.

15. Ольховский В.С. К изучению..., 1999, с. 129.

16. Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы Скифского Герроса..., 2005, с. 287–290, 296; Ольховский В.С. К изучению..., 1991, с. 129–133.

17. Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы..., 2005, с. 273–274.

18. Полосьмак Н.В. Всадники Укока..., 2001, с. 239–241.

19. Скадовский Г.Л. Белозерское городище Херсонского уезда, Белозерской волости и соседние городища и курганы между низовьем р. Ингульца и началом Днепровского лимана // Труды VIII Археологического Съезда. М., 1897, т. 3, с. 77.

20. Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы Скифского Герроса... 2005, с. 196–197.

21. Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону..., 1965, с. 11.

22. Медведев А.П. Староживотинный могильник скифского времени на р. Воронеж // Археология Черноземного центра России: история исследований, историография. Воронеж, 1999.

23. Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья..., 2001, с. 12–14.

24. Пузикова А.И. Курганные могильники..., 2001, с. 18.

25. Манцевич А.П. Мастюгинское курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа // АСГЭ, Л., 1973, с. 12–46.

26. Пузикова А.И. Курганные могильники..., 2001, с. 55–57.

27. Пузикова А.И. Курганные могильники..., 2001, с. 66–68.

28. Березуцкий В.Д., Разуваев Ю.Д. Курганный могильник скифского времени у

хут. Дубовой на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003. М., 2004, с. 53–68.

29. Раскопки Донской (б. Потуданской) экспедиции ИА РАН на курганном могильнике у сёл Терновое и Колбино регулярно освещаются в печати: два тома трудов экспедиции (2001 и 2004 гг.) под общим названием «Археология Среднего Дона в скифскую эпоху» и настоящий том, а также в большой серии статей и заметок в российской и зарубежной печати.

30. Погорелов В.И., Березуцкий В.Д., Золотарев П.М. Археологические исследования Стояновского могильника. Воронеж, 1997, с. 47–65.

31. Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени..., 2001, с. 124–181.

32. Пузикова А.И. Курганные могильники..., 2001, с. 182–264.

33. Гуляев В.И., Савченко Е.И. Новый памятник скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг. М., 2004, с. 35–52.

34. Савелов Л.М. Коротоякский уезд Воронежской губернии в археологическом отношении // Труды XII АС, т. I, М., 1905.

35. Скорый С.А. Скифы Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). Киев, 2003, с. 88–89.

36. Антипина Е.Е. Археозоологические материалы из раскопок памятников скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху..., 2001, с. 175–179.

37. Добровольская М.В. К антропологии населения Среднего Дона в скифское время // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху..., 2004, с. 89.

38. Лебедева Е.Ю. Палеоботанические материалы по земледелию скифской эпохи: проблемы интерпретации // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. М., 2000, с. 91, 93–94, 97.

39. Антипина Е.Е. Археозоологические материалы из раскопок памятников скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху..., 2001, с. 185.

Глава VII. Вооружение и войско среднедонских скифов

1. Черненко Е.В. Военное дело скифов. Николаев, 1997, с. 5.

2. Черненко Е.В., там же, с. 5.

3. Черненко Е.В., там же, с. 9–10.

4. Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев, 1968, с. 22.

5. Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-4. М., 1964, с. 82; Она же. Войско и военное искусство скифов // КСИИМК, вып. XXXIV. М., 1950, с. 31.

6. Черненко Е.В. Военное дело скифов..., 1997, с. 6.

7. Черненко Е.В. Скифский доспех..., 1968, с. 83–87; Кузнецов С.В. Античные шлемы в курганах скифской военной элиты // Боспорский феномен, ч. 2. Спб., 2001, с. 133–134.

8. Галанина Л.К. Греческие поножи Северного Причерноморья // АСГЭ, вып. 7. Л., 1969, с. 7–12; Черненко Е.В. Скифский доспех..., с. 112–113.

9. Черненко Е.В. Военное дело..., с. 8–9.

10. Мурзин В.Ю., Черненко Е.В. О средствах защиты боевого коня в скифское время // Скифия и Кавказ. Киев, 1980, с. 155–167; Скорый С.А., Хохоровский Я. Конское снаряжение из кургана Скифская Могила // Проблемы археологии Восточной Европы. Харьков, 2008, с. 132–141.

11. Горелик М.В. Защитное вооружение персов и мидян ахеменидского времени // ВДИ, № 3, 1982, с. 102–105.

12. Аммиан Марцеллин. Истории, XXII, 8–10 // ВДИ, № 3, 1947, с. 285.
13. Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981, с. 22–24.
14. Черненко Е.В. Скифские лучники..., с. 138–139.
15. Там же, с. 140–141.
16. Там же, с. 141.
17. Цитируется по: Черненко Е.В. Скифские лучники..., с. 122–123.
18. Черненко Е.В. Военное дело..., 1997, с. 11; Он же. Длинные копья скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984, с. 231–234.
19. Черненко Е.В. Военное дело..., 1997, с. 11–12; Мелюкова А.И. Вооружение скифов..., 1964, с. 71.
20. Черненко Е.В. Военное дело..., с. 12.
21. Черненко Е.В. Длинные копья скифов..., 1984, с. 231–234.
22. Хазанов А.М. Катафрактарии и их роль в истории военного искусства // ВДИ, № 1, 1968, с. 180.
23. Цитируется по: Хазанов А.М. Катафрактарии..., 1968, с. 182.
24. Цитируется по: Хазанов А.М. Катафрактарии..., 1968, с. 182.
25. Хазанов А.М. Катафрактарии..., 1968, с. 186.
26. Черненко Е.В. Военное дело..., 1997, с. 18.
27. Тараторин В.В. Конница на войне. История кавалерии с древнейших времен до наполеоновских войн. Минск, 1999, с. 40.
28. Цитируется по: Тараторин В.В. Конница..., 1999, с. 41.
29. Цитируется по: Тараторин В.В. Конница..., 1999, с. 41.
30. Тараторин В.В. Конница..., 1999, с. 45.
31. Цитируется по: Тараторин В.В. Конница..., 1999, с. 52.
32. Черненко Е.В. Военное дело..., 1997, с. 16–17. См. подробнейший анализ этой битвы в работе Е.В.Черненко «Битва при Фате и скифская тактика» // Вооружение скифов и сарматов. В этом сборнике много и других полезных статей по вооружению и тактике скифов.
33. Плетнева С.А. От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура // МИА, № 142. М., 1967.
34. Черненко Е.В. Скифский доспех..., 1968, с. 22, 35.
35. Подробный анализ предметов вооружения среднедонских скифов содержится в работе Е.И.Савченко «Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону» // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху..., 2004, с. 151–277.
36. Добровольская М.В. Палеодемография среднедоского населения раннего железного века. // Археология Среднего Дона в скифское время. 2009, М.

Глава VIII. Искусство донских скифов

1. Раевский Д.С. Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея // СА, № 3, 1970, с. 90.
2. Скифо-Сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. Предисловие, с. 5–8.
3. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925; M. Rostovtzeff. The Animal Style in South Russia and China. Princeton-New York, 1929. Подробный разбор взглядов М.И. Ростовцева на скифский звериный стиль содержится в статье В.А. Ильинской «Современное состояние проблемы скифского звериного стиля» // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 9–11.
4. Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М., 1994, с. 20.
5. Перевозчикова Е.В. Язык звериных образов..., 1994, с. 21.
6. Шкурко А.И. Скифское искусство звериного стиля (по материалам Лесостепной

Скифии) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. М., 2000, с. 306–308.

7. Хазанов А.М., Шкурко А.И. Социальные и религиозные основы скифского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 43–44.

8. Фиалко Е.Е. Искусство скифов. Николаев, 1997, с. 2.

9. Фиалко Е.Е. Искусство..., 1997, с. 2.

10. Либеров П.Д. Локальные особенности звериного стиля среднедонской культуры и отражение связей с внешним миром // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 141.

11. Либеров П.Д. Локальные особенности..., 1976, с. 141–143.

12. Шкурко А.И. О локальных различиях в искусстве Лесостепной Скифии // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 99.

13. Шкурко А.И. Там же, с. 99.

14. Гончарова Л.Ю. Искусство Лесостепного Подонья и Европейской Скифии в IV – начале III вв. до н.э.: черты сходства и различия // Верхнедонской археологический сборник, вып. 2. Липецк, 2001, с. 36–38.

15. Гончарова Л.Ю. Звериный стиль в искусстве населения Лесостепного Подонья в скифское время // Автореферат канд. дисс. Воронеж, 2001.

16. Ильинская В.А. Современное состояние проблемы скифского звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 9–29.

17. Ильинская В.А. Современное состояние..., 1976, с. 19.

18. Гуляев В.И. Зооморфные крючки скифского периода // Население Среднего Дона в скифское время. М., 1969, с. 111.

19. Гуляев В.И., Савченко Е.И. Новые находки предметов скифского звериного стиля в курганах Среднего Дона // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж, 1999, с. 201–202.

20. Савченко Е.И. «Забытый» курган из раскопок П.Д. Либерова // РА, № 2, 2006.

21. Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья. М., 2001, с. 189–190, рис. 29, 2–3.

22. Гуляев В.И., Савченко Е.И. Новый памятник скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху... М., 2004, с. 40, рис. 4, 4–7.

23. Корепанов К.И. О локальных различиях в искусстве звериного стиля Среднего Поволжья и Прикамья VII–III вв. до н.э. // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 68–69.

24. Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983, с. 172, рис. 18, 14–15; Крючок из Бажигана см. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1962, с. 15, рис. 17, 7.

25. Пузикова А.И. Курганные могильники..., 2001, с. 13.

26. Гуляев В.И., Савченко Е.И. Новые находки предметов скифского звериного стиля..., с. 204, рис. 1, 6–7.

27. Пузикова А.И. Курганные могильники..., 2001, с. 211, рис. 9, 1.

28. Гуляев В.И., Савченко Е.И. Роговой гребень скифского времени с территории Среднего Дона // РА, № 3, 1998, с. 145–148.

29. Гуляев В.И. Зооморфные крючки..., 1969, с. 112–114.

30. Гуляев В.И., Савченко Е.И. Новые находки предметов скифского звериного стиля..., 1999, с. 205–206.

31. Гуляев В.И. Общие проблемы археологии Среднего Дона // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху..., 2001, с. 16, 1–3.

32. Пузикова А.И. Курганные могильники..., 2001, с. 209, рис. 7, 1.

32а. Пузикова А.И. Курганные могильники..., 2001, с. 105, рис. 32, 13.

33. Замятнин С.Н. Скифский могильник «Частые Курганы»..., 1946, с. 19, рис. 6, 2.

34. Пузикова А.И. Курганные могильники..., 2001, с. 30, рис. 7, 1.

35. Гуляев В.И. Зооморфные крючки..., 1969, с. 114–115.

36. Гуляев В.И. Зооморфные крючки..., 1969, с. 119–120; он же. Резная кость из курганов скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Джона в скифскую эпоху..., 2004, с. 30, рис. 8.

37. Гуляев В.И., Савченко Е.И. Новый памятник скифского времени..., 2004, с. 40, рис. 4, 8–9; Пузикова А.И. Курганные могильники..., 2001, с. 231, рис. 29, 7; Гуляев В.И. Общие проблемы археологии Среднего Дона..., 2001, с. 49, рис. 18, 2.

38. Гуляев В.И. Зооморфные крючки..., 1969, с. 115; Гуляев В.И., Савченко Е.И. Новые находки предметов скифского звериного стиля..., с. 204.

39. Либеров П.Д. Локальные особенности звериного стиля..., 1976, с. 141.

40. Хазанов А.М., Шкурко А.И. Социальные и религиозные основы скифского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 42–44.

Глава IX. Средний Дон и его ближайшие соседи

1. Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968; Кулатова И.Н., Луговая Л.Н., Супруненко А.Б. Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла. Москва-Полтава, 1993; Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени. Северодонецкий вариант. Киев, 2000.

2. Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962; Либеров П.Д. Памятники скифского времени бассейна Северского Донца // МИА, № 113. М., 1962.

3. Граков Б.Н. Скифы. М., 1971, с. 146–150.

4. Граков Б.Н. Там же.

5. Кулатова И.Н., Луговая Л.Н., Супруненко А.Б. Курганы скифского времени..., 1993; Шрамко Б.А. Новые раскопки курганов в могильнике Скоробор // Древности. Харьков, 1994, с. 102–126.

6. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983, с. 10–14; Тереножкин А.И. Скифская культура // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1976, с. 17 и сл.

7. Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. Киев, 1968, с. 178.

8. Мелюкова А.И. (отв. ред.). Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР в 20 томах. М., 1989, с. 47.

9. Граков Б.Н. Скифы..., 1971, с. 148.

10. Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918, с. 35.

11. Ростовцев М.И. Эллинство и иранство..., 1918, с. 50.

12. Либеров П.Д. Этническая принадлежность населения Среднего Дона в скифское время // МИА, № 177. М., 1973, с. 113–115.

13. Ельницкий Л.А. Скифы евразийских степей. Новосибирск, 1977, с. 125.

14. Манцевич А.П. Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа // АСГЭ, Л., 1973, с. 41–42.

15. Ростовцев М.И. Воронежский серебряный сосуд..., 1914, с. 83.

16. Максименко В.Е. Савроматы и сарматы..., 1983, с. 5.

17. Березуцкий В.Д. Курган скифского времени на юге Воронежской области // Археологические памятники Восточной Европы. Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 2002, с. 119–124.

18. Копылов В.П. Население дельты Дона в V–IV вв. до н.э. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. ... М., 200, с. 164–165.

19. Миллер А.А. Раскопки в районе древнего Танаиса // ИАК, вып. 35, Спб., 1910; он же. Раскопки у ст. Елизаветовской в 1911 г. // ИАК, вып. 56, Спб. 1911.

20. Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону..., 1983, с. 165–167, рис. 11–13.

21. Максименко В.Е. Савроматы и сарматы..., 1093, с. 168–169, рис. 14–15.

22. Максименко В.Е. Савроматы и сарматы..., 1983, с. 172, рис. 18.

23. Ляпушкин И.И. Курганный могильник близ Карнауховского поселения // МИА, № 62, М., 1958, с. 317–322.

24. Мошкова М.Г. К вопросу о сарматах // Скифы и сарматы. Киев, 1977, С. 209–210.

25. Брашинский И.Б., Марченко К.К. Елизаветовское городище на Дону – поселение городского типа // СА, № 1, 1980.

26. Шилов В.П. Золотой клад скифского кургана // Древности Дона. Ростов-на-Дону, 1960, с. 52–69.

Глава X. Скифы Подонья и античный мир

1. Гуляев В. За сокровищами аримаспов // На суше и на море. М., 1973, с. 396–397.

2. Туровский Е.Я. Греческая колонизация Северного Причерноморья // Древний мир, № 1, Киев, 2001, с. 8.

3. Проблема первоначальной греческой колонизации в Северном Причерноморье в VII–VI вв. до н.э., ее причины, ее формы и этапы до сих пор служит предметом острых дискуссий в научных кругах. До недавнего времени в отечественной историографии существовали две основные концепции на этот счет: «торговая» (В.В. Латышев, М.И. Ростовцев, С.А. Жебелев, А.А. Иессен и др.) и «аграрная» (то есть, главная движущая сила колонизации – стремление греков метрополии захватить и освоить новые земли, пригодные для развития сельского хозяйства), главным пропагандистом которой был В.В. Лапин (см. его монографию «Греческая колонизация Северного Причерноморья», Киев, 1966). Общий анализ всех основных аспектов этой сложной темы содержится в статье известного российского историка, археолога и нумизмата Д.Б. Шелова «Проблема Греко-варварских контактов в эпоху греческой колонизации Северного Причерноморья» // ВДИ, № 2, 1994, с. 100–106.

4. Иевлев М.М. Роль водных путей при выборе места основания ранних греческих поселений на территории Северного Причерноморья // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы XII Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2007, с. 29–30.

5. Существует мнение специалистов о том, что в древности, при более низком уровне вод Черного моря, Березань была связана с материком узким перешейком (Молев Е.А. Эллины и варвары. На северной окраине античного мира. М., 2003, с. 63).

6. Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. Историко-этнографическое исследование. М., 1989; Доманский Я.В., Марченко К.К. Базовая функция раннего Борисфена // Borysthenika-2004. Материалы международной конференции к 100-летию начала исследований острова Березань Э.Р. фон Штерном. Николаев, 2004; Крыжицкий С.Д., Отрешко В.М. К проблеме формирования Ольвийского полиса // Ольвия и ее округа. Киев, 1986; Solovyov S.L. Ancient Berezan // Colloqua Pontica-4. Leiden, 1999.

7. Крапивина В.В. Ольвия и ее роль в эллинизации населения Побужья и Поднепровья // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия, Скифия, Боспор. Москва-Киев-Запорожье, 2007, с. 8.

8. Граков Б.Н. Греческое граффито из Немировского городища // СА, № 1, 1959.

9. Книпович Т.Н. К вопросу о торговых отношениях греков с областью реки Танаис в VII–V вв. до н.э. // ИГАИМК, № 104. Л., 1935.

10. Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону..., 1965, с. 99, таб. 30, 2.

11. Копылов В.П. Таганрогское поселение. Ростов-на-Дону, 1994.

12. Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–

III вв. до н.э. Л. 1980; он же. Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л. 1984.

13. Ростовцев М.И. Воронежский серебряный сосуд..., 1914, с. 83, 85–86.

14. Раевский Д.С. Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея // СА, № 3, 1970, с. 92, 98.

15. Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт..., 1980, с. 4–5.

16. Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт..., 1980, с.11, 89, 92.

17. Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция, т. I, М., 1983; Молев Е.А. Эллины и варвары..., 2003, с. 148.

18. Скржинская М.В. Скифия глазами эллинов. Спб., 2001, с. 175.

19. Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. Спб., 2005, с. 32–33, 48–49.

20. Журавлев Д.В. На краю ойкумены // На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. М., 2002.

21. Козак Д.Н., Крыжицкая С.Д., Мурзин В.Ю. Былое украинской степи. Киев-Николаев, 1997, с. 22–23.

22. Шелов Д.Б. Проблема Греко-варварских контактов..., 1994, с. 103–105.

23. Козак Д.Н., Крыжицкий С.Д., Мурзин В.Ю. Былое..., 1997, с. 20.

24. Андреев Ю.В. Греки и варвары в Северном Причерноморье (Основные методологические и теоретические аспекты проблемы межэтнических контактов) // ВДИ, № 1, 1996, с. 12–13.

25. Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. Елизаветовское городище на Дону. Pontus Septentrionalis II. Танаис 2. М., 2000.

26. Там же, с. 8.

27. Там же, с. 8.

28. Там же, с. 32.

29. Там же, с. 176–180.

30. Там же, с. 122–124.

31. Копылов В.П. О проникновении пунийских товаров на Нижний Дон в IV в. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время. Материалы XI международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2006, с. 70–72.

32. Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. Елизаветовское городище на Дону..., 2000, с. 248–252.

33. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Вып. 1 (XIX) и 2 (XX). Спб., 1992. Это переиздание первоначальной публикации: В.В.Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Приложение к «Запискам Императорского Русского Археологического Общества, т. 1, 1890–1900, т. 2, 1904–1906. Спб. В 1947–1950, 1952 гг. эта работа была издана как приложение к журналу «Вестник древней истории».

34. Материалы археологических раскопок античных древностей в Северном Причерноморье на 1984 г. собраны в томе «Археологии СССР» – «Античные государства Северного Причерноморья». М., 1984. Информацию об исследованиях последних лет можно найти в сборнике: «Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия, Скифия, Боспор. Москва-Киев-Запорожье, 2007.

Глава XI. Восточные соседи скифов

1. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953; Он же. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960; Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950.

2. Полосьмак Н.В. «Стерегущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994.

3. Куклина И.В. Этнография Скифии по античным источникам. Л., 1985, с. 170.

4. Черников С.С. Древнее горное дело в районе г. Степняк // Известия АН Казахской ССР. Серия археологическая, вып. 1, Алма-Ата, 1948.

5. Радлов В.В. Сибирские древности: из путевых заметок по Сибири // ЗРАО. Нов. сер. т. 7, вып. 3/4. Спб. 1895.

6. Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.

7. Пшеничнюк А.Х. Олени Филипповки // Золотые олени Евразии. Спб., 2003, с. 9–31; Pshenichniuk A. The Filippovka Kurgans at the Heart of the Eurasian Steppes // The Golden Deer of Eurasia, New York, 2001, pp. 21–30. После А.Х. Пшеничнюка дальнейшие исследования Филипповского могильника, включая и один из крупнейших его курганов – № 4, были осуществлены в последние годы экспедицией Института археологии Российской Академии наук во главе с Л.Т. Яблонским. В популярной форме итоги этих впечатляющих работ недавно были изданы: «Сокровища сарматских вождей (материалы раскопок Филипповских курганов)». Оренбург, 2008.

8. Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М., 2005. Усть-уртской группе каменных изваяний посвящены стр. 134–136.

9. Ольховский В.С., Галкин Л.Л. Культовый комплекс на Усть-Урте: предварительное сообщение // СА, № 4, 1990; Ольховский В.С., Галкин Л.Л. К изучению памятников Северо-Восточного Прикаспия эпохи раннего железа // РА, № 4, 1997.

10. Диодор Сицилийский. Библиотека. II, 43.

11. Акишев К.А. Курган Иссык. М., 1978.

12. Черников С.С. Загадка золотого кургана. М., 1965, с. 8.

13. Черников С.С. Загадка..., 1965, с. 21.

14. Черников С.С. Загадка..., 1965, с. 43–44.

15. Рассказ археолога Н.В. Полосьмак о начале своих работ на высокогорном плато Укок (Алтай) приводится здесь из ее популярной статьи, опубликованной в журнале «Наука и Жизнь» от 1992 г. Однако великолепный научный анализ всех добытых Натальей Викторовной ценнейших археологических материалов содержится в монографиях: «Стерегущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994 и «Всадники Укока», Новосибирск, 2001.

Результаты многолетних и междисциплинарных исследований ученых России и Европы алтайских погребений в «ледяных» гробницах Укока обобщены в капитальной публикации «Феномен алтайских мумий». Новосибирск, 2000 г.

16. Обширную литературу по археологии и истории восточных соседей Скифии можно найти в фундаментальном издании: «Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время» // Археология СССР в 20 томах. М., 1992.

Заключение. Гибель Скифии

1. Великая Скифия. Киев-Запорожье, 2002, с. 38–39.

2. Максименко В.Е. Проблемы этнической интерпретации нижнедонских памятников скифской эпохи // ВДИ, № 2, 2004, с. 133–137.

3. Максименко В.Е. Население междуречья Дона и Северского Донца в V–III вв. до н.э. (савроматы, сирматы, сарматы) // Скифы и сарматы в V–III вв. до н.э. М., 2000, с. 181–183; Мошкова М.Г. К вопросу о сирматах // Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 209–210.

4. Коваленко А.Н. Население Нижнего Дона во второй половине IV – первой трети III вв. до н.э. (по материалам погребальных комплексов) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время. Материалы XI Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2006, с. 51–55.

5. Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. Елизаветовское городище..., 2001, с. 252.

6. Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // Донские древности, вып. 5. Азов, 1997, с. 14.

7. Медведев А.П. Новые материалы о финале лесостепной Скифии // Донские древности, вып. 5, Азов, 1997, с. 51.

8. Там же, с. 55–58.

9. Радзиевская В.Е. Основные итоги раскопок Коломакского городища // История и археология Слободской Украины. Харьков, 1992.

10. Медведев А.П. Новые материалы о финале..., 1997, с. 59.

11. Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1983, с. 9.

12. Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Сарматы и гибель «Великой Скифии»..., 1997, с. 11–18.

13. Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. Спб. 2003, с. 251.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ – Вестник древней истории
СА – Советская археология
РА – Российская археология
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
МАР – Материалы по археологии России
МИА – Материалы по археологии СССР
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа, Ленинград – Санкт-Петербург
ИАК – Известия императорской археологической комиссии
ОАК – Отчеты императорской археологической комиссии
СЭ – Советская этнография
ИГАИМК – Известия Государственной Академии Истории Материальной Культуры
ЗРАО – Записки Русского Археологического Общества
АС – Археологический Съезд
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии Наук
АО – Археологические открытия
Спб. – Санкт-Петербург
Л. – Ленинград
М. – Москва
САИ – Свод археологических источников
ВУАК – Воронежская Ученая Архивная Комиссия
ВСЛЭ – Воронежская скифская лесостепная экспедиция
АН СССР – Академия Наук Союза Советских Социалистических Республик
ВГУ – Воронежский Государственный Университет
ВГПИ – Воронежский Государственный Педагогический Институт
ВГПУ – Воронежский Государственный Педагогический Университет
РГНФ – Российский Гуманитарный Научный Фонд

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия 3

Глава I. Среди лесов и полей 11

Глава II. История изучения скифских древностей Среднего Дона 26

Глава III. Рассказ об одной экспедиции 50

Глава IV. Амазонки: легенды и действительность 88

ГлаваV. Заговорившие древности: поселения и городища Донской земли 123

Глава VI. Загадки донских курганов 148

Глава VII. Вооружение и войско среднедонских скифов 180

Глава VIII. Искусство донских скифов 209

Глава IX. Средний Дон и его соседи 244

Глава X. Скифы Подонья и античный мир 271

Глава XI. Восточные соседи скифов 290

Вместо заключения. Гибель Скифии 319

Примечания 328

Список сокращений 342

Гуляев Валерий Иванович
На восточных рубежах Скифии
(древности донских скифов)

Научное издание

Дизайн и верстка: С.В. Кожушков

Подписано в печать 20.02.2010. Формат 60x84/8
Усл.печ.л. 43,0. Уч.-изд.л. 36,5. Тираж 500 экз. Зак. №

Институт археологии РАН
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в ЗАО "Гриф и К", 300062, г. Тула, ул. Октябрьская, д. 81-а